

Э. Д. Бульвер-Литтон
Странная история

A STRANGE STORY

by

Edward Bulwer Lytton

1862

Э. Д. Бульвер-Литтон

Странная история
роман

Перевод с английского Ю. С. Горшковой

При оформлении обложки была использована
работа Генри Вильяма Пикерсгилла
«Портрет лорда Литтона»

Самара
2012

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В 1865 году в типографии А. А. Краевского в Петербурге вышло в свет 2-е издание романа Бульвера «Странная история». В 1904 году, также в Петербурге, появилось ещё одно издание этого произведения в переводе М. Дубровиной. С тех пор русский перевод, по-видимому, не переиздавался. Никаких других упоминаний о нём мне обнаружить не удалось, также как и сам текст «Странной истории» на русском языке. Так что мне ничего не оставалось, как сделать свой перевод этого романа.

«Странная история» Бульвера-Литтона вместе с двумя другими его романами, «Занони» и «Грядущая раса», входит в число произведений, наиболее дорогих его сердцу, в которые он вложил все силы своего духа, укреплённые чтением разнообразной литературы по тайным наукам и инстинктивным пониманием и умением ориентироваться в духовных учениях Запада и Востока. Эти таинственные романы, где Бульвер-Литтон развивает свою теорию магии, стоят особняком в его творчестве. В них действуют существа, принадлежащие совсем другой, сверхчувственной, сфере реальности. Мир предстаёт читателю сквозь призму гнозиса, неоплатонизма, каббалы, алхимии и учения розенкрейцеров XV-XVIII веков¹.

Герой «Странной истории» — молодой врач, за отказ верить в существование души наказанный ужасным столкновением с безжалостным убийцей, ищущим эликсир жизни. В романе описываются необычные ментальные способности, позволяющие управлять другими людьми на расстоянии при помощи силы воли².

Очень надеюсь, что читатель разделит со мной радость от встречи с этим удивительнейшим произведением замечательного английского писателя Эдварда Бульвера-Литтона.

¹ Г. Пархоменко.

Розенкрейцеровский роман Эдварда Бульвер-Литтона. Эссе о другой действительности. [1]
(В сносках в квадратных скобках указывается номер источника, откуда взят материал к сноске. См. список использованных источников в конце книги.
Здесь и далее в сносках примечания переводчика.)

² П. Вашингтон [2].

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из многих известных мыслителей, чьи философские системы оказали влияние на развитие философской мысли современности, Виктор Кузен³ выделяет Мен де Бирана⁴ и отводит ему особое место.

О последовательно развивавшем свою мысль Мен де Биране можно упомянуть, чтобы показать перемену, наметившуюся в европейской мысли с конца прошлого столетия. Он начал свою карьеру философа, слепо веря в теории Кондиллака⁵ и Материализм. В процессе поиска истины и преодоления затруднений ум его расширялся, и его взору предстали феномены, которые теории Кондиллака о восприятии оставляли без объяснения. К первой, рудиментарной жизни человека, или животной жизни, «характеризующейся впечатлениями, желаниями, действиями, органическими по своей сути и подчиняющимися Закону Необходимости» [1]⁶, он был вынужден добавить «вторую, или человеческую жизнь, из которой возникают свободная Воля и Самосознание». Таким образом, он пришёл к соединению мысли и материи. Но при этом ещё чего-то недоставало — некоего ключа к удивительному, к чудесам, которые не могут быть объяснены ни одним из этих условий существующей жизни. И в результате великий Мыслитель пришёл к существованию третьей жизни, жизни человеческой Души.

«Нет, — пишет этот философ в заключении к своей последней и самой возвышенной работе, — нет только двух принципов, противопоставляемых друг другу в Человеке. Их три. Так как в нём живут три жизни и три вида способностей. Хотя все они должны находиться в гармонии между собой, более высокая природа в Человеке, третья жизнь, не бывает удовлетворена. Она может дать почувствовать истину, что существует другое счастье, другая мудрость, другое совершенство, — выше самого большого человеческого счастья, выше самой высокой мудрости или интеллектуального и нравственного совершенства, какие только могут представляться человеческому существу» [2].

Поскольку и Философия, и Роман опираются на Принцип Чуда, то в «Странной истории», предлагаемой вашему вниманию, будет показано, что Роман через широкое проявление самых невероятных чудес ведёт своего изумлённого героя к той же самой цели, к которой ведёт Философия своего последователя, через более грандиозные чудеса Природы, более высокое проявление Сверхъестественной Силы, которые можно отнести к Воображению. И эта цель определена в следующих словах:

«Связи, существующие между тремя жизнями Человека, — предмет размышлений, прекрасный, но в то же время очень сложный. Стоическая Философия показывает нам всё, что может быть наиболее возвышенным в деятельной жизни. Но она абстрагируется от животной природы и оказывается совершенно неспособной признавать всё, что относится к жизни духа. Её практическая нравственность превышает силы человечества. А Христианство открывает для Человека свои объятия. Оно не скрывает ни одну из сторон его натуры и вбирает в себя его страдания и слабости, чтобы вести его, подавая большую помощь» [3].

В приведённых отрывках я вижу цель, ради которой и был написан этот роман. И я привожу их из

³ **Виктор Кузен** (фр. Victor Cousin) (28 ноября 1792, Париж — 14 января 1867, Канны) — фр. философ и политический деятель.

⁴ **Мен де Биран** (фр. Maine de Biran) Мари Франсуа Пьер Гонтье де Биран (Gonthier de Biran) (29 ноября 1766, Бержерак — 20 июля 1824, Париж) — фр. философ и политический деятель. Критик сенсуализма. В 1820-х гг. развивал идеи христианской метафизики. Идеи Мен де Бирана оказали влияние на развитие философии во Франции (Т. С. Жуфруа, В. Кузен) и в России (П. Е. Астафьев, Л. М. Лопатин).

Мен де Биран выступал за твёрдое и неукоснительное соблюдение религиозных принципов в общественной жизни. Мистицизм, как «Третий путь», стал итогом его долгих философских исканий. По мысли де Бирана «Третий путь» возможен благодаря двум основополагающим инструментам познания:

«...медитации, истекающей из мыслительной деятельности человека, но поставленной на службу божеству, и молитве, являющейся способом приближения к божественному смыслу жизни» [3].

⁵ **Кондиллак Этьен Боннот** (фр. Condillac) (1714 — 1780) — фр. философ, экономист и логик. Был главным фр. философом, развивавшим идеи англ. мыслителей: Локка, Беркли и др. Он утверждал, что все идеи и все умственные операции рождаются в процессе прохождения внешних впечатлений через внешние чувства. Идеи его экон. работ по сей день являются основополагающими. Он создал концепцию взаимодействующих рынков и конкуренции, развил теорию полезности, включив в неё такое понятие, как «дефицит ценности». Он впервые утверждал, что ценность зависит от полезности товара относительно субъективных потребностей тех, кто использует товары, соответственно увеличиваясь или уменьшаясь в те моменты, когда эти потребности становятся более или менее интенсивными. Он соединил эти изменения со степенью дефицита [4].

⁶ Примечание Бульвера-Литтона, см. в конце предисловия.

желания взять на себя одно из тех бесценных обязательств, которые произведения, более лёгкие и более фантастические, часто берут на себя перед мыслящими людьми, наиболее серьёзными и глубокими.

Я создал роман, который, как литературное произведение, должен вызвать интерес и у самого обыкновенного читателя. Я не старался детально разработать трактат, поддающийся логике мудрецов. И только в отдельных случаях «беллетристическое повествование» уступает место «суровой действительности».

Рискну предположить, что никто не станет подвергать сомнению мою привилегию пользоваться удивительным посредничеством, какое только когда-либо могло служить романисту.

Критики заявляют, что для высшей формы романтического повествования, Эпической Поэмы, сверхъестественная структура совершенно необходима. Драма пользуется теми же правами, что и Эпическая Поэма, и было бы излишним говорить об этом соотечественникам Шекспира или тем, кто ещё разгадывает загадки «Фауста» Гёте. Роман в прозе ещё в незапамятные времена отстоял своё право, не меньшее, чем права упомянутых жанров, погружаться в сферу Удивительного. Интерес к сверхъестественному обнаруживается уже в ранних романах античности, которые, вероятно, ведут своё происхождение от утерянных романов Милета. [4] И с тех пор право вызывать подобный интерес укрепились за Романом вне зависимости от его формы и содержания — от величественной эпопеи «Телемах» до грациозной фантазии «Русалка» или от «Приключений Гулливера» до сравнительно обыкновенных историй, ещё не преданных забвению, — «Замок Отранто»⁷ и «Старый английский барон»⁸.

Сейчас я думаю, что истинная причина, по которой сверхъестественное столь необходимо Эпической Поэме, заключается в том, что Эпическая Поэма — самый высокий и совершенный жанр, в котором Искусство может отразить Человека или Природу, и без этого налёта сверхъестественного Человек не человек и Природа не природа.

Мыслитель, которого выдающаяся философская критика справедливо наделила эпитетом «набожный и глубокий» [5], говорит следующее:

«Разве неразумно признать, что мы верим в Бога, не потому, что Природа скрывает Его, а по причине Сверхъестественного в Человеке, — причине, которая одна обнаруживает и доказывает Его существование? ... Человек открывает Бога, поскольку Человек благодаря своему уму возвышается над Природой. И благодаря своему уму он сознаёт в Нём силу, способную сопротивляться, побеждать и управлять ей» [6].

Если смысл, заключённый в этом аргументе, из которого я здесь привёл только скудные выдержки, будет тщательным образом изучен, думаю, тогда мы придём к более глубоким причинам, чем те, к которым пришли критики, установившие, почему сверхъестественное является неотъемлемой частью Эпической Поэмы и почему оно позволительно для всех произведений, где Искусство смотрит на Природу с присущим Человеку внутренним ощущением чего-то стоящего над ней, выше неё.

Но если Писатель в стихах или прозе решил коснуться Чудесного, он может достичь своей цели только в зависимости от того, смогут ли описываемые им чудеса вызвать интерес у читателя, к которому он обращается.

В наши дни очень заметно развивается способность устанавливать причинно-следственные связи. Теперь люди не восторгаются Чудесным с прежним ребяческим воодушевлением. Они говорят в один голос: «Очень необыкновенно!» и тут же прибавляют: «Как вы это объясняете?» Если Автор этого романа и позаимствовал у науки некоторые основы знания, то он надеется, что ни один из мыслящих читателей, и уж тем более ни один из сыновей науки, не решит упрекать его в этом. В самом деле, подобные иллюстрации от великих мастеров Мысли были необходимы для завершения образа, созданного романом.

Я буду обращаться к науке в тех случаях, когда повествование будет затрагивать её. Читатель, способный воспринимать символический смысл, скрытый в романе, вероятно, обнаружит в нём нечто жестокое или наоборот мелодраматическое. Но всё это оправдано и в конце произведения сойдётся одно с другим.

Конечно, в соответствии с очевидными принципами искусства, автор, пишущий беллетристику, должен быть до конца искренним, как если бы он писал о самых настоящих фактах. Ни одна самая не-

⁷ «Замок Отранто» (англ. The Castle of Otranto) — роман англ. писателя Хораса Уолпола (Horace Walpole), опубликованный в 1764 году, первое произведение в жанре готического романа.

⁸ «Старый английский барон» (англ. The Old English Baron) — готический роман англ. писательницы Клары Рив (Clara Reeve), последовательницы Хораса Уолпола. Впервые опубликован под таким названием в 1778 году.

вероятная вымышленная история не сможет пробудить и поддерживать интерес у слушателя, даже самого нетребовательного, если рассказчик не верит в то, о чём говорит. Но если читатель всерьёз возьмётся за «Странную историю», он, вероятно, обнаружит за фабулой романа, очертания образов, над которыми стоит порассуждать. Прежде всего, это образ чувственной, познаваемой через восприятие, бездушной Природы, такой, какой она предстаёт перед материалистом. Затем — образ Интеллекта, упрямо отделяющего свои знания от веры в духовные основы жизни и судьбы человека; образ Интеллекта, который постоянно находится в замешательстве и прибегает ко всем видам умозрительных рассуждений прежде, чем приходит, наконец, к простой вере, единящей мудреца и ребёнка. И, наконец, это образ заблуждающегося, но чистого мыслями мечтателя, который чрезмерно старается на земле отделить душу от плоти, скитается между небом и землёй и который настолько простодушен, что позволяет призраку сбить себя с истинного пути. Есть ли в этом какая-либо истинная ценность, каждый читатель должен решить для себя самостоятельно. Но если он будет сомневаться или отрицать, что такая истина есть, то в ходе размышлений он случайно может натолкнуться на ту истину, которая будет готова ему открыться.

«Большинство басен Эзопа, — пишет Монтень в своей изумительной главе «О книгах», — многосмысленны и многообразны в своём значении. Те, кто истолковывает их мифологически, выбирают какой-нибудь образ, который хорошо вяжется с басней, но для многих это лишь первый попавшийся и поверхностный образ; есть другие более яркие, более существенные и глубокие образы, до которых они не смогли добраться: так же поступаю и я»⁹.

Э. Д. Бульвер-Литтон

[1] *OEuvres inedites de Maine de Biran*, том I. См. введение.

[2] *OEuvres inedites de Maine de Biran*, том III, стр. 546 (*Anthropologie*).

[3] *OEuvres inedites de Maine de Biran*, том III, стр. 524.

[4] “*The Golden Ass*” of *Apuleius*.

[5] Уильям Гамильтон «Лекции по метафизике» (*Sir William Hamilton: Lectures on Metaphysics*), стр. 40.

[6] *Jacobi: Von der Gottlichen Dingen; Werke*, стр. 424-426.

⁹ М. Монтень. Опыты. Книга 2-я, глава X, стр. 482. Перевод с фр. Ф. А. Когана-Вернштейна [5].

ГЛАВА 1

В 18** году, будучи врачом, я поселился в Л****¹⁰, одном из богатейших городов Англии. Я был ещё молод, но уже приобрёл своей профессиональной работой некоторую репутацию. Я учился в прославленных школах медицины Эдинбурга и Парижа. Студентом я посещал основные европейские города с рекомендательными письмами к выдающимся врачевателям того времени, собирая из множества теорий и способов лечения руководства для занятий практикой. Я решил перебраться в Лондон на постоянное место жительства. Но прежде чем завершилась поездка, решение моё изменилось под влиянием одного из тех неожиданных событий, которые определяют судьбу человека. В маленьком городке на севере Италии на небольшом постоялом дворе я встретил англичанина-путешественника, охваченного острым воспалением лёгких. Ему угрожала смертельная опасность, но здесь никто не смог бы оказать ему медицинскую помощь. Я провёл с ним ночь и день; и, возможно, в большей степени благодаря моим заботам сиделки, чем лекарствам, наступило полное выздоровление. Путешественник был никто иной, как Юлий Фабер, выдающийся врач, который родился и жил в провинциальном городке Л****. Его известность как талантливого специалиста по различным патологиям была довольно широка, и его работы составили немаловажную часть моих исследований. Его силы, подорванные тяжёлой болезнью, теперь были восстановлены. Так, случайно встреченный мною пациент положил начало моей профессиональной удаче. Он привязался ко мне, быть может, излишне нежно, так как он был бездетным холостяком, а племянник, который мог бы унаследовать его богатство, не проявил желания унаследовать также и то дело, которым это богатство было приобретено. Таким образом, имея прямого наследника, он долго искал наследника и теперь решил остановить свой выбор на мне. Когда мы расставались, д-р Фабер обещал вести со мной переписку, и действительно вскоре он прислал письмо, в котором рассказал о своих планах относительно меня. Он написал, что стареет; практика отнимает у него много сил; ему нужен помощник; что он не намерен рисковать здоровьем пациентов, к которым относится как к своим детям. Деньги — не главное для него. А что беспокоит его — так это его репутация и человечество, которому он служит. А оно не должно пострадать от неправильного выбора преемника. В итоге он предложил мне приехать к нему в Л**** в качестве своего помощника и продолжить его дело.

Предоставленная мне счастливая возможность была одним из редких подарков, которые судьба может преподнести молодому человеку, вступающему в свою профессию. Более чем самой неожиданной удачей, я был очарован надеждой стать известным, очарован человеком, так великодушно предложившим мне свою неоценимую помощь, человеком, желавшим поделиться со мной своим бесценным опытом и уверявшим, что работа в большом городе не является необходимым условием для общественного признания.

И я приехал в Л****. Вскоре мой успех оправдал выбор моего друга и мои собственные ожидания. Я применял самые лучшие лекарства для лечения больных. Во мне росла уверенность в своих силах, я был рад открывавшейся передо мной карьере врача. Вероятно, существовали не связанные с профессиональным мастерством обстоятельства, которые способствовали быстроте и лёгкости, с которыми я начал свой путь. Благодаря случайности моего рождения и судьбы меня не могли заподозрить в авантюре. Я принадлежал к старинному, некогда процветающему, роду Фенвиков, у которых было имение неподалёку от Виндермера. Достигнув совершеннолетия, я, будучи единственным сыном, унаследовал это имение, но решил продать его, чтобы рассчитаться с долгами, оставленными мне отцом, у которого была страсть к коллекционированию антиквариата. С оставшимися деньгами я мог чувствовать себя независимым. Юридически я не был обязан выплачивать долги, но посчитал это необходимым для себя, так как бескорыстие и честность, достигнутые прилежанием и талантом, всегда располагают к себе людей. Параллельно с изучением медицины я развивал свою эрудицию. И, возможно, благодаря моим усердным занятиям я смог легко овладеть профессиональными навыками. Одним словом, я занял своё место в обществе и не навлёк на себя зависть окружающих, которая обычно отравляет жизнь и препятствует достижению успеха.

Через два года д-р Фабер перестал работать и уехал в длительное путешествие за границу. Он был уже пожилым, но ещё полон сил, с неистребимой привычкой к исследованиям. Поначалу мы часто переписывались, но постепенно письма от него стали приходить всё реже, и, в конце концов, наше общение с ним прекратилось.

Большая часть практики, созданная тридцатилетними трудами моего предшественника, перешла ко мне. Моим главным соперником был д-р Ллойд, человек доброжелательный, пылкий; не без одарён-

¹⁰ ... в Лутоне?

ности, если может существовать одарённость там, где отсутствует всякий здравый смысл; не без сноровки, если может существовать сноровка с вечными промахами, — в общем, он был одним из тех талантливых беспорядочных людей, которые не способны отдавать своей профессии всю силу и жар своего сердца. Обычно такие люди выполняют работу механически, потому что, выполняя своё мнимое предназначение, они находят для себя другие, более интересные занятия. Поэтому в своих делах они редко проявляют изобретательность и редко принимают смелые решения. Но во всех своих занятиях они проявляют невоздержанность. И, когда им приходят в голову новые идеи, связанные с их работой, они лелеют их с упорной настойчивостью и нелепой страстью, неизвестной тем философам, которые тщательно исследуют новые мысли, что приходят к ним каждый день, систематизируют, что-то корректируют или оставляют без изменений, опираясь на свой жизненный опыт и свои догадки.

Задолго до того, как стать более или менее сносным врачом, д-р Ллойд был учёным-естествоиспытателем. В юности, несмотря на нужду, он сумел, тем не менее, развиваться, и с каждым годом росла его коллекция животных. К счастью владельца жилья, это были забальзамированные животные и чучела. Покажется удивительным, но карьера д-ра Ллойда как врача не была блестящей. За последние годы он состарился, недостаточно усердно работал, и в течение своей жизни он не пришёл к такому состоянию, когда нет места зависти.

Сейчас в Л**** существовало два совершенно разных социальных круга — богатые купцы и торговцы, жившие в Нижнем городе, и несколько привилегированных семей, проживающих вдали от центра торговли, в месте, названном Аббатской Возвышенностью. Эти ареопагиты¹¹ с Аббатской Возвышенности оказывали воздействие на женскую половину населения Нижнего города, которой Л****, за исключением самой Возвышенности, был обязан своим благосостоянием.

Аббатская Возвышенность не была богатой, но здесь находилось всё необходимое, и по своему устройству она напоминала маленькое королевство. Здесь были своя собственная модистка, торговец тканями, торговец чаем, собственный кондитер, мясник и булочник. Магазины Аббатской Возвышенности не были дешёвыми, возможно, не были самыми лучшими, но, несомненно, производили сильное впечатление. Их владельцы были довольно напыщенны, а продавцы — надменно вежливы. Владельцы не смогли бы быть другими, даже если бы их магазины находились в центре города среди множества других подобных магазинов, и если бы им приходилось платить людям, которые работали у них и которых они презирали. Женщины из Нижнего города заходили в эти магазины с некоторым страхом, а покидали их с гордостью. Они знали о том, что одобрялось на Аббатской Возвышенности, и поэтому покупали только то, что покупали её жители. Очень часто в жизни мы боимся осуждения со стороны других людей, поэтому очень важно в жизни быть уверенными, что мы правы. Раньше на Аббатской Возвышенности был собственный врач. Но в последние годы работы моего предшественника нужда в нём отпала. В то время на Аббатской Возвышенности было много лазаретов для смертельно больных, и считалось нецелесообразным лечить их. Превосходство же Юлия Фабера над всеми другими врачами города стало таким неоспоримым, что, хотя он уже был врачом Нижнего города, главой его больниц и лазаретов, Аббатская Возвышенность великодушно решила не прибегать к услугам других специалистов, когда узнала, что в Нижнем городе работает один из самых известных врачей Англии.

Когда д-р Фабер уехал, я самонадеянно ожидал, что на Возвышенности не появится её собственный врач и мне будет оказано то же расположение, что и д-ру Фаберу, который объявил меня достойным унаследовать его доброе имя. Такое моё предположение можно было объяснить, потому что я уже посещал больных на Возвышенности, мне говорили много приятных слов о порядочности моей семьи, семьи Фенвиков, и присылали приглашения на обед и ещё больше приглашений на чай.

Но по моему тщеславию был нанесён удар. Аббатская Возвышенность объявила, что пришло время восстановить прежний порядок, — она должна сама выбрать себе врача, который мог бы, конечно, посещать Нижний город, из чувства гуманности или из-за денег, и закрепить свою верность Возвышенности, поселившись на этом почтенном Холме. Мисс Брабазон, старую деву без определённого возраста, но с известной родословной, с малыми деньжонками, но с большим чутьём на них, которое она пе-

¹¹ Предположительно от имени Дионисия Ареопагита, жившего в I веке в Афинах и создавшего религиозно-философское сочинение «Ареопагитики» о божестве как сверхразумном тождестве бытия и небытия.

Ареопаг (букв. — холм Ареса, др.-греч. бога войны) — 1) в Древних Афинах орган власти, осуществлявший гос. контроль, суд и др. функции; состоял из пожизненных членов — представителей родовой аристократии. 2) (Перен.) собрание авторитетных лиц для решения к.-л. вопросов [6, стр. 74].

реняла от Хамфри, Герцога Глостера¹² (с ним, у меня нет никаких сомнений, несмотря на хронологию, она очень часто обедала), уполномочили навести справки обо мне. Но она хотела разузнать (без согласия Возвышенности) ещё кое-что, а именно, смогу ли я снять большой старинный особняк, расположенный на краю Холма, в котором много веков назад жили аббаты и который в народе называли Аббатским домом. Только в этом случае Возвышенность могла бы рассмотреть мою кандидатуру.

— Я утверждаю, что это слишком большой дом для холостяка, — прямо заявила мисс Брабазон и добавила, бросив в сторону взгляд, полный тревожной нежности, — но д-р Фенвик уже упрочил своё положение среди нас и, если только захочет, то недолго пробудет холостым.

Я ответил, довольно резко, чем того требовал случай, что у меня даже и мыслей не было сменить моё место жительства и, если Аббатская Возвышенность захочет видеть меня своим врачом, то пришлёт за мной.

Два дня спустя д-р Ллойд занял Аббатский дом, и меньше, чем через неделю, он был объявлен медицинским советником Холма. На такой выбор повлияло мнение женщины, являющейся главным лицом на Возвышенности. Она была женой полковника Пойнтса.

— Д-р Фенвик, — сказала она, — умный молодой человек, джентльмен, но позволяет себе выставиться напоказ. Возвышенность не допускает этого. Кроме того, он недавно приехал, противится новой обстановке и, несомненно, всему новому, за исключением романов; один из тех, кто сохраняет старые привычки. Поэтому я советую, чтобы д-р Ллойд занял Аббатский дом. К тому же квартирная плата была бы для молодого человека слишком высока, если бы её не снизили в память о доверии, с которым к нему отнеслись сначала. Я сказала ему, что все мои друзья, в случае если им потребуется врач, могут послать за ним. И они так и сделают. Вопрос решён.

Вскоре, таким образом, д-р Ллойд стал посещать больных на Аббатской Возвышенности, что точно не обещало ему золотых гор, и разделил со мной, в сравнительно меньшей степени, значительно более выгодную практику в Нижнем городе.

У меня не было причины испытывать недовольство из-за его успеха, нет. Но с моей точки зрения его диагнозы были поверхностны, а рецепты устарели. Когда мы с ним собирались на общее совещание, наши взгляды на надлежащий курс лечения редко совпадали. Вероятно, он думал, что я должен был уважать его возраст, но я придерживался мнения, согласно которому истина и возраст вместе являются парадоксом, так как в науке на самом деле старшими являются молодые люди, потому что они обучались в то время, когда наука уже продвинулась далеко вперёд, тогда как старшее поколение было ограничено догмами, существовавшими десятилетия назад.

Тем временем моя репутация продолжала стремительно улучшаться. Весть обо мне распространилась далеко за пределы Л****, и даже больные из Лондона спрашивали моих советов. Честолюбие, зародившееся в ранней юности, теперь предрешило мою карьеру и подсластило все мои труды. Стремление выйти в люди, стать великим врачом, которому благодарно всё человечество, слава — вот что было моей целью.

Я знаю, не успеха, который обычно приходит с возрастом, я достиг за это время, а главной особенностью моего нравственного облика — чувства гордости за свои способности.

Мягкий и добрый по отношению к страдающим больным, вверенным моим заботам (что являлось обязательным условием при выполнении моих профессиональных обязанностей), я не терпел никаких возражений от тех, у кого было то же призвание, что и у меня, и даже от тех, кто, по общему мнению, опровергал мои теории. Я признавал школу врачебной философии, строгой в своей индуктивной логике. В своих убеждениях я был непреклонным материалистом. Я презирал людей, принимающих на веру то, что сами они не могли объяснить. Моим любимым словосочетанием было «здравый смысл». В то время у меня не было предубеждений против смелых открытий, основанных на догадках, но я отвергал как бесполезные любые догадки, которые нельзя было проверить на практике.

Я был последователем Кондиллака. Так же, как этот философ, я верил, что *«всем своим знанием мы обязаны Природе и можем обучаться, только постигая её уроки. Тем самым она подталкивает нас к развитию нашего искусства рассуждать»*. Разделяя естественную философию и веру в открытия, я никогда не нападал на последнюю, но я утверждал, что ни один мыслитель не мог прийти к заключению о существовании духа как третьего принципа, отличного от души и тела, и что вопрос о непрерывной жизни человека находится вне понимания и является вопросом веры. Я оставил веру религии и отделил

¹² **Хамфри** (Humphrey Duke of Gloucester) (1391 — 1447) — англ. дворянин, покровительствовал учёным и писателям.

To dine with Duke Humphrey (англ.) — обедать с герцогом Хамфри; шутл. — остаться без обеда, остаться ни с чем.

её от философии. Как можно определить, удовлетворив при этом логику философии, что можно жить снова? Тело? Мы знаем, что тело покоится в могиле до тех пор, пока не завершится процесс разложения, и оно не превратится в другую форму материи. Душа? Но ведь совершенно ясно, что душа является следствием существования тела, так же, как музыка является следствием существования музыкального инструмента. Мысль о душе, отделённой от дряхлого тела в его смертный час и полной сил, как в юности, могла навсегда повредить ум Платона или Шекспира. Но третий принцип — дух — что-то, находящееся внутри тела, который мог ещё и пережить его?

Где он был спрятан от нашего знания? Когда философы решились это определить, не перепутали ли они его природу и действие с природой и действием души? Не могли ли они свести его к простой нравственности, отличающейся у разных людей в соответствии с образованием, обстоятельствами и физическим строением? Но даже нравственность в самых добродетельных людях может быть сметена лихорадкой. Сейчас я пишу о взглядах, которых придерживался в то время (взглядах и не новых, и не составляющих удовольствия), но я лелеял их с таким упорством, как если бы это была утешительная истина, первооткрывателем которой был я. Я был нетерпим к тем, кто отстаивал противоположные учения, презирая их как иррациональные, или чувствовал к ним отвращение как к неискренним. Конечно, если бы я завершил карьеру, предсказанную моим честолюбием, стал бы основателем новой школы в медицине и резюмировал свои теории в университетских лекциях, я бы немного изменил отношение к сектам, которые ограничивают интерес человека к жизни, сводящей его в могилу.

Возможно, то, что я называл гордостью за свои способности, я лелеял в большей степени, чем того требует самоуверенность. Природа наделила меня мускулами атлета. Среди молодёжи северных Афин¹³ я заметно выделялся своей энергией и силой. Несмотря на умственный труд и тревогу, которая неотделима от добросовестных обязанностей врача, у меня не было проблем со здоровьем, но я чувствовал, что моя необычная мускульная сила слабеет. Я шёл в толпе твёрдым шагом, противопоставляя себя другим. Таким образом, осознание своей индивидуальности, основанной на здравом смысле и физической силе, привычка помогать другим, не нуждаясь в помощи для себя, способствовали укреплению во мне силы воли и самонадеянности в суждениях. В моей работе не было недочётов, напротив: в ней было благородство, которое является основой для самоуважения и заставляет других относиться к тебе с уважением и доверием.

ГЛАВА 2

Я прожил в Л**** уже около шести лет к тому моменту, когда я внезапно оказался вовлечённым в ссору с д-ром Ллойдом. Просто, как только этот злополучный человек оказался на вершине своего профессионального успеха, он имел бесстыдство провозгласить себя не только восторженным сторонником гипноза как целебного метода, но и ревностным верующим в существование ясновидения как неоценимого дара. Этим учениям я неумоимо противопоставлял себя, возможно, даже слишком неумоимо, так как в них д-р Ллойд заложил аргумент о существовании духа, независимого от души, так же, как и от материи, и создал фантазии, которые, если бы были доказаны, перевернули бы всю систему метафизики.

За два года до этого он стал последователем скорее Пюисегюра¹⁴, чем Месмера¹⁵ (я верю, Пюисегюр в настоящее время был первым, кто дерзко заявил о своём даре ясновидения). Тогда д-р Ллойд потерял жену (она была на много лет младше его), которую горячо любил. И эта тяжёлая утрата напра-

¹³ **Северные Афины** — под таким названием в прошлом был известен город Эдинбург.

¹⁴ Арман, Мари-Жак де Шастне, **маркиз де Пюисегюр** (Puysegur) (1751 — 1825) — ученик Месмера, открыл сомнамбулическую стадию гипноза, описал явление постгипнотической амнезии и сообщил о возможности словесной связи с загнипотизированным лицом. Первым применил словесное внушение в качестве терапевтического метода.

В отличие от Месмера он никогда не наблюдал у своих пациентов конвульсий. Один из них, напротив, продемонстрировал однажды состояние «податливости», при котором он ни на мгновение не прерывал словесного диалога со своим магнетизёром. При пробуждении пациент ничего не помнил. Пюисегюр повторил этот опыт с другим пациентом и квалифицировал его как «вызванный сомнамбулизм». Согласно Пюисегюру, от десяти до двадцати пациентов давали подобные реакции; в этом случае «действие гипнотизёра на пациента сравнимо с действием магнита на магнитную стрелку». Пюисегюр так объяснял наблюдаемые феномены: «Вы усыпили его волевым актом, волевым актом вы его и разбудите» [7].

¹⁵ **Месмер Фридрих Антон** (Mesmer) (1734 — 1815) — знаменитый целитель, который вновь открыл и практически применил тот магнетический флюид в человеке, который называли животным магнетизмом, а с того времени — месмеризмом [8, стр. 260].

вила его мысли к вопросу о существовании загробного мира и сделала его более доверчивым к феноменам, в которых он увидел дополнительные доказательства духовного существования. Конечно, если бы, в оспаривании мыслей другого физиолога, я ограничил себя тем беспристрастным антагонизмом, которого придерживаются участники научных диспутов, страстно желающие добраться до истины, мне не нужны были бы объяснения, правдивые убеждения и доказательства. Но, когда со снисходительным добродушием, как к человеку, более молодому, чем он сам, д-р Ллойд, сам когда-то понятия не имевший о феноменах и сам когда-то отрёкшийся от них, пригласил меня посетить его сеансы и увидеть его лекарства, я настолько разозлился, что мне показалось необходимым положить этому конец, и я решил наступить на здравый смысл, чтобы подтвердить его исследование. Поэтому я написал небольшой памфлет, в котором использовал все средства, чтобы иронией выразить своё презрение. Д-р Ллойд ответил, а так как он не был умелым спорщиком, его ответ повредил ему, возможно, даже больше, чем моё нападение. Между тем я навёл справки о нравственных качествах его ясновидящих. Я предполагал, что узнал уже достаточно, чтобы оправдать моё отношение к ним как к возмутительным шарлатанам, а к нему как к доверчивому человеку, обманутому ими.

Вскоре Нижний город начал колебаться, за небольшим исключением с моей стороны. Возвышенность поначалу казалась расположенной к тому, чтобы сплотиться вокруг своего оскорблённого врача и оспорить этот вопрос, в котором могла бы блестяще победить, когда внезапно та же самая женщина, которая поддержала в своё время д-ра Ллойда и благоприютствовала его успеху, выступила против него, и Возвышенность посмотрела на него неодобрительно.

— Д-р Ллойд, — сказала Королева Возвышенности, — дружелюбный человек, но в этом вопросе он, несомненно, провалился. Поэты могут быть помешанными, это не так страшно. Но сумасшедшие врачи представляют опасность. Кроме того, требуя от Возвышенности одобрения своим действиям и нарушая её спокойствие своими дикими революционными теориями, д-р Ллойд предал принципы, которые поддерживаются Возвышенностью. В данном случае д-р Фенвик победил, и Возвышенность намерена поддержать его. Вопрос решён.

И вопрос действительно был решён.

Таким образом, с этого момента миссис Пойнтс дала словесное распоряжение, и д-р Ллойд как врач был уничтожен. Его практика погибла, так же, как и его репутация. Унижение или гнев нанесли по нему удар паралича, который сделал моего оппонента нетрудоспособным и, тем самым, положил конец нашей ссоре. Безвестный д-р Джойнс, ученик и протеже д-ра Ллойда, предложил ему свою кандидатуру, чтобы разузнать намерения Возвышенности. Возвышенность оказала ему небольшую помощь. Однажды лишённая своих избирательных привилегий, не настаивая на том, чтобы я исполнял обязанности их собственного врача, Возвышенность иногда звала меня к д-ру Ллойд, когда ему нужен был совет по поводу лечения. И снова меня приглашали, иногда на обед, чаще на чай. И снова мисс Брабазон уверяла меня, бросая взгляд в сторону, что нет её вины в том, что я ещё одинок.

Я уже почти забыл ссору, которая так неожиданно привела меня к триумфу, когда однажды зимней ночью меня разбудили, чтобы я срочно явился к д-ру Ллойд. Несколько часов назад у него случился новый удар, и у него было сильное желание спросить совета у соперника, который заставил его так тяжело страдать. Я быстро оделся и поспешил к его дому.

Холодная февральская ночь, сильный мороз, призрачная унылая луна. Я поднялся на Аббатскую Возвышенность по крутому тёмному переулку между высоких стен, прошёл через величественные ворота, которые были широко раскрыты, в сад, окружавший старый Аббатский дом. В конце короткой подъездной аллеи — тёмное мрачное здание, не загороженное голыми деревьями; луна льёт пронизательный холодный свет на крутой конёк крыши и высокий общий дымоход. Старая служанка встретила меня около двери и, не произнеся ни слова, провела по длинному низкому холлу. Мы поднялись по мрачной дубовой лестнице на широкую лестничную площадку, на которой она остановилась на мгновение, прислушиваясь. В холле, на лестнице, на лестничной площадке — везде были чучела диких животных из коллекции д-ра Ллойда — гордость всей его жизни. Я увидел ужасную анаконду с раскрытой пастью. Стены напротив, обшитые деревянными панелями, были увешаны футлярами с мумиями неизвестных животных, которые при свете луны, проникающем сквозь оконные стёкла, и свечи в руке старой служанки выглядели до безобразия уродливыми.

Женщина повернулась ко мне, кивком головы подала мне знак следовать за ней и направилась в тёмный коридор, заполненный гигантскими птицами — ибисами¹⁶ и стервятниками — со свирепым взглядом голодных глаз.

¹⁶ Ибис — длинноногая птица южных стран с оголёнными, не покрытыми пухом местами на голове и горле, считавшаяся священной у древних египтян [9, стр. 196].

Я вошёл в комнату больного и с первого взгляда понял, что моё искусство здесь бессильно.

Дети вдовца стояли вокруг его кровати. Старшему ребёнку на вид было около пятнадцати, младшему — четыре. Маленькая девочка — единственная девочка из детей — крепко держалась за шею отца, прижималась лицом к его груди, и её громкие рыдания раздирали тишину комнаты.

Как только я переступил порог, д-р Ллойд повернул голову, оторвав взгляд от плачущего ребёнка, и пристально стал всматриваться в меня. В его глазах было какое-то странное веселье, которое я не смог истолковать. Его распущенные волосы красивыми локонами лежали на его груди. Я, крадучись, тихо и медленно подошёл к нему, он сжал губы, жестом дал понять медицинской сестре, стоявшей у его подушки, чтобы она забрала девочку, и произнёс отчетливо (я и не ожидал от него такого голоса, так как на нём уже лежала печать смерти), чтобы медсестра и дети покинули комнату. Все тихо и скорбно вышли, только маленькая девочка рвалась из рук медсестры и продолжала рыдать, так как её сердце было разбито.

Я не был готов к такой волнующей сцене. Меня задело за живое. Я печально провожал глазами детей, которые один за другим скрывались в холодной темноте среди бескровных фигур онемевшей грубой природы, окружавших своей страшной вереницей комнату умирающего человека. Я печально провожал глазами детей, которым вскоре суждено было стать сиротами. И, когда исчезла последняя детская фигура и с резким дребезжащим звуком закрылась дверь, мой взгляд медленно блуждал по комнате, прежде чем я смог перевести его на фигуру разбитого болезнью человека, рядом с которым я стоял сейчас во всей своей цветущей силе, которой так гордился. Этот момент печального созерцания, весь вид комнаты оставили в моей душе неизгладимое впечатление на всю оставшуюся жизнь. Через высокое окно, сквозь тонкую выцветшую занавеску лунный свет, своим белым мерцанием напоминавший саван, проникал в комнату, освещал пол и терялся в темноте под кроватью. Потолок был низким и казался ещё ниже от тяжёлых перекрещивающихся балок, которых я бы мог коснуться головой. И высокая оплывающая свеча, и мерцание огня в камине бросали отблеск на потолок, на котором, как мрачная туча, вырисовывалась тень от моей головы.

Внезапно я почувствовал, что мою руку схватили: левой рукой д-р Ллойд (правая его сторона уже была безжизненной) притягивал меня всё ближе и ближе к себе, пока его губы не коснулись моего уха. Твёрдым, но хриплым и уже сдавленным удушьем голосом он сказал:

— Я позвал тебя, чтобы ты своими глазами увидел свою работу! Ты нанёс моей жизни удар в тот момент, когда я был так нужен моим детям, так полезен людям. Проживи я несколькими годами дольше, и мои дети успели бы вступить в пору зрелости, избежав нужды и необходимости просить милостыню. Благодаря тебе они будут нуждающимися сиротами. Юные существа опечалены болезнью, твоя фармакопея¹⁷ не смогла меня спасти, и они убедились в этом. «Эффект воображения», — говоришь ты. Что в том, что я использовал воображение в качестве лекарства? Ты обманул их надежды и отнял у них последний шанс в жизни. Они будут страдать и погибнут. Ты поверил мне по ошибке? Ты знал, что моей целью было исследование истины. Ты пошёл против своего брата своими ядовитыми лекарствами и своим ядовитым расследованием. Посмотри на меня! Ты доволен своей работой?

Я попытался отступить и вырвать свою руку из руки умирающего. Я не мог этого сделать без усилия, что могло бы показаться бесчеловечным. Но его губы ещё оставались совсем близко от моего уха.

— Тщеславный притворщик, не хвались тем, что своей гениальной эпиграммой ты принёс пользу науке. Наука снисходительна ко всем, кто проводит эксперименты, чтобы проверить свои догадки. Ты создан из того же материала, что инквизиторы. Ты плачешь, что истина осквернена, тогда как твои догмы подвергнуты сомнениям. В своей мелкой самонадеянности ты ограничил своё мировоззрение и, куда хватает глаз, ты говоришь: «Природа ограничена»; в своём фанатизме ты, вдобавок к самонадеянности, ещё совершаешь преступление. Ты мог бы забить камнями любого первооткрывателя, который, добавляя новые области на карту, нарушает твои необоснованные ориентиры. Наказание будет ждать тебя! В областях, которыми ты пренебрёг для исследования, ты будешь потерявшимся, сбившимся с пути бродягой. Тише! Я уже их вижу. Бормочущие призраки собираются вокруг тебя!

Внезапно его голос оборвался; широко раскрытые глаза стали стеклянными, рука ослабила хватку, он откинулся на подушку. Я выбежал из комнаты, встретил в коридоре медсестру и служанку. К сча-

¹⁷ **фармакопея** — законодательно утверждённый свод способов, методов и условий проведения анализа лекарственных средств, позволяющих выявлять количественные и качественные характеристики каждого из входящих в них компонентов (действующих начал, вспомогательных веществ и др.). Соблюдение требований фармакопеи является обязательным условием для выпуска и использования лекарств, согласно их назначению, требованиям безопасного применения, соответствии правилам хранения. Использование в медицинской практике лекарственных веществ и форм, изготовленных на их основе, не включённых в фармакопею, недопустимо [10].

стью, детей с ними не было. Но я услышал из соседней комнаты отчаянный вопль девочки. Я прошептал поспешно медсестре: «Всё кончено!», проскользнул мимо челюстей ужасной анаконды и вслепую между мёртвых стен, по страшным улицам, под мертвенно-бледной луной вернулся в свой одинокий дом.

ГЛАВА 3

Прошло некоторое время, прежде чем я смог избавиться от неприятного впечатления от слов и вида умирающего человека.

Раньше мне никогда не приходилось испытывать угрызения совести. Что я наделал? Вместе со многими здравомыслящими людьми я осудил некоторых людей и причислил их к шарлатанам, которые извлекают выгоду, являя свои чудеса и удивляя тем самым невежество других. Обвинял бы я, если бы отказался от лечения из-за подтверждённого открытия в общепризнанной науке, которая сродни басням колдунов? Должен ли был я отойти от науки, чтобы исследовать, могла ли дремлющая сивилла читать из книги, расположенной у нее за спиной, или сказать мне, находящемуся в Л****, что происходит с моим другом, который далеко от меня?

И хотя д-р Ллойд сам мог быть достойным и честным человеком, при этом, искренне веря в разные нелепости и требуя такой же доверчивости от других, разве честные люди каждый день не подвергаются насмешкам со стороны окружающих, если они сами от недостатка здравого смысла делают из себя посмешище? Мог ли я предвидеть, что моя сатира нанесёт смертельную рану? Поэтому я не испытывал угрызений совести, а общество было ко мне таким же строгим, как моя совесть. В моём споре с д-ром Ллойдом общество находилось на моей стороне, и оно ничего не знало об обвинениях, которыми он осыпал меня на смертном ложе. Всем было известно только то, что я находился рядом с ним в его последние минуты. Меня видели идущим рядом с гробом, который унёс его в могилу; восхищались уважением к его памяти, которое я проявил, установив на его могиле памятник с эпитафией, тем самым, воздав должное его милосердию и честности. Все хвалили мою энергию и благородство, с которыми я распорядился деньгами, собранными для детей-сирот. Эта сумма намного превышала мои собственные доходы.

Разумеется, моё содействие не ограничилось только этим. Рыдания бедной девочки слышались в моём сердце. Так как её горе было сильнее горя её братьев, она могла испытывать мучения в большей степени, чем они, когда настало время бороться и искать свой путь в мире. Поэтому с большими предосторожностями, чтобы она не узнала о моей помощи, я решил обеспечить её суммой денег, которая копилась бы до тех пор, пока она не сможет выйти замуж. Этих денег должно было хватить на скромную свадебную церемонию или, в случае, если бы она осталась одна, их бы хватило, чтобы не испытывать нужду и горечь рабской зависимости от других.

То, что д-р Ллойд умрёт в бедности, стало для всех неожиданностью, так как его доходы в течение последних нескольких лет были значительными, а его образ жизни был далёк от расточительного. Но незадолго до нашей ссоры он был вынужден помочь брату своей умершей жены, мелкому служащему в лондонском банке, отдав ему все накопленные сбережения. А этот человек оказался мошенником: он присвоил себе деньги д-ра Ллойда и другие деньги, вверенные ему, и покинул страну. Подобное проявление родственных чувств, которое так дорого обошлось д-ру Ллойд, заставило его молчать об этой потере. Он поручил своему душеприказчику открыть вероломство своего шурина, которого он, бедный человек, великодушно укрыл от дополнительного позора.

Мэр Л****, богатый купец и видный общественный деятель, приобрёл музей, который был им же самим в своё время создан (страсть д-ра Ллойда к истории вынудила его сделать это), и вырученных денег вместе с теми, что удалось дополнительно собрать, оказалось достаточно не только, чтобы расплатиться с долгами умершего, но и обеспечить сирот средствами для получения образования, которое помогло бы, по крайней мере, мальчикам вступить в жизнь подготовленными. Ведь жизнь — это игра, в которой в большей степени нужно рассчитывать на своё мастерство, чем на счастливую случайность. Мы видим, что Фортуна не так уж слепа¹⁸: она никогда не одарит богатством и славой слабого, невежественного, ленивого человека, но обязательно улыбнётся человеку труда и знания.

Между тем родственник из отдалённого графства¹⁹ взял на себя заботу о сиротах, они исчезли из

¹⁸ Богиню судьбы Фортуны римляне представляли себе слепой — в знак того, что дары её достаются не честным, справедливым и достойным, а кому придётся [11, стр. 70].

¹⁹ **Графство** — административная единица Англии.

моего поля зрения, и вскоре поток жизни наводнил то место, которое прежде занимал умерший.

Нашёлся только один человек в Л****, унаследовавший злобу д-ра Ллойда, с которой тот осудил меня перед смертью. Это был джентльмен по имени Вигорс, его дальний родственник, который был наиболее известным из сторонников д-ра Ллойда в его споре со мной; человек без выдающихся схоластических познаний, но с довольно хорошими способностями. Он обладал особенной силой, в которой было больше раздражения, чем суровости, а доброжелательности — больше, чем строгости. Его главной страстью было вести дела в суде, и он был самым активным и строгим судьёй из всех судей, которых когда-либо знали в Л****.

Поначалу мистер Вигорс говорил обо мне с большим ожесточением и поразил своего друга резкостью тона и предвзятым отношением ко мне. Но, не найдя поддержки со стороны друга, он прекратил свои обвинения в мой адрес и только важно покачивал головой каждый раз, как слышал моё имя, и пророчески изрекал: «Время покажет», «Всё хорошо, что хорошо кончается» или что-то другое в том же духе. Однако мистер Вигорс очень мало общался с горожанами. Он называл себя домоседом и на самом деле был человеком жёстким, с завышенной самооценкой. Он считал, что его высокое положение не было достаточно признанным в Нижнем городе, а жители Возвышенности недостаточно почитали превосходство его ума. Поэтому он посещал главным образом только сквайеров²⁰, живущих с ним по соседству, для которых он благодаря своей репутации судьи и напускной важности был одним из тех оракулов, перед которыми все испытывают благоговейный трепет, при условии, что это не принесёт им вреда. И хотя он трижды в неделю открывал двери своего дома для посетителей, немногие приходили к нему. Их он сначала кормил, а потом биологизировал²¹. Электробиология²² была достаточно естественным развлечением для человека, которому общение не доставляло большого удовольствия. Поэтому он приглашал за свой стол только тех, на сознание которых он мог воздействовать, желая им сказать, что говядина — это баранина, а бренди — это кофе. И, без сомнения, любой из гостей мог бы ответить хозяину всё, что бы тот ни пожелал, о говядине и бренди, баранине и кофе. Мне не слишком часто приходилось встречать мистера Вигорса в тех домах, в которых я время от времени проводил вечера. Узнать о его враждебности ко мне было так же неожиданно, как услышать вой ветра в пустой комнате. И теперь, если нам случалось встретиться на улице, он смотрел куда-то вверх надо мной (он был невысоким и всегда ходил на цыпочках) мрачным, нахмуренным взглядом неприязни; и с высоты своего роста я с выражением величайшего равнодушия приветливо улыбался этому маленькому человечку.

ГЛАВА 4

Я достиг того возраста, когда честолюбивый человек, удовлетворённый своими успехами, начинает испытывать страстное желание любить и обрести домашний очаг. Я решил жениться и подыскивал себе жену. До сих пор я никогда не впускал в свою жизнь любовь. Действительно, даже в своей ранней юности я с презрением считал страсть болезнью, вызванной изнеженностью и бездельем и взлелеянной больным воображением.

Я хотел найти в жене разумного товарища и нежного друга, заслуживающего доверия. Никакое представление о браке не могло быть менее романтическим, чем моё представление, основанное на трезвом рассудке. Меня интересовали не мои потребности, корыстные или самонадеянные. Моя цель была исключительно профессиональной. Мне бы подошла жена с небогатым приданым, не из знатного рода. Я не был рабом красоты. Я не считал, что моя жена обязательно должна иметь образование и хорошее воспитание.

Решив, что пришло время выбрать себе подругу, я вообразил, что, руководствуясь здравым смыслом, я не столкнусь с трудностями при выборе. Но проходил день за днём, неделя за неделей, и среди множества семей, которые я посещал, было много молодых девушек, обладавших многими достоинствами, намного превосходящими все мои требования, которые я считал для себя вполне достаточными. И эти девушки не посчитали бы ниже своего достоинства принять моё предложение. Но хотя я считал своё одиночество ужасно утомительным, я не видел среди них ту, которая могла бы стать моей спутницей жизни.

²⁰ **Сквайер** — помещик в Англии.

²¹ **Биологизировать** (книжн. устар.) — гипнотизировать.

²² **Электробиология** — влияние электричества на жизнедеятельность организма.

Однажды вечером я возвращался домой от одной бедной больной, которую я посещал бесплатно. Её случай требовал особого внимания среди всех моих пациентов. Сначала она лежала в больнице, но сейчас вернулась домой умирать. Но я чувствовал, что смог бы её спасти, и она, кажется, даже пошла на поправку благодаря моим заботам. Так вот — однажды вечером — это было пятнадцатого мая — я оказался перед воротами дома, в котором раньше жил д-р Ллойд. С тех пор как он умер, его дом был пуст: арендная плата, которую просил владелец, была уж слишком высока. А богатые торговцы не решались поселиться в нём. Ворота были широко раскрыты, как и той ночью, когда умирал д-р Ллойд. Воспоминания нахлынули на меня, угрозы умирающего, зазвучавшие снова у меня в ушах, заставили меня вздрогнуть. Непреодолимое желание, которое я не смог объяснить тогда и не могу объяснить сейчас, овладело мной; желание, заставляющее нас обычно развернуться и ускоренным шагом удалиться прочь от места, вызывающего у нас воспоминание о боли. Но я захотел войти в эти распахнутые ворота по дороге, заросшей травой, и взглянуть при свете ослепительного весеннего солнца на Аббатский дом, который я видел только во мраке зимней ночи, под унылой луной. Здание из тёмно-красного кирпича, было частично увито плющом, и я понял, что оно не долго пустовало. Я увидел фигуры людей у раскрытых окон, фура с мебелью стояла у двери, около неё слуга в ливрее раздавал указания людям, занимавшимся разгрузкой. Очевидно, какая-то семья только что вступила во владение Аббатским домом. Я почувствовал себя пристыженным за неосторожное вторжение и быстро развернулся, чтобы уйти. Я успел пройти всего несколько ярдов²³, как увидел у входных ворот, прямо перед собой, мистера Вигорса, прогуливающегося с женщиной средних лет, как мне показалось, и тут же недалеко маленькую калитку в конце сада, к которой можно было добраться через кусты. Я почувствовал нежелание не только встретиться с этой женщиной, которую я принял за нового жильца дома и перед которой мне пришлось бы неловко извиняться, но ещё больше мне не хотелось встретить презрительный взгляд мистера Вигорса, в котором всегда чувствовалось что-то лживое и бесчестное. Поэтому невольно я выбрал путь, который помог бы мне скрыться незамеченным. Когда я находился на полпути между домом и калиткой, в кустах, загромождавших со всех сторон дорогу, по которой я шёл, внезапно с левой стороны обнаружился просвет, и я увидел круглый газон, беспорядочно окружённый обломками старых кирпичей, частично покрытых папоротником, ползучими растениями, сорняками и дикорастущими цветами, а в центре газона — фонтан, или вернее колодец, над которым возвышался готический монашеский купол, или навес, на полуразрушенных колоннах. Большая ива свешивала свои ветви на эти останки старинного аббатства. Сам воздух здесь, казалось, был наполнен древними легендами об этом месте, так неожиданно выступившем на фоне нежной зелени кустарников. Но не разрушенная стена и не готический колодец очаровали меня и заставили остановиться.

То была одинокая человеческая фигура, сидевшая среди печальных обломков.

Фигура была стройна, а лицо так юно, что я, как только увидел его, прошептал: «Что за прелестный ребёнок!» Но когда я присмотрелся внимательнее, то понял, что вижу перед собой невинную женщину, чей серьёзный, задумчивый взгляд говорил о неопишемом благородстве.

На её коленях лежала книга, у ног стояла маленькая корзиночка, наполовину наполненная фиалками и другими цветами, растущими среди руин. Ива позади неё напоминала изумрудный водопад: красиво изогнутая в форме арки, она сверху ярко освещалась солнцем, а её ветви, касавшиеся земли, снизу тонули в тени.

Она не видела меня, не заметила: её взгляд был устремлён к горизонту. Она так была погружена в себя, что я невольно перевёл свой взгляд в ту сторону, куда смотрела она. Казалось, что она находится в ожидании знакомого ей знака с неба. Возможно, она хотела увидеть первый луч ранней звезды, прежде чем его увидит кто-то ещё.

Внезапно из-под нижних ветвей ивы бесстрашно вылетели птицы, и одна из них даже села среди цветов в маленькой корзиночке у её ног. Есть известная немецкая поэма, которую я читал в юности, «Дева из-за границы», считавшаяся аллегорией то ли Весны, то ли Поэзии (всё зависело от выбора переводчика). И тогда мне показалось, что эта поэма написана о женщине, сидевшей передо мной у колодца. Действительно, поэт или художник мог увидеть в ней украшение земли: она вызывала восторг своей красотой, но ещё больше своими мыслями, не печальными, но склонными к печали.

Я услышал шаги позади себя и голос мистера Вигорса. Я оторвался от прекрасной картины, которой был так долго очарован, в замешательстве добежал до калитки и по короткой лестнице спустился к широкой улице. И здесь моим глазам опять предстала каждодневная жизнь. На противоположной стороне — дома, магазины, шпили церквей; несколькими шагами дальше — улицы с их вечной суетой!

²³ Ярд — 91,4 см.

Как неизмеримо далеко и в то же время как близко от мира, в котором мы живём и развиваемся, есть волшебная страна, разворачивающаяся перед нами из самого сердца земли, когда Любовь впервые осторожно подкрадывается к нашей двери, разгораясь всё ярче, так как Любовь улыбается нам или вздыхает: «Прощай!»

ГЛАВА 5

До этого вечера я смотрел на мистера Вигорса с выражением полного равнодушия. Но какое значение он приобрёл сейчас в моих глазах! Женщина, с которой я его видел, была, несомненно, новым жильцом дома, и юное существо, странным образом взволновавшее моё сердце, очевидно, тоже. Возможно, между двумя женщинами существовала родственная связь. Возможно, это были мать и дочь. Мистер Вигорс, будучи другом одной из них, мог быть как-то связан с ними обеими, мог настраивать их против меня, мог бы... Здесь я прерываю нить своих предположений. Прямо передо мной, на столе, около которого я сел, войдя в свою комнату, лежало приглашение:

«Миссис Пойнтс
Дома
Среда, 15-е мая
Рано»

Миссис Пойнтс? Жена полковника Пойнтса? Королева Возвышенности? Там, у неё дома, я мог бы узнать всё о новых приезжих, потому что никто и никогда не мог бы поселиться на Аббатской Возвышенности без её разрешения.

Я в спешке переоделся и с колотящимся сердцем направился к почтенной миссис Пойнтс.

Я не пошёл по переулку, который привёл бы меня прямо к Аббатскому дому. Это старое здание стояло посреди сада, немного в стороне от просторного места, где жили все обитатели Возвышенности. Я выбрал широкую насыпную дорогу, освещённую вереницей газовых фонарей. Магазины ещё были открыты, суетливый людской поток медленно перемещался с оживлённых улиц на площадь, где пересекались четыре главные городские улицы, обозначавшие границы Нижнего города. Чтобы попасть на Аббатскую Возвышенность, нужно было пройти под гигантской мрачной аркой, в народе названной Вратами Монаха. Когда арка осталась позади, я сразу почувствовал, что попал в старинный город: узкие неровные тротуары, маленькие магазины с нависающими верхними этажами, здесь и там оштукатуренными фасадами и странными арабесками. Подъём, короткий, но крутой и извилистый, сразу привёл меня к старой Аббатской Церкви, прекрасно расположенной на просторном четырёхугольном дворе, вокруг которого находились изящные мрачные жилища Ареопагитов Возвышенности. Более изящный и менее мрачный дом, чем остальные, — свет в окнах и цветы на балконе — стоял на переднем плане, примыкая с одной стороны к садовой стене. Это был особняк миссис Пойнтс.

Как только я вошёл в гостиную, я услышал голос хозяйки, ясный, решительный, металлический, подобный звону колокольчиков, произносивший слова: «Заняли Аббатский дом? Я расскажу вам».

ГЛАВА 6

Миссис Пойнтс сидела на диване; справа от неё сидела толстая миссис Брюс, внучка шотландского лорда; слева — худощавая мисс Брабазон, племянница ирландского барона. Все гости сгруппировались вокруг хозяйки дома — некоторые сидели, но, в основном, все стояли вокруг неё, — кроме двоих пожилых джентльменов, стоявших поодаль вместе с полковником Пойнтсом около столика для виста и ожидавших четвёртого джентльмена, который должен был составить им компанию, но в данный момент находился в магическом кружке людей, которых любопытство, сильнейший порок общества, собрало вокруг хозяйки.

— Заняли Аббатский дом? Я расскажу вам. А, д-р Фенвик, рада видеть вас. Вы знаете, что Аббатский дом, наконец, сдан внаём? Хорошо, мисс Брабазон, дорогая, вы спрашиваете, кто его занял. Я сообщу вам — мой близкий друг.

— В самом деле? Боже мой! — сказала смущённо мисс Брабазон. — Надеюсь, я ничего не сказала.

— Обижаете меня. Нисколько. Вы говорили, что у вашего дяди, сэра Фелима, работал каретник с редким именем Эшли, и у вас было ужасное подозрение, что миссис Эшли, приехавшая на Возвышен-

ность, — вдова того каретника. Я успокою вас: это не она. Она вдова Гилберта Эшли из Кирби-Холла.

— Гилберт Эшли, — сказал один из гостей, холостяк, очень безобидный человек, родители которого хотели, чтобы он стал священником, но который из-за своей чрезмерной скромности, подобно бедному Голдсмит²⁴, считал себя недостойным этого. — Гилберт Эшли? Я учился с ним в Оксфорде. Джентльмен, сторонник христианской церкви. Интересный человек, очень.

— Что из этого? О, он учился. Это он делал всю свою жизнь. Он рано женился, на Анне Чалонер, мы в один год с ней вышли замуж. Они поселились в Кирби-Холле, приятном, но скучном месте. Я и мой муж, полковник Пойнтс, как-то встречали там Рождество. Эшли, когда говорил, был просто очарователен, но говорил он очень мало. Анна же говорила одни только банальности, а говорила она очень много. Естественно, бедняжка, она была так счастлива. На следующее Рождество мы с мужем уже не поехали к ним. Дружба длинна, а жизнь коротка. Жизнь Гилберта Эшли была действительно короткой: он умер на седьмой год после своей женитьбы, оставив после себя только одного ребёнка, девочку. С тех пор, хотя я больше никогда не приезжала в Кирби-Холл на Рождество, я часто проводила там время, утешая Анну. Больше она не была болтливой, бедняжка. Она погрузилась в заботы о своём ребёнке, который теперь превратился в прекрасную восемнадцатилетнюю девушку с такими же тёмно-синими глазами, как у её отца, прелестное создание, но слабое; надеюсь, не больное туберкулёзом, но слабое, с желанием жить. Моя дочка Джейн обожает её. Здоровья Джейн хватило бы на двоих.

— Мисс Эшли — наследница Кирби-Холла? — спросила миссис Брюс, у которой был неженатый сын.

— Нет. Кирби-Холл перешёл по наследству к двоюродному брату, Эшли Самнеру. Счастливейший из братьев! Сестра Гилберта, яркая женщина, задумала женить своего родственника, сэра Уолтера Эшли Хотона, главу семейства Эшли, просто рождённого, чтобы подчеркивать красоту яркой женщины. Он умер несколько лет назад, оставив единственного сына, сэра Джеймса, который погиб прошлой зимой, упав с лошади. И Эшли Самнер оказался наследником по закону. Пока счастливый юноша был несовершеннолетним, миссис Эшли сдавала Кирби-Холл в аренду как его опекун. Теперь он достиг совершеннолетия, и поэтому она покинула его. Как бы то ни было, наследница Лилиан Эшли будет очень удачлива. Что ещё вы хотите знать?

— Очень интересный рассказ, — сказала мисс Брабазон, любившая вникать во всякие дела. — Каким приятным местом мог бы быть Аббатский дом, и всего нужно только немного вкуса! Таким аристократичным! Вот что бы я хотела, если бы могла себе позволить! Гостиную можно было бы отделать в мавританском стиле, с шёлковыми занавесками с цветами герани, как будуар леди Л**** из Твикенхема. Я полагаю, миссис Эшли взяла дом в аренду!

Тут мисс Брабазон не смогла сдержать своё раздражение и воскликнула:

— Да что вообще принесло сюда миссис Эшли?

— А почему каждый из вас приезжает сюда? Кто-нибудь ответит мне? — спросила миссис Пойнтс с искренностью, которая располагала к хорошему настроению, но в то же время заставляла испытывать некий страх.

Воцарилось молчание, которое было прервано самой же хозяйкой дома:

— Никто из присутствующих не может сказать, почему он приехал сюда. Но я могу сказать, почему сюда приехала миссис Эшли. Наш сосед, мистер Вигорс, — дальний родственник Гилберта Эшли, один из исполнителей его воли и опекун законного наследника. Около десяти дней назад мистер Вигорс навестил меня, впервые с тех пор, как я почувствовала своей обязанностью выразить своё неодобрение тем странным причудам, которые были так неудачно придуманы нашим дорогим другом д-ром Ллойдом. И, когда он сел на стул, там, где вы сейчас сидите, д-р Фенвик, то сказал замогильным голосом, вытягивая вперёд два пальца, как непослушному ребёнку, который не хочет идти спать: «Мармеладная, вы знаете миссис Эшли? Вы переписываетесь с ней?» — «Да, мистер Вигорс. А разве в этом есть преступление? Вы смотрите так, как будто бы есть». — «Нет, мармеладная, нет», — ответил он совершенно серьёзно. — «Миссис Эшли — женщина с приятным характером, а вы женщина с мужским рассудком».

Раздался дружный смех. Одним суровым взглядом удивления миссис Пойнтс водворила тишину:

— Что здесь смешного? Все женщины могли бы быть мужчинами, если бы захотели. Если я обладаю мужским рассудком, тем лучше для меня. Я благодарна мистеру Вигорсу за его столь щедрый комплимент. И потом он продолжал говорить, что, хотя миссис Эшли должна была покинуть Кирби-Холл в течение нескольких недель, она, казалось, была совершенно не в силах собраться с мыслями, чтобы решить, куда ей идти. И ему пришла в голову мысль: так как мисс Эшли стала совершеннолетней, ей не

²⁴ **Голдсмит Оливер** (англ. Goldsmith) (1728 — 1774) — англ. писатель-сентименталист. Ром. «Векфильдский священник» (1766) и др. [6, стр. 316].

следует хоронить себя в деревне, несмотря на то, что её чистая душа питает отвращение к беспутному образу жизни Лондона. Жители же Л**** выбрали золотую середину между уединением и распутством. Мистер Вигорс хотел бы узнать моё мнение, потому что верил, что я поступила жестоко по отношению к его усопшему другу, д-ру Ллойду. Но сейчас он чувствовал себя неловко. Его подопечный, молодой Самнер, предусмотрительно решил поселиться в Кирби-Холле, а не в Хотон-Парке, который был намного больше и также неожиданно перешёл к нему по наследству. Он не мог занять его, так как был холостым и это было бы связано для него с финансовыми трудностями. Мистер Вигорс обещал Самнеру добиться для него права на владение Кирби-Холлом, была уже установлена точная дата, но миссис Эшли, казалось, не была намерена покидать Кирби-Холл, так как не знала, куда идти. Но мистер Вигорс настоятельно требовал от вдовы своего старого друга и её ребёнка уехать. Мольбы миссис Эшли ни к чему не привели, она никак не могла справиться с мыслями, хотя у неё было для этого достаточно времени. Одно моё слово в эту минуту могло иметь огромное значение и помочь совершить доброе дело. Аббатский дом был свободен, а сад вокруг него — такой просторный, что дамы не смогли бы соскучиться по деревне. Мистер Вигорс продолжал говорить. Но я прошептала: «Не продолжайте», — и заплакала. — «Ни слова больше, моя дорогая подруга Анна Эшли поселится в Аббатском доме. Вопрос решён». Я отпустила мистера Вигорса, послала за своим экипажем и жёлтым экипажем мистера Баркера и его лучшими лошадьми и в тот же день отправилась в Кирби-Холл, который находится не в этом графстве, а почти в двадцати пяти милях отсюда. Я провела там ночь. На следующий день около девяти часов утра я заручилась согласием миссис Эшли, чтобы помочь ей, взяв все заботы на себя; вернулась домой, послала за землевладельцем, заплатила ему земельную ренту и арендную плату; наняла фургоны Форбеса, чтобы перевезти мебель из Кирби-Холла, и сказала Форбесу начать с кроватей. Когда прибыла кровать миссис Эшли, в Кирби-Холле была проведена последняя ночь, и вскоре приехала сама Анна. Сегодня утром я видела её. Ей нравится место, и её дочери Лилиан тоже. Я просила их посетить вас всех сегодня вечером, но миссис Эшли очень устала. Последнее из мебели привезли сегодня, и, хотя у дорогой миссис Эшли нерешительный характер, она не пассивна и не бездеятельна. И дело не только в том, что нужно было разместить столы и стулья: всё время после обеда мистер Вигорс был в её полном распоряжении, и она нашла его — далее её собственное замечание — каким? — без сомнения, «суровым и деспотичным»? — нет, «приятным и внимательным», — слова разные, но применительно к мистеру Вигорсу означают одно и то же.

И теперь в следующий понедельник — сейчас нужно оставить их в покое — вы все навестите мисс и миссис Эшли. Возвышенность знает, что ей следует делать. Не нужно отправляться к мистеру Вигорсу, несомненно, почтенному человеку, который готов помочь всем: он не принадлежит к нашему кругу. Возвышенность не может быть приятной и внимательной, суровой или деспотичной по принуждению. Новым членам своей семьи она не может быть равнодушной крёстной. Она относится к ним как мать или мачеха, если может быть такое. Когда она говорит: «Он не может быть моим ребёнком», — это, несомненно, слова мачехи. Но ко всем тем, кого я представляю ей, как это было до сих пор, указывая на то, что знакомство с ними является желательным, она относится как мать. А теперь, дорогой мистер Сломан, идите играть в вист: Пойнтс нетерпелив, хотя, и не показывает этого. Мисс Брабазон, любимая, мы все сгораем от желания услышать вашу игру на фортепиано: вы играете так божественно! Что-нибудь весёлое, пожалуйста, что-нибудь весёлое, только не слишком шумно. Мистер Леопольд Симф будет переворачивать вам листы с нотами. Миссис Брюс, ваша любимая партия в вист, с четырьмя новыми игроками. Д-р Фенвик, вы совсем, как я, не играете в карты и не интересуетесь музыкой. Сидите здесь и говорите что-нибудь или молчите, как вам будет угодно, пока я буду вязать.

Таким образом, каждому из гостей нашлось занятие, кто-то пошёл к карточным столам, кто-то расположился около фортепиано. Я же остался сидеть рядом с миссис Пойнтс, у окна, которое было открыто, потому что стоял необычно тёплый для мая вечер. Я был рядом с той, что знала Лилиан ребёнком и от которой я узнал это нежное имя, вызвавшее передо мной образ, которому я уже мысленно поклонялся. Как много я желал ещё узнать! Как много миссис Пойнтс могла рассказать мне! Но как я мог бы спросить её об этом так, чтобы не выдать свою всепоглощающую заинтересованность в этом? Желая говорить, я чувствовал себя немым, бросая беспокойный взгляд на лицо рядом со мной, глубоко поражённый этой историей и тем, что миссис Пойнтс была очень важной женщиной, очень сильным человеком.

А она всё вязала, быстро, сосредоточенно. Ей было под сорок. Смуглое лицо, волосы с бронзовым отливом, красивые локоны коротко острижены сзади — мужская причёска. Губы, плотно сжатые, говорили о непреклонности решения. Когда же она говорила, они становились мягкими, с лёгким оттенком юмора и бдительной хитрости. Глаза карие, живой, но пристальный взгляд — наблюдательный, прони-

зывающий, неустрашимый. Всё вместе составляло прекрасное выражение лица. Резко очерченный профиль, в спокойствии напоминающий сфинкса²⁵. Телосложение крепкое, но не тучное. Средний рост, но её внешний вид и осанка, казалось, делали её высокой. Необычайно белые крепкие руки, указывающие на отменное здоровье. Совсем не видно вен.

А она всё вязала и вязала, и я сидел около неё, пристально вглядываясь то в неё, то в её работу, со смутной мыслью, что через эти бесшумные пальцы проходят нити моей жизни, моей любви. И, конечно, даже в самой нежной истории любви одна из Парк²⁶ обязательно будет прозаической Судьбой, такой, какой была земная Королева Возвышенности.

ГЛАВА 7

Я увидел её внешнюю сторону. Но внутренняя женщина миссис Пойнтс была окружена тайной, как сфинкс, на которого она так походила. Но между внешней и внутренней всегда находилась третья женщина — общеизвестная — как и все человеческие существа на земле — всегда окутанная загадками, иногда скрывающая свои чувства.

Говорят, что жители Лондона не признают титул «миссис Полковник». Но, если бы это было так, в том была бы их ошибка. Во всём мире нет людей прекраснее обитателей Аббатской Возвышенности. И они считали, что их суверен имел полное право носить титул «миссис Полковник», так же, как Королева Англии — титул «наша Милостивая Леди». Но сама миссис Пойнтс так и не приняла этот титул. Он никогда не появлялся на её визитных карточках, а если и появлялся, то, по крайней мере, не чаще, чем титул «Милостивая Леди» на приглашениях от её Величества к лорду Стеварду или лорду Чемберлену. Несомненно, миссис Пойнтс относилась к титулам без суеверного почтения. Две пэрессы²⁷, её близкие родственницы, привыкли навещать её. И каждый год они проводили у неё два-три дня. Возвышенность считала, что этими визитами ей оказывают огромную честь. Сама же миссис Пойнтс никогда, казалось, особо не ценила их визиты и не считала их честью для себя; никогда не хвалилась ими, никому не пускала пыль в глаза своими связями и никогда не стремилась к тому, чтобы эти связи приобрести. Её образ жизни был свободен от хвастовства. Несколько столетий назад её предки были очень богатыми людьми, богаче любого жителя Возвышенности. И у Королевы Возвышенности в настоящее время было определённое преимущество перед другими. Но она не делала ничего, чтобы подчеркнуть своё вышестоящее положение и богатство. Как мудрый монарх, миссис Пойнтс доходы своей казны пускала на пользу Возвышенности, а не для того, чтобы, выставляясь напоказ, удовлетворить своё тщеславие. Так как ни у кого здесь не было экипажа, она согласилась держать только один экипаж. Её званые вечера были незатейливы, но многочисленны. Дважды в неделю она принимала гостей и была искренна с ними. Она сумела сделать свои вечера приятными для всех. Освежающие напитки и закуски, подаваемые

²⁵ **Сфинкс** (что значит по-гречески «душительница») — мифическое чудовище, загадывавшее загадку каждому путнику, проходившему мимо скалы, где оно обитало; все, кто не мог ответить, были обречены на гибель [11, стр. 139].

²⁶ **Парки** — римские богини судьбы, почти совпадающие с греческими Мойрами: дочери Зевса и богини законного порядка Фемиды. Греки считали их неумолимыми, римляне — жестокими и немилосердными. Парки: Клото, Лахесис и Антропос — предназначали каждому человеку в отдельности его жизненную судьбу — сразу же при его рождении. При этом Клото начинала прясть нить человеческой жизни, Лахесис продолжала прясть и разматывать её, Антропос перерезала нить. Греки представляли себе их в виде серьёзных старух. Клото обычно изображали с веретеном в руке, Лахесис — с меркой или весами, Антропос — с книгой жизни, солнечными часами или ножницами.

Согласно более поздним представлениям Мойры пели за работой, аккомпанируя небесной «гармонией сфер».

Греческое слово «Мойры» означает не просто судьбу, а скорее долю, часть или удел, т.е. то, в чём человек должен участвовать в жизни, в чём заключается его удел от рождения. Всё, что охватывается этим понятием, неизменно и независимо от свободной воли человека, и не только человека, но даже бога. Боги тоже подчиняются Мойрам; несмотря на всё их могущество, «и над ними властвует судьба». Они всего лишь её стражи и исполнители. Правда, иногда Зевс или какой-нибудь другой бог выступает в роли «властелина судьбы» — но только в том случае, если он её знает и руководствуется ею, т.е. если он действует в соответствии с познанным всемирным законом. Но таким же образом может «властвовать своей судьбой» и обычный смертный [12, стр. 265, 221–223].

²⁷ **Пэресса** — супруга или вдова пэра.

Пэр — титул высшего дворянства (в Англии, Франции), а также лицо, носящее этот титул [9, стр. 531].

здесь, были такие же, какие вам предложили бы в беднейшем доме, хотя, они были всё же лучше, нет, самые лучшие — наилучший чай, лимонад и овсяные лепёшки. Комнаты были комфортабельны, что выглядело довольно необычно. Чувствовалось, что здесь часто и дружелюбно принимают гостей: здесь было тепло, светло, карточные столы и фортепиано были так расположены, чтобы сделать игру в карты и музыку приятными. На стенах — несколько старых семейных портретов. Некоторые из них, видимо, особенно ценились — две работы Ватто²⁸, одна — Каналетто²⁹ и одна — Веникса³⁰. Множество удобных стульев и диванов, покрытых ярким ситцем. Во всём неопишное легкомысленное изящество. В отличие от всех замужних женщин Аббатской Возвышенности миссис Пойнтс носила простое платье, обращающее на себя внимание отсутствием безделушек и драгоценностей. А от знающих людей я слышал, что её никогда не видели в платье, сшитом по последней моде. Пока что-то было в моде, она это не носила, а как только это выходило из моды, тут же начинала носить. В то же время она своим внешним видом показывала, что полностью сознаёт, что её одежда старомодна, и как бы желала сказать: «Я ношу только то, что мне идёт, и не позволяю моде диктовать мне условия». Одним словом, миссис Пойнтс была иногда неделикатной, но всегда сильной и вдобавок так или иначе мужественной в своей женственности, но никогда не была притворной и, следовательно, вульгарной. Невозможно было не согласиться с тем, что она была леди до мозга костей и могла позволить себе то, на что другие бы не решились, не потеряв достоинства. Таким образом, она как бы передразнивала их. Но при этом она была так спокойно торжественна или так царственно хороша, что можно было только восклицать: «Сколькими же талантами обладает наша дорогая миссис Полковник!» В то время как миссис Пойнтс всеми силами подчёркивала, что она леди, другой полковник, её муж, был подчёркнуто джентльменом. Он был скорее нерешителен, чем холоден, и, испытывая отвращение к разного рода неприятностям и волнениям, казался гостем в своём собственном доме. Миссис Пойнтс старалась сделать жизнь своего мужа спокойной, и она не могла придумать ничего лучше, чем собирать вокруг него его друзей в своём доме. В юности полковник Пойнтс служил, но уже много лет назад, сразу же после своей женитьбы, ушёл в отставку. Он был младшим братом одного из известнейших сквайеров страны. От своего дяди он унаследовал дом, в котором сейчас жил, и ещё какую-то собственность в самом городе Л**** и за его пределами. Полковник Пойнтс считался хорошим землевладельцем и был хорошо известен в Нижнем городе, хотя он никогда не вмешивался в его дела. Он был до щепетильности опрятен в одежде. Тонкая юношеская фигура, парик... Он, кажется, не читал ничего, кроме газет и «Метеорологического журнала», и поэтому во всём Л**** его считали самым осведомлённым человеком в том, что касалось погоды. У него было интеллектуальное пристрастие — вист; правда, играя в карты, у него было меньше шансов прославиться своей мудростью. Хотя, возможно, вист требовал определённого склада ума. В довершение всего, полковник, будучи намного старше своей жены, несмотря на свою худощавую юношескую фигуру, был превосходным адъютантом у миссис Пойнтс, и она не могла бы найти себе более покорного, преданного человека, который бы ещё гордился ею так, как гордился он.

Не было ошибки в том, что миссис Пойнтс была назначена Королевой Возвышенности. Она не являлась сувереном по конституции, но её монархия была абсолютной. Любое её слово имело силу закона.

Подобную власть невозможно было бы получить, не обладая выдающимися талантами. Несмотря на всю свою бесцеремонную откровенность, миссис Пойнтс имела тонкое чувство такта. Была ли она вежлива или груба, это никогда не обсуждалось. Так как она была женщиной, её знания об обществе военных были ограничены, но, казалось, она обладала интуитивным знанием человеческой природы, которым она умело пользовалась в своих целях. Уверен, что, если бы её внезапно поселили, как совершенно постороннего человека, в Лондоне, она и там бы смогла найти себе дорогу к избранным кругам и точно так же, как здесь, её слово имело бы законную силу. Я уже говорил, что она никогда не притворялась, и это могло быть единственной причиной её власти над людьми, в обществе, где почти каждая женщина старалась, если не быть, то выглядеть важной персоной.

Миссис Пойнтс была естественной, но в то же время хитрой, хотя было бы правильнее сказать, что

²⁸ **Антуан Ватто** (Jean-Antoine Watteau) (10 октября 1684 — 18 июля 1721) — фр. художник.

²⁹ **Каналетто** (Canaletto, наст. Антонио Каналь) (1697 — 1786) — венецианский живописец. Один из величайших мастеров, изображавших повседневные городские пейзажи.

³⁰ **Веникс Ян Баптист Старший** (Jean Baptiste Weenix) (1621 — 1663) — голландский живописец, один из руководителей утрехтской школы живописи, отец и учитель художника Веникса Яна Младшего. Учился в Утрехте и Амстердаме. В своём творчестве художник отдавал предпочтение итальянским пейзажам и натюрмортам. В конце 50-х годов XVII века побывал в России, где сделал ряд портретных и архитектурных зарисовок, представляющих значительный исторический и этнографический интерес [13].

она была актрисой. Во всём, что она говорила и делала, была система, план. Она могла быть очень внимательным другом и очень опасным врагом; тем не менее, я думаю, она редко испытывала сильную любовь или сильную ненависть. Во всём была своя политика, определяющая, кого нужно вознести, если с ним по каким-то причинам было выгодно иметь дело, а кого — унижить или уничтожить.

С того момента, как у нас с д-ром Ллойдом возникла ссора, эта женщина оказывала мне поддержку, и ничто не могло бы сравниться в ловкости с тем способом, которым она представляла меня всем как мудрого, авторитетного человека, в то же время, стараясь укрепить свой собственный авторитет.

Она привыкла относиться ко мне, как к ребёнку, с материнской заботой, так, как если бы она действительно заботилась о моём благосостоянии, счастье и репутации. И, таким образом, в каждом комплименте, в каждом внешнем знаке внимания она проявляла высочайшее благородство, показывая тем самым, что ко мне нельзя относиться иначе и моё положение вполне заслуженно. И, так или иначе, я, несмотря на моё убеждение, что мне не нужна ничья помощь, чтобы двигаться вперёд по жизни, никак не мог отделаться от мысли, что я таинственным образом нахожусь под покровительством миссис Пойнтс...

Мы, наверное, просидели так минут пять, бок о бок, в полной тишине, как в пещере Трофониуса³¹, когда внезапно миссис Пойнтс, не поднимая глаз от своей работы, сказала мне:

— Я думаю о вас, д-р Фенвик. А вы — думаете о какой-то другой женщине. Неблагодарный!

— Несправедливое обвинение! Моё молчание могло бы доказать, как сильно мои мысли сосредоточены на вас и на таинственном сплетении из петель, которое появляется под вашей рукой и приковывает к себе всё моё внимание.

Миссис Пойнтс взглянула на меня на мгновение — один быстрый взгляд карих глаз — и произнесла:

— Действительно ли вы думали обо мне? Ответьте мне правду.

— Действительно, — ответил я. — Я думал о вас.

— Странно! Кто это может быть?

— Кто это может быть? Что вы имеете в виду?

— Если вы думаете обо мне, то, несомненно, в связи с другим человеком — женщиной. И это, конечно, не бедняжка мисс Брабазон. Но кто же ещё это может быть?

Она снова бросила на меня взгляд, и я почувствовал, что мои щёки начинает заливать краска.

— Тише, — сказала она, понизив голос, — вы влюблены.

— Влюблён? Я? Позвольте спросить, а почему вы так думаете?

— Все признаки говорят сами за себя. Вы изменились, даже выражение вашего лица, с того момента, как я в последний раз смотрела на вас. Обычно вы спокойны и наблюдательны — сейчас же неспокойны и рассеянны. Выражение вашего лица, всегда гордое и безмятежное, сейчас смиренное и взволнованное. У вас что-то на уме! И это не беспокойство за свою репутацию — здесь всё упрочено; или свою судьбу — здесь всё предрешиено; и не за своего пациента: тогда едва ли вы могли быть здесь. Но беспокойство всё же есть. И оно не связано с вашей профессией, и никогда прежде оно не тревожило ваше сердце.

Я был поражён, почти напуган, но попытался скрыть своё замешательство принуждённым смехом.

— Мудрая наблюдательница! Тонкий аналитик! Вы убедили меня, что я должен быть влюблён, хотя я и не подозревал этого раньше. Но я так же, как и вы, сбит с толку и стараюсь понять, кто является предметом моей любви, но не могу. И вместе с вами я спрашиваю: «Кто это?»

— Кто бы она ни была, — сказала миссис Пойнтс, оторвавшаяся от вязания, в то время как я говорил, и теперь продолжившая вязать, очень медленно и очень осторожно, как если бы её мысли и её работа были связаны вместе, — кто бы она ни была, вы серьёзно могли бы влюбиться. А брак, по любви

³¹ **Трофониус** (Трофоний) — бог знаменитого греческого оракула (оракул — место, храм, куда обращались за прорицанием) в Лебадейской пещере в Беотии, между Афинами и Дельфами, где до сих пор возле современной Ливадии можно увидеть ущелье, ключ и остатки святилища. Оракул пользовался известностью начиная с VI века до н. э., и среди бесчисленных посетителей его был Крез из Лидии. Павсаний подробно описывает оракул и ритуал, с ним связанный, в своем «Описании Эллады» (кн. 9). После сложного инициационного обряда вопрошающий одевался как священная жертва и, неся медовую лепёшку, чтобы умиловить божества царства мёртвых, должен был спуститься в выбоину, в струи подземной реки. По прохождении положенного времени он возвращался на свет, потрясённый и подавленный тем, что услышал от невидимых ораторов, и лишь со временем к нему возвращались чувства и способность улыбаться. Стало поговоркой характеризовать подавленного человека как побывавшего у Трофония [14].

или нет, — серьёзная вещь для всех нас. Не всякая хорошенькая девушка может подойти Алену Фенвику.

— Увы! Есть ли такая хорошенькая девушка, которой подойдёт Ален Фенвик?

— Ну! Вы могли бы быть выше раздражённого тщеславия и не напрашиваться на комплимент. Да, сейчас в вашей жизни и в вашей карьере настало время, когда вы могли бы жениться. Я вам разрешаю, — добавила она с улыбкой, как если бы это была шутка, и, кивнув головой, как будто бы на самом деле всё было совершенно серьёзно.

Она продолжила вязать более решительно, быстрее.

— Но я всё ещё не вижу претендентку. Нет! Какая жалость, Ален Фенвик, — каждый раз, когда она называла меня по имени, её манеры всегда становились величественными, но при этом было в них что-то материнское, — жаль, что с вашей энергией, упорством, талантами, позвольте сказать, вашими преимуществами, жаль, что вы не выбрали себе карьеры, которая была бы для вас более успешной, принесла бы вам славу, более громкую, чем просто блестящий успех провинциального врача. Ваш выбор интересует меня. Мой выбор не изменился: он слишком ограничен... Что потом? Неважно. Я довольна. Джейн... Находите ли вы её красивой?

— Конечно, в этом не может быть никаких сомнений, — ответил я легкомысленно и непринуждённо.

— Я уже решила, какой будет судьба Джейн, — продолжила миссис Пойнтс, начиная вязать новый ряд. — Она выйдет замуж за человека с именем, из провинции. Он станет членом парламента. Она будет заботиться о его успехе так же, как я забочусь о Пойнтсе. Если он будет умным, она поможет ему стать министром, а если нет, его богатство сделает её выдающейся фигурой, а его — достойным мужем. И, как вы видите, у меня нет никаких брачных планов относительно вас, Ален Фенвик. Подумайте, стоит ли довериться мне. Возможно, я смогу быть полезной.

— Не знаю, как благодарить вас, но пока мне нечего вам доверить.

Говоря это, я взглянул в раскрытое окно, рядом с которым сидел. Стояла прекрасная, приятная ночь, луна светила во всём своём великолепии. Там, далеко и широко раскинулся город со своими бесчисленными огнями. На просторном четырёхугольном дворе стояла массивная одинокая большая старая церковь, а дальше — сады и разрозненные коттеджи-особняки, покрывавшие весь холм.

— Не тот ли дом, — спросил я после небольшой паузы, — вон там, Аббатский? Тот, в котором жил д-р Ллойд?

Я произнёс это внезапно, желая показать, что хочу сменить тему разговора. Хозяйка отложила вязание, привстала, посмотрела вперёд.

— Да. Но какая восхитительная ночь! И как такое может быть, что при свете луны все предметы чудесно сливаются в гармонии, в то время как в лучах солнца они резко контрастируют друг с другом? А башня величественной старой церкви, поседевшей за тысячи лет, и грубые черепичные крыши с необработанными дымовыми трубами в лунном свете исполнены очарования?

Говоря это, она встала, взяла свою работу и вышла на балкон. Не часто с миссис Пойнтс случалось, чтобы в своём строгом, практическом, земном разговоре она позволяла себе то, что мы называем сентиментами. Но каждый раз при этом она, казалось, старалась дать мне представление об интеллекте, причём, исчерпывающее, но не для того, чтобы подтвердить, что сентименты имеют место в жизни, а, видимо, считая, что только красавицы знатного происхождения с любезностью и одновременно безразличием могут позволить это какому-нибудь очаровательному, но безденежному поэту. Несколько минут она блуждающим взглядом с явным удовольствием рассматривала окрестности. Но, когда она перевела глаза на три конька на крыше Аббатского дома, её лицо вновь приняло суровое выражение, которое было так свойственно её характеру. Её пальцы механически продолжили вязать, и она сказала своим чистым, твёрдым голосом, в котором слышался металлический звон колокольчиков:

— Вы можете угадать, почему я взяла на себя столько забот, чтобы сделать одолжение мистеру Вигорсу и поселить здесь миссис Эшли?

— Вы оказали нам любезность, полностью объяснив все причины, которые заставили вас сделать это.

— Некоторые — да, но не основную причину. Люди, берущие на себя обязанность управлять другими, как я, в королевстве или деревне, должны принимать законы управления и придерживаться их. Закон, который наилучшим образом подходит Возвышенности, — почтение к приличиям. У нас не слишком много денег; *entre nous*³², мы не занимаем высокое положение. Наша политика сводится к укреплению приличий. Ещё до того, как мистер Вигорс пришёл ко мне, я узнала, что леди Сара Белла-

³² **Entre nous** (фр.) [антр ну] — между нами.

сис хочет снять Аббатский дом. Лондон настроен против неё, а провинциальный город мог бы быть более сострадательным. Графская дочь с хорошим доходом, но с крайне дурным именем, с прекрасными манерами, но с самыми дурными нравственными качествами привела бы всё здесь в беспорядок. Сколько бы наших чопорных старых дев отказались бы от чая и миссис Пойнтс ради шампанского и общества леди Сары! Никогда ещё Возвышенности не угрожала такая опасность. И раньше, чем Сара Белласис сняла бы этот дом, я могла бы его снять и заселить совами.

Внезапно в решающий момент появилась миссис Эшли. Планы Сары расстроены, приличия спасены. И вопрос решён.

— И будет славно иметь рядом своего старого друга.

Миссис Пойнтс подняла на меня глаза.

— Вы знаете миссис Эшли?

— Нисколько.

— У неё много достоинств, но она недостаточно умна. Она слабая, а я же наоборот — сильна. Но слабость может быть очень мила. Её муж, человек одарённый и образованный, подарил ей всё своё сердце, бесценное сердце. Но он не был честлюбивым и презирал общество.

— Вы говорили, что ваша дочь сильно привязана к мисс Эшли? А её характер похож на характер матери?

— Нет, Лилиан не заурядна.

— Вы сказали, что у неё слабое здоровье и выразили надежду, что она не больна туберкулёзом. Но я уверен, нет серьёзных причин опасаться за её здоровье, которое в её возрасте в случае болезни потребовало бы очень тщательного наблюдения!

— А я не уверена. Если бы она умерла... Д-р Фенвик, что случилось?

Слова миссис Пойнтс нарисовали передо мной такую ужасную картину, что я вздрогнул, как если бы в моей жизни случилось потрясение.

— Я прошу прощения, — сказал я дрожащим голосом, прижимая руку к сердцу, — внезапный спазм здесь. Но всё уже прошло. Вы говорили, что... что...

— Я хотела сказать, — произнеся эти слова, миссис Пойнтс прикоснулась ко мне, — что, если бы Лилиан Эшли умерла, я недолго оплакивала бы её. Я оплакивала бы больше того, кто при жизни слишком ценил земные блага. Но я верю, что нет никаких оснований для тревоги, которую в вас так неосторожно пробудили мои слова. Её мать бдительна и посвящает ей всю себя. И, если что-то случится с Лилиан, она сразу же обратится за консультацией врача. Думаю, мистер Вигорс рекомендовал бы д-ра Джойнса.

Закончив нашу беседу такими язвительными словами, миссис Пойнтс вернулась в гостиную.

Несколько минут я оставался на балконе, взбешённый, в замешательстве. Каким совершенным искусством дипломата воспользовалась миссис Пойнтс, чтобы проникнуть в мою тайну! И как легко она читала в моём сердце! А её последние слова о д-ре Джойнсе ранили меня, как отравленная стрела Пафнии³³. Сразу же она поймала меня в ловушку, обнаружила что-то в моих мыслях обыкновенной женской пронизательностью. Но с необыкновенной хитростью весь наш разговор в дальнейшем принял такой оборот, чтобы что-то разузнать и заставить меня выдать мою тайну. Но с какой целью? Зачем ей это было нужно? Какими мотивами она могла руководствоваться помимо простого удовлетворения любопытства? Возможно, во-первых, она думала, что я увлекусь яркой красотой её дочери и, следовательно, полудружеской, полуциничной искренностью, с которой она открыла мне свои честлюбивые планы относительно её замужества. Удостоверившись в том, что я здесь не питаю никаких самонадеянных надежд, она решила использовать свой коварный интеллект, который побуждает к действию интриганов и политиканов. И, кроме того, гнев этого ничтожного суверена обладал силой, а так как знание — сила, то нет лучшего способа приручить непокорного подданного, чем проникнуть в тайну его сердца.

Но «тайна»! Неужели такое могло произойти? Неужели возможно, что простой вид человеческого лица, никогда не виденного прежде, мог нарушить спокойное течение моей жизни? Незнакомка, чьи мысли и характер я совсем не знал, чей голос никогда не слышал? И только, когда внезапно и легкомысленно были произнесены слова «если бы она умерла...» и нестерпимая боль страдания разорвала моё сердце, я почувствовал, как изменился бы для меня мир, если бы я действительно никогда больше не увидел её лица. Да, у меня больше не было тайны, я полюбил. И подобно любому человеку, к которому пришла любовь, иногда мягко и медленно, иногда внезапно, как орёл, бросающийся на ничего не

³³ **Пафия** (Пафосская богиня, Киприда, Венера, Афродита) — богиня любви и красоты, прекраснейшая из богинь античных мифов. У неё был целый отряд помощников и помощниц, среди которых был бог любви Эрот, от стрел которого нет спасенья [12, стр. 62].

подозревающую добычу, я верил, что никто прежде не любил так, как любил я; что такая любовь — необыкновенное чудо, которое создано исключительно для меня, а я для неё. Постепенно мои мысли успокоились, как только мой взгляд остановился на крыше дома Лилиан и на мерцающем серебре освещённой луной ивы, под которой я впервые увидел её, пристально вглядывавшейся в розовое небо.

ГЛАВА 8

Когда я вернулся в гостиную, гости, похоже, уже собирались расходиться. Те, что раньше сидели во круг фортепиано, теперь расположились у стола с закусками и напитками. Картёжники поднялись со своих мест за карточным столом и теперь рассаживались у стола с угощением или обсуждали свои выигрыши и проигрыши. Пока я искал свою шляпу, которую куда-то положил, ко мне робко подошёл несчастный джентльмен, страдавший болевым тиком³⁴, — самый гордый и самый несчастный из всех живших на Возвышенности. У него не было средств оплатить услуги врача, но боль умирала его гордость, и я с одного взгляда на него понял, что он придумал, как можно тайком извлечь выгоду из общественных связей и получить совет врача, ничего за него не заплатив. Старик отыскал мою шляпу быстрее меня, наклонился за ней, поднял, протянул её мне одной рукой с низким поклоном, а другую руку, со сжатой в кулак ладонью и дрожащую, он прижимал к ввалившейся щеке. Мои глаза встретились с его глазами, и в них я прочитал печальную немую просьбу. Профессиональный инстинкт сразу завладел мной. Так же, как и всегда, я сразу же забыл обо всём, увидев страдание, и почувствовал в себе только одно желание — облегчить муки несчастного.

— Вам больно, — сказал я мягко. — Садитесь и опишите мне симптомы. Я, правда, не профессиональный врач, но я друг, который любит лечить и понимает кое-что в этом.

Мы сели немного в стороне от остальных гостей, и после нескольких вопросов и ответов я пришёл к выводу, что его тик не является неизлечимым. Я с успехом лечил подобные заболевания, для которых нашёл специфическое болеутоляющее средство. На листке своей карманной записной книжки я написал рецепт, который мог бы быть наиболее действенным, и как только вырвал его и отдал старику, я посмотрел вверх и увидел карие глаза моей хозяйки, часто с холодным пронзительным блеском, но сейчас смотревшие на меня с выражением, более добрым и мягким. В данную минуту, однако, её внимание было приковано не ко мне, а к слуге, который вошёл с запиской и произнёс вполголоса: «От миссис Эшли».

Она взяла записку, поспешно прочла её, приказала слуге ждать за дверью, подошла к своему письменному столу, который стоял недалеко от того места, где я задержался, села, оперлась подбородком на

³⁴ Среди невралгий лица наиболее актуальной является невралгия тройничного нерва, во-первых, в связи с тем, что это достаточно распространённое заболевание (оно встречается в 50 раз чаще, чем невралгия языкоглоточного, и в 100 раз чаще, нежели невралгия верхнечерепного нерва). Синонимы: болезнь Фазергиля (имя детально описавшего её автора) и болевой тик, поскольку болевой приступ часто сопровождается спазмом мимических мышц. Как теперь установлено, невралгия тройничного нерва является классической компрессионной невропатией.

Болевые приступы протекают в зоне поражённой ветви по типу «удара электрического тока». Характерный признак — невралгия тройничного нерва молчалива. Ошеломлённые ужасающей болью больные буквально замирают. Нередко встречается жест-антагонист — больные прикладывают руку к виску или другому месту, что помогает преодолеть боль. Как уже указывалось, приступ боли часто сопровождается спазмом мышц лица — болевой тик (*tic douloureux*). Спазмы могут быть парциальными, захватывая круговую мышцу глаза, щёчную мышцу. Как правило, приступ сопровождается вегетативными проявлениями — заложенностью носа, слезотечением, покраснением лица и др., хотя эти проявления выражены не столь значительно. Приступ может быть молниеносным «прострелом» либо длиться секунды, десятки секунд и более. Длительные приступы обычно представляют собой как бы сплошь следующие друг за другом «прострелы». Затяжные приступы, т.е. длящиеся часами, называют *status neuralicus*, которые могут требовать госпитализации пациента в блок интенсивной терапии и даже реанимационное отделение, так как ужасающая боль приводит к тяжёлым расстройствам вплоть до болевого шока или коллапса.

Коллапс — одна из форм острой сосудистой недостаточности, характеризующаяся резким падением сосудистого тонуса или быстрым уменьшением массы циркулирующей крови, что приводит к уменьшению венозного притока к сердцу, падению артериального и венозного давления, гипоксии мозга и угнетению жизненных функций организма.

Боль при невралгии тройничного нерва квалифицируется как нестерпимая, непереносимая. В эпоху до введения в терапевтический арсенал карбамазепина встречались суицидальные случаи [15].

руку и задумалась. Очень скоро она прервала свои размышления, повернула голову и, к моему удивлению, подозвала меня кивком. Я подошёл.

— Сядьте здесь, — прошептала она. — Повернитесь спиной к тем, кто, не сомневаюсь, смотрят на нас. Читайте.

Она дала мне записку, которую только что получила. В ней было всего несколько слов:

«Дорогая Маргарет, я так страдаю. Несколько часов назад Лилиан внезапно заболела, и я всерьёз опасаясь. За каким врачом я могу послать? Скажите моему слуге его имя и адрес. А. Э.»

Я вскочил со своего места.

— Постойте, — сказала миссис Пойнтс. — Вы не будете против, если я пошлю слугу к д-ру Джойнсу?

— Ах, мадам, как вы жестоки! Что я сделал, что вы стали моим врагом?

— Врагом! Нет. Вы помогли одному из моих друзей. В этом мире глупцов ум может соединяться только с умом. Нет, я вам не враг! Но вы ещё не просили меня быть вашим другом.

Говоря это, она вложила в мои руки записку, которую успела написать:

«Вступайте в ваши полномочия. В случае тревоги или, если я просто вам понадоблюсь, пошлите за мной».

И продолжая медлительными, неуверенными пальцами работу, которую она, было, отложила, добавила:

— Ещё нескоро, но всё устроится. Нет, не благодарите. Это то небольшое, что я пока могу для вас сделать.

ГЛАВА 9

Через несколько минут я уже был в саду того старого дома. Слуга, шедший впереди, провёл меня по лестнице через потайную калитку: этот путь был самым коротким. Я шёл по уже знакомой дороге, снова видел монашеские стены. Газон, деревья, руины — всё было залито прозрачным лунным светом.

И вот я уже в доме, слуга взял у меня записку, с которой меня послали, и через одну-две минуты вернулся и проводил меня вверх по коридору, где меня встретила миссис Эшли. Я заговорил первым:

— Ваша дочь не... не серьёзно больна, я надеюсь. Что с ней?

— Тише, — сказала она, понизив голос. — Вы пройдёте со мной?

И она прошла через дверь направо. Я последовал за ней и, когда она поставила на стол светильник, я огляделся вокруг со страхом в сердце: это была та самая комната, в которой умер д-р Ллойд. Невозможно ошибиться. Здесь была другая мебель, не было той кровати, но сам вид комнаты, расположение окна, которое сейчас было широко раскрыто, лунный свет, заливающий комнату мягче, чем той мрачной зимней ночью, большие балки, перекрещивающиеся под низким потолком, — всё всплыло в моей памяти. А стул, который предложила мне миссис Эшли, стоял как раз на том же месте, где тогда стоял я у кровати умирающего.

Я отпрянул назад: я не мог здесь сидеть. И пока миссис Эшли рассказывала мне свою историю, я стоял, прислонившись к полке над камином.

За день до их приезда у Лилиан было хорошее настроение, и она чувствовала себя лучше, чем обычно, восхищалась старым домом, садом и особенно укромным уголком у стены Монаха, где миссис Эшли оставила её в этот вечер, чтобы сделать покупки в городе в компании мистера Вигорса. Вернувшись, они с мистером Вигорсом отыскивали Лилиан в том же уголке, и миссис Эшли материнским чутьём обнаружила в Лилиан какую-то перемену, которая её встревожила. Она казалась апатичной и подавленной и была очень бледна, но отрицала, что чувствует себя плохо. Вернувшись в дом, Лилиан села в этой комнате. Она очень любила читать и, так как им не нужна была ещё одна спальная, решила приспособить её для чтения.

— Я оставила её здесь и вместе с мистером Вигорсом спустилась в гостиную. Когда он ушёл (а ушёл он очень скоро), я ещё около часа оставалась внизу, давая указания, как разместить мебель, которую только сегодня привезли из нашего старого дома. Потом я решила подняться к дочери и к своему ужасу обнаружила её на стуле без признаков жизни. Она потеряла сознание.

На этом месте я прервал миссис Эшли:

— Случалось ли с ней такое раньше?

— Нет, никогда. Когда она пришла в себя, она выглядела смущённой и не хотела говорить. Я уложила её в постель и, когда она уснула, я немного успокоилась. Думаю, это могло произойти от волнения из-за переезда. Или, может быть, она заболела малярией, находясь в той части сада.

— Очень может быть. В это время года час захода солнца вреден для хрупкого организма. Продолжайте.

— Примерно через сорок пять минут она проснулась с громким криком и с тех пор находится в сильном волнении, всё время плачет и не отвечает на мои вопросы. Сейчас она не выглядит бледной. У неё истерика.

— Вы можете проводить меня к ней? Успокойтесь. В вашем рассказе я не нашёл ничего, что могло бы вызвать серьёзные опасения.

ГЛАВА 10

Для истинного врача в палате больного есть что-то невыразимое. На её пороге все человеческие страсти оставляют его сердце. В нём не должно быть ни любви, ни горя. Он должен войти в комнату с холодной головой. Он не способен выполнять свою миссию, если позволяет кому-то затемнять свою науку. Старость или юность, красота или уродство, невинность или виновность — все различия должны исчезнуть для него, и он должен помнить только об одном — о человеческом страдании, вызывающем к его мастерству.

Горе семье, в которую пришёл целитель, не чувствующий в себе священных обязанностей своего искусства! Почтительно, как в храме, стоял я в комнате девушки. Когда миссис Эшли вложила руку Лилиан в мою и я почувствовал её пульс, я осознал, что не ощущаю биения собственного сердца. Я пристально смотрел на её лицо, которое было ещё прекраснее от краски, прилившей к её нежным щекам, и от блеска тёмной синевы её глаз. Сначала она не обратила на меня внимания, не заметила моё присутствие и только шептала слова, которые я не мог разобрать.

Наконец, когда я заговорил с ней тихим, успокаивающим тоном, выражение её лица внезапно изменилось, она провела свободной рукой над своим лбом, повернулась, посмотрела на меня долго и прямо с нескрываемым удивлением, но не могу сказать, что лицо её выражало недовольство. Ей, кажется, больше хотелось увидеть во мне нежданного друга, чем подозрительного незнакомца. Но всё же она испытывала опасение, страх, и её рука дрожала, и голос прерывался, когда она сказала:

— Может ли это быть? Может ли это быть? Я проснулась? Мама, кто это?

— Добрый гость, д-р Фенвик, которого прислала к нам миссис Пойнтс, дорогая. Как ты себя сейчас чувствуешь?

— Лучше. Странно, лучше.

Она медленно высвободила свою руку из моей и, невольно сжавшись, повернулась к миссис Эшли, притянув её к себе и тотчас спрятавшись от меня.

Убедившись, что Лилиан не бредит и у неё нет жара, который обычно сопровождает нервные припадки, особенно в слабом организме, я бесшумно вышел из комнаты и пошёл, конечно, не в комнату, которую раньше занимал злополучный естествоиспытатель, а в гостиную, вниз по лестнице, чтобы написать рецепт. Я уже отослал слугу с рецептом к аптекарю, когда ко мне спустилась миссис Эшли.

— Она, кажется, неожиданно пошла на поправку. Её лоб стал более холодным, и она полностью владеет собой. Только она не может объяснить свой нервный припадок — ни обморок, ни волнение, в котором она проснулась.

— Думаю, я могу их объяснить. В первой комнате, куда она вошла и где упала в обморок, было открыто окно, окаймлённое вьющимися растениями с цветами. Мисс Эшли подвержена таким явлениям из-за утомляемости, волнения и неосторожного нахождения на открытом воздухе. Её сон после обморока был таким беспокойным, потому что в ней действовали защитные силы организма, старающиеся уберечь её от вредных воздействий. И природе это почти удалось. То, что я прописал, немного поможет ей и ускорит те процессы, которые уже идут в ней. Через день-другой, не сомневаюсь, ваша дочь будет совершенно здорова. И ещё постарайтесь, чтобы она не находилась на открытом воздухе до конца дня. И чтобы она не заходила в комнату, где потеряла сознание, потому что без видимой причины нервный припадок может повториться, в том же месте, где случился впервые. Лучше закрывайте двери этой комнаты, по крайней мере, несколько недель, зажигайте там огонь, перекрасьте её и заново наклейте обои, побрызгайте хлороформом. Вы, возможно, не знаете, но в этой комнате умер д-р Ллойд после продолжительной болезни. Позвольте мне дождаться, пока ваш слуга вернётся с лекарством, и, пока есть вре-

мя, задать вам несколько вопросов. Вы говорите, что мисс Эшли никогда прежде не теряла сознания. Осмелюсь предположить, что у неё слабое здоровье. А были у неё раньше болезни, которые бы беспокоили вас?

— Никогда.

— Нет ли предрасположенности к простудным заболеваниям, кашлю или воспалению лёгких?

— Конечно, нет. Я боялась, что у неё туберкулёз. Вы думаете так? Ваши вопросы тревожат меня.

— Нет, я так не думаю. Но прежде, чем я выскажу своё мнение, ещё один вопрос. Вы говорите, что опасаетесь, что есть подозрение на туберкулёз. В семье кто-нибудь болел им? Конечно, он не передался ей от вас. Но, может, со стороны отца?

— Её отец, — сказала миссис Эшли с глазами, полными слёз, — умер молодым от воспаления мозга. По словам врачей, его нельзя было спасти.

— Достаточно, сударыня. Всё, что вы сказали, подтвердило моё мнение, что физическое строение вашей дочери отлично от такого, в каком может развиваться туберкулёз. Скорее даже, что это здоровый организм, который из-за повышенной нервной возбудимости становится слабым, но приспособляющимся — можно быстро излечиться, но так же быстро можно и заболеть.

— Спасибо, спасибо вам, д-р Фенвик, за ваши слова. Вы сняли тяжесть с моего сердца. Мистер Вигорс, я знаю, думает, что Лилиан больна туберкулёзом, и миссис Пойнтс напугала меня однажды такими же налётами. Но, когда вы говорите о нервной возбудимости, я не совсем вас понимаю. Моя дочь не страдает нервозами. Её характер уравновешен.

— Но, если она не возбудима, можете ли вы сказать, что она не впечатлительна? То, что внешне не нарушает её спокойствие, возможно, приводит в уныние её душу. Вы меня понимаете?

— Да, думаю, я понял. Но не совсем уверена. В большинстве случаев она не более впечатлительна, чем другие девушки, возможно, даже и менее. Но некоторые вещи её, конечно, очень впечатляют.

— Какие же?

— Её, больше, чем кого-либо из тех, кого я знаю, впечатляет природа, сельские пейзажи, звуки, а также музыка и книги, которые она читает, — книги, не являющиеся плодом воображения автора. Возможно, в этом она похожа на своего бедного отца, в большей степени, по крайней мере, я замечаю это в ней. Он был очень молчаливым и сдержанным. И, возможно, что черты её характера сформировались под воздействием одиночества, в котором она воспитывалась. И, чтобы она стала хоть немного похожа на девушек своего возраста, наш друг миссис Пойнтс убедила меня приехать сюда. Лилиан смирилась с переездом. Она избегает мыслей о Лондоне, которому я бы отдала предпочтение. Её бедный отец не мог выносить Лондон.

— Мисс Эшли любит читать?

— Да, она любит читать, но больше всего — мечтать. Она сидит одна и часами без книги или работы сидит, задумчивая, как во сне. Она была такой даже в раннем детстве. Потом она стала рассказывать мне, чем была околдована. Она говорила мне о том, что видела — на самом деле видела — прекрасные дальние страны, цветы и деревья, непохожие на наши. Когда она стала старше, её фантастические рассказы стали меня раздражать, и я отругала её, сказав, что, если кто-нибудь услышит её, то непременно подумает, что она не только не правдива, но и слабоумна. В последние годы она больше не рискует рассказывать мне, что заставляет её мечтать в такие моменты. Но привычка мечтать сохранилась в ней до сих пор. Вы согласны с миссис Пойнтс, что лучшим лекарством для Лилиан могло бы быть жизнерадостное общество молодёжи?

— Конечно, — искренне ответил я, почувствовав острую боль ревности. — Но это вопрос медицины. Вы подниметесь к ней и посидите с ней около получаса? А я подожду здесь, пока она будет спать. Я буду ждать вашего возвращения. А пока буду просматривать газеты и книги на вашем столе. Постойте! Одно предостережение: убедитесь, что в спальне мисс Эшли нет цветов. Кажется, я видел коварный розовый куст, растущий под её окном. Если это так, избавьтесь от него.

Оставшись один, я с радостью осмотрел комнату. Я, несомненно, стал привилегированным гостем. Я прикасался к книгам, к которым должна была прикасаться Лилиан. Рассматривая предметы мебели, которая ещё была расставлена в беспорядке, я понял, все эти вещи хранят в себе историю её жизни. Эта арфа, конечно, принадлежала ей; двухцветный шарф (белый и бледно-голубой цвет — любимые цвета девушек), клетка для птиц, ящик из слоновой кости для детских игрушек — всё говорило мне о ней...

Это были блаженные, опьяняющие мечты, которые миссис Эшли разрушила своим приходом.

Лилиан спокойно спала. У меня больше не было предлога, чтобы задержаться здесь ещё.

— Я пойду. Надеюсь, вы успокоились, — сказал я. — Вы позволите мне прийти завтра днём?

— Да, конечно, приходите.

Когда я направился к двери, миссис Эшли протянула мне руку.

Есть ли такой врач, который не почувствовал, что плата за его услуги лишает его человечности и вовлекает в рыночные отношения, где превыше всего стоят деньги; есть ли такой врач, который говорит себе: «Хорошо, ты дал им здоровье и жизнь. Прощайте! Тебе здесь за это заплатили!»? С бедняком не возникло бы никаких затруднений, но миссис Эшли была богата, и нарушить традиции здесь считалось почти дерзостью. Отказаться от денег означало никогда больше не увидеть Лилиан, но я не мог взять деньги миссис Эшли. Поэтому я сделал вид, что не заметил её протянутой руки, и, пройдя мимо, поспешил к двери.

— Д-р Фенвик, постойте!

— Нет, сударыня, нет! Мисс Эшли скоро бы поправилась и без моего участия. Как только понадобится моя помощь — тогда. Но небеса милостивы, и моя помощь, возможно, и не потребуется. Мы поговорим завтра.

Я ушёл. Я уже был в саду, где пахло цветами; потом шёл по дороге, по обеим сторонам которой возвышались стены; потом — по пустынным улицам, залитым лунным светом, как той зимней ночью, когда я бежал из комнаты, окутанной смертью. Но сейчас улицы не внушали мне страх, и луна больше не казалась Гекатой³⁵, богиней благоговейного страха и привидений. Она теперь была просто повелительницей звёзд, в чьё ласковое лицо вглядывались влюблённые с тех пор (если верить догадкам астрономов), когда она отделилась от Земли, чтобы издали управлять приливами и отливами, так же, как любовь, отделённая от любви, руководит сердцем, которое согласно таинственному закону к ней стремится.

ГЛАВА 11

На следующее утро с какой добротой я выслушивал пациентов, которые обращались ко мне! Все люди казались мне более достойными любви, чем раньше, я в каждого из них страстно желал вселить надежду, которая наполняла моё сердце. Мой первый вызов в этот день был к той бедной молодой женщине, от которой я вчера возвращался, когда почувствовал непреодолимое желание зайти в сад, где впервые увидел Лилиан. Я был благодарен своей пациентке: без неё я, может быть, до сих пор так бы и не узнал о Лилиан.

Брат молодой девушки, работающий в полиции и содержащий на своё жалованье овдовевшую мать и страдающую сестру, встретил меня на пороге дома.

— О, сэр, ей сегодня гораздо лучше, у неё почти ничего не болит. Она будет жить? Она сможет жить?

— Если моё лечение полностью завершено, то, скорее всего, да. И если ей стало лучше, то, я думаю, можно говорить о её выздоровлении. Но сначала я должен её увидеть.

Удивительно, но девушке было действительно лучше. Я почувствовал, что своим мастерством добился блестящего триумфа, но в этот день благодаря чувству, пробудившемуся в моём сердце, я даже забыл о гордости за свои умственные способности.

Я улыбнулся её брату, который всё ещё стоял у порога:

— Ваша сестра спасена, Вэди. Всё, что ей сейчас нужно, — это вино и лёгкая пища. Всё это вы найдёте в моём доме. Приходите каждый день.

— Да хранит вас Господь, сэр! Если я когда-нибудь смогу оказать вам услугу..., — запинаясь, произнёс он. Больше он ничего не смог сказать.

Оказать услугу мне, Алену Фенвику, бедный полицейский! Мне, кому даже сам король не смог бы услужить! Разве я просил у судьбы что-нибудь, кроме славы и сердца Лилиан? Власть и средства к существованию человек получает, помогая другим. Славу и женское сердце он может получить благодаря себе.

С такими мыслями я весело поднимался по холму, прошёл через железные ворота в волшебный сад и остановился перед домом Лилиан.

Слуга, открывший мне дверь и имевший крайне сконфуженный вид, быстро произнёс прежде, чем я успел заговорить:

³⁵ В греч. мифологии богиней луны и её воплощением была Селена. Когда она появлялась на небе во всей своей красе, перед ней бледнели все звёзды. Свой путь по небу она совершала на колеснице, которая двигалась медленно, так как в неё были запряжены только два коня или два мула (или даже коровы). Она была влюблена в прекрасного юношу Эндимиона, которого обрёл на вечный сон царь богов Зевс, и поэтому она была так печальна [12, стр. 311].

— Нет дома, сэр. Записка для вас.

Я механически теребил в руках записку. Я был ошеломлён.

— Нет дома! Мисс Эшли не может не быть дома! Как она?

— Лучше, сэр. Спасибо.

Я всё ещё не мог прочитать записку, печально я посмотрел на окна дома и там, в окне гостиной, мой взгляд встретился с нахмуренным взглядом мистера Вигорса. Я покраснел от негодования, поняв, что меня отвергли, и твёрдым шагом пошёл прочь, подняв голову.

Когда я вышел из сада на освещённую дорогу, я развернул записку. Она начиналась официально: «Миссис Эшли передаёт поклон». Далее она благодарила меня, довольно вежливо, за прошлый ночной визит, говорила, что больше не будет меня беспокоить, и прилагала к записке деньги, вдвое большую сумму, чем требовалось. Я швырнул деньги через высокую стену, как ядовитую змею, ужалившую меня, и разорвал записку на клочки. За гневом пришла тупая тоска, поглотившая все остальные чувства. В конце дороги я остановился. Я не хотел появляться на оживлённых улицах, я избегал мыслей о моих каждодневных обязанностях, которые только и остались у меня в моей одинокой жизни. Я сел на бордюр, закрыл лицо руками. Послышались шаги, я взглянул наверх и увидел д-ра Джойнса, торопливо идущего по дороге, очевидно, из Аббатского дома. Он должен был находиться там, когда я заходил. Меня не только отвергли, но и уже нашли мне замену. Я поднялся прежде, чем он успел дойти до места, где я сидел, и пошёл в город к больным, которые меня ждали. Но моё внимание не было больше таким сосредоточенным, и во мне не было больше той доброжелательности и милосердия, как утром. Я уже описал, как врач должен входить в комнату больного, — с холодной головой. Но, когда в сердце боль, это невозможно. В этот день я уже был не тот, что раньше. Биша³⁶ в своей известной книге «Физиологические исследования о жизни и смерти» разделяет жизнь на животную и растительную. Человеческий ум с центром в головном мозге принадлежит к животной жизни. А чувства человека — к жизни растительной, с центром в сердце, во внутренних органах. Печально, если только к неживой жизни относятся благороднейшие чувства, которые заставляют нас делать ещё один шаг вверх, к возвышенному и прекрасному. Печально, если растительная жизнь затмевает, препятствует жизни живой с центром в мозге, который Создатель наделяет способностью мыслить.

ГЛАВА 12

Внезапно я вспомнил о миссис Пойнтс. Я должен был пойти к ней. Поэтому я решил закончить на сегодня визиты к больным. День был насыщен событиями. Слуга вежливо сообщил мне, что миссис Пойнтс обедает. Я мог только оставить карточку, написав, что зайду завтра. Вечером я получил от неё записку:

«Дорогой д-р Фенвик, к моему большому сожалению, я не смогу увидеть вас завтра. Мы с мужем собираемся навестить его брата, в другом конце графства, и мы отправимся рано. Нас не будет несколько дней. Огорчена, узнав, что мистер Вигорс убедил миссис Эшли обратиться к д-ру Джойнсу по поводу Лилиан. Вигорс и Джойнс напугали бедную мать и настаивают, что у Лилиан есть подозрение на туберкулёз. К несчастью, вы, кажется, сказали там что-то немного не по существу. Некоторые врачи умеют внушать страх, как проповедники в церквях. Вам не нужны пациенты, а д-ру Джойнсу нужны. И после всего лучше, может быть, оставить всё как есть.

Ваша М. Пойнтс».

³⁶ **Биша** (Bichat) Мари Франсуа Ксавье (14.11.1771, Туарет, — 22.07.1802, Париж) — фр. анатом, физиолог и врач, основатель научной школы, один из основоположников патологической анатомии и гистологии (гистология — раздел биологии, изучающий строение тканей живых организмов. Обычно это делается рассечением тканей на тонкие слои. В отличие от анатомии гистология изучает строение организма на тканевом уровне). Учился в Монпелье, Лионе и Париже. С 1799 года до конца жизни работал врачом одной из больниц в Париже. Описал морфологические признаки и физиологические свойства ряда тканей человека. Создал научную классификацию тканей, которые, по его теории, объединяются в системы (например, кости, мышцы) и образуют органы тела. Впервые ввёл в медицину термины «ткань» и «система». Совокупность систем и их элементарных функций и составляет, по теории Биша Мари Франсуа Ксавье, процесс жизнедеятельности организма. По своему мировоззрению Биша Мари Франсуа Ксавье был идеалистом, признавая наличие «жизненной силы», которая непознаваема и отличает живое от растительного, неживого.

Соч. в рус. пер.: физиологические исследования о жизни и смерти, СПб, 1865 [16].

К моему горю, беспокойство за Лилиан возрастало. Я знал, что очень много больных умирает не от самого туберкулёза, а от страха перед ним. А д-р Джойнс был корыстным, хитрым, нуждающимся человеком. Он хорошо знал человеческие слабости, но был недостаточно искусен в лечении болезней. Мои страхи вскоре оправдались. Прошло всего несколько дней, и я услышал от мисс Брабазон, что мисс Эшли серьёзно заболела, находясь в своей комнате. Миссис Эшли рассказала об этом, чтобы прекратились визиты с Возвышенности. Мисс Брабазон видела д-ра Джойнса, который тряс головой и говорил, что случай очень серьёзный, но время и забота (его время и его забота!) могут совершить чудеса.

Как бы я хотел тайком глухой ночью подняться на Возвышенность, чтобы смотреть на окна старого мрачного дома, чтобы вглядываться в окно, в котором печально и тускло горел свет, озаряющий комнату больной — её комнату!

Наконец, миссис Пойнтс вернулась, и я пришёл к ней, твёрдо зная, как мне нужно вести себя по отношению к монарху, которого я хотел сделать своим союзником. Было ясно, что ни под маской, ни без неё нельзя укрыться от пронизательности её острого ума и очень тяжело склонить на свою сторону добрую волю такой властной и решительной натуры. Здесь могла помочь только искренность, и это больше соответствовало моему характеру, и было более достойно.

К счастью, миссис Пойнтс была одна, и я, взяв обеими руками её руку, которую она почему-то холодно протянула мне, сказал, скрывая волнение:

— В прошлый раз, когда я вас видел, вы заметили, что я ещё не просил вас быть моим другом. Я прошу сейчас. Прошу вас, выслушайте меня со снисходительностью, с которой вы можете, и позвольте мне воспользоваться хотя бы вашим советом, если вы откажетесь помочь мне.

Быстро, кратко я рассказал ей, как впервые увидел Лилиан и каким внезапным, каким странным для меня самого было то первое впечатление, которое она на меня произвела.

— Вы заметили перемену, которая произошла во мне, — сказал я. — Вы угадали причину прежде меня, угадали, как только я сел там подле вас в уединении, думая, что через вас смогу увидеть лицо, которое потом являлось мне в моих мыслях. Вы знаете, что с тех пор произошло. Мисс Эшли больна, её состояние, я убеждён, совершенно неправильно истолковано. Все другие чувства сливаются в одно чувство беспокойства, тревоги. Но это случилось из-за меня, из-за страха перед вашей насмешкой, даже больше именно из-за него, чем из-за страха перед вашим упрёком, который я бы услышал, если бы рассказал вам прямо и откровенно о чувстве, которое вызывает мучительную тревогу и которое едва ли достойно какого-нибудь безумного мечтателя, а для человека моего возраста и моей профессии может показаться непростительной глупостью. Это произошло из-за меня, из-за вас, из-за миссис Эшли, потому что для меня всё ещё самая дорогая вещь в жизни — это честь. Вы близко знаете миссис Эшли. Вы более или менее должны знать её желания и планы относительно судьбы её дочери. И, если вы считаете, что эти желания и планы слишком честолюбивы и мой союз с мисс Эшли никак не может им соответствовать, помогите мистеру Вигорсу, чтобы он не пускал меня к ним в дом, а мне помогите подавить в себе эту самонадеянную безумную страсть. Я не могу войти в этот дом без любви и надежды в сердце. И я не переступлю его порога, если моя любовь и надежда могут восприниматься там как грех и предательство. Я мог бы вылечить мисс Эшли, она была бы благодарна... Я не могу продолжать. Нет опасности ни для меня, ни для неё, если её мать хочет для неё лучшего мужа, чем я. И я вынужден считаться с этим: я слышал, вы говорили, что мисс Эшли богата и ещё получит наследство. А сознание того, что слава, которой можно добиться в моей профессии, не открывает тех перспектив, которые открыты профессиям, на мой взгляд, менее достойным... Так вот, ваши слова открыли мне сознание этого. К тому же, вы знаете, что я принадлежу к роду мелкопоместных дворян, и, если бы я сохранил своё имение, перешедшее мне по наследству, и избрал бы другую профессию, многие семейства не посчитали бы брак со мной мезальянсом. Я признаю, что они считаются только с профессией военного или члена сената. Все люди, знатного или низкого происхождения, должны быть равны. Люди нуждаются в помощи человека, который эту помощь может оказать. И для них его мёртвые предки — бесполезный прах. Поэтому преимущества человека не должны определяться его происхождением. Я только провинциальный врач, и моё положение было бы таким же, если бы я был сыном уличного сапожника. Но богатство даёт привилегии. Тот, у кого оно есть, избавлен от подозрений, которые преследуют жадного до богатства охотника. Благодаря своим сбережениям, я в состоянии обеспечить ту, на которой женюсь, и даже сделать это лучше многих богатых сквайеров. Мне не нужно богатство жены. Если бы оно у неё было, я бы всё оставил ей. Простите эти подробности. Теперь вы меня понимаете?

— Полностью, — ответила Королева Возвышенности, которая слушала меня тихо, настороженно, ни разу не прервав, — полностью, и вы хорошо сделали, что доверились мне с такой откровенностью. Но прежде позвольте мне вас спросить, что бы вы посоветовали Лилиан, если предположить, что вы

больше не можете посещать её? Вы не верите в д-ра Джойнса, и я тоже. А записка, которую я получила сегодня от Анни Эшли, подтверждает вашу тревогу. Вы всё ещё думаете, что нет подозрений на туберкулёз?

— Насколько я могу судить, подозрений нет, я уверен. Обыкновенный случай. Но, если мне запрещено помочь Лилиан, мой совет такой. Пусть миссис Эшли немедленно везёт её в Лондон и там проконсультируется с лучшими специалистами. Они примут решение независимо от моего мнения и опыта.

На несколько мгновений миссис Пойнтс закрыла лицо руками и, казалось, погрузилась в себя. Потом произнесла со странной улыбкой, полусерьёзной, полуиронической:

— В делах обыкновенных вы уже давным-давно смогли склонить меня на свою сторону. То, что мистер Вигорс позволил себе не посчитаться с моими рекомендациями, было актом сопротивления и затронуло честь моих прерогатив. Я была возмущена этим оскорблением, но скрыла это, отчасти с досады на себя, но больше всего из уважения к вам.

— Я понимаю. Вы открыли секрет моего сердца. Вы знали, что миссис Эшли не захочет, чтобы её дочь вышла замуж за провинциального врача.

— А разве я уверена или вы уверены в том, что сама Лилиан выберет себе такую судьбу или, если она уже её выбрала, что она не пожалеет об этом?

— Вы не считаете меня тщеславным, когда я говорю, что не могу поверить, что буду так очарован чувством, которое противоречит всякому здравому смыслу, моим привычкам и моим юношеским мечтам, которые превознесли науку и отвергли любовь? Разве я был совершенно уверен, что сердце мисс Эшли свободно, что я смогу завоевать его? Я могу сказать, почему люблю её, но не могу объяснить, почему я думаю, что она может полюбить меня. Скажите мне, почему я убеждён в этом!

— Конечно, то, что вы сказали, — полный абсурд. Но я женщина, и с женской точки зрения здесь всё же присутствует логика. Но вы ещё не можете знать Лилиан, как я. Вы с ней совершенно разные. Не думаю, что она подходящая жена для вас. Она, чистейшее и непорочное существо, всегда на седьмом небе. А вы на седьмом небе только сейчас, но вас с непреодолимой силой будет тянуть назад к твёрдой земле, как только закончится медовый месяц. Не думаю, что у вас будет гармония в отношениях. Не думаю, что Лилиан будет симпатизировать вам. И я уверена, что на протяжении долгой, монотонной каждодневной жизни вы не сможете симпатизировать ей. И поэтому ради вас и ради неё я не рассердилась, узнав, что д-р Джойнс вас заменил. А сейчас в ответ на вашу искренность я искренне говорю вам: «Не ходите туда больше». Подавите в себе это чувство, фантазию, страсть, что бы это ни было. А я посоветую миссис Эшли увезти Лилиан в город. Так и решим?

Я не мог говорить. Я закрыл лицо руками — несчастье, несчастье, одиночество!

Не знаю, сколько я молчал, наверное, долго. Наконец, я почувствовал, что холодная, твёрдая, но в то же время нежная рука коснулась меня, и ясный, совсем не унылый голос сказал мне:

— Оставьте меня. Мне нужно хорошо подумать над этим разговором, над тем, что вы чувствуете. На чаше весов ваше сердце. Несколько раз я слышала от мудрецов и столько же от слабых женщин, что лучше быть несчастным с тем, кого мы любим, чем быть счастливым с нелюбимым. Вы тоже так думаете?

— Да, каждой мыслью, каждым биением моего сердца.

— После такого ответа у меня больше нет вопросов. Вы всё узнаете завтра. К этому времени я встречу с Анни и Лилиан. Я всё взвешу, и сердце на весах, Ален Фенвик, будет очень тяжёлым. А сейчас идите. Я слышу шаги на лестнице: Пойнтс останавливает сплетников. Сплетники шпионят.

Я провёл рукой по глазам — слёз не было. Но как бы они сейчас смогли облегчить мои мучения! Не говоря ни слова, я спустился по лестнице, встретив полковника Пойнтса и старика, которого я излечил от болевого тика и который сейчас насвистывал весёлую мелодию. Как только я поравнялся с ним, он прервал своё занятие и почти бросился меня обнимать. Я решил, что его радостное благословение — добрый знак для меня, и всё время думал об этом, пока шёл по залитой солнцем дороге. Одинокий, одинокий! Я буду им навеки?

ГЛАВА 13

На следующий день я отпустил последнего пациента и уже собирался садиться в свой экипаж, чтобы начать, как обычно, объезд больных, как получил записку:

«Зайдите ко мне сегодня, как только сможете.
М. Пойнтс».

Через несколько минут я уже был у неё в гостиной.

— Хорошо, Ален Фенвик, — сказала она. — Я не оказываю услуг друзьям наполовину. Не благодарите! Я только придерживаюсь своих принципов. Я провела вчерашний вечер с семейством Эшли. Лилиан, конечно, сильно изменилась — очень слаба, я думаю, она очень больна. Д-р Джойнс лечит её очень плохо, неумело. Я поняла, что настоять на замене врача — моя обязанность. Но, прежде чем решить, кто будет новым врачом, нужно было ещё обсудить кое-что. Я обязалась, как ваше доверенное лицо, учесть ваши личные интересы. Конечно, я так прямо не могла сказать миссис Эшли: «Д-р Фенвик восхищается вашей дочерью. Вы не возражаете, если он станет вашим зятем?» Конечно, я вообще не могла коснуться в разговоре секрета, который вы мне доверили. Но, тем не менее, я пришла к заключению, подтвердив свои прежние предположения, что, так как Анни Эшли не является светской женщиной, у неё нет чрезмерных амбиций относительно судьбы её дочери, которая обладает богатством и красотой. Больше всего Анни беспокоится о счастье своего ребёнка и больше всего боится, что Лилиан умрёт. Она никогда бы не воспротивилась привязанности дочери, а, если бы это была привязанность к тому, кто сохранит ей жизнь, её собственное сердце с благодарностью и любовью последовало бы за сердцем Лилиан. До тех пор, пока речь идёт о чести, все сомнения исчезают.

Я вскочил с места, сияющий радостью. Миссис Пойнтс сухо продолжала:

— Вы цените свой здравый смысл, а сейчас я дам вам совет, который, может быть, вам не понравится. Я говорила, что не считаю, что вы с Лилиан впоследствии подойдёте друг другу. Размышления подтверждают моё предположение. Не смотрите на меня так недоверчиво и так печально. Слушайте внимательно. Скажите мне как человек, чьё время постоянно занято работой, чьи стремления сводятся к успеху в профессии, чьи мысли поглощены делами, скажите мне, какую жену вы себе ищете. Неужели эта внезапная прихоть, которая появилась в вас при виде прелестного лица, изменила ваши суждения и перечеркнула все прежние планы и решения? Конечно, вам нужна жена, с которой ваше сердце будет совершенно спокойно и из-за которой ваши мысли не будут рассеяны. Короче, спокойный товарищ. Разве не так?

— Когда речь идёт о браке, вы истолковываете мои собственные мысли. Но что такое есть в Лилиан Эшли, что может испортить картину, которую вы обрисовали?

— А что есть в Лилиан, что хоть немного соответствует этой картине? Во-первых, жена молодого врача не может быть его постоянным пациентом. Чем больше он будет любить её и чем больше она будет достойна его любви, тем больше её состояние здоровья будет беспокоить его, где бы он ни находился. Когда он будет возвращаться домой, там его будут ждать больной, о котором он больше всего тревожится, и мучительное беспокойство.

— Но, боже мой! Почему Лилиан Эшли будет постоянным пациентом? Силы молодого организма неисчерпаемы. И...

— Позвольте мне перебить вас. Я не могу спорить с влюблённым врачом! Я сдаюсь, но остаюсь уверенной, что есть что-то в физическом строении Лилиан, что ошеломит вас, собьёт с толку и будет вызывать страдания. Такое было и с её отцом, на которого она похожа внешне и характером. У него не было симптомов смертельной болезни. Как и у Лилиан, у него было прекрасное телосложение, правильные черты лица, но, кроме того, у него было очень слабое здоровье. Когда он чувствовал себя хорошо, любого малейшего нервного потрясения было достаточно, чтобы сделать его совершенно больным. Я была уверена, что он умрёт рано. Так и случилось.

— Да, миссис Эшли говорила, что он умер от воспаления головного мозга. А женщины, на самом деле, очень редко утомляют мозг. В моей практике ещё ни одна пациентка не умирала от умственного напряжения.

— От умственного напряжения — нет, а вот от сердечного приступа, наверно, многие? О, вы признаёте это! Я ничего не знаю о нервах, но предполагаю, что, куда бы они ни подействовали — на мозг или сердце, — результат будет один и тот же, если нервы слишком напряжены и «изношены». И вот что я имею в виду, когда говорю, что вы с Лилиан не подойдёте друг другу. До сих пор она была ребёнком,

её натура ещё не развита, и она ещё не испытывала любви. Вы могли бы предположить, что покорили её сердце; она могла бы полагать, что своё сердце она отдала вам. Но вы оба оказались бы обманутыми. Если бы в наше время феи или эльфы решили обменять своих детей на детей простых смертных и если бы сложившаяся традиция не представляла волшебным образом подменённого ребёнка эльфа уродливым злым существом, так не похожего на якобы своих благородных родителей, я была бы наполовину уверена, что Лилиан — одна из эльфов. Здесь на земле она никогда не чувствует себя дома, и я не думаю, что когда-нибудь она будет довольна прозаическим земным жребием. Теперь я рассказала вам, почему она вам не подойдёт. Я должна дать вам возможность самому решить, насколько вы сами подойдёте ей. Я говорю это всё вовремя, пока вы ещё можете защитить себя от своего порыва, можете проанализировать, взвесить всё, обдумать. С этого момента я больше ничего не скажу на эту тему. Я дала совет, а я ими никогда не разбрасываюсь.

Она замолчала. Повисла долгая пауза, и миссис Пойнтс стала надевать свой чепчик и шарф, лежавшие на столе подле неё. Меня привели в уныние её слова, но больше всего её прямой тяжёлый проницательный взгляд, с которым они были произнесены. Но страх растаял во внезапном жаре моего сердца, когда она снова повернулась ко мне и произнесла:

— Конечно, вы считаете, исходя из этих предостережений, что подвергаетесь опасности? Миссис Эшли хочет проконсультироваться с вами насчёт Лилиан, и я предлагаю поехать к ней со мной.

— О мой друг, мой дорогой друг, как я смогу когда-нибудь отблагодарить вас?

Я схватил её белую крепкую руку и прижал к губам.

Она поспешно отняла её у меня и, нежно кладя её мне на плечо, сказала мягким голосом:

— Бедный Ален, как мало люди знают нас! И как мало, возможно, мы знаем самих себя! Поехали, ваш экипаж здесь? Хорошо, мы всеми силами должны заставить д-ра Джойнса замолчать.

В экипаже миссис Пойнтс передала мне общее содержание разговора с миссис Эшли, которому я был обязан своим возвращением в Аббатский дом. Рано утром после моего первого визита к ним, кажется, заходил мистер Вигорс! И он очень беспокоился, когда услышал, что меня вызывали! Возмущался моим оскорбительным обращением с д-ром Ллойдом, который приходился ему дальним родственником. И, находясь в дальнем родстве с покойным Гилбертом Эшли, он (мистер Вигорс) пытался сосредоточить внимание на том, что он является членом семьи миссис Эшли по линии её мужа. Ей пришлось улаживать ссору с ним. Он отзывался обо мне как о человеке, «испорченном французскими доктринами», как о практикующем враче, опрометчивом и самонадеянном, и, доказывая свою собственную правоту, утверждал, что моё мнение должно быть ошибочным. Перед приездом миссис Эшли в Л**** мистер Вигорс заинтересовал её феноменом месмеризма. Он продиагностировал здоровье Лилиан с помощью ясновидения, которое столь ценил бедный д-р Ллойд, и обнаружил у неё предрасположенность к туберкулёзу лёгких. Мистер Вигорс сразу уговорил миссис Эшли пойти вместе с ним на этот сеанс ясновидения и взять с собой пучок волос Лилиан и перчатку, которую она носила, как средства для месмерического воздействия.

Когда-то я публично объявил ясновидение шарлатанством, а теперь сам оказался достойным осуждения. На сеансе мистер Вигорс торжественно обратился к прорицательнице: «Представьте д-ра Фенвика и посмотрите, будет ли его воздействие на Лилиан благотворным». От этих слов она пришла в сильное волнение и сказала, что, когда увидела нас вместе, мы были окутаны чёрным облаком, и это предвещает несчастье и дурные последствия, мы несовместимы. Затем мистер Вигорс попросил её прогнать мой образ и вызвать образ д-ра Джойнса. При этом колдунья стала более спокойной и сказала: «Д-р Джойнс прекрасно подойдёт, если будет руководствоваться высшими силами, а не только своим мастерством, и ежедневно изучать истинные методы лечения. Самый лучший из них — месмеризм». Но с тех пор, как умер д-р Ллойд, она не знает ни одного месмериста, достаточно одарённого, чтобы установить контакт с пациентом. В общем, она произвела сильное впечатление на миссис Эшли, и та в страхе спешно решила обратиться к д-ру Джойнсу и отказаться от меня.

— Я не думал, что миссис Эшли так недостаёт здравого рассудка, — сказал я. — Когда я видел её, она говорила вполне разумно.

— Вообще, у неё есть здравый рассудок, достаточно, — ответила миссис Пойнтс, — но она легко поддаётся чужому влиянию, её легко запугать, и поэтому с той же лёгкостью, с какой её убедил мистер Вигорс и устрасила прорицательница, я убедил её в обратном. Я убедилась, что от лечения д-ра Джойнса Лилиан становилось хуже. Главными препятствиями, с которыми я столкнулась, когда уговаривала миссис Эшли обратиться к вам за консультацией, были, во-первых, её нежелание оказаться небезопасной по отношению к мистеру Вигорсу как другу и родственнику отца Лилиан; а во-вторых, ей было стыдно за то, что она обошлась с вами так непочтительно. Все эти трудности я взяла на себя. Я

приведу вас к ней в дом, оставлю там, пойду к мистеру Вигорсу и скажу ему, что всё это моих рук дело и что он ничего не будет менять. Всё, вопрос решён. Я бы запретила мистеру Вигорсу проводить все эти спектакли с ясновидением и месмеризмом на Возвышенности и в её окрестностях. Конечно, если вы тоже считаете, что о них не может быть и речи. Сначала был д-р Ллойд, который мне действительно нравился. А сейчас вместо него — д-р Джойнс! Его я не выношу. Ясновидение на Аббатской Возвышенности, конечно! Я на всё это достаточно насмотрелась.

— Правильно. Ваш острый ум сразу обнаружил нелепость всего этого обмана, ложность месмеризма и невозможность ясновидения.

— Нет, мой острый ум не обнаруживал ничего подобного. Я не знаю, является ли месмеризм ошибочным, а ясновидение невозможным. И не желаю знать. Всё, что я знаю, — это то, что Возвышенность в большой опасности: молодые девушки позволяют себе, чтобы молодые люди укладывали их спать, и при этом делают вид, что ничего не имеют против. Это непристойно и возмутительно! А мисс Брабазон, которую д-р Ллойд объявил высокоодарённой, начала пророчить. И теперь миссис Смит, жена Леопольда Смита, расспрашивает свою подругу обо всех секретах своих друзей. Когда я узнала об этом, я сказала: «Возвышенность деградирует! Возвышенность становится смехотворной. Возвышенность должна быть спасена!» Я убеждала д-ра Ллойда как друга, он упрямылся. Я уничтожила его как врага, не моего личного врага, но врага государства. Я уничтожила своего лучшего подданного на благо Рима³⁷. Теперь вы знаете, почему я приняла вашу сторону — не потому, что у меня нет своего мнения, правда или ложь то, что отстаивал д-р Ллойд. Но я твёрдо убеждена, что в любом случае его взгляды недопустимы на Возвышенности. И поэтому, Ален Фенвик, вопрос решён.

Возможно, в другое время я почувствовал бы себя оскорблённым, узнав, что великий монарх использовал меня в качестве политического инструмента и оказал мне поддержку не из-за того, что истина была на моей стороне. Почувствовал бы угрызения совести из-за того, что помогал принести в жертву своего собрата по науке, без сомнения, впавшего в заблуждение, но избравшего веру в ущерб земным интересам. Помогал принести его в жертву тем идеям, с которыми всегда враждует наука. В жертву предрассудкам клики³⁸, посвящённым приличиям общества. Но тогда то, что я услышал, не произвело на меня заметного впечатления. Над сиренью и вечнозелёными растениями уже были видны коньки крыши Аббатского дома. Через минуту наш экипаж остановился у его дверей.

ГЛАВА 14

Миссис Эшли приняла нас в столовой. Поначалу она была со мной робка и застенчива. Но вскоре моя спутница как будто бы придала ей своей собственной уверенности и спокойствие. После короткого разговора мы втроём направились к Лилиан, в маленькую комнату в нижнем этаже, которая была её рабочим кабинетом. Я с радостью осознавал, что мой запрет посещать комнату, где умер д-р Ллойд, не был нарушен.

Она лежала на диване около окна, которое было закрыто, что показалось мне подозрительным. Шторы на нём совсем не пропускали в комнату солнечный свет майского дня; сильный огонь в камине; воздух, как в теплице, — здесь были созданы все условия, чтобы излечить Лилиан от туберкулёза! Мы вошли бесшумно, и она не обратила на нас внимания. Её безжизненный взгляд был устремлён вниз, и, увидев её, я с трудом удержался, чтобы не вскрикнуть. Казалось, она изменилась за последние несколько дней, и её лицо выражало уныние. Но когда она медленно обернулась на звук наших шагов и её взгляд встретился с моим, краска залила её бледные щёки, и она приподнялась наполовину, но тут же откинулась назад, обессилев. Послышался глухой сдавленный кашель. Могло ли такое быть возможным, что я ошибся и в этом кашле слышалось тревожное предвестие смерти?

Я сел рядом с ней. Я пытался вовлечь её в разговор на маловажные темы — о погоде, о саде, о птице в клетке, стоявшей около неё на столе. Её голос, сначала слабый и тихий, постепенно стал громче, и её лицо озарилось с детской непосредственностью шаловливой улыбкой. Нет, я не ошибся! У неё не было флегматичного, вялого темперамента, который может стать причиной туберкулёза. А её ровное сердцебиение не отнимало напрасно силы у организма. Тихо и спокойно я провёл осмотр, задавал во-

³⁷ Существует легенда о братьях-близнецах Ромуле и Реме. Ромул принёс в жертву своего брата и стал первым царём Рима. Скорее всего, миссис Пойнтс говорит о символике близнецов — римский гражданин должен принести в жертву самого себя на благо Рима. Но на благо Аббатской Возвышенности она приносит в жертву не себя, а д-ра Ллойда.

³⁸ **Клика** — группа, сообщество людей, занимающихся чем-нибудь неблагоприятным [9, стр. 229].

просы, прикладывал стетоскоп³⁹ и, когда я обернулся и увидел глаза матери, которая очень тревожилась, на моём лице всё было написано. Мать Лилиан поспешно встала, сжала мою руку и сказала со слезами:

— Вы улыбаетесь! Вы не видите ничего, что может вызывать страх?

— Страх! Нет, конечно! Мисс Эшли, вы скоро снова будете чувствовать себя хорошо, будете или нет?

— Да, — ответила она с милым смехом. — Мне будет хорошо уже очень скоро. Но почему мне нельзя открыть окно, пойти в сад? Я очень хочу на свежий воздух.

— Нет, нет, любимая, — воскликнула миссис Эшли, — не сейчас, когда дует восточный ветер. Д-р Джойнс сказал: «Ни в коем случае!» Ни в коем случае, д-р Фенвик, не правда ли?

— Мисс Эшли, вы возьмёте меня за руку? Мы немного пройдемся по комнате, — сказал я. — Мы посмотрим, как далеко мы сможем убежать от д-ра Джойнса.

Она встала с небольшим усилием, но уже не кашляла. Её шаги, сначала слабые, становились всё более уверенными.

— Позвольте ей выйти, — обратился я к миссис Эшли. — Ветер не дует с востока. А пока нас не будет, попросите своего слугу уменьшить огонь в камине: сейчас не Рождество.

— Но...

— Ах, никаких «но»! Плох тот врач, кто не может твёрдо настоять на своём.

Итак, Лилиан принесли соломенную шляпку и мантилью⁴⁰. Её закутали с излишней заботой, и мы вчетвером пошли в сад. Невольно мы направились к Стене Монаха, и с каждым шагом Лилиан, казалось, оживала, на воздухе, под лучами солнца. У стены мы остановились.

— Вы не чувствуете усталость, мисс Эшли?

— Нет.

— Но ваше лицо, кажется, изменилось. Оно стало печальнее.

— Не печальнее, нет.

— Печальнее, чем тогда, когда я впервые увидел вас здесь — вы сидели здесь! — я сказал это шёпотом. Её рука была в моей руке, и я почувствовал, как она задрожала.

— Вы видели меня сидящей здесь!

— Да. Когда-нибудь я расскажу вам.

Лилиан подняла свои глаза на меня, и в них было то же удивление, которое я отметил при первом визите. Это ошеломило меня, и я почувствовал не только неудовольствие, но и ещё какую-то смутную тревогу.

Вскоре мы вернулись в дом.

Миссис Эшли дала мне знак следовать за ней в гостиную, оставив миссис Пойнтс с Лилиан.

— Здорова? — спросила она меня с дрожью в голосе.

— Позвольте мне посмотреть рецепты д-ра Джойнса. Спасибо. Да, так я и думал. Сударыня, ошибка была в том, что вместо того, чтобы укреплять организм, его подвергали всё большей депрессии, заставляли принимать снотворное. Главное, что может помочь Лилиан, — это свет и свежий воздух. Обещайте мне, что я смогу пронаблюдать за ней в течение недели и что все мои рекомендации будут приняты беспрекословно.

— Я обещаю. Но этот кашель... Вы заметили?

— Да. Её нервная система слишком ослаблена, а нервное истощение очень коварно: оно вызывает недомогания, с которыми совершенно не связано. Кашель скоро пройдёт! Но простите мой вопрос. Миссис Пойнтс рассказала мне, что вы обращались к ясновидящей по поводу вашей дочери. Лилиан знает об этом?

— Нет. Я ничего не говорила ей.

— Я этому рад. И, пожалуйста, ради бога, оберегайте её от всего, что может заставить её думать на эту тему. И, кроме того, оберегайте её от повышенного внимания ко всем болезням, которые ей ошибочно приписали. Её случай находится в моей компетенции. Вы не можете тщательно вникнуть в суть проблемы. Вам кажется, что Лилиан здорова, но вскоре начнёт проявляться болезненная чувствительность. Постарайтесь на полчаса сконцентрировать своё внимание на мизинце, и прежде, чем полчаса истекут, ваш мизинец онемееет, и, возможно, вы даже почувствуете боль. Как же велика опасность для

³⁹ **Стетоскоп** — деревянная или пластмассовая трубка для выслушивания лёгких, сердца, сосудов (напр. при измерении артериального давления) и др. органов [6, стр. 1268].

⁴⁰ **Мантилья** [исп. mantilla] — короткая, не доходящая до колен женская накидка без рукавов в женском костюме XIX в. [9, стр. 279; 17, стр. 293].

молодой девушки, в её возрасте, когда так сильно воображение, если вы вынуждаете её поверить в то, что она смертельно больна! Характерная черта юности — размышлять о ранней смерти, но более смиренно, чем размышляем мы в зрелые годы. Вы внушаете молодой впечатлительной девушке, у которой нет никаких лёгочных заболеваний, так же, как нет их у вас и у меня, что она должна умереть. И хотя на самом деле она не может умереть от туберкулёза, вы медленно вливаете в неё яд. Надежда — вот что является естественной поддержкой молодому организму. Отнимая у неё надежду, вы лишаете её выздоровления. Как только эта временная болезнь закончится, откажитесь ради вашей дочери от чрезмерной заботы, которая влияет на её душу и отделяет от других людей её возраста. Пусть Лилиан выходит на воздух, который будет для неё живительным, спит с открытыми окнами, особенно при восходе солнца. Природа сделает для неё больше, чем все наши лекарства. До сих пор вы боялись Природы, теперь доверьтесь ей.

Пока я говорил, я записывал рецепт и некоторые общие предписания. Тут к нам присоединилась миссис Пойнтс, и я закончил свою речь обращением к этой могущественной покровительнице:

— Сударыня, это тот случай, когда мне нужна ваша помощь, и я прошу её у вас. Мисс Эшли нельзя оставить ни с кем, кроме её матери. Но перемена лиц вокруг часто оказывает целебное воздействие, как смена обстановки. Если бы вы могли посвятить час или два своего времени тому, чтобы посидеть с мисс Эшли, поговорить с ней с вашей обычной жизнерадостностью и...

— Анни, — прервала меня миссис Пойнтс. — В половине восьмого я приду и выпью с тобой чаю. И возьму своё вязание. И, возможно, д-р Фенвик тоже придёт, если ты его попросишь! Он может быть очень интересным, когда захочет.

— Я боюсь, это его слишком утомит, — ответила миссис Эшли. — Но, — добавила она радостно, — я была бы очень благодарна, если бы он смог уделить нам час своего времени.

Я прошептал, что согласен, стараясь не подать вида, что очень счастлив.

— Ну, тогда вопрос решён, — сказала миссис Пойнтс. — А сейчас я пойду к мистеру Вигорсу и предотвращу его дальнейшее вмешательство.

— Но только, Маргарет, пожалуйста, не обижай его: это родственник моего дорогого Гилберта. Он такой обидчивый! И я не знаю, как ты...

— Как я от него избавлюсь? Не бойся. Я умею обращаться со всем и с каждым, — заявила миссис Пойнтс прямо. Она поцеловала в лоб свою подругу, кивнула мне и, отказавшись от моего экипажа, направилась пешком к городу, выбрав самую короткую дорогу.

Миссис Эшли робко приблизилась ко мне и снова украдкой, застенчиво протянула мне ненавистные деньги.

— Пойдите, — сказал я. — Этот случай требует постоянного наблюдения. Я пожелаю заходить так часто, что покажусь вам самым жадным из всех врачей, если мои визиты будут исчисляться гинейями⁴¹. Позвольте мне лечить без денег, я приложу всё своё умение. И, когда среди всех молодых девушек на Возвышенности не найдётся ни одной с более свежим румянцем или подающей большие надежды на выздоровление, чем пациентка, которую вы вверяете моим заботам, — вот тогда — плата и увольнение. Нет, нет, я могу сослаться на нашего друга — миссис Пойнтс. Мы так с ней решили до того, как она привезла меня сюда, чтобы заменить д-ра Джойнса.

И я тотчас ушёл.

ГЛАВА 15

Меньше чем через неделю Лилиан пошла на поправку. И меньше чем через две недели она полностью выздоровела. Более того, миссис Эшли говорила, что никогда ещё её дочь не казалась такой весёлой, жизнерадостной и не выглядела так хорошо. Я стал своим в Аббатском доме и много вечеров провёл там. Так как я советовал Лилиан заниматься верховой ездой, миссис Эшли купила для своей дочери прелестную, спокойную лошадь, и теперь Лилиан каждый день, если позволяла погода, ездила верхом вместе с полковником Пойнтсом, который был прекрасным наездником, и часто в компании с мисс Джейн Пойнтс и другими девушками Возвышенности. Когда она возвращалась домой, я обычно оставлял свои дела, чтобы присоединиться к ней. Таким образом, мы с ней открыто встречались, в присутствии её матери. Лилиан заранее рассказывала мне, куда они собираются отправиться с полковником

⁴¹ **Гинейя** [англ. guinea] — англ. золотая монета, равная 21 шиллингу, находившаяся в обращении до 1817 года (впервые была отчеканена в 1663 году из золота, привезённого из Гвинеи, — отсюда её название) [17, стр. 129].

Пойнтсом, и я обещал поехать с ними, если позволят дела. Прислушавшись к моим советам, миссис Эшли теперь почти каждый вечер принимала у себя гостей, своих соседей: таким образом, Лилиан привыкала к общению со своими сверстниками. Музыка, танцы и ребяческие игры сделали весёлым старый дом. И Возвышенность с благодарностью призналась миссис Пойнтс, что «семейство Эшли — ценное приобретение».

Но моё счастье не было безоблачным. Бескорыстно стремясь окружить Лилиан людьми, я чувствовал муки ревности, которые неотделимы от тех ранних стадий любви, когда влюблённый ещё не уверен в том, что он любим.

Сблизив Лилиан с жителями Возвышенности, я сам оказался вдали от неё. Я видел её в окружении весёлых молодых поклонников, очарованных её красотой и богатством. Когда она танцевала с ними, её нежное лицо оживало. А я не мог себе позволить танцевать с ней: не из-за своего возраста, нет, а из-за серьёзности своей профессии. Её музыкальный смех восхищал мой слух, но в то же время жестоко ранил сердце, как будто это была насмешка надо мной и моими самонадеянными мечтами. Но внезапно, робко её взгляд устремлялся к тому месту, где я сидел. Она, казалось, искала меня. И когда наши глаза встречались, её взгляд смягчался, прежде чем она успевала отвести его от меня, румянец на щеках становился темнее, а на её губах появлялась улыбка, совсем не похожая на ту, которую она дарила остальным. А потом, потом вся ревность, вся печаль исчезали, и я чувствовал гордость, которая смешивалась с растущей уверенностью в том, что мы любим друг друга.

В это божественное время, когда страсть человека ещё является его тайной, когда мысли о совершенстве и чистоте, неясные и ускользающие прежде, становятся всё более ощутимыми и концентрируются вокруг одной непорочной фигуры, высоко стоящей над всеми остальными живыми существами, — одна только мысль, что этот образец красоты и целомудрия выбирает его одного из миллионов, облагораживает и возвышает его самого! И хотя его опыт в дальнейшем может упрекнуть его в том, что он принял за дочь Небес существо из глины, такое же, как он сам, некоторое время у этой иллюзии есть своё великолепие. И хотя она возникает в результате появления чувств, которые позже будут осквернены и подавлены, эти чувства поначалу не проявляются, потому что им внушает страх присутствие, которое их очаровывает. Всё, что есть в человеке самое яркое, самое лучшее, воспарило, как долго дремавший инстинкт неба, чтобы, наконец, приветствовать и освятить мечту жизни о небесном! Отними у Любви крылья — и бог исчезнет!

Таким образом, в те минуты, когда я мучился от ревности, проблески веры заставляли меня испытывать восторг. Но всё же у меня была постоянная причина для беспокойства, хотя и менее острого, чем ревность.

Несмотря на выздоровление Лилиан, я никак не мог понять истинную причину её болезни, которая поглотила всё моё внимание. Для её матери я нашёл подходящее определение этой болезни — «нервная», но мне самому это совершенно ни о чём не говорило и не объясняло имевшиеся у Лилиан симптомы. Без всякой видимой или хотя бы предположительной причины у неё внезапно менялось выражение лица, сердцебиение, взгляд становился неподвижным, исчезал румянец, пульс становился всё слабее и слабее до тех пор, пока его совсем нельзя было почувствовать. Но это ещё не указывало на наличие у Лилиан болезни сердца, хотя могло бы быть тревожным признаком. Всё проходило через несколько минут, в течение которых она выглядела потерявшей сознание. По крайней мере, в это время она не разговаривала и не обращала внимание на то, что ей говорили. Но на её лице не было выражения страдания или утомления, напротив — поразительное спокойствие, делавшее её красоту ещё более привлекательной, а её юность — более свежей. Когда обморок проходил, она мгновенно выздоравливала без всяких усилий, не оставалось никаких признаков слабости. Казалось, она только что очнулась ото сна, полная сил. И настроение у неё было более радостным и весёлым, чем рассказала мне в первый раз миссис Эшли. Она радовалась радости своих друзей, она обладала чувствительным восприятием светлых сторон жизни, была благодарна за доброту и радовалась мелочам, которые могли доставить удовольствие только тем, кто чист душой. Но когда в разговоре касались более мрачных и отвлечённых тем, она становилась более серьёзной и погружённой в себя, а иногда она начинала говорить с таким красноречием, какого я никогда прежде и никогда потом не слышал от существ, таких юных. Сначала её слова поразили меня и вскоре вызвали тревогу: настолько фантастическими и бредовыми казались мне мысли, вызванные её воображением. Я пытался отвлечь её от диких фантазий, к которым не испытывал никакой симпатии и потакание которым считал вредным для нормального функционирования мозга.

И когда иногда с холодным осуждением, иногда с полусаркастическим смехом я подавлял её излишние, искренние и музыкальные, как пение лесных птиц, она смотрела на меня печально и часто уходила.

ла, вздыхая и дрожа. Только в такие моменты она показывала своё недовольство. В другое же время она всегда была мила и послушна и всегда, если я видел, что причинил ей боль, и просил прощения, сама смиренно просила прощения у меня и скрепляла наше примирение своей ангельской улыбкой. Я ещё не осмелился сказать ей о любви и смотрел на неё, как заключённый смотрит на цветы и звёзды сквозь решётку своей камеры, шепча: «Когда же двери откроются?»

ГЛАВА 16

Известие миссис Пойнтс о том, что я заменил д-ра Джойнса в Аббатском доме не менее внезапно, чем д-р Джойнс вытеснил меня до этого, произвело на мистера Вигорса неприятное впечатление. Но так как это было решением миссис Пойнтс, мистер Вигорс не отважился осуждать это при ней, но в глубине души он был немало напуган.

Гнев же судьи по отношению к кроткой миссис Эшли был проявлен более решительно. Он перестал к ней ходить, и в ответ на её длинное просительное письмо, в котором она пыталась смягчить его обиду и вернуть его в Аббатский дом, он писал ей с тщательным сочетанием проповеди с сарказмом. Он начал с того, что отказался от её приглашений, ссылаясь на то, что у него нет времени и к тому же он домосед, и, хотя всегда готовый принести в жертву и время, и свои привычки ради того, чтобы принести кому-нибудь пользу, в этот раз он решил не жертвовать ничем, так как его советом пренебрегли и мнение отвергли. Он вспомнил, с каким уважением относился её покойный муж к его суждениям и какая была от этого польза. Он противопоставлял уважение мужа и оскорбление вдовы и намекал, что в случае неприятностей ничем не сможет помочь. Но он не позволил себе сказать, что могут думать светские женщины, но даже светские женщины обычно принимают во внимание интересы своих детей и не действуют легкомысленно в тех случаях, когда затрагиваются эти интересы, особенно, когда на карту поставлена их жизнь. Сам же он, мистер Вигорс, полностью доверяет мастерству д-ра Джойнса. Миссис Эшли должна сама решить для себя, стоит ли доверять миссис Пойнтс в вопросах медицины, так же ли она в них компетентна, так же хорошо разбирается в них, как в шаях и лентах. Д-р Джойнс был человеком осмотрительным и скромным. Он не позволял себе пустого бахвальства, которым шарлатаны заманивают простаков. Но д-р Джойнс был втайне уверен, что, хотя на Возвышенности не приветствуются смелые эксперименты, ему не следует бояться за последствия своего метода лечения, на котором он настаивал. А какие могут быть последствия у других методов, он не смог бы сказать, потому что был слишком благороден, чтобы сомневаться в заменившем его противнике. А мистер Вигорс был уверен благодаря другим источникам информации (я предполагаю, что это были, главным образом, пророческие предсказания его ясновидящих), что придёт время, когда несчастная молодая девушка сама будет настаивать на отстранении д-ра Фенвика, и тогда «эта персона» предстанет в совершенно ином свете перед теми, кто сейчас так безосновательно восхищается им и так ему доверяет. А когда это время придёт, он, мистер Вигорс, снова сможет быть полезен. Но, между тем, хотя он отказался восстановить прежние отношения с Аббатским домом и наносить бесполезные визиты, его интерес к дочери своего старого друга не только не ослаб, но, скорее всего, даже возрос из жалости. Он смог бы наблюдать за ней, и, как только потребуется его совет, смог бы отбросить в сторону все прежние оскорбления миссис Эшли, поняв, что она мать, которая заботится о благе своего ребёнка.

Миссис Эшли была такой женщиной, которая всегда полагается на других, была не уверенной в себе, доверчивой, скромной, любящей. Не совсем заслуженно получившую от миссис Пойнтс прозвище «заурядной слабой», её можно было назвать только «слабой», но никак не «заурядной». Она обладала сердечной добротой и приятными манерами, которым это пренебрежительное определение несколько не соответствовало. Её можно было назвать банальной только из-за того, что в обычных жизненных вопросах она придавала огромное значение здравому смыслу. Как хозяйка дома она была безупречна. Ничьё домашнее хозяйство, даже хозяйство миссис Пойнтс, не управлялось с таким искусством. Старый Аббатский дом сохранял свою старинную сумрачность, но теперь в нём царило приятное спокойствие. Все слуги миссис Эшли обожали её. Все находили удовольствие угождать ей. В её хозяйстве словно присутствовала гармония часового механизма. Покой распространялся вокруг неё, как неяркий солнечный свет. Всматриваться в её приятное лицо, слушать её простодушный разговор, срывающийся с её губ, её неторопливый, убаюкивающий шёпот было отдохновением от гнетущих забот. У неё было превосходное суждение обо всём, что было связано с каждодневной жизнью. Ей не нужны были ничьи советы, она и сама могла бы давать их другим. Но иногда что-нибудь само по себе совершенно тривиальное появлялось у неё на пути, и она совсем не знала, что ей делать. В такие моменты уверенность оставляла её, и ей требовался советчик, доверенное лицо, которому она могла бы полностью довериться. И

поэтому, когда она потеряла в лице мистера Вигорса своего главного советчика, к которому привыкла обращаться в любое время за помощью, она обратилась сначала, беспомощно и жалостливо, к миссис Пойнтс, а потом, ещё более умоляюще, ко мне, потому что женщине с её характером никак не обойтись без совета мужчины. И когда общение становится более близким, чем при официальных визитах врача, доверие к нему растёт в результате симпатии между ним и семьёй, открывающей ему свои тайны. Таким образом, миссис Эшли показала мне письмо мистера Вигорса и, забывая, что я не могу быть с ним так же любезен, как она, умоляла дать ей совет, как примириться с родственником и другом своего покойного мужа. Подавляя своё собственное чувство обиды, вызванное неприятным вкрадчивым тоном, но более всё же высокомерием, с которым этот предубеждённый человек намекал матери на необходимость его опекуна над её ребёнком, я набросал ответ, показавшийся мне исполненным достоинства, но в то же время примирительный, в котором выразил уверенность, что миссис Эшли всегда будет рада услышать от такого почтенного друга своего мужа совет, который пойдёт на пользу её дочери.

Прошло около месяца с того дня, как я вернулся в Аббатский дом и прекратилось общение с мистером Вигорсом. Как-то после обеда я неожиданно встретил его по дороге к Аббатскому дому и с первого же взгляда на него понял, что он идёт оттуда. Выражение его лица было более зловещим, чем обычно. Усмешка говорила о безошибочном триумфе и придавала угрожающий вид его и без того мрачной, нахмуренной физиономии. Я сразу почувствовал, что он преуспел в какой-то махинации против меня, и с дурным предчувствием ускорил шаг.

Я нашёл миссис Эшли сидящей в одиночестве напротив дома, под большим кедром, образовавшим посреди солнечной лужайки беседку из зелени. Она заметно смутилась, когда я сел рядом с ней.

— Надеюсь, — сказал я с вынужденной улыбкой, — что мистер Вигорс не говорил вам, что я убью свою пациентку, или, что она выглядит намного хуже, чем тогда, когда её лечил д-р Джойнс?

— Нет, — ответила она. — Он радостно признал, что Лилиан совершенно здорова, и сказал без всякого неудовольствия, что слышал, как она была весела, разъезжая верхом и даже танцуя. А ведь он не одобряет танцы.

— Но ещё я вижу, что он сказал что-то, чтобы взволновать вас или досадить. А если судить по выражению его лица, когда я его встретил, я мог бы предположить, что он намерен что-то предпринять, чтобы вы перестали доверять мне.

— Уверяю вас, что нет. Он не произносил вашего имени ни при мне, ни при Лилиан. Я никогда не видела его более дружелюбным, совсем, как в старые добрые времена. В душе он хороший человек, очень, и очень привязан к моему бедному мужу.

— А мистер Эшли признавал важность мнения мистера Вигорса?

— Ну, я совсем ничего не знаю, потому что мой дорогой Гилберт никогда не говорил мне много о нём. Гилберт по природе был очень молчалив. Он старался избегать всяческих проблем, всех мирских дел, и мистер Вигорс управлял его поместьем, просматривал его книги и вёл его утомительные дела в суде, которые достались ему от отца. Они свели его отца в могилу. Я не знаю, что бы мы делали без мистера Вигорса, и я так рада, что он простил меня.

— Гм! Где мисс Эшли? Дома?

— Нет, где-то в саду. Но, мой дорогой д-р Фенвик, не оставляйте меня так скоро. Вы очень, очень добры, и я стала смотреть на вас, как на старого друга. Случилось кое-что, что обеспокоило меня, очень обеспокоило.

Она произнесла это слабым голосом, закрывая глаза. Она была совершенно подавлена.

— Наша дружба, — ответил я серьёзно, — взаимна. Я очень благодарен вам. Я одинокий человек, и у меня нет родителей и близких родственников, а в этом городе с тех пор, как уехал д-р Фабер, я ни в ком не встречал сердечного радушия, пока не узнал вас. Впустив меня в своё сердце, вы подарили мне то, что я никогда не знал прежде, с самого рождения. Я увидел счастливую домашнюю жизнь. И какое неведомое мне очарование исходило от женщины. Поэтому я действительно говорю как старый друг, а благодаря доверию, которое вы мне оказали, я чувствую, что больше не одинок и у меня есть родственники и есть дом.

Мои слова, произнесённые из самых глубин моего сердца, по-видимому, глубоко тронули миссис Эшли. И, отвечая мне с искренней, сердечной добротой, она поднялась, взяла мою руку и продолжала держать всё время, пока мы прогуливались вперёд и назад по лужайке.

— Вы, возможно, знаете, что у моего бедного мужа есть сестра, леди Хотон, вдова, как и я.

— Я помню, миссис Пойнтс говорила, что у вас есть золовка, но никогда раньше не слышал, чтобы вы упоминали имя леди Хотон. Хорошо!

— Да, мистер Вигорс принёс мне от неё письмо, и это именно то, что меня беспокоило. Я осмелюсь сказать вам, вы никогда не слышали от меня о леди Хотон, потому что я, к своему стыду, почти забыла о её существовании. Она намного старше моего мужа, и у неё совершенно иной характер. Только однажды она приехала навестить его после нашей свадьбы. Она обозвала его книжным червем и своими насмешками причинила мне боль. А его оскорбила тем, что смотрела на меня сверху вниз, как на ничтожество без души и манер, что, в общем-то, было правдой. И, за исключением холодного, бесчувственного письма с церемонным выражением соболезнований после смерти Гилберта, я ничего о ней не слышала до сегодняшнего дня. Но, несмотря на всё, она сестра моего бедного мужа, его старшая сестра и тётя Лилиан, и, как говорит мистер Вигорс, долг есть долг.

Если бы миссис Эшли захотела сказать: «Долг есть мука», она не смогла бы произнести эту сентенцию с более скорбным и безнадёжным смирением.

— А что эта леди требует от вас, если мистер Вигорс считает, что вы должны выполнить свой долг?

— Боже мой! Какая проницательность! Вы верно догадались. Но я думаю, вы согласитесь с мистером Вигорсом. Конечно, у меня нет права. Да, я должна это сделать.

— Сейчас моя проницательность мне изменяет. Что сделать? Пожалуйста, объясните.

— Полгода назад бедняжка леди Хотон потеряла своего единственного сына, сэра Джеймса. Мистер Вигорс говорит, он был превосходным молодым человеком, которым любая мать могла бы гордиться. Я слышала, он был сумасброден. Мистер Вигорс утверждает, что он собирался исправиться и жениться на молодой девушке, которую для него выбрала его мать, когда, к, несчастью, он решил участвовать в скачках с препятствиями и, будучи не совсем трезвым, свернул себе шею. Для леди Хотон это, конечно, стало огромным горем. Она уехала в Брайтон⁴², написала оттуда, а мистер Вигорс принёс письмо. Он вернётся к ней сегодня.

— Вернётся к леди Хотон? Что? Он был у неё? Он так же близко знаком с леди Хотон, как и с её братом?

— Нет, но они долгое время переписывались. Она жила в поместье Кирби (при жизни Гилберта деньги за него не были полностью выплачены), небольшая часть имущества перешла к сэру Джеймсу, всё остальное досталось законному наследнику, мистеру Эшли Самнеру. И, пока он был несовершеннолетним, мистеру Вигорсу предложили как его опекуна купить его имущество, но для этого ему потребовалось разрешение леди Хотон и вдовы сэра Джеймса. Было очень много переговоров, а сейчас Эшли Самнер после смерти сэра Джеймса получил в наследство имущество семьи Хотон. В общем, очень запутаны отношения между мистером Вигорсом и леди Хотон, и он просто поехал в Брайтон, чтобы увидеть её. Короче говоря, бедняжка леди Хотон хочет, чтобы и мы с Лилиан приехали её навестить. Мне это всё совсем не нравится. Но как-то вы говорили, что морской воздух должен оказать благотворное воздействие на Лилиан в летнюю жару, и она, кажется, достаточно хорошо себя чувствует, чтобы совершить поездку. Что вы думаете?

— Она хорошо чувствует себя, конечно. Но Брайтон — совсем не то место, в котором я рекомендовал бы провести лето. Там намного жарче, чем в Л****, и почти нет тени.

— Да, но, к несчастью, леди Хотон, предвидела моё возражение, и у неё есть домик у моря, в нескольких милях от Брайтона. Она пишет, там много лесов и место общеизвестно своей прохладой и здоровым воздухом. Оно недалеко от леса святого Леонарда⁴³. В общем, я написала, что мы приедем. Поэтому мы должны, конечно, если вы не запретите.

⁴² **Брайтон** (англ. Brighton) — город на южном побережье в Англии в графстве Сассекс, на берегу пролива Ла-Манш. Удалён на 50 миль (80 км) по железной дороге от Лондона. Административно объединён с соседним городом Хоув, и они по сути являются одним городом (Brighton and Hove или Brighton & Hove) [18].

⁴³ К северу от Брайтона расположены знаменитые **сады Леонарда**, названные так в честь святого Леонарда. Легенда рассказывает, что в этих местах жил страшный дракон в окружении дремучих и, по понятной причине, необитаемых лесов. Дракон был могуч и силен и любил (для только ему ведомых целей) похищать красоток из отдалённых деревень. Святой Леонард бился с этим драконом и ранил его в голову. Дракон убежал, брызгая кровью, и дальнейшая его судьба неизвестна. Однако в местах, где упали капли крови дракона, выросли удивительные по красоте цветы, а парк, образовавшийся здесь, стал гордостью южной Англии. Это удивительная лесистая долина с цепочкой озер, где в окружении, казалось бы, естественного леса цветут тысячи рододендронов и азалий. Сочетание ярких красок, нежно переходящих друг в друга, напоминает живую картину импрессионистов. ... Эти сады — удивительное достижение современных пейзажных парков Великобритании, в чём немалая заслуга их нынешнего и потомственного владельца, сэра Жилия Лоудера.

— Когда вы собираетесь ехать?

— В следующий понедельник. Мистер Вигорс заставил бы меня выбрать день. Если бы вы знали, как я не люблю переезжать, когда я уже устроилась. Но я делаю это ради мрачной леди Хотон. Она такая утончённая, сатирическая натура! Но мистер Вигорс говорит, что она сильно изменилась, бедняжка! Мне бы хотелось показать вам её письмо, но я уже отослала его Маргарет, миссис Пойнтс, за минуту перед тем, как вы пришли. Она немного знает леди Хотон. Маргарет всех знает. И мы должны будем поехать в трауре по несчастному сэру Джеймсу, я полагаю. Маргарет решит это, я сама не знаю, как долго мы должны носить траур. Я должна бы была носить траур ещё полгода назад по бедному племяннику Гилберта, но я так глупа, и я никогда его не видела. И... О, какой сюрприз! Сама Маргарет, моя милая Маргарет!

Мы только что направились в сторону от дома, когда миссис Пойнтс остановилась прямо перед нами.

— Итак, Анни, ты, в самом деле, приняла это приглашение и едешь в следующий понедельник?

— Да. Я поступила неправильно?

— А что говорит д-р Фенвик? Может ли Лилиан ехать в безопасности?

Я не мог честно сказать, что ей нельзя ехать, но моё сердце опустилось куда-то, как свинец, когда я отвечал:

— Мисс Эшли нужна не только забота врача. Но больше чем наполовину её лечение состоит в том, чтобы поддерживать её в хорошем настроении, не позволять ей впадать в депрессию. Она может скучать по весёлому обществу вашей дочери, мисс Джейн, и других девушек-ровесниц. Очень унылый дом, опечаленный недавней тяжёлой утратой, отсутствие других гостей, хозяйка дома, для которой она совершенно посторонний человек и которая самой миссис Эшли представляется грозной, — всё это, конечно, не самая лучшая смена обстановки, которую может посоветовать врач. Когда я говорил, что морской воздух пойдёт Лилиан на пользу, я имел в виду наши северные побережья в более позднее время года. Тогда я смог бы освободиться на несколько недель и сопровождать её. К тому же, путешествие на северный курорт было бы короче и менее утомительно. И воздух там более бодрящий.

— Без сомнения это было бы лучше, — сухо проговорила миссис Пойнтс, — но изложенные вами возражения против поездки к леди Хотон лишены основания. Её дом не будет унылым, там будут и другие гости, и Лилиан найдёт друзей своего возраста — молодых девушек и джентльменов тоже!

Было что-то зловещее, что-то сострадательное во взгляде, который миссис Пойнтс бросила на меня, в её речи, направленной на то, чтобы разбудить во мне страх. Лилиан вдали от меня, в доме светской дамы — такой я представлял себе леди Хотон — в окружении молодых джентльменов и молодых девушек, в окружении обожателей, без сомнения, из высшего, блестящего общества, какого она ещё не знала! Я закрыл глаза и с невероятным усилием подавил тяжёлый вздох.

— Моя дорогая Анни, позволь мне самой убедиться, что д-р Фенвик действительно не даёт своего разрешения на эту поездку. Мне он скажет всё, что не может сказать тебе. Прошу прощения, я отведу его в сторону на несколько минут. Давай встретимся потом под этим кедром.

Взяв меня за руку и не дожидаясь ответа миссис Эшли, миссис Пойнтс увлекла меня за собой прогуливаться вокруг лужайки, и, когда мы были довольно далеко и миссис Эшли не могла нас видеть и слышать, спросила:

— После того, что вы сейчас услышали, вы всё ещё хотите, чтобы Лилиан Эшли стала вашей женой?

— Всё ещё? О, я чувствую страх, когда думаю о том, что она собирается исчезнуть из моей жизни!

— Ваше решение основано на выборе вашего сердца? Подумайте, прежде чем ответить.

— Такое эгоистическое решение, которое я принял, не зная её желания, не может быть окончательным. Более благородное решение занимает все мои мысли и поддерживает меня. Нет, нет, не улыбайтесь так саркастически. Это не голос безрассудной эгоистической страсти. Позвольте мне объяснить всё, если я смогу. Я согласен с вами, что Лилиан ещё не развита. Я согласен, что она неопытна и наивна, как дитя. А её странности — это тайна для меня. И я ещё не нашёл им причину. Но я уверен, что её интеллект так же органичен, как голос её сердца, а ум и сердце, в конечном счёте, под счастливым руководством сольются в тот удачный союз, который составляет совершенство женщины. Возможно, ей всегда будет нужна забота. И моё решение подтверждает мой выбор. Всё, что будет лучшим для неё, будет лучшим и для меня. А кто ещё сможет позаботиться о ней так, как я?

— Вы ещё не говорили Лилиан о своей любви?

— О, конечно, нет.

— И, несмотря на это, вы верите, что ваше чувство не может быть отвергнуто?

— Я думал об этом. Я не уверен, но я надеюсь, хоть и сомневаюсь. Но почему вы волнуете меня этими вопросами? Вы тоже предчувствуете, что я могу потерять её навсегда?

— Если вы так боитесь, скажите ей об этом, и, возможно, её ответ разгонит ваши страхи.

— Что? Сейчас? Когда она знает меня всего лишь месяц? Могу ли я рисковать так преждевременно?

— У любви нет календаря. У многих женщин любовь рождается в тот момент, когда они узнают, что их любят. Мудрость гласит: «Нельзя вернуть упущенное время». Если бы я была на её месте, я бы почувствовала, что приближается именно такой момент, который я не могу упустить. Ну, я всё сказала. Я пойду к миссис Эшли.

— Постойте, скажите мне сначала, *что* действительно содержится в письме леди Хотон, что вы даёте мне совет, который так меня пугает?

— Не сейчас, может, позже, не сейчас. Если вы желаете увидеть Лилиан — она у стены старого Монаха. Я видела её сидящей там, когда подходила к дому.

— Ещё одно слово, только одно. Ответьте мне искренне: это вопрос чести. Вы ещё считаете, что миссис Эшли одобрит наш союз с Лилиан?

— Сейчас я уверена, что да. Но спустя неделю я не могла бы дать вам такой же ответ.

Она пошла своим быстрым размеренным шагом из тени на открытую лужайку, и я следил за ней, пока она не скрылась под ветвями кедра. Потом внезапно я отбросил нерешительность, робкое беспокойство, в котором тщетно пытался проанализировать свои мысли, разрешить свои сомнения, сконцентрироваться на собственном желании, и пошёл другой дорогой вдоль сада. С одной стороны возвышалась терраса, хорошо были видны дома соседнего Нижнего города, отделённого от моей волшебной страны. И сейчас снова мир людей, как за ширмой, скрылся от меня за листвой цветущего июня.

Наконец очаровательная поляна выступила из зелени. Рядом с ней росла душистая сирень, и было много вьющихся растений. И там, у серой стены, хранившей память древних веков, моему взору предстала картина, явившаяся воплощением самой юности. Всё здесь было связано с прошлым. Такое ощущение возникало из-за обломков стены, которую воздвигли, чтобы отгородиться от человеческих страстей, скрывая то истинное знание, которое я искал в Будущем.

Какая насмешка содержится в великом слове — Свобода! Кто не знал такого периода в жизни, настолько важного, что он мог оказать влияние на всю дальнейшую жизнь, когда одно человеческое существо имеет над ним безграничную власть и когда его положение сравнимо с восточным рабством, преклоняющимся перед короной и скипетром? Какая вершина так высока, что не может покориться? Есть ли сердце, настолько бесстрашное, что оно не дрожало, произнося слова, от которых зависит восторг или отчаяние! Только одинокая жизнь свободна. И её мы утрачиваем, когда любим!

ГЛАВА 17

Как я произнёс это? Какие слова нашло моё сердце? Я не помню. Всё было, как во сне беспокойной лихорадочной ночью, во сне, который стирается из памяти, как только открываешь глаза и видишь безоблачное небо и солнечный свет. Казалось, на земле наступило новое утро, когда я очнулся от долгого вечера — её рука в моей руке, её нежное лицо — у моей груди.

Вокруг стояла такая тишина, что не было слышно ни единого звука; но внутри нас звучала успокаивающая божественная музыка, как будто наше собственное существо слилось в гармонии со всей вселенной и музыка из глубин наших сердец присоединилась к гимну звёзд.

В этой тишине наши сердца, казалось, понимали друг друга без слов, притягиваясь всё ближе и ближе, в таинственной согласии полностью сливаясь в торжественном союзе, чтобы никогда не разлучаться.

Наконец, я тихо произнёс: «Именно здесь я впервые увидел тебя и впервые узнал, какая сила способна изменить наш мир и управлять нашим будущим. И вся эта сила заключена в очаровании человеческого лица!» А потом Лилиан робко, не поднимая глаз, спросила меня, как я увидел её, напомнив мне, что я обещал ей рассказать, но ещё этого не сделал.

И я рассказал о странном порыве, который привёл меня в этот сад, о том, как внезапно был вынужден повернуть назад, как перед моими глазами предстала её фигура в лучах заходящего солнца, как задумчиво мой взгляд последовал за её взором, устремлённым к далёкому небу.

Пока я говорил, её рука судорожно, пылко сжимала мою, и, подняв лицо с моей груди, она смотрела на меня с внимательной, беспокойной серьёзностью. Этот взгляд! — уже дважды он сбивал меня с толку и приводил в сильное замешательство.

— Моя Лилиан, что-то пугает тебя: твой взгляд говорит об этом. Есть что-то, что ты желаешь, но пока не решаешься объяснить? Я как будто бы изучаю новую книгу, но ты должна помочь мне понять её язык.

— Если я избегаю объяснения, то только потому, что боюсь, что не смогу объяснить так, чтобы это было правдоподобно и понятно. Но ты имеешь право знать все тайны жизни, с которой хочешь соединить свою жизнь. Отвернись. Укоряющий взгляд, скептическая улыбка, холодность — о! ты не представляешь, как они меня убивают, когда я пытаюсь рассказать кому-нибудь об этом. Но это очень серьёзно и имеет для меня огромное значение.

Я отвернулся, и после небольшой паузы она начала более твёрдым голосом:

— Я помню, ещё в раннем детстве наступали моменты, когда между мной и предметами вокруг появлялась туманная завеса, которая постепенно становилась похожей на те белые перистые облака, что собираются на горизонте, когда ещё всё спокойно, но уже скоро подует ветер. А потом облака внезапно расступались, и я видела голубое небо.

— Продолжай, — тихо сказал я, потому что она остановилась. И она снова начала говорить, но уже быстрее:

— Потом в образовавшемся окне передо мной представляли странные картины, как видения. В детстве это были, в основном, пейзажи удивительной красоты, которую я бы не смогла описать тогда и даже не пытаюсь описать сейчас. Все они почти стёрлись из моей памяти: моя дорогая мама бранила меня за мои рассказы, и я никому не могла передать, что я видела. Когда я выросла, видения такого типа, если можно так сказать, стали редкими и менее отчётливыми. Я ещё видела туманную завесу, появляющееся облако, но теперь часто я совершенно забывала всё, что видела, как только приходила в себя, как будто пробуждаясь ото сна. Иногда, правда, я вспоминала всё ярко и живо. Иногда видела лицо своего отца. Иногда даже слышала его голос, и всё было совершенно так же, как тогда, в моём раннем детстве, когда я часами просиживала около него во время его размышлений или работы. Я была счастлива, что нахожусь рядом с ним. Я так его любила! И я помню его отчётливо, хотя мне было всего шесть лет, когда его не стало. Намного позже, точнее, в течение последних нескольких месяцев, эти видения стали отображаться в пространстве, и я вижу их так ясно, как сквозь стекло. Таким образом, за несколько недель перед тем, как я сюда приехала и вообще узнала, что существует это место, я отчётливо увидела старый Аббатский дом, вон те деревья, газон, поросший мхом колодец. И при этом у меня было ощущение, что в моей жизни произойдут важные изменения. И поэтому, когда приехала сюда и узнала это место, я была поражена, испытала страх и почувствовала, что нахожусь под влиянием судьбы, которая удостоила меня пророческим проблеском. И в тот вечер, когда ты впервые увидел меня здесь...

— Да, Лилиан, в тот вечер...

— Я видела и тебя тоже, было видение, вон там. И...и моё сердце заволновалось, как никогда раньше. А рядом с твоим образом, появившимся из облака, я увидела лицо своего отца и услышала его голос, он звучал в моём сердце, шептал...

— Да, Лилиан, шептал...что?

— Эти слова, только эти: «Вы будете нужны друг другу». Но потом внезапно между мной и вами из земли начал подниматься тёмный пар, закрывающий небо и сворачивающийся в кольца, как огромная змея. И неожиданно её лицо ослепительно засверкало, устрашающие глаза вспыхнули, и её голова, как у Медузы, быстрее, чем можно себе представить, стала превращаться в оскаливающийся череп. Ужас заставил меня склонить голову, а когда я снова подняла её, всё, что я только что видела, исчезло. Но ужас не покидал меня, даже когда я услышала голос матери и почувствовала, что она обнимает меня. А потом, когда я вошла в дом и снова села в одиночестве, воспоминание только что увиденного — те глаза, лицо, череп — становилось всё ярче и ярче, и я потеряла сознание. Я ничего больше не помню. А когда я открыла глаза, я увидела рядом с собой тебя, и, к моему удивлению, того ужаса не было. Нет, я почувствовала радость, защиту, надежду, смешанную со страхом или благоговением, когда узнала твоё лицо, которое я видела, когда ещё слышала шёпот моего отца: «Вы будете нужны друг другу» и ещё не поднялся тёмный дым. А теперь... теперь ты будешь любить меня меньше, когда узнал тайну, которую я никому не рассказывала? Только...только, по крайней мере, не смейся надо мной. Поверь мне! И повернись ко мне: сейчас я хочу увидеть твои глаза. Сейчас, прежде чем наши руки вновь соединятся, скажи мне, что ты не презираешь меня как лгунью и не жалеешь как сумасшедшую.

— Тише, тише! — сказал я, прижимая её к груди. — Всё, что ты рассказала мне, мы обсудим позднее. Возможности нашей науки ограничены, чтобы изучать тонкую материю воображения. Достаточно для меня — достаточно для нас обоих, — что из этих видений следует одна истина, говорящая тебе, прелестному ребёнку, и мне, более грубому человеку, что каждый человек нуждается в ком-то. И эта истина подтверждается каждым биением сердца, которое хочет, чтобы ты услышала его и доверила ему свою жизнь. Ты нужна мне, ты нужна мне! Моя Лилиан! Моя Лилиан!

ГЛАВА 18

Несмотря на прежние уверения миссис Пойнтс, я, терзаемый сомнениями, вернулся к кедру, под которым всё ещё сидела миссис Эшли со своей подружкой. Я посмотрел на милое существо, чью руку я держал в своей. Она была такой неопытной, такой прелестной, одарённой щедрыми подарками судьбы с самого рождения, и я почувствовал, не могу ли я ошибаться.

— О, а если твоя мама будет против! — сказал я запинаясь.

Лилиан оперлась на мою руку уже не так беспечно.

— Если бы я так думала, — сказала она с лёгкой краской на щеках, — была бы я сейчас с тобой?

Мы прошли под ветви кедра, Лилиан отпустила мою руку, поцеловала в щеку миссис Эшли, а потом, опустившись на газон, положила голову ей на колени. Я посмотрел на Королеву Возвышенности, чей пронизывающий взгляд скользил по мне. Я подумал, что в выражении её лица была боль или недовольство, но сейчас уже всё прошло. Мне показалось, что было в ней что-то ироническое, но в то же время ликование или поздравление — в полуулыбке, с которой она поднялась со своего места, и в тоне, которым она прошептала мне: «Вопрос решён».

Своим быстрым лёгким шагом миссис Пойнтс направилась к выходу из сада. Когда она совсем скрылась из виду, я вздохнул свободнее. Я сел на её место, рядом с миссис Эшли, и сказал:

— Недавно я говорил вам, что у меня нет родственников и нет дома, и сейчас я пришёл просить вас и о том, и о другом.

Миссис Эшли посмотрела на меня ласково, потом приподняла голову дочери со своих колен и прошептала: «Лилиан». Губы Лилиан пошевелились, но я не слышал, что она ответила. Зато услышал ответ её матери. Она взяла руку Лилиан, вложила её в мою и произнесла:

— Её выбор — мой выбор. И кого любит она, того люблю и я.

ГЛАВА 19

С этого вечера до того дня, когда миссис Эшли и Лилиан должны были уехать, я всё время, если позволяла работа, находился в их доме. И в течение этих нескольких дней, счастливейших в моей жизни, мне казалось, что годы не смогли бы сделать нас с Лилиан ближе и я не смог бы относиться к ней с большей любовью или более трепетно, чем сейчас. Я мог найти в ней только один недостаток и упрекал себя за то, что считал его недостатком. Мы знаем многих, кто пренебрегает незначительными житейскими обязанностями и недостаточно заботится о близких, и мы считаем, что это происходит от легкомыслия или самомнения. Конечно, ни одну из этих черт характера нельзя было приписать Лилиан. Но, тем не менее, каждый день в ней проявлялась эта небрежность и отсутствие заботы. Она нежно и преданно любила свою мать, но ей никогда не приходило в голову помочь ей в её многочисленных обязанностях по дому. Она была полна нежности и сочувствия ко всем нуждающимся и страждущим, однако другие девушки Возвышенности предпринимали реальные действия, чтобы облегчить их страдания, — посещали их во время болезни или обучали в школах их детей. Я был убеждён, что её любовь ко мне сильна и искренна, свободна от честолюбивых стремлений. Без сомнения, она перенесла бы любые лишения, но всё же я не надеялся, что она возьмёт на себя повседневные заботы. И я, наверное, никогда не смог бы применить по отношению к ней слово «супруга». Но я упрекал себя за то, что считал, что у Лилиан есть недостаток (если это, конечно, можно считать недостатком) в том, что касалось брвенности человеческого существования. А, без сомнения, это было так и поэтому вызвало резкое суждение миссис Пойнтс относительно разумности моего выбора. Но такая черта в характере Лилиан объяснялась отнюдь не вялой самовлюблённостью, а скорее самоуглублённостью, вызванной привычкой мечтать. Я предусмотрительно избегал любых упоминаний о тех фантастических видениях, о которых она мне поведала искренне и простодушно, хотя они и были лишены всякого здравого смысла. Я считал любое воспоминание об этом «суеверии» нежелательным. Любое безмерное поощрение этих фантазий вызы-

вало во мне не просто досаду, оно меня тревожило. Я не пытался убедить её в обратном: это было бы слишком преждевременно. А подвергнуть её осмеянию считал жестоким. Я был убеждён, что этот появляющийся туман являлся всего лишь порождением её одинокого мечтательного детства и с замужеством всё должно перемениться. Казалось, Лилиан испытывала страдание, когда видела, как настойчиво я избегаю в разговоре темы, которая была ей так близка. Она предприняла одну или две робкие попытки возобновить этот разговор, но мой непреклонный вид каждый раз сдерживал её. В таких случаях она уходила, но вскоре возвращалась: её нежное сердце не могло выносить разлуки с тем, кого любило. Было решено, что пока о нашей помолвке будет знать только миссис Пойнтс. А через несколько недель, когда миссис Эшли и Лилиан вернутся, о ней будет официально объявлено, и осенью, когда я немного освобожусь от профессиональных забот, состоится наша свадьба.

Мы расстались, как влюблённые. Я больше не испытывал ревности, которая до нашего обручения заставляла меня трепетать при мысли о разлуке и представлять непреодолимых соперников. Но всё же я почувствовал уныние, когда она уезжала. Мир утратил своё величие, а жизнь — благословение.

ГЛАВА 20

Несмотря на то, что я очень уставал на работе, на досуге я находил время для некоторых, более или менее сенсационных, трактатов по моей профессии. Один из них, озаглавленный «Жизненный принцип: его утрата и поддержание», привлёк к себе внимание широкого круга читателей. Он содержал результаты новых экспериментов в области химии, приведённых в поддержку теории, что жизнедеятельность человеческого организма обеспечивается некими принципами, подобными тем, которые упоминал Либих⁴⁴ по отношению к обогащению оскудевшей почвы, то есть по отношению к тем утраченным со временем питательным элементам, в которых остро нуждается любой живой организм как в особой пище или энергии. Позже некоторые выдающиеся врачи с успехом развивали эту теорию. Но в их работах, скорее слабых, чем фундаментальных, я не нашёл никакой ценности. На протяжении последних двух лет я был увлечён трудом большего масштаба, отличающегося более смелыми амбициями, которым я надеялся укрепить свою известность как физиолога. Это было «Исследование органической жизни», всесторонним обзором данного вопроса напоминающее работу знаменитого Мюллера⁴⁵, которой он обогатил нашу науку, правда, увы, недостаточно! — а также суждениями и одарённостью, которая украшает размышления. В тот день я был охвачен жаром сочинительства и восхищался своими успехами, потому что любил свою работу. За последний полный волнений месяц я ничего не написал, но сейчас, когда Лилиан уехала, я возобновил свою работу, потому что это было единственным занятием, способным поглотить меня целиком и помочь мне забыть болезненное чувство пустоты и потери.

В тот же самый день, как она уехала, я вновь открыл свой манускрипт. Я остановился в самом начале главы «О Знании как производном наших Чувств». Мои убеждения по этой теме были основаны

⁴⁴ **Юстус Либих** (Justus Liebig) (12.5.1803, Дармштадт — 18.4.1873, Мюнхен) — немецкий химик. Профессор университетов в Гисене (с 1824 года) и Мюнхене (с 1852 года). С 1830 года член-корреспондент Петербургской АН, с 1860 года президент Баварской АН. В 1825 году организовал в Гисене лабораторию для практических занятий студентов, в которой учились и работали многие известные химики. Основные исследования в области органической химии. В 1823 году нашёл, что гремучекислое серебро тождественно по составу с циановокислым серебром (первый пример изомерии). В 1832 году Либих и Ф. Вёлер показали, что при разнообразных превращениях горькоминдального масла (т.е. бензойного альдегида) неизменно происходит переход из одного соединения в другое одной и той же группы атомов, названной ими радикалом бензоилом. Работы Юстуса Либиха способствовали утверждению теории радикалов. Впервые (одновременно с французским химиком Э. Субейраном и независимо от него) получил хлороформ (1831) и уксусный альдегид (1835), открыл гиппуровую, молочную и другие карбоновые кислоты. Усовершенствовал методику определения углерода и водорода в органических соединениях (1831–1833). С 1839 года изучал химизм физиологических процессов, выдвинул химическую теорию брожения и гниения. Либих — один из основателей агрохимии. В 1840 году высказал теорию минерального питания растений, способствовавшую широкому внедрению минеральных удобрений в земледелии. Основал (1832) журнал *Annalen der Pharmacie* (в 1840–1873 годах выходил под названием *Annalen der Chemie und Pharmacie*, с 1873 года переименован в *Liebigs Annalen der Chemie*). Юстус Либих создал научную школу, среди его учеников немало видных русских химиков (А. А. Воскресенский, Н. Н. Зинин, Л. Н. Шишков и др.).

Большая советская энциклопедия [20].

⁴⁵ **Иоганнес Петер Мюллер** (Johannes Peter Muller) (1801 — 1858) — один из самых видных физиологов XIX века.

на хорошо известных аргументах Локка и Кондиллака, а также рассуждениях Юма⁴⁶, и я решил показать, как опасно потакание сентиментальностям или мистицизму псевдофилософии, доктрине, принятой многими физиологами, из которых несколько известных немецких метафизиков допускали существование тонкой материи. Я имею в виду доктрину Мюллера, в которой есть такие слова:

«То, что врождённые механизмы существуют, нельзя отрицать: это, действительно, факт. Поведение животных основано на врождённом инстинкте. Новорождённый ягнёнок и жеребёнок уже обладают этим врождённым инстинктом, который заставляет их следовать за своей матерью и сосать её соски. Так нельзя ли отнести понятие врождённого механизма к мышлению человека?» [1]⁴⁷

И на этот вопрос я с негодованием отвечал: «Нет!» «Да» могло повергнуть мою веру в материализм в прах. Я продолжал писать быстро, с жаром. Этого я не мог принять. С помощью своей логики я соединял догму с догмой до тех пор, пока на моих страницах, к моему собственному удовлетворению, не появился образ Человека Разумного как результат его материальных чувств. А то, что называется душой, рождается из чувств, воспитывается ими, проявляет себя через них и погибает вместе с ними. Странно, что с того времени, как я полюбил, Лилиан учила меня тому, что в любви есть тайны, которые невозможно постичь простым анализом, а я должен был упрямо отвергать существование всего, что могло быть отнесено к духовному! Странно, что одна только мысль о том, что из моей жизни может уйти человек, которого я знаю всего лишь месяц, могла так напугать меня. Странно, что таким образом я должен был доказать себе, что моя страсть подчиняется закону природы и что я могу навсегда потерять благословение, которое, я надеялся, обрёл на всю жизнь! Как отличается поведение людей! Посмотри на поэта: он ложится под деревом и читает стихи своей возлюбленной. Последуй за ним — никогда не было у него возлюбленной! [2] Посмотри на сурового бесстрастного учёного, последуй за ним туда, где его разум находит отдохновение от трудов — кто ещё может быть так мягок и нежен?

Но к своему собственному удовлетворению я доказал, убедился, что и поэт, и мудрец обращаются в пыль, как только перестаёт биться сердце. И на этом утешительном заключении я остановился и перестал писать.

Внезапно рядом с собой я отчётливо услышал вздох — сочувствующий, печальный вздох. Невозможно было ошибиться. Я поднялся с места, огляделся вокруг и никого не обнаружил — ни одной живой души! Окна были закрыты, ночь — тиха. Этот вздох нельзя было принять за вой ветра. Но что это там, в тёмном углу комнаты? Серебристый белый свет, смутно обрисовавший человеческую фигуру, растворялся, таял, исчезал. Не знаю, почему — был виден только неясный контур тела, а лицо совсем нельзя было разглядеть, — но я закричал: «Лилиан! Лилиан!» Я услышал свой странно звучащий голос, остановился, улыбнулся и покраснел от собственной глупости. «Таким образом, я тоже узнал то, что является суеверием», — невнятно пробормотал я. — «Вот так история из жизни (точно такие же рассказывает Мюллер об иллюзиях, которые ему доводилось видеть собственными глазами). Я вернусь к этому, когда перейду к главе «Об Обмане Чувств и Фантомах». Я продолжил писать и писал до тех пор, пока не забрезжил рассвет. Тогда я прилёг отдохнуть и сказал себе в приливе гордости: «Я написал о том, что займёт достойное место в науке, о том, что ляжет в основании новой школы, найдёт последователей. И поколение за поколением тех, кто познаёт истину с помощью разума, примут мои труды». Снова послышался вздох, но теперь в этом не было ничего удивительного. «Конечно», — пробормотал я, — «странная штука — нервная система». Я почувствовал страшную усталость, лёг поудобнее и заснул.

[1] Мюллер «Основы физиологии» (*Muller's "Elements of Physiology", translated by Dr. Baley*), том II, стр. 134.

[2] У Каули⁴⁸, написавшего множество любовных стихов, говорится: «...никогда не любил и никогда не решится поведать о своей страсти». Джонсон «Жизни поэтов: Каули» (*Johnson's "Lives of the Poets: COWLEY"*).

⁴⁶ Юм (Hume) Дейвид (7.5.1711, Эдинбург, Шотландия — 25.8.1776, там же) — англ. философ, историк, экономист и публицист. В 1739 году опубликовал главное сочинение «Трактат о человеческой природе». Первичными восприятиями Юм считал впечатления внешнего опыта (ощущения), вторичными — впечатления внутреннего опыта (аффекты, желания, страсти). Считая проблему отношения бытия и духа теоретически неразрешимой, Юм заменил её проблемой зависимости простых идей (т. е. чувственных образов) от внешних впечатлений. Отвергая отражение в сознании объективных закономерностей бытия, Юм толковал образование сложных идей как психологические ассоциации простых идей друг с другом [21].

⁴⁷ Примечание Бульвера-Литтона, см. в конце главы.

⁴⁸ Абрахам Каули (Abraham Cowley) (1618 — 1667) — англ. поэт.

ГЛАВА 21

На следующий день, как только ушёл последний из пациентов, которым я посвящал всё свое время до полудня, я спешно собрался, чтобы посетить управляющего сэра Филиппа Дервала, живущего в своём поместье почти в пяти милях от Л****. Нечасто случалось, чтобы к моим услугам обращались жители столь отдалённых районов.

Но, следуя своим принципам, я должен был отправиться туда, где был нужен. Моя профессия не была прибыльной. На первом месте стояло исцеление больных, прежде всего, и только потом — деньги. А сейчас моя помощь, по словам посыльного, была крайне необходима. Я отправился верхом и ехал быстро. Чтобы подъехать к парку сэра Филиппа Дервала, мне пришлось проехать через деревню, и я был поражён тем вниманием, с которым здесь, по-видимому, относились к жителям. Я почувствовал, что нахожусь во владениях богатого, умного и заботливого хозяина. Но когда я въехал в парк, меня поразила удручающий контраст между заброшенным домом помещика и весёлыми домиками деревенских жителей.

Внушительное здание, построенное, по всей видимости, Ванбру⁴⁹, было украшено статуями, пилястрами⁵⁰, пышным портиком⁵¹ и двухмаршевой лестницей, ведущей ко входу, но к настоящему времени оно выцвело, покрылось плесенью, облупилось и наполовину скрывалось под нестриженным плющом. Большая часть окон была закрыта ставнями, нуждающимися в покраске. Некоторые оконные переплёты были сломаны. А на разбитой балюстраде⁵², ограждавшей заросший сорняками сад, сидел павлин. Солнце ярко светило и делало развалины ещё более явными. Я обрадовался, когда поворот дороги скрыл этот дом от моих глаз. Но внезапно я оказался в небольшой тисовой роще, и передо мной мелькнуло белое здание, очевидно, использовавшееся как семейный мавзолей, с глухой железной дверью в массивной толстой каменной стене. Оно было окружено траурным садом с розами и вечнозелёными растениями, который был обнесён железной позолоченной изгородью.

Та неожиданность, с которой эта обитель смерти предстала передо мной, заставила меня почувствовать чуть ли не боль, если не ужас, и произвела самое гнетущее впечатление. Я прищипорил лошадь и вскоре оказался у двери красивого кирпичного дома, в другом конце парка. Здесь жил мой пациент.

Я нашёл его в постели. Это был мужчина, престарелый, но крепкого телосложения. За несколько часов до моего появления у него случился апоплексический удар⁵³, но сейчас он уже пришёл в сознание, и опасность ему уже не угрожала. После того, как я выписал лекарства, я отвёл в сторону жену больного и прошёл с ней до гостиной, чтобы навести справки о режиме её мужа и его образе жизни. Всё казалось совершенно обыкновенным, но я не мог определить видимую причину приступа, симптомы которого были мне неизвестны.

— Случались ли раньше с вашим мужем такие удары?

— Никогда!

— Не испытывал ли он какого-нибудь внезапного потрясения? Не узнал ли он какую-нибудь неожиданную новость или, может быть, что-нибудь его раздражило?

Женщина выглядела слишком обеспокоенной. Я продолжил задавать вопросы более настойчиво. Наконец, она разрыдалась и, сжав мою руку, произнесла:

— О, доктор, я должна сказать вам, я послала за вами, чтобы...только, я боюсь, вы не поверите мне: мой муж видел призрака!

— Призрака! — повторил я, сдерживая улыбку. — Хорошо, расскажите мне всё, чтобы я смог предотвратить его новое появление.

Рассказ был слишком нудным, многословным. Суть его заключалась в том, что её муж, привыкший рано вставать, в это утро встал раньше обычного, чтобы дать указания относительно крупного ро-

⁴⁹ **Сэр Джон Ванбру** (англ. Sir John Vanbrugh) (крещён 24 января 1664 г. — 26 марта 1726 г.) — британский драматург и архитектор, самый значительный представитель английского барокко.

⁵⁰ **Пилястра** [фр. pilastre < ит. pilastro] — архит. вертикальный выступ в стене в виде части встроенного в неё четырёхгранного столба [17, стр. 377].

⁵¹ **Портик** [лат. porticus] — архит. перекрытие, поддерживаемое колоннадой или аркадой, образующее выступающую часть здания; часто оформляет главный вход [17, стр. 394].

⁵² **Балюстрада** [фр. balustrade] — ограждение балконов, лестниц и т. п., состоящее из ряда столбиков (балюсинок), соединённых сверху плитой, балкой, перилами [17, стр. 70].

⁵³ **Апоплексия** [< гр. apoplekso поражаю ударом] — быстро развивающееся кровоизлияние в какой-л. орган, чаще в головной мозг; апоплексия головного мозга (апоплексический удар, или инсульт) сопровождается потерей сознания и параличами [17, стр. 48].

гатового скота, который должны были привезти на ярмарку на продажу. Час спустя пастух обнаружил его неподалёку от мавзолея без сознания. Его перенесли в дом, и, когда к нему вернулся дар речи, он попросил всех за исключением неё покинуть комнату и тогда рассказал, что, когда он шёл через парк по направлению к сараям со скотом, он увидел неяркий свет, исходящий из железной двери мавзолея. Он подошёл ближе, и свет превратился в чёткую видимую фигуру его хозяина, сэра Филиппа Дервала, который в это время находился за границей, где проживал уже много лет. Это произвело такое сильное впечатление на управляющего, что он закричал: «О сэр Филипп!», но, приглядевшись внимательнее, понял, что его лицо было лицом мертвеца. Он продолжал вглядываться, а привидение постепенно удалялось, как будто исчезая в своей могиле. Больше он ничего не помнил: он потерял сознание. Эта странная история взволновала бедную женщину, и она решила послать за мной вместо аптекаря. Ей казалось, что здесь может помочь только врач. Да и сам управляющий был против местного аптекаря, который в отличие от приезжего врача досаждал бы ему своей болтовнёй.

Я не боялся потерять расположение доброй женщины, показав, что не верю в привидение, которое якобы видел её муж. Так как по описанию всё было похоже на эпилептический удар, я начал рассказывать случаи из моей практики, которые имели место с пациентами, склонными к эпилепсии, и, наконец, успокоил её тем, что произошедшее с её мужем вполне естественно. Потом я решил завести разговор о сэре Филиппе, не из любопытства узнать что-нибудь об отсутствующем хозяине, а для того чтобы она перестала думать о нём как о покойном и думала о нём как о живом. Управляющий состоял на службе у его отца, и самого сэра Филиппа знал ещё ребёнком. Он был привязан к своему хозяину, которого моя собеседница описывала как человека очень доброжелательного и очень эксцентричного. Как младший сын он унаследовал титул и поместье. В первое время после достижения совершеннолетия он много путешествовал. Когда дом наполнялся весёлыми друзьями, его щедрому гостеприимству не было предела, но его состояние не соответствовало великолепию особняка и ещё меньше оно соответствовало расходам владельца.

Он стал очень стеснён в деньгах, и разочарование в любви (по слухам), случившееся одновременно с его денежными трудностями, внезапно изменило его жизненный путь. Он отошёл от своих старых друзей, стал жить в уединении, проводя время за чтением книг и научными занятиями. И, как туманно объяснила мне эта женщина, он встал на «странный путь». Постепенно он начал экономить, избавился от долгов, но это не мешало ему проявлять щедрость по отношению к другим. А потом внезапно он покинул страну и стал путешественником. Ему сейчас почти сорок восемь лет, и уже восемнадцать лет он за границей. Он часто писал своему управляющему, давая подробные указания относительно работы, удобств и домов крестьян и строго запрещая ему тратить деньги на сад и особняк (отчего всё и пришло в упадок), объясняя это тем, что он снесёт дом, как только вернётся в Англию.

Я оставался в доме своего пациента намного дольше, чем можно было оправдать, не покидая его до тех пор, пока страдальца после спокойного сна не перенесли с кровати в кресло, накормили и пока он не стал выглядеть полностью пришедшим в себя после приступа.

По дороге домой я размышлял о том, насколько отличаются друг от друга люди по своему образованию. Прекрасно сложенный житель сельских полей, ведущий здоровый образ жизни и не знающий о том, что мы называем воображением, был сражён у дверей смерти ужасом перед оптическим обманом, который объясняется теми же причинами, что поразили меня прошлой ночью и заставили на мгновение поверить в слышимый звук и видимый призрак; заставили поверить *меня*, кто, благодаря своему образованию, преспокойно уснул несколько минут спустя, убеждённый в том, что не существует тонкий фантом, который можно увидеть и услышать, и что не может иметь место что-нибудь ещё, кроме нервного расстройства.

ГЛАВА 22

Вечером я отправился к миссис Пойнтс на её обычный «званный вечер» и чувствовал, что она ждёт моего посещения как знака внимания с моей стороны.

Я присоединился к группе гостей, вовлечённых в общий разговор, в центре которого, как всегда, была хозяйка дома со своим привычным вязанием. И, как обычно, она вязала быстро, когда говорила, и медленно, когда слушала других.

Не упоминая о визите, который мне пришлось нанести сегодня утром, я завёл разговор о разных странах, расположенных по соседству, и как бы между делом спросил: «А что за человек сэр Филипп Дервал? Разве не странно, что он позволяет такому прекрасному месту прийти в упадок?» Полученные ответы не много добавили к тому, что я уже знал. Миссис Пойнтс ничего не знала о нём, кроме того,

что он владелиц больших поместий, арендная плата которых значительно возросла в связи с повышением стоимости имущества, находящегося в Л****. Два или три жителя Возвышенности более старшего возраста помнили, каким был сэр Филипп в прежние времена: весёлым, в приподнятом настроении, гостеприимным, щедрым. Один из них заметил, что единственным человеком в Л****, кого он принимал в своём последующем уединении, был д-р Ллойд, у которого в те дни уже не было практики и которого он нанял в качестве ассистента для неких химических экспериментов.

Здесь в наш разговор вмешался некий джентльмен. Он не был знаком ни мне, ни кому-либо в Л****, он приехал к кому-то из обитателей Возвышенности и был представлен её Королеве как путешественник и антиквар.

Этот человек произнёс:

— Сэр Филипп Дервал? Я знаю его. Мы встречались с ним на Востоке. Я думаю, в то время он ещё очень любил химию. Умный, необычный человек, филантроп. Изучал медицину, по крайней мере, упражнялся в ней. Про него говорили, что он изобретёт много необыкновенных лекарств. Мы познакомились с ним в Алеппо⁵⁴. Он приехал в этот город, не часто посещаемый путешественниками из Англии, чтобы расследовать убийство двух человек, один из которых был ему другом, а другой — соотечественником.

— Это интересно, — заметила миссис Пойнтс сухо. — Мы все, живущие на невинной Возвышенности, любим рассказы о преступлениях. Убийство — интереснейшая вещь, о которой вы можете нам поведать. Умоляю, введите нас в детали.

— Хорошо, — добродушно ответил путешественник. — Я сообщу вам то небольшое, что знаю. В Алеппо в течение нескольких лет жил человек, к которому местные жители относились с большим почтением. У него была слава экстраординарного мудреца, и к нему нелегко было попасть. Живое воображение азиатов сложило о нём множество легенд. В общем, Гарун из Алеппо считался в народе волшебником. Сумасбродные истории рассказывали о его возрасте, сверхъестественной силе и спрятанных сокровищах. Несмотря на его сомнительные титулы, ни у кого не было сомнений, что он обладал обширными познаниями, был очень милосерден и вёл аскетический образ жизни. Он, кажется, был похож на тех арабских мудрецов, перед которыми современная наука в большом долгу, — энтузиаст, серьёзный учёный. Богатый и странный Англичанин, долгое время проживавший на Востоке, но в другой его части, чахнувший от какой-то болезни, решил отправиться в Алеппо за советом к этому мудрецу, которому были известны необыкновенные тайны в медицине, или, как говорил сам Англичанин, в «колдовстве». Как-то утром, вскоре после приезда Англичанина, Гарун был обнаружен в своей постели мёртвым (по всей вероятности, его задушили), а Англичанин, поселившийся в другом конце города, исчез. Некоторые его вещи, из одежды, и костыли, на которых он обычно передвигался, нашли в нескольких милях от Алеппо, на обочине дороги. Получалось, что его тоже убили, однако его тело найти не удалось. Сэр Филипп Дервал был преданным учеником этого Мудреца из Алеппо, которому, как он убеждал меня, он был обязан не только познаниями в медицине (по слухам, сэр Филипп действительно ими обладал), но и проникновением в тайны природы, опубликованием которых сэр Филипп надеялся обрести славу и известность философа.

— О каких тайнах природы идёт речь? — спросил я не без сарказма.

— Сэр, я не могу вам сказать: сэр Филипп не поставил меня в известность, а сам я его не спрашивал. То, что для Азии является истиной, обычно в Европе презирают, как фантазию. Вернёмся же к моему рассказу. Сэр Филипп находился в Алеппо незадолго до убийства: оставил Англичанина, доверив заботу о нём Гаруну. Он вернулся в Алеппо сразу, как только узнал трагическую новость, и начал собирать свидетельства и доказательства, которые только можно было собрать, и наводить справки о нашем бедном соотечественнике. Тогда же и я сам имел возможность приехать в этот город. Я помогал ему в поисках, но безуспешно. Убийц так и не нашли. Я не сомневаюсь, что это были обычные грабители. У сэра Филиппа, однако, были более мрачные подозрения, которые он не скрывал от меня. Но так как я считал его предположения беспочвенными, он извинит меня, если я не буду их пересказывать. С тех пор, как я покинул Восток, я не знаю, были ли найдены останки Англичанина. Весьма вероятно. Его наследники получили то, что он им оставил, — меньше, чем можно было ожидать. Но, по слухам, он спрятал большие сокровища. Молва, однако, нелепа: это не соответствовало его характеру.

— А какой был у него характер? — поинтересовалась миссис Пойнтс.

— У него была дурная репутация. Он приводил в ужас сопровождавших его в Алеппо. Он жил в очень удалённой части Востока, малоизвестной европейцам и, исходя из того, что я знаю, можно сделать вывод, что он обрёл там необыкновенную власть, ещё больше укрепившуюся из суеверного страха.

⁵⁴ **Алеппо** (Aleppo) — город в Сирии.

Но, говорят, свои знания, которые философы старого поколения называют оккультными, он использовал не на благо, как Мудрец из Алеппо. Напротив, у него были злые намерения. Его обвиняли в том, что он общался со злыми духами и привечал в своём доме волшебников и колдунов. Я подозреваю, что он был всего лишь страстным антикваром, как и я, и умело использовал страх, который внушал другим, чтобы укрепить свою власть и спокойно заниматься исследованиями в древних захоронениях или храмах. У него действительно была страсть к раскопкам древностей в окрестностях. Не знаю, каким образом, но ему никогда не приходилось проникать туда, где можно было встретить грабителей или заразиться малярией. Он носил восточную одежду и всегда имел при себе драгоценности. Я пришёл к заключению, что ради этих драгоценностей его и убили. Возможно, это было делом рук кого-то из его слуг (действительно, двое из его слуг тоже исчезли), кто сразу же закопал тело и таким образом окутал его исчезновение тайной. Он был стар, немощен и никогда никуда не отправлялся из города без сопровождающего.

— Вы ещё не назвали нам его имя, — сказала миссис Пойнтс.

— Его звали Грейл.

— Грейл! — воскликнула миссис Пойнтс, бросая вязание. — Луис Грейл?

— Да, Луис Грейл. Вы не могли знать его?

— Знать его! Нет, но мой отец часто говорил о нём. Так вот, значит, каков был трагический конец этой сильной тёмной личности, к которой я девочкой испытывала огромный интерес, смешанный с восхищением?

— А теперь ваша очередь рассказать об этом, — сказал путешественник.

И мы все сели ближе, вокруг хозяйки, которая в течение нескольких мгновений оставалась молчаливой, задумчивой; она даже отложила свою работу.

— Хорошо, — наконец, произнесла она, оглядывая всех с надменным видом, что отчасти походило на вызов. — Сила и смелость всегда очаровывают, даже когда они совсем не правы. Я подхожу миру, потому что мир подходит мне, а если бы это было не так...

Она остановилась, сжала ладонь в кулак и презрительно взмахнула им, а потом, не закончив предложение, продолжала дальше.

— Вместе с обществом мы, конечно, должны переступить через тех, кто противостоит ему. Но когда один человек стоит против нашей армии, мы не презираем его, его можно подавить, уничтожить. Я очень рада, что не видела Луиса Грейла, когда мне было шестнадцать.

Снова она остановилась, а потом продолжила:

— Луис Грейл был сыном ростовщика, славившегося своей жадностью, которой он приобрёл огромные богатства. Старый Грейл хотел воспитать своего наследника джентльменом, поэтому отправил его в Итон⁵⁵. Ребёнок был жестоким, он бил мальчишек, которые были больше его самого. Мой отец видел его в школе и описывал как детёныша тигра. Однажды, будучи учеником младшего класса, он ударил шестиклассника. Шестиклассники не дерутся с младшими учениками, они их наказывают. Луиса Грейла заставили протянуть руку под розги, он получил удар, а потом выхватил нож и нанёс ответный удар своему обидчику. После этого он покинул Итон. Не думаю, что его выгнали публично, но всё же выгнали, и он воспитывался дома. Когда ему подошло время поступать в университет, старик Грейл умер. Опекуны Луиса отправили его в Кембридж, с познаниями, более обширными, чем у других молодых людей его возраста, и кучей денег. Мой отец был и в этом колледже и снова описал его — надменный, задиристый, беспечный, красивый, честолюбивый, храбрый. И такой человек интересуется вас, мои дорогие? — обратилась миссис Пойнтс к дамам.

— А! — отозвалась мисс Брабазон. — Сын ужасного ростовщика!

— Да, верно. Как гласит народная пословица, хорошо родиться с серебряной ложкой во рту: можно обеспечить семью. Но когда народ начинает кричать: «Это было украдено из нашего сундука со столовым серебром!», такого ребёнка объявляют вне закона. Однако молодые люди в колледже, которым нужны деньги, менее щепетильны в тратах, чем мальчики в Итоне. Во время обучения в колледже Луис Грейл встретил огромное количество знакомых, желающих вернуть себе то, что когда-то принадлежало им и было нагреблено его отцом. Он был слишком диким и сумасбродным, чтобы его можно было удостоить университетской награды, но, по словам моего отца, преподаватели колледжа считали, что не найдётся и шести студентов, которые так хорошо разбирались бы в скучной и трудной для понимания науке, как дикий Луис Грейл. Он пришёл в мир, без сомнения, чтобы сиять. Но имя его отца пользовалось дурной славой и было слишком известно, чтобы впустить Луиса в хорошее общество. Учтивое общество, конечно, не исследует дощечки с фамилиями и семейные гербы и не смотрит с презрением на

⁵⁵ **Итон** (англ. Eton) — город в Великобритании, на р. Темза. Колледж (основан в 1440) [22].

богачей, но у него есть моральные устои и чувство гордости за свою семью. Ему не хочется быть обманутым, особенно, в денежных вопросах. И поэтому по отношению к сыну человека, который опустошил его кошельки, это снисходительное, сдержанное, учтивое, благовоспитанное общество показало, что оно может быть не только приятным другом, но и безжалостным врагом. Короче, Луис Грейл пытался добиться расположения к себе — его избегали; пытался, чтобы им восхищались, — к нему испытывали отвращение и ненавидели. Даже его старые знакомые по колледжу стыдились знаться с ним. Но он по-прежнему пытался расположить к себе людей. Он открыто демонстрировал своё богатство и, естественно, навлёк на себя ненависть общества. Он мог примкнуть к демократической партии, однако его богатство не помогло ему вступить в клуб. Но оно могло дать ему место в парламенте. Он, возможно, не стал бы вторым Лозеном⁵⁶ или Мирабо⁵⁷, но мог бы стать вторым Дантоном⁵⁸. Он обладал знанием и смелостью, с которыми можно быть красноречивым. Возможно, несчастный Луис Грейл смог бы стать выдающейся личностью и вписать своё имя на страницы истории. Но на своём пути он встретил оппонента в лице благородного, дерзкого, с острым, как рапира, языком, дворянина, которого разорил его отец. Поссорился с ним, конечно, и вызвал его на дуэль. Благородный дворянин, который не был трусом (как и любой другой благородный джентльмен), поначалу был склонен отказаться от неё с презрением. Но к тому времени Грейл уже был идолом толпы. Благородный джентльмен мог бы, конечно, уклониться от дуэли или попытаться замять ссору, но это поставило бы его в смехотворное положение. Быть застреленным, конечно, нелепо, но быть осмеянным — ещё хуже. Поэтому он принял брошенный ему вызов, и мой отец был его секундантом.

Конечно, в соответствии с английскими обычаями было решено, что оба дуэлянта начнут стрелять в одно и то же время, по сигналу. Противник выстрелил в условленное время, его пуля слегка задела висок Луиса Грейла. Луис Грейл не выстрелил. Секунданты видели, что он медленно, тщательно прицеливается. Они умоляли его не стрелять и уже были готовы броситься к нему, чтобы помешать, когда курок был спущен и его противник мёртвым упал на землю. Поэтому дуэль признали нечестной. Луис Грейл сохранил себе жизнь, но не прошёл испытания на человечность. [1] Он уехал на континент, скрылся в каких-то отдалённых землях, его не смогли выследить. В Англии он больше не появлялся. Адвокат умело защищал его в суде. Он доказывал, что задержка перед выстрелом не была преднамеренной и, следовательно, преступной. Его оглушила боль в виске, всё произошло из-за раны. Сам судья был дворянином и поэтому резюмировал все свидетельские показания так, чтобы суд вынес обвинительный приговор низкому негодяю, убившему дворянина. Но присяжные заседатели дворянами не являлись, и слова адвоката Грейла пробудили в них симпатию к сыну из народа, которого джентльмен незаслуженно оскорбил. Приговор был — непредумышленное убийство, три года заключения. Грейл избежал тюрьмы, но он был опозорен и в изгнании. Его карьера была загублена, а ему не было ещё и двадцати трёх. Мой отец говорил, что он, скорее всего, сменил имя. Никто не знал, что с ним произошло. И вот этот человек, выдающийся, смелый, перед которым мы бы, наверное, сейчас все раболепствовали, заискивали, доживает до старости (неизвестно как), и его убивают в Алеппо. Причём вы говорите, что до сих пор неизвестно, кто это сделал.

— Около трёх лет назад я видел в газетах заметку о его смерти, — отозвался кто-то из гостей. — Но его имя было написано с орфографическими ошибками, и у меня даже и мыслей не было, что речь идёт о человеке, дравшемся на дуэли, о которой нам так подробно рассказала миссис Пойнтс. Об этом происшествии у меня были смутные воспоминания, ведь это случилось более сорока лет назад, когда я был ещё ребёнком. Тогда эта история наделала много шума, но потом вскоре забылась.

— Вскоре забылась? — переспросила миссис Пойнтс. — Ах, да, почему же нет? Покинь своё место на десять минут, а когда вернёшься, увидишь, что его уже занял кто-то другой. А когда ты покидаешь его ради своей выгоды, кто вспомнит, что когда-то твоё имя было вписано в приходскую книгу?

— Тем не менее, — сказал я, — великий поэт прекрасно и правдиво написал: «Солнце Гомера всё ещё светит над нами».

— Но оно уже не светит над самим Гомером. Знающие люди говорят, что мы ничего не знаем о Гомере: был ли это один человек или, может быть, было несколько Гомеров. А теперь, моя дорогая мисс Брабазон, будет очень любезно с вашей стороны, если вы развеете наши мрачные мысли. Что-

⁵⁶ **Лозен** (фр. Lauzun) (1747 — 1793) — фр. политик.

⁵⁷ **Мирабо** Виктор Рикети маркиз де (фр. Mirabeau) (1715 — 1789) — фр. экономист. Его сын Оноре Габриэль (1749 — 1791) был одним из самых знаменитых ораторов и политических деятелей Франции.

⁵⁸ **Жорж Жак Дантон** (фр. Georges Jacques Danton) (26 октября 1759 — 5 апреля 1794) — знаменитый деятель французской революции.

нибудь французское. Д-р Фенвик, мне нужно вам кое-что сказать, — она отвела меня к окну. — Анни Эшли пишет, что я не должна упоминать о вашей помолвке. Вы думаете, благоразумно держать это в секрете?

— Я не вижу, как с этим связано благоразумие. Но многие стараются, насколько это возможно, отдалить тот момент, когда их личные дела станут темой сплетен.

— Иногда сплетня может стать лучшим способом защиты. Пока девушка свободна, её суженый должен опасаться соперников. Объявите о помолвке, и соперники будут предупреждены.

— Я не боюсь соперников.

— Не бойтесь? Смелый человек! Я думаю, вы напишете Лилиан?

— Конечно.

— Сделайте это, непременно. Между прочим, миссис Эшли, прежде чем уехать, просила меня прислать ей приглашение от леди Хотон. И зачем? Чтобы показать вам?

— Очень даже вероятно. Письмо всё ещё при вас? Я могу его увидеть?

— Не сейчас. Когда Лилиан или миссис Эшли напишут вам, придите ко мне и расскажите, нравятся ли им в гостях, какие люди их окружают.

Она отвернулась от меня и стала беседовать с путешественником.

Её слова встревожили меня. Я почувствовал, что они были сказаны для того, чтобы я последовал им, но почему, я не мог понять. Не существовало языка на земле, в котором было бы больше слов, имеющих двойной смысл, чем в том, на котором говорила эта умная женщина, особенно тогда, когда ей хотелось быть искренней.

Погружённый в раздумья, я шёл домой, когда меня окликнул молодой человек, сын одного из богатейших торговцев в городе. Несколько месяцев назад я выхаживал его, когда он страдал ревматизмом. Он и его семья очень привязались ко мне.

— Ах, дорогой д-р Фенвик, я так рад видеть вас. Я должен сообщить вам о том, о чём вы ещё не знаете, — об очень приятном путешественнике-попутчике. Я приехал с ним сегодня из Лондона, где последние две недели проводил время, осматривая достопримечательности.

— Я полагаю, вы нашли мне нового пациента?

— Нет, поклонника. Я остановился в отеле Фентона. Так случилось, что однажды я забыл в столовой вашу последнюю работу о жизненном принципе, которая, кстати, как уверял меня продавец в книжном магазине, покупается, в основном, читателями, далёкими от профессии врача, такими, как я, например. Вернувшись в столовую, я обнаружил, что вашу книгу читает какой-то джентльмен. Я вежливо попросил вернуть книгу. Он так же вежливо извинился за то, что взял её. Мы познакомились, и на следующий день уже были друзьями. Он выражал своё любопытство и заинтересованность вашей теорией и экспериментами. Я сказал ему, что знаю вас. Не думайте, что я описал вас как человека, менее талантливого на практике, чем в ваших работах. Короче говоря, он приехал со мной в Л****, отчасти, чтобы увидеть наш цветущий город, но вообще-то потому, что я обещал познакомить его с вами. Завтра у нас будет, вы знаете, то, что моя мама называет «званным завтраком», — завтрак и танцы. Вы придёте?

— Спасибо, что напомнили о её приглашении. Я постараюсь прийти. А ваш новый друг тоже придёт? Кто он? Студент-медик?

— Нет, просто джентльмен. Но, кажется, у него обширные познания. Очень молод; очевидно, очень богат и необыкновенно красив. Я уверен, он вам понравится.

— Чтобы он мне понравился, мне достаточно знать только то, что он ваш друг.

На этом мы пожали руки и разошлись.

[1] Здесь миссис Пойнтс ошибается в трактовке закона, хотя, по всей видимости, её слушатели этого не заметили. Её ошибка будет замечена позже.

ГЛАВА 23

На следующий день было уже слишком поздно, когда я смог присоединиться к обществу, собравшемуся в доме торговца, на вилле, расположенной в двух милях от города посреди великолепных цветущих садов. Завтрак был долгим. Вся компания собралась на лужайке: кто-то танцевал, кто-то сидел в тени тентов, кто-то прогуливался по дорожкам между клумбами цветника, в котором цветы становились ещё прекраснее под ослепительными лучами солнца. Дул лёгкий восточный ветерок. Музыка, громкая и жизнерадостная, сливалась со счастливым смехом детей, которые составляли большую часть гостей.

Около входа в арку, ведущую от морозостойких цветов к редкой коллекции тропических растений под очень высоким стеклянным куполом (и соединяющую как будто растительность Севера и далёкого Востока) стоял человек, мгновенно приковавший к себе мой взгляд. Арка сверху скрывалась ползучими растениями, усыпанными цветами самых разнообразных оттенков — алыми, золотыми, пурпурными. И этот человек в расцвете своей юношеской свежести стоял как бы обрамлённый роскошными цветами.

Никогда прежде не видел я такого сияющего лица. Было в нём что-то неопишное, что буквально ослепляло. Я продолжал вглядываться в него, и был вынужден признать, что в нём не было ничего необыкновенного, он был среднего роста. Но производил он, однако, очень сильное впечатление, просто потрясающее. Большие глаза, блестящие, красивые; выражение заразительного воодушевления и радости; прекрасное телосложение; физическая сила, сочетающаяся с лёгкостью и изящностью движений.

Рука его лежала на золотистых локонах ребёнка, прильнувшего к его коленям и вглядывающегося в его лицо с тихой любовью, с какой дети смотрят на что-нибудь действительно слишком прекрасное, чтобы шумно выражать свой восторг. Сам же он разговаривал с хозяином, седым стариком, страдающим подагрой, который опирался на свою трость и слушал его с выражением печальной зависти. К радости старика, в ярких лучах солнца все цветы в его саду вызвали восхищение. О, это могло вернуть ему на час молодость, воплощение которой находилось сейчас рядом с ним, чудно сочетаясь с красотой его сада, вселяя в него надежду и радость.

Весёлый голос сына торговца заставил меня вздрогнуть. «Ах, мой дорогой Фенвик, а я боялся, что вы не придёте. Вы опоздали. Здесь мой новый друг, о котором я говорил вам вчера вечером. Позвольте, я вас познакомлю». Он взял меня за руку, подвёл к молодому человеку, стоявшему под аркой из цветов, и сказал, что его зовут Маргрейв.

Ничто не могло сравниться с радушием и искренностью мистера Маргрейва. Через несколько минут мы с ним уже беседовали так, как будто мы вместе воспитывались в одном доме, играли на одной игровой площадке, в общем, так, как будто знаем друг друга с детства. Его манера вести разговор была странной, беззаботной. Он с необыкновенной быстротой переходил с одной темы на другую.

Он сказал, что ему здесь нравится, что он намеревается остаться на несколько недель. Узнал мой адрес и обещал зайти как-нибудь пораньше, когда я ещё не буду занят работой. По дороге домой я пытался объяснить себе то обаяние, очарование, которым этот странный незнакомец притягивал к себе всех, кто приближался к нему. А так как я всегда во всём искал материальную причину, мне показалось, что всё дело в его заразительной жизнерадостности и отменном здоровье; здоровье, которое само по себе является наслаждением и распространяет вокруг себя, подобно атмосфере, невинное веселье и счастье от сознания бытия. Здоровье, почти неизвестное тем, кто постоянно загружен работой или поддаётся страстям. Существо, которое я встретил, дало мне представление о беззаботной юности жителя Аркадии, чьё сердце ещё не потревожила ни пастушка, ни нимфа.

ГЛАВА 24

Дом, который я занимал в Л****, был необычный и привлекательный, старомодный и изящный, угловой. Одной своей стороной, там, где был главный вход, он выходил на тихую улицу. На ней не было магазинов, и она не являлась одной из оживлённых артерий города, ведущих к его центру, и поэтому в некоторые часы даже днём она оставалась почти пустынной. С другой стороны — переулок. Напротив возвышалась длинная стена, огораживающая сад, прилегающий к закрытому учебному заведению для девочек. К дому примыкали конюшни, упирающиеся в ряд домов поменьше с небольшими садиками перед входом. В них жили, в основном, служащие и торговцы. По переулку можно было выйти на главную магистраль или к дороге, ведущей к зелёным лугам и берегу реки, где так приятно гулять.

Дом, где я жил с момента прибытия в Л****, имел очень много плюсов. Главное — здесь было тихо, и он отлично подходил моим пациентам. Вокруг можно было совершать пешие и конные прогулки. И когда появилась возможность сменить дом на другой, больше соответствующий моим возросшим доходам, я отказался это сделать. Но миссис Эшли не считала бы этот дом подходящим для Лириан. Благовоспитанным обществом главным недостатком считалось то, что этот дом принадлежал хирургу, который держал в нём аптекарскую лавку. Но эта лавка, на мой взгляд, только давала дому дополнительное преимущество. Она была пристроена со стороны дома, выходящей в переулок, и занимала большую часть маленького дворика, огороженного от дороги низким частоколом и отделённого от дома коротким узким проходом, ведущим в прихожую. Эту лавку я использовал в качестве рабочего кабинета для проведения научных экспериментов и проводил в ней ранние утренние часы, пока ещё не было первых пациентов. Я наслаждался царившей здесь тишиной; я наслаждался огромными каштанами, видневшимися за стеной школьного сада; я наслаждался простотой, с какой я мог открыть стеклянную дверь и выйти на улицу, если бы надумал прогуляться в полях. Я сделал эту лавку святой святых, и моему слуге было запрещено беспокоить меня, когда я там находился, за исключением, конечно, случаев, когда ему нужно было звать меня к больным. И даже хозяйке запрещалось сюда входить с веником или тряпкой для пыли без особого позволения. Последнее, что должен был сделать слуга перед сном, — это проверить, закрыто ли окно, затворена ли калитка. Но в течение дня я так часто выходил через эту калитку, что она очень редко оказывалась запертой. И окно тоже было открыто. В Нижнем городе в Л**** не слишком опасались краж, особенно в дневное время. А в этой комнате, отделённой от основного здания, вообще не было ничего, что могло бы привлечь внимание грабителей. Здесь стояли шкафчики, на стенах всё ещё висели полки. Тут и там на них были расставлены бутылки с химическими препаратами для экспериментов; два или три старомодных деревянных кресла; два или три убогих старых стола; старый, орехового дерева письменный стол без замка, в котором в беспорядке валялся всякий хлам и разные безобразно выглядевшие научные изобретения, не являющиеся такими вещами, которые владелец берёт бы от воров. Впоследствии будет понятно, почему я это всё так многословно описал. На следующее утро после того, как я встретил молодого незнакомца, который произвёл на меня благоприятное впечатление, я встал, как обычно, незадолго до восхода солнца, но намного раньше всех своих слуг. Прежде всего, я пошёл в комнату, которую только что описал и которую впредь буду называть своим рабочим кабинетом, открыл окно, отпер калитку и несколько минут прогуливался туда-сюда вдоль стены, в тишине, под сенью роскошных каштанов. Освежившись перед работой, я вернулся обратно в кабинет и занялся изучением сейчас уже хорошо известного прибора, который тогда (для меня, по крайней мере) был новинкой. Этот прибор изобрёл, если мне не изменяет память, Дюбуа-Реймон⁵⁹. Это был деревянный цилиндр, укреплённый на краю стола. На столе также стояли два сосуда с солью и водой, размещённые таким образом, что, если поместить руки на цилиндр, указательный палец каждой руки может соскользнуть в воду. Каждый сосуд имел металлическую пластинку, соединённую проводами с гальванометром⁶⁰ со стрелкой. Согласно теории, если крепко сжать цилиндр правой рукой, а левую ру-

⁵⁹ **Дюбуа-Реймон** (Du Bois-Reymond) Эмиль Генрих (1818 — 1896) — немецкий физиолог, основатель научной школы; философ, иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1892). По происхождению швейцарец. Основоположник электрофизиологии. Автор молекулярной теории биопотенциалов. Представитель механистического материализма [23].

Выявил закон, устанавливающий прямую зависимость величины реакции возбудимой ткани на электрическое раздражение от скорости изменения силы (плотности) раздражающего электрического тока [24].

Широко известен двухтомный труд Дюбуа-Реймона «Исследования по животному электричеству» (1848–1849 гг.). Это была первая попытка оценки работоспособности тканей на основе происходящих в них электрических явлений. В дальнейшем он закладывает основы электрофизиологии, устанавливает ряд закономерностей, характеризующих электрические явления в мышцах и нервах. Разработанная Дюбуа-Реймоном и носящая его имя аппаратура (индукционные аппараты с подвижными вторичными катушками для раздражения нервов и мышц, неполяризуемые электроды и др.) применяется в физиологических и медицинских лабораториях.

По своему мировоззрению Дюбуа-Реймон был одним из ярких представителей механистического направления. Попытка Дюбуа-Реймона объяснить все функции мозга на основе законов химии и физики привела его к утверждению, что все проявления жизни в живых организмах зависят исключительно от физических и химических явлений. В одном из писем к своему другу он писал, что «в организме действуют исключительно физико-химические законы; если с их помощью не всё можно объяснить, то необходимо, используя физико-математические методы, либо найти способ их действия, либо принять, что существуют новые силы материи, равные по ценности физико-химическим силам» [25].

⁶⁰ **Гальванометр** — высокочувствительный прибор для измерения слабого электрического тока и напряжения или малых количеств электричества [17, стр. 109].

ку держать совершенно расслабленной, стрелка на гальванометре будет перемещаться с запада на юг. Аналогично, если сжать цилиндр левой рукой, а правую руку расслабить, стрелка отклонится с запада на север. Это доказывает, что электрический ток вызывается нервной системой, и точно так же, как усилием воли мы можем сокращать мышцы, усилие воли вызывает отклонение стрелки. Я подумал, что, если эта теория подтверждается на практике, это открытие может привести к новым научным тайнам. Человеческая воля, таким образом воздействуя на электрический ток, обладает в большей или меньшей степени электричеством, что открывает широкий простор для предположений и исследований. Каких только упорных исследований не существует, чтобы прийти к научному решению проблем, которые не были решены законом тяготения Ньютона. И... Но на этом я останавливаюсь. Я никогда не позволял себе долго витать в облаках.

Я был неудовлетворён своим экспериментом. Конечно, стрелка отклонялась, но не в тех направлениях, которые, согласно теории, должны были соответствовать моим действиям. Я уже почти был готов бросить этот эксперимент, с глубоким презрением к догмам иностранного философа, как услышал громкий звонок у парадной двери. Пока я терялся в догадках, встал ли уже кто-нибудь из слуг, чтобы открыть дверь, и кто из пациентов мог обратиться ко мне в такое время, тень заслонила окно, и я с изумлением увидел сияющее лицо мистера Маргрейва. Дверь уже была приоткрыта, и он, открыв её шире, вошёл ко мне в комнату.

— Это вы звонили в парадную дверь в такой час? — спросил я.

— Да, но, заметив после того, как позвонил, что все ставни на окнах всё ещё закрыты, почувствовал себя пристыженным из-за своего необдуманного поступка и убежал, чтобы не увидеть недовольное лицо хозяйки, оторванной от утренних снов. Я свернул в этот прелестный переулок, столь притягательный из-за зелени каштанов, заметил вас сквозь приоткрытое окно, набрался смелости, и вот я здесь! Вы прощаете меня?

Пока говорил, он всё время ходил по заваленному полу неряшливой комнаты с нетерпением дикого зверя, запертого в клетке. И потом продолжил короткими отрывистыми предложениями, плохо связанными друг с другом, но спокойным музыкальным голосом, прекрасным, как песня жаворонка:

— Утренние сны, конечно! Сны, напрасно отнимающие такое утро. Великолепие летнего рассвета! Вам не жаль глупца, который предпочитает лежать в кровати и спать, а не жить? Что! И вы, крепкий человек, благородных кровей, в этой клетке! И вам не хочется пробежаться по зелёным полям, искупаться в реке?

Он остановился, в неясном утреннем свете, с такими сияющими радостью глазами, что они, кажется, могли заменить солнце, а его губы, наверное, готовы были улыбаться даже во сне.

Его взгляд быстро скользнул по стенам, полкам, склянкам, приборам-изобретениям и остановился на моём цилиндре, закреплённом на столе. Он подошёл к нему и с любопытством спросил, что это. Я объяснил. Чтобы доставить ему удовольствие, я сел и снова провёл свой эксперимент, но всё так же безуспешно. Стрелка, которая должна была переместиться с запада на юг, отклонялась на угол от тридцати до сорока и даже пятидесяти градусов, совершая непонятные колебания.

— Ах ты! — вскрикнул юноша. — Я понимаю, почему это происходит: у вас рана на правой руке.

Это была правда. Несколько дней назад, проводя химический опыт, я получил ожог, и рана ещё не зажила.

— Хорошо, — сказал я. — И что это значит?

— Всё. Самая небольшая царапина на коже влияет на электрический ток, независимо от вашего желания. Позвольте мне.

Он занял моё место, и в тот же момент стрелка гальванометра отреагировала на сжатие цилиндра точно так же, как описал философ-изобретатель.

Я был поражён.

— Но как вам удаётся, мистер Маргрейв, так хорошо разбираться в ещё малоизвестных научных достижениях, только недавно сделанных открытиях?

— Я хорошо разбираюсь! Да нет. Я просто люблю эксперименты, связанные с животной жизнью. Электричество особенно меня интересует.

Он говорил красноречиво. Я был поражён, обнаружив в этом юноше столь глубокие познания в науках, особенно в химии, к которой я сам имел склонность.

Но никогда ещё я не встречал студента, в котором истинные знания смешивались со старомодными нелепыми убеждениями. Одним своим предложением он показывал, что изучил открытия Фарадея

или Либиха; в другом — описывал заблуждения Кардана или Ван Гельмонта⁶¹, которые считал непреложной истиной. Я не мог сдержать смеха.

— Умоляю, скажите мне, — произнёс я, — кто учил вас физике? Никогда ещё у такого талантливого ученика не было такого сумасшедшего учителя.

— Нет, — ответил он с весёлым смехом, — это не вина учителя. Я всего лишь попугай. Просто повторяю обрывки, вырванные оттуда и отсюда. Но, однако, я люблю исследования и люблю разгадывать тайны Природы. Сказать по правде, одна из причин, по которой я проникся к вам симпатией, не только та, что ваша опубликованная работа заставила меня погрузиться в воду (извините, что я говорю «в воду»; я не имею в виду ничего, кроме как погружения в саму книгу), а, скорее, та, что вы (как утверждают все, кого мне довелось встретить в городе) — один из немногих практикующих химиков, кто с предусмотрительной осторожностью, но не без смелости, пытается понять каждый новый эксперимент, подвергнуть его тщательным проверкам. Я провожу головокружительный эксперимент и хочу, чтобы как-нибудь на досуге вы решились на этот опыт, как с вашим цилиндром, и сделали кое-что. Я уверен, у вас получится.

— Что это?

— Что-то сродни теориям, которые вы описываете в своей работе. Вы могли бы наполнить каждый живой организм особым веществом, которого ему может не хватать для поддержания здоровья. Но вы признаёте, что в большинстве случаев лучшее лекарство от болезни — поменьше иметь дело с больными, чем поддерживать и стимулировать весь организм лекарствами, то есть дать возможность самой Природе излечить болезнь и восстановить нарушенное равновесие. Таким образом, если вы считаете, что в некоторых случаях нервного истощения эффективным средством является азотная кислота, то это оттого, что азотная кислота обладает свойством как бы блокировать энергию, предотвращая напрасное её расходование. При обмороках нашатырный спирт помогает восстановить прежнюю работоспособ-

⁶¹ **Ван Гельмонт** Ян Баптист (Van Helmont) (январь 1579 — 30 декабря 1644) — голландский естествоиспытатель, врач и теософ-мистик. Ян Баптист ван Гельмонт родился в Брюсселе; в Лувене он получил теологическое и медицинское образование и, в частности, изучал «каббалу». Сделавшись врачом и тщательно изучив сочинения Парацельса и других иатрохимиков, Ван Гельмонт отправился в десятилетнее путешествие по Европе для усовершенствования своих знаний в медицине. Он посетил Альпы, Швейцарию, Испанию, Францию и Англию и в 1609 г. получил степень доктора медицины. Затем поселился в Вилворде близ Брюсселя и до конца жизни занимался исследованиями в своей собственной домашней лаборатории. Ван Гельмонту принадлежит много сочинений. Главные из них были опубликованы его сыном Франциском-Меркурием лишь после смерти учёного в 1646 г., а позднее, в 1682 г., было издано полное собрание сочинений Ван Гельмонта («Opera omnia»).

Ван Гельмонт — один из крупных представителей иатрохимии. Он был одним из первых учёных, поставивших вопрос об истинных простых составных частях сложных тел. Подвергая сомнению аристотелевские стихии и принципы алхимиков на том основании, что их присутствие невозможно обнаружить в составе большинства тел, Ван Гельмонт предлагал считать простыми телами лишь те, которые могут быть выделены при разложении сложных тел. Так, поскольку при разложении растительных и животных веществ всегда выделялась вода, Ван Гельмонт считал её простым телом и главной составной частью сложных тел. В поисках других простых тел Ван Гельмонт много экспериментировал с металлами. Весьма примечателен опыт Ван Гельмонта с серебром: точно взвешенное количество серебра было растворено в крепкой водке (азотной кислоте), раствор выпарен, остаток прокалён и сплавлен. Вес полученного серебра оказался в точности равным исходному. «Серебро не теряет своей сущности оттого, что было растворено в крепкой водке, хотя оно исчезло с глаз и сделалось совсем прозрачным», — писал Ван Гельмонт. Этот опыт интересен и как один из первых примеров количественного исследования явления.

Ван Гельмонт впервые провёл экспериментальные исследования процесса питания растений, которые стали основой для т. н. водной теории питания растений. Вырастив ветку ивы в бочке, он установил, что почти 40-кратное увеличение её в весе за 5 лет не сопровождалось сколько-нибудь значительным уменьшением веса земли. Несмотря на ошибочность, эта теория, рассматривавшая жизнь растений как процесс, происходящий только под влиянием материальных сил, нанесла удар религиозно-идеалистическому мировоззрению.

Ван Гельмонт одним из первых стал использовать нитрат серебра (ляпис) для прижигания ран, воспалений и бородавок. Он полагал, что в пищеварении решающую роль играет кислота желудочного сока, и поэтому предлагал лечить щелочами болезни, вызываемые избытком кислот в желудке. Ввёл в химию термин «газ». В ряде вопросов он стоял на классических позициях алхимии, считая, например, возможным превращение неблагородных металлов (ртути, свинца и др.) в золото при помощи т. н. философского камня. Ван Гельмонт придерживался виталистических представлений о том, что жизненные процессы якобы регулируются особыми «духами жизни» («археями»); признавал возможность самопроизвольного зарождения [26].

ность организма. На этих принципах, я думаю, основано то, что большее число человеческих жизней спасают в тех больницах, где используется обильное питание и спиртосодержащие препараты.

— Ваши познания в медицине удивляют меня, — сказал я с улыбкой. — И, не останавливаясь подробнее на некоторых спорных вопросах вообще и на моей теории в частности, какой вывод можно сделать из всего вышесказанного?

— Простой — по отношению ко всем живым телам, которые отличаются друг от друга, должен существовать один и тот же принцип — жизненный принцип. А что будет, если можно изучить его, если эта тайна будет раскрыта?

— Старое заблуждение средневековых сторонников эмпиризма.

— Это не так. Сторонники эмпиризма были великими исследователями. Вы глумитесь над Ван Гельмонтом, который искал в воде принцип всех вещей, но он открыл во время своих поисков ту невидимую материю, которую называли газом. И в настоящий момент жизненный принцип должен быть приписан газу. [1] Химия газа не должна терять надежду! Но я не могу больше спорить — никогда нельзя долго спорить. Мы впустую тратим утро и радость! Солнце встало! Смотрите! Пойдёмте! Пойдёмте! Пойдёмте! Встретим великого Создателя лицом к лицу!

Я не мог противиться желанию юноши. Через несколько минут мы были в тихом переулке под каштанами. Маргрейв затянул медленную, нелепую мелодию, слова на каком-то странном языке.

— Я думаю, эти слова не принадлежат ни одному из европейских языков. Хотя я знаю немногие из языков, на которых говорят в нашей части света, по крайней мере, наиболее цивилизованные народы.

— Цивилизованные народы! Что такое цивилизация? Эти слова произносили те, кто создавал империи, когда Европа ещё не была цивилизованной! Тише, разве это не величественная старинная песня?

И, подняв глаза к солнцу, он запел чистым низким голосом, как у могучего колокола! Величественной была песня, звучными — слова, мне они казались ликующими и торжественными. Он внезапно остановился: тропинка привела нас в поля, уже залитые солнечным светом. Роса сверкала на живых изгородях.

— Вашу песню, — сказал я, — можно было бы сравнить со звуками цимбал или переливами органа. Я не знаток музыки, но она действовала на меня как религиозный гимн.

— Благодарю вас. Это персидский гимн солнцу, гимн поклоняющихся огню. Диалект очень отличается от современного персидского. Сам Кир Великий⁶² пел её, идя на Вавилон.

— А где вы её выучили?

— В Персии.

— Вы так много путешествовали, многое изучили — и вы ещё так молоды. Наверное, будет дерзостью, если я спрошу, живы ли ваши родители или вы полностью предоставлены самому себе?

— Спасибо за вопрос. Пожалуйста, постарайтесь, чтобы об этом узнали в городе. У меня нет родителей. И никогда не было.

— Никогда не было родителей!

— Да, я должен сказать, что у меня никогда не было родителей. Я внебрачный ребёнок, бродяга, незначительный человек. Когда я достиг совершеннолетия, я получил анонимное письмо, в котором сообщалось, что на моём счёте в банке лежит некая сумма денег. Не могу сказать, сколько, но более чем достаточно. Также в письме было сказано, что моя мать умерла, когда я был ещё ребёнком; что мой отец тоже недавно умер; что я дитя любви и что мой отец не хотел, чтобы кто-нибудь узнал о тайне моего рождения, и что он обеспечил меня деньгами и передал их другу, который теперь мне пишет. Я не должен беспокоиться об учёбе. Поверите, я никогда не учился! Я молод, здоров, богат. Да, я богат! Теперь вы всё знаете, и будет лучше, если вы об этом расскажете, потому что я не могу рассчитывать на уважение мужчин и любовь женщин, если буду их обманывать. Как видите, у меня нет права даже на

⁶² **Кир II Великий** (греч. Кирус; перс. Куруш; евр. Кореш; англ. Cyrus the Great) родился около 593 г. до н.э. Сын Камбиса I из клана Ахеменидов, ведущего клана в персидском племени, именовавшемся Пасаргадами. В своём воззвании к вавилонянам Кир называл своих предков, Теиспа, Кира Первого и Камбиса I, «царями Аншана». Однако из библейских источников известно, что Элам, одной из областей которого был Аншан, подвергся завоеванию в 596 г. до н. э., и возможно, что пасаргадская династия Теиспа захватила Аншан в том самом году. Пасаргадские цари Аншана были вассалами Мидийской империи вплоть до восстания Кира, который (согласно сведениям Геродота, утверждавшего, что правление Кира продлилось 29 лет), вероятно, стал царём в 558 г. Мятеж начался в 553 г. и завершился пленением царя Мидии Астиага и захватом Эктабана, мидийской столицы. С того времени Кир стал именовать себя «царём персов» [28].

имя, которое я ношу. Тише! Позвольте мне поймать эту белку.

И он подпрыгнул, как пантера! Он никак не мог её поймать, она запрыгнула на верхушку дуба. Но через какое-то мгновение и он сам оказался на самой верхушке. В изумлении я смотрел, как он скачет с ветки на ветку, и сквозь зелёную листву видел его горящие глаза и сверкающие зубы. Я услышал жалобный крик белки и раздавшийся следом весёлый смех. Пробравшись вниз сквозь зелёный лабиринт ветвей, Маргрейв упал на траву и тут же вскочил.

— Я поймал её. Какие прелестные карие глаза!

Внезапно весёлое выражение его лица изменилось до неузнаваемости: белка изловчилась и укусила его. Бедный зверёк! В ту же секунду Маргрейв свернул ему шею, бросил на землю и с яростью стал топтать свою жертву! Это было ужасно. С негодованием я схватил его за руку. Он обернулся ко мне, как дикий зверь, которого оторвали от его добычи. Глаза его горели, зубы были крепко стиснуты, рука поднялась.

— Позор! — сказал я тихо. — Как вам не стыдно!

Какое-то мгновение он продолжал смотреть на меня. Глаза его горели, дыхание было тяжёлым. А потом, словно делая над собой усилие, он опустил руку и кротко произнёс:

— Я прошу у вас прощения. Пожалуйста, простите меня. Я был вне себя, я не могу вынести боль.

И с глубоким состраданием к себе он взглянул на свою раненую руку.

— Ядовитый зверь! — и он снова пнул ногой уже безжизненное тело белки.

Я пошёл прочь с отвращением.

Но тут я почувствовал, как меня мягко взяли за руку, и до моих ушей донёсся голос, приятный, как воркование голубя. Не было никаких сил противиться очарованию, исходившему от этого экстраординарного человека. В старости сердце сжимается, глядя на игривого ребёнка. Даже человеконенавистник, озлоблённый несправедливостью и горем, способен измениться и относиться с нежностью хотя бы к собаке. Но было что-то притягательное в этом юном радостном существе. Это был прелестный ребёнок, испорченный и своенравный, напоминающий грациозного зверя, наполовину послушного, но только наполовину.

— Но, — сказал я, улыбаясь, так как почувствовал, что всё моё неудовольствие исчезло, — так реагировать на пустяки недостойно философа!

— Пустяк, — ответил он болезненно. — Но я говорю вам, что это боль. Боль — не пустяк. Я страдаю. Смотрите!

Я взглянул на его руку, которую держал в своей. Укус, без сомнения, был болезненным. Но такими руками, как у него, греческий скульптор непременно снабдил бы гладиатора: не большие (конечности никогда не бывают большими у тех людей, из которых сила исходит от всех частей тела, и не выделяются на фоне других частей, сравнительно более слабых), с прочными суставами, твёрдыми пальцами, обработанными ногтями, с огромной ладонью и мягкой гладкой кожей. Такие руки Природа даёт человеку, чтобы он создавал ими чудеса.

— Это странно, — произнёс я задумчиво, — но ваша восприимчивость к страданию подтверждает моё мнение, которое отличается от общепринятого. А именно то, что наиболее остро ощущают боль те, у кого крепкий организм, особенно живучий. И каждая рана как бы затрагивает весь организм и всю нервную систему. Всё же моя теория едва ли подтверждается фактами. У индейских дикарей, должно быть, такое же отменное здоровье, как у вас, и прекрасная нервная система. Об этом свидетельствуют их изумительный слух, острое зрение, хорошо развитое обоняние и, вероятно, осязание. Однако они безразличны к физической боли. Я, наверно, уязвлю вашу гордость, если скажу, что они, так похожие на вас, всё же стоят выше этого?

— У индейских дикарей, — ответил Маргрейв мрачно, — не такое отменное здоровье, как у меня. И в том, что вы называете живучестью, счастливым осознанием жизни, их никак нельзя сравнивать со мной.

— Почему вы так уверены?

— Потому что я жил с ними. Ошибочно предполагать, что у дикаря здоровье лучше, чем у цивилизованного человека. У цивилизованного человека имеется запас жизненных сил, которые поддерживают его годами, но дикарю их не хватило бы и на месяц. Что же до прекрасно развитого обоняния, слуха и прочего, то это не связано со здоровьем, а передаётся из поколения в поколение и развивается с младенчества. Но можно ли сказать, что дикарь сильнее и здоровее мастиффа⁶³ из-за наследственности и раннего обучения? Я расскажу об этом позже. Сейчас я страдаю! Боль, боль! Есть ли в жизни что-нибудь мучительнее боли?

⁶³ **Мастифф** — английский дог.

Так случилось, что при мне оказалось несколько корней белой лилии, которые я собирался прежде, чем вернуться домой, занести одному своему пациенту. Он страдал от острого воспаления, а иногда такое простое средство способно оказать целебное воздействие. Я разрезал один из корней и приложил прохладные листья к пораненной руке Маргрейва, обвязав своим носовым платком.

— Ну, вот, — сказал я. — Если вы чувствуете боль острее других, то вы и излечитесь от неё быстрее.

Уже через несколько минут мой новый знакомый почувствовал себя превосходно и с восхищением изливал на меня свою благодарность, что меня растрогало.

— Я чувствую, — отвечал я, — что успокоил стонающего младенца и вернул его улыбающимся к груди матери.

— Вы так и сделали. Я младенец, а Природа мне мать. О, вернуться к радости жизни, аромату полевых цветов, пению птиц и ветру! Летнему ветерку, летнему ветерку!

Не знаю, почему, но в тот момент, когда я смотрел на него и слушал, я обрадовался, что Лилиан нет сейчас в Л****.

— Но я вышел, чтобы купаться. Разве мы не можем искупаться в этой реке?

— Нет. Вы повредите повязку на руке. И вообще при недомоганиях, от самых лёгких до тяжелейших, нет ничего лучше, как оставить Природу в покое и предоставить ей возможность применить свои собственные средства для лечения.

— Тогда я повинуюсь. Но я так люблю воду.

— Вы, конечно, умеете плавать?

— Спросите у рыбы. Спросите её, если она сможет ускользнуть от меня! Я с восторгом ныряю всё глубже и глубже. Погружаюсь за форелью, как выдра. А потом добираюсь до душистых тростников и камышей или изумрудного леса, отражающегося в воде. Человек! Человек! Если бы вы прожили хотя бы час моей жизни, вы бы знали, как ужасно умереть!

— Даже умирающие так не думают. Они уносят с собой спокойствие и улыбку. Так же однажды случится и с вами.

— Я, я! Умру однажды, умру! — он повалился на траву, закрыл лицо и громко зарыдал.

Но прежде, чем я смог найти с полдюжины слов, чтобы успокоить его, он вскочил, вытер слёзы и снова запел какую-то дикую, варварскую песню. Язык песни мне был неизвестен. И, стараясь не отвлекаться, я погрузился в размышления об исключительной, такой своенравной, импульсивной, натуре этого человека, в то же время серьёзного, как я сам.

Я не мог понять, как такая ребячливость и отсутствие самообладания могут сочетаться с опытом, приобретённым в путешествиях, с образованием, правда, обрывочным и бессистемным. Но, так или иначе, Маргрейв был знаком с серьёзными научными исследованиями и обладал таинственными способностями.

[1] *«В соответствии с представлениями, о которых мы упомянули, мы должны приписать жизнь газу, то есть газообразному телу»*. Либих «Органическая химия» (Liebig: “Organic Chemistry”, Mayfair’s translation), стр. 363.

Возможно, не будет лишним отметить, что сам Либих не разделял точку зрения, *«в соответствии с которой жизнь должна быть приписана газу»*. Дугалд Стюарт⁶⁴ писал: *«В соответствии с нашими представлениями, память — это набор впечатлений»*. Этим он противопоставлял своё мнение мнению Дэвида Юма, а не поддерживал его. Эта цитата только показывает, что и в наши дни подобные точки зрения принимаются во внимание. Маргрейв пришёл к такому мнению, вспомнив Ван Гельмонта, на чьё открытие он ссылается. Ван Гельмонт ясно утверждает, что *«наш жизненный принцип имеет природу газа»* и в той же самой главе отмечает: *«Так как наш дух жизни — газ, он находится под влиянием любых других газов»*. Он повторяет эту мысль в своём трактате «Долгая жизнь» и в главе «О духе жизни» приписывает ему высокое происхождение. Поэтому Либих, опровергая некоторые современные поня-

⁶⁴ **Дугалд Стюарт** (Dugald Stewart) (22.11 1753, Эдинбург — 11.06 1828, там же) — шотл. философ. Принадлежал к шотландской школе, в значительной мере способствовал развитию философии common sense (здорового смысла); учил, что первоначально данная в ощущениях самость человека только благодаря рассудку превращается в разумное самосознание, что реальность внешнему миру сообщается не переживанием реальности через чувственное восприятие, а благодаря повторяющемуся восприятию постоянства предметов. Нравственность Стюарт рассматривал как автономную и не зависящую от закона и религии. Его произв. объединены в «Collected works», 11 vol., 1854–1858 [27].

тия как имеющие пагубное влияние, возвращается к понятию газа, который был представлен жизненным принципом. Это понятие сейчас широко известно. Тем не менее, он добавляет, что концепция Ван Гельмонта о жизненном принципе очень далека от материалистической, какой она может показаться тем, кто незнаком с его работами. При этом он чётко различает жизненный принцип, который он назвал газом и который является принципом животной жизни, и бессмертный принцип души. Ван Гельмонт, конечно, был истинным верующим в Божественное Откровение. *«Господь Иисус — это путь, истина и жизнь»*, — говорит с покорным смирением этот смелый гений в главе «О наполнении души молитвой тишины, о сердце, духе, подчинении Божественной Воле», на которую опирались многие красноречивые философы, приводя доводы против материализма.

ГЛАВА 25

Наши отношения с Маргрейвом становились более близкими. Каждое утро он приходил ко мне до восхода солнца, вечерами мы тоже встречались: иногда в гостях, куда мы были оба приглашены, иногда — у него в гостинице, иногда — у меня дома.

Ничто не сбивало меня с толку так, как его необыкновенная молодость, никак не вязавшаяся с длительными путешествиями, которые, если ему верить, позволили ему узнать чуть ли не весь мир. Однажды я прямо спросил, сколько ему лет.

— На сколько я выгляжу? Сколько бы вы мне дали?

— Я думаю, вам около двадцати. Вы говорили, что несколько лет назад достигли совершеннолетия.

— Если человек выглядит намного моложе своих лет, это признак долговечности?

— В сочетании с другими признаками, конечно!

— У меня есть другие признаки?

— Да, прекрасное, возможно даже, бесподобное телосложение. Но вы уклонились от ответа на мой вопрос о вашем возрасте. Мой вопрос неуместен?

— Нет. Я достиг совершеннолетия... дайте мне подумать... три года назад.

— Так давно? Разве это возможно? Я хочу знать вашу тайну!

— Тайну! Какую тайну?

— Как вы сумели сохранить юношескую свежесть, несмотря на человеческие страсти и размышления.

— Да вы сами ещё молоды. Вам под сорок?

— О, да! Под сорок.

— И Природа одарила вас лучшим телосложением и более правильными чертами лица, чем меня.

— Вздор! Чепуха! Вы обладаете красотой, которая может очаровать женщину, и эта красота в самом расцвете. Счастливчик! Если вы любите и желаете быть уверенным, что так же любимы.

— То, что вы называете любовью, — нездоровое чувство, лихорадочная глупость, — оставила меня, думаю, навсегда, когда...

— Ну, конечно. Когда?

— Когда я достиг совершеннолетия!

— Старый циник! И вы презираете любовь! Как я когда-то. Ваше время ещё придёт.

— Не думаю. Любит ли самец (я не имею в виду человека) свою самку так, как мужчина любит женщину?

— Как мужчина любит женщину? Нет, не думаю.

— А почему животные мудрее человека? Но вернёмся к делу: вам бы хотелось обладать моей юностью и беззаботно наслаждаться ею?

— Спрашиваете, кто бы не хотел?

Маргрейв смотрел на меня какое-то время с необыкновенной серьёзностью, а потом внезапно, что вполне соответствовало его непредсказуемому темпераменту, тихо запел одну из своих диких песен. Такую я ещё от него не слышал. И мелодия её была сама по себе или благодаря его голосу такой сладостной, что взволновала меня до глубины души. Я придвигался к нему всё ближе и ближе и, когда он закончил, прошептал:

— И это не песнь любви?

— Нет, — ответил он. — Это песня заклинателя змей.

ГЛАВА 26

Более тесное общение с моим новым знакомым ничуть не нарушило очарования, исходившего от его общества, несмотря на то, что обнаружились некоторые поразительные недостатки в его мышлении и нравственности. Я уже говорил, что его знания, несмотря на широкий кругозор и любознательность, были обрывочными и ошибочными. Это были, конечно, не те знания, которые бы поэт образно назвал «крылом, поднимающим нас к небу». Они были чрезвычайно «неровными», или противоречивыми. Его память в некоторых вопросах казалась изумительной, однако редко хранила истинные сведения. А сведения эти не объединялись связующей нитью, или, как говорят метафизики, «общим представлением». Поэтому эти сведения, неясные и неточные, он казался неспособным хоть как-то применить. К чтению он вообще не имел склонности. Восторженный любитель природы, он не был склонен к искусству, способному изобразить красоту природы, — поэзии или живописи. Из всех искусств одна только музыка привлекала его. Его речи часто заставляли задуматься, но не помню, чтобы в нём прослеживалась какая-то связь между юностью и гениальностью. Если поэты воспевают молодость, она как бы находит отражение в них самих, потому что общим у поэтов и молодости является стремление идеализировать жизнь, сделать то, что есть в ней благородное, ещё благороднее, а справедливое — ещё более справедливым.

Характер Маргрейва не отличался особыми пороками или особыми добродетелями, только удивительной весёлостью, радостностью и добродушием. Он был необыкновенно сдержан, испытывал отвращение к вину, возможно, потому, что был абсолютно здоров. Ни один здоровый человек не любит алкоголь. Ни одно животное, за исключением человека, не предпочитает вино воде.

Его главным нравственным недостатком я считал его желание открыто проявлять свою привязанность. Он, так остро чувствующий свою боль, рыдал при мысли, что однажды умрёт, но был бесчеловечным по отношению к несчастной белке, чёрствым к чужому страданию, как олень, покидающий раненого собрата.

Я описываю случай жестокосердия, когда я, по крайней мере, ожидал, что оно проявится в нём.

Как-то он присоединился ко мне, когда я шёл с визитом к пациенту, живущему на самой окраине города, и мы случайно встретились с группой детей, которые на час-два были освобождены от школьных занятий. Один из них с радостью узнал Маргрейва: раньше он уже играл с ними у них дома. Они все подбежали к нему, и он, по-видимому, тоже был рад этой встрече.

Он решил пойти вместе с ними и стал таким весёлым и резвым, как самый маленький из них.

— Хорошо, — сказал я, смеясь, — если вы надумали играть в чехарду, пожалуйста, только не на дороге, где вас может сбить телега. Идите на луг. Идите туда!

— С большим удовольствием! — вскричал Маргрейв. — Пока вы будете наносить визит. Пойдёмте, ребята.

Маленький мальчик (не старше шести лет, хромой) заплакал: он не мог бежать и должен был остаться.

Маргрейв наклонился к нему.

— Забирайся ко мне на плечо. Я буду тебе лошадкой.

Ребёнок утёр слёзы и с восторгом повиновался. «Конечно, — подумал я, — кроме всего прочего, Маргрейв по своей природе — мягкий и простодушный. Ну, кто ещё, отбросив все свои дела, остановится посреди дороги, чтобы играть с детьми?»

Эта мысль едва только пронеслась в моей голове, как я услышал душераздирающий крик. Маргрейв перепрыгнул через ограждение, отделяющее луг от дороги, а малыш у него на плече не удержался и упал. Раздавались его жалобные крики. Маргрейв похлопал малыша по ушам его ладошками, сказал что-то гневно и, даже не додумавшись, поднять ребёнка и узнать, насколько сильно тот ушибся, прокричал остальным идти дальше и вскоре уже катался вместе с ними по траве и забрасывал их маргаритками. Когда я подошёл, рядом с мальчиком находился только его маленький брат, всего лишь на год старше его самого. Малыш упал на руку, не сломал её, но сильно ушиб. Боль, должно быть, была нестерпимая. Я отнёс мальчика к нему домой и оставался с ним некоторое время. Я не видел Маргрейва до следующего утра. Когда он пришёл, я чувствовал себя настолько возмущённым, что едва мог говорить с ним. Когда, наконец, я упрекнул его за жестокость, он выглядел удивлённым, с трудом припомнил обстоятельства и потом просто сказал, как если бы это было самым обычным признанием:

— О, нет ничего более неприятного, чем плач ребёнка. Я ненавижу диссонансы. Мне нравится находиться в компании детей, но это должны быть дети, которые играют и смеются. Ну, почему вы смотрите на меня так строго? Я сказал что-то, что вас потрясло?

— Потрясло меня! Да вы потрясаете само понятие о человечности! Уходите, я не могу с вами разговаривать. Я занят.

Но он не уходил. Его голос был так сладок, а манеры так приятны, что отвращение незаметно переплавлялось в прощение. Позвольте невольное повторение: олень, оставляющий своего товарища, ничего лучшего не знает, бедняжка. Но как он изящен и красив!

Обаяние, — не могу подобрать другого слова, — исходившее от Маргрейва, распространялось не только на меня, оно было всеобъемлющим: старые, молодые, богатые, бедные, мужчины, женщины, дети — все ему поддавались. Ни одному ещё человеку в Нижнем городе, даже самому известному, не оказывали такого радушного, лестного приёма. Его искреннее, без всякой обиды, признание, что он внебрачный ребёнок, пробуждало у людей интерес к нему, но в то же время пресекало неизбежные расспросы о его родственниках и прошлом. Очевидно, он был богат. По крайней мере, у него было много денег. Он жил в лучших комнатах гостиницы, был очень гостеприимен, приглашал к себе тех, с кем успел близко познакомиться, уговаривал их брать с собой детей и устраивал после обедов танцы. Среди его знакомых оказался и мэр города, купивший в своё время коллекцию д-ра Ллойда. Эту коллекцию мэр пополнил своей недавней покупкой. Он поместил всю коллекцию, включая последнее приобретение — чучела слона и гиппопотама, — в большом деревянном здании, смежном с его домом, которое было построено прежним владельцем, охотником на лис, как конюшня. Мэр, будучи человеком, стремящимся к распространению знаний, предполагал, к восторгу всех жителей, открыть здесь музей, а после своей смерти завещать его Атенеуму⁶⁵ или Институту Литературы, находившемуся в его родном городе. Маргрейв, спустя только три дня после своего приезда, не без поддержки дочерей мэра, уговорил этого выдающегося деятельного чиновника устроить бал в честь открытия музея. Временный коридор должен был соединить гостиные, находящиеся на первом этаже, со зданием, в котором размещалась коллекция. Таким образом, празднику придавался торжественный характер, и он не был бы простым модным развлечением. Ослеплённый этой идеей, мэр заявил о своём намерении устроить большой бал, который должен был стать во всех смыслах достойным случая и его самого. Уже была выбрана ночь для бала — ночь, ставшая для меня поистине незабываемой! Развлечение ждали с большим интересом, который не скрывала даже Возвышенность. В целом Возвышенность не очень-то покровительствовала мэрам, но когда мэр давал бал, такой роскошный, считала, что без всякого риска потерять достоинство, общение с ним можно и признать. Поэтому Возвышенность с позволения своей Королевы приняла приглашение на бал. И теперь, так как праздник устраивался по совету Маргрейва, каждый, кто говорил о бале, не мог не упомянуть и его имени.

Поначалу Возвышенность проигнорировала незнакомца, чей «дебют» состоялся в Нижнем городе. Но Королева Возвышенности важно заявила: «Этот новый человек за несколько дней стал Знаменитостью. Политика же Возвышенности — принимать Знаменитостей, если они проявляют уважение к Правилам приличия. Д-ра Фенвика просят, чтобы он представил его нам».

Оказалось трудным убедить Маргрейва принять снисходительное предложение Возвышенности. Он как будто бы испытывал неприязнь ко всем обществам с аристократичными замашками, неприязнь, выражавшуюся с таким необычным свирепством, что можно было сделать такой вывод, что когда-то он подвергся унижению в подобном обществе. Однако он внял моим уговорам и как-то вечером, когда я собирался к миссис Пойнтс, решил сопровождать меня. Миссис Пойнтс была чрезвычайно вежлива с ним и после банальных разговоров, услышав, что он любит музыку, препоручила его заботам мисс Брабазон, которая была главой музыкального отдела при Королеве Возвышенности.

Миссис Пойнтс удалилась к своему излюбленному месту около окна, приглашая меня посидеть с ней. И пока она вязала в тишине, мой взгляд был прикован к Маргрейву, находившемуся в центре группы гостей, расположившихся вокруг фортепиано.

Был ли он на самом деле в более весёлом расположении духа, чем обычно, или его одолевало шаловливое, враждебное желание нарушить сложившиеся правила, которые принято было соблюдать, не знаю, но прошло немного времени, прежде чем спокойствие было нелепо нарушено.

Мисс Брабазон заканчивала играть сложную унылую сонату, когда я услышал, что Маргрейв внезапно спросил её, может ли она сыграть тарантеллу, известную неаполитанскую песню, основанную на легенде, что укус тарантула вызывает непреодолимое желание танцевать. Когда же старая дева призналась, что не знает эту песню и никогда даже не слышала про такую легенду, Маргрейв предложил: «Позвольте мне сыграть вам, с моими собственными вариациями». Мисс Брабазон любезно уступила место за инструментом. Маргрейв уселся, было очень любопытно его послушать. Пальцы его помчались по клавишам. И это было только начало, прелюдия, в которой не было абсолютно никакой гармо-

⁶⁵ **Атенеум**, употребляется как название литературного или научного общества.

нии. Потом он запел. Песней это можно было назвать с трудом. Слова — конечно, не на итальянском, а на каком-то неведомом языке. Возможно, это была просто импровизированная тарабарщина. Потом началась настоящая пытка инструмента: рояль визжал, стонал, и всё более дико и шумно. Бетховенский шторм по сравнению с этим был тих и спокоен. Главный голос разламывающихся страданием клавиш имел диапазон целого хора. Конечно, я не был знатоком музыки, мне этот диссонанс казался ужасающим. Но более тонкие ценители, по-видимому, нашли его восхитительным. Все были ошеломлены, очарованы. Даже миссис Пойнтс оторвалась от своего вязания, как Судьба, привлечённая звуками лиры Орфея. За этим восхищением вскоре последовало всеобщее желание танцевать. К своему изумлению, я созерцал замужних дам и степенных отцов семейств, кружащихся в танце, неудержимом как на детском рождественском балу. И когда внезапно, прекратив игру, Маргрейв вскочил, схватил тощую руку художавой мисс Брабазон и увлёк её в самый центр танцующих, мне показалось, что я нахожусь на шабаше ведьм. В сильнейшей тревоге я взглянул на миссис Пойнтс. Она была поражена не меньше меня и взидала на эту картину в состоянии оцепенения. Без сомнения, впервые в жизни она оказалась бессильна что-либо изменить. Страх, возникающий в других от её присутствия, исчез. Танец закончился так же внезапно, как начался. Бросив мумию, которую он выбрал в качестве своей партнёрши, Маргрейв подскочил к миссис Пойнтс и произнёс: «Десять тысяч извинений, что покидаю вас так скоро, но часы показывают, что я должен быть в другом месте». И он тут же ушёл.

Танец прекратился. Люди медленно приходили в себя, глядя друг на друга смущённо и пристыженно.

— Я ничего не смогла с этим сделать, дорогая, — вздохнула, наконец, мисс Брабазон, опускаясь на стул и бросая робкий, умоляющий взгляд на хозяйку.

— Это колдовство, — сказала толстая миссис Брюс, утирая пот со лба.

— Колдовство! — отозвалась миссис Пойнтс. — Действительно, похоже на то. Изумительная, необычайная выходка, не соответствующая Правилам приличия. Откуда приехал этот молодой дикарь?

— Из диких мест, как можно судить по его словам, — ответил я.

— Не приводите его сюда больше, — сказала миссис Пойнтс. — Он перевернёт Возвышенность вверх ногами. Но как очарователен! Я бы хотела ещё раз увидеться с ним, — добавила она, понизив голос, — если бы он зашёл ко мне как-нибудь утром, не в присутствии всех тех, за приличное поведение которых я отвечаю. Джейн должна быть на прогулке вместе с отцом в это время.

Маргрейв никогда больше не появлялся на Возвышенности. Его завалили приглашениями, особенно мисс Брабазон и другие старые девы, но напрасно.

— Эти люди, — говорил он, — слишком неинтересные и культурные для меня. И среди них так мало молодых. Даже эта девушка, Джейн, молода только снаружи, внутри же — стара, как всё их общество, как её мать. Мне нравится молодёжь, настоящая молодёжь: я молод, я молод!

И, действительно, я замечал за ним, что он, бывает, привяжется к какому-нибудь юному существу, чаще всего, ребёнку, как будто бы с особенным сердечным расположением, но на час-два, не больше, а потом при новой встрече с ним даже его не вспомнит. Как-то вечером я сказал ему об этом, упрекнув в непостоянстве, когда он пришёл ко мне и застал за работой над книгой.

— Это не непостоянство, — ответил он. — Это необходимость.

— Необходимость? Объяснитесь.

— Я стараюсь найти то, чего я не нашёл, — сказал он. — Мне нужно найти это, среди молодёжи. И, разочаровавшись в одном, я обращаюсь к другому. И снова возникает потребность. Но я всё же должен найти это, наконец.

— Предполагаю, вы имеете в виду то, что обычно молодёжь ищет в молодёжи. И, если, как вы сказали однажды, любовь осталась у вас позади, сейчас вы пытаетесь снова найти её.

— Тьфу! Если верить тому, что болтают дураки, если ищешь любовь, её можно находить каждый день. То, что я ищу, — из редчайших открытий. Вы можете помочь мне. И при этом придёте к такому знанию, которое вам не дадут ваши обычные эксперименты.

— Располагайте мной, — ответил я, улыбаясь немного презрительно.

— Вы говорили, что исследовали предполагаемый феномен животного магнетизма и доказали, что люди, обладающие якобы даром ясновидения, оказались самозванцами. Вы были правы. Я видел ясно-видящих, которые предлагают в этом городе свои услуги. Да любая цыганка сильнее их. Но на своём опыте вы должны были узнать, что существуют определённые натуры, в которых дар пифий⁶⁶ сохра-

⁶⁶ **Пифия** — в Древней Греции жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах, вещунья [12]. Во внутренней, самой священной части храма стоял золотой треножник. Пифия всходила на него и, опьяняясь ядовитыми испарениями, поднимавшимися из-под земли, выкрикивала бессвяз-

нился. Только обладатели этого дара не догадываются о нём, и его не так просто заметить стороннему наблюдателю. Но знаки, указывающие на него, должны быть так же ясны современному физиологу, как они были ясны древним священникам.

— По крайней мере, мне как физиологу, эти знаки неизвестны. Каковы они?

— К сожалению, я не смогу дать вам понятие о них простым словесным описанием. Я мог бы руководить вашим исследованием, чтобы вы могли безошибочно определять их. Не каждый миллионный человек обладает таким даром, чтобы его можно было применять. У многих бывают проблески, но немногие, совсем немногие обладают истинным светом. Те, у кого бывают проблески, вводят в заблуждение всех, кто обращается к ним, потому что, будучи очень редко удивительно точными в своих предсказаниях, они вызывают к себе доверие. Они только передают видения собственного воображения, и им нельзя доверять, потому что это видения спящего. Но тот, кто обладает истинным светом, знает, как управлять им, как использовать, и он способен узнать всё, что желает, относительно своей жизни. Он будет предупреждён о всякой опасности, ему помогут её избежать. Для пифии не существует преград, пространство и время не имеют границ.

— Мой дорогой Маргрейв, вы говорите, что существа, столь одарённые, встречаются редко. И я думаю, что искать пифию всё равно, что искать мифического единорога.

— Тем не менее, всякий раз, когда вы сталкиваетесь с таким юным существом, которому ещё неизвестно всё зло мира, которому все мирские заботы и обязанности кажутся странными и неприятными, которому с самого раннего детства больше всего нравилось сидеть в одиночестве и размышлять, глазам которого предстают видения; кто разговаривает с теми, кого нет на земле; кто видит неземные пейзажи...

— Маргрейв, Маргрейв! О ком вы говорите?

— О том, чья натура очень чувствительна, полна здоровья; в ком вы не находите болезни; которая правдива, и вы знаете, что она не может обмануть вас; и которая слишком чиста, чтобы можно было в ней обмануться; у которой по непонятным причинам меняется настроение, переходя от радости к необъяснимой грусти... Так вот, когда вы встретите такое существо, скажите мне. Возможно, это будет означать, что найдена истинная пифия.

Я слушал его со смутным страхом. Слова Маргрейва вызвали передо мной образ Лилиан Эшли. Я слушал его, затаив дыхание, в изумлении, не в состоянии произнести ни слова. Я смотрел на него и радовался, что он никогда не видел Лилиан.

Он бросил на меня твёрдый, проницательный взгляд и, рассмеявшись, продолжал:

— Вам не нравится слово «Пифия». Но я не знаю слова лучше. Мои воспоминания смутные и спутанные. Но, однако, я читал или слышал, что дельфийские жрецы совершали путешествия, главным образом, во Фракию⁶⁷ или Фессалию⁶⁸ в поисках девственниц, которые могли бы управлять их оракулами, и что оракулы растеряли свою славу, как только жрецы не смогли больше совершать свои путешествия и решили прибегнуть к обману. То же можно сказать про ясновидящих, которых природа не наделила даром. Действительно, на них был спрос. Постоянное напряжение способностей, ослабляющее их жизненные силы и способствующее укреплению власти жрецов, было смертельным. Ни одна Пифия не прожила дольше трёх лет с того момента, как был раскрыт её дар.

— Вздор! Я не знаю из достоверных источников деталей, которые вы описываете. Вероятно, подобные легенды можно найти у александрийских платоников, но они не авторитетны. Кроме того, — добавил я, приходя в себя от первоначального изумления или страха, — дельфийские оракулы были двусмысленными, и их ответы можно было прочесть по-разному. Жрецы читали стихи, которые оказывали воздействие на несчастную жрицу, заставляя её биться в конвульсиях. И именно эти конвульсии, а не ложный дар, могли сократить ей жизнь. Хватит уже пустых разговоров! Хотя, нет! Ещё один вопрос. Если вы найдёте свою Пифию, что тогда?

— Что тогда? Да с её помощью я мог бы провести эксперимент, в котором и ваша практическая наука смогла бы мне помочь.

— Скажите мне, что это за эксперимент. Я могу помочь вам и без Пифии.

Маргрейв молчал несколько минут, проводя рукой по лбу (это был его обычный жест), а потом равнодушно ответил:

ные и непонятные слова, которые затем истолковывались другими жрецами как вещания бога [11, стр. 292].

⁶⁷ **Фракия** — историко-географическая область на северо-востоке Греции, [6, стр. 1422].

⁶⁸ **Фессалия** — историческая область на востоке Греции, главным образом на территории Фессалийской равнины, [6, стр. 1402].

— Сейчас я не могу больше говорить. Мой мозг изнурён, а вы не в состоянии меня слушать. Между прочим, как вы замкнуты и осторожны со мной!

— Что?

— Вы никогда не говорили мне, что помолвлены. Вы скрыли это от меня, а ведь я хочу завоевать вашу дружбу.

— Кто вам сказал?

— Та женщина, у которой глаза смотрят внимательно, с любопытством. Хозяйка того дома, куда мы с вами ходили.

— Миссис Пойнтс! Возможно ли это? Когда?

— Сегодня днём. Я встретил её на улице. Она остановила меня и после бессмысленных слов спросила, видел ли я вас, не нахожу ли я вас слишком рассеянным. И добавила, что удивляться тут нечему, ведь вы влюблены. А молодая девушка уехала с визитом, и за ней ухаживает опасный соперник.

— Ухаживает опасный соперник!

— Очень богат, прекрасно выглядит, молод. Вы боитесь его? Вы бледнеете.

— Я не боюсь, до тех пор, пока он любит, искренне, смиренно, и боится не того, что ему предпочитают другого, а того, что этот другой окажется достойнее его. Но то, что миссис Пойнтс расскажет вам всё... Это меня удивляет. Она упоминала имя девушки?

— Да, Лилиан Эшли. Впредь будьте более искренны со мной. Кто знает? Может, я смогу помочь вам. Прощайте!

ГЛАВА 27

Когда Маргрейв ушёл, я взглянул на часы — ещё не было девяти. Я решил сразу же идти к миссис Пойнтс. Время было не приёмное, но, несомненно, она меня примет. Она должна мне всё объяснить. Как получилось, что она так легкомысленно разгласила тайну, которую обязана была хранить, и кто этот соперник, о котором я не знаю? Как случилось, что, описывая свою мифическую Пифию, Маргрейв описал Лилиан? Несомненно, миссис Пойнтс неосмотрительно, с непростительным легкомыслием рассказала всё, что её не устраивало в моём выборе. Но ради чего? И это было её хвалёной дружбой? Было ли это проявлением уважения по отношению к миссис Эшли и Лилиан, о котором она заявляла? Одолеваемый этими спутанными, негодующими мыслями, я подошёл к дому миссис Пойнтс и был принят ею. К счастью, она была одна: её муж и дочь ушли к кому-то в гости. Не приняв протянутой мне при входе руки, я сел с неумолимым выражением неудовольствия и сразу же спросил миссис Пойнтс, действительно ли она выдала Маргрейву тайну о моей помолвке с Лилиан.

— Да, Ален Фенвик. Да, я рассказала всё мистеру Маргрейву о вашей помолвке. И не только ему, а всем, кого встретила сегодня и кто, вероятно, передаст эту новость кому-нибудь ещё. Я и не собиралась скрывать её. Напротив, я написала Анне Эшли, что поступлю так, как сочту нужным. Я вам говорила, что сплетня, порой, — лучший способ защитить отношения.

— Вы понимаете, что миссис или мисс Эшли откажутся от своих обязательств и будет подло с моей стороны упрашивать их изменить своё решение после того, как тайна предана огласке, если, если... О, мадам, это, конечно, хитрая уловка!

— Будьте так добры спокойно меня выслушать. Я ещё не показывала вам письмо леди Хотон, написанное для миссис Эшли и переданное ей мистером Вигорсом. Сейчас я вам покажу его, но предварительно сделаю некоторые пояснения. Леди Хотон из тех женщин, что любят власть, но не могут её добиться, кроме, как с помощью богатства и общественного положения, и никогда не добиваются её собственным умом. Когда её муж умер, её доход сократился с двенадцати тысяч в год до тысячи двухсот. Она стала опекуном своего несовершеннолетнего сына (заботилась о его состоянии и общественном положении) и продолжала возглавлять некоторые учреждения в городе и деревне. Она ограничила его образование, чтобы поддерживать над ним своё могущественное влияние. Он стал безрассудно расточительным, теряя здоровье и своё состояние. Встревоженная, она видела, что, вероятно, он умрёт рано, в нищете, и единственным его спасением считала женитьбу. Она решила его женить, правда, неохотно, на бедной молодой девушке из хорошей семьи, с мягким нравом, которую, она знала, могла бы контролировать. Но незадолго до свадьбы он погиб, упав с лошади. Имение Хотон перешло к его кузену — счастливейшему из молодых людей, тому самому Эшли Самнеру, кто уже унаследовал земельные владения несчастного Гилберта Эшли, так как он не оставил после себя наследников по мужской линии. А на этого молодого человека леди Хотон уже не могла оказывать влияние. В его доме она оказалась бы чужой. Но у неё была племянница! И мистер Вигорс уверил её, что она красива. А если бы её племян-

ница стала миссис Эшли Самнер, женой Эшли Самнера, то она сама, леди Хотон, перестала бы быть незначительным лицом, так как у неё сохранялись бы близкие родственные отношения с представительницей Хотон-Парка. У мистера Вигорса имеются собственные причины, чтобы одобрить этот союз, заключению которого он может способствовать. Первый шаг к нему заключался, очевидно, в том, чтобы свести естественное очарование молодой девушки и накопленные достоинства джентльмена, познакомиться их. Мистер Вигорс мог легко убедить своего подопечного, Эшли Самнера, навестить леди Хотон. Сама же леди Хотон прислала приглашение своей племяннице. Мистер Вигорс передал письмо леди Хотон миссис Эшли. Я дала вам совет, мотивы которого вы теперь понимаете. Так как вы думали, что Лилиан Эшли — единственная женщина, которую вы можете любить, и так как я сама считала, что есть и другие женщины, которые подойдут для Эшли Самнера, я решила, вполне справедливо, что Лилиан не может уехать к леди Хотон, не узнав о чувствах, которые в вас пробудила. Девушка очень редко бывает уверена, что любит, до тех пор, пока не убеждена, что любима. А сейчас, — добавила миссис Пойнтс, идя через всю комнату к своему бюро, — сейчас я покажу вам приглашение леди Хотон для миссис Эшли. Вот оно!

Я пробежал глазами письмо, которое она мне дала, продолжив своё обычное вязание, пока я читал.

Письмо было коротким, выражающим самым обычным образом неискреннюю привязанность. Автор письма обвиняла себя в том, что так долго пренебрегала вдовой своего брата и его ребёнком, что всецело была поглощена заботами о своём сыне, которого теперь потеряла. И что эта утрата заставила её вспомнить о ещё оставшихся у неё кровных родственниках. Она писала, что слышала многое о Лилиан от их общего друга, мистера Вигорса, и желает обнять свою очаровательную племянницу. Далее следовало приглашение и постскрипtum. Насколько я помню, постскрипtum был такой:

«Сколь бы ни была тяжёлой моя утрата, я храню её в глубине сердца. В моём доме вы найдёте приятных гостей. И среди них будет наш общий родственник, молодой Эшли Самнер».

— Постскриптумы известны своей многозначительностью, — сказала миссис Пойнтс, когда я закончил читать письмо и положил его на стол. — И если я вам сразу не показала эти лицемерные излияния, то только потому, что упоминание имени Эшли Самнера сразу всё объясняет, но только не бедной Анне Эшли и наивной Лилиан. Но, по крайней мере, мне как стороне заинтересованной всё стало понятно. И вы тоже должны были понять благодаря своему пылливому уму и жизненному опыту, который вы как врач не могли не приобрести. И если я вас хоть немного знаю, то могу предположить, что, увидев письмо и поняв его скрытые намерения, вы бы благородно заявили: «Позвольте мне не влиять на выбор женщины, которую я люблю и союза с которой я так желаю. Если она останется свободной, я откроюсь ей».

— Я не увидел бы в этом постскриптуме того, что увидели в нём вы. Но теперь, когда вы разъяснили мне его смысл, я вижу, что вы правы: я так бы и сказал. Ну, а так как мистер Маргрейв сказал мне, что вы сообщили ему о моём сопернике, я прихожу к заключению, что этот соперник — мистер Эшли Самнер?

— А разве ни миссис Эшли, ни Лилиан не упоминали о нём в своих письмах к вам?

— Нет, обе упоминали. Лилиан очень немного. Миссис Эшли отзывалась о нём как о достойном молодом человеке и очень учтивом.

— А когда я вас просила прийти и рассказать о гостях леди Хотон, вы этого так и не сделали.

— Извините меня, но о гостях я ничего не знал. А письма, адресованные мне, были слишком личными, чтобы говорить о них. И Эшли Самнер ухаживает за Лилиан! Откуда вы знаете?

— Я знаю всё, что касается меня. И здесь всё просто. Моя тётя, леди Делафилд, гостит у леди Хотон. Леди Делафилд — одна из модниц, кто сияет в лучах собственного света. А леди Хотон — только в лучах чужого, и выискивает для этого любую возможность.

— И леди Делафилд пишет вам...

— Что Эшли Самнер очарован красотой Лилиан.

— А Лилиан...

— Женщины, подобные леди Делафилд, не склонны верить, что любая девушка может отказаться от Эшли Самнера. Он прекрасно выглядит. У него завидное положение в обществе: он наследник Кирби-Холла и Хотон-Парка. И в глазах любой разумной матери он обладает достоинствами Катона⁶⁹ и красотой Антиноя⁷⁰.

⁶⁹ **Катон Старший**, Катон Марк Порций Цензорий (Marcus Porcius Cato Major, Cato Censorius, Censor) (234 — 149 до н.э.) — римский политический деятель, полководец. Прозвище Цензорий

Я прижал руку к своему сердцу. Здесь, у самого сердца лежало письмо от Лилиан, и в нём, в этом письме, не было ни слова о том, что её сердце больше не принадлежит мне. Я мягко встряхнул головой и улыбнулся с выражением триумфа.

Миссис Пойнтс посмотрела на меня, вскинув брови и поджав губы.

— Я понимаю вашу улыбку, — произнесла она с иронией. — Весьма вероятно, что Лилиан не тронуло восхищение молодого человека, но, без сомнения, миссис Эшли ослеплена блестящей перспективой для своей дочери. И, короче говоря, я решила, что будет правильно, если о вашей помолвке сегодня узнает весь город. Эта новость будет распространяться, и о ней узнает Эшли Самнер, от мистера Вигорса или кого-нибудь из его соседей, с кем он переписывается. И его планы будут расстроены: ещё не так поздно. Я думаю, будет хорошо, если Эшли Самнер покинет их дом. И, если он покинет его навсегда, — тем лучше. Возможно, тем скорее Лилиан вернётся в Л**** и тем спокойнее будет вашему сердцу.

— И по этой причине вы огласили тайну...

— Вашей помолвки? Да. Готовьтесь теперь отовсюду получать поздравления. И теперь, если вы услышите от матери или дочери, что Эшли Самнер сделал предложение и ему, скажем так, отказали, я не сомневаюсь, что вы с гордостью придёте ко мне и расскажете.

— Будьте уверены, приду. А теперь прежде, чем я уйду, позвольте спросить, почему вы описали мистеру Маргрейву, чьё дикое и странное поведение вы видели и не одобрили, те особенности в характере Лилиан, которые отличают её от ровесниц?

— Я? Вы ошибаетесь. Я ничего не говорила ему о её характере. Я только упомянула её имя и сказала, что она красива. Вот и всё.

— Нет, вы сказали, что она любит музыку и уединение, что перед её глазами встают видения, в реальность которых она верит, как и любой одарённый воображением мечтатель.

— Я не сообщала мистеру Маргрейву таких подробностей о Лилиан, только то, о чём я вам только что сказала, честное слово!

Всё ещё сомневаясь, но, скрывая сомнение за улыбкой, которой мы так часто, лицемерно, пользуемся в жизни, я попрощался, вернулся домой и написал Лилиан.

ГЛАВА 28

Беседа с миссис Пойнтс заставила меня почувствовать беспокойство. Конечно, я не сомневался в истинности слов Лилиан, но мог ли я быть уверен, что внимание молодого человека, обладающего такими блестящими преимуществами передо мной, не наведёт её на мысль о контрасте с более скромным жребием, общественным положением, которое она выберет, выйдя замуж за человека, так далёкого от её романтического образа, не столько из-за разницы в возрасте, сколько из-за серьёзности своих занятий? И могла ли сейчас моя кандидатура остаться такой же привлекательной, как раньше, в глазах матери, пусть даже такой странной, как миссис Эшли? Почему ни мать, ни дочь не подготовили меня к известию, что у меня появился соперник? Почему не решили успокоить меня, что такое соперничество не должно меня тревожить? Правда, в письмах Лилиан описывала немного людей вокруг неё, но её письма были наполнены простодушными излияниями сердца, окрашенными горячностью фантазии. Они были написаны так, как будто мы с ней вдвоём в целом мире находились в одиночестве, были отделены от толпы своей любовью, которая, соединяя нас, освящала наш союз. Письма миссис Эшли были более пространными: она описывала привычки дома, гостей, сообщала о своём непрекращающемся страхе перед леди Хотон, но не упоминала больше имени мистера Эшли Самнера. Однако в своём письме к Лилиан я рассказал о сведениях, которые недавно узнал, и теперь с нетерпением ожидал её ответ.

Спустя три дня после разговора с миссис Пойнтс и за два дня до столь долгожданного бала я должен был отправиться с визитом, почти за двенадцать миль от Л****, к дворянину, который совсем недавно вошёл в число моих пациентов. Кратчайший путь пролегал через парк сэра Филиппа Дервала. Я

получил за свою деятельность на посту цензора. Будучи наместником Сардинии, прославился как честный судья и гонитель ростовщиков. За 85 лет жизни Катон судился 44 раза и не проиграл ни одного дела. Принимал активное участие в войне против Ганнибала. Начало военной карьеры совпало с началом второй Пунической войны. Считается основоположником латинской прозы [29].

⁷⁰ **Антиной** (лат. Antinous) (год рождения неизвестен — умер 130), греческий юноша, любимец римского императора Адриана, погибший загадочной смертью в водах Нила. На месте гибели Антиноя император Адриан основал г. Антинуполь, воздвиг статуи Антиноя во многих городах, назвал именем Антиноя звезду и всячески содействовал распространению культа своего любимца [30].

поехал верхом и по дороге решил остановиться, чтобы справиться об управляющем, которого я видел только однажды после его удара, а именно, два дня назад, когда он лично приехал ко мне домой, чтобы поблагодарить за заботу и сообщить, что совсем здоров.

Я ехал через парк очень быстро и встретил управляющего перед домом. Я придержал лошадь и обратился к нему. Он выглядел очень бодрым, весёлым.

— Сэр, — произнёс он шёпотом, — я получил известие от сэра Филиппа. Его письмо датируется тем днём... тем днём... моя жена рассказала вам о том, что я видел... да, тем днём. Тогда вы сказали ей, что это было обманом зрения. И всё же... хорошо, хорошо, мы не будем говорить об этом, доктор, но я надеюсь, вы сохранили мою тайну. Сэру Филиппу не понравится услышать об этом, если он вернётся.

— Ваша тайна сохранена. А Сэр Филипп намеревается вернуться?

— Я надеюсь на это, доктор. Его письмо написано в Париже, а Париж намного ближе к дому, чем все те места, где он находился столько лет, и... благословите меня! Кто-то выходит из дома — молодой джентльмен! Кто это может быть?

Я посмотрел в сторону дома и к своему удивлению увидел Маргрейва, спускающегося по ступеням величественной лестницы, ведущей от парадной двери. Управляющий обернулся к нему, и я механически сделал то же самое, поскольку мне было любопытно узнать, что привело Маргрейва в дом долго отсутствующего путешественника.

Всё оказалось очень просто. В Л**** Маргрейв многое слышал о картинах и внутреннем убранстве особняка. Забрав старую домоправительницу (говорил Маргрейв со своим очаровательным смехом), он уговорил её показать ему комнаты.

— Это против правил сэра Филиппа — показывать дом незнакомцу, сэр. И домоправительница поступила очень неправильно, — ответил управляющий.

— Умоляю, не браните её. Смею сказать, сэр Филипп не отказал бы мне в разрешении, которое он не смог бы дать обыкновенному праздному посетителю. У попутчиков есть дружеские отношения, взаимная привязанность друг к другу. И я был в тех же самых дальних странах, что и он. Я слышал о нём там и мог бы вам рассказать о нём больше, чем, смею сказать, вы сами знаете.

— Вы, сэр! Умоляю...

— Я зайду в другое время, — весело ответил Маргрейв, и, кивнув мне, он проскользнул за деревья роши, по тропинке, ведущей к сторожке.

— Очень дерзкий молодой человек, — пробормотал управляющий, — но какие у него приятные манеры! Вы, кажется, знаете его, сэр. Могу я спросить, кто он?

— Мистер Маргрейв, приезжий. Он говорит, что он путешественник. Возможно, он встречал сэра Филиппа за границей.

— Я должен пойти и услышать, что он сказал миссис Гейтс. Извините меня, сэр, но я так беспокоюсь о сэре Филиппе.

— Если вас это не слишком затруднит, могу я рассчитывать на ту же самую привилегию, что и мистер Маргрейв? Если о доме судят за его пределами, значит, его действительно стоит увидеть. Или это против запретов сэра Филиппа?

— Его запрет заключался в том, чтобы не впускать никого в дом без моего согласия. Но я окажусь неблагодарным, доктор, если откажу вам в своём согласии.

Я привязал лошадь к ржавому ограждению террасы и вслед за управляющим поднялся по широкой лестнице. Огромные двери были открыты. Мы вошли в высокий зал с куполообразным потолком. В глубине зала поднималась огромная двухмаршевая лестница. Дизайн дома принадлежал, несомненно, сэру Ванбру, архитектору, который пропорциями добился эффекта роскоши. Но его творения с широкими дворцовыми лестницами излишне громоздки. Его комнаты как будто предназначены для балов, и они становятся похожи на пустынные театры, невыразимо безжизненные, как только гаснет свет и исчезают актёры.

Появилась домоправительница — тихая, робкая, пожилая женщина. Она извинялась, объясняла, почему впустила Маргрейва, правда, не очень понятно. Очевидно, она и впрямь не могла сопротивляться тому, что управляющий назвал «приятными манерами».

Как будто стараясь избежать выговора, она без умолку говорила всё время, торопливо проходя из комнаты в комнату, а я молча шёл за ней. Основные помещения находились в цокольном этаже, а точнее, они располагались примерно на десять-пятнадцать футов выше основания дома и с момента постройки не были изменены. Драпировка из выцветшего шёлка; столы редкого мрамора с рассыпающейся позолотой; неудобные стулья у стен; покрытые пылью и пузырями от солнца и влаги картины, ценность которых могли понять одни только знатоки, — всё здесь создавало общее ощущение дискомфорта.

та. И не единственная комната, и не единственный укромный уголок хранили в себе атмосферу старого дома.

Я осматривал картины и, между делом, из бессвязных ответов домоправительницы на вопросы управляющего я понял, что Маргрейв побывал сегодня здесь уже не в первый раз. До этого он уже дважды приходил, объясняя это тем, что он был ценителем картин (хотя прежде я не замечал в нём интереса к живописи). И каждый раз он много говорил о сэре Филиппе. Он сказал, что, хотя лично с ним и не знаком, жил за границей в тех же городах, что и он, и имеет друзей, близко знакомых с сэром Филиппом. Но когда управляющий спросил, рассказал ли Маргрейв что-либо об отсутствующем, стало ясным, что тот больше сам спрашивал, чем отвечал на вопросы.

Мы прошли уже через все парадные комнаты, последней оставалась библиотека.

— И, — сказала женщина, — я не сомневаюсь, что молодой человек знал сэра Филиппа. Он похож на учёного и очень заинтересовался книгами, особенно вон теми на каминной полке, которые сэр Филипп, да благословит его Господь, часто читал.

Механически я повернулся к полкам над камином и осмотрел книги. Они содержали работы авторов, которых всех вместе можно отнести к мистикам, — Ямвлиха⁷¹ и Плотина⁷², Сведенборга⁷³ и Бёме⁷⁴, Sandivogius, Ван Гельмонта, Парацельса⁷⁵, Кардана⁷⁶. Также здесь были работы менее известных авторов по астрологии, геомантии⁷⁷, хиромантии и т.д. Я начинал понимать, откуда Маргрейв почерпнул свои странные понятия.

⁷¹ **Ямвлих** (Iamblichus, Ἰάμβλιχος) — уроженец Вавилона или Сирии, во II в. от Р. Х. написал *δραματικόν*, эротический роман (любовная история Родана и Синониды), полный странных приключений, в которых играли большую роль магия и теургия.

Смешивая учения Пифагора и Платона с восточными религиозными представлениями, он учил, что боги, демоны, души мира и людей и материя возникли в постепенной дегрессии к несовершенности от светлого и разумного первоначального существа; учил о необходимости мантики и теургии для воссоединения с божеством, вследствие слабости и греховности людей, славил эллинскую древность в ущерб христианству и сам приобрёл славу святого человека и чудотворца; о его деяниях сообщает его биограф Евнаний [31].

Теургия (греч. θεός, «бог, божество» + греч. ἔργον, «обряд, священнодействие, жертвоприношение») — магическое искусство достижения богоподобного состояния или искусство воздействовать на божества, духов, демонов при помощи определённых обрядов. Зародилось в рамках неоплатонизма, развито у Ямвлиха.

В российской философии эстетики начала XX века термин «теургия» был вновь определён Бердяевым: «Теургия — искусство, творящее иной мир, иное бытие, иную жизнь, красоту как сущее. Теургия преодолевает трагедию творчества, направляет творческую энергию на жизнь новую... Теургия есть действие человека совместно с Богом — богодействие, богочеловеческое творчество» [32].

Мантика (от греч. μαντική — искусство прорицания) — различные приёмы для угадывания настоящего и предсказания будущего. Мантика — термин, который обычно применяется к наиболее древним способам гадания [33].

⁷² **Плотин** (греч. Plōtinos) (около 204, Ликополь, Египет — 269 или 270, Минтурне, Италия) — античный философ-идеалист, основатель неоплатонизма [34].

⁷³ **Эммануил Сведенборг** (Emanuel Swedenborg, урождённый Emanuel Swedberg) (29.01.1688, Стокгольм — 29.03.1772, Лондон)

Шведский учёный-естествоиспытатель, теософ. 1744 и 1745 годы — период духовного перелома в его жизни. 6 апреля 1744 года он был, по его словам, удостоен посещения Господом Иисусом Христом. Он писал: «В эту же ночь открылся и мой внутренний взор, так что я получил возможность видеть обитателей мира духов, небеса и ад, и, благодаря этому, множество скрытых аспектов бытия. После этого я совершенно оставил мои занятия в земных науках и посвятил себя исключительно духовным постижениям, и Господь Сам руководил моими записями об этом» [35].

⁷⁴ **Якоб Бёме** (нем. Jakob Böhme) (1575 — 1624) — нем. теософ, гностик, мистик.

⁷⁵ **Парацельс** (лат. Paracelsus) (настоящее имя Филип Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм (Гогенгейм), лат. Philippus Aureolus Theophrastus Bombast von Hohenheim) (родился в конце 1493 года в Эйнзидельне, кантон Швиц, умер 24 сентября 1541 года в Зальцбурге) — знаменитый алхимик, врач и оккультист.

⁷⁶ **Кардан Жером** — астролог, алхимик, каббалист и мистик, известен в литературе. Он родился в Павии в 1501 году и умер в Риме в 1576 году [8, стр. 197].

⁷⁷ **Геомантия** — способ гадания, широко распространившийся в Европе с конца XIII века. Арабы, у которых позаимствовано это гадание, узнавали будущее, интерпретируя фигуры или точки, случайным образом наносимые острой палочкой на песке. Европейцы несколько модифицировали способ, используя вместо песка бумагу, а вместо палочки — карандаш или ручку. Поскольку для определения результата решающее значение имеет чётность или нечётность количества нанесённых точек, иногда для гадания используют игральные кости [36].

— Я полагаю, в этой библиотеке сэр Филипп обычно проводил своё время? — спросил я.

— Нет, сэр. Он редко сидел здесь. Вот где был его рабочий кабинет, — и женщина открыла маленькую дверь, замаскированную под книжные корешки. Я проследовал за ней в средних размеров комнату, которая была, очевидно, сделана намного раньше остальной части дома.

— Это единственная комната, оставшаяся от старого особняка, — ответил управляющий на моё замечание. — Я слышал, её сберегли ради каминных полок. Здесь надпись на латыни, которая вам всё объяснит. Сам я не знаю латынь.

Каминные полки возвышались до потолка. Фриз⁷⁸ нижней части опирался на грубые каменные кариатиды⁷⁹. Верхняя часть была отделана дубовыми панелями с очень интересной резьбой — геометрическим рисунком, который был в моде во времена правления Елизаветы⁸⁰ и Якова⁸¹, но отличающийся от тех, что я видел раньше в старых домах. Я кое-что понимал в этом, так как мой отец был страстным антикваром и собирал всё, что было связано со средневековым искусством. Рисунок на дубовых панелях был составлен из треугольников, размещённых с остроумной изобретательностью и окаймлявших начертанные знаки Зодиака.

На каменном фризе, поддерживаемом кариатидами, сразу под деревянной частью была прикреплена металлическая пластинка, содержащая несколько строк на латыни, означавших, что в этой комнате Симон Форман, искатель скрытой истины, нашёл убежище от несправедливых гонений и сделал открытия в природе, которые он передал, на благо последующих поколений, своему защитнику и покровителю, милостивому рыцарю сэру Майлсу Дервалу.

Форман! Это имя не было для меня совсем незнакомым, но не без труда я вспомнил, что это один из тех знаменитых астрологов-прорицателей, чьи взгляды в прежние времена то преследовались, то почитались.

Общий вид комнаты был более весёлым, чем у тех величественных залов, через которые я проходил, у неё был жилой вид: кресло у камина, рядом — письменный стол, диван в укромном уголке эркера⁸², подставка для книг и прикреплённый к стене подсвечник, свёрнутые в рулон карты. Низкие крепкие сейфы располагались по обе стороны комнаты. Они, очевидно, предназначались для хранения бумаг и документов, и были заперты на замок. Сверху на этих старомодных хранилищах лежали предметы современного обихода: охотничье ружьё — здесь, удочки — там, две или три простые цветочные вазы, куча книг по музыке, коробка цветных карандашей. Всё здесь, казалось, говорило о хозяине, о привычках одинокого холостяка, человеку своего времени — о сельском джентльмене простых привычек, но нельзя сказать, что необразованном.

Я подошёл к окну. Оно было наполовину открыто и выходило на большой балкон, с которого по деревянной лестнице можно было спуститься в маленький сад. Этот сад, окружённый рощей вечнозелёных растений, не был виден со стороны центрального входа. Взгляд устремлялся в рощу и... упирался в мавзолей.

Я спустился в сад. Это был клочок земли, газон с фонтаном в центре и цветниками, в котором росли сорняки, а не цветы. В левом углу сада я увидел высокую деревянную беседку, или павильон, с широко распахнутой дверью.

— О, здесь сэр Филипп занимался исследованиями долгими летними ночами, — сказал управляющий.

— Что? В этом сыром павильоне?

— Тогда это было довольно приятным местом, сэр. Но сейчас оно старо, говорят, так же, как и та комната, из которой вы только что вышли.

— Ну, тогда я должен его осмотреть.

Стены этой беседки покрывали арабески эпохи Возрождения, но сейчас были едва различимы. Кое-где были начаты столярные работы. Солнечные лучи пробивались сквозь щели и играли на полу, причудливо выложенном разноцветными плитками с узором из треугольников, похожим на тот, что я

⁷⁸ **Фриз** — кайма, бордюр стены, пола, потолка, ковра и т. п., обычно украшенные сплошным орнаментом [17, стр. 541].

⁷⁹ **Кариатида** — вертикальная опора в виде женской фигуры, поддерживающая балочное перекрытие [17, стр. 217].

⁸⁰ **Елизавета I** (Elizabeth) Тюдор (1533 — 1603) — англ. королева с 1558 года, дочь Генриха VIII и Анны Болейн [6, стр. 427].

⁸¹ **Яков I** (James) (1566 — 1625) — англ. король с 1603 года, шотл. король (под именем Якова VI) с 1567 года. Из династии Стюартов, сын Марии Стюарт [6, стр. 1568].

⁸² **Эркер** (нем. Erker — фонарь, выступ в стене) — часть комнаты, выступающая из плоскости стены, снабжённая окном или несколькими окнами или застеклённая по всему периметру [37].

видел на каминной полке. Большая комната в беседке была заставлена источенными червями столами и скамьями.

— Сэр Филипп проводил время не только здесь, но иногда и в комнате выше, — заметил управляющий.

— Как туда подняться? О, я вижу в углу ступени лестницы.

Я осторожно поднялся по искривлённой полуразвалившейся лестнице и, войдя в верхнюю комнату, сразу понял, почему сэр Филипп облюбовал её.

Потолок опирался на пилястры. Ограждённый перилами балкон окружал открытые незастеклённые арки. Сквозь эти арки, с трёх сторон комнаты, можно было наслаждаться великолепным видом. Но с четвёртой стороны панораму загораживал мавзолей. Здесь находился большой телескоп. Выйдя на балкон, я увидел винтовую лесенку, ведущую на площадку на крыше беседки. Возможно, когда-то сам Форман использовал её как обсерваторию.

— Джентльмен, который приходил сюда сегодня, остался очень доволен этим наблюдательным пунктом, — сказала домоправительница. — Да кто не был бы доволен? Думаю, у сэра Филиппа есть склонность к астрономии.

— Должен сказать, сэр, — произнёс управляющий с серьёзным видом, — ему нравятся странные вещи.

Солнце подсказало мне, что уже пора в путь и нужно ехать очень быстро, чтобы успеть к моему новому пациенту в назначенный час. Поэтому я поспешил назад к лошади и по дороге задавал себе вопрос, могла ли латинская надпись на каминной полке направить сэра Филиппа Дервала к изучению мистического непонятного языка книг, на которые я посмотрел так презрительно.

ГЛАВА 29

На следующий день я не видел Маргрейва, но на следующее утро почти сразу после восхода солнца он, как обычно, пришёл ко мне в кабинет.

— Вы знаете что-нибудь о сэре Филиппе Дервале? — спросил я. — Что он за человек?

— Ненавистный! — вскричал Маргрейв, а потом, сдерживаясь, залился своим весёлым смехом. — Как мои преувеличения! Я незнаком ни с какими его убеждениями. Раз или два на Востоке наши пути пересекались. А путешественники всегда склонны относиться друг к другу с заботой.

— Вы странным образом сочетаете в себе цинизм и доверчивость. Но мне, наверное, показалось, что вы и сэр Филипп сходны, близки по духу, когда я нашёл среди его любимых книг Ван Гельмонта и Парацельса. Возможно, вы также изучаете Сведенборга или, что ещё хуже, Птолемея?

— Астрологи? Нет! Они имеют дело с будущим! Я живу сегодня и хочу, чтобы никогда не было завтра.

— Разве у вас нет смутного желания чего-то большего, и из-за присутствующих в Настоящем ограничений вы не испытываете неудовольствия, которое вызывает в человеке стремление к совершенствованию и развитию и в котором некоторые философы нашли аргумент в пользу предначертанного бессмертия?

— Эх! — ответил Маргрейв с таким бессмысленным взглядом, как будто я обратился к нему на иврите. — Что за смесь слов? Я не могу постичь их смысл.

— При ваших природных способностях, — продолжал я с интересом, — вы никогда не хотели славы?

— Славы? Конечно, нет. Я не могу даже понять этого!

— Хорошо, и вы не будете испытывать удовольствия при мысли, что оказали услугу человечеству?

Маргрейв выглядел изумлённым, потом после недолгого раздумья взял со стола кусок хлеба, который оказался здесь, открыл окно и бросил крошки в переулок. На крошки слетелись воробьи.

— Сейчас, — сказал Маргрейв, — воробьи собираются на этом унылом тротуаре ради хлеба, который может поддержать их жизнь в этом мире. Вы думаете, что какой-нибудь воробей настолько глуп, чтобы лететь сейчас на крышу дома ради других воробьёв? Я забочусь о науке так же, как воробей заботится о хлебе. Это может принести пользу моей собственной жизни, а о славе и человечестве я забочусь так же, как воробей — о других воробьях и одобрении с их стороны после своей смерти!

— Маргрейв, есть одна вещь в вас, которая сбивает меня с толку больше, чем все остальные. Вы загадка, и в вас много странностей и внутренних противоречий.

— И что же это за вещь?

— Она заключается в следующем. В своей радости вы ведёте себя как ребёнок, но когда речь заходит о человеке и его предназначении в мире, вы говорите как старый, отягчённый сединой циник. В такие моменты я мог бы закрыть глаза и сказать самому себе: «Что за древний старик изливает свою раздражительность из-за стремлений, которые не удались, и любви, что его оставила?» Внешне вы молоды и порхаєте, как бабочка в лучах солнца. Но почему вас не привлекают никакие увлечения молодёжи — ни светлые мечты о недостижимой любви, ни восторженное стремление к недостижимой славе? Настроение, которое вы вложили в свой пример, поставив себя на один уровень с воробьями, слишком неприятное и слишком мрачное, чтобы быть вашим истинным настроением. Человеческая ненавистничество в угрюмых софизмах седых бород. Ни один человек до тех пор, пока силы не оставят его, не может отказаться от наших потребностей.

— наших потребностей! Ваших потребностей, возможно; но я... — Он провёл рукой по лбу и продолжал как-то странно, рассеянно и задумчиво. — Интересно, что есть такого, что здесь хотят и о чём у меня иногда бывают смутные воспоминания.

Он снова остановился и, пристально глядя на меня, сказал с проявлением более дружеского участия, чем я когда-либо замечал в его выражении лица:

— Вы плохо выглядите. Несмотря на вашу огромную физическую силу, вы страдаете, как ваши собственные больные пациенты.

— Правда! Сейчас я страдаю, но не от физической боли.

— У вас есть причина для беспокойства?

— У кого в этом мире её нет?

— У меня её никогда не было.

— Потому что, как вы признались, вы никогда не любили. Конечно, вы, кажется, никогда не заботились ни о ком, кроме себя. И для вас жизнь — безоблачный светлый праздник: приподнятое настроение, молодость, здоровье, красота, богатство. Счастливчик!

В тот момент на сердце у меня было тяжело.

Маргрейв продолжил:

— А что бы вы дали за тайну, которая позволила бы вам обойти соперника и подчинить своему влиянию волю существа, которое желаете очаровать?

— Эта тайна в любви, — ответил я, — и только в ней.

— Власть сильнее любви может устранить, изменить саму любовь. Но если любовь — цель и мечта вашей жизни, она подразумевает молодость и красоту. Красота быстро увядает, молодость проходит. А что, если в природе существуют средства, помогающие длительное время сохранять красоту и молодость в цветущем великолепии? Средства, которые могли бы замедлить процесс старения, более того, устранить следы, которые оставляет на нас время?

— Глупый мальчишка! Розенкрейцеры⁸³ завещали вам рецепт эликсира жизни?

⁸³ Легендарная история розенкрейцерских обществ восходит к 1378 году, когда, по преданию, в Германии родился Христиан Розенкрейц. Все подробности его биографии известны лишь из розенкрейцерских документов начала XVII века, поэтому невозможно сказать, существовала ли в действительности такая личность, и был ли у неё хотя бы конкретный исторический прототип.

Согласно розенкрейцерскому преданию, изложенному в манифесте «Слава Братства» («Fama Fraternitatis»), Христиан Розенкрейц первоначально воспитывался в монастыре, а затем отправился в паломничество в Святую Землю. Однако, волею Судьбы, паломничеству в Иерусалим он предпочёл общение с мудрецами Дамаска, Феса и таинственного Дамкара. Вернувшись на родину, вместе с тремя своими учениками он создал Братство Розы и Креста, главной целью которого было постижение Божественной мудрости, раскрытие Тайн природы и оказание помощи людям. В 1484 году Христиан Розенкрейц умер, а ровно через 120 лет его могила с секретными книгами, как он и предсказывал, была обнаружена членами его Братства.

Здесь завершается предание и начинается подлинная история. Первые розенкрейцерские документы с рассказом о тайном Братстве и его основателе были анонимно опубликованы в Европе в 1614–1616 годах и вызвали немалый переполох. Многие выдающиеся учёные и философы того времени пытались найти это загадочное Братство и, впоследствии, некоторые из них (например, лейб-медик и секретарь императора Рудольфа II Михаэль Майер) уверяли, что им это удалось.

С полной уверенностью говорить о существовании розенкрейцерских организаций можно лишь с начала XVIII века. В 1710 году силезский пастор Зигмунд Рихтер, под псевдонимом Синцериус Ренатус («Искренне Обращённый»), опубликовал трактат, озаглавленный «Теоретико-практическая теософия. Истинное и Полное приготовление Философского Камня Братства от Ордена Злато-Розового Креста». В сочинении, состоящем из 52 статей, Рихтер представлялся членом этого Братства и сообщал, что оно состоит из обособленных отделений, в каждое из которых входит 31 адепт. Братством управляет «Император», в него принимаются лишь масоны

— Если бы у меня был рецепт, я бы не просил вас помочь открыть его ингредиенты.

— И неужели в надежде сделать это выдающееся открытие вы изучили химию, электричество и магнетизм? Снова говорю я, глупый мальчишка!

Маргрейв не удостоил меня ответом. Лицо его было нахмуренным, мрачным, озабоченным.

— То, что жизненным принципом является газ, — сказал он внезапно, — я совершенно убеждён. Может ли этот газ быть тем веществом, которое нагревает кислород?

— Кислород? Сэр Хамфри Дэви⁸⁴ показывает, что это не газ, как предполагал Лавуазье⁸⁵, а свет. И он считает, что это, конечно, не сам жизненный принцип, а пища, необходимая всем живым организмам. [1]

— Он? — спросил Маргрейв, и его лицо прояснилось. — Возможно, возможно, тогда мы приближаемся к великой тайне тайн. Ален Фенвик, смотрите: я обещаю освободить вас от всех страхов, которые сейчас терзают ваше сердце. Если вам нужна слава, известность, не имеющая для меня той ценности, которой обладает аромат цветка или дыхание бриза, я передам вам знания, которые, находясь в распоряжении такого амбициозного человека, как вы, докажут банальность хвалёных чудес признанной науки. Я обещаю это вам, но при условии, что в течение месяца вы будете под моим руководством участвовать во всех моих экспериментах, какими бы дикими они вам не показались.

— Мой дорогой Маргрейв, я не принимаю ваше предложение. Точно так же я отказался бы от луны и звёзд, которые ребёнок мог бы предложить мне в обмен на игрушку. Но я могу дать ребёнку игрушку просто так и точно так же я могу провести как-нибудь на досуге ваши эксперименты.

Я не слышал, что он мне ответил: в этот момент вошёл слуга с письмами. Почерк Лилиан! Дрожа, затаив дыхание, я сломал печать. Такое нежное, радостное, счастливое письмо, такое сладостное в своём нежном упреке моих беспочвенных страхов! Об этом не было написано, но подразумевалось: Эшли Самнер сделал предложение и получил отказ. И сейчас уже покинул дом. Лилиан с матерью возвращаются назад, через несколько дней мы встретимся. В письме было несколько строк от миссис Эшли. Она высказывалась о моём сопернике яснее Лилиан. Если раньше мне даже не намекнули о его внимании к ней, то только из уважения ко мне. Миссис Эшли писала, что, «когда до молодого человека дошли вести из Л**** о нашей помолвке, он не поверил этому». Но, как и предсказывала проницательная миссис Пойнтс, он сразу поспешил сделать признание и предложить свою руку. Отказ Лилиан глубоко уязвил его гордость. Он ушёл, очевидно, больше разгневанным, чем опечаленным.

в степени мастера. Любопытно отметить, что впоследствии, уже в XIX веке, Уинни Уэсткотт (глава Общества Розенкрейцеров в Англии и один из основателей Ордена Золотой Зари), утверждал, что Рихтер действительно был главой подлинного Розенкрейцерского Братства, основанного Христианом Розенкрейцером.

Впервые розенкрейцеры открыто объявили о себе в 1757 году, когда во Франкфурте было создано Братство Золотых Розенкрейцеров (или Братство Злато-Розового Креста). Именно в нём, как следует из антирозенкрейцерской публикации «Разоблачённый розенкрейцер» (1781) некоего «Магистра Пьянко», использовалась десятиступенчатая система посвящения, впоследствии заимствованная (с небольшими изменениями) Обществом Розенкрейцеров в Англии, Орденом Золотой Зари и Орденом Серебряной Звезды.

Согласно этой системе, Орден делится на 10 степеней: Zelator (Ревнитель) (в Братстве Золотых Розенкрейцеров — Juniores (Ученик)), Theoricus (Теоретик), Practicus (Практик), Philosophus (Философ), Adeptus Minor (Младший Адепт), Adeptus Major (Старший Адепт), Adeptus Exemptus (Свободный Адепт), Magister (Магистр), Magus (Маг), Supreme Magus (Верховный Маг).

В конце XVIII века создаются новые розенкрейцерские группы, самая известная из которых — Орден Азиатских Братьев (другие названия — Братья Света, Рыцари Святого Иоанна Евангелиста), учреждённый «семью мудрыми отцами, представителями Семи церквей в Азии», о существовании которого объявляет в Вене в 1781 году барон Ханс Карл фон Эккер и Экхоффен. В этот Орден, помимо христиан, впервые приглашались и представители других конфессий — евреи и мусульмане. Азиатские Братья утверждали, что существуют с 1750 года и имеют пять степеней посвящения. По мнению французского исследователя XX века Робера Амбелена, «слово «Азия» не имеет никакого отношения к этому эзотерическому Ордену. Фактически речь идет о словесной аббревиатуре: посвящённый в Орден получал звание «Egues a Sancti Ioannis Evangelista» («Рыцарь св. Иоанна Евангелиста»); начальные буквы этих слов составляют аббревиатуру EASIE».

Центр русских розенкрейцеров — село Гребнево, усадьба Михаила Хераскова и его двоюродного брата Николая Трубецкого [38].

⁸⁴ **Гемфри Дэви** (иначе: Хэмфри Дэви) (англ. Humphry Davy) (17.12.1778, Пензанс — 29.05.1829, Женева) — англ. химик и физик [39].

⁸⁵ **Антуан Лоран Лавуазье** (фр. Antoine Laurent de Lavoisier) (26.08.1743, Париж — 08.05.1794, Париж) — основатель современной химии [40].

«Леди Делафилд, тётушка дорогой Маргарет Пойнтс, была так добра, что пыталась успокоить леди Хотон, которая была очень раздосадована, и это выражалось так грубо, — добавляла миссис Эшли, — что дало нам повод уехать раньше, чем предполагалось, чему я очень рада. Леди Делафилд очень сочувствует мистеру Самнеру и пригласила его к себе в дом, неподалёку от Вортинга⁸⁶. Она завтра уезжает, чтобы встретить его и примирить с мыслью о нашем отказе, что принесёт мне большое облегчение: всё же это наследник моего бедного Гилберта, и поначалу он был очень дружелюбен с нами. Лилиан чувствует себя хорошо и очень счастлива при мысли о возвращении».

Когда я поднял глаза от письма, я был уже другим человеком, и всё вокруг казалось мне другим. Я почувствовал, что осознал праздные мечты Маргрейва, — молодость никогда не сможет увянуть, а любовь остыть.

— Вы не думаете о том, что я вам сейчас сказал, — внезапно произнёс Маргрейв.

— Тайны! — прошептал я. — Ни одна из них не стоит того, чтобы её узнать. Я любим! Я любим!

— Я жду, — сказал Маргрейв, и когда я поднял глаза на него, то увидел обращённый на себя взгляд, зловещий, гневный, угрожающий. Я никогда прежде не видел его таким. Он отвернулся, вышел из моего кабинета. И, когда он уже находился под роскошными каштанами, я услышал его песню — песню заклинателя змей, — сладостную, такую сладостную, что даже птицы на ветвях прекратили своё чириканье, как будто слушая.

[1] См. работу Хамфри Дэви *“On Heat, Light, and the Combinations of Light”*.

ГЛАВА 30

В тот же самый день я отправился к миссис Пойнтс, чтобы сообщить радостные новости, которые сегодня получил.

Она всё ещё была занята своим бесконечным вязанием, и её твёрдые пальцы соединяли петлю с петлёй, пока она меня слушала. А когда я закончил, медленно положила моток пряжи и произнесла в соответствии с характерной для себя формулой:

— Так, наконец? Вопрос решён!

Она поднялась и зашагала по комнате. В своих размышлениях так склонны поступать мужчины, а женщины редко в этом нуждаются. Её взгляд был устремлён в пол, а одна рука легко нажимала на ладонь другой руки — жест человека, который подходит к решению трудной задачи.

Наконец, она остановилась, повернулась ко мне и сухо сказала:

— Примите мои поздравления. Сейчас жизнь вам улыбается, и, когда мы встретимся снова, мы будем, возможно, более близкими друзьями, чем сейчас!

— Когда мы встретимся снова... сегодня вечером. Вы, конечно, идёте на большой бал мэра? Вся Возвышенность спускается сегодня вечером в Нижний город.

— Нет, сегодня днём мы должны уехать из Л****, и меньше чем через два часа мы уедем: семейные обязательства. Нас, возможно, не будет несколько недель. Вы извините меня, если я так вот прощаюсь с вами. Постойте, я хочу предупредить вас, как мать. Тот ваш друг, мистер Маргрейв! Перестаньте так близко общаться с ним, и особенно после того, как женитесь. Есть что-то в этом незнакомце, которого мы почти не знаем, что я не могу понять, — что очаровывает, но, тем не менее, вызывает протест. Он меня беспокоит, сбивает с толку, заставляет думать о нём... меня, простую светскую женщину! Лилиан впечатлительна; берегите её воображение, даже если будете уверены в её сердце. Берегите от Маргрейва. Чем скорее он покинет Л****, тем лучше, поверьте мне, ради вашего же спокойствия. Прощайте! Мне нужно подготовиться к поездке.

— Эта женщина, — бормотал я, выходя от неё, — кажется, имеет какую-то странную злобу на мою бедную Лилиан, пытаясь пробудить во мне недоверие к ней, когда она уже доказала мне свою искренность. И всё же... всё же... так ли миссис Пойнтс здесь ошибается? Правильно! Маргрейв со своими дикими понятиями и странной красотой! Конечно... конечно... он может быть опасен, так как может поспособствовать возвращению Лилиан к мистическим настроениям и видениям, что меня так в ней беспокоит. Лилиан не должна знакомиться с ним. Но как заставить его покинуть Л****? Ах, эти эксперименты, в которых он просит меня ассистировать! Я должен начать их, как только он снова придёт, а

⁸⁶ **Вортинг** (англ. Worthing) — город в Южной Англии.

потом придумать какое-нибудь оправдание, чтобы отправить его проводить опыты к известным химикам куда-нибудь в Париж или Берлин.

ГЛАВА 31

Ночь бала! Гости собираются быстро. Приглашены знатные семейства, живущие в городе и за двенадцать миль в его окрестностях. Прежде чем пройти в комнату для танцев, все направились в музей: нужно отдать должное науке перед тем, как получать удовольствие от бала!

Здание было прекрасно освещено, и эффект был поразительный, возможно, из-за необычности и гротеска. В музее среди цветов и вечнозелёных растений, освещённых разноцветными лампами, размещались всевозможные чучела, в том числе чучела смертельно опасных для человека животных. Женскому воображению доверили обустроить эту комнату. Стекланные глаза тигра блеснули среди искусственного тростника и травы, как в джунглях; ужасный белый медведь глядел со своего айсберга. Мудрый слон стоял напротив отвратительного гиппопотама, анаконда обвивала кольцами ствол какого-то тропического дерева. В стекланных шкафах, украшенных гирляндами лампочек, находились ужасающие экспонаты: скорпион и летучая мышь, а также кобра и насекомые причудливой раскраски, многие из них — с ядовитыми жалами.

Но главной гордостью коллекции были представители рода обезьян — бабуины, человекообразные шимпанзе — от карликовых обезьян, свисавших с ветвей деревьев, до огромного орангутанга, опиравшегося на гигантскую дубинку.

Все выражали мэру своё восхищение, а друг другу говорили о своей неприязни к этому странному, несколько жутковатому, хотя и поучительному, дополнению к развлечениям вечера.

Маргрейв, конечно, был здесь и, казалось, чувствовал себя совершенно, как дома, скользя от одной группы ярко одетых дам к другой, и с детской непосредственностью играл роль специалиста по организации публичных зрелищ. Многих из этих страшных человекообразных существ, по его словам, он видел, со многими играл или даже боролся. У него было что сказать о каждом из них, и он говорил правду или лгал. В своём приподнятом настроении он умудрялся подражать движениям тигра и шипению ужасной анаконды. Всё, что он делал, было исполнено изящества и очарования, и восхищение женщин и их восторженные взгляды сопровождали его, где бы он ни находился.

Однако все почувствовали облегчение, когда мэр пригласил своих гостей из музея в танцевальный зал. Они последовали за ним, и среди них было так мало таких, кто, уже однажды отдав дань уважения обезьянам и змеям, гиппопотаму и тигру, решался повторить свой визит, что задолго до одиннадцати часов музей буквально вымер, подобно тем диким землям, где были рождены животные, чучела которых здесь были выставлены.

Обойдя комнаты, я, не слишком расположенный к общению, незаметно проскользнул в уединённую оконную нишу, желая укрыться за её шторами. Такое моё желание объяснялось не тем, что на меня напала меланхолия, совсем нет. Письмо, которое я получил сегодня утром от Лилиан, привело меня в состояние совершенного счастья, и я был далёк от всех молодых охотников до удовольствий, чьи голоса и смех смешивались с музыкой.

Чтобы снова прочитать её письмо, я и прокрался в этот укромный уголок, а потом, удостоверившись, что меня никто не видит, поцеловал письмо и снова спрятал на груди. Я посмотрел сквозь щель между шторами: комната была относительно пуста, но через открытые раздвижные двери я видел весёлую толпу, окружавшую танцующих, а там дальше под прямым углом открывался коридор, уводивший в пустынный музей, где виднелся большой слон.

Некоторое время спустя я услышал, совсем рядом, голос хозяина.

— Здесь прохладно, вот удобный диван, всё в вашем распоряжении. Какая честь принимать вас под крышей своего дома, и в такой момент! Да, вы правы, в Л**** произошли большие изменения с тех пор, как вы нас покинули. Общество значительно улучшилось. Я должен найти некоторых людей, чтобы представить вам. Талантливые! О, я знаю ваши вкусы. У нас есть замечательный человек — новый доктор. Имеет большой успех, очень интересная личность, старинный род, очень уважаемый, несмотря на профессию. Не допускает возражений, правда, — господин Оракул. «Не позволит ни одной собаке лаять», — вы помните цитату из Шекспира? Где же он? Мой дорогой сэр Филипп, я уверен, вам будет приятно побеседовать с ним.

Сэр Филипп! Мог ли это быть сэр Филипп Дервал, которому мэр так лестно описал меня? Любопытство, а также сознание того, что нехорошо оставаться здесь и подслушивать, подтолкнуло меня выйти из ниши. Тихо я дошёл до середины комнаты прежде, чем мэр заметил меня. Он нетерпеливо по-

дошёл ко мне, взял за руку и, подведя к джентльмену, сидевшему на диване рядом с окном, нишу которого я только что оставил, сказал:

— Доктор, я должен вас представить сэру Филиппу Дервалу. Он только что вернулся в Англию, и ещё не прошло и шести часов, как он в Л****. Сэр Филипп, если вам захочется снова увидеть музей, доктор, я уверен, составит вам компанию.

— Нет, благодарю вас. Сейчас мне будет слишком тяжело увидеть, даже у вас в доме, коллекцию, которую мой бедный дорогой друг, д-р Ллойд, с такой гордостью начинал собирать, в то время как я уехал из этих мест.

— Ах, сэр Филипп, д-р Ллойд был достойным человеком, но в последние годы жизни, к несчастью, впал в заблуждение, увлёкся месмеризмом, только подумайте! Но, могу сказать, наш молодой доктор разоблачил его.

Сэр Филипп, который поначалу счёл знакомство со мной необходимым проявлением учтивости воспитанного человека, по привычке принимающего эту необходимость с непринуждённостью и равным ей безразличием, при незначительном упоминании мэром моего спора с д-ром Ллойдом изменился, его манеры изменились. Он повернулся ко мне с более официальным поклоном, чем в первый раз, и спокойно произнёс:

— Очень жаль слышать, что такой бесхитростный и такой чувствительный человек, как д-р Ллойд, стал причиной ссоры, в которой, полагаю, он потерпел поражение. С вашего позволения, господин мэр, я пройду в танцевальный зал. Возможно, там я встречу кого-нибудь из своих старых знакомых.

Он пошёл по направлению к танцующим, а мэр, всё ещё держа меня за руку, последовал за ним, говоря громко и весело:

— Идите и вы, д-р Фенвик, мои девочки там, вы ещё не говорили с ними.

Сэр Филипп, который уже прошёл до середины комнаты, резко обернулся и, глядя прямо на меня, спросил:

— Фенвик, ваше имя — Фенвик, Ален Фенвик?

— Да, сэр Филипп.

— Тогда позвольте пожать вашу руку: вы не посторонний человек, и это для меня не просто знакомство. Господин мэр, мы пойдём в танцевальный зал позже. А сейчас не смеем вас больше задерживать и отнимать вас у ваших гостей.

Мэр, несколько не обидевшись, что так быстро ему позволили уйти, улыбнулся, пошёл вперёд и скоро затерялся среди толпы.

Сэр Филипп, не отпуская моей руки, вернулся к дивану, сел, и мне пришлось сесть рядом с ним. В комнате никого не было. Только иногда сюда заглядывал кто-нибудь из гостей, отбившийся от общей толпы, но потом медленно возвращался назад.

— Я ломаю голову над тем, — сказал я, — откуда вы можете знать моё имя. Может быть, вы посещали Озёра⁸⁷, знали моего отца?

— Нет, я ничего не знаю о вашей семье, но вы, если я, конечно, не ошибаюсь, тот самый Ален Фенвик, перед которым я в большом долгу. Это вы были студентом-медиком в Эдинбурге в **** году?

— Да.

— Так! В то же самое время в Эдинбурге жил молодой человек по имени Ричард Стрехен. Он снимал комнату на четвёртом этаже в старом городе.

— Я очень хорошо его помню.

— И вы также помните, что ночью в доме, где он жил, вспыхнул пожар. И, когда это обнаружили, казалось, не было никакой надежды его спасти. Пламя охватило нижнюю часть здания, могла помочь только лестница. Юноша, ровесник Ричарда, был единственным из всей толпы, кто осмелился взобраться на лестницу, едва доходившую до окон, из которых валил дым. Юноша проник в комнату, нашёл её обитателя почти без сознания, дотащил его до окна к лестнице — спас ему жизнь. А потом он ухаживал за ним с материнской заботой, когда тот лежал в лихорадке, вызванной страхом и волнениями. Своим бесстрашием этот юноша спас человека. Этим храбрым студентом был Ален Фенвик, а Ричард Стрехен — мой ближайший родственник. Теперь мы друзья?

Я ответил смущённо. Я уже почти позабыл обстоятельства этой истории. Ричард Стрехен не был одним из моих близких друзей, и после того, как я окончил университет, я его не видел и ничего о нём не слышал. Я поинтересовался, что с ним произошло.

— Сейчас у него нет практики, — ответил сэр Филипп. — Понимаю, у него средние способности, но он их не применяет. Если я правильно проинформирован, он довольно уважаемый, честный человек,

⁸⁷ **Озёра** (англ. the Lakes) — район озёр на северо-западе Великобритании.

с приятными манерами.

— Могу поручиться за всё, что вы сказали о нём. Но у него были качества, которые довольно трудно растерять.

Некоторое время сэр Филипп молчал, задумавшись. И я воспользовался этим временем, чтобы рассмотреть его внимательнее, чем до сих пор, так как он с первого взгляда поразил меня.

Он был немного ниже среднего роста, и, очевидно, обладал слабым здоровьем. Но его манеры и внешний вид выражали чувство собственного достоинства. Его лицо не соответствовало его фигуре: слабое тело и лицо, выражающее явную силу. Управляющий, описывая его, говорил, что ему около сорока восьми, — так он и выглядел. Он поседел преждевременно, и его волосы были не с проседью, а белые, как снег. Но его брови всё ещё оставались как уголь чёрными, а тёмные глаза — по-прежнему яркими. Его лоб был великолепен — широкий, крупный, с одной только незаметной морщинкой между бровями. Загорелое лицо скрывало признаки слабого здоровья. Его губы, сжатые, но без усилия, напоминали мне такое очертание, какое я часто замечал у мужчин, привыкших к большим опасностям, проходя через которые, они приобретают уверенность в себе. И сила этого очень благородного лица не была запугивающей, агрессивной. Лицо было спокойным и добрым. Человек, страдающий под гнётом тирана и отчаявшийся найти себе защитника, при одном только взгляде на это лицо воскликнул бы: «Вот кто сможет защитить меня и кто защитит!»

Сэр Филипп заговорил первым:

— У меня так много связей по всей Англии, что, к счастью, не один из моих знакомых может рассчитывать на мою собственность, если я умру, не оставив наследников. И поэтому не один из них может почувствовать себя оскорблённым, когда через несколько недель узнает из газет, что Филипп Дервал женат. Но, по крайней мере, для Ричарда Стрехена, хотя я никогда его не видел, я должен что-то сделать прежде, чем он узнает эту новость. Его сестра была очень дорога мне.

— Ваши соседи, сэр Филипп, будут рады вашему браку, и это, полагаю, может побудить вас поселиться рядом с ними, в имении Дервал.

— В имении Дервал! Нет! Я не поселюсь там.

Снова он ненадолго замолчал, а потом продолжил:

— Я провёл много времени в странствиях и узнал многое, чему не обучишься, сидя на одном месте. Я возвращаюсь на свою родную землю с глубоким убеждением, что жизнь вместе со всеми — самая счастливая. Я старался изо всех своих сил творить добро и предотвращать или сдерживать то, что казалось мне злом. Я останавливаюсь и спрашиваю себя, может ли самое добродетельное существование не быть добродетельным, таким, когда добродетель проявляется в обычных каждодневных поступках, когда человек делает добро, безо всяких усилий, специально не стремясь к этому, а просто потому что он добр. Было бы лучше для меня, если бы я задумался об этом раньше! И сейчас я возвращаюсь в Англию с намерением жениться, позже, чем это могло бы случиться, но с теми же надеждами на счастье, какие лелеет обычный человек. Но мои надежды не связаны с имением Дервал. Я поселюсь в Лондоне или его окрестностях и постараюсь окружить себя людьми, которым смогу передать приобретённые знания, на умы которых смогу воздействовать.

— Если вы, как я случайно слышал, действительно любите научные исследования, то не удивлюсь, если после длительного отсутствия в Англии вы интересуетесь тем, какие открытия были сделаны и какие развиваются идеи для будущих открытий. Но простите меня, если в ответ на ваше последнее замечание я осмелюсь сказать, что никто не надеется исправить какую-либо ошибку в своём собственном знании, если не обладает храбростью доверить эту ошибку тем, кто может её исправить. Лаплас⁸⁸ сказал: *“Tout se tient dans le chaine immense des verites”*⁸⁹, и ошибка, которую мы совершаем в какой-либо науке, чаще всего может быть замечена в свете другой науки, когда она совершается другим. Таким образом, в изучении истины общение с людьми, близкими по духу, есть необходимое условие для серьёзного исследователя.

— Мне нравится то, что вы говорите, — сказал сэр Филипп, — и я буду очень рад найти в вас друга, в котором так нуждаюсь. Но что это была за ссора с моим старым другом, д-ром Ллойдом? Правильно ли я понимаю слова нашего хозяина, что она была связана с тем, что в Европе в последнее время

⁸⁸ **Пьер-Симон Лаплас** (фр. Pierre-Simon Laplace) (23.03.1749 — 05.03.1827) — фр. математик и астроном; известен работами в области небесной механики, дифференциальных уравнений, один из создателей теории вероятностей. Заслуги Лапласа в области чистой и прикладной математики и особенно в астрономии громадны: он усовершенствовал почти все отделы этих наук [41].

⁸⁹ Всё держится на истине (перев. с фр.).

называют месмеризмом?

Я почувствовал сильное желание расположить к себе этого человека, который обращался со мной так обходительно и с такой добротой. Это было настолько искренне, что я сожалел о резкости, с которой раскритиковал д-ра Ллойда. Но я не смог скрыть своё презрение к его теориям. Я подробно остановился на нелепых заблуждениях пресловутого ясновидения, которое всегда терпело неудачу, когда подвергалось исследованию здравомыслящими людьми. Я не отрицал воздействие воображения на некоторые нервные натуры:

— Месмеризм не мог никого вылечить, в отличие от доверчивости. Известна история про старуху, которую сочли ведьмой: она лечила лихорадку заклинаниями. Её привлекли к суду, и она была готова отправиться на виселицу или сгореть заживо на костре, — на такое решится не каждый месмерист! Её амулет, оказавшийся свитком с тарабарщиной, зашили в старую сумку и отдали ей. Что же её спасло, амулет? Конечно. Месмеризм. А дураки поверили в это. Вера, которая сдвинет с места горы, может излечить от болезни.

Так я говорил, подкрепляя свои взгляды разными примерами и фактами, а сэр Филипп спокойно и серьёзно меня слушал.

Когда я закончил, он сказал:

— О месмеризме мне ничего неизвестно, за исключением того, что можно узнать из сплетен. Я хорошо понимаю, что врачи сомневаются, стоит ли признавать его, поскольку, как я могу понять из ваших слов и из того, что говорят другие на основании своего опыта, месмеризм вызывает слишком много сомнений и опасений, чтобы удовлетворить требования науки. Всё же исследование его особенностей может помочь вам осознать истину, сокрытую в силе, приписываемой колдовству. Благосклонность слабее враждебности. Магнетизм, представляемый злом, может решить половину загадок магии. Однако сейчас я не могу больше ничего сказать. Но из того, что вы склонны считать способности месмеристов нелепыми и невероятными, которые вы называете ясновидением, мне становится ясно, что вы сами никогда не присутствовали на тех, пусть и несовершенных, экспериментах, которые сразу решили счесть обманом. Я говорю «несовершенные», потому что существует всего лишь небольшая группа людей, на которых могут воздействовать месмеристы взглядом или движением рук. А при использовании только таких средств действительно редко удаётся перевести испытуемого в состояние, которое я бы назвал трансом. Но всё же транс как необходимое условие погружения в сон и пробуждения имеет свои особенности. Состояние транса может испытать на себе любой человек, не подверженный простому гипнозу.

— Может испытать на себе любой человек! Извините меня, если я скажу, что готов подвергнуться такому эксперименту.

— Вы? Вы даёте своё согласие на участие в таком эксперименте?

— Да, я согласен, с большой охотой.

— Я запомню ваше обещание. Но вернёмся к нашему разговору. Под словом «транс» я не подразумеваю исключительно духовный транс александрийских платоников. Есть вид транса, к которому восприимчивы все люди и в котором душа не принимает никакого участия. Именно к такому трансу, о каком я говорю, восприимчивы также некоторые животные. И поэтому транс — не большее доказательство существования души, чем ясновидение месмеристов или наш самый обыкновенный сон, который в последнее время был назван таким доказательством, хотя каждый, кто держал у себя собаку, мог заметить, что собаки спят точно так же, как и мы. Но в этом транс проявляется экстраординарная деятельность мозга, распространяющего свои эманации, несмотря на материальные препятствия, подобно тому, как цветок распространяет свой аромат. Это не должно вас удивлять. Вы бодрствуете, и ваша мысль странствует по свету. То же самое происходит и в состоянии транса, но тогда мысль может приобрести большую силу. Существует, однако, и другой очень редкий вид транса, который справедливо называют духовным. В нём душа полностью заменяет действие мозга.

— Пойдите! — сказал я. — Вы говорите о душе, как о чём-то совершенно отличном от ума. Что это может быть за душа, я даже не пытаюсь предположить, но я не могу отделить её от рассудка!

— Не можете? Удар по мозгу может его разрушить! Вы думаете, он может разрушить и душу? «Из глаз Мальбрука льются слёзы». К концу жизни самого Канта рассудок оставил его. Вы полагаете, что в таком разумном человеке душа износилась с годами, которые ослабили струны и расстроили клавиши умирающего музыкального инструмента, в котором разум черпал свою силу? Если вы не можете различить сущность мозга и сущность души, я не знаю, каким способом вы придёте к заключению, что душа бессмертна.

Я молчал. Сэр Филипп смотрел на меня своими тёмными глазами спокойно и испытующе и после короткой паузы сказал:

— Практически все известные нам вещества в природе могут находиться в трёх различных состояниях — твёрдом, жидком и газообразном. Эти состояния зависят от их температуры. Одно и то же вещество в один момент времени может быть жидким, в другой момент — твёрдым, а ещё — газообразным. Вода, что течёт перед вами, может превратиться в лёд или пар. То же самое и с человеком, и его три состояния — это животное, ментальное и духовное. И в зависимости от того, насколько человек раскрыл в себе оккультные силы, действующие в мире, которые наука ещё не может объяснить, измерить и понять, одно из этих трёх состояний является преобладающим.

Я всё продолжал молчать, поскольку мне не хотелось показаться невоспитанным, сказав этому незнакомцу, который был намного старше меня, что он своими фантастическими, дерзкими и трудными для понимания размышлениями переворачивает все принципы философии. А сэр Филипп после очередной паузы продолжил с улыбкой:

— После всего, что я уже сказал, вас, должно быть, не слишком удивит то, что, если бы не моя вера в силу транса, мы бы до сих пор не познакомились.

— Как? Умоляю, объясните!

— Определённые обстоятельства, о которых я расскажу вам позже, заставили меня взять на себя обязанность обнаружить и передать на суд человеческих законов существо, обладающее ужасными силами зла. Это чудовище, чудовище, не побоюсь этого слова, а не человек, как мы с вами, ловко укрывалось от меня все эти годы. Но с помощью транса арабской девочки, которая никогда и не слышала о его существовании, я узнал, что оно находится в Англии, в Л****. Я здесь, чтобы встретиться с ним. И я думаю встретиться с ним сегодня же ночью, под крышей этого дома.

— Сэр Филипп!

— И, если вы удивляетесь, почему я рассказал вам об этом с такой поразительной несдержанностью, знайте, что эта девочка, которой я полностью доверяю, сообщила мне, что ваша жизнь переплетена с жизнью этого существа, которого я должен разоблачить и обезоружить, и может быть разрушена с его помощью.

— Моя жизнь! А ваша арабская девочка назвала моё имя, Ален Фенвик?

— Она сказала, что человек, в котором я должен искать своего союзника, — это тот, кто спас жизнь молодого человека, которого я хотел сделать своим наследником, если бы я умер, не состоя в браке и бездетный. Она сказала мне также, что, прежде чем встречу вас, я недолго пробуду в этом городе, который описала мне в мельчайших подробностях. Она описала этот дом, с огнями вон там и танцующими. В состоянии транса она видела нас сидящими рядом, так, как мы сейчас сидим. Я принял приглашение нашего хозяина, когда он внезапно обратился ко мне на въезде в город, и был уверен, что встречу вас здесь, и даже не расспрашивал его, живёт ли здесь человек с таким именем. И теперь вы знаете, почему я открылся вам, хотя вы как врач могли засомневаться в здравости моего рассудка. Тот же самый ребёнок, чьи предсказания уже сбылись к настоящему моменту, предупредил меня, что, находясь здесь, я подвергаю себя большой опасности. Что это за опасность, я не захотел узнать. Я никогда не стремлюсь узнать будущее, которое имеет отношение к моей собственной жизни на этой земле. К своей жизни я отношусь с сознанием того, что я должен, насколько это в моих силах, выполнить возложенные на меня обязательства. И я знаю, что умы, самые лучшие, и души, самые чистые, могут впасть в бездействие, свойственное фаталистам, если они испытывают сковывающий их страх перед мрачной тенью будущего! И независимо от того, что угрожает мне, свет руководит мной, чтобы обезоружить зло или его посланника, и я, как в зеркале, вижу события, далёкие и близкие, которые отображаются так же чётко, как берега реки и горные вершины в спокойной глади озера. И здесь, под крышей этого дома, вместе с вами я увижу его. Вот! Время пришло. Я уже вижу его!

Произнося эти последние слова, сэр Филипп поднялся и настолько поразил меня своим поведением и голосом, что я невольно поднялся тоже. Положив свою руку мне на плечо, другой он показывал на порог танцевального зала. Там, среди весёлой толпы, приковывала к себе внимание одна фигура: единственный мужчина среди кружащихся шелков и батиста, цветочных гирлянд, окружённый женской красотой. И это был сияющий Маргрейв. Он не смотрел в нашу сторону. Его взгляд был устремлён в пол, и до нас сквозь общий гул голосов долетал его звонкий смех.

В изумлении я взглянул на сэра Филиппа. Да, невозможно было ошибиться, он смотрел на Маргрейва. Но связать с его образом преступление просто невозможно! Станные идеи, фантастические предположения, самовлюблённость, недостаток доброжелательности — да. Но преступление! Нет! Невозможно!

— Это невозможно, — сказал я громко. Пока я говорил, толпа удалилась. Маргрейв исчез из поля зрения. В то же самое время другие гости вышли из танцевального зала и сели рядом с нами.

Сэр Филипп оглянулся и, увидев пустынный музей в конце коридора, потянул меня туда.

Когда мы остались одни, он быстро проговорил низким, полным решимости голосом:

— Сейчас мне очень важно убедить вас, что это чудовище представляет для людей большую опасность, чем волк в овчарне. Никакие мои слова до сих пор не были настолько убедительными, чтобы освободить вас от обмана. Я должен позволить вам самому сделать вывод. И это должно произойти здесь и сейчас. Сегодня ночью он узнает, если ещё не узнал, что я здесь. Хотя и неясно, он всё же помнит меня. И он хорошо знает, почему должен меня бояться. Мне нужно, чтобы ещё кто-то узнал его тайну. Кто-нибудь и немедленно! Поскольку всё его искусство будет обращено против меня, я не могу предугадать исход. Идите, идите в веселящуюся толпу, позовите этого человека, кажущегося молодым, приведите его сюда. Только не упоминайте моего имени, а потом здесь поверните ключ в замочной скважине, чтобы предотвратить его бегство. Пяти минут хватит.

— Я правильно понимаю, кого вы имеете в виду? Молодого беззаботного человека, который здесь известен под именем Маргрейв? Молодого человека с сияющими глазами и локонами, как у греческой статуи?

— Того самого, на которого я указал. Быстрее, приведите его сюда.

Моё любопытство было слишком сильно, и я повиновался. Если бы я знал, что Маргрейв, чью руку я так часто по-дружески пожимал, в расцвете молодости совершил преступление, сделавшее его опасным для общества, то сейчас помог бы ему избежать опасности, намекнул бы ему о ней. Но поскольку слова сэра Филиппа были слишком далеки от здравого смысла, то я скорее ожидал увидеть его самого смущённым и сбитым с толку, чем поверить, что Маргрейву могут быть предъявлены подкреплённые аргументами обвинения. И поэтому всё, что я чувствовал, когда шёл в танцевальный зал, искал Маргрейва, было простым любопытством, которое на моём месте, думаю, чувствовал бы любой из моих читателей.

Маргрейв стоял рядом с танцующими, не присоединяясь к ним, а только разговаривая. Я отвёл его в сторону.

— Пройдёмте со мной на несколько минут в музей. Я хочу с вами поговорить.

— О чём? Об эксперименте?

— Да, об эксперименте.

— Тогда я к вашим услугам.

Через минуту он уже шёл со мной в пустынный мёртвый музей. Я оглянулся, но не увидел сэра Филиппа.

ГЛАВА 32

Маргрейв уселся прямо под огромной анакондой. Я закрыл дверь и запер её на ключ. Как только я это сделал, я взглянул на лицо молодого человека и был удивлён тем, что оно побледнело. Оно отражало большое беспокойство, душевное страдание. Руки заметно дрожали.

— Что это? — спросил он слабым голосом, наполовину поднявшись со своего места, как будто с большим усилием. — Помогите мне встать! Уходи прочь! Что-то есть в этой комнате враждебное мне, враждебное и гнетущее! Что это может быть?

— Истина и моё присутствие, — ответил суровый низкий голос, и сэр Филипп Дервал, чью тонкую фигуру до сих пор загораживало огромное чучело слона, выступил из темноты на освещённую часть комнаты. Свет заливал чучела животных, которых человек подчиняет себе или убивает ради забавы. Как только сэр Филипп произнёс это и вышел вперёд, Маргрейв опустился на своё место, обессилев, съевшись. Его пристальный взгляд и раскрытый рот выражали малодушный страх, что невероятно усиливало чувство собственного достоинства сэра Филиппа Дервала. Произошедшее изменение было поразительным.

Остановившись напротив Маргрейва, он произнёс несколько слов на неизвестном мне языке и протянул руку над головой молодого человека. В тот же момент Маргрейв сделался неподвижным, словно окаменел. Сэр Филипп сказал мне:

— Поставьте одну из тех ламп на пол, около его ног.

Я снял одну из цветных ламп с искусственного дерева, обвитого огромной анакондой, и поставил в указанное место.

— Сядьте напротив него и смотрите.

Я подчинился.

Между тем сэр Филипп вынул из нагрудного кармана маленькую стальную шкатулку, и я увидел, когда он её открыл, что она была разделена на несколько отсеков, каждый с отдельной крышкой. Из одного он взял несколько крупинок бесцветного порошка, сверкающего, как алмазная пыль, и бросил в огонь лампы. Через секунду-другую от лампы поднялся тонкий неизвестный мне аромат.

— Вы хотели испытать состояние транса. Пожалуйста.

Пока он говорил, его рука легко касалась моей головы. До сих пор помимо удивления, смешанного со страхом, я сохранял определённое пренебрежение, определённое недоверие и не дал бы себя застигнуть врасплох.

Но как только были сказаны эти слова, его рука опустилась мне на голову и почувствовался аромат, сила воли оставила меня. Моим первым ощущением было пассивное подчинение, но вскоре я осознал, что это — опьяняющее действие аромата от лампы, вокруг которой теперь поднимался пар. Комната поплыла передо мной. Как человек, угнетаемый кошмаром, я пытался пошевелиться, закричать, чувствуя, что этого будет достаточно, чтобы разорвать плен, в котором я оказался. Напрасно.

Время, казалось, тянулось неумолимо долго, но впоследствии я обнаружил, что в этом подготовительном состоянии я провёл всего несколько секунд и, несмотря на бессилие, я испытывал какое-то смутное наслаждение. А потом внезапно пришла боль — боль, моментально перешедшая в нестерпимую агонию. Каждая кость, сухожилие, нерв, ткань организма — всё, казалось, вывернулось наизнанку, и как будто из-за этого мучительного страдания до сих пор неосознанное в живом организме Присутствие озарилось светом. Вены, казалось, вздулись и готовы были разорваться. Я чувствовал сильные сердечные спазмы. Я не могу описать это словами. Достаточно будет сказать, что мучения, которые я испытал, превосходили любое представление о физической боли. Это ужасное состояние прекратилось так же внезапно, как и началось. Я почувствовал, как из меня вырвалось что-то, чему невозможно подобрать определение. И на этом всё закончилось. Я почувствовал блаженство, которое обычно сопровождает освобождение от муки, а потом во мне возросло поразительное спокойствие, в котором ко мне пришло осознание существования высшего разума, неизмеримо выше человеческого. Я всё ещё видел перед собой застывшую фигуру Маргрейва, а мой взор, казалось, мог с лёгкостью проникнуть внутрь его плоти и изучить его внутреннее строение.

— Рассмотрите эту временную оболочку из глины, которая сейчас выглядит так же, как и три года назад, когда я созерцал её в доме Гаруна из Алеппо.

Я посмотрел на Маргрейва, и постепенно, так же, как исчезает солнце, когда горные склоны накрывает тень от набегающих облаков, его фигура и лицо перешли из состояния цветущей юности к глубокой старости — бесцветная морщинистая кожа, затуманенный тусклый взгляд, вялые мышцы, ломкие иссохшие кости. Но изменения касались не только возраста. Его лицо стало выражать мрачное недовольство, а в каждой морщине ярость и зло пустили свои корни.

Его мозг предстал моему взору, со всеми его клетками. Казалось, я мог проникнуть в каждый закоулок лабиринта его извилин.

Я видел его внутренний мир, почерневший и опустошённый, как мир луны, о которой я читал в какой-то басне. Но всё же его мозг имел изумительное строение. Силы, обращённые ко злу, находились первоначально в полном порядке, — воображение, возможности, энергия, способности. Но духовная часть мозга не могла доминировать над ментальной. Отсутствие почитания к тому, что является добродетельным и возвышенным, циничное презрение к справедливому и истинному, высокий ум, сначала впавший в заблуждение, а потом развращённый и сейчас вместе с дряхлым телом представляющий ужасающую картину, — таким был этот мозг, как и три года назад. Продолжая пристально разглядывать его, я обнаружил три разрозненных пучка света — бледно-красную, бледно-голубую и серебристую искру.

Красный свет, становившийся всё бледнее и бледнее по мере того, как я смотрел, исходил из мозга и направлялся по артериям, венам и нервам. И я пробормотал: «Это и есть принцип животной жизни?»

Голубой свет пронизывал всё тело, пересекаясь и соединяясь с красным, но всё время оставаясь отдельным, самостоятельным лучом, подобно тому, как в обычном мире луч света пересекает инфракрасный луч или соединяется с ним. И снова я пробормотал: «Это и есть принцип, направляющий жизнь, влияющий на неё, или всё же нет?»

Но серебристая искра? Что это? Она, казалось, была сконцентрирована в мозге и не вела ни к какому органу. Более того, всё время, пока я осматривал организм, она светила подобно звезде, отражающейся в воде. Я заметил, что в то время как красный свет бледнел, а голубой светил с перерывами, иногда почти совсем пропадая, серебристая искра не исчезала. Её свечение было настолько независимым от

всего, что я почувствовал странную уверенность в том, что если бы сердце остановилось и красная искра погасла, мозг перестал нормально функционировать, впав в идиотизм, и пропал голубой свет, похожий на блуждающий огонёк на болоте, — и тогда серебристая искра продолжала бы всё так же сиять, нетронутая тем, что разрушило её вместилище. И снова я пробормотал: «Может ли эта сияющая искра говорить о присутствии души? Светит ли серебристый свет в существах, которым Божественным Откровением не обещана бессмертная жизнь?»

Невольно я взглянул на мёртвые чучела в пёстрой коллекции, и вот, в моём трансе или моём видении к ним всем возвратилась жизнь! — к слону и змее; тигру, стервятнику, жуку, мотыльку; рыбе и соколоножке, и гигантской человекообразной обезьяне.

Я, казалось, видел каждого в его собственной среде обитания — на земле, в воде или в воздухе — и красноватый свет, более или менее тёплого оттенка, сквозил в каждом из них. Голубой свет, хотя и более тусклый, казалось, временами появлялся в красном, указывая на наличие ума, конечно, несравнимого с человеческим, но достаточного для проявления их воли и инстинктов. Но ни в ком из них, от слона до мотылька, от птицы с большим мозгом до какого-то гибридного животного, ведущего растительную жизнь, — ни в ком не было видно сверкающей серебристой искры. Тигр как будто почуял кровь, глаза змеи горели. В ужасе оттого, что в моём удивительном трансе чучела ожили, я перевёл глаза на фигуру человека, съевшегося под огромной анакондой.

Снова я стал вглядываться в сверкающую искру в теле человека. И прошептал: «Но если это душа, почему она настолько безмятежна и незапятнанна грехами, оставившими такой след и такое опустошение в мире мозга?» Всматриваясь ещё пристальнее, я почувствовал уверенность, что это не сама душа, а её ореол, её сияние. Точно так же мы видим на небе не звезду, а только сияние её лучей. И если свет был безмятежен и чист, то потому, что грехи не могли уничтожить его сущность, затронуть его бессмертие. Он мог исчезнуть, но не мог быть погашен.

Но эта душа в ореоле света выражала свои невысказанные волнения, унижение и печаль. Она была ответственна за все ужасающие разрушения, произошедшие в теле, и в ужасе от собственного бессмертия собиралась нести в вечность отчёт о своих действиях. Всё же казалось, что пока душа была здесь, хотя и столь несчастная и виновная, разрушения вокруг неё выглядели величественными. И душа, несмотря на всё, не была безнадежно загублена. Она могла искупить свою вину. И я видел, что мозг бунтовал против души, ведя с ней страшную войну. И все мысли, страсти, желания, сквозь которые голубой свет лился нескончаемым потоком, объединились вокруг сверкающей искры, как будто взяв её в осаду. Я не мог ни постичь этой войны, ни догадаться, какие причины её вызвали. Только различие между ними стало понятным благодаря этому антагонизму. Я видел, что душа стремится покинуть тело, которым так плохо управляла, и ослабить своё влияние, которое и так уже потеряло свою силу. Я осознал её ужас, созвучный с моим собственным ужасом, смешанным с острым чувством сострадания. Я знал, что она умоляет об освобождении. И внезапно сверкающая искра поднялась над телом и исчезла, и там, где моя душа почувствовала присутствие души, осталась пустота. А красная искра продолжала гореть, становясь всё более яркой. Дряхлые чучела превратились в сильных животных, и теперь я снова увидел Маргрейва, полным сил, сияющим цветущей юностью.

И теперь это тело управлялось только мозгом. Сверкающий свет исчез, исчезла и душа, но всё ещё оставался видимым мозг — мозг, который мог накапливать и передавать знания; мозг, которому подчинялись мышцы; мозг, так же, как и у животных, управляющий инстинктами; человеческий мозг, который не являлся бессмертным. Мой взгляд следовал за голубым светом, который, как и прежде, проходил сквозь клетки головного мозга, пересекая в лабиринте нервов красноватый свет, и я почувствовал, что этот голубой свет претерпел изменения. Он утратил всю свою прежнюю силу, с помощью которой совершенствуется человек; он утратил связь с прошлым, поскольку утратил представление о жизни после смерти; он утратил душу и не сожалел об этом, а существо, через тело которого он проходил, больше не несло перед вечностью ответственности за используемое время. Голубой свет в некоторых органах был более ярким, и я заметил, что у животных в тех же самых органах этот свет был ещё ярче, чем у человека. Как потаённая надежда и радость, свет сверкал в клетках головного мозга, где недавно был совсем тусклым.

В своём видении я осознал, что в этом мозге хранятся воспоминания о прежних существованиях, а жизнь в нём поддерживается только импульсом или инстинктом. И среди этих воспоминаний, которые я не мог осознать, были, как я чувствовал, какие-то мрачные и ужасные, и не было никакого раскаяния в них. Мозг имел в теле союзника, такого же, каким природа является для человека. Но я чувствовал, что этому мозгу не достаёт чего-то, без чего люди никогда бы не смогли основать города, установить законы, возвеличивать красоту мира. Муравей, пчела, бобёр трудятся, но не совершенствуются. Человек со-

вершенствуется во имя будущего, во имя того, чего нет у муравья, пчелы или бобра, во имя того, что покинуло существо, находящееся передо мной.

Потрясённый увиденным, я съёжился, закрыл лицо руками и громко застонал: «И я всегда сомневался, что душа отлична от ума?»

Снова рука коснулась моего лба, свет в лампе погас. Я потерял сознание, а когда пришёл в себя, обнаружил, что сижу на диване рядом с сэром Филиппом Дервалом, в той самой комнате, где впервые заговорил с ним.

ГЛАВА 33

Мои воспоминания о том, что произошло, которые я попытался описать, были ясными, отчётливыми. Но только мне казалось, что уже прошло много часов с того момента, как я вошёл с Маргрейвом в музей. Задумчиво я обвёл глазами комнату и увидел на каминной полке часы. Я был поражён, но на всё, о чём мне пришлось так долго рассказывать, потребовалось всего пять минут, и за этот короткий отрезок времени я успел открыться новым понятиям и испытать неведомые прежде душевные потрясения.

Изумление сменилось негодованием и осознанием своего позора. Позор мне, кто насмеялся над самой возможностью оказания месмерических воздействий, а сам так болезненно воспринял фантазматические иллюзии и стал беспомощной марионеткой в руках этого человека, находившегося рядом со мной. Негодование же поднималось во мне оттого, что какой-то сильный аромат так повлиял на мой мозг, что я потерял способность здраво воспринимать действительность. И, сделав совершенно спокойное лицо, я проговорил с улыбкой, которой старался выразить своё презрение:

— Поздравляю вас, сэр Филипп Дервал, что в своём путешествии по Востоку вы так хорошо овладели искусством его фокусников-шарлатанов.

— На Востоке есть пословица, — спокойно ответил сэр Филипп, — которая гласит: «Шарлатан может научиться многому у дервиша, но дервиш ничему не сможет научиться у шарлатана». Извините меня, но, независимо от причины, оказывавшей такое воздействие на вас в течение нескольких минут, оно призвано оградить вашу жизнь от бедствий, от которых она совсем не защищена. И хотя вы можете считать, что всё, увиденное вами, есть простой обман зрения или порождение вашего мозга, возбуждённого ароматами испарений, загляните в себя и скажите, неужели вы не чувствуете внутреннего необъяснимого убеждения, что есть причины остерегаться существа, которое вы оставили спящим под мёртвыми челюстями огромной змеи, и что оно представляет большую опасность, чем эта самая ядовитая змея, окажись она живой.

Я молчал, поскольку не мог отрицать, что у меня появилось это убеждение.

— Теперь, когда вы придёте в себя от замешательства и гнева, который вас сейчас переполняет, вы будете готовы слушать мои объяснения в состоянии, совершенно отличном от того, в каком вы могли получить их прежде, до эксперимента, который позволяет мне открыть вас тому, что вы до сих пор отвергали. Теперь, я надеюсь, вы будете моим товарищем и ассистентом. Вы будете советоваться со мной, как нам действовать во благо человечества, чтобы защитить его от обмана, от аномального чудовища, которое ходит в толпе с весёлым, цветущим видом. А пока я вас оставляю. У меня есть дела в городе. Пока я остаюсь в Л****, а завтра вечером уеду в имение Дервал. Приезжайте ко мне туда послезавтра, в любое удобное для вас время. Прощайте!

На этом сэр Филипп Дервал поднялся и вышел из комнаты. Я не стал его задерживать. Я хотел успокоиться и дать себе отчёт в том, что меня так напугало и о чём у меня ещё сохранялись ясные воспоминания.

Я пытался найти правдоподобное объяснение тому, что произошло.

Лорд Бэкон⁹⁰ полагает, что мази, которые использовали ведьмы, помогали погружать несчастных простофиль в сон. И их видения, вызванные собственным воображением, были настолько яркими, что,

⁹⁰ **Фрэнсис Бэкон** (англ. Francis Bacon) (22.01.1561 — 09.04.1626) — англ. философ, историк, политический деятель, основоположник эмпиризма. Начал свою профессиональную деятельность как юрист, но позже стал широко известен как адвокат-философ и защитник научной революции. Его работы являются основанием и популяризацией индуктивной методологии научного исследования, часто называемой методом Бэкона. Свой подход к проблемам науки Бэкон изложил в трактате «Новый органон», вышедшем в 1620 году. В этом трактате он провозгласил целью науки увеличение власти человека над природой. Индукция получает знание из окружающего мира через эксперимент, наблюдение и проверку гипотез. В контексте своего времени, такие методы использовались алхимиками [42].

очнувшись ото сна, их не оставляло твёрдое убеждение, что они побывали на шабаше ведьм.

Я помню слова знаменитого французского путешественника, в правдивости которых нельзя было усомниться, что он засвидетельствовал подобные экстраординарные случаи, вызванные курением благовоний, используемых африканцами. И здравомыслящие люди, подвергшиеся влиянию этих благовоний, склонны были верить, что видели ужасающих призраков.

Однако подобные случаи были вполне объяснимы и не вступали в противоречия с нашими знаниями законов природы. И поэтому порошок в лампе, вызвавшему ароматические испарения, я был готов приписать свойства, подобные тем, которые Бэкон приписывал ведьминским мазям, а французский путешественник — курениям африканских чародеев.

Но, как только я пришёл к такому заключению, меня охватило жгучее любопытство самому изучить те химические вещества, с которыми так легко обращался сэр Филипп Дервал, и исследовать содержимое таинственной стальной шкатулки. И ещё большее любопытство, смешанное со страхом, терзало меня. Мне не терпелось узнать всё, что сэр Филипп собирался рассказать о Маргрейве. Я не мог предполагать, что этот молодой человек — действительно ужасный преступник. Но сэр Филипп был слишком серьёзным человеком, занимал слишком высокое положение, чтобы неосторожно выдвинуть такие обвинения и использовать такие экстраординарные средства, чтобы поразить моё воображение и заручиться моей поддержкой против человека, которого ни в чём дурном уж никак нельзя было заподозрить.

Размышляя таким образом, я поднял глаза и увидел на пороге танцевального зала Маргрейва. Он стоял на том же самом месте, что и раньше, когда сэр Филипп впервые указал мне на него как на преступника и сказал, что приехал в Л****, чтобы найти его и разоблачить. И, как и тогда, Маргрейв сиял в центре весёлой группы людей. Юный Иакх среди нимф на греческой вазе не мог бы показаться более весёлым и жизнерадостным. Я был погружён в свои мысли и, должно быть, не заметил, как он прошёл из музея через комнату, где я сидел. И сейчас на его лице практически невозможно было заметить ни следа от того ужаса, который выразился на нём при появлении сэра Филиппа; равно как и тех изменений, которые я заметил, находясь в трансе.

Но теперь он заметил меня, оставил своих юных товарищей и с весёлым видом подошёл ко мне.

— Разве вы не просили меня полчаса назад пойти с вами в музей или мне показалось, что мы пошли туда?

— Да, вы пошли вместе со мной в музей.

— Тогда какую скучнейшую тему вы выбрали для разговора, что я там заснул?

Я сурово посмотрел на него и не ответил. К счастью, я услышал голос хозяина:

— Да, Фенвик, где сэр Филипп Дервал?

— Он ушёл, у него дела, — ответил я и снова сурово взглянул на Маргрейва.

Теперь в выражении его лица произошли изменения. Он не удивился, не встревожился, только усмешка скривила его губы, глаза вспыхнули: он почувствовал самодовольство, даже триумф.

— Так! Сэр Филипп Дервал! Он в Л****. Он был здесь сегодня? Так! Как я и ожидал.

— Как вы и ожидали? — переспросил хозяин. — Но ведь никто не знал об этом. Кто мог вам сказать?

— Переезды таких выдающихся людей никогда не могут застать нас врасплох. Я знал, что на днях он был в Париже. Естественно, что он должен был приехать сюда. Я был готов к его приезду.

Маргрейв отвернулся к открытому окну и устремил свой взгляд вдаль.

— Собирается буря, — сказал он и продолжал вглядываться в ночь.

Могло ли такое быть, что Маргрейв совсем не помнил ничего, что произошло в музее, забыл о появлении сэра Филиппа Дервала перед тем, как потерял сознание, или, как он говорит, заснул? Действительно ли он только сейчас впервые узнал о прибытии в Л**** сэра Филиппа и его посещении этого дома? Не было ли сейчас угрозы в его словах?

Я почувствовал, что у меня на лице написано всё, о чём я сейчас думал. И, желая побыть один на свежем воздухе, я вышел из дома. На улице я обернулся и увидел, что Маргрейв продолжает стоять у раскрытого окна. Он, кажется, не заметил меня, и его взгляд был всё так же устремлён вдаль.

ГЛАВА 34

Я пошёл медленно, полностью поглощённый раздумьями. Я дошёл до перекрёстка, где сходились главные улицы города, когда меня настиг сильнейший ливень. Я решил искать убежище под тёмным проходом под аркой, ведущей на Аббатскую Возвышенность и известную в народе под названием Врата Монаха. Там было так темно, что я не знал, что здесь есть кто-то ещё, пока меня не окликнули по имени, совсем рядом. Я узнал голос прежде, чем смог различить фигуру сэра Филиппа Дервала.

— Ливень скоро закончится, — сказал он спокойно. — Я вовремя увидел, что он начинается. Но боюсь, вы пренебрегли первым предупреждением при виде чёрных туч и, должно быть, уже промокли.

Я не ответил и невольно отпрянул к входу арки.

— Вижу, что вы всё ещё злитесь на меня, — продолжил сэр Филипп. — Значит, вы по своей природе мстительны?

Несколько смягчённый дружеским тоном этого упрёка, я ответил полушутя, полусерьёзно:

— Вам должно быть известно, сэр Филипп, что у меня есть причина для злости, о которой вы говорите. Но я могу простить вас, при одном условии.

— При каком?

— При условии, что вы дадите мне на полчаса свою таинственную стальную шкатулку, которая сейчас при вас, и разрешите мне проверить и изучить её содержимое.

— Даже если вы исследуете её содержимое, — сухо возразил сэр Филипп, — вы всё так же, как и раньше, не будете знать, как его использовать. Но должен вам честно признаться, что намереваюсь отыскать кого-нибудь из учёных, чтобы рассказать о замечательных свойствах веществ, находящихся в этой шкатулке. Я рассчитываю на вашу дружбу и надеюсь, что вы и будете этим человеком. Но в шкатулке содержатся такие химические соединения, которые, если бездумно их сейчас растратить, будет нелегко достать снова, по крайней мере, любым из известных мне способов. Этим они напоминают алмаз. Когда химик обнаружил, что при окислении алмаз не выделяет ничего, кроме беспримесного углекислого газа, и что единственное химическое отличие между дорогостоящим алмазом и глыбой беспримесного древесного угля — доля водорода, составляющая менее 1/100000 массы вещества, может химик создать алмаз?

Содержимое шкатулки, — продолжал сэр Филипп, — не должно исследоваться никакой наукой и подвергаться каким-либо анализам. Это ключ к тайным дверям Природы, через которые не может пройти ни один из смертных, не пробудив грозных часовых. Сила этих веществ — тайна, которая уйдёт со мной в могилу. Шкатулка на моей груди не будет передана никому до тех пор, пока не будет роздано всё остальное моё имущество, как только я испущу дух и перейду в вечность.

— Сэр Филипп Дервал, — сказал я, пытаюсь побороть страх, вызванный словами, произнесёнными твёрдым тоном среди вспышек молний, завываний ветра и раскатов грома, — сэр Филипп Дервал, вы говорите таким тоном, что уже немного зная вас, я должен бы услышать в нём презрение к хвастовству шарлатанов или почувствовать жалость к болезненному доверию их жертв. И я уже не так уверен, что вы выберете именно меня, исходя из ваших условий. Моя профессия относит к шарлатанским все снадобья, которые не могут быть изучены, и все тайны, которые нельзя смело высказать. Я не могу приехать к вам в имение Дервал. Я не могу снова добровольно оказаться во власти человека, обладающего способностями, природу которых я не могу изучить, с помощью которых он может снова повлиять на моё воображение и похитить мой рассудок.

— Подумайте хорошо прежде, чем решить, — ответил сэр Филипп с мрачной серьёзностью. — Если вы не захотите, чтобы я предостерёг вас и подготовил, на ваш рассудок и ваше воображение будет оказано воздействие, объяснить которое я смогу, только сказав вам, что есть истина в тех древних легендах, в которых утверждается существование магии.

— Магии!

— Есть два вида магии: тёмная и злая, относящаяся к колдовству и некромантии, и чистая и благотворная, которая есть философия, относящаяся к тайнам Природы, далёким от исхоженных путей науки. Эти тайны обогатили знанием древних мудрецов, и с их помощью можно объяснить мифы прошлых поколений.

— Сэр Филипп, — нетерпеливо и сердито прервал я его, — если вы думаете, что эта тарабарщина достойна человека ваших познаний и положения, то, по крайней мере, обращаться с ней ко мне — пустая трата времени. Я прихожу к заключению, что вы хотите использовать меня с некой целью, которую могу считать искренней и безобидной, поскольку вы знаете меня, знаете, что я помог вашему родственнику, и это не может испортить мою репутацию в ваших глазах. Если ваша цель, как вы говорите, в том,

чтобы я помог вам разоблачить и «обезвредить» человека, чьё прошлое отягчено виной и кто представляет опасность для общества, которое его приняло, вы должны дать мне доказательства, не связанные с магией. И вы должны настроить меня против человека, которого обвиняете, не порошками и парами, приводящими в беспорядок мозг, а вескими заявлениями, которыми можно оправдать одного человека и обвинить другого. А так как вы нашли целесообразным убедить меня, что в вашем распоряжении имеются химические вещества, способные воздействовать на воображение так, что начинаешь принимать иллюзии за действительность, я снова прошу, ещё решительнее, чем прежде, уж если вы обращаетесь к моему разуму, объяснить мне свою цель или привести свои обвинения против человека, которого я знаю, но не так, как вы сделали это раньше — незаконно и обманно. Отдайте мне шкатулку со всем её содержимым и дайте слово, что, отдавая её, вы не воспользуетесь никакими другими химическими средствами, действие которых на организм по незнанию или обманным путём можно приписать магии.

— Я не принимаю никаких условий. Если я буду жив, вы сами будете искать меня и просить моей помощи. А пока слушайте меня и...

— Нет, я предпочитаю ливень и гром шёпота, который я слышу здесь, в темноте, доносящемуся от человека, остерегаться которого у меня есть причины.

Говоря так, я выступил вперёд, и в тот же самый момент вспышка молнии ворвалась в темноту арки и осветила лицо человека, стоящего рядом со мной. Оно было бледным, как у покойника, но выражало сочувствие и безмятежность.

Я колебался, выражение этого лица тронуло меня. Оно не внушало недоверие или страх.

— Ну же, — произнёс я спокойно, — примите моё условие. Шкатулка...

— Нет причин для недоверия, чтобы ставить такие условия. Это просто любопытство, которое само по себе страшный искушитель. Если бы вы только знали сейчас, чего желаете, как горько вы бы раскаивались!

— Так вы отказываетесь от моего предложения?

— Отказываюсь.

— Если я действительно вам нужен, вы сами будете в этом раскаиваться.

Я вышел из арки. Дождь закончился, гром слышался теперь вдалеке. Я дошёл до противоположной стороны улицы, ведущей к моему дому, и оглянулся. И тогда небо снова осветилось вспышкой молнии, но совсем короткой. Она не успела проникнуть в темноту арки, и я не увидел сэра Филиппа. Но только у самого входа в арку я заметил тёмную фигуру, съёжившуюся, как будто нашедшую там убежище от дождя; но фигуру столь неясную и так быстро пропавшую из поля зрения, как только погасла вспышка, что я не мог понять, был ли это человек или животное. Если это был случайный прохожий, укрывшийся от дождя и подслушавший наш странный разговор, то он, должно быть, был немало озадачен. Так подумал я, невольно улыбаясь.

ГЛАВА 35

Только я дошёл до своего дома, как меня встретил слуга и сообщил, что срочно требуется моя помощь. Маленький мальчик, которого Маргрейв уронил и проявил так мало внимания к его страданиям, был очень ослаблен и в течение последних нескольких дней нуждался в уходе. За несколько минут до моего возвращения его отец пришёл ко мне домой, расстроенный, подавленный, и сказал, что у его ребёнка жар, он бредит. Узнав, что я в доме мэра, он поспешил туда.

Я почувствовал как будто облегчение, услышав, что мне нужно приступить к своим обязанностям врача и отвлечься от терзавших меня мыслей. Я поспешил к кровати маленького больного и скоро забыл обо всём, отдавая все свои силы борьбе за человеческую жизнь. И эта борьба обещала быть успешной: худшие признаки болезни начали уступать сильнодействующим лекарствам. Моё длительное присутствие не было необходимым, но я почти до утра оставался в доме пациента, скорее для того, чтобы успокоить и поддержать его родителей, и только когда не осталось никаких причин, вызывающих опасения за жизнь мальчика, я вышел на улицу. Бледный серый рассвет пришёл на смену грозовой ночи, здесь и там всё ещё тускло горели фонари. Я шёл медленно и устало, настолько утомлённый, что едва ощущал даже свои собственные мысли, когда в узком переулке мои ноги почти механически остановились перед человеческой фигурой, распростёртой посреди улицы, прямо на моём пути. Человек лежал в тени соседних зданий. «Какой-то несчастный пьяница», — подумал я, но сострадание, неотделимое от моей профессии, не позволило мне оставить беднягу на дороге, где его мог переехать первый же сонный извозчик, и я остановился, чтобы разбудить и поднять его. Каким же был мой ужас, когда мои глаза встретились с неподвижным пристальным взглядом мертвеца! Я вздрогнул, посмотрел снова: это было

лицо сэра Филиппа Дервала! Он лежал на спине, лицом вверх, из двух ужасных ран на его груди медленно сочился тёмный поток крови. Убийство произошло не так давно: кровь была ещё тёплой. Ошеломлённый и объятый ужасом, я стоял, склонившись над телом. Внезапно кто-то коснулся моего плеча.

— Эй! Что это? — услышал я над собой грубый голос.

— Убийство! — ответил я глухим голосом, который мне самому показался странным.

— Убийство! Похоже на то, — и полицейский, обратившийся ко мне, приподнял тело.

— По платью — дворянин. Как это произошло? Как вы здесь оказались? — полицейский подозрительно взглянул на меня.

Однако в этот момент к нам подошёл другой полицейский, в котором я узнал того молодого человека, чью сестру я вылечил.

— Д-р Фенвик, — обратился он ко мне, почтительно приподнимая свою шляпу, и, услышав моё имя, его друг-полицейский изменил своё обращение со мной и забормотал извинения.

К этому времени я уже пришёл в себя и мог назвать имя убитого. Полицейские перенесли тело в полицейский участок, я сопровождал их. Я вернулся к себе домой и, как только лёг на кровать, тотчас же уснул. Но что это был за сон! Никогда до этого я не знал, что сны могут быть такими ужасно отчётливыми. Фантазмагория коллекции д-ра Ллойда снова предстала передо мной. Жизнь снова возродилась в змее и тигре, скорпион шевелился, и стервятник махал своими крыльями. И там был Маргрейв и сэр Филипп, но их положение было совершенно другим: нога Маргрейва стояла на груди мертвеца. Так я спал, пока меня не разбудили и не сказали, что нужно идти к мистеру Вигорсу, судье, которому уже доложили об убийстве.

Я быстро оделся и вышел из дома. Пока я шёл по улице, я узнал, что мрачная новость уже распространилась: ко мне обращались чуть ли не сотни любопытных, страстно желающих знать подробности.

Вскоре я дал скудные свидетельские показания, какие мог.

Моё знакомство с сэром Филиппом в доме мэра, наша случайная встреча под аркой, обнаружение мной трупа несколькими часами позже, когда я возвращался от своего пациента, моя уверенность в том, что убийство произошло, возможно, всего за несколько минут до того, как я нашёл тело. Но в таком случае, как объяснить длительный промежуток времени с момента, как я оставил сэра Филиппа под аркой, до совершения убийства? Сэр Филипп не мог блуждать по улицам все эти часы. Это было легко и быстро установлено. Мистер Дживис, один из ведущих адвокатов в городе, заявил, что он является официальным представителем сэра Филиппа и его советником с тех пор, как сэр Филипп достиг совершеннолетия, и ему было поручено управлять собственностью покойного, представляющую некоторую ценность и находящуюся здесь, в Л****. Накануне, ближе к вечеру, когда сэр Филипп прибыл в город, он послал за мистером Дживисом и сообщил, что намерен жениться. Сказал также, что хочет получить полную, подробную информацию относительно своей собственности, которая с тех пор, как он уехал из Англии, значительно возросла в цене. В связи с женитьбой ему могут потребоваться деньги, и эти сведения ему необходимы, так как он желает написать добавление к своему завещанию.

Приехав в город, он встретил мэра и пообещал быть у него вечером. Соответственно, он просил мистера Дживиса иметь при себе все необходимые бумаги и документы, которые хотел просмотреть сегодня ночью, сразу же по возвращении с бала. Сэр Филипп также просил мистера Дживиса оставить в конторе одного из его служащих, чтобы тот вместе с мистером Дживисом стал свидетелем написания добавления к завещанию. Сэр Филипп пришёл в дом к мистеру Дживису незадолго до полуночи, тщательно изучил все подготовленные для него бумаги и написал новое дополнение к завещанию, которое хранилось запечатанным у мистера Дживиса. Мистер Дживис заявил, что сэр Филипп, хотя и человек выдающихся способностей и обширных познаний, был очень эксцентричным и не терпел никаких возражений. И его, мистера Дживиса, не удивляла быстрота, с которой сэр Филипп решал все важные дела. Сэр Филипп сказал, что следующее утро он должен посвятить приготовлениям к свадьбе, ему потребуется информация, которую он сейчас получил от своего адвоката. Потом он ненадолго съездит в своё поместье Дервал и вернётся в Париж, где его ждала невеста и где должна была состояться свадебная церемония.

Мистер Дживис, однако, заметил, что, поскольку сэр Филипп скоро женится, будет лучше отложить любой пересмотр завещания, так как после свадьбы у него может появиться желание сделать новое дополнение.

На что ему сэр Филипп просто ответил:

— Жизнь изменчива. Кто может быть уверен в завтрашнем дне?

Сэр Филипп пробыл в доме мистера Дживиса несколько часов, и они беседовали не только о делах. Мистер Дживис не помнил точно, во сколько сэр Филипп вышел от него. Он мог только сказать,

что, когда проводил его до парадной двери, был немало удивлён тем, что уже близится рассвет.

Тело сэра Филиппа было найдено недалеко от гостиницы, в которой тот остановился и куда, по-видимому, возвращался от мистера Дживиса. Это была старая гостиница, которая считалась главной в те времена, когда сэр Филипп покидал Англию, но теперь существовала и новая гостиница, лучше обустроенная, где поселился Маргрейв.

Главным и вполне естественным предположением было то, что сэра Филиппа убили с целью грабежа. И это предположение подтверждалось фактом, на который указывал его камердинер.

Отправляясь на бал, сэр Филипп имел при себе кошелёк с банкнотами и соверенами⁹¹. Сейчас кошелёк отсутствовал.

Камердинер-албанец, бегло говорящий по-английски, сказал ещё, что у этого кошелька была золотая застёжка, на которой выгравированы герб и инициалы сэра Филиппа. Часы же сэра Филиппа остались на месте.

Сердце забилося у меня в груди сильнее, когда я услышал, что стальная шкатулка, которой сэр Филипп придавал необыкновенную ценность и всегда носил с собой, тоже оказалась похищенной.

Шкатулка, по описанию албанца — работа древних византийских мастеров, открывалась каким-то необычным способом, известным одному только сэру Филиппу. По словам слуги, около трёх лет сэр Филипп владел ею. Впервые эту шкатулку слуга заметил в руках своего хозяина, когда тот вернулся из Алеппо. Сам же слуга тогда не ездил туда с ним. Его спросили, содержала ли шкатулка что-либо ценное — драгоценности, банкноты, верительные грамоты и т.д. Слуга ответил, что вполне возможно. У него никогда не было возможности изучить её содержимое, но он был уверен, что в ней содержатся лекарства. Он видел, как сэр Филипп доставал оттуда какие-то маленькие склянки, когда ему нужно было вылечить кого-нибудь на Востоке, особенно во время чумы в Дамаске, куда тот приехал из Алеппо. На Востоке считают, что почти каждый европейский путешественник является врачом. Сэр Филипп был человеком очень доброжелательным, и его слуга был твёрдо уверен, что он владел искусством врачевания. После этого было вполне естественным предположить, что сэр Филипп увлекался гомеопатией, а шкатулка содержала склянки с каплями или пилюли, которые для этого требовались.

Наслаждался ли мистер Вигорс мстительным триумфом, давая мне понять всю мощь своей власти, или был обеспокоен произошедшим, не могу сказать, но он был строг и обращался ко мне с вопросами неучтиво. И вопросы эти не очень-то относились к расследованию дела.

— Ну, д-р Фенвик, — сказал он, сдвинув брови и уставившись на меня. — Упоминал ли сэр Филипп Дервал в своем разговоре с вами о стальной шкатулке, которую всегда носил при себе?

Я почувствовал, что самообладание немного изменяет мне, когда ответил: «Да».

— Он говорил вам, что в ней находится?

— Он сказал, что это тайна.

— И что же это была за тайна? Лекарственная, химическая? Тайна, которую врачу было бы очень любопытно узнать?

Этот вопрос показался мне настолько оскорбительным, что вызвал моё негодование, и я ответил надменно, что «любой уважающий себя врач не очень-то жаждет узнать тайны шарлатанов и не очень-то им верит».

— Мой вопрос не должен оскорбить вас, д-р Фенвик. Я задам его по-другому: хвастался ли сэр Филипп Дервал содержимым своей шкатулки, которым могли бы заинтересоваться шарлатаны?

— Возможно, что мог бы, если бы сам в это верил.

— Гм! Мог бы, если бы сам верил. Пока у меня нет больше к вам вопросов, д-р Фенвик.

В ходе экспертизы стали известны и некоторые другие сведения, связанные с покойным.

На следующий день в Л**** прибыл джентльмен, состоявший в переписке с сэром Филиппом. Он приходился дальним родственником молодой девушке, которой сэр Филипп сделал предложение. За ним послали по предложению слуги-албанца, который сообщил, что сэр Филипп останавливался в доме этого человека в Лондоне, по пути из Дувра⁹² в Л****.

Вновь прибывший по имени Денверс придал этому убийству большую трагичность. Оказалось, что причины, вызвавшие у сэра Филиппа решимость на помолвку, были необыкновенно чисты и благородны. Отец юной девушки, его близкий друг, впал в немилость судьбы и подхватил лихорадку, ставшую смертельной. Он умер несколько лет назад и оставил свою единственную дочь в нужде, предоставив её заботам опекуна, сэра Филиппа.

⁹¹ **Соверен** (англ. sovereign) — англ. золотая монета в один фунт стерлингов [17, стр. 463].

⁹² **Дувр** (англ. Dover) — город и порт в Великобритании, в английском графстве Кент, у пролива Па-де-Кале, связан железнодорожным паромом с Дюнкерком (Франция).

Сирота получила образование в монастыре близ Парижа, а несколько недель назад сэр Филипп, приехав в Париж с Востока, сделал ей предложение.

— Я знаю, — сказал мистер Денверс, — из разговора с ним в Лондоне, что на этот шаг он решился только из желания исполнить свои обязательства, возложенные на него старым другом. Сэр Филипп не мог позволить себе поселить у себя в доме свою подопечную, восемнадцатилетнюю девушку: это опорочило бы её доброе имя. Он мог разрешить этот вопрос, только женившись на ней. «Она будет в большей безопасности и более счастлива с человеком, которого будет любить и уважать в память о своём отце, — говорил благородный джентльмен. — Она будет в большей безопасности в моём доме, чем где бы то ни было ещё».

В Л**** приехал ещё один человек, за ним послал адвокат мистер Дживис. Здесь он не был никому известен, кроме меня. Это был мой старый эдинбургский приятель Ричард Стрехен.

Завещание, хранившееся у мистера Дживиса вместе с недавно написанным добавлением, было вскрыто и прочитано. Само завещание было написано примерно за шесть лет до трагической смерти завещателя. Оно было очень коротким, самое главное в нём заключалось в том, что сэр Филипп оставлял 10 000 фунтов стерлингов своей подопечной, а всё своё имущество завещал Ричарду Стрехену при условии, что он в течение года с момента его смерти возьмёт на себя управление имением Дервал. Дополнение к завещанию, написанное ночью накануне его смерти, увеличило наследство молодой девушки с 10 000 до 30 000 фунтов и, кроме того, оставляло слуге-албанцу ежегодный доход в 100 фунтов. В одном конверте с завещанием находилось запечатанное письмо, адресованное Ричарду Стрехену, датированное Парижем, за две недели до кончины сэра Филиппа. Стрехен принёс мне это письмо. Вот оно:

«Ричард Стрехен, я советую вам снести дом в имении Дервал и построить другой в другом, лучшем, месте. План дома вы найдёте среди моих бумаг и можете откорректировать его в соответствии со своим вкусом и пожеланиями. Это рекомендация, а не приказание. Но я строго-настрого приказываю вам полностью уничтожить более старую часть дома, которую я занимал, и предать огню, не читая, все книги и рукописи, которые найдёте в сейфах в моём рабочем кабинете. Я назначил вас своим душеприказчиком и наследником, поскольку у меня нет друзей, которым я мог бы доверять так, как вам, человеку, которого никогда не видел, просто потому, что вы возьмёте моё имя и продолжите мой род. В моём письменном столе, который всегда был со мной в моих путешествиях, вы найдёте автобиографию, описание моей жизни, включая научные открытия или только указания на эти открытия, сделанные средствами, которые в наше время ещё недостаточно развиты. Вас не удивит, что прежде, чем сделать вас своим наследником и душеприказчиком, выбрав вас из многочисленной толпы родственников, и не столь дальних, я навёл о вас справки, чтобы оправдать свой выбор. В результате я узнал, что ваш склад ума не позволит вам оценить её содержание, требующее научных знаний. Но вы честный и любящий человек и воспримете как священные мои последние указания. Я приказываю вам представить вышеупомянутую рукопись человеку, которому вы сможете доверять, человеку, который занимается научными исследованиями, особенно химией, интересуясь электричеством и магнетизмом. Моё желание в том, чтобы он отредактировал и подготовил эту рукопись к публикации. И, если он начнёт сомневаться, не является ли то или иное открытие опасным для общества, а отнюдь не полезным, пусть он проконсультируется с тремя независимыми учёными и только после этого решит, печатать ли отрывок, вызвавший его сомнения. У меня есть цель, которая направила меня к исследованиям столь необычного характера и привела к многолетнему добровольному изгнанию в те края, где этими исследованиями можно было бы заниматься легче, нежели здесь. Моя цель — оставить после себя славу смелого исследователя тех областей, которые философия до настоящего времени считала суеверием. Но сейчас, когда я пишу эти строки, я испытываю страх, не мог ли я в этих всепоглощающих исследованиях, ведущих к усилению сверхъестественной власти человека над материей, притупить своё собственное восприятие. И, может быть, многие знания, которые я искал и к которым стремился из чистого желания познать скрытые истины, легко употребить на зло, а не на благо. И поэтому рассудок, склонный к серьёзным рассуждениям и свободный от энтузиазма, который, вероятно, влиял на мои собственные суждения, должен стать беспристрастным судьёй. Поскольку я жаждал и всё ещё жажду той известности, которая сохраняет память о человеке, делая её всеобщим достоянием, я стремился, пока с моим последним дыханием не забылось моё имя, передать часть своих знаний, опасаясь, что они могут быть искажены. Где бы я ни странствовал, я всегда ношу с собой некую стальную шкатулку. Я получил её вместе со всем содержимым от человека, память которого глубоко чту. Если я буду жив и смогу найти человека, которого посчитаю достойным, чтобы сообщить ему тайну, я сообщу ему, как из содержимого шкатулки приготавливать вещества, которые я сам уже имел риск использовать. Часть же содержимого шкатулки

я ни разу не испытывал и не знаю, как можно будет пополнить запасы этих веществ, если их сейчас потерять или напрасно растратить. Содержимое этой шкатулки в руках несведущего человека могло бы стать бесполезным или представлять опасность в результате небрежного или неправильного использования. Поэтому, если я умру, не отыскав такое доверенное лицо, какое нужно, и не назвав в письме его имени, приказываю вам немедленно вынуть всё содержимое из шкатулки и бросить в бегущий водяной поток, который его сразу же уничтожит. Но только ни в коем случае не бросайте содержимое шкатулки в огонь!

Ричард Стрехен, вы прочтёте это письмо только в том случае, если мои надежды и планы на земное будущее будут разрушены смертью, о которой я сейчас не думаю, но на случай которой всё же написаны завешание и это письмо. Я намереваюсь снова посетить Англию вопреки предупреждению, что там меня подстерегает некая опасность, узнать о которой подробнее я отказался, так как не желаю, чтобы предчувствие личной опасности ослабило мои нервы во время исполнения моей важной, торжественной обязанности. Если мне удастся избежать этой опасности, вы не будете моим наследником, моё завешание будет изменено, а письмо уничтожено. Я начну жизнь, которая подарит мне счастье, что я не нашёл прежде. К этому счастью стремятся все люди — это дом, забота о детях, среди которых я смогу найти того, кому завещаю помимо своих земель нечто большее. Но в таком случае, однако, моей первой заботой стала бы забота о вас. И сумма, которая согласно дополнению к завешанию должна быть передана моей суженой, была бы передана вам в день моей свадьбы. А вы знаете, почему я, несмотря на то, что никогда вас не видел, отдал предпочтение именно вам, выделив среди своей многочисленной родни? Почему моё сердце расположено к вам? Ричард Стрехен, ваша единственная сестра, намного старше вас, была предметом моей первой любви. В то время вы были ещё ребёнком. Мы должны были сочетаться браком, так как её родители внушили мне, что она отвечает мне взаимностью. Но она сама искренне сообщила мне, что её сердце принадлежит другому, человеку, не обладавшему богатством и положением. Мне удалось примирить её родителей с её выбором. Я приобрёл для её мужа жильё, а ей оставил наследство, перешедшее после её смерти к вам как брату, о котором она заботилась с материнской нежностью. Это скромное наследство позволило вам чувствовать себя независимым.

Если когда-нибудь вы прочтёте эти строки, — выполните то, о чём я вас прошу, даже если это покажется вам диким и бессмысленным, и оплатите мне тем самым за привязанность, которую я перенёс с вашей сестры на вас».

Пока я читал это длинное и странное письмо, Стрехен сидел рядом со мной, закрыв лицо руками и оплакивая человека, чья смерть сделала его богатым и влиятельным.

— Вы возьмёте на себя ответственность, о которой говорится в этом письме, — сказал он, пытаясь успокоиться. — Вы прочтёте и отредактируете эту биографию. Вы тот человек, которого он сам бы выбрал. В вашей честности не может быть и сомнения, и к тому же вы с успехом изучили те науки, которые он считает необходимыми для решения поставленной им задачи.

При этих словах, хотя я и был вполне готов их услышать, первое, что я почувствовал, — это неодолимый ужас. Мне казалось, что я всё больше и больше запутываюсь в таинственной роковой сети. Но вскоре мой ужас сменился жгучим любопытством.

Я обещал прочитать рукопись, а чтобы чётко представлять суть завешания, решил сделать копию этого письма. На это Стрехен согласился с готовностью.

Я спросил Стрехена, нашёл ли он уже рукопись. Он ответил, что нет, у него ещё не было сил просмотреть бумаги покойного. Сказал, что займётся этим. Через день-два он отправится в имение Дервал и будет находиться там до тех пор, пока не схватят убийцу. Надеясь на бдительность полиции, он не сомневался, что его поймут. Только после этого тело сэра Филиппа, уже помещённое в гроб, будет погребено в семейном склепе.

У Стрехена, казалось, было суеверное представление, что убийце удастся избежать правосудия, если его жертву неотомщённой предать земле.

ГЛАВА 36

В городе распространился слух, что убийство сэра Филиппа было совершено неким грабителем, который, вероятно, жил не в городе Л****. Мистер Вигорс этому не верил. Он считал, и это казалось невероятным и необоснованным, что сэра Филиппа убили с целью похитить не кошелек, а стальную шкатулку. Считалось, что судья консультировался с одним из своих мнимых ясновидцев, и мошенник убедил его в этом, направив тем самым его мысль в неверном направлении.

Как бы то ни было, дело закрыли, не пролив ни капли света на столь таинственную трагедию.

Что же до моих собственных догадок, которые я едва допускал и, конечно, не рисковал произнести вслух, — главным подозреваемым, по моему мнению, был Маргрейв. То, что у него имелась та или иная причина бояться присутствия сэра Филиппа в Л****, это было совершенно очевидным. Но можно ли было основываться на моём воображении или сцене в музее и моём разговоре с покойным? Невозможно действовать на основе таких подозрений, просто невозможно им доверять. Расскажи я кому-нибудь о том, что произошло со мной в музее, и меня посчитали бы лгуном или сумасшедшим. И в обвинениях сэра Филиппа не было ничего конкретного, ничего, что можно было бы передать. Эти обвинения, если подумать, исчезли. Что вообще имелось в виду? Что Маргрейв — колдун, чудовище, существо совершенно необычное. И какой же неразумный из людей мог бы выдвинуть против такого чудовища подобные обвинения, основываясь на заключении покойного, и решить, что именно Маргрейв совершил это ужасное преступление? И, конечно, из всех людей, я, серьёзный практикующий врач, оказывался последним, кого общественность могла извинить за такие невероятные выводы. И, конечно, последним из всех, на кого могли упасть подозрения, был излучающий свет радостный юноша, чья жизнь, казалось, была нескончаемым праздником. Но я не мог преодолеть, как ни пытался, ужаса, сродни отвращению, из-за того, с какой лёгкостью Маргрейв располагал к себе, завоёвывая скорее восхищение, нежели уважение.

Чтобы избегать его визитов, я старался держаться подальше от кабинета, где по обыкновению проводил время по утрам и куда он привык приходить. А если он приходил к парадной двери, я отправлял к нему своего слугу сказать, что меня нет дома или я занят. Он действительно в первое время пытался приходить ко мне, как раньше. Но, когда для него стало ясным моё нежелание его видеть, прекратил свои попытки, как бы это сделал любой другой человек на его месте.

Я остерегался появляться в тех домах, где мог случайно встретить его, и теперь отправлялся к своим пациентам в закрытом экипаже, чтобы он не мог обратиться ко мне по дороге.

Как-то утром, спустя несколько дней после того, как Стрехен показал мне письмо сэра Филиппа, я получил записку от своего старого приятеля по университету, извещавшую, что он собирается сегодня днём в имение Дервал. Писал, что он должен взять рукопись, которую нашёл, и просил меня приехать к нему завтра в новый дом и начать осмотр манускрипта. Я сразу же согласился.

Этим утром, когда я совершал свой обычный объезд больных, мой экипаж задержался на мостовой, пропуская другой экипаж, и я заметил Маргрейва, стоящего у какого-то транспортного средства и разговаривающего с тем, кто сидел в нём. Я оглянулся, как только мой экипаж тронулся, и с беспокойством и тревогой увидел, что человек, с которым говорит Маргрейв, — Ричард Стрехен. Как эти двое познакомились?

Разве не является оскорбительным по отношению к памяти сэра Филиппа, что наследник, которого он выбрал, очевидно, близко знаком с тем, кого тот так безжалостно осудил? Мне ещё больше захотелось прочесть мемуары: по всей вероятности, эта рукопись пролила бы свет на прошлое Маргрейва и, если бы оказалась недостаточной, чтобы обвинить его в преступлениях, по крайней мере, объяснила бы связь Маргрейва и наследника сэра Филиппа.

Однако вскоре мои мысли потекли в другом направлении, чем то, в каком они бурно неслись до сих пор. Вернувшись домой, я нашёл записку от миссис Эшли. Они с Лилиан только что вернулись в Л****, раньше, чем я предполагал. В последние два дня Лилиан неважно себя чувствовала и очень хотела вернуться.

ГЛАВА 37

Ах, дайте мне вспомнить всё с нежностью, с нежностью... Дайте вспомнить тот вечер, проведённый с нею! Тот вечер, последний вечер перед тем, как тьма разделила нас, подобно каменной стене.

Конец лета, вечер. Сумерки. Солнце село. Мы были в старом монастырском саду, тихом, прохладном, благоухающем. Она сидела на скамье под большим кедром, мрачно возвышавшимся посреди цветочной лужайки. Я склонился к её ногам, её рука так доверчиво лежала на моей ладони. Я всё ещё вижу её — такую юную, прекрасную, чистую!

Странную, странную! Дитя нашей простой, скромной жизни! Довольно тонкое белое платье, которого я так робко касаюсь, голубые ленты, так идущие её нежным щекам и вьющемуся шёлку каштановых волос! Она тихо шепчет свой ответ на мой вопрос, который я задаю дрожащим голосом:

— Всё так же, как тогда, когда мы расстались? Ты всё ещё так же меня любишь?

— Здесь нет никаких «всё ещё», — сказала она, нежно прижимая свою руку к сердцу. — Вчера — всё равно что завтра в Вечности.

— Ах, Лилиан! Если бы я только мог ответить тебе столь же поэтично!

— Ну! Ты, кого совсем не трогает поэзия!

— Это было прежде, до того, как ты уехала, прежде чем ты исчезла из моей жизни. Прежде, чем я, наконец, осознал, что ты значишь для меня, как важна. Но это невозможно выразить словами! Да, есть такой период в любви, когда все мужчины — поэты, однако бедность их языка может противоречить жару их мечтаний. Что случилось бы со мной, если бы ты меня разлюбила?

— Или со мной, если бы меня разлюбил ты?

— Мне почему-то сегодня кажется, что моё сердце приблизилось к тебе, стало ближе, как бы ища в тебе убежище.

— Это притяжение, — сказала она, дрожа, — то таинственное притяжение, которое, как я часто слышала, ты отвергаешь или высмеиваешь. Что до меня, то я тоже чувствую, что становлюсь ближе к тебе, когда держу тебя за руку. Я испытывала неописуемый ужас, возвращаясь домой, но теперь, когда я тебя вижу, я чувствую себя защищённой.

Она опустила голову мне на плечо, некоторое время мы молчали. А потом одновременно встали, поддавшись невольному импульсу, и моя сильная рука обвила её хрупкую фигуру. Мы стали медленно прогуливаться под сиренью и акациями, опоясывавшими лужайку. Лилиан ещё не слышала об убийстве, которое сейчас составляло в городе единственную тему для обсуждений: любые рассказы о насилии и крови волновали её, как пугливого ребёнка. Поэтому миссис Эшли предусмотрительно спрятала от неё все письма и журналы, из которых она могла бы узнать эту мрачную новость. Едва ли мне нужно говорить, что я не затрагивал эту мрачную тему. На самом деле, я и сам старался не вспоминать о последних событиях, которые меня так озадачили и измучили. Спокойствие, счастье от присутствия Лилиан постепенно стало отгонять печальное предчувствие, которое посетило меня в первые мгновения нашей встречи. Мы заговорили о будущем, о дне, не столь далёком, когда мы двое должны были стать одним целым. Мы планировали наше свадебное путешествие. Мы посетили бы места, о которых она могла только слышать, но которые я любил с детства — мой родной Виндермер. Это был бы наш короткий отпуск перед тем, как снова вернуться к труду. Наши сердца были встревожены надеждой и радостью.

Пока мы так говорили, на безоблачном небе возшла почти круглая луна. Мы остановились, чтобы полюбоваться её величественной, пленительной красотой. И разве где-нибудь были такие влюблённые, которые не остановились бы, как мы? Мы тогда находились на террасе, с которой открывался вид на лежащий ниже город. Перед нами была парапетная стена, низкая со стороны сада, но неприступная с внешней стороны, являющаяся частью неровной улицы, которая отделяла Аббатскую Возвышенность от Нижнего города. Свет целой вереницы уличных фонарей, протянувшейся под нами, тут и там загромождали крыши домов и церквей. Издалека до нас донёсся шум города, превратившись в тихий звук, ласкающий слух. Но, несмотря на то, что мы с Лилиан становились всё ближе и ближе друг другу, это не стало неприятным напоминанием, что существует и другой, внешний мир без нас. Два мира! Внезапно послышался человеческий голос: кто-то распевал грубую, варварскую песню на непонятном, непостижимом языке. Но мне-то мелодия и слова не показались незнакомыми. Я тут же признал голос и манеру Маргрейва. Я выразил своё неудовольствие.

— Тише! — прошептала Лилиан, и я почувствовал, что она вся дрожит. — Тише! Слушай! Да, я слышала этот голос раньше, прошлой ночью.

— Простой ночью! Тебя же не было здесь, ты была за сотню миль отсюда.

— Я слышала его во сне! Тише, тише!

Песня становилась громче. Невозможно описать то впечатление, какое она вызывала, звуча посреди тихой ночи над крышами домов, под уединённой луной. Она не походила на искусную песню человека, поскольку в ней отсутствовала всякая гармония. Но она также не была похожа на песню дикой птицы: в ней не было монотонности. Скорее звуки её можно было сравнить со звуками Эоловой арфы. Она производила сильное впечатление, такое, какое испытывает одинокий слушатель, затерявшийся где-нибудь в дальних землях, при криках птицы-пересмешника, ощущая и восторг, и ужас, как будто сам демон пустыни подражает человеческому голосу ради собственного увеселения. Тем временем мелодия приобрела оттенок необъяснимого ликования, злого ликования: вероятно, это была торжественная военная песня какого-то древнего дикого племени. Мелодия стала зловещей, тень прошла мимо меня, и Лилиан закрыла глаза, тяжело вздыхая. Потом, внезапно изменившись, мотив стал похож на колыбельную, которой мать убаюкивает своего ребёнка. «Там, там, смотри, — прошептала Лилиан, отодвигаясь от меня, — то же самое я видела прошлой ночью во сне. То же самое я видела над собой в воздухе в тот вечер, когда впервые увидела тебя».

Её взгляд сделался неподвижным, рука поднялась. Я перевёл глаза в ту сторону, куда она мне указывала, и увидел лицо и фигуру Маргрейва. Полная луна сияла над ним так ярко, как будто сконцентрировав на нём весь свой свет. Место, где он стоял (балкон на верхнем этаже дома, примерно в пятидесяти ярдах от нас), было неизмеримо выше уровня террасы, с которой мы на него смотрели. Его руки были сложены на груди, и он, казалось, глядел прямо на нас. Даже на таком расстоянии его цветущая молодость казалась мне ужасающей, а взгляд его удивительных глаз буквально на нас «закрепился». Невольно я схватил Лилиан за руку и увёл её почти силой, так как она не желала двигаться. Как только мы отошли, она оглянулась, и я тоже оглянулся, охваченный приступом ревности! Я вздохнул с облегчением. Маргрейв исчез!

— Как он туда забрался? Это не его гостиница. Чей это дом? — сказал я громко, преимущественно обращаясь к самому себе.

Лилиан молчала, её глаза были устремлены вниз, в глубокой задумчивости. Я взял её за руку, она не ответила мне на пожатие. Я почувствовал боль в сердце, когда она холодно отняла у меня свою руку, которую прежде так доверчиво позволяла мне держать в своей. Это сбilo меня с толку: «Лилиан, что это? Ты ко мне охладела. Может ли простой звук человеческого голоса, его лицо...», — я остановился не в силах закончить вопрос.

Лилиан подняла на меня свои глаза, и я заметил, что их взгляд изменился. Он был холодный, не надменный, но рассеянный. «Я тебя не понимаю, — ответила она утомлённо и вяло. — Уже поздно. Я должна идти».

Мы пошли уныло, больше не держась за руки. На следующий день мне пришло в голову, что вряд ли Лилиан могла слышать о Маргрейве, встречаться с ним, знать его. Ревность охватила меня со всеми своими воображаемыми страхами, у меня появилось мрачное предчувствие. Даже если бы я был Лилиан братом, а не женихом, я волновался бы не меньше, предвидя, какое таинственное влияние может Маргрейв оказать на неё, склонную парить в мечтах, живущую грёзами. Поэтому я сказал:

— Лилиан, я рискую обидеть тебя, увy! Я никогда до настоящего момента не делал этого, но сейчас я обращаюсь к тебе с просьбой, и не хочу, чтобы ты расценила её как подозрение, которое не может иметь места. К этому человеку, которого ты сейчас слышала и видела, многие в городе расположены. Но я прошу, не разрешай никому представлять его тебе, не знакомься с ним. Я не могу назвать тебе всех причин для этого, но поверь — они серьёзны. Верь мне, как я верю тебе. Будь уверена, я прошу тебя об этом не потому, что считаю, что имею на это право, раз твоё сердце принадлежит мне. Просто твоё обещание (а я знаю, что оно не будет нарушено, если ты дашь мне его) освободит меня от всех страхов.

— Какое обещание? — рассеянно спросила Лилиан, как будто не слыша моих слов.

— Какое обещание? Не знакомиться с этим человеком, его зовут Маргрейв. Обещай мне, милая, обещай мне.

— Почему голос твой так изменился? — спросила она. — Он действует мне на нервы, — добавила она с несвойственной ей раздражительностью, которая не обидела меня, но поразила. Не произнеся больше ни слова, Лилиан ускорила шаг и вошла в дом.

Остаток вечера мы провели в молчании, отдалившись друг от друга. Напрасно миссис Эшли пыталась нас примирить. Я чувствовал, что у меня есть право считать себя обиженным, и я пользовался этим правом, так как Лилиан не делала никаких шагов к примирению. И это тоже не соответствовало её характеру, всегда такому приветливому, мягкому. Обычно Лилиан печалилась, если меня сердило малейшее недопонимание между нами. Обычно она всегда просила прощения, если взгляд или слово причи-

няли мне боль. Я надеялся, что до моего ухода мир между нами будет восстановлен. Но раньше, чем обычно, она внезапно поднялась, чтобы уйти, сославшись на усталость и головную боль, пожелала мне доброй ночи, но не позволила мне взять её за руку.

— Вы, должно быть, были очень жестоки по отношению к бедной Лилиан, — сказала миссис Эшли полушутя, полусерьёзно, — я никогда не видела, чтобы она так на вас сердилась. Да ещё в первый день своего возвращения!

— Дело не во мне, — ответил я немного угрюмо. — Я только просил Лилиан (и это была обычная просьба) не знакомиться с человеком, к которому я испытываю неприязнь и недоверие. И у меня есть на то причины. Я не знаю, почему эта просьба вызвала её неудовольствие.

— И я тоже. А кто этот человек?

— Он называет себя Маргрейвом. По крайней мере, позвольте мне просить вас остерегаться его!

— У меня нет никакого желания с ним знакомиться. Но сейчас Лилиан ушла, расскажите мне всё об этом ужасном убийстве. Слуги только о нём и думают, я сама не смогу долго скрывать от Лилиан эту новость. Я надеялась, что вы расскажете ей.

Я поднялся в нетерпении. Я не мог вынести разговора о трагедии, которая для меня ассоциировалась с такими таинственными обстоятельствами. Я почувствовал раздражение и даже злость, когда миссис Эшли принялась за бессвязные расспросы: «Кого подозревают в убийстве? Кто его совершил, как я сам считаю? Что за человек был сэр Филипп? Что за странная история о шкатулке?» Желая избежать подобных вопросов, на которые я мог дать только обрывочные, уклончивые ответы, я взял свою шляпу и ушёл.

ГЛАВА 38

Письмо Алена Фенвика к Лилиан Эшли.

«Я обещал поехать в имение Дервал и не вернусь до завтрашнего дня. Я не могу выносить мысли, что долгие часы мы будем разделены, словно хмурой тучей. Лилиан, если я обидел тебя, прости меня! Напиши мне только одну строчку, чтобы сказать это! Одну строчку, которую я смогу прижимать к сердцу и покрывать благодарными поцелуями до тех пор, пока мы не встретимся снова».

Ответ.

«Я совсем не знаю, что ты имеешь в виду, и я совершенно не понимаю своего душевного состояния сейчас. Не может быть, чтобы я любила тебя меньше, и ещё... Нет, я больше ничего не напишу. Я рада, что мы не скоро увидимся, а к тому времени, надеюсь, я полностью поправлюсь. Сейчас я не совсем хорошо себя чувствую. Не проси меня простить тебя, но если я виновата, прости меня, о, прости меня, Ален!»

На этой неудовлетворительной ноте, не прижав записку к сердцу и не покрыв её поцелуями, а бросив скомканную на стол, как нежелательный счёт от кредитора, я вскочил на лошадь и отправился в имение Дервал. Я был от природы горд, и сейчас моя гордость пришла мне на помощь. Я почувствовал жгучее негодование по отношению к Лилиан, такое, что решил по возвращении сказать ей: «Если словами «и ещё» ты выражаешь сомнение, не любишь ли ты меня меньше, я разрываю нашу помолвку и возвращаю тебе свободу». И я бы пошёл твёрдым шагом с порога её дома, несмотря на уверенность, что уже никогда не смогу улыбаться.

Неужели её записка показалась мне такой обидной? Возможно, нет. Но бывает, что в тоне письма от того, кого мы любим, мы чувствуем, что одиноки. И я почувствовал, что от письма Лилиан веет приближающимся зимним холодом.

В тот день я поздно достиг сторожки парка Дервал. Мне нужно было навестить некоторых пациентов, чьи дома были разбросаны на многие мили друг от друга. К тому же, чтобы успокоить своё раздражение и взбудораженные мысли, я испытывал желание совершить путешествие верхом вместо того, чтобы взять экипаж, в котором я не смог бы ехать через поля, но зато прибыл бы вовремя.

Как только я добрался до парка, мной овладело беспокойство, вызванное неким предчувствием. Чтобы взять лошадь, я, как обычно, прошёл в конюшни через свой кабинет, который я подробно описывал, и, без сомнения, оставил открытыми калитку и, возможно, окно в кабинете. Уже несколько лет у меня была эта беззаботная привычка, и никогда не было причины упрекать себя в ней. Как я уже упоминал прежде, в моём кабинете не было ничего, что могло бы привлечь внимание воров. Кабинет был отделён от основного дома, а слуга на ночь закрывал и окно, и калитку. Но сейчас я почувствовал им-

пульсивное, неотступное, сильное беспокойное желание вернуться в город и предпринять меры предосторожности. Не знаю почему, но что-то подсказывало мне, что моя небрежность подвергла меня большой опасности. Я даже остановился и посмотрел на часы — слишком поздно! На часах — время, указанное Стрехеном в записке. Моя лошадь утомилась и выдохлась. К тому же, что за глупость! Как можно верить в предчувствие? Я устремился вперёд и вскоре остановился у старой лестницы, ведущей в помещичий дом. Здесь ко мне обратился старый управляющий, он уже спустился по лестнице и, как только я спешился, бесцеремонно взял меня за руку и увлёк в сторону.

— Доктор, я был прав. Призрак, что я видел у железной двери мавзолея, — его призрак. Прошлой ночью я снова видел его на том же месте, но припадок со мной не случился, как тогда. Он требует возмездия! Кровь за кровь!

— Да! — ответил я строго. Я и раньше подозревал Маргрейва, но сейчас почувствовал абсолютную уверенность, что это его рук дело. Откуда взялась эта уверенность? Просто сейчас я его ещё больше ненавидел, и ненависть так легко меня убедила! «Лилиан! Лилиан!» — шептал я её имя. Ревность разожгла мою ненависть. — Да! — строго повторил я. — Убийца ответит за всё.

— Что думает об этом полиция? — раздражительно проговорил старик. — День проходит за днём, а до истины всё так же далеко. Но о чём заботится новый хозяин? У него есть рента и земли. Разве он заботится о мёртвом? Я никогда не буду служить новому хозяину. Я так и сказал об этом мистеру Стрехену. Как я могу знать, не он ли совершил это убийство? Кому ещё есть от этого выгода?

— Тише, тише! — вскричал я. — Вы сами не знаете, что за бред вы несёте.

Старик в изумлении взглянул на меня, тряхнул головой, отпустил мою руку и зашагал прочь.

Слуга вышел из сада; я, отстегнув седельный выюк с вещами, которые могли пригодиться в моей короткой поездке, предоставил лошадь его заботам и поднялся по лестнице. Там меня встретила старая экономка, провела наверх по большой лестнице, показала приготовленную для меня спальню и сказала, что мистер Стрехен уже ждёт меня к обеду и я могу найти его в кабинете. Я поспешил присоединиться к нему. Он начал извиняться за состояние своего хозяйства, что было совершенно ни к чему. Он ещё не нанял новых слуг. Вся работа по дому делала экономка с помощью горничной.

В университете Ричард Стрехен отличался от остальных молодых людей и был не богатым, но и не бедным, не умным, но и не глупым, не красивым, но и не безобразным, не дерзким грешником, но и не святым, хотя он мог бы, вероятно, им быть.

Те же, кто хорошо его знали, говорили, что он обладал такими нравственными качествами, которые довольно часто делают человека превосходным, несмотря на его посредственный интеллект.

Он был честным и справедливым, и сэр Филипп был осведомлён об этом. Но, несмотря на его развитое чувство долга, существовали скрытые трудности. Он был нетерпим. Был внешне искренним со знакомыми, но в то же время подозрительным. Он был очень экономным и ограничивал себя во всём, и я не сомневаюсь, что ведя жизнь холостяка, он даже и не испытывал необходимости в поддержке жены и семьи. Поэтому он всё ещё не был женат.

Даже в те короткие минуты перед обедом, когда нам удалось немного поговорить, мне показалось, что в его характере появилась новая черта в связи с его новым положением. Превратившись в богача, он стал говорить напыщенно. Он, казалось, очень боялся трат, но ещё больше он приходил в ужас от мысли оказаться обманутым. Он стал раздражительным. Управляющий известил его о своём уходе. Мистер Дживис, который провёл с ним сегодняшнее утро, сказал, что лишиться управляющего — огромная потеря, и найти ему замену, человека, одновременно ловкого и честного, не так-то просто.

Какие пустяки могут отравлять обладание имуществом! Стрехен полюбил старый дом, он ему подходил, удобный и роскошный, а сэр Филипп выразил желание его снести. Стрехен изучил план нового особняка, о котором упоминал сэр Филипп, и этот план ему не понравился. Напротив, он привёл его в ужас.

— Дживис говорит, что я не смогу построить такой дом меньше, чем за семьдесят или восемьдесят тысяч фунтов. И потом, для него потребуется вдвое больше прислуги. Я разорюсь, — вскричал человек, который получил по завещанию, по крайней мере, десять тысяч в год.

— Сэр Филипп не приказывал вам сносить старый дом, он только посоветовал так сделать. Возможно, он считал это место не таким подходящим, чем то, которое он предложил для нового здания. Или остерегался, что позже вы обнаружите в этом доме какие-нибудь другие недостатки. Подождите немного прежде, чем принимать решение.

— Но, во всяком случае, думаю, я должен разрушить эту удивительную старую комнату, самую лучшую часть старого дома!

Произнося эти слова, Стрехен печально обводил взглядом необычную дубовую полку над камином, резной потолок, крепкие стены с многочисленными створчатыми окнами, выходящими в уединённый сад. Стрехен уютно устроился в кабинете сэра Филиппа, а когда-то здесь нашёл прибежище известный мистик Форман.

— Такая уютная комната для холостяка! — вздыхал Стрехен. — Рядом конюшни и собачья конура тоже! Но думаю, я должен её разрушить. Закон не вынуждает меня поступать так, это не является условием завещания. Но моя честь и благодарность не позволят мне нарушить указания бедного сэра Филиппа.

— В этом, — серьёзно ответил я, — можно не сомневаться.

Наш разговор был прерван миссис Гейтс: в библиотеке уже накрыли стол к обеду. Из давно забытых погребов принесли вино с большой выдержкой. Стрехен наполнял свой бокал снова и снова, развесялился и начал говорить о том, как зимой соберёт здесь своих друзей по университету и как они будут водить хоровод вокруг ёлки, смеясь и распевая песни.

Прошло много времени, уже наступила глубокая ночь, когда Стрехен поднялся, наконец, из-за стола. Язык уже плохо ему повиновался, и речь его стала бессвязной. Мы вернулись в кабинет, и я напомнил своему хозяину о цели своего визита к нему — о рукописи сэра Филиппа.

— Её трудно читать, — ответил Стрехен, — лучше отложите это до завтра. Вы останетесь здесь на два-три дня.

— Нет, я должен завтра же вернуться в Л****. Я не могу оставить своих пациентов. К тому же, самое лучшее сейчас — не терять даром время и приступить к изучению содержимого манускрипта, поскольку, вероятно, он может дать ключ к разгадке того, кто является убийцей.

— Почему вы так думаете? — вскричал Стрехен. Куда только девалась его вялость и сонливость.

— Потому что из него может стать известным, что у сэра Филиппа был некий враг. А у кого, как не у врага, могли быть причины совершить преступление? Идите, принесите сюда книгу. Вы должны быть заинтересованы в том, чтобы убийца вашего благодетеля понёс заслуженное наказание.

— Да, да. Я дам пять тысяч фунтов в качестве вознаграждения за раскрытие этого преступления. Ален, этот несчастный старый управляющий имел дерзость сказать мне, что я единственный человек в мире, кто мог быть заинтересован в смерти его хозяина. И он смотрел на меня так, как будто бы именно я совершил убийство. Вы правы, я, как никто другой, заинтересован в том, чтобы преступник был найден. Он должен быть повешен.

Говоря всё это, Стрехен поднялся, подошёл к письменному столу и вытащил из него толстую книгу, запиравшуюся на замок. Стрехен принялся отпирать замок одним ключом из связки ключей, которая, по его словам, была обнаружена рядом с телом сэра Филиппа.

— Ален, здесь мемуары. Мне не нужно говорить, какое значение я им придаю. Думаю, рукопись содержит сведения о собственных научных открытиях сэра Филиппа. Та часть его письма кажется мне очень странной. Но он, очевидно, стремился опубликовать свою работу, частично, если не удастся полностью. И, естественно, я хочу исполнить желание, столь чётко сформулированное тем, кому я стольким обязан. Поэтому, надеюсь, вы не будете слишком скрупулёзны. У меня есть причина верить, что в манускрипте окажутся некоторые ценные сведения в области медицины, и они могут помочь вам в вашей профессии, Ален.

— У Вас есть причина верить! Почему?

— О, очаровательный молодой человек приходил ко мне в гостиницу, говорил, что путешествовал по Востоку и там много слышал о познаниях сэра Филиппа в химии и о том, что онигодились ему в лечении.

— Вы говорите о мистере Маргрейве. Он приходил к вам?

— Да.

— Надеюсь, вы не сказали ему о существовании рукописи сэра Филиппа?

— Конечно, сказал. И ещё я сказал ему, что вы обещали её изучить. Он, казалось, был рад этому и с воодушевлением говорил о том, что вы необыкновенно подходите для этой задачи.

— Дайте мне рукопись, — сказал я резко. — И после того, как сегодня ночью я просмотрю её, завтра, возможно, мне будет что сказать вам, связанное с мистером Маргрейвом.

— Книга здесь, — ответил Стрехен. — Я взглянул на неё, многое в ней написано на латыни. Но к своему стыду, должен отметить, что в университетские годы я не слишком много времени уделял латыни и поэтому не смог ничего понять.

Я сел и положил книгу перед собой. Стрехен задремал, но его разбудила экономка, вошедшая к нам с чайной посудой.

— Хорошо, — вяло произнёс Стрехен. — Вы многое находите в книге, что объясняет многочисленные сбивающие с толку загадки в эксцентрической жизни сэра Филиппа и его стремлениях?

— Да, — ответил я. — Не отвлекайте меня.

Стрехен снова начал дремать, а экономка спросила, не нужно ли нам ещё чего-нибудь, и выразила надежду, что я найду дорогу к своей спальне.

Я нетерпеливо отпустил её и продолжил чтение. Стрехен проснулся ещё раз, когда часы пробили одиннадцать, и нашёл меня всё так же увлечённым рукописью и не расположенным к разговорам. Он зажёл свечу, велел мне положить рукопись в стол, когда я закончу, и убедиться, что стол заперт на ключ, который он мне подал, сняв со связки. А сам, зевая, пошёл наверх.

А я остался один в комнате мистика Формана, склонившись над текстом, более странным, нежели те, что когда бы то ни было, вызывали моё удивление или скептическую улыбку.

ГЛАВА 39

Манускрипт был написан мелким необычным почерком, принадлежавшим, очевидно, тому же самому человеку, который написал и письмо к Стрехену. Но то ли из-за спешки, то ли от недостатка чернил он был написан так, что разбирать его было намного сложнее. Те части мемуаров, которые были связаны с экспериментами или ссылались на тайны Природы, автор решил посвятить исключительно учёным и поэтому записал их на латыни. Но латынь эта, несмотря на соблюдение грамматических правил, была иногда совершенно непонятна. Но все эти трудности нужны были для того, чтобы глубже вникать в смысл текста.

Своё повествование рассказчик начинал с описания своего детства. Ему ещё не исполнилось и семи лет, как умерли оба его родителя. Опекуны отправили сироту в частную школу, а каникулы он проводил в имении Дервал. Среди его ранних воспоминаний я нашёл описание странной старой комнаты, в которой я сейчас сидел, и его ребяческого любопытства, вызванного надписью на каминной полке, — кто такой Симон Форман, который укрылся здесь от преследователей? Что он изучал и какие открытия сделал?

Когда ему было около шестнадцати, Филипп Дервал начал читать множество мистических книг из библиотеки, но испытывал лишь разочарование и отвращение. Первое впечатление, произведённое на доверчивое детское воображение, было испорчено. Он поступил в университет, уехал за границу путешествовать, а вернувшись, занял в лондонском обществе то положение, какое соответствовало молодому бездельнику в связи с его происхождением и состоянием. Он кратко рассказывал об этом периоде своей жизни, легкомысленной жизни, от которой его спасла лишь привязанность к двоюродному брату, кому он передал своё письмо к Стрехену. Проведя несколько лет в безрассудной расточительности, потратив часть денег на свадьбу своего кузена, сэр Филипп утратил прежние надежды и уединился в имении Дервал. Разыскивая какие-то старые документы, он случайно обнаружил собрание рукописей, сильно выгоревших и частично повреждённых молью или сыростью. Оказалось, это были записи Формана. Некоторые из них представляли из себя астрологические наблюдения и предсказания, некоторые — основывались на каббале, некоторые — были древними магическими заклинаниями духов. Все они представляли определённый интерес, были снабжены личными комментариями, историями людей того времени и имели форму диалога, в подражание Эразму⁹³. Вторым лицом в этом диалоге был сэр Майлс Дервал, покровитель и ученик. А первым — Форман, философ и толкователь.

⁹³ **Эразм Роттердамский** (Erasmus Roterodamus), или Дезидерий Эразм (Desiderius Erasmus), настоящее имя Герард Герардсон (1469 — 1536) — нидерландский гуманист.

Своё учение в целом Эразм чаще всего именовал «философией Христа». «Философия Христа» была уже достаточно полно сформулирована в первом значительном произведении ещё молодого Эразма — в «Руководстве христианского воина» (или «Кинжал...», 1501–1503). Программе, изложенной здесь, автор оставался верен до самой смерти. Традиционная метафора христианского воина наполнена сугубо моральным содержанием. В целом вера христианина (например, в индивидуальное бессмертие души) превышает возможности его разума, но эта вера должна вести его к непрерывной борьбе с телесными соблазнами. Она должна также сочетаться с твёрдыми житейскими правилами и непрерывной борьбой за их осуществление.

«Философия Христа», призывавшая к возрождению идей и идеалов первоначального христианства, давно забытых католической церковью, погребённых под грудой обрядового формализма, в принципе доступна каждому человеку. Как подлинный гуманист Эразм не принимал тезиса ортодоксального христианства о радикальной испорченности человеческой природы первородным грехом. Поэтому нормальный человек, подражая Христу, способен возвышаться до идей, зафиксированных в Священном Писании [43].

Но помимо этих трудных для понимания трактатов, здесь имелись работы необыкновенные и более впечатляющие — рассуждения о различных оккультных законах Природы и подробное описание аналитических экспериментов. Здесь, казалось, перед сэром Филиппом открылась новая область для практических исследований — граница между естественной наукой и воображением. В университете сэр Филипп увлекался философией, он продолжил свои занятия и самостоятельно убедился в истинности различных экспериментов, описанных Форманом. К его удивлению, некоторые из опытов оказались успешными, некоторые же полностью провалились. Это подтолкнуло автора рукописи к исследованиям, которым он посвятил остаток своей жизни. Трактаты с описанием некоторых истин, на которые случайно натолкнул его Форман, сэр Филипп считал ценными, но в то же время не признавал всей их важности и истинной природы. Общее впечатление от них портилось нелепым ребячеством и пустым, самонадеянным невежеством, присущим астрологии Средневековья. По этим причинам автор выражал своё желание (по возвращении в Англию) уничтожить рукописи Формана вместе со всеми другими книгами и несколькими собственными комментариями, которые иногда вводили его в заблуждение. Сейчас все они хранились в шкафах комнаты, где я сидел.

Проведя несколько лет в уединении в поместье Дервал, сэр Филипп почувствовал желание путешествовать. Страстное увлечение оккультными науками привело его в те восточные земли, где они зародились и где ещё была жива память об их провозвестниках.

Сейчас несколько страниц рукописи занимало подробное описание первоначального разочарования сэра Филиппа в предмете своих странных исследований. Так называемые маги, вызывающие любопытство у путешественников из Европы, были всего лишь или бездарными шарлатанами, или носителями механически заученного знания, в понимании которого они оказывались такими же невежественными, как и он сам. Значительную часть времени он провёл на Востоке, изучил языки и обычаи разных народов, что позволило ему познакомиться с людьми, в которых он обнаружил глубокие познания древних жрецов. Обычно они жили вдали от других людей, и очень редко их можно было за деньги заставить демонстрировать свои чудеса и разглашать свои тайны. Общаясь с этими мудрецами, сэр Филипп пришёл к заключению, что существует искусство магии, использующей скрытые силы Природы и ничего общего не имеющей с обманом колдунов. Магия есть философия сродни той, что мы изучаем в наших учебных заведениях, и она в той же степени основана на опыте. Чтобы подтвердить это поразительное предположение, сэр Филипп более половины своей рукописи посвятил тщательному описанию различных экспериментов. Так как большая часть из них казалась мне совершенно неправдоподобной и все они совсем не согласовывались с моим практическим опытом и могли быть подтверждены или опровергнуты только в результате дополнительных проверок, которые потребовали бы огромных затрат времени и сил, я листал страницы с этим описанием, не уделяя им особого внимания. Мне не терпелось добраться до той части рукописи, которая могла бы пролить свет на тайну, так меня интересовавшую. Как существование Маргрейва было связано с историей сэра Филиппа Дервала? Так, торопливо пробегая страницу за страницей, я внезапно, уже под конец книги, натолкнулся на имя, приковавшее к себе всё моё внимание, — Гарун из Алеппо. Тот, кто помнит слова, обращённые ко мне в моём трансе, может легко почувствовать волнение, которое ощутил я, когда увидел это имя, и сразу поймёт, как бережно моя память хранит эту часть рукописи, за которую я сейчас принялся, в отличие от всего, что я прочёл прежде.

«Это случилось, — писал сэр Филипп, — в безвестных окрестностях Алеппо, где я, наконец, встретил замечательного человека, передавшего мне оккультные знания, несравненно более глубокие, чем те, которые я мог бы получить, проводя эксперименты, которым я посвятил значительную часть своих мемуаров. Гарун из Алеппо, без сомнения, владел всеми тайнами Природы, которые теургическая⁹⁴ магия только пытается понять.

Он открыл великий принцип животной жизни, который до сих пор сбивал с толку искуснейших анатомистов. На основании того, что органы не могут быть непоправимо повреждены, не было такой болезни, какую он не мог бы излечить, такой дряхлости, которой нельзя было бы вернуть силу. Его наука основывалась на той же самой теории, что была признана лучшими практикующими врачами-профессионалами, и заключалась в том, что истинное искусство исцелять — помочь Природе отринуть болезнь, призвать весь организм изгнать поразившего его врага. Таким образом, все его методы лечения основывались на жизненном принципе».

⁹⁴ **Теургия** (греч.) — общение с планетарными духами и ангелами — «богами Света», и средство привлечения их на землю [8, стр. 396].

Никто не знал, какое у Гаруна происхождение. Никто не знал его возраст. С виду он был в самом расцвете сил, но на основе свидетельств, которым автор мемуаров был склонен верить и которые я сам, едва ли стоит говорить об этом, считал вопиюще невероятными, оказывалось, что Гарун жил с тем же именем и той же славой, что и сейчас, уже более ста лет. Он сказал сэру Филиппу, что уже трижды начинал заново свою жизнь и решил больше этого не делать, так как устал жить. Несмотря на все свои способности, Гарун считал, что его убивает глубокое уныние. Он жаловался, что для него нет ничего нового под солнцем. Говорил, что, несмотря на то, что обладает несметным богатством, оно перестало его радовать, и он предпочитает жизнь бедняка. Говорил, что устал от всех привязанностей и страстей человеческого сердца, что чувствует себя здесь одиноким. Одним словом, Гарун часто повторял с мрачной торжественностью: «Душа не предназначена для того, чтобы жить на земле в телесной оболочке дольше того времени, что отпущено смертному. А когда искусством обновления руин своего тела мы удерживаем душу, она страдает и становится вялой и подавленной. Только тот, — продолжал Гарун, — будет испытывать радость от продолжающегося существования, кто смог сохранить остроту своих человеческих ощущений; человек с таким сознанием, что он может быть независимым от духовного существования. Человек, кого покинула душа! Он не может теперь вести духовной жизни и похож на величественного из животных, без чувства неудовлетворённости от нахождения на земле, что является характерным свойством души».

Как-то вечером сэр Филипп, к своему удивлению, обнаружил в доме Гаруна ещё одного европейца. Здесь он прервал своё повествование, чтобы описать этого человека. За три или четыре года до этого сэр Филипп часто слышал от людей, занимающихся магией, о живущем на Востоке Англичанине, увлечённом исследованиями, похожими на его собственные. И этот человек, как говорили, обладал ужасными познаниями в тех областях, которые даже здесь, на Востоке, осуждались, так как могли быть использованы, чтобы творить зло. Здесь сэр Филипп, наконец, как и в кратком разговоре со мной, снова выделил два вида магии — один, ничего общего не имеющий с грехом, как и любое другое знание, полученное в результате опыта, и другой, который колдуны применяли в преступных целях.

Англичанина, которому молва приписывала увлечение тёмной магией, сэр Филипп Дервал никогда прежде не встречал. И теперь встретил его в доме Гаруна, дряхлого, истощённого, согбенного немощностью, измученного болью. Ему было чуть больше шестидесяти, но выглядел он куда более старым, хотя на лице его ещё можно было различить следы былой необыкновенной красоты, и его мозг всё ещё сохранял свою силу, что совсем не соответствовало телу-развалине. Сэру Филиппу никогда ещё не доводилось встречать в людях такой ум, такой блестящий и такой развращённый. Сын известного ростовщика, наследник огромных богатств, одарённый талантами, питающими его честолюбие, он вступил в жизнь, обременённый ненавистью, которую испытывали к его отцу. Дуэль, к которой привела язвительная насмешка в его адрес, вызвавшая его свирепую мстительность, заставила его нарушить закон, предназначенный для урегулирования подобных столкновений, и предстать перед судом. Однако ему удалось избежать наказания или из-за ошибки в технической стороне дела, или из-за жалости к нему присяжных. [1] Но он запятнал свою честь и создал непреодолимый барьер на пути к надеждам, которые питал. После суда он покинул страну, чтобы больше не возвращаться. С тех пор большую часть своей жизни он провёл в дальних странах, вдали от цивилизации, среди варварских племён. Временами, однако, он всё же появлялся в европейских столицах, сторонясь себе подобных, избегаемый ими, но окружённый тунеядцами, среди которых всегда можно было встретить людей с прекрасным образованием, привлечённых из-за своей бедности или скупости его богатством. Последние девять или десять лет он жил в Персии, приобрёл обширные земли, завёл свиту и пользовался большей властью, чем восточный принц. Таким был этот человек, преждевременно состарившийся, который дал врачам убедить себя, что ему осталось жить не более шести недель. И теперь он в паланкине, в сопровождении свиты, подобающей сатрапу⁹⁵, прибыл в Алеппо в грязную хижину мудреца Гаруна, вера в искусство которого стала для него последней надеждой отсрочить свой уход в могилу.

Он обернулся к сэру Филиппу, когда тот вошёл в комнату, и произнёс по-английски:

— Я здесь, потому что здесь вы. Я знаю о вашей дружбе с этим человеком. Я хочу заручиться вашей поддержкой. Скажите, что я не какой-нибудь легковёрный простофиля. Скажите ему, что я, Луис Грейл, не какой-нибудь нуждающийся проситель. Скажите мне о его мудрости, уверьте его в моём богатстве.

Сэр Филипп вопросительно посмотрел на Гаруна, продолжавшего в полном безмолвии сидеть на ковре.

— О чём вы просите Гаруна?

⁹⁵ **Сатрап** — правитель в древней Персии [9, стр. 584].

— Жить дальше, жить! За каждый год жизни, что он сможет подарить мне, я засыплю всё здесь золотом.

— Золото не прельстит его.

— Но что тогда?

— Спросите его сами, он говорит на вашем языке.

— Я спрашивал, но он мне не отвечает.

При этих словах Гарун внезапно поднялся. Он вытащил из-под одежды маленькую склянку, вылил из неё каплю жидкости в стакан с водой и сказал: «Выпейте это, пошлите завтра ко мне за лекарствами, которые я смогу прописать. Возвращайтесь сюда через три дня, но не раньше!»

Когда Грейл ушёл, сэр Филипп, сжалившись, спросил Гаруна, неужели его искусство способно сохранить жизнь в столь дряхлом теле. На что Гарун ответил:

— Лихорадка, порой, может так истощить огонь жизни, что одного грубого порыва ветра будет достаточно, чтобы погасить пламя, но человек, тем не менее, выздоравливает. Жизнь этого больного была всего лишь длительной лихорадкой, он может выздороветь.

— И вы ему в этом поможете?

— Через три дня я вам скажу.

На третий день Грейл снова явился к Гаруну, по просьбе мудреца сэр Филипп также пришёл. Грейл заявил, что уже испытал невыразимое облегчение от прописанных лекарств. Он рассыпался в словах благодарности, настаивал принять щедрые дары и, казалось, был огорчён, когда от них отказались. На этот раз Гарун много говорил с Грейлом, обнажая его извращённый, кипящий, но блестящий ум. Сейчас я не могу извлечь из памяти все мельчайшие подробности разговора Грейла с Гаруном и Дервалом, но лучше всего рассказать о характере Грейла мне удастся, описав то впечатление, которое он на меня произвёл. Казалось, что в то время, пока я читал, передо мной бушевали природные стихии — шторм, землетрясение, — таковы были крики гнева, ненависти, отчаяния, выражение непреклонного желания, насмешка над властью. То и дело наружу прорывалась какая-нибудь высокая мысль, вырывался неудержимый гений — резкие переходы от вызывающего поведения к воплям глубокого раскаяния.

Всё это было в нём, я не знаю, что же было в этом странного, но производил он необыкновенное впечатление. Это напоминало песнопение из какой-то древней лирической трагедии, песню, исполняемую одним из тех мифических великанов, которые, гордые тем, что произошли из Тьмы и Хаоса, управляют грубыми стихиями, так же, как Гармония управляет Мирозданием. Я был настолько поглощён их разговором, что язык этого зловещего персонажа перестал мне казаться мрачным и пугающим. До сих пор мне казалось, что в этой необузданной натуре проблескивает временами сияющий свет, а его характер, первоначально надменный, если не распушенный и агрессивный, был озлоблен ранней и непрерывной борьбой с обществом, в которой он искалечился и деформировался. При более счастливых обстоятельствах его пламенная сила могла бы быть обращена во благо. А теперь, несмотря на горькое, мучительное раскаяние, зло невозможно было простить.

Наконец, тоскливое сострадание, вызванное им прежде, превратилось в неприкрытое отвращение.

Их разговор с общих житейских тем перешёл на ту тему, которая интересовала меня больше всего. Речь зашла о магии, и, несмотря на мой скептицизм, я не мог сдерживать дрожи, читая ночью и в одиночестве эту необыкновенную рукопись.

Грейл говорил о силе, которую он использовал при содействии злых духов, о силе, направленной на то, чтобы гипнотизировать и разрушать. Сейчас уже было слишком поздно, но он говорил о той помощи, что могли предложить ему его тёмные союзники, ради честолюбия, а не личной мести. Если бы он приобрёл имеющиеся сейчас у него знания прежде, чем слабость разрушающегося тела сделала их бесполезными, он мог бы праздновать свою победу над обществом, которое когда-то в его далёкой юности отвергло его! Он говорил о способах, которыми он мог воздействовать на других людей, оставаясь при этом необнаруженным, управлять силами и сбивать с толку правосудие. Он говорил неясно о силе, которую можно было использовать на расстоянии. С её помощью можно было создавать призрак материального объекта, подобного его тени, проникать сквозь стены тюрьмы, минуя стражу. Эта сила достигалась концентрацией воли и воздействовала на более слабый ум, почти всегда подчиняя его себе и приводя в ужас. Здесь я не могу передать все его хвастливые слова о его демоническом искусстве, поскольку помню их довольно смутно, но все его знания оказывались совершенно бесполезными и не спасали от тисков смерти. Всеми этими знаниями он готов был поделиться с Гаруном, но в обмен на что? В обмен на сокровище, которым обладал даже самый ничтожный крестьянин. В обмен на жизнь, простую жизнь, чтобы всё ещё дышать воздухом, чтобы всё ещё наслаждаться солнцем.

Наконец, Гарун ответил. С тихим презрением он сказал, что тёмная магия, которой так хвастался Грейл, есть злоупотребление знанием, самое подлое из всех возможных злоупотреблений, и им во все времена занимались только ничтожнейшие люди. И потом, внезапно сменив тон, продолжал (я привожу здесь его слова так, как смог их запомнить):

— Падший, несчастный негодяй! И ты ещё просишь меня продлить тебе жизнь! Чтобы ты продолжал изводить мир и самого себя. Могу ли я заклинаниями продлить бедствие или осквернить тайны Природы, используя их, чтобы сохранить силу и молодость преступнику?

Грейл, как будто ошеломлённый укором, упал перед Гаруном на колени с отчаянными просьбами, странно выглядевшими после его недавнего высокомерия. Всё было так, говорил он, потому что жизнь была к нему злой и он боялся смерти. Но, если жизнь начать заново, он изменится, отречётся от своего искусства и будет творить добро.

— Так жестокий человек лжёт самому себе, когда его настигает тень смерти, — ответил Гарун. — Но знай, несмотря на раскаяние, которым охвачена твоя душа, не душа сейчас умоляет меня. Если в словах Разума ты расслышал бы печальный шёпот Души, он отговорил бы тебя жить дальше. Пока я говорил, я наблюдал за ней. Она опечалена позором своего существования и страшится счёта, который должен быть ей предъявлен. Но ещё сильнее её страх, как перед ужасным бедствием, перед продолжением жизни, несущим больший позор и более тяжкое наказание! Пока приговор не приведён в действие, ещё есть надежда добиться милосердия раскаянием, которое разум безуспешно изо всех сил пытается подавить. Но гибель тем страшнее, чем дольше пребывание на земле, привязанное к развращённому уму и страстям, которые ты просишь меня тебе сохранить.

Грейл склонил голову, закрыл лицо руками, дрожа и не произнося ни слова.

Тогда сэр Филипп, охваченный состраданием, решил защитить его. «Но, по крайней мере, разве душа не может ради раскаяния пройти на земле больший отрезок времени?» Пока сэр Филипп произносил это, Грейл, обессиленный, упал в обморок, как при смерти. Когда Грейл пришёл в себя, он почувствовал, что его голова опирается на колено Гаруна. Его открытые глаза остановились на сверкающей склянке, которую Гарун держал в руках, и понял, что его губы смочены жидкостью из неё.

— Поразительно! — бормотал он. — Я чувствую, как жизнь возвращается ко мне. Значит, это эликсир! Это не басня!

Он с жадностью протянул руки, чтобы схватить склянку, и вскричал умоляюще: «Ещё! Ещё!» Но Гарун спрятал сосуд в складках своей одежды и ответил:

— Я не верну тебе молодость, но освобожу от физических страданий: я освобожу ум и душу от мук плоти, чтобы примирить их, если это ещё возможно, в их долгой борьбе. Я могу подарить тебе несколько месяцев для раскаяния. Постарайся за это время искупить зло шестидесяти лет своей жизни. Используй своё богатство там, где оно поможет залечить нанесённую рану, поможет нуждающемуся, поможет там, где это больше всего необходимо. Прислушайся к своему раскаянию, склонись в молитве.

Что-то бормоча и тяжело вздыхая, Грейл удалился. На следующий день Гарун позвал сэра Филиппа Дервала и сказал ему:

— Отправляйся в Дамаск. Там началась чума. Отправляйся туда, чтобы исцелить и спасти. В этой шкатулке хранятся самые верные противоядия. В ней находится достаточное количество вещества, чистого, беспримесного, которое может вызвать искушение непомерно долго удерживать душу в брэнном теле. Жалкая участь. Ты многому у меня научился и знаешь, *что* так легко вернуло ему здоровье и продолжило его путь к могиле, избавив от боли. О чём ещё мог бы человек просить у Природы? Ничего другого в шкатулке нет. В ней те вещества, что ускоряют жизнь тех сил, которые до поры до времени дремлют в человеке, как куколка насекомого, ожидая своего будущего развития. И эти силы позволяют видеть, но не глазами, слышать, но не ушами. Здесь связь между душой человека и Природы. Здесь содержатся тайны, более ценные, чем те, что позволяют отделить духовную жизнь не столько от жизни телесной, сколько от жизни умственной. Если ты встретишь человека большого ума, настойчиво стремящегося к Истине, но всё ещё отрицающего факт, что животная жизнь обладает душой, и если этот человек, подняв глаза к небу, будет вопрошать с момента своего появления на земле: «Есть ли у меня душа? Может ли она умереть?» — тогда ты смело, с толком можешь воспользоваться содержимым шкатулки. Сокровища шкатулки подобны тем, какие может приобрести каждый смертный, но в зависимости от того, к кому они попадут, они могут быть обращены во благо или во зло. Никогда не доверяй их тем, кто сможет ими злоупотребить! Ты достаточно сведущ в тайнах Природы и сможешь различить, кто использует содержимое шкатулки во благо, а кто — ради злых намерений. Содержимое шкатулки может воздействовать на воображение, заглушить совесть и подвергнуть душу опасности.

Сэр Филипп взял шкатулку вместе с рекомендациями, как её использовать, но не стал их описывать в рукописи, что я сейчас читал. Затем он заговорил с Гаруном о Луисе Грейле, который вызвал у него смешанное чувство восхищения и отвращения, жалости и ужаса. Гарун ответил ему. Я снова привожу здесь его слова по памяти. Странно, до какой степени может быть напряжена память, сколько всего вобрать в себя, когда она поражена необычностью того, что предстаёт перед ней. И как сильно было моё желание, чтобы рукопись пролила свет на то, что интересовало меня больше всего!

— Когда смертный преднамеренно вступает в союз со злыми духами, он сдаёт свою крепость врагам. А тому, кто смотрит со стороны, нужно быть осторожным, чтобы не привлечь своим взглядом их внимания. Этот человек, кого ты жалеешь, ещё не безвозвратно развращён злодеями, его душа ещё продолжает бороться с ними. Его жизнь была непрерывной борьбой между сильным рассудком и слабым духом. Рассудок, опьянённый страстями, подавил душу, но душа никогда не переставала жаловаться и раскаиваться. И в те моменты, когда ей удавалось завладеть господством над ним, она пыталась смягчить его ненависть, пыталась вернуть рассудок, впавший в заблуждение из-за ненависти и гнева, на непривычный для него путь любви и милосердия. В мёртвой пустыне вины всё же встречались зелёные островки добра. Демоны поработили его рассудок, и он им поддался, но они не смогли полностью завладеть его душой, которую ужасает их присутствие. И в этой борьбе, продолжающейся в его груди, помочь сможет только Аллах, чьё око не дремлет.

Гарун продолжал, и его слова ещё более странным образом и ещё глубже проникали в моё сознание:

— Были люди (ты должен был знать таких), кто после болезни, когда жизнь, казалось, замирала, выздоравливали, но менялись до неузнаваемости. Прежде мягкие, добрые и искренние, они становились жестокими, злыми и лживыми. К тому, что они любили прежде, теперь они проявляли отвращение и ненависть. Иногда эти изменения оказывались настолько поразительными и настолько непостижимыми, что родственники приписывали их безумию. Не тому безумию, что проявляется в обычных повседневных делах, а тому, что приводит к внутренней дисгармонии. Но есть дервиши, которые считают, что во время такой болезни, так похожей на смерть, душа оставляет человека, а злой дух вселяется в его тело и мозг, покидая тело своего прежнего хозяина, и наделяя своего нового владельца чертами своего прошлого существования. Я не изучал подобные тайны и высказываю тебе только предположение, существующее на Востоке, не подтверждая его, но и не опровергая. Это борьба между рассудком, пленённым демонами, и душой, просящей защиты у Аллаха. Если рассудок этого путешественника так стремится к продолжению жизни на земле ради наслаждений, склоняющих его к греху, он пойдёт ради этого на любое преступление и поддастся любому злодею, который пообещает ему щедрые дары. Но душа умоляет о спасении от нового греха, и она, скорее, готова вынести наказание Аллаха за свои тёмные грехи, чем согласиться вступить в союз с демонами. Что если мольбы души будут услышаны, если она возродится из руин, а они сами достанутся колдовству, которое стремится восстановить их? Если в них проникнут демоны, они обнаружат, что их награда ускользнула, и они почувствуют себя обманутыми. Напрасно жизнь будет дарована плоти, напрасно разум, освободившийся от контроля со стороны души, будет скитаться, храня прежние знания и способности. Несмотря на то, что душе удастся спастись бегством от страстей плоти, до этого она всё равно подвергнется колдовскому воздействию со стороны злых сил. Несомненно, тело, лишённое души, будет инструментом зла, но инструментом всё же несовершенным. Демоны не смогут постоянно владеть бранным телом. Они могут проникнуть в него с каким-нибудь злым умыслом (и Аллах в своей непостижимой мудрости позволяет им это) и покинуть его, не оставив следа. Человек-животное, лишённый души, но внешне прекрасный, может вести себя, как тигр или змея в своей жестокости, а в следующее мгновение резвиться в солнечных лучах, весёлый и безобидный, потому что, подобно змее или тигру, он неспособен испытывать раскаяние.

— Просто поразительно, — проговорил Дервал.

— Возможно, потому что он может принять осязаемую форму. Я знаю, сейчас, пока я говорю с тобой, этот несчастный призывает на помощь все злые колдовские силы, которые, как он хвастает, ему подвластны. Чтобы добиться желаемой цели, он должен пойти на преступление. Колдовство нашёптывает ему, как это сделать, оставшись безнаказанным. Душа сопротивляется, но при этом она слабее разума, которому подчинялась так долго. Не спрашивай меня больше ни о чём. Но если я исчезну с твоих глаз, если ты услышишь о моей смерти, которую я приму, чтобы осознать милосердие Небес, убравших меня, наконец, с земли, знай, что пришёл тёмный Гость и что я принимаю всё с благословением.

Сэр Филипп отбыл в Дамаск. Там он застал свирепствовавшую чуму и посвятил себя исцелению страдающих. Лекарства в шкатулке истощались. Чума прошла, а лекарства совсем закончились, когда он узнал, что Гаруна больше нет. Однажды утром Мудреца обнаружили мёртвым в его уединённом до-

ме, и, если верить распространившемуся слуху, следы на его горле указывали на то, что его задушили. В то же самое время Луис Грейл исчез из города, и предполагали, что он разделил участь Гаруна и был тайно похоронен убийцами, лишившими его жизни. Сэр Филипп поспешил в Алеппо. Там он выяснил, что в ту ночь, когда умер Гарун, Луис Грейл исчез не один, вместе с ним были ещё двое из его многочисленной свиты. Одна из них — арабская женщина по имени Аиша, которая постоянно сопровождала его, была его ученицей и помощницей в его мистических опытах, разлагающих его ум. Говорили, что она имела на него влияние, отчасти из-за своей красоты, отчасти из-за нежности, с которой она заботилась о нём на закате его жизни. Другой — индеец, особенно привязанный к ней, о котором все из пугливых слуг Грейла говорили с отвращением и ужасом. По их словам, он принадлежал к той кровожадной секте фанатиков, о существовании которой как общины совсем недавно стало известно в Европе. И этот человек убедил ничего не подозревавшую жертву в том, что они пользуются расположением богини, которой служат. В Алеппо сложилось мнение, что, если эти двое сговорились убить Гаруна, возможно, ради его сокровищницы, вполне вероятно, что они же решили избавиться от своего английского лорда или ради драгоценностей, которые тот носил при себе, или ради его сокровищ, место хранения которых им было хорошо известно.

«Я не разделял этого мнения, — продолжал повествователь. — Я уверен, что Аиша искренне любила своего ужасного хозяина. И любовь эта неувидительна. Луис Грейл был таким человеком, которого женщина, и особенно женщина Востока, если однажды полюбила, прежде чем он стал старым и немощным, будет любить и дальше и заботиться о нём с большей нежностью. И поэтому не случайно он сделал рабыню своей ученицей и спутницей. Индеец также был предан Грейлу и не мог бы пойти на преступление.

Я пришёл к заключению, что Гаруна убили по приказу Луиса Грейла, чтобы завладеть эликсиром жизни. Он был задушен индийцем, Душителем. Таким образом Грейл получил чудодейственное средство, дающее жизнь. И склонила его к этому любовь арабской женщины, Аиши. Потом ему помогли бежать из Алеппо. Эти предположения я не смог высказать восточным властям. С тех пор я даже не мог намекнуть на существование эликсира жизни без того, чтобы меня не подняли на смех. Не мог я также сказать, что разыскиваю в Алеппо Англичанина. Они пришли к заключению, которое казалось наиболее правдоподобным: Гаруна могли задушить, но он мог умереть и от приступа (его тело было похоронено задолго до моего приезда в Алеппо), а Луиса Грейла убили его вероломные слуги. Но следы беглецов были потеряны.

И сейчас, — писал сэр Филипп, — я могу утверждать на основе открывшихся фактов, что Луис Грейл всё ещё жив. Из старика он превратился в юношу. Новая форма — новая жизнь. Слова Гаруна, казавшиеся мне невероятными, сбылись: преступник, не сознающий своего преступления, человек-животное, воплощение безрассудных сил Природы, прекрасный и радостный, своенравный, ужасный, несущий разрушение! Существо, как будто пришедшее из древних мифов, человек-животное, чей дух был ещё недостаточно силён, чтобы сделать его царём Природы.

Но это существо — ещё более ужасное и злое, чем просто человек-животное, поскольку его мозг, не нуждающийся в присутствии души, хранит отрывочные сведения, которыми можно злоупотребить, и среди них — тайны магии, полученные им под руководством духов, наиболее враждебных нашей расе. И кто скажет, не вошли ли уже демоны в этот опустевший храм, который оставила душа, и не используют ли они как один из своих инструментов, пассивных и бессознательных, его знания, хранящиеся в памяти под контролем злобы?

Моё внимание привлекла странная и ужасная история, случившаяся в одной армянской семье, с которой я был немного знаком. И сейчас я прерываю своё повествование, хотя ещё не всё рассказал о человеке, убившем Гаруна, чтобы завладеть эликсиром молодости. Всю свою оставшуюся жизнь я посвятил тому, чтобы найти его.

В этой армянской семье было три дочери, одна из них...»

Только я успел прочитать эти слова, как тень упала на страницу, и я почувствовал, как на меня повеяло холодом, холодом, таким холодом, что кровь застыла у меня в жилах. Я как бы внезапно окоченел! Невольно я вздрогнул, огляделся, уверенный в ужасающем присутствии в комнате. А потом на противоположной стене я увидел еле различимую человеческую фигуру. Я называю её Тенью, хотя это слово не совсем подходит: она тускло светилась. На одной из выставок в Лондоне демонстрируется любопытный случай с оптическим обманом. В конце коридора вы видите, очевидно, при ярком свете, человеческий череп. Пока вы приближаетесь к нему, вы убеждены, что он там. Но оказывается, что это

всего лишь его тень. Тень передо мной была менее отчётливой, чем та, которую я только что описал. Я не обманывался. Я чувствовал, что здесь призрак, но в то же время был уверен, что вижу тень живого существа — фигуру и лицо Маргрейва. Это было совершенно отчётливо, безошибочно. Сознывая, что сам он должен быть позади меня, я попытался подняться, повернуться, убедиться в этом. Но я не мог пошевелиться: руки, ноги, все мышцы были скованы каким-то непостижимым заклятьем. Постепенно все ощущения покинули меня, я потерял сознание и оставался неподвижным, как будто мёртвым. Когда я очнулся, я услышал, как часы пробили три. Похоже, я не приходил в себя около двух часов! Свечи уже догорали. Я взглянул на стол. Рукопись мертвеца исчезла!

[1] Здесь читатель заметит противоречие между рассказом миссис Пойнтс и повествованием сэра Филиппа Дервала. В соответствии с первым, Луиса Грейла судили во время его отсутствия в Англии и приговорили к трём годам заключения, которых ему удалось избежать, уехав из страны. В соответствии со вторым, Луис Грейл присутствовал на суде и получил оправдание. Слова сэра Филиппа должны быть, по крайней мере, ближе к истине, чем слова миссис Пойнтс, так как в соответствии с английским законом Луиса Грейла не могли судить во время его отсутствия, он обязательно должен был присутствовать в суде. Миссис Пойнтс рассказывает свою историю так, как это обычно делает женщина: она уверена, что может допустить ошибку, когда затрагивает вопрос, касающийся закона. И, возможно, даже не сознавая, светская женщина искажает факты в своём повествовании так, чтобы сохранить благородство своего героя, который вызывает у неё интерес и которого она не осуждает за совершённое преступление, а жалеет, представляя заключённым за решётку. Ален Фенвик, без сомнения, преднамеренно не указывает на расхождение двух утверждений и не осуждает за ошибку, которая в глазах юриста могла бы умалить достоинство миссис Пойнтс. Это согласовывается с некоторыми целями, которые ставил перед собой Ален Фенвик, публикуя свою «Странную историю» и предлагая читателю сделать свои собственные выводы на основе противоречий, которые могут иметь место в самых обычных случаях и так часто встречаются в удивительных историях. Часто факт, рассказанный одним человеком, отличается от того же самого факта, рассказанного другим. Быстрота, с которой истина превращается в ложь, когда передаётся из уст в уста, может быть продемонстрирована с помощью игры, популярной в то время. Игра заключается в следующем. Имеется группа людей, восемь или десять человек. Они должны прошептать друг другу сообщение о некоторой вымышленной сделке или обрывок какой-нибудь выдуманной сплетни, связанной с кем-нибудь из отсутствующих, живых или мёртвых. Тот, кто первым услышал историю, должен рассказать её шёпотом другому так, как смог её запомнить, а тот — пересказать её своему соседу, и так далее до последнего участника группы. Каждый рассказчик, как только прошепчет соседу свою версию истории, записывает её на бумаге. И хотя в этой игре никто не заинтересован в том, чтобы исказить историю, которую услышал, а наоборот, каждый ради своей репутации стремится передать её как можно точнее, почти всегда окажется, что история существенно изменилась, прежде чем достигла восьмого или десятого человека. Иногда многие важные детали оказываются потерянными, иногда к истории добавляется что-то новое и совершенно невероятное. После завершения эксперимента каждому хочется воскликнуть: «И как после этого можно верить истории, услышанной летописцем?» Но разве каждая история, прошедшая не через десять, а, возможно, через десять тысяч уст, прежде чем дойти до нас, покажется самому летописцу, знавшему правду, не такой же невероятной, как описанные им чудеса — скептически настроенному Фенвику?

ГЛАВА 40

Рукопись мертвеца исчезла. Но как? Фантом мог обмануть моё зрение, подавить волю, действуя на расстоянии; мог, если рассказы о месмеризме не врут, лишить меня способности двигаться и ощущать что-либо. Но ни фантом, никакая сила гипноза не могли заставить исчезнуть со стола передо мной материальный объект в виде книги! Должен ли я был искать этому объяснение в познаниях в колдовстве, приписанных Луису Грейлу, если верить повествованию? Я не мог принять эту догадку. Против неё восставал мой рассудок, полунадменный, полувстревоженный. Кто-то должен был войти в комнату, кто-то должен был взять рукопись. Я огляделся вокруг. Окна были закрыты ставнями, вдобавок ещё и шторами кое-где. Всё было точно так же, как и раньше, до того, как я потерял сознание. Всё, казалось, было в порядке. Схватив одну из быстро догорающих свечей, я прошёл в смежную библиотеку, в пустынные комнаты, в зал и убедился, что входная дверь заперта на засов! Грабитель не оставил никаких следов своего тайного пребывания.

Я решил сразу идти в комнату Стрехена и сказать ему о пропаже. Рукопись была мне доверена, и я чувствовал, что пока это происшествие скрыто от него, моя репутация запятнана. Я поспешно поднялся по большой лестнице, которой выцветшие портреты по бокам придавали зловещий вид, и оказался в длинном коридоре, ведущем в мою спальню, но, наверняка, и в спальню Стрехена. Но которая из них его? Я не знал. Я торопливо открывал дверь за дверью, вглядываясь в пустые комнаты, шёл, спотыкаясь, повернул направо и направился вниз по узкому коридору. По самым обыкновенным признакам я распознал местонахождение своего хозяина, по признакам, с помощью которых обитатель меблированных комнат или гостиницы даёт о себе знать, — стул перед дверью, небрежно брошенная на него одежда, пара башмаков рядом. И таким нелепым и смешным мне показалось подобное проявление привычек повседневной жизни, беспорядочной холостяцкой жизни Стрехена, которое так контрастировало с теми чудесами, о которых я прочитал, и с теми, ещё более невероятными, которые я засвидетельствовал и жертвой которых стал, что, как только я завернул в коридор, я услышал свой бессознательный, полуистерический смех. И, ужаснувшись звуками этого смеха, как будто он мог исходить от кого-то другого, я замолчал, остановившись у двери, и спросил себя: «Я сплю? Я бодрствую? И, если я не сплю, что я должен сказать простому смертному, которого собираюсь разбудить? Говорить ему о фантоме! Говорить ему о сверхъестественном заклятье! Говорить ему о мистическом трансе, в котором было похищено то, что он мне доверил! Что я ему скажу? *Что* я сам сказал бы всего несколько дней назад любому, кто поведал бы мне подобную историю?» Я не стал ждать ответов на эти вопросы, вошёл в комнату и услышал храп Стрехена, доносившийся с его кровати. Недостаточно вежливо я встряхнул Стрехена. Он вздрогнул, протёр глаза.

— Вы, Ален, вы? Какого чёрта? Что случилось?

— Стрехен, меня обокрали! Украли рукопись, которую вы дали мне. Я не мог лечь спать, не сказав вам об этом.

— Обокрали, обокрали! Вы серьёзно?

Он отбросил постельное бельё и сел, уставившись на меня.

И снова все те вопросы, что я задавал себе, стоя под дверью, стали всплывать в моём мозгу с удвоенной силой. Сказать этому человеку, лишённому воображения, практичному, костлявому, рыжеватому северному сельскому жителю, сказать этому человеку о том, что даже самые доверчивые школьники могут принять за небылицу! Невозможно!

— Я уснул, — начал я, краснея и заикаясь, так как малейшее отклонение от истины было для меня болезненным, — а... а когда проснулся, рукопись исчезла. Кто-то, должно быть, вошёл и совершил кражу.

— Кто-то вошёл в дом в этот час ночи и только за тем, чтобы украсть рукопись, не представляющую для него никакой ценности! Абсурд! Если воры проникли в дом, то должна быть другая цель — столовое серебро, деньги. Я оденусь, мы посмотрим!

Стрехен второпях оделся, бормоча что-то и избегая моего взгляда. Он был в замешательстве. Ему не хотелось говорить своему старому приятелю, что было у него на уме, но я видел, он подозревал, что я решил лишить его рукописи и сочинил сумасбродную историю, чтобы скрыть свой обман.

Тем не менее, он отправился осмотреть дом. Я молча следовал за ним, удручённый собственными мыслями, желая уединиться в своей комнате. Мы никого не нашли, никаких следов, ничего, что вызвало бы подозрение. В доме, кроме нас, спали две служанки — экономка и девочка, помогавшая ей. Невозможно было заподозрить кого-то из них, но во время наших поисков мы всё же открыли двери их комнат. Мы увидели их в кроватях, очевидно, спящими. Казалось бесполезным будить их и расспрашивать. Когда наши тщетные поиски были завершены, Стрехен остановился у двери моей спальни, впервые за всё это время пристально посмотрел на меня и сказал:

— Ален Фенвик, я отдал бы половину наследства, в которое вступил, лишь бы этого не случилось. Рукопись, как вы знаете, завещал мне благодетель, и моя обязанность — исполнить малейшее его желание. Если рукопись содержала что-либо ценное для человека ваших познаний и профессии, то вы, конечно, могли свободно использовать её содержимое. Позвольте мне надеяться, Ален, что к завтрашнему дню книга появится.

Он не сказал больше ни слова, отпрянул от руки, которую я невольно протянул ему, и быстрым шагом направился в свою комнату.

Оставшись один, я опустил на стул, закрыл лицо руками и напрасно пытался собрать свои взволнованные, расстроенные мысли. Мог ли я придать важное значение этому чудесному повествованию, что я прочёл? Неужели действительно существовали таинственные силы, дарованные человеку, таинственные силы Природы? Я не мог в это поверить. Должно быть, это всё от болезненного восприя-

тия моего мозга. Это галлюцинация. Галлюцинация? Фантом — да, транс — тоже. Но как исчезла книга? По крайней мере, это уж точно не может быть галлюцинацией.

На следующее утро я вышел из своей комнаты со слабой надеждой найти рукопись где-нибудь в кабинете, с надеждой, что я сам спрятал её куда-то: говорят, лунатики могут вот так спрятать что-нибудь и ничего не помнить об этом в бодрствующем состоянии.

Я тщательно обыскивал каждый уголок. Стрехен застал меня за этим безнадёжным занятием. Он позавтракал у себя в комнате и только после одиннадцати присоединился ко мне. Его манеры стали резкими, холодными и сдержанными, а его подозрение было так явно, что вызывало у меня негодование и обиду.

— Разве возможно, — возмущённо вскричал я, — что вы, кто так хорошо меня знает, подозреваете меня в совершении поступка, такого низкого? Зачем бы я спрятал доверенную мне книгу, когда я мог переписывать из неё всё, что пожелаю, и использовать её содержимое в любых целях, которые посчитал бы полезными для науки или для меня и моей работы!

— Я не обвиняю вас, — угрюмо ответил Стрехен. — Но что мы скажем мистеру Дживису и всем тем, кто знал о существовании рукописи? Они поверят тому, что вы мне рассказали?

— Мистер Дживис, — проговорил я, — не может подозревать друга-горожанина, у которого такая хорошая репутация, как у меня. А кому ещё вы рассказали об оставленных сэром Филиппом мемуарах?

— Молодому Маргрейву. Я же говорил вам!

— Правда, правда. Нам не нужно далеко ходить, чтобы найти вора. Маргрейв был в этом доме не один раз. Ему известно расположение комнат. Вы назвали имя грабителя!

— Да ну! Ради чего весёлому молодому человеку, такому, как Маргрейв, понадобилась такая скучная, с глубокомысленными рассуждениями работа, какой, я считаю, были мемуары моего несчастного родственника?

Я уже собирался ответить, как дверь внезапно открылась и вошла девушка-служанка в сопровождении двух мужчин, в которых я признал полицейского инспектора Л**** и того, кто обнаружил меня над телом сэра Филиппа. Инспектор подошёл ко мне с мрачным лицом и зашептал мне прямо в ухо. Я даже сразу ничего и не понял.

— Идти с вами, — проговорил я, — к мистеру Вигорсу, судье? Я думал, мои показания больше не нужны.

Инспектор покачал головой:

— У меня есть распоряжение, д-р Фенвик.

— Хорошо, я, конечно, пойду. Обнаружилось что-то ещё?

Инспектор обернулся к служанке, стоявшей с широко раскрытыми глазами и ртом от изумления.

— Покажите нам комнату д-ра Фенвика. Сэр, там вещи, которые вы привезли сюда. Я пойду наверх вместе с вами, — зашептал он снова. — Пойдёмте, д-р Фенвик, я при исполнении своих обязанностей.

Что-то в манерах этого человека было настолько угрожающим и зловещим, что я сразу почувствовал, что со мной произошло какое-то новое странное несчастье. Я повернулся к Стрехену. Он стоял у порога, тихо разговаривая со вторым полицейским, и его лицо выражало изумление и отвращение. Когда я подошёл к нему, он поспешно удалился, не произнеся ни слова.

Я поднялся по лестнице, вошёл в свою спальню, инспектор держался рядом, позади меня. Когда я механически достал все те вещи, что привёз с собой, полицейский чиновник вырвал их у меня с грубостью, показавшейся оскорбительной, медленно обшарил карманы моего пиджака, который был на мне накануне вечером, затем выдвинул ящики стола и даже внимательно осмотрел кровать.

— Что вы имеете в виду? — надменно спросил я.

— Извините, сэр. Долг. Вы...

— Ну, что я?

— Вы арестованы. Вот ордер.

— Ордер! На каком основании?

— Убийство сэра Филиппа Дервала.

— Я, я! Убийство! — я не смог больше произнести ни слова.

Я бы не должен долго останавливаться на этом ужасающем происшествии: мучительно описывать подробности, настолько, что я пытался стереть их из своей памяти, но они снова и снова возвращаются ко мне, подобно бессвязным обрывкам из кошмарного сна.

Всё, что мне нужно сообщить, заключается в следующем. Очень рано, в то самое утро, когда меня арестовали, один человек, никому не знакомый в городе, отыскал мистера Вигорса и дал ему показания,

что в ночь убийства он искал укрытие от сильного ливня под навесом у стены, примыкающей к старой арке, и слышал разговор двух мужчин под аркой. Слышал, как один сказал другому: «Вы всё ещё имеете зуб против меня?» На что другой ответил: «Я могу простить вас при одном условии». Большую часть последующего разговора он не расслышал, так как говорили шёпотом, но он узнал достаточно и понял, что условие, на котором настаивал один, заключалось во владении шкатулкой, которую имел при себе другой. Из-за этого у них даже случилась ссора. Он сделал такой вывод, так как у того, кто требовал шкатулку, был сердитый, раздражённый голос. И в конце он громко спросил: «Вы всё ещё отказываетесь?» и, получив ответ, который свидетель не расслышал, угрожающе заявил: «Это вы пожалеете» и затем вышел из-под арки на дорогу. Дождь закончился, и при ярких вспышках молнии свидетель отчётливо увидел фигуру человека, покинувшего укрытие под аркой, — высокого, статного, с крепким телосложением. Немного спустя, свидетель увидел ещё одного, который был старше и слабее первого, также вышедшего из-под арки. Его он смог различить в неверном свете газовой лампы близ стены, молний к тому времени уже не было. Но он был совершенно уверен, что это и был сэр Филипп Дервал.

Он сказал, что только что приехал в город, всего несколько часов назад, ничего не знает в Л**** и во всей Англии, приехал из Соединённых штатов Америки, где жил с самого детства. Он совершил длительное путешествие в Л**** в надежде найти своих дальних родственников, остановился в маленькой гостинице, после чего решил прогуляться по городу и был застигнут ливнем, вынудившим его искать укрытие. Потом он заблудился и не смог отыскать дорогу к своей гостинице. Проплутав в напрасных поисках и не встретив никого в этот поздний час, кто подсказал бы ему путь, он забрёл под портик и проспал два или три часа. Проснувшись на рассвете, он поднялся и снова пытался найти дорогу к гостинице, когда на узкой улочке он увидел двух мужчин. В одном из них он признал высокого человека из тех двоих, чей разговор под аркой подслушал. Кто был другой, он тогда не понял. Высокий показался ему рассерженным и в смятении. Он слышал, как высокий говорил: «Шкатулка. Она будет у меня». Потом ему показалось, что между этими двумя началась борьба. Высокий сбил второго с ног, встал ему на грудь, и в руке его что-то сверкнуло, похожее на стальной инструмент. Он был так напуган, что не мог сдвинуться с места, и, хотя он кричал, ему казалось, что голос его не слышен. Потом он увидел, как высокий поднялся, а другой остался без движения лежать на тротуаре. Через минуту или около того он заметил идущего сюда полицейского и решил удалиться. Он не знал, что было совершено убийство. Это могло быть всего лишь нападением. Это больше его не интересовало. Он был здесь чужестранцем. Он решил, что не стоит в это вмешиваться. Потом он нашёл свою гостиницу. В течение последующих нескольких дней его не было в Л****: он разыскивал своих родственников, покинувших город много лет назад, чтобы поселиться в деревнях по соседству.

Однако его ждало разочарование: никого из его родственников уже не было в живых. Теперь он вернулся в Л****, услышал об убийстве, сомневался, что ему делать, стоит ли во всё это вмешиваться, ему, постороннему человеку, и всё же решил дать ничем не подкреплённые показания. Но за день до дня дачи показаний он, слоняясь по улицам, увидел джентльмена верхом, в котором он немедленно признал человека, являющегося, по его мнению, убийцей сэра Филиппа Дервала. Он осведомился у какого-то прохожего насчёт имени этого молодого человека и услышал в ответ: «Д-р Фенвик». Весь остаток дня он испытывал беспокойство, так как не хотел выдвигать обвинения против человека порядочного и, очевидно, уважаемого. Но совесть не позволила ему спать спокойно этой ночью, и он решил утром идти в суд и чистосердечно признаться.

История была настолько неправдоподобная, что любой другой судья, оказавшись на месте мистера Вигорса, возможно, отверг бы её с пренебрежением. Но мистер Вигорс уже был настроен против меня, и, несомненно, без всякого сожаления подверг меня оскорблению, заподозрив в совершении преступления и немедленно отдав распоряжение обыскать мой дом. Я в это время находился в поместье Дервал. В письменном столе в моём любимом кабинете, который я оставил незапертым, была обнаружена стальная шкатулка и большой нож с ещё заметными пятнами крови на лезвии. После этого меня арестовали. При наличии таких улик и показаний этого странствующего незнакомца я не мог отрицать свою причастность к убийству и был подвергнут тюремному заключению, а допрос отложили до появления новых улик. Я обратился за помощью к мистеру Дживису. К моему удивлению и ужасу, мистер Дживис просил его не беспокоить. Сказал, что его уже нанял мистер Стрехен, чтобы обнаружить и преследовать судебным порядком убийцу сэра Ф. Дервала, и он не может оказывать свои услуги обвиняемому. Из того немногого, что он мне сказал, я сделал вывод, что Стрехен уже встречался с ним и рассказал об исчезновении манускрипта и что Стрехен больше не желает быть моим другом. Тогда я обратился к другому ходатаю, молодому человеку, относящемуся ко мне с уважением. Мистер Стентон (так звали этого адвоката) верил в мою невиновность. Но он предупредил меня, что положение очень серьёзное, и про-

сил меня быть с ним предельно откровенным. Был ли у меня разговор с сэром Филиппом под аркой, как говорит свидетель? Использовал ли я такие или подобные слова? Говорил ли покойный, что я имею зуб против него? Просил ли я шкатулку? Угрожал ли я сэру Филиппу, что он пожалеет? И почему он отказался?

Я почувствовал, что бледнею, когда отвечал: «Да, подобные выражения имели место в моём разговоре с покойным».

Что было причиной моего недовольства? Что находилось в шкатулке, что я так желал обладать ей?

При этих вопросах я пришёл в ужасное замешательство. Что я мог сказать строгому, рассудительному слуге закона? Сказать ему о порошке и парах благовоний, о сцене в музее, рассказе сэра Филиппа, о предполагаемой тождественности молодого Маргрейва и старого Грейла, об эликсире жизни и магии? Я... я рассказываю это, как небылицу! Я... знаменитый противник всякого мистицизма, я... я..., практикующий врач-скептик! Содержала ли рукопись сэра Филиппа что-либо полезное? Работа с описанием невероятных событий? Своими откровениями я рисковал напугать моего ходатая. Но то, *что* он просил меня доверить ему, не было ужасным вымыслом или заблуждением сумасшедшего. Исчезновение рукописи являлось частью ужасающей тайны, окутывавшей всё. Поэтому я отвечал, стараясь говорить спокойно, насколько мог, что я не испытывал недовольства по отношению к сэру Филиппу, которого до этого вечера прежде никогда не видел; что слова, якобы свидетельствующие о моём недоброжелательстве, были необдуманно произнесены сэром Филиппом в нашем споре, касающемся феноменов месмеризма; что шкатулка, которую покойный показал мне в доме мэра, содержала сильнодействующие лекарства; что я просил разрешения изучить эти лекарства и что, когда я сказал, что он пожалеет в своём отказе, я просто имел в виду, что он пожалеет о том, что не разрешил подвергнуть лекарства научным исследованиям.

Мои ответы, казалось, убедили адвоката, но он всё же спросил, как я могу объяснить то, что шкатулка и нож оказались в моей комнате.

— Нет другого объяснения, кроме этого. Окно в моём кабинете, дверь-окно, выходит в переулок, и через него любой мог проникнуть в комнату. И в моих привычках было не только самому пользоваться этой дверью, но и впускать через неё в кабинет всех своих близких знакомых.

— Кого, например?

С минуту я колебался, а потом ответил с важностью, которую не мог сдержать:

— Мистера Маргрейва! Он превосходно знал это место, он знал, что дверь редко запирается в течение дня, он мог войти в любое время. Он мог попросить кого-то или положить сам шкатулку и нож на мой письменный стол, который, как ему было известно, я также никогда не запираю: там не находилось ничего секретного, никакой секретной корреспонденции, главным образом, хирургические инструменты и то, что могло мне пригодиться при проведении экспериментов.

— Мистера Маргрейва! Но вы не можете подозревать его, этого весёлого, очаровательного молодого человека, о котором никто не может сказать ничего плохого, в том, что он взвалил на вас такую вину. Ведь это указывало бы на его причастность к убийству. Тогда, если вас обвинили ошибочно, он, обвинивший вас, — или сам преступник, или соучастник преступления, подстрекатель или исполнитель.

— Мистер Стентон, — твёрдо сказал я после минутной паузы, — я действительно подозреваю, что Маргрейв приложил руку к этому убийству. Сэр Филипп, как только увидел его в доме мэра, выразил по отношению к нему сильное отвращение, ссылаясь на преступления, ранее совершённые им, и пригласил меня к себе в поместье Дервал на следующий день, а вечером было совершено убийство. На Востоке сэр Филипп узнал что-то о Маргрейве, Маргрейв мог бояться разоблачения, не знаю, чего ещё. Это может казаться вам странным, но я убеждён, что этот молодой человек, внешне такой весёлый и беспечный, и есть настоящий преступник, и он каким-то неизвестным мне способом использовал лживого бродягу, чтобы обвинить меня. Мы ничего не знаем о прошлом мистера Маргрейва. О нём также ничего неизвестно и молодому джентльмену, кто впервые представил его здесь обществу. Если вы будете защищать меня, чтобы спасти, вы направите на расследование все свои силы.

Едва я проговорил всё это, как тут же пожалел о своей откровенности, так как выражение лица мистера Стентона резко переменялось и я заметил в нём крайнее недоверие к высказанному мной обвинению и в первое время даже сомнение в моей невиновности. Все поддавались очарованию, исходившему от Маргрейва, и это никого не удивляло. Помимо излучения обаяния от своего радостного присутствия он, казалось, был совершенно свободен от всех заблуждений молодости. Такой весёлый и приятный собеседник, да ещё избегающий вина! Прекрасной наружности, даже больше чем просто прекрасной! Он был любимцем женщин, но при этом не происходило ни одного случая соблазнения или распутства,

пятнающих его имя! Что касается его прошлого, он так искренне признавал себя внебрачным ребёнком, ничтожеством, путешественником, бездельником. Его траты, хотя и расточительные, никогда не выставлялись напоказ. У него не было долгов. А его характер так не походил на характер преступника, что обвинить в убийстве этого очевидно невинного и чудного любимца природы и людей казалось нелепо, так же, как обвинить в преступлении бабочку или щегла.

Однако мистер Стентон почти ничего не сказал и вскоре меня покинул, выразив надежду, что, несмотря на серьёзность улик, моя невиновность будет доказана.

Я очень устал и рано в этот раз погрузился в глубокий сон. Должно быть, было немного за полночь, когда я проснулся, причём совершенно проснулся, вернувшись к жизни и сознанию, так, как я обычно просыпался на рассвете. И увидел на стене напротив своей кровати тот же самый светящийся фантом, что и в кабинете Формана в поместье Дервал. Я читал в скандинавских легендах о призраке, называемом Син-Лека⁹⁶, или светящийся труп. Согласно суеверию северных жителей, он часто посещал места погребения, предсказывал судьбу, смерть. Передо мной было привидение человека, видимое в фосфорическом свете, и оно так соответствовало описанию призрака из скандинавской легенды, что я не могу подобрать ему лучшего названия, чем Син-Лека, светящийся труп.

Он находился передо мной, похожий на труп, но всё же не мёртвый, такой же, как в кабинете колдуна Формана — с фигурой и лицом Маргрейва. Я был смел, с крепкими нервами и сейчас решил бороться с любым впечатлением, которое могло оказать на меня обманутое воображение. То, что поначалу пугает нас, позже перестаёт быть таким ужасным. Поэтому я смело поднялся с кровати и твёрдым шагом направился к фантому. Но когда до него оставалось два шага и я протянул руку, чтобы прикоснуться к нему, моя рука застыла в воздухе, а ноги словно приросли к полу. Я не почувствовал страх, сердце моё билось спокойно, но что-то непобедимое противостояло мне. Я стоял, точно обратившись в камень. А потом с губ фантома сорвался голос, но доносился он, казалось, откуда-то издалека, очень тихий, приглушённый, но, тем не менее, различимый. Я даже не был уверен, что слышу его, не был уверен, что он не доносится до меня откуда-то изнутри.

— Я и только я один могу спасти тебя, — говорил голос. — Я так и сделаю, но при некоторых условиях, простых и лёгких.

— Дьявол или призрак, или просто иллюзия моего мозга, — закричал я, — между тобой и мной не может быть никаких соглашений. Я не выношу твою злобу, я отказываюсь от твоих услуг. Я не принимаю никаких условий, чтобы избежать одного или принять другое.

— Ты можешь дать мне другой ответ, когда я спрошу тебя снова.

Син-Лека стал медленно таять, превратился в бледную тень, а потом исчез. Я радовался ответу, который дал ему. Прошло два дня, прежде чем мистер Стентон снова пришёл ко мне. За это время Син-Лека больше не появлялся. Я собрал всё своё мужество, вооружился здравым смыслом, записал все слабые места обвинения, выдвинутого против меня, и почувствовал себя спокойным от сознания своей невиновности.

Первые несколько слов моего ходатая разбили всё моё мужество. Я страстно желал услышать новости о Лилиан, желал получить весточку от неё, которая подбодрила бы меня и придала мне сил. Поэтому я сразу спросил:

— Мистер Стентон, вы знаете, что я помолвлен с мисс Эшли. Ваша семья знакома с ней. Что она говорит, что думает о немыслимой вине, возложенной на её суженого?

— Вчера вечером я провёл в доме миссис Эшли около двух часов, — ответил мне адвокат. — Она, естественно, хотела видеть меня, человека, вставшего на вашу защиту. Кого, как вы думаете, я там встретил? Того, кто пылко защищал вас, выражал свою уверенность в вашей невиновности и кто убеждён, что настоящий преступник вскоре будет найден. И это был никто иной, как мистер Маргрейв, кого, простите мне мою прямоту, вы так опрометчиво и беспочвенно обвинили.

— О боже! Вы говорите, что его принимают в этом доме, что ему... ему позволено находиться в её присутствии?

⁹⁶ Син-Лека — призрачный дубликат.

У Блаватской можно встретить упоминание о Син-Леке: «Чудо отражения... происходит, когда удар, нацеленный на духа, видимого или невидимого и принадлежащего отсутствующему живому лицу, или удар, нацеленный на призрак того лица, которое он представляет, попадает в самого этого живого человека, в то же время и в то же место, куда удар был нацелен! Поэтому мы должны думать, что это отражение, как бы отскакивающее от изображения живого человека — его призрачного дубликата (Син Лека) — повторяется на своём физическом носителе, человеке из плоти и крови, где бы он ни находился» [44, стр. 503].

— Сэр, откуда это незаслуженное предубеждение против доброго друга? Обвинение против вас, ставшее известным в городе, поразило и шокировало его. И он, как ваш друг, пришёл к миссис Эшли и был представлен ей мисс Брабазон. Мистер Маргрейв был так добр, что...

— Хватит! — воскликнул я. — Хватит!

Взволнованный и разгневанный, я расхаживал по комнате, и напрасно адвокат пытался меня успокоить. Наконец, я внезапно остановился:

— Хорошо, и вы видели мисс Эшли? Что она просила передать мне, её жениху?

Мистер Стентон выглядел смущённым.

— Что передать... Поймите, сэр, положение мисс Эшли, деликатность и ... и...

— Я понимаю, ничего, ни слова, от молодой девушки, порядочной девушки, человеку, обвинённому в убийстве.

Некоторое время мистер Стентон молчал, а потом тихо произнёс:

— Давайте сменим тему, давайте подумаем о том, что сейчас должно интересовать нас в большей степени. Я вижу, вы делаете какие-то записи. Могу я взглянуть на них?

Я успокоился и сел.

— Этот обвинитель! Были ли о нём наведены справки? Он приезжает, говорит, что из Америки. На каком корабле? В каком порту он высадился на берег? Есть ли какие-либо свидетельства, подтверждающие его рассказ о том, что он пытался найти родственников, есть ли сведения о гостинице, в которой он тогда остановился и дорогу к которой не мог отыскать?

— Ваши вопросы разумны, д-р Фенвик. Я их предвидел. Правда — то, что этот человек остановился в небольшой гостинице с названием «Восход солнца». Он действительно наводил справки о некоторых своих родственниках по фамилии Уолс, которые первоначально жили в Л****, но впоследствии переселились в деревню за десять миль отсюда. Это были два его брата, мелкие торговцы, но порядочные люди. Сразу он не захотел говорить, в каком порту высадился и на каком корабле приплыл. Я подозреваю, что потом он солгал, отвечая на эти вопросы. Я послал в Саутгемптон своего помощника, поскольку именно там, как он говорит, он сошёл на берег. Мы разберёмся: он сейчас задержан и также находится под арестом. Я слышал, что он странный и легко возбудимый, но, по возможности, старается не шуметь. Похоже, у него дурной характер. Возможно, он был ранее судим, и это та причина, по которой он долго уклонялся от дачи показаний и с тех пор неохотно говорит о себе. Но даже если его свидетельства будут опровергнуты и потеряют силу, нам всё равно придётся объяснять, как шкатулка и нож оказались в вашем столе. Из предположения, что в ваше отсутствие некий человек вошёл в кабинет и оставил в столе улики против вас, ясно, что этому человеку был хорошо знаком ваш дом, и, следовательно, этим человеком не может быть незнакомец, появившийся в Л****.

— Конечно, нет. Этим человеком был Маргрейв!

— Снова мистер Маргрейв! О сэр!

Я поднялся с нетерпеливым жестом. Я не мог позволить себе говорить. Этой ночью я не спал. С нетерпением, пристально я смотрел на стену напротив в ожидании свечения Син-Леки. Ночь прошла, но привидение так и не появилось.

ГЛАВА 41

На следующий день адвокат пришёл ко мне с неким подобием улыбки на губах. Он принёс записку от миссис Эшли, несколько строк, написанных карандашом. Они выражали доброжелательность и призывали меня сохранять хорошее настроение. Миссис Эшли писала, что не верит в мою вину, что Лилиан держится, на удивление, прекрасно и для них обеих необыкновенным утешением являются визиты мистера Маргрейва, моего друга, так близко знакомого со мной, который так смело опровергает чудовищную клевету, заставляющую меня сейчас страдать!

Адвокат снова видел Маргрейва, видел его в их доме. Кажется, Маргрейв почти поселился там!

На протяжении всего визита мистера Стентона я оставался угрюмым и молчаливым. Я снова с нетерпением ждал ночи. Ночь наступила. Я услышал, как где-то часы пробили двенадцать, когда леденящий ветер снова коснулся моих волос и на противоположной стене появилась светящаяся Тень.

— Ты подумал? — снова издали прошептал голос. — Я повторяю, только я могу спасти тебя.

— А среди твоих условий нет ли такого, что я должен отдать тебе женщину, которую люблю?

— Нет.

— Не должен ли я совершить какое-то преступление... преступление, возможно, такое же ужасное, как и то, в котором меня обвиняют?

— Нет.

— В таком случае я принимаю твои условия, но в то же время предлагаю одно условие со своей стороны.

— Говори своё условие.

— Я прошу тебя покинуть этот город. Я прошу тебя, между тем, прекратить визиты в дом, где живёт женщина, помолвленная со мной.

— Я прекращу эти визиты. И вскоре покину город.

— Тогда сейчас говори, что ты просишь у меня. Я готов принять твои условия. И не из страха за себя, а потому что я боюсь за чистоту и невинность существа, которое находится под воздействием твоего беспощадного обаяния. Ты имеешь власть надо мной. Ты управляешь мной, используя мою любовь к другому человеку. Говори.

— Мои условия просты. Ты обещаешь прекратить обвинять меня в чём бы то ни было. Когда встретишь меня в моём обычном теле, ты не станешь упоминать о том, что заметил моё сходство с Тенью. Тебя пригласят в дом, где я также могу быть принят как гость. Ты придёшь, там встретишь меня и будешь разговаривать со мной как гость с гостем в доме хозяина.

— Это всё?

— Это всё.

— Тогда я обещаю. И ты сдержи своё слово.

— Не бойся, спи спокойно с уверенностью, что тебя скоро освободят.

Тень начала таять и постепенно исчезла. Темнота окутала всё, и я погрузился в спокойный, глубокий сон.

На следующий день мистер Стентон снова навестил меня. Этим утром он получил записку от мистера Маргрейва, в которой тот сообщал, что уехал из Л****, чтобы вести самому уже начатое им с чьей-то помощью расследование, касающееся человека, давшего показания против меня, и, если его надежды оправдаются, он рассчитывает доказать мою невинность и осудить настоящего убийцу сэра Филиппа Дервала. Для своего расследования он взял себе в помощники полицейского Уоби, который был мне благодарен за то, что я сохранил жизнь его сестре, и поэтому выразил сильное желание быть мне полезным.

Между тем, моим самым беспощадным противником оставался мой старый приятель по университету, Ричард Стрехен. Дживис распространил повсюду обвинение Стрехена в исчезновении рукописи, которая была мне доверена. И это сильно повредило мне в глазах общества, поскольку давало основание думать, что рукопись и есть мотив якобы совершённого мной преступления. Первым к этой мысли пришёл мистер Вигорс. Известны случаи, когда люди, чья жизнь прежде была безупречной, шли на преступления, и потом казалось, что их напрасно оклеветали. В Испании некий аскет убил и ограбил путешественника, чтобы купить книги, — книги, написанные отцами его церкви! Он намеревался разрешить проблему теологического характера. Во Франции антиквар, которого уважали не столько за его ум, сколько за дружелюбие и кроткий нрав, убил своего самого близкого друга, чтобы завладеть медалью, без которой его коллекция была неполной. Эти и подобные истории, показывающие, как губительное, сильное желание может заглушить голос совести, повсеместно распространялись мстительным сторонником д-ра Ллойда. И из этих историй многие легковверные сделали соответствующий вывод, направив его против меня, поверхностно судя, но желая показать, как глубоко они понимают ситуацию.

Все знали, что я люблю научные эксперименты, особенно в области химии. Все знали, с каким рвением я люблю исследовать любое новое изобретение. Стрехен, подхватив эту фантастическую гипотезу судьи, рассказывал повсюду о моей всепоглощающей страсти к анализу и открытиям, которой я отличался, ещё будучи студентом, и с помощью которой добился той репутации, что была у меня сейчас.

Не только по слухам, но и по словам слуги, сэр Филипп Дервал за время путешествий узнал много тайн в естественных науках, особенно тех, которые связаны с целительством. Огромное значение его слуга приписывал необыкновенным лекарствам, хранившимся в стальной шкатулке. Без сомнения, сэр Филипп, нахваливая в нашем с ним разговоре свои лекарства, возбудил моё любопытство и разжёл моё воображение. И поэтому позже, когда я внезапно встретил его в уединённом месте, рассудок изменил мне, и я обезумел, поддавшись своему любопытству и алчности.

Все эти предположения, сведённые в систему, подкреплялись обвинением Стрехена, что я «избавил» его от рукописи, предположительно содержащей объяснения способов лечения, которые применял сэр Филипп, и пытался скрыть своё воровство с помощью неправдоподобной истории, рассказать которую человек с моей репутацией никогда бы не осмелился, будь он в здравом уме. Я видел, как вокруг

меня разрослась паутина враждебных предубеждений и нелепых слухов. И как мог Маргрейв разорвать эту паутину? Не знаю почему, но я верил его обещанию, верил в его силу. И ещё: моя тревога о Лилиан была так велика, что от радости, что Маргрейв, по крайней мере, не станет больше находиться в её присутствии и что я получил его обещание покинуть город, в котором она жила, я почти забыл о надежде, что моя невиновность будет доказана.

Так час проходил за часом до тех пор, пока, кажется, на третий день с той ночи, когда я в последний раз видел таинственную Тень, дверь поспешно не распахнулась и на пороге передо мной не предстала смущённая группа людей — управляющий тюрьмы, полицейский, мистер Стентон и другие знакомые лица, сторонившиеся меня со времени моего тюремного заключения. С первого взгляда на них я понял, что не нахожусь больше вне закона, за рамками человеческой дружбы. До сих пор, находясь в одиночестве и испытывая беспокойство, я держался с гордостью, сурово, но теперь, когда я почувствовал тёплое рукопожатие, услышал радостные голоса, произносящие поздравления, увидел в глазах всех, что моя невиновность доказана, произошедшие изменения оказались для меня слишком внезапными, комната закружилась передо мной, и я потерял сознание. Я попытаюсь вкратце написать здесь объяснения, которые посыпались на меня, как только я пришёл в себя, и которые были публично оглашены в суде на следующее утро. Я был обязан всему Маргрейву. Казалось, он растолковал то самое предположение, которое вызвало обо мне столько слухов. «Согласно этому предположению, — сказал он, — считается, что Фенвик совершил преступление, в котором его обвиняют. Оно основано на вероятности, что только сумасшедший мог совершить преступление, не имея к этому адекватного побуждения. Но, кажется, совершенно ясно, что обвиняемый — не сумасшедший. И у меня есть причина подозревать, что сумасшедший — обвинитель». Сделав это заключение на основе его манер и поведения после того, как он был взят под стражу, Маргрейв поручил полицейскому Уоби навести справки в деревне, в которой, как настаивал обвинитель, должны были жить разыскиваемые им родственники. И Уоби нашёл там тех, кто слышал о двух братьях по фамилии Уолс, живших на доходы от мелкого магазинчика, который они держали, а также, и в основном, на доходы от кое-какой собственности, переданной им, как ближайшим родственникам помешанного, которого однажды уже судили. После этого Маргрейв изучил объявления в ежедневных газетах. Одно из них, сообщающее об опасном маньяке, сбежавшем из психиатрической больницы на западе Англии, привлекло его внимание. В эту больницу он и отправился.

Там он узнал, что пациент, о котором писали, имел склонность совершать убийства и был помещён пожизненно в эту самую клинику за убийство. По описанию пациент точно соответствовал мнимому американцу. Заведующий больницей, услышав от Маргрейва все подробности, выразил твёрдое убеждение, что свидетель и есть сбежавший пациент и что он и совершил преступление, в котором обвинил другого. И, если это на самом деле так, заведующий обещал вытянуть из него признание в содеянном. Подобно многим другим сумасшедшим, а не только тем, кто имеет склонность убивать, сбежавший маньяк был чрезвычайно хитрым, вероломным, скрытным, изворотливым, имеющим привычку обманывать, ловким настолько, что вполне мог достичь своей цели и свалить вину на другого. Но, хотя при обычном разговоре он казался достаточно рассудительным тем, кто не знал его, иногда он начинал бредить и тогда мог выдать себя, радоваться любому преступлению, планируемому или уже совершённом. Он был уверен, что заключил сделку с сатаной, который в обмен на его полное послушание поможет ему остаться невредимым и в результате дарует ему могущественную власть и влияние. И это вполне обычное убеждение маньяков-убийц — считать, что они находятся под воздействием зла, или одержимы дьяволом. Убийцы находят единственное объяснение своим преступлениям, и оно заключается в том, что дьявол вселился в них и подтолкнул к убийству. И ничто так не объединяет убийц и сумасшедших, как чувство самоуважения. Маньяк готов солгать в своих волосах называть короной. Подобное чрезмерное высокомерие характеризует психические отклонения, с которыми мне приходилось сталкиваться в своей практике, и эти отклонения, являющиеся несомненным признаком безумия, появляются в больном задолго до того, как его болезнь откроется его ближайшим родственникам.

Болезненное чувство самоуважения, таким образом, породило страшную иллюзию, под влияние которой попал описываемый мной человек. Он гордился тем, что является слугой Падшего Ангела и находится под его покровительством. И если это самоуважение ловко направлялось в соответствующее русло, он испытывал радость от совершаемого им зла, как будто бы это являлось какой-то особенной привилегией. После этого он мог весело хвастаться тем, что большинство циничных преступников, чей рассудок ещё не помутился, стараются держать в тайне. Он мог выдать себя во всей своей уродливости с добродушным и искренним самолюбованием, как какой-нибудь тщеславный, самодовольный человек, выставляющий напоказ своё дружелюбие и добрые дела.

— Если этот человек, — сказал заведующий, — окажется тем пациентом, что сбежал от меня, и если свою склонность убивать он проявил по отношению к погибшему, то мне не придётся провести с ним дольше четверти часа до того момента, как он расскажет мне, как это произошло и как ему удалось обвинить другого в своём преступлении. И расскажет он это с такими подробностями, как ребёнок рассказывает о подвиге какого-нибудь школьника, рассчитывая на ваше одобрение.

Маргрейв привёз этого джентльмена в Л****, привёл к мэру, который был одним из моих сторонников. И мэр имел достаточное влияние, чтобы распорядиться и уладить всё остальное. Заведующего провели в камеру, где содержали мнимого американца. При этом он выразил желание, чтобы вместе с ним были ещё несколько свидетелей. Маргрейв отказался пойти с ним: совершенно искренне он сказал, что он мой слишком близкий друг, чтобы быть беспристрастным слушателем того, что имеет ко мне такое непосредственное отношение.

Заведующий убедился в своих подозрениях и сдержал своё обещание. Мой лживый обвинитель оказался тем самым беглецом. Этот человек по имени д-р ****, не выражая ни малейшего ужаса, а, скорее, со снисходительностью, уже через несколько минут начал рассказывать свою историю, с внутренним самодовольством от своего посредничества, которое его возвеличивало, как он, вероятно, думал, повествуя о своей ловкости. И рассказ его был ужасен.

Он говорил о своём побеге, который был крайне изобретательным. Но его подробности меня не интересовали, я их не запомнил и не буду здесь пересказывать. Он повстречал по дороге моряка-путешественника, камнем сбил его с ног, украл у него головной убор и бушлат, а также небольшую сумму денег мелочью, которая в дальнейшем пригодилась ему, чтобы оплатить проезд в поезде, увёзшем его за восемьдесят миль от больницы. В кармане у него ещё оставалось немного денег. Потом он пошёл пешком по шоссе, пока не добрался до города, расположенного примерно в двадцати милях от Л****. Здесь он остановился на пару дней, и здесь, по его словам, дьявол сказал ему, чтобы он купил нож. Что он и сделал. По этому приказанию он понял, что дьявол повелел ему сделать что-то значительное. Хозяин, как называл он злого духа, указал ему дорогу. Он прибыл в Л****, остановился, как он правдиво рассказал прежде, в маленькой гостинице, скитался ночью вокруг города, был застигнут внезапным ливнем, нашёл укрытие под монастырской аркой, подслушал мой разговор с сэром Филиппом, узнал больше того, что рассказал под присягой. Он услышал достаточно, и шкатулка вызвала его любопытство. Пока он слушал, Хозяин сказал ему, что он должен завладеть этой шкатулкой. Сэр Филипп покинул арку почти сразу после меня, и беглец тогда бы и напал на него, если бы не заметил поблизости полицейского. Он последовал за сэром Филиппом к дому мистера Дживиса. Хозяин приказал ему дожидаться и наблюдать. Он так и сделал. Когда сэр Филипп вышел, ближе к рассвету, он последовал за ним, увидел, что он входит в узкий переулок, подошёл к нему, схватил его за руку и потребовал всё, что было у него при себе. Сэр Филипп пытался отбиться от него. Я избавлю читателя от дальнейших подробностей. Было совершено убийство. Он украл у покойного шкатулку и кошелек, обнаружив их в карманах. Едва он это сделал, как послышались шаги. Времени ему хватило только на то, чтобы укрыться за портиком дома, отдельно стоящего на углу улицы, и тут подошёл я. Из своего укрытия он наблюдал за моим коротким разговором с полицейскими и, когда они пошли прочь, унося тело, ускользнул незамеченным. По дороге к гостинице ему в голову пришла мысль, что будет безопаснее избавиться от шкатулки и кошелька. Он спросил у своего Хозяина, как это сделать. И тот проводил его в открытый двор (у дома каменщика), находившийся совсем близко от гостиницы. В этом дворе рос старый вяз, истощивший землю своими сучковатыми корнями, весь в трещинах и дуплах. В одном из них он и оставил шкатулку и кошелек, взяв из него только пару соверенов и немного денег серебром. А потом присыпал тайник землёй. После этого он отправился в свою гостиницу, а утром покинул её под предлогом, что ему нужно разыскать своих родственников, действительно приходившихся ему родственниками, но о смерти которых он узнал уже много лет назад. Через несколько дней он вернулся в Л**** и глухой ночью отправился забрать шкатулку и деньги. Он нашёл кошелек со всем содержимым нетронутым, но крышка шкатулки оказалась открытой. Когда он прятал всё, ему казалось, что она плотно закрыта. Это его встревожило, не приходил ли кто сюда. Но его Хозяин прошептал ему, чтобы он не придавал этому значения, сказал, что теперь можно взять шкатулку и он скажет, что с ней делать. Он так и сделал, но, откинув крышку, обнаружил, что шкатулка пуста. Он забрал остаток денег из кошелька, но сам кошелек не взял, так как на нём был герб и инициалы, которые могли выдать случившееся. Поэтому он оставил его в дупле среди корней, как и прежде, присыпав землёй. В течение дня он слышал в гостинице, что люди говорили об убийстве, и его первым желанием было немедленно покинуть город. Но Хозяин наделил его достаточной мудростью, чтобы этого не делать, и заставил его остаться. Проходя по улице, он увидел, что я выхожу через дверь-окно, иду во двор конюшни, расположенный с другой стороны до-

ма, сажусь верхом и уезжаю. Он заметил, что дверь-окно осталась незапертой, вошёл в комнату и увидел, что она пуста. Он увидел, что напротив дома — только глухая стена. Место было уединённым, незаметным. Хозяин внушил ему тихо приподнять окно, войти в комнату и оставить нож и шкатулку в большом письменном столе орехового дерева, который стоял незапертым около окна. Всё, что произошло позже, — его встреча с мистером Вигорсом, показания против меня, рассказ о себе, — было продиктовано тем же Хозяином, который остался им очень доволен и обещал, что он будет в безопасности. И, рассказав всё это, он повернулся с отвратительной улыбкой, как бы ища одобрения своей исключительной ловкости и уважения к своему делу.

Мистер Дживис имел любопытство поинтересоваться, как, в какой форме злой дух являлся к рассказчику и передавал свои дьявольские поручения. Тот поначалу отказывался отвечать, но мало-помалу из него вытянули, что демон не имел постоянного и неизменного облика: иногда он являлся в виде крысы, иногда — в виде листа или дерева, или ржавого гвоздя. Но всегда голос его Хозяина звучал отчётливо, какую бы форму он ни принимал. Но теперь, продолжал беглец, придавая своим словам огромное значение, с тех пор, как он покинул больницу, его Хозяин снизошёл до того, что стал являться ему в более приятной форме, производящей сильное впечатление, — в виде прекрасного юноши, или точнее, в виде сияющей розовой тени, в которой были различимы черты молодого человека. А его голос теперь звучал отчётливее, чем раньше, но тише, и доносился как будто бы издалека.

После этих признаний беглец внезапно потерял спокойствие. Он дрожал всем телом от ужаса, кричал, что выдал тайну своего Хозяина, который предупреждал его, чтобы он не описывал его появления и способ взаимодействия, не то в противном случае он подвергнет его мучениям. А потом маньяк пришёл в ярость: его ужасающая склонность дала о себе знать. Он вскочил среди своих напуганных слушателей, схватил мистера Вигорса за горло и задушил бы его, если бы вовремя не подоспели заведующий больницей и его спутники. На него, находящегося в бешенстве, выкрикивающего бессвязные слова, надели смирительную рубашку и связали его. Немедленно было дано распоряжение найти улики, которые могли бы подтвердить подробности рассказа маньяка. Кошелёк, принадлежавший сэру Филиппу, опознанный камердинером покойного, обнаружили закопанным под вязом. Полицейский отправился спешно в город, где, по словам маньяка, тот купил нож, и вернулся назад с известием, что продавец опознал показанный ему нож и сказал, что точно помнит, что продавал такой нож моряку. Сквозь щель полуоткрытой двери, в стене напротив моей двери-окна, служанка, наблюдавшая за своим возлюбленным (плотником, который проходил по этой дороге, идя домой обедать), видела убийцу, когда он выходил из моего окна, в то самое время, которое соответствовало его собственному рассказу. Убийца её не заметил, а она тогда ничего не знала об убийстве. Это мог быть пациент или кто-то, кто зашёл ко мне по делам. Она не знала, что меня не было дома. Единственное, что оставалось ещё не выясненным, — это то, как шкатулка оказалась открытой, как исчезло её содержимое. Замок был, несомненно, сломан. Никто, однако, не мог предположить, что какое-то третье лицо обнаружило тайник, взломало шкатулку, чтобы извлечь всё из неё, и снова спрятало её. Единственным правдоподобным предположением было то, что сам маньяк взломал шкатулку и, найдя её содержимое бесполезным, выбросил его, прежде чем спрятал шкатулку и кошелёк, а потом из-за беспорядка своих мыслей забыл об этом. Кто мог предположить, что каждое слово в рассказе сумасшедшего имело огромное значение? Короче, этому моменту не придали большого значения. В общем, меня освободили, и компания, пришедшая ко мне, сопровождала меня до двери и дальше во двор, меня, вернувшего себе незапятнанную репутацию. Это была триумфальная процессия. Популярность, которую я имел раньше, ослабевшая за время ужасного обвинения против меня, теперь вернулась ко мне в десятикратном размере как выражение сердечного раскаяния за минутное сомнение. Один человек разделил со мной расположение общества — юноша, чья проницательность избавила меня от опасностей и пролила свет истины на столь ужасающую тайну. Но Маргрейв уклонился от поздравлений и комплиментов: он отправился с визитом к Стрехену, в поместье Дервал.

Наконец, я был в собственном доме, в безопасности. О чём же я думал? Главной моей мыслью была мысль о словах сумасшедшего, заставлявших меня содрогаться: его подтолкнула к убийству и ко всем последующим действиям сияющая тень юноши — Син-Лека, которому я был обязан своим избавлением. Если верить сэру Филиппу Дервалу, Маргрейв обладал силой, основанной на обрывочных знаниях, полученных в прежнем существовании, которая развратила его ум. И не было другой подобной силы, способной разрушить его замыслы или заставить его предстать перед законом за свои преступления. Он мог влиять на сознание других людей, чтобы достичь своих ужасных целей, и гарантированно достигал их через посредников, если не мог справиться самостоятельно.

Но ради какой цели я был подвергнут, как жертва, влияниям, находящимся выше моего понимания; ради чего я был подвергнут этой роковой необходимости? В классических легендах какой-нибудь благородный мученик подвергается воздействию нечеловеческих сил. Он расплачивается за преступление, совершённое им самим или его предками, или стойко переносит за своё самонадеянное желание быть равным богам таинственные бедствия, которые только богами и могли быть ниспосланы. Но я, не являющийся потомком ни Пелопа, ни Эдипа, хвастающего мудростью и умеющего разгадывать загадки Сфинкса; я, так мало знающий о собственном происхождении, — что я совершил такого, что меня выбрали из множества людей, чтобы подвергнуть испытаниям и посещениям из мира теней, мира призраков и колдунов? Было бы совершенным абсурдом предположить, что проклятие д-ра Ллойда перед смертью могло оказаться пророческим и повлиять на мою судьбу, или что само Провидение благословило обман месмеристов и за насмешку над ним наказало появлением сверхъестественных существ. Здесь не было никакой связи между причиной и следствием, которой легенда обычно пытается оправдать свой вымысел. Из всех живущих людей я, лишённый воображения последователь сухой науки, должен бы стать последним, кто превратился бы в игрушку колдовства, увлечение которым неохотно прощается поэтическим натурам, но которое наукой не принимается как заплесневелый хлам суеверия.

Не пытаюсь больше разгадать неразрешимые загадки, я обратился своими напряжёнными и унылыми мыслями к образу Лилиан. Я радовался, хотя и не без ужаса, что таинственным образом данное мне обещание уже выполнено: Маргрейв покинул город, и Лилиан больше не находилась под влиянием его ужасного обаяния. Но интуиция подсказывала мне, что это его обаяние уже неблагоприятно сказалось на моей надежде на счастье. Лилиан разлюбила меня. Иначе невозможно объяснить то, что она, всегда восхищающая меня своей преданностью, которая более или менее неотделима от романтичности юности, ни разу не передала мне ни одного слова утешения во время моих мучений и судебных разбирательств. Что она, такая послушная и нежная в наш последний вечер встречи, пренебрегла моим важным предупреждением и познакомилась с Маргрейвом, да ещё так близко, и к тому же в то самое время, когда мне и без того было нелегко, и своим отношением ко мне бросила тень на мою честь! Нет, её сердце, должно быть, совсем отвернулось от меня. Она совершенно изменилась. Союз между нами стал невозможен. Моя же любовь к ней не изменилась, и, возможно, из сострадания стала более нежной. Но гордость моя была уязвлена, а сердце ранено. Моя любовь не была рабской. Я довольствовался мыслью, что она, по крайней мере, спасена от Маргрейва. Её жизнь, связанная с его жизнью! — предположение отвратительное и ужасное! — она была спасена от этой судьбы. Позже она должна будет прийти в себя после оказанного на неё воздействия. У неё может появиться новая привязанность. Но любовь, однажды ушедшая, уже никогда не вернётся. А для меня её любовь была потеряна. Я только должен был освободить её от помолвки, от наших обязательств. Она, должно быть, ждала этого освобождения.

Мрачный, но непоколебимый в своих размышлениях и сделанных заключениях, я подошёл к дому миссис Эшли.

ГЛАВА 42

Уже смеркалось, когда я вошёл, по привычке без приглашения, в тихую гостиную, где ожидал встретить миссис Эшли и Лилиан. Но Лилиан была там одна, она сидела у открытого окна, её руки, скрещенные, поникшие, лежали у неё на коленях, а глаза были устремлены в темнеющее летнее небо, на котором только что показалась яркая вечерняя звезда рядом с бледным серпом луны, еле различимым и не дававшим света.

Представьте, какую встречу ожидает влюблённый от своей суженой, когда входит к ней, преодолев ужасные опасности, снова возвращаясь к жизни, и вы поймёте, какая боль сковала моё сердце, как застыла кровь, когда Лилиан, повернувшись ко мне, не поднялась, не произнесла ни слова и смотрела на меня безучастно, как на какого-нибудь ненужного незнакомца. И... и... но не важно. Я не могу вспомнить об этом даже сейчас, по прошествии стольких лет! Я сел подле неё и взял её за руку, не сжимая. Она оставалась вялой, безжизненной в моей руке. Я отпустил её, горько вздыхая.

— Лилиан, — тихо произнёс я, — ты не любишь меня больше. Разве это не так?

Она подняла на меня глаза, взглянула печально, провела рукой по своему лбу, а потом ответила странным голосом:

— Я когда-то любила тебя? Что ты имеешь в виду?

— Лилиан, Лилиан, очнись. Не находишься ли ты под неким заклятьем, влияние которого ты не можешь ни описать, ни объяснить?

Она молчала мгновение, прежде чем тихо произнести:

— Нет! Я снова спрашиваю тебя, о чём ты?
— О чём я? Ты забыла, что мы помолвлены? Ты забыла, как часто и ещё совсем недавно мы обменивались клятвами любви и верности?
— Нет, я не забыла, но я, должно быть, обманула тебя и себя...
— Так, значит, правда, что ты больше не любишь меня?
— Я так думаю.
— Но, о Лилиан, значит ли это, что твоё сердце закрыто только для меня, или оно — ответь мне искренне — отдано другому, ему... ему, от кого я оберегал тебя, кого умолял не знать? Скажи мне, по крайней мере, что твоё сердце не принадлежит Маргрейву...
— Ему! Любить его! О нет... нет...
— Тогда что же ты к нему испытываешь?
Лицо Лилиан стало заметно бледнее, даже при тусклом свете.
— Я не знаю, — ответила она почти шёпотом. — Отчасти ужас, отчасти...
— Что?
— Отвращение! — сказала она почти с ненавистью и поднялась со своего места, сильно дрожа.
— Если так, — произнёс я нежно, — тебе не нужно печалиться, потому что ты его никогда больше не увидишь.

— Нет, я увижу его, — прошептала печально Лилиан и снова опустилась на свой стул.
— Не думаю, — возразил я, — и надеюсь, что этого не случится. А теперь слушай меня внимательно, Лилиан. Для меня достаточно было узнать от тебя самой, что твоя любовь ко мне прошла. Я освобождаю тебя от твоего обещания. Если спросят, почему мы не вместе, хотя собирались соединить наши жизни в одну, ты можешь ответить, если пожелаешь, что не можешь быть вместе с человеком, который был подвергнут тюремному заключению, пусть даже это было всего лишь ложным обвинением. Если же ты считаешь это объяснение плохим, мы попросим твою маму найти лучшее. Прощай! Но я всё же счастлив, счастлив услышать, что ты не любишь человека, от которого я хочу уберечь тебя ещё сильнее, чем раньше! Ты не дашь мне свою руку на прощание? Не высказал ли я твоё собственное желание?

Она отвернулась от меня и молча протянула мне руку. Я молча взял её за руку, и мои чувства буквально задушили меня. Малейший признак раскаяния, нежелания разрыва с её стороны, и я упал бы перед ней на колени и закричал: «Не позволяй нам разрывать союз, который наши клятвы сделали нерушимым. Забудь о том, что я говорил! Забудь слова моего разбитого сердца! Ты не могла меня разлюбить!» Но в ней не проявилось ни малейшего смягчения, и я со стоном вышел из комнаты.

ГЛАВА 43

Я уже вышел из сада, когда почувствовал, что чья-то рука обняла меня, мою щёку поцеловали, и она стала мокрой от слёз. Лилиан? Увы, нет! Послышался голос её матери, который в перерывах между смехом и слезами восклицал истерически:

— Какая радость видеть вас снова на пороге нашего дома! Я только что вернулась от вас, я ходила к вам, чтобы поздравить и поговорить с вами о Лилиан. Вы видели её?

— Да, но я только что оставил её. Пойдёмте.

Я увлёк миссис Эшли обратно в сад, по старой извилистой тропинке, скрытой от дома кустами. Мы сели там, где я часто сидел с Лилиан, между домом и Стеной Монаха. Я рассказал матери, что произошло между мной и её дочерью. Я не выражал недовольства по поводу холодности Лилиан и её перемены, не намекал на их причину.

— Девушки в её возрасте меняются, — говорил я, — и всё, что нам сейчас остаётся сделать, — так это сочинить историю для наших любопытных соседей, в которой обвинить во всём меня. Мужчине это сильно не повредит и не помешает занять своё место в обществе, несмотря на злые языки. Но для женщины всё совсем по-другому: то, что вокруг мужчины может быть только сплетней, вокруг неё обернётся скандалом.

— Не будьте опрометчивым, мой дорогой Ален, — сказала миссис Эшли в страшном утомлении. — Я чувствую то же, что и вы. Я вас понимаю, и на вашем месте я поступила бы так же. Я не могу винить вас. Лилиан меняется, и меняется необъяснимо. Но я уверена, что эти изменения только внешние и что её сердце по-прежнему принадлежит вам, так же всецело и верно, как и раньше. Потом, когда она придёт в себя после этого странного, неясного оцепенения и апатии, она с отчаянием поймёт, что вы от неё отказались.

— Я от неё не отказывался, — раздражённо ответил я. — Я только предоставил ей свободу выбора. Но хватит об этом. Объясните мне более подробно перемену в своей дочери, которая, как я могу судить по вашим словам, ещё не потеряна для меня.

— Я хотела поговорить об этом с вами до того, как вы увидели её, и поэтому пошла к вам домой. В то утро, когда мы возвращались от её тётки, я впервые заметила какую-то странность в её взгляде и поведении. Она казалась такой отсутствующей и рассеянной, что я несколько раз просила рассказать мне, что так её омрачает. Но мне не удалось узнать ничего, кроме того, что ей приснился смутный сон, который она не может отчётливо вспомнить, чтобы передать, но что она уверена, что он предвещает несчастье. Во время поездки она постепенно пришла в себя, и мысль о том, что она снова увидит вас, радовала её. Вечером мы приехали. Что произошло между вами, вы прекрасно знаете. Вы выразили недовольство по поводу того, что она пренебрегла вашей просьбой избегать знакомства с мистером Маргрейвом. Не знаю, было ли ваше желание благоразумным или нет, но я удивилась, что Лилиан не решалась подчиниться ему. Я говорила с ней об этом после вашего ухода, и она горько плакала от мысли, что рассердила вас.

— Она плакала! Вы меня изумляете. Тем не менее, какое письмо от неё я получил на следующий день!

— На следующий день перемена в ней стала для меня более заметной. Она сказала мне взволнованно, что она убеждена, что не может выйти за вас. А на следующий день я узнала о вашем заключении в тюрьму, но не осмеливалась рассказать ей. Я пошла к мэру, нашему другу, за советом, что говорить, что делать, и узнала лучше, чем от ужасно напуганных слуг, подробности этой страшной истории. Когда я вернулась, я обнаружила, к своему удивлению, в гостиной постороннего человека, это был мистер Маргрейв. Мисс Брабазон привела его по его просьбе. Лилиан также была в комнате, и моё удивление возросло ещё больше, когда она сказала мне со странной улыбкой, бессмысленной, но спокойной: «Я всё знаю об Алене Фенвике. Мистер Маргрейв рассказал мне. Он друг Алена. Он говорит, что нет причины для страха». Он извинился передо мной за своё вторжение в такой ласковой, приятной манере, как если бы он был членом семьи. Он сказал, что настолько близок с вами, что посчитал, что будет лучше, если он сообщит о случившемся мисс Эшли, ведь она может узнать об этом от других, а он единственный человек в городе, который находит это обвинение нелепым. Вам известно удивительное обаяние, исходящее от поведения этого молодого человека. Я не могу объяснить вам, как это произошло, но временами я обращалась с ним так, как если бы он был братом Лилиан. Короче, придя однажды, он стал приходить постоянно. За два дня до того, как вы уехали в поместье Дервал, он переехал из своей гостиницы в комнаты в доме мистера *****, что напротив. С нашей террасы мы могли видеть его на балконе, он мог улыбаться нам, встречаться с нами случайно. Я сделала ошибку, проигнорировав ваше запрещение и позволив сделать это Лилиан. Я ничего не могла с этим поделать, мне было так спокойно с ним и ей тоже, в её горе. У него одного не было печальных слов, не было выражения тоски на лице. Он один был неизменно жизнерадостен. Он сказал: «Через день-другой всё будет хорошо».

— И Лилиан не могла только восхищаться этим молодым человеком. Он так прекрасен.

— Прекрасен? Ну, возможно. Но если вы ревнуете, то ещё никогда вы так глубоко не ошибались. Лилиан, я уверена, он не просто неприятен. Он внушает ей отвращение и ужас. Я признаю, что мне он нравится своим сумасбродством, радостностью, беспечностью и безобидностью, но не думайте, что я лгу вам, если говорю, что мистер Маргрейв — не тот человек, который может заставить девушку изменить вам, изменить любимому с ним. Он может быть всеобщим любимцем, я допускаю. Но есть в нём что-то, что не позволяет расположению и восхищению перерасти в любовь. Я не знаю, почему, возможно, потому, что при всём своём добродушии он так погружён в себя, так эгоистичен и непостоянен. Не будь он настолько умным, я бы сказала, что он легкомысленный. Он не может вызывать любовь и не может серьёзно и искренне сказать: «Я люблю тебя». Он во многом признавался мне, признался и в том, что даже и не знает, что такое любовь. Что до меня, то мистер Маргрейв показался мне богатым. Никаких сплетен, порочащих его репутацию, я не слышала. Всё же, если бы этот вопрос не затрагивал вас и если бы его рождение не было покрыто мраком, более того, если бы он занимал высокое положение в обществе и был настолько богат, насколько он пользуется покровительством Природы, признаюсь, даже тогда я не согласилась бы доверить ему судьбу своей дочери. Голос в моём сердце кричал бы: «Нет!» Это может быть необоснованным предубеждением, но я не смогла бы даже видеть, как он касается руки Лилиан!

— Значит, она никогда... никогда не позволяла ему взять её за руку?

— Никогда. Не думайте о ней так низко, предполагая, что её можно соблазнить красивым лицом и изящными манерами. Подумайте: перед этим она отказала, ради вас, Эшли Самнеру, которому леди

Хотон говорила, что ему ни одна девушка не откажет. И эта перемена в Лилиан на самом деле произошла в ней до нашего возвращения в Л****, до того, как она увидела мистера Маргрейва. Я уверена, это подвластно вашему врачебному искусству: это что-то нервное. Я могу подтвердить это, только вы не выдавайте меня ей. Это случилось во время вашего заключения, ночью перед вашим освобождением. Она пришла к моей кровати и разбудила меня. Она так рыдала, словно её сердце было разбито. «О мама, мама! — восклицала она. — Пожалей меня, помоги мне! Я так несчастна». — «Что случилось, милая?» — «Я была так жестока с Аленом и знаю, что это случится снова. Я не могу ничего сделать. Не спрашивай меня. Только, если мы расстанемся, если он бросит меня или я откажу ему, скажи ему как-нибудь, возможно, тогда, когда я уже буду в могиле, чтобы он не верил призракам, и что я никогда не переставала любить его!»

— Она сказала это! Вы не обманываете меня?

— О, нет! Как вы можете так думать?

— Ещё есть надежда, — шептал я. Я закрыл лицо руками, склонив голову. Горячие слёзы прорывались сквозь сжатые пальцы.

— Ещё одно слово, — проговорил я. — Вы говорите, что Лилиан испытывает отвращение к этому Маргрейву и ещё что она находит его визиты приятными, а это не может быть полностью объяснено одобрительными словами, которые он мог высказывать в мой адрес. А сейчас, во всяком случае, я не нахожусь в её мыслях на первом месте. Вы можете объяснить это явное противоречие?

— Нет, однако, есть предположение, которое вы, должно быть, поднимете на смех.

— Сейчас я не могу ничего высмеивать. Что это за предположение?

— Я знаю, как вы не верите в истории о животном магнетизме и электробиологии, но...

— Вы думаете, что Маргрейв проявляет подобного рода силы по отношению к Лилиан? Он говорил о такой силе?

— Нет, конечно. Но он сказал, что уверен, Лилиан обладает способностями, которые он назвал таким словом... не ясновидением, способностями, которые, как он объяснил по моей просьбе, сродни предвидению⁹⁷. Потом он говорил о жрицах, которые управляли древними оракулами. Он сказал, что Лилиан своими бездонными глазами и таинственной улыбкой напомнила ему одну из них.

— И Лилиан слышала его? Что она сказала?

— Ничего. Она, казалось, находилась в страхе, слушая его.

— Он не предлагал попробовать применить эти способности, используемые профессиональными месмеристами и другими шарлатанами?

— Думаю, он уже готов был это сделать, но я предупредила его, сказав, что никогда не дам своего согласия на любой эксперимент подобного рода, ни надо мной, ни над моей дочерью.

— А он ответил...

— Со своим весёлым смехом, что я безрассудна, что человек, обладающий такими способностями, которые он обнаружил в Лилиан, при условии, если они будут развиваться, станет неоценимым советчиком. Он бы сказал ещё больше, но я умоляла его прекратить. Ещё я иногда думаю, не сердитесь, что он, так или иначе, заколдовал её. Она поддалась бессознательно колдовству. Она всегда знает, когда он придёт. На самом деле, я не уверена, не околдовал ли он и меня, так как я всегда оправдываю его поведение, когда принимаю его в своём доме, как члена семьи, несмотря на ваш запрет. Я упрекала себя, решила не впускать его больше или показать своим поведением, что его визиты нежелательны. Но в то же время, когда Лилиан сказала вяло (хотя обычно она говорит твёрдо, эмоционально): «Мама, он будет здесь через две минуты. Я хочу уйти из комнаты, но не могу», я сама почувствовала, как что-то действует на меня, короче, как будто я нахожусь под неким влиянием, которое мистер Вигорс (никогда не прощу ему его поведение по отношению к вам) приписывает месмеризму. Но вы не войдёте в дом, не посмотрите Лилиан снова?

— Нет, не сегодня. Наблюдайте за ней, слушайте внимательно. И если вы заметите что-то, что заставит вас поверить, что Лилиан раскаивается... Откуда вы знаете, миссис Эшли, что... что...

Голос мой оборвался. Я пожал руку доброй женщины и пошёл своей дорогой.

⁹⁷ Каждое человеческое существо рождается с зачатками внутреннего чувства, называемого интуицией, которое может быть развито в то, что знают в Шотландии как «второе зрение». И все великие философы, которые, подобно Плотину, Порфирию и Ямвлиху пользовались этой способностью, учили этой доктрине.

«В человеческом сознании существует способность, — пишет Ямвлих, — которая превышает всё рождённое и зачатое. Чрез неё мы в состоянии соединиться с превосходящими нас высшими разумами, перенестись за пределы этого мира и участвовать в более высокой жизни с её особыми небесными силами» [44, стр. 594].

Я всегда считал до сих пор, что миссис Эшли не то чтобы «заурядная слабая», какой описывала мне её миссис Пойнтс, но что её умственные способности ниже среднего. Сейчас же я относился к ней с должным уважением и, вдобавок, с благодарной нежностью Она почувствовала то, что моё хвалёное знание не могло распознать в Маргрейве, хотя я близко знал его, а именно то, что в нём было что-то или наоборот чего-то не доставало, что не могло вызывать любовь и вызывало страх. Молодой, красивый, богатый, по-видимому, не отягчённый никакой виной... И тем не менее она не согласилась бы, чтобы Лилиан связала свою судьбу с ним!

ГЛАВА 44

На следующий день в моём доме было полно гостей. Я и не знал, что у меня так много друзей. Мистер Вигорс написал мне восторженное письмо, в котором признавал, что из-за симпатии к бедному д-ру Ллойду имел предубеждение против меня и просил у меня прощения, если не за несправедливость, то за резкость по отношению ко мне. Но что больше всего меня поразило, так это появление Стрехена, который бросился ко мне с горячностью давних университетских дней.

— О мой дорогой Ален, сможете ли вы простить меня когда-нибудь за то, что я не поверил вашим словам? За то, что подозревал вас в краже рукописи?

— Она нашлась?

— О да, вы должны благодарить Маргрейва. Он, вы знаете, умный парень. Так вот, он пришёл ко мне вчера с визитом. И сразу направил меня по верному следу. Только попробуйте догадаться! Нет, вам ни за что не удастся. Оказывается, несчастная старая экономка украла её. Помните, она входила в комнату в то время, когда вы просматривали рукопись. Она слышала наш с вами разговор. В ней пробудилось любопытство. Ей захотелось узнать историю своего старого хозяина, написанную его собственной рукой. Она не могла уснуть, слышала, как я поднялся к себе. Она подумала, что вы, должно быть, уходя спать, оставили книгу на столе. Она пробралась в нижний этаж, сквозь замочную скважину двери в библиотеке увидела, что вы спите, а книга раскрыта и лежит перед вами. Тихо взяла её, намереваясь взглянуть на её содержимое и положить на место. Вы спали так крепко, что она подумала, вы и через час не проснётесь. Она вынесла её в библиотеку, оставив дверь в неё открытой, и там стала листать. Она сразу же застряла на одном из отрывков на латыни и пыталась отыскать какие-нибудь записи на понятном ей английском. Листая книгу, экономка держала свечу очень близко к ней, поскольку зрение у старушки слабое. И тут она услышала, как вы произнесли что-то во сне. Встревоженная, она оглянулась. Вы беспокойно шевелились во сне и что-то бормотали. Но вскоре она перестала смотреть на вас из-за своего проклятого любопытства и глупости. Неловко повернувшись, она невольно придвинула несчастную рукопись близко к свече, пламя охватило страницы. Её собственный чепец и рука, загоревшиеся первыми, заставили старуху осознать причинённый вред. Она бросила рукопись, её рукав был в огне. Она принялась срывать с себя рукав, который, на её счастье, не был пришит к платью. К тому времени, когда она собралась с духом и взглянула на рукопись, половина её уже обгорела. Она не осмелилась положить то, что осталось, вам на стол, вернулась с рукописью в свою комнату, спрятала её и решила хранить свою тайну. Я бы никогда об этом не догадался, я никогда даже не говорил с ней об этом происшествии. Но когда прошлой ночью я обсуждал исчезновение рукописи с Маргрейвом и сказал ему, что не верю в вашу историю, он, как обычно, весело ответил: «А вы думаете, что эта странная история могла вызвать любопытство только у одного Фенвика? Да у любого слуги могло возникнуть подобное любопытство. Вы, конечно, допросили своих слуг?» — «Нет, я даже и не думал об этом». — «В таком случае допросите их, особенно старую экономку. Я замечаю большую перемену в её поведении с тех пор, как много недель назад я впервые приехал сюда, чтобы осмотреть дом. У неё что-то на уме: я вижу это по её глазам». Да я и сам заметил, что её поведение изменилось и что всегда она, кажется, дрожит и совершает беспокойные, нервные движения. Я сразу пошёл в её комнату и обвинил её в краже книги. Она упала на колени и рассказала всё то, что я только что передал вам. И я обязательно расскажу эту историю всем, кому я так глупо разболтал то, что подозреваю вас, что, конечно, ещё более глупо. Но сможете ли вы простить меня, старый друг?

— Охотно, искренне! Так книга сгорела?

— Смотрите, — и он предъявил мне испорченную рукопись. Странно, но её сгоревшая часть была связана с Гаруном, с Грейлом. От неё теперь не осталось и следа. Та же часть, которая предшествовала истории Грейла, была, конечно, повреждена, хотя в некоторых местах ещё поддавалась расшифровке. Но когда я быстро пробежался глазами по этой уцелевшей части, я увидел только искажённые предложения о задачах экспериментов, которые автор так тщательно описал.

— Не возьмёте ли вы рукопись на хранение как есть на столь долгий срок, на какой пожелаете? — спросил Стрехен.

— Нет, нет, я ничего больше не буду с ней делать. Просите помощи у какого-нибудь другого учёного. И, таким образом, это вся история? Никаких соучастников, никого? Больше никто не разделил её любопытство и её намерение?

— Нет. Как это ни странно, хотя она просила прощение за свою несчастную глупость, подобно сумасшедшему, совершившему ужасное преступление, она сказала, что дьявол заставил её это сделать. Конечно, это был он, и он мог внушить такое кому угодно. Но это ничего не меняет.

— Как! Она тоже сказала, что видела Тень и слышала голос?

— Нет, ничего похожего на того лжеца. Она не настолько безумна для такой лжи. Но она сказала, что, когда она лежала в постели, думая о книге, что-то непреодолимое заставило её встать и спуститься в кабинет. Она клялась, что чувствовала, как кто-то ведёт её за руку. Божилась, что, когда она обнаружила, что книга написана не на английском, кто-то прошептал ей в самое ухо, чтобы она перевернула страницы и поднесла их к свече. Но у меня не хватило терпения слушать весь этот вздор. Я выгнал её из дома со всеми пожитками. Но, увы! Неужели это должно стать концом всех великих открытий моего мудрого родственника?

Действительно, труды, которые предназначались для того, чтобы внести новое слово в науку, труды, содержание которых сейчас могло бы показаться невероятным и неосуществимым, — ничего не осталось, только полустёртые следы смелых начинаний! Надежда увековечить имя на одной из ступеней в иерархии храма, хранящего тайны Природы, описанными экспериментами, которые обращались к тайнам Египта, выводам Бэкона, опытам Либиха... Ничего от неё не осталось, только здесь и там какой-нибудь озадаченный студент-исследователь смог бы обнаружить искажённые, возможно, маловразумительные обрывки предложений! О человеческая память, могут ли труды, в которых ты нашла бы своё бессмертие, быть обращены в золу и дым крохотной свечой в руке старухи?!

Как только Стрехен ушёл, я тоже вышел, но не для того, чтобы навестить своих пациентов. Я проскользнул окольными путями в поля: я нуждался в уединении, чтобы привести свои мысли в порядок. Что было заблуждением, иллюзией, а что нет? Был ли я прав? Был ли Маргрейв на самом деле самым невинным и полезным из всех человеческих существ, доброжелательным, любящим, использующим поразительную проницательность в великодушных целях? Был ли я на самом деле обязан ему величайшей милостью, какую только может оказать один человек другому, — спасённой жизнью и сохранением доброго имени? Или он с помощью дьявольского колдовства поднял руку убийцы на человека, который был единственным, кто мог подвергнуть опасности его собственную жизнь? И с помощью неких тёмных заклятий он заставил женщину уничтожить единственное свидетельство его ужасного существования, единственное доказательство того, что ужас, который я испытывал перед ним, не объяснялся всего лишь обманом воображения.

Но если последнее предположение можно считать допустимым, значит, он использовал своих помощников, только чтобы выдать их потом и не оставить ни малейшей возможности догадаться, что он сам являлся их подстрекателем? Потом мне в голову пришли спутанные воспоминания об историях о средневековом колдовстве, которые я читал в отрочестве. Неужели не существовало никаких беспристрастных письменных, значительных и обстоятельных, доказательств и свидетельств сил, которые были бы сходными с теми, что проявлял Маргрейв? О колдунах, подталкивающих к греху, воздействуя, подобно демонам; колдунах, способных создать свой двойник, чтобы преодолеть охраняемые стены, способных сделать свой голос слышимым издалека в уединении темницы или монастырской кельи; подчиняющих жертв своей воле средствами, которые невозможно обнаружить никакой бдительностью, только если жертвы сами не признаются, что попали в ловушку колдовства и теперь предпочитают неминуемую позорную смерть — жизни с появляющимися призраками? Были ли истории, здраво излагающие подобные свидетельства, — истории, относящиеся к сравнительно недавнему времени, конечно, собранные кое-как вместе, как крупички бессмысленного суеверия, — но такие, что их свидетели считались лгунами, а все жертвы, ставшие инструментом в руках колдунов, — сумасшедшими; такие, что всех исследователей или судей, от комиссии по расследованиям до апелляционного суда, презирали за доверчивость и ненавидели за жестокость? И были ли среди всех многочисленных внушительных записей какие-либо обрывки, содержащие ужасающую истину? И были ли наши предки настолько уж неблагоприятными в своих законах, которые сейчас кажутся нам такими дикими, но с помощью которых мир избавился от бедствий, несравнимо более ужасных, чем какой-то уголовный преступник со своим ножом? Коварные подстрекатели ко злу воплощают в жизнь свои смутные, неопределённые желания,

руководя своими помощниками, оставаясь неосязаемыми, невидимыми для них, ведя их к несчастьям и смерти.

Таковыми были мрачные вопросы, которые я — известный как неумолимый защитник здравого смысла от нелепых заблуждений; по профессии исследователь плоти и крови, тканей, нервов и сухожилий, то есть того, что составляет человеческое тело; хвастающий врач, скептик, философ-материалист — обдумывал, и не среди мрачных сосен, под унылым зимним небом. Я шёл медленно через весёлые луга, по берегам радостных ручьёв, в прекрасный августовский день: насекомые жужжали в душистой траве, птицы порхали в нежной зелени, в которой играли солнечные лучи и мягкие тени. Я шёл и через многолюдные места — стены и крыши домов, поднимающиеся к небесам церковные шпили, дорические колонны, ратуша простой каменной кладки, возвышающаяся в центре оживлённой базарной площади... И я... я копаюсь в давно забытых и покрытых пылью уголках памяти ради того, что мой разум побросал туда как ненужный хлам, и разыскиваю в нём беспристрастные свидетельства колдовства, чтобы обратить их против Жилия де Реца⁹⁸ или Урбена Грандье⁹⁹.

Я оборвал этот ужасный мысленный монолог, рассмеявшись над собственной глупостью, и направился в переулок, ведущий обратно в город через тихий сельский пригород. Дорога шла через обширное, уединённое церковное кладбище, примыкающее к Аббатской Возвышенности. Многие из её бывших обитателей нашли здесь свой последний приют. Могилы в этом печальном месте отличались друг от друга в соответствии с социальным положением их обладателей и содержались в порядке, что объяснялось отчасти благочестием, отчасти гордостью.

Я сел на скамейку между подстриженными тисовыми деревьями, окаймлявшими дорогу от входа кладбища до порога церкви, в надежде, что в этом тихом, спокойном месте мои спутанные мысли наконец-то прояснятся.

«О, — бормотал я про себя, — а ведь у меня был закадычный друг, которому я мог бы легко доверить все эти мучительные загадки, которые не могу разрешить сам. Он один мог бы читать в моём сердце, осветить его темноту, изгнать призраков. Его мудрости я доверил бы вести себя сквозь тайны Природы, которая внезапно так изменилась, разрушив те преграды, которыми я оградил её, как самый настоящий огород. Все её дороги, которыми я собирался пройти, все её цветы, собранные в моём любимом сочетании, все её рощи и большие пещеры, служившие убежищем Музы или Науки, — всё изменилось, развернувшись в неизмеримом пространстве! Долой огород! Эти границы были для Природы слишком тесными? Да будет так! Пустыня заменяет сад, но где кончается Пустыня? В неизведанной мной области существуют свои законы. Потерянный и напуганный, я стою посреди Хаоса. Мой разум неверно истолковал законы, казавшиеся непреложными и неизменными? Пусть будет так! Но в Природе не может не существовать законов, Творение не есть Хаос. Если мой разум подвёл меня в некоторых вопросах, всё же он был безошибочен в других. Есть ли высший разум внутри меня, есть ли знания, божественные знания, существующие вне меня, независимо от моего разума? До тех пор, пока я имел дело с ограниченным, я мог обходиться только разумом. Но как только я оказался перед лицом Бесконечного, разум изменил мне? Если так, чем ещё обладает Человек, кроме своего стремления с первых шагов своей жизни как Венца Природы, как Мыслителя, поработать и подчинять себе Природу? Чем можно заменить этого предателя — разум, — который питает своими решениями здравый смысл? О, друга! О, советчика, руководителя!»

И как только я пробормотал всё это, мой взгляд остановился на фигуре коленопреклонённого дитя, в дальней стороне кладбища, возле могилы с новым надгробием, светящимся белизной среди старых, мхом поросших могил. Это была девочка, наклонившая голову, сжавшая руки. Я мог видеть только очертание её маленькой фигурки в чёрном траурном платье — младенец рядом с могилой. Я отвёл глаза от этой безмолвной фигуры, прервавшей мои беспокойные, смятённые мысли, полные сомнений и страха, и проникся сочувствием к горю склонившего колени ребёнка. А, тем не менее, я должен был помнить эту могилу! И снова я зашептал с сильным нетерпением: «О, друга! Руководителя!»

⁹⁸ **Жиль де Монморанси-Лаваль**, барон де Рэ, граф де Бриеннь (фр. Gilles de Montmorency-Laval, baron de Rais, comte de Brienne) (осень 1404 — 26 октября 1440), известен как Жиль де Рэ (фр. Gilles de Rais), или Жиль де Рец (фр. Gilles de Retz) — фр. барон из рода Монморанси-Лавалей, маршал и алхимик, участник Столетней войны, сподвижник Жанны д'Арк. Был арестован и казнён по обвинению в серийных убийствах, хотя достоверность этих обвинений в настоящее время оспаривается. Послужил прототипом для фольклорного персонажа «Синяя борода» [45].

⁹⁹ **Урбен Грандье** (фр. Urbain Grandier) Родился в 1590 году. Священник. Обвинялся в пособничестве дьяволу, колдовстве. Был сожжён на костре.

На дороге под деревьями послышались шаги, и показался старик, согбенный, с длинными седыми волосами, но ещё полный энергии. Он шёл твёрдой поступью, хотя медленно, излучая неизменный свет своих ясных голубых глаз. Я вскочил. Возможно ли это? Это выражение лица, несущее на себе отпечаток напряжённой мысли, такое милое лицо человека, находящегося в ладу со своей совестью! Я не мог ошибиться. Передо мной был Юлий Фабер, по сравнению с которым я, несмотря на своё чувство собственного достоинства, считал себя стоящим намного ниже, без преувеличения. Передо мной был добрый покровитель, которому я был обязан своим смелым вступлением на тяжёлую дорогу славы и успеха. Я желал себе друга, проводника, и теперь он стоял рядом со мной.

ГЛАВА 45

Объяснение Фабера было коротким и простым. Племянник, которого он хотел сделать наследником своего состояния, растратил выделенную ему значительную часть денежных средств, погряз в долгах и впал в мучительные раздумывания, как бы от них избавиться. Фабер вернулся в Англию, чтобы за счёт более чем трёх четвертей предназначенного наследства спасти своего наследника от тюрьмы или изгнания из общества. Вдобавок ко всему, молодой человек женился на бесприданнице. Дядя узнал об этой свадьбе, вернувшись в Англию. Расточитель скрывался от кредиторов в доме своего тестя, в одном из западных графств. Фабер нашёл его там, как полагается, познакомился с его молодой женой, смирился с их браком и надеялся на то, что в будущем племянник рассчитается с долгами. Он говорил о девушке с большой симпатией. Она была добропорядочной и рассудительной, готовой на любые лишения, которые могли бы явиться результатом безрассудного поведения её мужа.

— Я советовался с этим прелестным существом, — сказал Фабер. — Мой несчастный племянник так сожалеет, что другим приходится думать за него, как решить его проблемы. Мои планы таковы. Я отдалю его от всех искушений. Он молод, полон сил, энергии, которая раньше направлялась не в то русло. Я увезу его из Старого Света в Новый. Я остановил свой выбор на Австралии. Моего небольшого оставшегося состояния там будет достаточно. Его не хватит, чтобы жить отдельно, так что нам придётся жить всем вместе. Кроме того, я чувствую, что, хотя у меня нет ни сил, ни опыта, который очень помог бы молодому переселенцу на чужой земле, всё же под моим присмотром мой бедный мальчик сразу станет более благоразумным и более настойчивым. Мы отплываем на следующей неделе.

Фабер говорил так весело, что я не знал, как выразить ему своё сострадание. В его возрасте, после длительной выдающейся карьеры отказаться от покоя и удобств цивилизованной страны ради лишений в чужой стране казалось мне ужасающей перспективой. И так осторожно и мягко, как я только мог по отношению к тому, кого любил и почитал, как отца, я сказал ему об успехе, которым, в большей степени, я был обязан ему, настаивая на том, что этого моего успеха будет достаточно, чтобы обезопасить его в его родной стране. А такое решение было бы более подходящим в его возрасте и состоянии. Со своей привычной скромностью и кротостью он отклонил все мои искренние предложения и поспешил сменить тему разговора, убеждая меня, что смотрит в будущее с огромным интересом к тем новым землям, где ему предстоит жить, так как они дадут ему широкий простор для новых радостей, сделают его более выносливым, а это то, что всегда его привлекало.

— А кого, ты думаешь, мой шалопай имел счастье взять себе в жёны? Что это за восхитительная супруга! Дочь достойного человека, кто взял на себя заботу о бедных сиротах д-ра Ллойда, которые во многом обязаны тебе за твои великодушные усилия обеспечить их. А этот ребёнок, что сейчас стоит рядом с могилой своего отца, — моя любимица, моё милое, дорогое, единственное сокровище — дочь д-ра Ллойда, Эми.

Девочка подошла к нам, ускоряя шаг, как только она узнала старика, прильнула к нему и задумчиво посмотрела на меня. Привлекательное, искреннее, милое детское лицо, отчасти грустное, отчасти задумчивое, не такое, каким должно быть лицо ребёнка, спокойное, умное и невыразимо нежное. Потом она отошла от старика и вложила свою руку в мою.

— Вы не тот любезный джентльмен, кто пришёл увидеть его тогда, той ночью, когда он покинул нас, и кто, как говорят дома, был так добр ко мне и моим братьям? Да, я вас вспоминаю.

И она приблизила ко мне своё невинное личико, желая, чтобы я поцеловал его.

Я — любезный! Я — добрый! Я... я! Увы! Она не знала и не догадывалась о гневных проклятиях своего отца, которыми он осыпал меня в ту роковую ночь!

Я не осмелился поцеловать осиротевшую дочку д-ра Ллойда, только мои слёзы увлажнили её руку. Она восприняла их как проявление жалости и с детской искренностью молча поцеловала меня.

— О мой друг! — прошептал я Фаберу. — Как много я хочу рассказать вам... наедине... наедине! Пойдёмте ко мне домой, будьте, по крайней мере, моим гостем, пока вы ещё не уехали из города.

— С удовольствием, — ответил Фабер, смотря на меня более внимательно, чем до сих пор, смотря глазами Целителя, мягко, но проницательно.

Он поднялся, взял меня за руку и прошептал что-то на ухо маленькой девочке. Она пошла впереди нас. Мы достигли ворот и направились в противоположную сторону от могилы её отца. Когда мы пришли ко мне домой, Юлий Фабер много рассказал мне об этом ребёнке. Её братья учились в школе, она была сильно привязана к жене его племянника, но ещё больше привязалась к самому Фаберу, хотя знала его совсем недолго. Было решено, что она будет сопровождать эмигрантов в Австралию.

— Там, — продолжал Фабер, — какой-то щедрый, но неизвестный друг её отца оставил ей сумму денег, которая будет неплохим приданым для неё, когда ей придёт время создавать свой очаг.

Он рассказывал, что она хотела сопровождать его в Л****, чтобы посетить могилу своего отца перед отъездом.

— Она с такой нежной заботой относилась ко мне всю дорогу, что ты мог бы подумать, что я двухлетний ребёнок. Я вернулся сюда отчасти для того, чтобы избавиться от нескольких жалких домов, что ещё принадлежат мне, но, главным образом, для того, чтобы попрощаться с тобой перед тем, как я покину Старый Свет, без сомнения, навсегда. Поэтому, прибыв сегодня в Л****, я оставил Эми на церковном кладбище, а сам отправился к тебе домой, но тебя не оказалось дома. А сейчас я хочу поздравить тебя с той славой, которую ты так быстро приобрёл и которая превзошла все мои ожидания.

— Вам известно, — сказал я, запинаясь, — о необычайном обвинении!

Он видел только небольшую заметку в еженедельной газете, написанную уже после моего освобождения, и теперь расспросил подробности.

Вернувшись домой, я торопился сделать всё, чтобы моим двум неожиданным гостям было удобно, старался подшучивать над собой, быть весёлым. К вечеру, когда мы с Фабером остались наедине, я смог поведать ему обо всём, что тяготило моё сердце. Я рассказал ему всё то, о чём уже написал здесь выше, начиная со сцены в комнате д-ра Ллойда и заканчивая той минутой, когда я увидел ребёнка д-ра Ллойда у его могилы. Те из происшествий и бесед, которые впечатлили меня более всего, я уже описал, боясь, что моё воображение может исказить их последовательность, а моя память может что-то выпустить из их общей цепи. Фабер молча слушал, иногда прерывая короткими вопросами по существу. Когда я закончил свой рассказ, Фабер оставался задумчивым некоторое время. Потом выдающийся врач ответил так:

— Я считаю само собой разумеющейся твою убеждённость в реальности всего, что ты мне рассказал, даже что касается светящейся Тени, бесплотного Голоса. Но прежде, чем признавать существование этого, мы должны твёрдо держаться старого правила — не считать причиной всего то, что относится к сверхъестественному, когда причина может быть разумно объяснена. Разве в этом случае нет такой причины? Конечно, она...

— ...она...

— ...производит впечатление. Ты один из тех людей, кто стремится подавить своё воображение. Но у всякого человека, не лишённого ума, есть воображение, и оно будет направлять его, отвергая здравые суждения и рискуя сбиться с верного пути. Комната умирающего д-ра Ллойда глубоко впечатлила твоё сердце, даже больше, чем может признать твоя гордость. Этот вывод следует из усилий, которые ты предпринял, чтобы облегчить свою совесть, из твоего великодушия к сиротам. Как только сердце было взволновано, разыгралось воображение и независимо от тебя подготовилось к тому, что впоследствии произошло. Твоя внезапная любовь, настигшая тебя в том же самом месте, в том же доме, связанном со странными, фантастическими воспоминаниями; необычный характер твоей возлюбленной; её мечтательность и острое беспокойство, которое привнесло в твою любовь поэтичность, — всё это незаметно дало пищу твоему воображению, заставило свести любое более или менее необычное явление к закону Природы, и ты нашёл единственное объяснение всему в Сверхъестественном.

Ты посещаешь человека, и он говорит тебе, что видел призрака сэра Филиппа Дервала. В тот же самый вечер ты слышишь странную историю, и в ней имя сэра Филиппа вплетено в историю об убийстве, в которую впутаны два таинственных мага-шарлатана — Луис Грейл и Мудрец из Алеппо. История так увлекает твою фантазию, что ты даже не понимаешь её очевидной невозможности, главным образом, что касается рассказа о суде, когда косвенные улики могли быть довольно легко найдены (в отличие от последующей части повествования, где всё слишком запутано), но не могли иметь место, поскольку не соответствовали закону. Таким образом, твой разум начинает неосознанно считать тень чем-то сверхъестественным. Очевидное исчезает из поля зрения того, кто устремляет свой взгляд в Неиз-

вестное. Почти сразу после этого ты знакомишься с молодым незнакомцем, чьи черты характера привлекают и приводят в замешательство, притягивают и в то же время вызывают отвращение. Всё это время ты погружён в работу по физиологии, которая сильно нагружает мозг, в исследование сложного вопроса отличия души от ума.

И теперь я могу понять причину, глубоко спрятанную среди того, что метафизики называли бы скрытыми связями. И эта причина заставила тебя так воспринять фантастическую сцену в музее и слова сэра Филиппа Дервала. Несомненно, когда, будучи студентом, ты изучал метафизическую теорию, ты, должно быть, обратил внимание на работу Битти¹⁰⁰ «Очерк об Истине» как на одну из тех, что были написаны в противовес твоему любимцу Дэвиду Юму.

— Да, я читал её, но с тех пор давно забыл её положения.

— В ней Битти [1] упоминает экстраординарный случай, произошедший с Саймоном Брауном, учёным, набожным священником, который всерьёз не верил в существование своей собственной души и воображал, что из-за вмешательства Божественной силы его душа была уничтожена и не осталось ничего, кроме принципа животной жизни, который он разделял наравне с животными! Потом, спустя годы, думающий, одарённый богатым воображением студент, то есть ты, стал размышлять, кем бы мог быть человек, если, сохраняя только человеческую жизнь и человеческий ум, был бы лишён сил и способностей, которые мыслители приписывают существованию души. Что-то в этом молодом человеке невольно заставляет тебя вспомнить эти созерцательные идеи. Его страх перед смертью как перед прекращением существования, его желание общения, его неспособность постичь побуждения, которые движут человеком, чтобы делать что-то ради будущего, ждущего его за могилой, — всё это возникло перед тобой, когда твой мозг перегружен, а твоё воображение взволновано в поиске решения проблем, которые должны всегда оставаться неразрешимыми. Слова молодого человека не только будоражат твоё воображение, но и затрагивают твои чувства. Он говорит не только о средствах, способных вернуть молодость, но и о любви. Ты беспокоишься о Лилиан, когда слушаешь его! И тебя в таком состоянии — с нагруженным мозгом, воспламенённым воображением и взволнованным сердцем — знакомят с сэром Филиппом Дервалом, чей призрак, якобы, его слуга видел несколько недель назад.

Этот человек, Дервал, — изучающий оккультную философию, которая, возможно, и открыла ему некие тайны природы, лежащие за пределами нашего обычного опыта (хотя, если проанализировать, они могли бы оказаться вполне совместимыми с нашей наукой) — поражает тебя неясным, таинственным обвинением против юноши, который до сих пор казался тебе не похожим на простых смертных. В комнате, заполненной мёртвыми чучелами, твой мозг был опьянён парами, сродни тем, что используют на суеверном Востоке. И в нём предстали смутные образы тех, о ком ты недавно узнал. Маргрейв стал отождествляться у тебя с Луисом Грейлом, о котором ты до этого услышал туманный рассказ, и все странности в характере Маргрейва ты объяснил таким состоянием, о котором писал в своей научной работе, а именно — ум и тело без души! Ты был поражён, каким чудовищем должен быть человек, будь твоя теория возможна. И чтобы устранить противоречия в этом самом чудовище, ты решил, что ум без души не мог существовать, приписав этому чудовищу отрывочные воспоминания о предыдущем существовании и объяснив его демонические способности тем, что в прошлом он занимался тёмной магией. Мой друг, нет здесь ничего такого, что бы твоё собственное исследование идиосинкразии¹⁰¹ не смогло бы разрешить.

— Так, значит, — произнёс я, — вы свели к обману, иллюзии всё, что я пережил как реальность? Но, — добавил я шёпотом, испугавшись собственного вопроса, — разве физиологи не соглашаются с тем, что, хотя обманчивые призраки могут являться как нормальным людям, так и сумасшедшим, нормальные знают, что перед ними всего лишь видение, а сумасшедшие — нет?

— Такое отличие, — ответил Фабер, — слишком условно. Мюллер, кто действительно, наверно, самый авторитетный специалист в этом вопросе, говорит с предусмотрительной осторожностью: *«Когда человек, не являющийся сумасшедшим, видит призраков и верит в их реальность, его мозг, должно быть, используется не полностью»*. [2] На самом деле, он мог бы смело утверждать, что каждый такой человек — душевнобольной. В интересной работе об обмане зрения д-р Аберкромби рассказывает о служанке, которая верит, что видела в ногах своей кровати Курана в матросской куртке, с огромными

¹⁰⁰ **Битти Джемс** (Beattie) (1735 — 1803) — шотландский философ и поэт, профессор этики в Эбердине, выступил противником скептицизма Юма и защитником здравого смысла как основного источника истины. Важнейш. филос. соч. «Essay on the nature and immutability of truth» (1770, немецкий пер. 1777) [46].

¹⁰¹ **Идиосинкразия** [гр. idios своеобразный + synkrosis смешение] — изменённая чувствительность человеческого организма к некоторым пищевым продуктам, медикаментам и др. [17, стр. 183].

бакенбардами. [3] Без сомнения, видение было иллюзией, и д-р Аберкромби очень находчиво намекает при этом на то, что призрак имел нелепую куртку и бакенбарды. Девочка-служанка, поверившая в реальность призрака, совсем не была сумасшедшей. Когда я читал в американских газетах [4] о вызове духов и о том, что многие люди, по крайней мере, со средним образованием, заявляют, что действительно стали свидетелями появлений различных призраков и намного более необыкновенных явлений, чем те, о которых ты мне поведал, и приходят сразу к заключению, что они вступали в прямой контакт с душами умерших, я мог предположить, что они поддались обману зрения. Но было бы крайне неуместным посчитать их всех сумасшедшими только из-за того, что они поверили этой иллюзии. Я мог только повторить вслед за Мюллером, что в умозаключениях о представшем перед ними феномене «их мозг использовался не полностью». Впечатление, произведённое на сознание, впечатление само по себе достаточно необычное, способное вызвать наше удивление, может быть усилено настолько, что может принять форму точного факта. И всё благодаря различным совпадениям, воспринятым как подтверждающие свидетельства, хотя, однако, это ничто иное, как всего лишь обычные совпадения, встречающиеся в повседневной жизни, но только те, которые мы смогли подметить и воскликнуть при этом: «Как удивительно!» В твоём случае подобные совпадения были, конечно, очень заметными, и могли легко усилить твоё недоумение и растерянность. Убийство сэра Филиппа Дервала, пропажа шкатулки, захватывающая рукопись, интерес к которой подогревался твоим ожиданием найти в ней ключ к хвалёным способностям повествователя и причину его удивительного обвинения, которое он выдвинул против человека, кого ты считаешь его убийцей... Во всём этом многое может подтвердить, более того, объяснить иллюзию. И по этой самой причине во всём этом можно найти только дополнительное свидетельство того, что это была иллюзия, всего лишь иллюзия. Твоя любовь способствует усилению твоей фантазии в борьбе с рассудком. У девушки, которую ты так пылко любишь, развивается, к твоему неудовольствию и ужасу, мечтательность; и она подвержена причудливым капризам. Она слышит песню Маргрейва, который, как ты говоришь, обладает каким-то необыкновенным обаянием, способным воздействовать на окружающих и приводить в сильное волнение даже тебя. Кому не известна власть музыки? К тому же, нет ничего более влиятельного, чем человеческий голос. Таким образом, можно сказать, что обаяние и песня имеют равную выразительность. И когда критик в нашей газете превозносит Малибран¹⁰² или Гризи¹⁰³, можешь быть уверен, что он зовёт её волшебницей. Хорошо, и эта девушка, твоя суженая, с нервной системой, чрезвычайно подверженной впечатлительности, слышит голос, который даже тебе кажется необыкновенно мелодичным, и видит тело и лицо, которые даже ты считаешь наделёнными необыкновенной красотой. Таким образом, на её воображение оказывает впечатление то, что она слышит и видит. И это её впечатление сильнее твоего из-за простого совпадения, ведь, как она говорит, она уже видела его лицо, во сне или мечтах. В благородстве своей искренней, доверчивой, благоговейной любви, ты, прежде чем обвинить свою возлюбленную в легкомыслии, которое могло показаться тебе изменой, допускаешь возможность «магического очарования». И в таком состоянии ты садишься читать рукопись мистического энтузиаста. А сейчас ты можешь объяснить, что такое Светящаяся Тень? Сон! Сон, несмотря на то, что твои глаза были открыты и ты думал, что бодрствуешь. Больное воображение подобно кривым зеркалам, отображающим искривлённое изображение как изображение подлинное, правильное.

И эта Рукопись сэра Филиппа Дервала... Можешь ли ты быть совершенно уверенным, что на самом деле читал ту её часть, что связана с Гаруном и Луисом Грейлом? Ты говоришь, что, когда внимательно читал манускрипт, ты увидел Светящуюся Тень и потерял сознание. Старуха говорит, что ты быстро уснул. И ведь ты на самом деле уснул (можно ли в этом сомневаться?), и во сне тебе привиделась история, связанная с Грейлом, и во сне тебе показалось, что ты видишь Тень. Ты помнишь прекрасные слова, сказанные д-ром Аберкромби? Я приведу их в подтверждение своего объяснения: *«Человек, находящийся под воздействием какого-нибудь сильного душевного потрясения, засыпает на несколько секунд, возможно, даже не сознавая этого. Во сне он видит какую-то сцену или человека и просыпается с убеждением, что видел призрака»*. [5]

— Но, — возразил я, — привидение явилось мне снова, и тогда я уже точно не спал.

— Правильно. Но кто может знать лучше тебя, образованного, знающего врача, что оптический обман, однажды имевший место, способен повторяться всегда в той же самой форме? Гёте долгое время преследовало одно и то же видение — цветок, распускающийся сам и дающий рост новым цветам. [6] Один из наших самых выдающихся философов рассказывает о знакомой ему женщине, которая могла

¹⁰² **Мария Фелисита Малибран** (Malibran; урожденная — Гарсиа, Garcia) (1808 — 1836) — фр. певица (колоратурное меццо-сопрано). Была одной из выдающихся певиц XIX столетия [47].

¹⁰³ **Джулия Гризи** (Grisi) (1811 — 1869) — итал. певица (сопрано) [48].

видеть своего мужа, слышать его шаги и голос, когда его даже не было дома. [7] Примеров того, что одна и та же иллюзия может повторяться, не счесть. Многие из них записаны Хиббертом и Аберкромби, но любой врач, обладающий большим опытом, может легко продолжить список. Сильное сосредоточение — само по себе волшебство. Колдуны на Востоке внушают мысль о необходимости поста, уединения и медитации для развития их воображаемых способностей. И я не сомневаюсь, что они это делают не безуспешно. Потому что пост, уединение и медитация — другими словами, сильно сконцентрированная мысль или воображение — в равной мере приведут к видениям и заставят заклинателя в них поверить. Спинелло¹⁰⁴, который задумал изобразить на своей картине образ Падшего Ангела Люцифера, наконец, действительно стал видеть Тень Дьявола, преследовавшего его. Сам Ньютон был подвержен влиянию призрака, но ему, сыну Света, он являлся похожим на солнце! Ты знаешь, что Ньютон рассказывал об этом видении Локку¹⁰⁵. Он говорил, что, хотя он смотрел на это призрачное солнце только правым глазом, у него сложилось впечатление, что он может видеть левым глазом так же, как и правым. Если он закрывал правый глаз и смотрел на облака, книгу или любой яркий предмет левым глазом, то мог видеть то же солнце почти так же отчётливо, как и правым, но считал, что это происходит под влиянием его воображения. Более того, через несколько месяцев каждый раз, как он начинал размышлять об этом феномене, видение снова повторялось, даже когда он лежал ночью в кровати и окно было занавешено! Зная теперь, как любое яркое впечатление может возвращаться, что удивительного в том, что ты увидел в тюрьме Светящуюся Тень, которая впервые поразила тебя в кабинете колдуна, когда ты был сосредоточен на записях убитого мечтателя? Чем тщательнее ты проанализируешь свои собственные галлюцинации — прости мне это слово, — тем в большей степени они приобретут обычные признаки сна, галлюцинации противоречивые, непоследовательные, даже для чуда, на которое они претендуют. Могут ли какие-нибудь два человека быть так непохожи друг на друга, не только внешне и по возрасту, но, главным образом, своим характером, чем Грейл, о котором ты читал или думаешь, что читал, и Маргрейв, которого ты, несомненно, отождествляешь с живущим всё ещё Грейлом? Один, ты говоришь, — мрачный, угрюмый, с неистовыми страстями, но поражающий величием ума и воли, снедаемый раскаянием. Другого ты мне описал как радостного и своенравного баловня судьбы, сообразительного, но всё же легкомысленного, свободного даже от обычных увлечений юности, находящего удовольствие в невинных развлечениях, неспособного на дальнейшее приобретение знаний и не испытывающего раскаяния в преступлениях, в которых ты его так нелепо обвинил. И теперь, когда твои подозрения опровергаются несомненными фактами, когда ясно, что Маргрейв не убивал сэра Филиппа Дервала и не крал рукопись, ты ещё неосознанно держишь эту мысль в воображении, чтобы оправдать подозрение, которое твой ум отказывается отбросить, и полагаешь, что этот юный волшебник, колдун подтолкнул сумасшедшего к убийству, старуху — к краже...

— Но вы забываете слова сумасшедшего, что его побудила к убийству Светящаяся Тень прекрасного юноши, и то, что сказала старая экономка, почти то же самое, что ей руководило нечто таинственное.

— Я не забыл эти совпадения, но с твоими познаниями пора бы уже перестать думать об этих пустяках и не позволять воображению преувеличивать! Когда ты читаешь о достоверных случаях, например, о призраках, появляющихся в женских монастырях, о признаниях ведьм и колдунов, сделанных в местах, очень удалённых друг от друга, или о спиритических сеансах, о которых теперь известно половине Америки, — имеют ли все эти суеверия что-либо общее? Один человек видит что-то, и другой видит то же самое, хотя между ними не было никакого взаимодействия... Я не могу сказать тебе, почему эти явления так напоминают по своей природе эпидемию, но факт остаётся фактом. Станным остаётся совпадение твоего впечатления от мистической силы с впечатлениями тех людей, чей мозг не нагружен химерами, как твой. Но всё-таки это не настолько просто, чтобы сказать: «Эти совпадения имеют ту же самую природу, что и истории, рассказанные ведьмами о том, как они оседлали метлу и полетели на шабаш танцевать под свист дьявола». Поэтому оставь этот вопрос, как в науке мы должны оставлять многие элементарные и знакомые явления необъяснимыми относительно причины, их вызывающей. И разве настаивать на объяснении и принятии Сверхъестественного мудрее, чем просто оставить его без объяснения?

— И так я должен говорить каждому пациенту, кто доверит мне свою подобную историю? — спросил я, наклоня своё удручённое лицо к ладоням.

— И всё же объяснение в целом не удовлетворяет тебя? Очень может быть: некоторым феноменам всё ещё нет объяснения. Возможно, даже сам Ньютон не мог себе объяснить, почему по ночам его пре-

¹⁰⁴ **Спинелло Аретино** (Spinello) (1346 – 1410) – итал. художник.

¹⁰⁵ **Локк Джон** (Locke John) (1632 – 1704) – англ. философ.

следует солнце. Хотя я не сомневаюсь, что позже какой-нибудь мыслитель, воспитывавшийся на работах Ньютона, к тому времени предложит разумное решение этой загадки. [8] Но вернёмся к твоей истории. Я привёл именно такие объяснения тайн, сбивших тебя с толку, поскольку они кажутся мне разрешёнными с точки зрения физиологической науки. Ты можешь привести другие факты? Можно свести к необыкновенным явлениям явления совершенно естественные, но редкие. А как говорил Гёте: «Тайны не обязательно есть чудо». И, если все объяснения физиологии нас не устраивают, я рискну сделать предположение и, сознавая невежественность, признать Удивительное, так как там, где есть Знание, Удивительное отступает, но там, где Знание колеблется, Удивительное выступает вперёд. И всё же даже в этих предположениях я отличу Удивительное от Сверхъестественного. Но пока советую тебе принять гипотезу, которая наилучшим образом успокоит пылкое воображение, так как другое, более смелое предположение, может только ещё больше его взволновать.

— Вы правы, — ответил я, поднимаясь в полный рост. — И давайте не будем говорить об этом больше. И сам я не буду больше думать об этом. Я верну безоблачное спокойствие своему рассудку. И в этом спокойствии буду смеяться над колдунами и презирать призраков.

[1] Битти. «Очерк об Истине» (*Beattie's "Essay on Truth"*), часть I, глава II.

«Искатель приключений» (*"The Adventurer"*). Здесь можно найти рассказ о Саймоне Брауне (*Simon Browne*).

[2] Мюллер. «Физиология сознания» (*Muller's Physiology of the Senses*), стр. 394.

[3] Аберкромби. «Об умственных способностях» (*Abercrombie on the Intellectual Powers*), стр. 281. (15-е издание).

[4] В то время, к которому относится разговор Фабера с Аленом Фенвиком, вызов духов ещё не был распространён в Европе, как в Америке. Но даже если бы спиритические сеансы имели место здесь, взгляды Фабера, без сомнения, остались бы неизменными.

[5] Аберкромби. «Об умственных способностях» (*Abercrombie on the Intellectual Powers*), стр. 278. (15-е издание).

Этот автор рассказывает любопытную историю, иллюстрирующую «аналогию между сном и оптическим обманом». История эта произошла с его другом, выдающимся врачом.

Как-то поздно вечером, сидя на стуле в сильном беспокойстве за одного из своих детей (ребёнок был болен), он уснул и увидел страшный сон, в котором главную роль играл огромный павиан. В ужасе он проснулся, вскочил с места и прошёл к столу, стоящему посреди комнаты. Он на самом деле бодрствовал и совершенно чётко сознавал предметы вокруг себя. Но рядом со стеной в конце комнаты он ясно увидел павиана, корчившего такие же гримасы, что и во сне. Призрак оставался видимым примерно полминуты.

Человек, видевший только павиана, будет склонен признать, что это был оптический обман. Но если бы вместо павиана он бы увидел близкого друга, умершего недавно, было бы очень умно с его стороны предположить, что причина этого явления та же самая, что при появлении павиана.

[6] См. замечания Мюллера об этом феномене в «Физиологии сознания» (*Muller's "Physiology of the Senses"*), стр. 1395 в переводе Бэля (*Baley*).

[7] См. «Письма о магии» сэра Дэвида Брюстера (*Sir David Brewster's Letters on Natural Magic*), стр. 39.

[8] Объяснение Ньютона следующее: «Эта история, которую я вам рассказываю, позволяет понять, что человеческое воображение, вероятно, совпало с впечатлением, оказанным на него солнечным светом, и породило этот призрак солнца, который постоянно был виден на ярких предметах. И таким образом ваш вопрос о причине этого феномена вызывает другой вопрос, о силе воображения, который, должен признать, слишком сложен для меня. Наблюдать это явление постоянно — тяжело, так как солнце в таком случае должно появляться постоянно. Должно быть, когда рассматривались яркие предметы, это прозрачное солнце перемещалось под воздействием света и воображения и воспринималось сознанием». Письмо Исаака Ньютона Локку, т. I, стр. 405-408.

Д-р Роджет («Животная и растительная физиология, рассмотренная с позиций богословия» (*Dr. Roget's Animal and Vegetable Physiology considered with reference to Natural Theology*), стр. 524, 525) обращается к этому явлению, которое, по его словам, «может испытать любой из нас»:

«Когда впечатления очень ярки (д-р Роджет говорит о впечатлениях, воспринимаемых зрением) другой феномен часто имеет место, — а именно, их последующее повторение после некоторого интервала, в течение которого они не ощущаются и весьма независимы от первоначально вызвавшей их причины. (Жирным курсивом я выделяю слова, которые наиболее точно совпадают с объяснениями Юлия Фабера) *Если, например, мы пристально смотрим на солнце секунду или две, а потом сразу закрываем глаза, изображение, или образ, солнца ещё долгое время остаётся видимым и воспринимаемым сознанием, как если бы свет всё ещё действовал на сетчатку. Потом оно постепенно исчезает, но, если мы и дальше будем держать глаза закрытыми, это изображение после некоторого промежутка времени снова появится и снова исчезнет. И это явление будет повторяться с промежутками, становясь с каждым повтором всё слабее. Вероятно, эти появления изображения после того, как свет перестаёт действовать на сетчатку, вызываются произвольными процессами в сетчатке и передаются сознанию. В других случаях, когда впечатления не так сильны, физические изменения, вызывающие эти явления, возможно, ограничены сознанием».*

Можно сказать, что существует различие между призрачным солнцем и тем фантомом, что озадачил Алена Фенвика. А именно: солнце на самом деле можно было созерцать до того, как появился его призрачный образ, а Ален Фенвик только считает, что видел призрака, который возвращался к нему в его воображении. «Но есть основания подозревать, — говорит д-р Хибберт в «Философии» (*Dr. Hibbert's Philosophy of Apparitions*), стр. 250, — что, когда мысленные образы видения оживляются воображением, соответствующее раздражение зрительного нерва сопровождает иллюзию». Мюллер («Физиология сознания», стр. 1392, перевод Бэля) с ещё большей убедительностью настаивает на этом мнении. А сэр Дэвид Брюстер, цитируемый д-ром Хиббертом (стр. 251), говорит: «Исследуя эти впечатления сознания, я обнаружил, что они сопровождают движения глазного яблока точно так же, как призрачные впечатления — светящиеся объекты. И если этот вывод (о котором я говорю с большой долей недоверия, поскольку я пришёл к нему только на основании собственного опыта) будет подтверждён другими, то это будет означать, что предметы, которые представляются только воображению, могут быть видимы так же отчётливо, как реальные предметы». Следовательно, впечатление от изображения, однажды переданное сознанию (причём не имеет значения, впечатление ли это от реального или мнимого предмета), склонно повторяться «независимо от причины (исходной, которая когда-то впервые вызвала это впечатление, или какой-либо другой)», и предмет при появлении может быть виден «так же отчётливо, как реальный предмет», и при этом большую роль играет сетчатка, получившая когда-то исходное изображение.

ГЛАВА 46

Юлий Фабер и Эми Ллойд оставались в моём доме три дня, и в их присутствии я ощущал безопасность и спокойствие. Эми захотела посетить дом своего отца, и я попросил Фабера воспользоваться случаем и пойти к Лилиан вместе с ней, а потом передать мне своё впечатление от визита. Предварительно я написал миссис Эшли записку. Когда старик и девочка вернулись, оба принесли мне утешение. Эми была очарована Лилиан, которая встретила её со всем добродушием, свойственным её характеру. И мне было приятно слышать, как эти невинные уста произносили похвалу Лилиан.

Слова Фабера ещё больше облегчили мне душу.

— Я встретился с ней, и мы долго беседовали. Ты был совершенно прав: нет никаких признаков туберкулёза в этом хрупком, если не болезненном, организме. И я не вижу причины для страха, который до этого вызвали во мне твои слова. Но она физически предрасположена к любым умственным недомоганиям. У неё сильно воображение, это так. Но оно уравнивается действием других сил, сейчас, вероятно, только дремлющих, но которые пробудятся, как только жизнь откроет перед ней её обязанности. В настоящий момент что-то, очевидно, удручает её. В разговоре со мной она была апатичной, рассеянной. Но я так уверен в её правдивости, что думаю, несмотря на её отказ тебе, всё пройдёт, когда рассеются тучи на её воображении.

Фабер был сторонником основных идей френологии¹⁰⁶, хотя и не мог принять всех догм Галля¹⁰⁷ и Шпурцгейма¹⁰⁸. А, по-моему, сэр Уильям Гамильтон¹⁰⁹, приведя вразумительные аргументы, сделал блестящее опровержение её фундаментальных положений. [1] Но когда Фабер остановился на своих френологических наблюдениях относительно Лилиан, я забыл сэра Гамильтона и поверил во френологию. Так же, как железо расширяется и сжимается с изменением температуры, человеческий ум может изменять свои суждения в соответствии с движениями сердца. Но это безопасно только в том случае, когда эти изменения предсказуемы и обусловлены мудростью самопознания. [2]

В привязанности между Юлием Фабером и Эми Ллойд было что-то, что коснулось моего сердца и смягчило его. Этот человек, такой же несчастный, как и я, лишённый супружеских и родительских связей, в своём преклонном возрасте нашёл утешение в любви ребёнка, тогда как я, в расцвете сил, — в любви женщины. Но его любовь не знала страха, ревности и проблем. Солнечный свет пробился ко мне дрожащим лучом, сквозь сгустившиеся вокруг меня тучи, в момент расцвета моей жизни. Его же свет заливал всё вокруг него, освящённый спокойствием, на закате дней.

А Эми была необычным ребёнком. У неё не было богатого воображения. До неё никогда не доносился шёпот издалека. Она была существом, приспособленным к жизни на земле, — со всеми её обязанностями и радостями. Она проявляла заботливую наблюдательность ко всем важным мелочам по хозяйству. Было приятно видеть её идущей бесшумно по комнатам, предоставленным мною её почтенному покровителю. Ей были известны все его желания, и она выполняла их по зову своего сердца. Иногда, когда я видел, как она ставит его стул у окна (зная, как и я, что он любит сидеть в светлом месте), как раскладывает его бумаги, которые он всегда держал в беспорядке, как кладёт закладку в его книгу, как только он переставал читать, как угадывает даже почти без его взгляда проносящиеся в его мыслях желания, а потом садится у его ног, часто с какой-нибудь работой, которую она всегда делала для него или для своих братьев, время от времени с маленькой книжкой (избранными библейскими историями, собранными для детей), которая всегда была при ней, — тогда мне хотелось, чтобы Лилиан тоже могла увидеть её и сравнить свои собственные фантазии с жизнью этой юной Женщины!

Но разве мне самому, гордящемуся даже в затруднениях своим интеллектом, не из чего было извлекать для себя уроки?

На второй вечер после посещения Фабером дома Эшли я принёс ему проект дел по продаже его собственности. Он никогда не мог хорошо разбираться в делах, выходящих за рамки его профессии. Ему не терпелось продать поскорее имущество, и он готов был продать его за полцены. Я настаивал на том, чтобы взять на себя роль посредника и, возможно, в этом деле я эгоистично стремился доказать выдающемуся врачу, что моя «галлюцинация», в которую он верил, никоим образом не отразилась на моём здравом смысле в решении повседневных жизненных вопросов. Таким образом, я заключил сделку, быстро и на более выгодных условиях, чем ему представлялось. Но когда я приблизился к нему с бумагами, он приложил палец к губам: Эми стояла возле него со своей маленькой книгой в руке, и его собственная Библия лежала на столе раскрытой. Он читал ей отрывок из Священного текста и запечатлевал в её душе силу и красоту одной из притч, которую ей самой было трудно понять. Когда он закончил чтение, она поцеловала его, пожелала доброй ночи и ушла спать. И только тогда Фабер задумчиво сказал, даже больше самому себе, чем мне:

— Какой прекрасный мост между старостью и детством — религия! Как в начале жизни ребёнок интуитивно начинает с молитвы и почитания Бога, так и в конце её старик интуитивно обращается к молитве и почитанию, становясь бок о бок с младенцем!

Я не ответил, но после паузы заговорил о штрафах и безусловном праве собственности на недвижимость, документах и деньгах, а когда с делами было покончено, я спросил своего учёного гостя, не соизволит ли он перед отъездом взглянуть на мою претенциозную работу по физиологии. По некоторым вопросам я очень желал услышать его мнение, поскольку он обладал в этой области обширными познаниями.

¹⁰⁶ **Френология** — учение о локализации отдельных психических способностей в различных участках мозга.

¹⁰⁷ **Франц Иосиф Галль** (Franz Joseph Gall) (1758 — 1828) — австр. врач и анатом, создатель френологии.

¹⁰⁸ **Иоганн Каспар Шпурцгейм** (Johann Kaspar Spurzheim) (1776 — 1832) — соратник Ф. И. Галля. С 1810 по 1820 годы ими написана большая работа по френологии «Анатомия и физиология нервной системы».

¹⁰⁹ **Сэр Уильям Гамильтон** (Hamilton, Sir William) (1788 — 1836) — шотл. философ, противник френологии.

Он попросил меня принести ему рукопись и посвятил большую часть ночи и следующего дня её чтению.

Он вернул мне её только утром, в день своего отъезда, и так хвалил размах моей работы и манеру изложения, что польстил моему тщеславию, и я не мог не воскликнуть:

— Значит, здесь, по крайней мере, нет следов «галлюцинации»!

— Увы, мой бедный Алэн! Здесь, возможно, галлюцинация или самообман более очевидны, чем во всех странных рассказах, что ты мне поведал. Здесь имеет место заблуждение человека, сидящего на морском берегу и готового сказать бескрайнему морю: «Ты простираешься так далеко, но не более того». Здесь имеет место заблуждение существа, не стремящегося к изучению законов Создателя, а ограничившегося объяснением трёх-четырёх законов. Остальные же остаются для него сказанными на неизвестном языке, подчинёнными мощи и свободной воле самого Законотворца. Здесь заблуждение человека, для которого в Природе нет Бога, поскольку в Человеке нет души. Какое значение будут иметь все наши размышления о Боге, который перестанет существовать для нас, как только мы скроемся в могиле? К чему измерять, подобно Архиту¹¹⁰, землю и море, бесчисленные пески на берегу, их разделяющим, если всей этой мудрости суждено стать горсткой пыли, брошенной поверх черепа!

Nec quisquam tibi prodest

Aeris tentasse dornos, animoque rotundum

*Percurrisse polum naorituro*¹¹¹.

Твоя книга — доказательство души, которую ты не в состоянии обнаружить. Без души ни один человек не смог бы трудиться ради Будущего, наступающего в момент, когда дыхание оставляет тело. Помнишь, ты видел маленькую девочку, которая молилась на могиле своего отца? Сказать ли тебе, что в своих простых молитвах она молилась о благодетеле, о том, кто заботился о сиротах, кто воздвиг на могиле надгробие, которое на христианских кладбищах является безмолвным, но осязаемым памятником христианским надеждам? Сказать ли, бездушный ты человек, что ребёнок молился о тебе? И ты сидел там, ничего об этом не зная. Сидел среди могил, обеспокоенный и измученный ужасными сомнениями, скептик, потрясённый чудом. Мне сказать ей, чтобы она не молилась о тебе больше? Сказать, что ты не веришь в существование души? Если ты не веришь, какова эффективность молитвы? Говори, мне сказать ей это? Сказать сироте, чтобы она не молилась о тебе больше?

Я молчал. Я был сильно взволнован.

— Тебе никогда не случалось, тебе, кто, в отрицании естественных процессов познания, таких, как идеи, перешёл к заключениям, от которых бедный Локк, смиренный христианин, пришёл бы в ужас... Тебе никогда не случалось прийти к мысли, что самый простой способ обучать ребёнка, — это тот, который кажется самым сложным из всех возможных? Почитай всех тех философов, что спорят о Первопричине, заключают, что есть чудеса, а потом решают, что такие чудеса не могут иметь место. И когда они ответят друг другу, пребывая в своём невежестве, *caput mortuum*¹¹², обернись и взгляни на сироту, молящуюся на коленях своей матери незримому Богу. Эту чудесную мысль о существовании сверхъестественной Силы (которую ребёнок никогда не видел и которую ему не может обозначить и объяснить никакой, даже самый мудрый мудрец), Силы, которая, тем не менее, охраняет его, слышит его, видит его, проведёт через могилу и позволит ему жить вечно, это таинство Божественности и Души ребёнок познаёт с лёгкостью, при первом же появлении возможности рассуждать. И до того, как ты осмелишься обучать его, он уже готов с рвением интуитивно постигать истины, которые остаются для неуклюжих мудрецов непостижимыми! И ты стоишь передо мной и не решаешься произнести: «Позвольте ребёнку не молиться больше обо мне!» Но примет ли Создатель молитву ребёнка о человеке, который сам себе отказывает в молитве? Прими мой совет: молись! И в этом совете я не выхожу за границы своей сферы деятельности. Я говорю не как проповедник, но как врач. Слово «здоровье» охватывает весь наш организм, и простое равновесие способностей и функций организма есть условие здоровья. Как в

¹¹⁰ **Архит** Тарентский (лат. Archytas, Тарент, 428 год до н. э. — 347 год до н. э.) — философ-пифагореец, математик, теоретик музыки, государственный деятель и полководец. Был современником и другом Платона.

Архиту принадлежит классический довод в пользу бесконечности Вселенной:

«Окажись я на краю Вселенной, то есть на сфере неподвижных звёзд, мог бы я вытянуть вовне руку или палку в ней? Допущение, что не мог бы вытянуть, нелепо. Но если вытяну, тогда то, что вовне, окажется либо телом, либо местом (что совершенно безразлично). Таким образом, сколько раз не допускай границу Вселенной, всякий раз мы будем аналогичным образом подходить к ней и задавать тот же самый вопрос» [50].

¹¹¹ И никто не приносит тебе помощь, Кипрский царь Аэриус (лат.)

¹¹² **Caput mortuum** (лат.) — нечто мёртвое, лишённое живого содержания, лишённое смысла.

твоей Лилиан равновесие нарушено чрезмерным потаканием мистицизму, что отнимает существенную долю рассудительности, так в тебе решительное отрицание духовной связи между Мыслью и Божественностью обедняет воображение и не даёт ему проявляться. И таким образом, две крайности, ты и Лилиан встречаешься, как в тумане, потеряв из виду друг друга и истинный смысл жизни, и её взгляд обращён к звёздам, а твой прикован к земле. Если бы я давал ей совет, я бы сказал: «Твой Создатель определил тебе место испытаний, и оно не на звёздах, а ниже». А тебе говорю: «Проходя своё испытание на земле, человек должен осознать необходимость развития духовности». Одним словом, я бы пригнул вниз её воображение и приподнял бы твоё. Так прими же мой совет — молись. Твоя психика нуждается в помощи молитвы, чтобы восстановить своё равновесие. В смятении и замешательстве придёт ясность восприятия с безмятежной верой в Того, кто управляет вселенной и читает в сердцах. Я говорю только то, что уже было давно и намного лучше сказано тем, кого исследователи Природы признали своим руководителем. Я вижу у тебя на столе тот самый том Бэкона, что содержит отрывок, который я рекомендую тебе обдумать. Вот он. Слушай: *«Возьми для примера собаку и отметь, какое великодушное и неустрашимое она проявит, когда поймёт, что о ней заботится человек, который для неё вместо Бога, или *melior natura*¹¹³, чья храбрость такая же, как её собственная. Но без веры в лучшую природу, чем её собственная, она не смогла бы достичь такой храбрости. Так и человек, когда осознаёт, что находится под покровительством Бога, приобретает силу и веру, которую без этого человеческая природа не смогла получить»*. [3] Ты молчишь, но я вижу, ты сомневаешься. И об этом сомнении твоё сердце, такое мягкое, не скажет громко, чтобы не отнимать у старика надежду. Ты сомневаешься в эффективности молитвы! Постой и поразмысли, смело, но беспристрастно, над законами Природы. Если бы молитва была бесполезна, если бы она была всего лишь простым заблуждением суеверной фантазии, против которой восстаёт твой рассудок, могла ли бы она тогда существовать в Природе? Ты думаешь, если бы действительно не существовало связи между человеком и его Создателем, этой связи между жизнью здесь и жизнью после смерти, которая становится возможной только благодаря Духу, ты застал бы когда-нибудь ребёнка за Молитвой? В Природе нет ничего ненужного. Природа не склоняет левиафана или льва, орла или мотылька к молитве. Только человека. Почему? Потому что только у человека есть душа, которая стремится общаться с Вечным, как со своим Первоисточником. Сожги свою книгу. Она снискала бы тебе репутацию человека образованного, умного, смелого, но всё это ничтожно по сравнению с истиной, как водяная пыль по сравнению со скалой! Истина, представляющая ценность для мира, никогда не исчезнет. Ты не нанесёшь ей вреда, но введёшь в заблуждение многих и разрушишь благополучие тех, для кого истина превыше всего, а ты её так стремишься представить небылицей. Дух и Жизнь после смерти унаследовали все люди. Простой ремесленник, самый мелкий торговец за прилавком имеют преимущества благодаря своей вере. Ты бы навредил им своими теориями. Большую часть жизни я отдал изучению жизни, и я бы согласился скорее прочитать банальнейшую проповедь или написать бездарнейшую поэму, в которой бы рассказывалось о бессмертном существовании души, которую нельзя ни постичь, ни обнаружить с помощью скальпеля, чем стать основателем вреднейшей школы или автором сочинения, которое отняло бы у моих последователей веру в существование души, которой не страшен могильщик. Сожги свою книгу! А взамен возьми вот эту. Читай и молись.

С этими словами Юлий Фабер вложил в мою руку свою Библию и обнял меня, а час спустя вместе с Эми покинул мой одинокий дом.

[1] Краткое изложение взглядов Гамильтона на френологию можно найти в приложении к первому тому его четырёхтомной работы «Лекции по метафизике» (*“Lectures on Metaphysics”*, издание 1859 года), начиная со стр. 404.

[2] Изменение длины железных брусьев, вызванное перепадами температуры, довольно часто приводило к деформации целого сооружения. Хорошие инженеры и архитекторы учитывают такие изменения, вызванные температурой. Ранний висячий мост через пролив Менай¹¹⁴ использовал железные цепи. И в нём применялась система ежедневного автоматического составления отчётов о таких сжатиях и расширениях.

[3] Ф. Бэкон. Эссе об атеизме. (*Bacon’s “Essay on Atheism”*).

¹¹³ **Melior natura** (лат.) — лучшая природа.

¹¹⁴ **Пролив Менай** (валл. Afon Menai — река Менай) — узкий мелководный пролив шириной примерно в 14 морских миль (23 км), отделяющий остров Англси от Уэльса. Минимальная ширина пролива — 200 м, наименьшая глубина — 0,5 м. Пролив пересекают два моста: мост Британия и Висячий мост через Менай [49].

ГЛАВА 47

Этой ночью в своём кабинете, очень задумчивый и очень печальный, я обдумал всё, что мне сказал Юлий Фабер, и впечатление, произведённое на меня его словами, постепенно становилось всё слабее и слабее по мере того, как мой рассудок, решительно настроенный, находил ответы, которые поддерживались моей философией. Нет, если моё воображение действительно обмануло меня и склонило к ужасающим суевериям, то было ясно, что наилучшим лекарством от этого станет развитие способностей, противостоящих суеверию, теоретические умозаключения и изучение науки, основанной на непреложных фактах. Поэтому я положил перед собой ту самую книгу, которую Юлий Фабер советовал мне сжечь. Я напряг все силы своего ума, чтобы снова пройтись по всем тем отрывкам с рассуждениями, которые вызвали его порицание. И ещё до рассвета я сформулировал сущность его идей и свой логический ответ на них в детально продуманном приложении к моей главе «О философасентименталистах». Таким образом, отклоняя суть его прощальных наставлений, я воплотил в другой части своей работы его взгляды на мои «иллюзии». А поскольку здесь мой здравый смысл согласовывался с его, я изложил все свои прежние сомнения в приложении к моей любимой главе «О жульнических проделках воображения». И когда перо выпало из моей руки и слабый свет утренней звезды пробился в окно, моё сердце освободилось от привязанности к умственному труду и снова обратилось к образу Лилиан. Гордость философа оставила меня, печаль поглотила. И, подавленный, я отпрянул от света встающего солнца.

ГЛАВА 48

Как только в суде закончились слушания по делу убийцы сэра Филиппа Дервала, останки покойного были отправлены в семейный мавзолей. Похороны были, как и следовало ожидать, закрытыми, и когда всё закончилось, волнение, вызванное случаем, столь трагическим и из ряда вон выходящим, утихло. Появлялись новые темы для обсуждения, и в моём присутствии, по крайней мере, деликатная предупредительность человека, чьё имя было так мучительно впущено в эту зловещую историю, сдерживала разговор, который был бы для меня невыносимым. В моём доме часто бывала миссис Эшли, она честно призналась, что Лилиан не выказывает признаков горя, связанного с нашим разрывом, что дало бы возможность ей, миссис Эшли, просить меня о встрече со своей дочерью, о том, чтобы я пересмотрел своё решение о нашем союзе. Она говорила, что Лилиан спокойна, печальна, никогда не упоминает в разговоре ни меня, ни Маргрейва, но кажется отсутствующей и погружённой в свои мысли, как и раньше, и не находит прежнего удовольствия ни в одном из своих привычных занятий: ни в музыке, ни в книгах, ни в безмятежном времяпрепровождении, которое женщины называют занятием, дающим им право размышлять, в праздности, о своих фантазиях. Она редко выходила из дома, даже в сад, а когда выходила, старалась не смотреть в сторону дома, где квартировал Маргрейв, и избегала своего излюбленного места у Стены Монаха. Она могла молчать часами, но её молчание не казалось меланхолией. Во всём же остальном, её здоровье было даже лучше, чем всегда.

До сих пор миссис Эшли упорно продолжала верить, что рано или поздно Лилиан придёт в себя и её чувства ко мне воскреснут, и она упрашивала меня не распространять известие о том, что наша помолвка разорвана. «Если случится так, — говорила она здравомысляще, — что помолвка окажется не окончательно расторгнутой, а только отложенной и впоследствии счастливо восстановленной, то появится ещё одна возможность обсуждать это, когда этого можно избежать. И ещё я боюсь того, как отразятся на Лилиан оскорбительные сплетни на столь любопытную тему, как разрыв союза, к которому изначально наши соседи проявили такой интерес».

У меня не было причины отказывать миссис Эшли в этой просьбе, хотя я и не разделял её надежд. Я чувствовал, что мои большие планы на будущее потерпели крах, что я никогда больше никого не полюблю и никогда ни на ком не женюсь. Я уединился в своём доме, радуясь, по крайней мере, что Маргрейв больше не посещал миссис Эшли, что он на самом деле не появлялся больше в городе. Он всё ещё оставался у Стрехена, который сказал мне, что его гость устроился в старом кабинете Формана и занимал себя или чтением, хотя и не долго (в библиотеке были найдены любопытные старые книги и рукописи), или лазанием по деревьям, как мальчишка, или вознёй с крупным рогатым скотом и оленями, которые окружали его, совсем как ручные, и ели из его рук. И разве это было похоже на описание преступника? Но если утверждение сэра Филиппа было совершенно верным, если преступник был человеком, лишённым души и, следовательно, совести, человеком, не испытывающим волнения раскаяния и

неясный страх перед будущим, почему тогда преступнику не быть весёлым и беззаботным, несмотря на совершённые преступления, и не прыгать, подобно белому медведю, отведавшему человеческой плоти? Эти вопросы преследовали меня, несмотря на то, что я решил принять, как единственно верное, объяснение, данное Юлием Фабером.

Дни проходили за днями, я не видел Маргрейва и ничего о нём не слышал. Я уже наполовину надеялся, что из-за своей бессвязной, быстрой смены настроения, свойственной его беспокойной натуре, он и забыл о моём существовании.

Однажды утром я рано вышел на обход своих больных и неожиданно встретился со Стрехеном.

— Я вас искал, — начал он. — Вот уже несколько человек говорят мне, что вы выглядите больным и изнурённым. Так и есть! В городе сейчас жарко, и находиться в нём — вредно для здоровья. Вы должны приехать в поместье Дервал на неделю. А к больным вы можете ездить в город каждый день. Не отказывайтесь. Маргрейв, который всё ещё живёт у меня, передавал привет и просил меня сказать, что он умоляет вас приехать в дом, где он также гость.

Я вздрогнул. Что Син-Лека просил у меня и на что получил моё согласие? «Если тебя пригласят в дом, где я также буду гостем, ты придёшь. Ты встретишь меня там и будешь говорить так, как гость говорит с гостем в доме хозяина!» Было ли это одним из совпадений, которые мой рассудок считал всего лишь совпадениями и ничем больше? Что же это такое! Я снова вернулся к своим «галлюцинациям»? Если допустить, что Фабер и здравый смысл были правы, кем тогда был этот Маргрейв? Человеком, перед которым я, благодаря его дружбе, проницательности и энергии, был в неизмеримом долгу. Человеком, чья действенная помощь отвела от моей жизни серьёзную опасность, спасла моё доброе имя от ужасных подозрений.

— Благодарю, — ответил я Стрехену. — Я приеду, не на неделю, конечно, но, во всяком случае, на день-два.

— Вот и хорошо. В шесть часов я пришлю за вами экипаж. Вы закончите все свои дела до шести?

— Конечно, я буду готов.

Этим вечером по дороге в поместье Стрехен очень много говорил о Маргрейве, от которого он, тем не менее, начинал уставать.

— Его бодрое настроение слишком тяжело выносить одному, — рассказывал Стрехен. — Из-за своей неугомонности он не в состоянии поддерживать спокойный разговор. И, хотя он толковый парень, он не сможет мне помочь в новом доме, который я буду строить. Он ничего не смыслит в строительстве. Думаю, он не смог бы построить и сарая.

— Я думал, вы не хотите сносить старый дом целиком, а только его самую старую часть.

— Да, поначалу казалось, жалко сносить такой красивый особняк, но, видите ли, с тех пор, как рукопись бедного сэра Филиппа, которой он придавал огромное значение, была так сильно повреждена (боюсь, для того, чтобы заставить меня с большим уважением относиться к его воле), думаю, я должен, по крайней мере, остальным его капризам добросовестно подчиниться. И, кроме того, я прямо не знаю, в старом доме слышны какие-то странные звуки. Я не очень-то верю в дома с привидениями, но есть что-то ужасающее в этих звуках посреди глубокой ночи, и похожи они на крысиный писк или на завывание ветра в гнилых стропилах. Насколько я помню по университету, у вас была склонность к архитектуре, и вы можете сделать чертежи. Я хочу воплотить замысел сэра Филиппа, но уделить комфорту больше внимания.

Он говорил не переставая, довольный тем, что нашёл во мне молчаливого, внимательного слушателя. Мы добрались до особняка за час до захода солнца. Его лучи освещали многочисленные окна, и в этом свете картина полного обветшания старого места становилась всё более очевидной.

До обеда оставалось всего несколько минут. Я сразу поднялся в отведённую мне комнату, не ту, что я занимал раньше. Стрехен уже нанял новых слуг. Сопровождавший меня слуга оказался моим старым знакомым, чему я был очень рад. Он работал у меня в то время, когда я только обосновался в Л****, а потом меня покинул, чтобы жениться. Он и его жена теперь служили у Стрехена. Пока он распаковывал мой саквояж и помогал мне переодеваться, он тепло отзывался о своём новом хозяине и выражал удовлетворение своей новой жизнью. Но главной темой его разговора и предметом его похвал был мистер Маргрейв.

— Какой прекрасный молодой джентльмен, как первый майский день!

Когда я вошёл в гостиную, Маргрейв и Стрехен уже оба были там. Первый был весел и общителен, как обычно на приёме. За обедом и на протяжении всего вечера, до тех пор, пока мы не разошлись по своим комнатам, в основном, он только и говорил: рассказывал о происшествиях во время путешествий, всегда непонятно как связанных друг с другом, шутил, довольно добродушно, над внезапно появив-

шимся у Стрехена увлечением строительством, но никогда не ждал на свои замечания ответа. А время от времени, как будто невзначай, он поражал нас каким-нибудь блестящим афоризмом, научным положением или цитатой из неизвестных книг. Одним словом, это было блестяще, но я хорошо понимал, что, если так будет продолжаться и дальше, это станет утомительным. У души есть потребность в отдыхе, в спасении не только от тела, но даже и от ума. Человек высочайшего интеллекта будет испытывать моменты, когда интеллект не просто изнурит его, но когда среди его первоначальных представлений и выдающихся достижений найдётся место банальному. И тогда, вглядываясь в пространство, он перестанет думать о проблемах и предастся мечтательности, не отличающейся ничем от мечтательности невинного ребёнка! У души долгий путь в вечности. На это требуются часы созерцания. Созерцание безмятежно. Но Маргрейв не испытывал подобных желаний, возникающих у бессмертного духа. У него не было потребности ни в дружбе, ни в сострадании. И, тем не менее, этих строк, которые я уже написал, я мог бы не написать никогда.

ГЛАВА 49

На следующий день у меня не было необходимости возвращаться в Л****. Ранние утренние часы я посвятил Стрехену и его строительным планам. Маргрейв входил и выходил из комнаты, мелькал лихорадочно, как солнечный луч в апреле. Иногда бросался на диван и читал на протяжении нескольких минут один из томов древних мистиков, которыми была так богата библиотека сэра Филиппа. Помню, в руках у Маргрейва был том Прокла¹¹⁵ и он читал его работу на труднейшем греческом языке и с такой беглостью, что поразил меня. «Я обучился древнему греческому, — сказал он, — много лет назад, когда учил современный». Но книга скоро утомила его. Он поднялся и потревожил нас, насмешливо наслаждаясь раздражительностью, которую выказал Стрехен, когда его оторвали от дел. Потом он открыл окно и выпрыгнул из него, напевая одну из своих диких мелодий. А в следующее мгновение он уже наполовину скрылся под свисающими ветвями раскидистой липы, среди оленей, доверчиво окруживших его. Днём мой хозяин должен был отлучиться, чтобы принять некоторых важных посетителей, и я оказался на газоне перед домом, рядом с мавзолеем, наедине с Маргрейвом.

Я отвёл глаза от немого Дома Смерти, в котором покоились останки последнего хозяина поместья, убитого при таких странных обстоятельствах. У меня было сильное желание высказать Маргрейву все сомнения, измучившие меня, но я вспомнил про своё обещание, которое дал, или думал, что дал, светящейся Тени. Но ведь это невозможно! Невозможно при одном только взгляде на юное сияющее лицо Маргрейва думать, что именно ему я давал своё обещание! И сейчас, по прошествии стольких лет, мне кажется, что я вижу его перед собой, таким, каким видел его тогда. Белая олениха, которую даже моё присутствие не могло отпугнуть от него, доверчиво лънула к нему, глядя на него своими ласковыми глазами. Он стоял, подобный истинному воплощению чувственной жизни. Когда-то я уже приводил такие рассуждения, и всё же разрешите повториться. Невозможно, повторяю, сказать этому существу прямо в лицо: «Обладаешь ли ты демоническими способностями? Это ты подстрекатель к загадочному убийству?» Как будто от избытка наполнявшего его счастья, он жужжал, или, скорее, ворковал свою мелодию, такую дикую, такую сладкую и так не похожую на музыкальные мелодии, которые можно услышать в переполненных людьми комнатах! Я провёл рукой по лбу в замешательстве и страхе.

— Есть ли, — невольно произнёс я, — есть ли, на самом деле, такие чудеса в Природе?

— Природа! — вскричал Маргрейв, хватаясь за слово. — Говорите со мной о Природе! Говорите о ней, удивительной, блаженной матери! Я вполне могу называть её матерью. Я её испорченный ребёнок, её любимец! Но, о... чтобы умереть, когда-либо умереть, когда-нибудь потерять её из виду! Чтобы бессмысленно гнить где-нибудь под торфом или в этих мёртвых стенах...

Я не мог удержаться от ответа:

— Как тот убитый! Убитый, и кем?

— Кем? Я думал, уже было ясно доказано, кем.

— Было доказано, чья рука это совершила. Но что её к этому подтолкнуло?

— Тьфу! Бедный негодяй говорил о Демоне. Кто может сказать? Сама Природа — великий разрушитель. Смотрите, что за прелестная птица! А в её клюве корчится червяк. Все дети Природы живут, чтобы забрать жизнь. И нет никого, кто преуспел бы в этом больше человека. Какие гекатомбы¹¹⁶ со-

¹¹⁵ **Прокл** (412 — 485) — древнегреческий философ-неоплатоник, глава Афинской школы, крупнейший и влиятельнейший философ поздней античности.

¹¹⁶ **Гекатомба** — в Древней Греции: торжественное жертвоприношение (первоначально из ста быков или других животных).

вершались ради развратного хвастовства на пиршестве, а не ради удовлетворения человеком непреодолимого жала голода, который он едва ли мог испытать! Или ради спортивного интереса, когда человек находил удовольствие в разрушении! Мы страшимся хищников. Но какой хищник может оказаться страшнее человека, более жестоким и более подлым? Взгляните на вон ту отару овец, которых развели и откормили на убой, или взгляните на лань, которую я ласкаю. Если бы я был владельцем парка и пришло бы время её застрелить, неужели вы думаете, что её жизнь была бы в большей безопасности, ведь в своей праздной прихоти я приручил её, чтобы она доверилась руке, поднятой на неё, чтобы убить?

— Это правда, — ответил я, — мрачная правда. Природа, на поверхности такая любящая и нежная, полна ужаса в своих глубинах, когда наша мысль спускается в их пропасть!

К нам присоединился Стрехен в сопровождении посетителей.

— Маргрейв — человек, который сможет показать вам красоты этого парка, — сказал он. — Маргрейв знает каждую рощицу и лощину, каждый кустарник и открытую поляну, каждый холм.

Маргрейв, казалось, был доволен такой оценкой. Он повёл нас через парк, и хотя путь был длинен и солнце палило нещадно, никто не выглядел уставшим. С удовольствием он показывал нам красоты, спрятанные от обычного человеческого взгляда. Он не говорил, как поэт или художник. Но при игре света и тени в дрожащих листьях, при внезапном проблеске весёлого ручейка он останавливался и указывал нам на них в тишине, и с выражением детского иступлённого восторга на своём сияющем лице он, казалось, отражал жизнь и счастье весёлого летнего дня.

И все мои сомнения в его тёмной загадочной природе исчезли, весь мой ужас, вся моя ненависть. Было невозможно сопротивляться исходявшему от него очарованию, не испытывать по отношению к нему нежного-нежного чувства, как к счастливому ребёнку. Он справедливо мог называть себя Любимцем Природы. А разве не был он прекрасным, как Аполлон, с одной стороны, и ужасным, как Тифон¹¹⁷, с другой?

ГЛАВА 50

— Какая у вас странная трость, сэр! — воскликнула маленькая девочка. Она была в нашей компании и сейчас обвивала своей ручкой руку Маргрейва. — Дайте мне посмотреть.

— Да, — отозвался Стрехен, — на эту трость, или, скорее, жезл, стоит посмотреть. Маргрейв купил его в Египте и уверяет, что он очень древний.

Этот жезл, казалось, был сделан из тростника: он выглядел лёгким, но, если взять его в руку, ощущалась тяжесть. Его бледную желтизну украшали чёрные кольца, размещённые на равных расстояниях друг от друга, и полустёртые высеченные знаки, похожие на иероглифы. Помню, я видел этот жезл у Маргрейва и раньше, но никогда не обращал на него внимания, вплоть до настоящего момента, когда его начали передавать из рук в руки. На набалдашнике был закреплён большой неотполированный камень тёмно-синего цвета.

— Это горный хрусталь или драгоценный камень? — спросил кто-то.

— Я не могу вам сказать, — ответил Маргрейв. — Говорят, он излечивает укусы змей [1] и имеет другие воображаемые свойства. В общем, талисман.

С этими словами он передал мне свой жезл и предложил внимательно его осмотреть. Он сменил тему разговора и продолжил путь, оставив жезл у меня, но внезапно я был вынужден вернуть его. Я не мог объяснить почему, но от моего прикосновения к нему он нагрелся и, казалось, пропускал через меня странные вибрации, и ощущение у меня было такое, что я не чувствую свой собственный вес, как будто парю в воздухе.

Прогулка закончилась, гости ушли, и я вошёл в дом через подъёмное окно в кабинете Формана. Маргрейв бросил свою шляпу и жезл на стол и стал рассматривать узор на каминной полке. Мы со Стрехеном оставили его за этим занятием и прошли в смежную библиотеку, возобновив свою работу над планами нового дома. Я продолжил чертить схемы и наброски, стараясь упростить первоначальный замысел сэра Филиппа. Вскоре Маргрейв присоединился к нам, но на этот раз уселся около нашего стола, с необычным для себя терпением и вниманием наблюдая, как я орудую линейкой и циркулем.

— Мне жаль, что я не могу чертить, — сказал он, — не могу делать ничего полезного.

¹¹⁷ **Тифон** — в древнегреческой мифологии могущественный великан, порождённый Геей; олицетворение огненных сил земли и её испарений, с их разрушительными действиями [51].

— Богачи, как вы, — раздражительно ответил Стрехен, — могут нанять других, и лучше нанять хорошего мастера, чем сделать плохо самому.

— Да, я могу нанять других, и... Фенвик, когда вы закончите со Стрехеном, я прошу у вас разрешения нанять вас, правда, без вознаграждения. То, что я попрошу, не займёт у вас и минуты.

Он откинулся на спинку стула и, казалось, задремал.

В парадную дверь позвонили, Стрехен убрал чертежи, они были уже почти совсем готовы. Как только наш хозяин вышел из комнаты, Маргрейв проснулся, притащил меня к другому столу в комнате, положил передо мной одну из своих любимых эзотерических книг и, указывая на старинную ксилографию¹¹⁸, сказал:

— Я попрошу вас скопировать это для меня. Это похоже на факсимиле знаменитой печати Соломона. У меня есть необычное желание иметь с него копию. Вы видите два переплетённых треугольника, вписанных в окружность? Пентаграмму, то есть? Да, так и есть. Вам не нужно изображать астрологические символы: они всего лишь излишние, бессмысленные украшения, добавленные автором книги. Но сама пентаграмма имеет ясный смысл: она принадлежит к единственному универсальному языку, языку символическому, с помощью которого все существа, способные мыслить, — живущие вокруг нас, над нами и под нами — могут установить связь. Если во вселенной можно обнаружить какой-либо творческий принцип, он будет геометрическим. И всегда когда магия проявляется в написанных символах, я нахожу, что её иероглифы — геометрические фигуры. Разве не смешно, что самая точная из всех наук предоставляет, таким образом, свои углы и круги в пользование... можно мне сказать это? ...невежеству? Да, по-другому и не скажешь... тем, кто ничего не смыслит в магии?

Он подхватил листок бумаги, на котором я торопливо изобразил два треугольника и круг, и вышел из комнаты, напевая песню заклинателя змей.

[1] Приведённое ниже описание камня, считающегося противоядием от змеиного укуса, было дано мне выдающимся учёным острова Корфу¹¹⁹:

ОПИСАНИЕ СИНЕГО КАМНЯ: камень имеет овальную форму и составляет 1,2 дюйма в длину, 0,7 дюйма в ширину и 0,3 дюйма в толщину. Камень некогда был повреждён и сейчас вставлен в золотую оправу.

Если человека укусила ядовитая змея, рану нужно вскрыть по всей длине ланцетом или бритвой и приложить к ней камень, пока не истекли двадцать четыре часа с момента укуса. Камень нужно приложить к ране плотно. Только в таком случае лечение можно считать завершённым. После этого камень нужно бросить в молоко, чтобы из него вышел весь впитанный яд. На молоке сверху появится зелень. После этого камень снова можно использовать.

С незапамятных времён этот камень находился на острове Корфу, в семье итальянца по происхождению, и известно, что крестьяне всегда обращались к нему за помощью. Из-за трещины камень не утратил своих целебных свойств. Его природа и состав неизвестны.

Когда одновременно были укушены двое и к ране одного был приложен камень, — человек выздоровел, а тот, к чьей ране камень не прикладывали, — умер.

Только однажды камень не смог помочь, но тогда его прикладывали к ране по истечении двадцати четырёх часов с момента укуса.

Его цвет такой тёмный, что почти не отличается от чёрного.

Р. М. COLQUHOUN.
Корфу, 7 ноября 1860.

Сэр Эмерсон Теннент (*Sir Emerson Tennent*) в своей популярной и превосходной работе о Цейлоне описывает «змеиные камни», похожие на тот, что находился на Корфу, только были они совершенно чёрными и гладко отполированными. Применялись они почти таким же образом, как противоядие от укусов очковых змей.

ВОПРОС: Разве не имеет смысла установить химические свойства этих камней? Ведь если они оказывались эффективными в выведении из организма человека змеиного яда, не могут ли они быть настолько же действенными в случае укуса бешеной собаки?

¹¹⁸ **Ксилография** — гравюра на дереве, оттиск с такой гравюры.

¹¹⁹ **Корфу** — греческий остров, самый северный из Ионических островов.

ГЛАВА 51

В одиннадцать часов, когда мы расходились по своим комнатам перед сном, Маргрейв сказал:

— Доброй ночи и до свидания. Стрехен, я должен покинуть вас, причём раньше, чем вы встанете утром. Я набрался смелости попросить одного из ваших слуг заказать мне фаэтон из Л****. Извините такую кажущуюся внезапность, но я всегда избегаю длительных сборов и уже заранее определил дату своего отъезда, почти тогда же, когда принял ваше приглашение.

— У меня нет права жаловаться. Это место должно казаться унылым, особенно для такого весёлого человека, как вы. Оно наводит тоску и на меня. Я уже сам подумываю об отъезде. Вы намерены вернуться в Л****?

— Нет, несмотря на то, что все мои вещи остались там. Когда я где-нибудь обоснуюсь и смогу указать свой новый адрес, я прикажу, чтобы их отправили мне. Я слышал, к северу есть красивые пейзажи, знакомые только туристам-пешеходам. Я хороший ходок, и вы знаете, Фенвик, что я дитя Природы. Прощайте, и спасибо вам, Стрехен, за ваше гостеприимство.

Он вышел из комнаты.

— Мне не жаль, что он уезжает, — сказал Стрехен после паузы, быстро выдохнув, как будто с облегчением. — Вы не чувствуете, как он утомляет? Избыток кислорода, как бы вы сказали.

Я был один в своей комнате, и спать мне не хотелось. Мой сегодняшний странный разговор с Маргрейвом тяготил меня. В нём мы немного затронули чудеса, о которых я бы не решился говорить. И ничего в поведении Маргрейва не вызывало моих подозрений. Напротив, его искренность, с которой он проявлял свою склонность к размышлениям на эзотерические темы или высказывал не самые лестные суждения о чём-либо, скорее обезоруживала, чем укрепляла веру в зловещие тайны и тёмные силы. К тому же он уезжал и не мог уже увидеть Лилиан, ведь он не собирался заезжать в Л****. Должен ли я был приписать освобождение от его присутствия — обещанию Тени? Я был неправ, упорно сопротивляясь нелепой иллюзии, а его отъезд — простое доказательство того, что страхи, вызванные ревностью, — одна из моих химер? Однажды посетив Лилиан, в то время, когда моей жизни угрожала опасность, он со свойственной ему проницательностью, почувствовав во мне *ревность*, прекратил свои визиты, деликатно скрыв истинные мотивы этого? И разве не могли сейчас те же мотивы заставить его произнести слова, которые должны были уверить меня в том, что его действительно ничего не удерживает в Л****, не заставляет туда вернуться? Таким образом, значительно успокоившись и ободрившись ходом своих мыслей, я продолжал размышлять. Наконец, я взглянул на часы и поразился тому, что уже был второй час ночи. Я уже собирался подняться со стула, чтобы раздеться и погрузиться на несколько часов в сон, когда хорошо знакомый ветер пронёсся по комнате, заставив шевелиться волосы на моей голове, и прямо передо мной, у стены, появилась Светящаяся Тень.

— Вставай и следуй за мной, — сказал голос, звучащий намного ближе, чем обычно.

При этих словах я механически поднялся, как лунатик.

— Возьми свечу.

Я повиновался. Син-Лека проскользнул вдоль стены к порогу, жестом приказал мне открыть дверь. Я открыл. Тень перелетела через порог в коридор. Тихо ступая, я последовал за ней, спустился по лестнице в кабинет Формана. Во всех своих дальнейших действиях, нужно сказать, я руководствовался указаниями Тени, её голосом, жестами. Я повиновался, не только беспрекословно, но даже не испытывая желания сопротивляться. Я находился как бы в бессознательном состоянии или от любопытства, или от ужаса — только спокойное и пассивное равнодушие, не вызывающее ни приятных ощущений, ни боли. С покорностью, в которой не было ни капли моей собственной воли, я взял в руки жезл, который рассматривал накануне днём и который лежал на столе так, как его бросил Маргрейв. Открыл ставни на окне, поднял вверх дверь-окно и со свечой в левой руке и с жезлом — в правой — вышел в сад. Стояла ночь, пламя свечи едва трепетало на воздухе. Тень двигалась передо мной по направлению к старой беседке, описанной мной в одной из предыдущих глав. Её изъеденные червями двери были широко раскрыты. Я проследовал за Тенью в беседку, поднялся по развалившейся лестнице в комнату наверху, с её четырьмя большими пустыми, незастеклёнными окнами, или точнее аркадами, выходящими на север, юг, восток и запад. Я остановился посреди комнаты. Прямо передо мной, сквозь арку из безжизненных ветвей деревьев, открывался вид на страшный мавзолей. Потом по команде, обращённой ко мне, я поставил свечу на деревянный стол, дотронулся до пружины на рукоятке жезла, — открылась крышка, — и я вытащил из него сначала кусок какого-то тёмного битумообразного вещества, а потом жезл поменьше, из отполированной стали. На конце этого жезла находился полупрозрачный материал,

показавшийся мне похожим на хрусталь. Склонившись, так же повинувшись всем указаниям, я начертил на полу куском битума (если его можно так назвать) пентаграмму из переплетённых треугольников в круге, девять футов в диаметре, такую же, какую я начертил вечером для Маргрейва. Рисунок получился чёрно-красным. Используемый для рисования материал сделал его осязаемым. Я приложил пламя свечи к кругу, и тотчас же оно великолепно засияло и поднялось примерно на дюйм от пола. И постепенно от этого света стал исходить мягкий серый прозрачный туман и слабый, приятный запах. Я стоял в круге, и тоже внутри круга, рядом со мной стоял Син-Лека. Он не отображался больше на стене, а был отделён от неё, стоял прямо, приняв более различимую форму, правда, ещё неосязаемую, и от него веяло ледяным дыханием. Подняв жезл, широкий конец которого покоился на моей ладони, и проведя над ним двумя указательными пальцами параллельную ему линию, я направил его к широкому отверстию перед собой, напротив мавзолея. Я громко повторил какие-то слова, которые прошептала Тень на незнакомом мне языке. Слова эти я не смог бы написать на бумаге, даже если бы их запомнил. Как только звуки от произнесённых слов затихли, со двора послышался вой сторожевой собаки — ужасающий, гнетущий вой. Собаки из отдалённых поместий подхватили его, и голоса их слились как будто в погребальном хоре. Вой становился всё громче и громче. Снова Тень прошептала мне странные слова, и снова я повторил их с механической покорностью. А когда они были произнесены, я почувствовал, как подо мной дрожит земля. Я взглянул сквозь оконный переплёт в сторону одиноко стоящего мавзолея, и мне показалось, что в лунном свете появились неясные бесформенные тени — внизу на газоне, вверху в воздухе. Ужас овладел мной.

И в третий раз Тень прошептала слова. И хотя я не понимал их значения, как не понимал значения и всех предшествующих слов, я почувствовал отвращение громко повторять их. Молча я обернулся к Син-Леке, и выражение его лица было угрожающим и ужасным. Воля стала оставлять меня, и мои губы начали произносить заклинание, которое Син-Лека снова прошептал мне в самое ухо. И тогда я отчётливо услышал голос, выражающий тревогу и боль. Он шептал: «Держись!» Я узнал голос: это был голос Лилиан. Я остановился и повернулся в сторону, откуда он доносился, и вдалеке увидел существо, фигуру Лилиан. Она в мольбе протягивала ко мне руки, и её мертвенно бледное лицо искажала невыразимая мука. То, что я увидел, находилось в полном соответствии с донёсшимся до меня голосом — взгляд, поза, жест той, кто могла почувствовать смертельную опасность, и её крик: «Берегись!»

Внезапно видение исчезло, но мгновения было достаточно, чтобы освободить мой рассудок от принуждения, которое до этого порабощало его. Я швырнул жезл на землю, выскочил из круга и помчался прочь из этого места. Как я добрался до своей комнаты, я не помню, не знаю. У меня осталось смутное воспоминание о том, что происходило, — о гигантских деревьях, о лунном свете, напоминающем саван, о Светящейся Тени и разгневанном выражении её лица, о глухих стенах и железной двери Дома Смерти, о видениях, — всё смешалось в страшной фантазмагории. Но то, что я могу вспомнить отчётливо, так это своё безжизненное лицо, отражавшееся в зеркале в моей комнате, в лунном свете, льющемся сквозь окно. Но всё, что я сказал себе, опускаясь на стул, — «Это, по крайней мере, галлюцинация или сон!»

ГЛАВА 52

Тяжёлый сон навалился на меня на рассвете, я был одет и не в постели. Солнце стояло уже высоко, когда, пробудившись, я увидел в своей комнате слугу, расхаживающего из угла в угол.

— Прошу прощения, сэр, я побоялся беспокоить вас, но я уже три раза приходил, чтобы узнать, почему вы не спускаетесь вниз, и каждый раз заставлял вас спать таким глубоким сном, что мне не хотелось вас будить. Мистер Стрехен уже позавтракал и отправился на прогулку верхом. Мистер Маргрейв уехал... уехал ещё до шести часов.

— Да, он говорил, что уедет рано.

— Да, сэр, и он казался таким сердитым, когда уезжал. Я никогда бы не мог предположить, что такой приятный джентльмен может так сердиться!

— В чём же было дело?

— Он не мог найти свою трость, её не было в комнате. Он сказал, что оставил её в кабинете, но и там её не оказалось. Наконец, он сам нашёл её в летней беседке и сказал, прошу прощения, он сказал, что уверен, что это вы её туда отнесли. Что, во всяком случае, кто-то сюда вмешался. Однако я очень рад, что он её нашёл, поскольку он придаёт ей такое большое значение.

— Мистер Маргрейв сам заходил в беседку в поисках трости?

— Да, сэр. Ни у кого, кроме него, и мыслей не было, чтобы отправиться туда самому. Никто не любит туда ходить, даже днём.

— Почему?

— Потому что, сэр, с тех пор как умер сэр Филипп, там появляются призраки. А в самом доме, в каждой его части, слышны странные шумы. Боюсь, сэр, вы плохо спали этой ночью, — продолжал слуга, с нескрываемым любопытством глядя на мою несмятую постель и на мою вечернюю одежду, которую я, пока он говорил, торопливо менял на ту, что обычно надевал по утрам. — Я надеюсь, вы не заболели?

— Нет! Но, похоже, я заснул на стуле.

— Сэр, вы слышали, как около двух часов утра были собаки? Они меня разбудили. Было очень страшно!

— Так ведь полнолуние. Собаки всегда воют на луну.

Я вздохнул с облегчением при мысли, что мне не нужно встречаться со Стрехеном за завтраком, и быстро покончив с едой, я вышел незамеченным в парк и пробрался кустами к беседке. Я поднялся по лестнице, взглянул на пол в комнате наверху. На нём была видна чёрная пентаграмма, круг. Так, значит, это был не сон! Но я всё ещё не верил. Разве не мог я заснуть, отягощённый странными впечатлениями, оказанными на меня разговором с Маргрейвом, иероглифами на жезле, который я держал в руках, пентаграммой, которую я перечертил из жуткой книги Маргрейву по его просьбе? И разве не мог я встать во сне, отнести жезл в беседку, начертить круг? Мог, а всё остальное могло оказаться обманом зрения. Конечно, конечно, именно так Юлий Фабер объяснил бы эти загадки, которые сбивали меня с толку! Моей первой мыслью было стереть знаки на дощатом полу. Это оказалось проще, чем я думал. Подошвами своих башмаков я стёр круг и треугольники, превратив их в одно неразличимое грязное пятно. Не знаю, почему, но я испытывал сильное волнение и старался уничтожить следы своего ночного пребывания в этой комнате, потому что Маргрейв так открыто зашёл сюда в поисках жезла и так грубо обвинил меня перед слугой в том, что я замешан в его пропаже. Не мог ли он возбудить подозрение против меня? Подозрение, в чём? Я не знал, но мне было страшно!

Живительный дневной воздух значительно укрепил мой дух и освежил мысли. Но это место стало мне ненавистным. Я решил оставить Стрехену записку и, не дожидаясь его возвращения, вернуться в Л****. Подходящим объяснением этому стало то, что мои пациенты не могут больше оставаться без меня. Я просил прислать мне потом со слугой, который мог отправиться в Л**** с каким-нибудь поручением, некоторые вещи, которые я привёз сюда с собой. Я написал всё это и уже вскоре наслаждался своей дорогой домой, удаляясь от ужасного имения.

Не прошёл я и мили, как встретил Стрехена верхом на лошади. Он молча принял мои извинения за то, что я уехал не попрощавшись, спешился и пошёл рядом со мной. Я видел, что у него было что-то на уме, и, наконец, он сказал, опустив глаза:

— Вы слышали, как ночью были собаки?

— Да! Полнолуние!

— Вы тогда не спали. Вы слышали какие-нибудь другие звуки? Видели что-нибудь?

— Что я мог слышать или видеть?

Стрехен помолчал некоторое время, а потом совершенно серьёзно сказал:

— Прошлой ночью я лёг в постель, но не мог заснуть. Я чувствовал возбуждение и беспокойство. Не знаю, почему, но я стал думать о Маргрейве, столь странным образом связанном с сэром Филиппом Дервалом. Я услышал собачий вой и в тот же самый момент, хотя нет, несколько минут спустя, почувствовал, как сотрясается весь дом, так, как сотрясается хилый, одиноко стоящий дом в Лондоне, когда мимо него ночью проедет экипаж. Вой прекратился, и прекратился так же внезапно, как и начался. Я почувствовал неясную, какую-то суеверную тревогу. Я поднялся и подошёл к окну, которое было открыто (у меня привычка спать с открытыми окнами). Луна светила очень ярко, и я увидел, я говорю, что увидел в зелёной аллее, ведущей от старой части дома к мавзолею... Нет, я не могу сказать вам, что увидел или думал, что увидел: вы можете осмеять меня и будете правы. Но что бы это ни было, действительно существующее или рождённое моим воображением, я был так напуган, что бросился обратно в постель и спрятал голову под подушку. Я мог бы прийти к вам, но не осмелился пошевелиться. Всё утро я ездил верхом, чтобы восстановить нервы. Но я боюсь снова спать под крышей этого дома и поэтому сегодня же вернусь в Лондон. К тому же и Маргрейв, и вы покинули меня. Надеюсь, всё, что я вам рассказал, не является верным признаком приближающейся болезни, кровоизлияния в мозг, нет?

— Нет, это могло быть вызвано переутомлением. Вы правильно сделаете, если уедете. Вернётесь в Лондон, развлечётесь и...

— Вернусь, но не раньше, чем сровняю старый дом с землёй. Таково моё решение. Вы одобряете его? Хорошо. Успехов вам, Фенвик. Я поеду назад, соберу чемодан и отправлюсь к пятичасовому поезду.

Так, значит, он тоже видел... Что? Я не осмелился спросить, что именно, да и такого желания у меня не было. Но он, по крайней мере, не ходил во сне! Так мы оба спали или нет?

ГЛАВА 53

Этот рассказ мог поразить тех моих читателей, которым когда-либо доводилось быть свидетелями чудесных явлений, для которых подходит только одно слово — «сверхъестественное».

А сколько бы читателей у меня ни было, с большей частью из них, хоть однажды, но происходило что-либо странное и сверхъестественное, что-то, что сбивало бы их с толку, не вязалось ни с какими рациональными представлениями и затрагивало струны, ведущие к суеверию. Это мог быть всего лишь сон, необъяснимым образом подтвердившийся, или предчувствие. Но были ли это неясные намёки на существование чудесного или это были призраки или комнаты с привидениями, думаю, среди большей части скептически настроенных людей среднего возраста найдутся те, кто или сам становился свидетелем подобных явлений, или слышал рассказы очевидцев (в чьей правдивости невозможно было усомниться) о том, что невозможно было объяснить с позиций здравого смысла. И такие явления происходят гораздо чаще, чем можно себе представить. Те, кто засвидетельствовал их, склонны в них верить. Те же, кто только слышал о них от других, не могут их опровергать. И тот, кто читает эти мои утверждения в тишине своей комнаты, может, остановится, покопается в своей памяти и найдёт в её каком-нибудь тёмном закоулке смутное воспоминание, подтверждающее мои слова.

Каждый раз, когда в нашей повседневной жизни происходит нечто поразительное, нарушающее привычное течение мысли, жизнь торопится похоронить в своих песках то, что потревожило их поверхность. Самыми удивительными являются те феномены, которые нас напугали и поразили, и невольно рассудок стремится избавиться от загадок, которые могут привести к болезни в случае тщетных попыток их разрешить. Мы берёмся за свои мирские дела с новым рвением. Мы испытываем необходимость доказать самим себе, что всё ещё здраво мыслим, и отказываемся стать негодными для того мира, который знаем, из-за непрошенных видений из другого мира, в котором любой проблеск быстро исчезает среди теней. И удивительно то, как быстро все эти феномены, ещё не совсем забытые и которые вспоминаются нам (причём так живо), мы стираем из своей памяти, как будто выбрасываем в комнату, заваленную рухлядью, костыли и шины, напоминающие нам о некогда больной части тела, которая теперь восстановила свою силу. Нашей характерной особенностью, которую отметят все представители моей профессии, является то, с какой быстротой мы забываем о физической боли, как только она проходит, как быстро наш рассудок стремится избавиться от воспоминаний, стереть их. Ни один человек, освободившийся от сильной зубной боли или пыток невралгии, не сидит в кресле, не вспоминает, не размышляет о перенесённых час назад мучениях. То же самое и с болезненными впечатлениями, оказанными на рассудок. Но не с теми, что ударяют по нашим привязанностям или вредят нашим успехам, затемняя всё наше будущее чувством утраты. Речь идёт о тех случаях, когда в нашей обычной жизни возникает проблема или происходит большое несчастье, вызывающее у нас чувство унижения или позора; когда воспоминание о боли кажется бесполезным и может свести нас с ума. Страдания такого рода мы переносим очень тяжело, так же, как смерть или ложь своих любимых друзей или как всё то, что может привести нас к нищете. Никто, например, кто избежал челюстей тигра, кораблекрушение, падение с края пропасти, не проводит свои дни и ночи, вспоминая пережитый ужас. Картины прошлого не появляются снова в мыслях, а если появляются — от них нет спасения. Наша текущая жизнь подобна реке с быстрым течением в середине своего русла, в то же время все составляющие её потоки относительно медленны на глубине и по берегам и имеют, как и вся река, свои собственные характерные особенности. И, следовательно, тот, кто плывёт по течению общества, как и тот, кто плывёт по течению реки, торопится скорее выбраться на середину потока, а тот, кто плывёт против течения, оказывается прибитым к берегу. Я взялся за свои обязанности с новым рвением. Я не вспоминал о тех ужасающих чудесах, что преследовали меня, начиная с вечера, когда я впервые встретил сэра Филиппа Дервала, и, заканчивая утром, когда я покинул дом его наследника. Было ли это реальностью или галлюцинацией, я не мог объяснить их, и всё моё благоразумие и осмотрительность не могли защитить меня от их повторного появления. Но я боялся их повторения не больше, чем человек, спасшийся при кораблекрушении или избежавший падения со скалы, боится снова оказаться в подобной ситуации и снова пережить подобную опасность. Мар-

грейв уехал. Я не знал, куда, но с его отъездом прекратилось ощущение его влияния. Некое спокойствие и умиротворение, какое я испытывал, казалось мне залогом долгожданного освобождения.

Но то, что не оставляло меня в покое и постоянно преследовало среди моих обычных занятий, было печальное воспоминание о любви Лилиан, которую я потерял. Я слышал от миссис Эшли, которая всё ещё часто навещала меня, что её дочь кажется всё такой же спокойной, что она совершенно примирилась с нашим разрывом и редко упоминает моё имя, а если и упоминает, так с равнодушием. Единственно, что стоит отметить, это то, что она стала испытывать отвращение ко всякому обществу, и то, что даже в дневное время её стала посещать летаргия. Она внезапно засыпала и могла спать часами, но сон её был спокоен и безмятежен, и она сама пробуждалась от него. Много времени она проводила в своей комнате и всегда удалялась в неё, когда приходили гости.

Миссис Эшли неохотно, но начала отказываться от своего убеждения, которое она так долго и так упрямо хранила. Оно заключалось в том, что чувства Лилиан ко мне вернутся и что её из ряда вон выходящее состояние — всего лишь временное. Теперь миссис Эшли начала признавать, что лучше всего отказаться от мысли о возобновлении помолвки, отказаться от мысли о нашем будущем союзе. Я предлагал ей посетить Лилиан в её присутствии, как врач. Возможно, удастся установить физическую причину её летаргии и устранить её. Миссис Эшли узнала, как смотрит на это Лилиан. И Лилиан была решительно против. Она сказала спокойно, но твёрдо, что «любое наше общение и визиты будут нежелательными и болезненными». И миссис Эшли поняла, что разговор при таком состоянии Лилиан только усилит отчуждённость. Однажды, придя ко мне, миссис Эшли спросила у меня совет, не будет ли лучше сейчас сменить обстановку, уехать куда-нибудь, спросить совета другого врача. И с невыразимой печалью я одобрил это решение.

— И если этот эксперимент окажется неудачным, — продолжала миссис Эшли, роняя слёзы, — я напишу и дам вам знать, и мы тогда решим, как объяснить людям, что свадьба не состоится. Я подумаю об этом в отъезде. Я не вернусь в Л****, пока свадьба будет оставаться предметом разговоров, а так со временем любое объяснение вызовет меньше вопросов и покажется вполне естественным. Но пока... пока... у нас есть надежда.

— У вас есть какие-то основания для надежды?

— Возможно, но вам они покажутся ненадёжными и ошибочными.

— Скажите мне о них и позвольте самому оценить.

— Однажды ночью, тогда, когда вы отправились с визитом в поместье Дервал...

— Да, той ночью...

— Лилиан разбудила меня громким криком (мы спим в соседних комнатах, и дверь её была открыта). Я в тревоге поспешила к её кровати. Она спала, но выглядела чрезвычайно взволнованной и дрожала. С пылкой нежностью она произносила ваше имя, как будто испытывая большой ужас. Она кричала: «Не ходи, Ален, не ходи! Ты не знаешь, на что решился! Что ты делаешь!» Потом она приподнялась на кровати, сжимая руки. Её лицо было неподвижно и сурово. Я пыталась разбудить её, но не смогла. Немного спустя она глубоко вздохнула и прошептала: «Ален, Ален! Любимый! Ты не слышал, ты не видел меня? Что ещё может пронизать пространство и разрушать заветы, кроме любви и души? Ты всё ещё сомневаешься во мне, Ален? Сомневаешься, что я люблю тебя сейчас и буду любить вечно? Там, там, как здесь сейчас?» Потом она, плача, опустила голову на подушку, и тогда я разбудила её.

— И что она сказала, проснувшись?

— Она не помнила, что ей приснилось, кроме того, что пережила величайший ужас. А потом добавила с чуть заметной улыбкой: «Всё кончено, теперь я счастлива». А потом она отвернулась и снова заснула как ребёнок, безмятежным сном, с улыбкой на губах. Слёзы высохли.

— Езжайте, мой дорогой друг, езжайте. Уезжайте Лилиан прочь из этого места, и чем быстрее вы это сделаете, тем лучше. Займите её новыми впечатлениями. Я надеюсь! Я очень надеюсь! Дайте мне знать, где вы остановитесь. Я возьму отпуск. Мне он необходим. И уеду, как будто к своим пациентам. Я приеду туда, где будете вы. Она не узнает об этом, но я буду рядом, чтобы видеть её, слышать новости о ней. Благослови вас небо за то, что вы мне сказали! Я надеюсь! Я очень надеюсь!

ГЛАВА 54

Несколько дней спустя я получил записку от миссис Эшли. Её приготовления к отъезду были завершены. Они собирались отправиться на следующее утро на север Девоншира¹²⁰ и остановиться на несколько недель в Илфракоме или Линтоне¹²¹, в любом месте, где понравится Лилиан.

На следующее утро я поднялся, как обычно, рано. Я решил пройти к дому миссис Эшли, где у меня была возможность увидеть Лилиан, когда к моему одинокому дому подъехал экипаж, который должен был увезти её на вокзал.

С нетерпением я взглянул на часы. До поезда оставалось два часа. Громкий звонок в мою дверь! Я открыл. Миссис Эшли бросилась мне на грудь.

— Лилиан! Лилиан!

— О боже! Что случилось?

— Она ушла! Ушла... ушла из дома! О Ален, как? куда? Помогите мне. Что делать?

— Пойдёмте, успокойтесь и расскажите мне всё, ясно и быстро. Лилиан ушла. Ушла из дома? Невозможно! Она, должно быть, спряталась где-нибудь в доме, в саду. Ей, наверное, не хочется ехать. Она могла укрыться в доме какой-нибудь своей подруги. Я решу, когда вы мне расскажете. Расскажите мне всё.

Что было говорить! Накануне Лилиан казалась непривычно весёлой, и мысль о предстоящей поездке доставляла ей удовольствие. Мать и дочь рано легли спать. Прежде чем миссис Эшли пошла в свою комнату, она видела, что Лилиан уже спокойно спит. Утром она встала рано, оделась, прошла в соседнюю комнату разбудить Лилиан, но её там не оказалось. Мысли о том, что дочь сбежала, у неё не было. Возможно, Лилиан уже проснулась и спустилась вниз, чтобы упаковать ещё какую-нибудь вещь, которую ей захотелось взять с собой. Миссис Эшли была убеждена в этом, когда обнаружила, что дверь её комнаты открыта. Она спустилась вниз по лестнице и встретила в передней служанку, которая в тревоге и изумлении сказала ей, что двери в доме и саду оказались открытыми. Никто не видел Лилиан. Миссис Эшли сильно встревожилась. Поднявшись в комнату дочери, она не нашла там её шляпку и мантилью. Обыскали дом и сад, но напрасно. Не осталось никаких сомнений, что Лилиан сбежала. Ночью она, должно быть, бесшумно пробралась через комнату матери, вышла из дома, прошла через сад.

— Вы думаете, она могла получить какое-нибудь письмо, сообщение, встретить незнакомого вам человека?

— Я так не думаю. Почему вы спрашиваете? О Ален, но вы же не верите, что в её исчезновении кто-то замешан! Нет, вы не верите в это. Но как же честь моей девочки! Что подумают люди?

В этот момент я не мог ни о чём думать, только о Лилиан, но не подозревая её, не обвиняя ни в чём.

— Успокойтесь, успокойтесь. Возможно, она отправилась к кому-нибудь в гости и скоро вернётся. Предоставьте все заботы мне.

ГЛАВА 55

Казалось невероятным, что Лилиан могла незамеченной далеко уйти. Вскоре я удостоверился, что она не уехала на поезде и не воспользовалась никаким другим видом транспорта. Она не нанимала экипаж и, следовательно, должна была находиться в городе или в его окрестностях, куда она могла добраться пешком. Большая часть дня была посвящена безуспешным поискам и слабым надеждам на то, что она вернётся. Между тем, новость о её исчезновении широко распространилась. А могло ли быть иначе?

У Врат Монаха под аркой я встретил своего знакомого. Он пожал мне руку и посмотрел на меня с выражением глубокого сострадания.

— Я боюсь, — сказал он, — что мы все обманулись в этом молодом Маргрейве. Несмотря на свои манеры, он производит впечатление хорошо воспитанного человека. Но...

— Но что?

— Возможно, миссис Эшли поступила неблагоразумно, так близко познакомившись с ним и открыв перед ним двери своего дома. Конечно, он был очень красив. А молодые девушки склонны к романтичности.

¹²⁰ **Девоншир** — графство в юго-западной Англии.

¹²¹ **Илфраком** (Ilfracombe), **Линтон** (Lynton) — города на западе Англии.

— Да как вы смеете, сэр! — вскричал я, задыхаясь от гнева. — Что за клевета! Маргрейва нет в городе уже много дней, и никто даже не знает, где он.

— Да нет, где он, известно. Он просил, чтобы вещи, которые он здесь оставил, переслали ему в Пенрит¹²².

— Когда?

— Письмо пришло позавчера. Так случилось, что я заходил в дом, где раньше жил Маргрейв. Он находится напротив сада миссис Эшли. Без сомнения, слуги в этом доме и доме миссис Эшли сплетничают друг с другом. Мисс Эшли могла услышать адрес мистера Маргрейва от своей горничной. И если слуги обмениваются сплетнями, они могут передавать и письма. Простите меня, но вы же знаете, я ваш друг.

— Были им до тех пор, пока не произнесли слово против моей будущей жены, — в отчаянии ответил я.

Я вырвал свою руку из его рук, но его слова всё ещё звучали у меня в ушах. Я вскочил на лошадь и поехал за город, в близлежащие деревни. Там, однако, мне ничего не удалось узнать до самого вечера, пока примерно в десяти милях от Л**** мне не встретился чернорабочий, который сказал, что видел молодую девушку, одетую так, как я её описал. Немногим ранее полудня она проходила мимо него через поля. Он был удивлён, увидев здесь незнакомую, такую молоденькую, хорошо одетую девушку, причём совершенно одну (а он знал в лицо всех девушек из немногочисленных семей, что жили здесь). А когда он отступил назад, чтобы дать ей дорогу, и пристально посмотрел на неё, она не обратила на него внимания, вглядываясь прямо перед собой, в пространство. Если бы её лицо не было таким нежным и спокойным, он бы подумал (затрудняясь, правда, объяснить, почему), что она немного не в своём уме: такое странное бессознательное выражение застыло в её глазах, как будто бы она шла во сне, размеренно, не быстро и не медленно. Он наблюдал за ней, пока она не скрылась из виду в лесу, идя по тропинке, ведущей к деревне, находящейся недалеко отсюда.

Я поехал в указанном направлении и добрался до этой деревни, когда уже наступила ночь. Большинство домов уже были закрыты, и поэтому я не мог получить никакой дополнительной информации ни в жилых домах, ни в гостинице. Но в этой деревне жил старший полицейский офицер, и ему я дал нужные указания, которые не давал и, конечно, не хотел давать, в полиции Л****. Он был неглуп и доброжелателен и обещал сразу же связаться с несколькими полицейскими участками на несколько миль вокруг, со всей деликатностью и конфиденциальностью. Было бы невероятным, если бы Лилиан смогла уйти за один день дальше того места, в котором я сейчас находился. Едва ли можно было предположить, что она может ускользнуть от преследования, моего и опытных полицейских. Я отдохнул всего лишь несколько часов в маленьком трактире и на рассвете уже снова был верхом. Немного прошло времени после восхода солнца, и я снова услышал о беглянке. Накануне вечером она останавливалась у кирпичного домика, одиноко стоящего посреди большого участка земли, чтобы попросить глоток молока. Женщина, давшая ей молоко, спросила, не заблудилась ли она. Та ответила, что нет, и, задержавшись немного, пошла дальше. Женщина предположила, что она идёт к дому джентльмена, находившемуся в дальнем конце селения, поскольку дорога, которую она выбрала, не вела ни в город, ни в деревню. Мне тогда пришло в голову, что Лилиан избегает мест, даже самых укромных, в которых может оказаться скопление людей. Но где она провела ночь? Чтобы не утомлять читателя бесполезными вопросами, скажу лишь только, что к концу второго дня я преуспел лишь в том, что не потерял её след. И хотя я проехал туда и сюда почти двойное расстояние, снова возвращаясь туда, откуда недавно уехал, я находился в сорока милях от Л****, когда снова услышал о Лилиан. Она сидела в одиночестве у небольшого ручейка, за час до моего приезда. Меня привёл к этому месту лесник. Уже смеркалось, когда он увидел её. Она склонила своё лицо к рукам и выглядела утомлённой. Он заговорил с ней, но она не ответила и возобновила свой путь вдоль ручейка. Этой ночью я не останавливался ни на каком постоялом дворе, а направился вдоль ручья, чтобы только найти её, но напрасно. Я решил идти ночью пешком, поэтому привязал лошадь к дереву (она совсем выбилась из сил) и вернулся за ней с восходом солнца. Днём третьего дня, находясь в отдалённой части страны, я снова услышал о Лилиан. Ландшафт изменился. Здесь было мало растительности, и землю, всю в рытвинах, покрывали лишайники, низкорослые кустарники и островки вереска. Её видел пастух, и он сделал такое же наблюдение, как и тот, кто направил меня по её следу. Ему показалось, что она идёт во сне. Час или два спустя в ложине среди кустов дрока я случайно наткнулся на завязанную узелком ленту. Я узнал цвет, который обычно носила Лилиан, и был уверен, что это лента — её. Прикинув максимальную скорость, с которой она могла идти, я понял, что она не может находиться далеко, но всё же не мог её отыскать. Место, где я сейчас был,

¹²² Пенрит (Penrith) — город в Англии, недалеко от Виндермера.

напоминало теперь пустыню. Я никого не встретил на своём пути. Наконец, после захода солнца, я оказался на морском побережье. Маленький городок расположился у подножия утёсов, и туда я и направил свою усталую лошадь. Я вошёл в город и, пока моя лошадь искала себе корм, отправился на поиски местного полицейского. Запрос на поиск девушки, разлетевшийся по всей стране, дошёл и до него. Он принял соответствующие меры, но безрезультатно. Я был удивлён, услышав, что он обращается ко мне по имени, и, приглядевшись к нему внимательнее, признал в нём полицейского Уоби. Этот молодой человек всегда выражал мне свою благодарность за то, что я помог его сестре. Особенно же его благодарность проявилась во время поисков убийцы сэра Филиппа Дервала и суда по этому делу. Поэтому я открыл ему имя Лириан, которое ему ранее не сообщили. Без этого поиски не могли бы увенчаться успехом, я не мог скрывать её имя, ведь он знал Лириан в лицо. При этом его лицо сразу стало задумчивым. Он помолчал минуту-другую, а потом сказал:

— Думаю, мне есть, что вам сказать, но мне не хотелось бы говорить: своими словами я могу причинить вам боль, сэр.

— Вы можете причинить мне боль не словами, а своим молчанием.

Уоби всё ещё колебался. Я склонял его всё рассказать, и, наконец, он с искренностью начал свой рассказ:

— Сэр, вы никогда не находили странным, что мистер Маргрейв съехал из своих роскошных комнат в отеле, чтобы поселиться в совершенно неудобном жилище, из окон которого он мог бы смотреть вниз на сад миссис Эшли? Я видел как-то ночью его на балконе, а когда заметил, что он так часто ходит в её дом во время вашего несправедливого заключения в тюрьме, признаюсь, сэр, я за вас испугался...

— Ерунда! Мистер Маргрейв посещал дом миссис Эшли как мой друг. Он покинул Л**** уже много недель назад. И что из этого?

— Терпение, сэр. Выслушайте меня. В прошлую пятницу сравнялось уже две недели, как меня послали из Л**** сюда (в качестве повышения по службе, сэр). Недалеко отсюда было совершено большое преступление. Это плохой район, здесь полно контрабандистов. Несколько дней назад, находясь около одиноко стоящего дома (владелец которого, я знаю, подозрительный тип) и спокойно наблюдая вокруг, я, к своему изумлению, увидел, как из этого дома выходит мистер Маргрейв. И выходит через потайную дверь, которая находится в той части здания, где владелец не живёт, но которая использовалась прежде, когда дом был своего рода гостиницей для ночных постояльцев самого скромного достатка. Я последовал за ним, он, напевая, вышел к побережью. Вернувшись обратно к дому, он вошёл в него через ту же самую дверь. Вскоре я узнал, что он поселился здесь и живёт уже в течение нескольких дней. На следующее утро в бухту, находящуюся в миле от дома, прибыла превосходная яхта и встала там на якорь. Моряки достигли берега и потянулись в город. Яхта принадлежала мистеру Маргрейву, он купил её в Лондоне. Она была готова к длительному путешествию. Он отдал распоряжение, чтобы она прибыла в это уединённое место и остановилась там, где никогда ещё не останавливались яхты, хотя бухта или залив там довольно подходящие. И разве, сэр, не странно, что богатый молодой человек приезжает на это не часто посещаемое побережье, снимает жильё (которое может быть только самого ужасного вида) в доме человека, известного как отпетый контрабандист и которого подозревают в ещё худших делах, приказывает, чтобы за ним прибыла яхта? Разве это всё не кажется странным? И разве не было бы странным, если бы он ждал здесь молодую девушку? И если молодая девушка сбежала ночью из дома, добралась сюда обходными путями, которые, должно быть, ей подробно объяснили заранее, и сейчас находилась где-то здесь, поблизости с домом, где остановился молодой человек (если не в самом доме)? Если это так, разве это не странно, в конце концов? Теперь вы прощаете меня, сэр?

— Где этот дом? Проведите меня к нему.

— Едва ли туда можно добраться пешком. По самым грубым подсчётам, сэр, до него не меньше семи миль. И это кратчайшим путём.

— Пойдёмте туда, пойдёмте скорее. Мы должны быть там, прежде... прежде...

— Прежде, чем девушка придёт туда. Хорошо, из того, что вы мне сказали о месте, где её в последний раз видели, я, поразмыслив, могу сделать вывод, что мы легко это сделаем. Я в вашем распоряжении, сэр. Но я должен предупредить вас, что у хозяев дома, мужа и жены, у обоих гнусный характер: они на всё готовы ради денег. У мистера Маргрейва, без сомнения, денег достаточно. И, если юная леди решит уйти с ним, я не в силах буду помочь.

— Предоставьте это мне. Всё, что я прошу, — это показать мне дом.

Вскоре мы были за городом. Опускалась ночь. Было очень темно, несмотря на звёзды на небе. Дорога была трудна. Наш путь иногда пролегал по самому краю опасных утёсов, иногда вёл нас вниз к побережью (и тогда его преграждала скала или волна), каждый раз мучительно выматывая на подъёме.

— Это скверная дорога, сэр, но она сэкономит нам четыре мили. Да, в любом случае, дороги везде плохие.

Наконец, мы добрались до нескольких жалких рыбацких хижин. Луна взошла и обнажила нищету развалившихся лачуг. Несколько лодок на берегу, стонущее, покрытое рябью море. А на расстоянии — освещённое огнями судно, всё ещё стоящее на якоре в защищённой бухте обрывистого берега. Полицейский указал на него.

— Яхта, сэр. Если она отплывёт сегодня, то — с попутным ветром.

Мы ускорили шаг, насколько нам позволяла дорога. Хижины остались позади. Пройдя ещё около мили, мы увидели уединённый дом, который оказался больше, чем я мог себе представить по описанию полицейского. В пустынной части Шотландии он вполне мог сойти за помещичий, но в лунном свете он выглядел сильно обветшавшим и заброшенным. В основном, окна были закрыты. У некоторых были выбиты стёкла, и их заменяли пучки соломы. Вокруг дома виднелись развалины стены, в нескольких местах, разрушенной до основания. Приблизившись к дому, я обнаружил две двери. Одна из них выходила на море, другая же (с противоположной стороны) — на участок земли, огороженный разрушенной стеной. Возможно, когда-то он был садом, а сейчас был завален всяким хламом: кучами мусора, обломками развалившегося сарая, кусками старой лодки. Эта вторая дверь была широко распахнута, другая же — закрыта. Дом стоял тихий и тёмный, как если бы все его обитатели покинули его или удалились ко сну.

— Я думаю, открытая дверь сразу же приведёт нас в комнаты, что снимает мистер Маргрейв. Он может входить в неё и выходить, не беспокоя других жильцов дома. Они имели обыкновение держать на своей половине дома пивную, но судья закрыл её. Но и сейчас это притон для тёмных личностей. А сейчас, сэр, что мы будем делать?

— Давайте разделимся. Вы идите к двери, на огороженный стеной участок, заваленный горами мусора. Никто не сможет войти незамеченным. Если вы увидите её, обратитесь к ней и остановите её. Позовите меня громко, я услышу. Я вернусь на возвышенность, вон туда. Мне кажется, она может пойти там. Мне бы хотелось, если это возможно, спасти её от унижения, от... от позора переступить порог его дома. Я чувствую, что могу доверять вам сейчас и всегда. Большое значение для счастья и чести этой бедной молодой девушки и её матери будет то, что я смогу сказать, что не забирал её у этого мужчины, ни у какого мужчины, не забирал её из этого дома, ни из какого дома. Вы понимаете меня, вы послушаетесь меня? Я говорю с вами как с другом.

— Сэр, я благодарен вам всем своим сердцем, за всё. Вы спасли жизнь моей сестре, и самое меньшее, что я могу для вас сделать, — это сохранить в тайне всё то, что может причинить вам страдания, если об этом начнут сплетничать. Я знаю, как бывают жестоки злые языки. Я буду ждать у двери. Не бойтесь. Я скорее потеряю своё место, чем не приложу все свои усилия, чтобы уберечь юную леди от несчастья.

Мы обменялись этими словами, сказанными быстрым тихим шёпотом. Никто не мог нас услышать. Уоби пробрался сквозь дыру в стене во двор и спрятался среди обломков разбитой лодки, в шести футах от открытой двери, близко от стены дома. Я прошёл около тридцати ярдов назад к дороге, к тому месту, что указал ему. По моим расчётам (учитывая скорость, с которой я преодолел путь до дома Маргрейва, и место и время, где в последний раз видели Лилиан) она не должна была ещё находиться в этом доме. Я мог предположить, что пройдёт не меньше получаса, прежде чем она доберётся сюда. У меня была надежда, что в течение этого времени объявится Маргрейв, или в дверях, или в окне, или я по свету в окнах определю, где его комната и поднимусь к нему. На случай, если по истечении этого времени Лилиан не появится, у меня уже был готов план действий. Но для успеха моего плана было важным не заблудиться в этом странном доме и не привести его хозяев на помощь к Маргрейву. Я должен был застать его врасплох. Полчаса, три четверти... Прошёл целый час. Никаких признаков моей бедной скитальцы. Но были признаки присутствия врага, от которого я, несмотря ни на какой риск, решил освободить её. Слева от двери окно на нижнем этаже, к которому долгое время было приковано моё внимание, потому что я заметил свет, пробивающийся сквозь щель в его ставнях, медленно открылось. Ставни распахнулись, окно открылось, и я отчётливо разглядел Маргрейва. В руке он что-то держал, что мерцало в лунном свете и было направлено ни в сторону насыпи, на которой я стоял, ни в сторону дороги, а в пространство по ту сторону разрушенной стены, направо. Спрятавшись за низкорослыми кустами, я смотрел на него, и моё сердце колотилось, но не от ужаса, а от гнева. Маргрейв так пристально вглядывался в пространство, что не замечал или не сознавал ничего вокруг. Я выскользнул из своего укрытия и, всё ещё прячась за чахлыми кустами и густыми зарослями, окаймлявшими мой путь, пробрался к дому. Там, оставаясь невидимым для Маргрейва, я переступил через разрушенную стену по направлению

к двери, едва ли выше двух футов, от того места, где он стоял. Я подошёл к горе мусора, где спрятался полицейский. Он сидел, прислонившись спиной к жёстким краям старой лодки. Я приложил свою руку к его рту, чтобы он не вскрикнул от удивления, увидев меня, и зашептал ему в самое ухо. Он даже не шевельнулся. Я потряс его рукой — тот же результат. Луч луны осветил его лицо, и я увидел, что он находился в глубоком сне. Убедившись в том, что Уоби спал каким-то необыкновенным сном и стал совершенно бесполезным для меня, я прошёл мимо. Я был на пороге у открытой двери, свет из окна падал на землю. Я вошёл в коридор. Мерцание света исходило из щелей двери слева. Я бесшумно повернул дверную ручку, и в следующее мгновение Маргрейв оказался в моих крепких руках.

— Кричи, — прошепел я ему в ухо. — Но я задушу тебя раньше, чем кто-нибудь успеет прийти к тебе на помощь.

Он не закричал. Одним глазом, скорчившись в моих руках, он вглядывался в меня и, вероятно, сознавал опасность, которой подвергался. Его лицо выражало страх, но как только я усилил свою хватку, на нём показался гнев и свирепость. И когда я, в свою очередь, почувствовал, как он схватил меня рукой, я понял, что борьба между нами станет борьбой двух сильных мужчин, каждый из которых в одинаковой степени хочет подчинить себе другого.

Я обладал, как уже писал раньше, необыкновенной физической силой, укреплённой в ранней юности физическими упражнениями и соревнованиями. Благодаря своему росту и силе я обладал большим преимуществом над своим противником. Но его сухожилия, казалось, были сделаны из стали. Он был таким мускулистым и сильным от природы, что моя ярость не слишком увеличивала мою собственную силу. Наше противостояние напоминало схватку бизона с удавом, и я думал, что не справлюсь с ним. Но я воодушевился тем гневом, который за время нашей схватки утроился. А ведь он способен сделать даже слабого человека достойным противником сильного. Я чувствовал, что если я сейчас сдамся, буду искалечен и повержен, Лириан потеряет единственного своего защитника. Но, с другой стороны, Маргрейв был застигнут врасплох, а такая неожиданность могла наполовину лишить мужества даже самого свирепого из диких зверей. Пока мы боролись, раскачиваясь и поворачиваясь во все стороны, я скоро заметил, что его внимание отвлечено: его взгляд был обращён к предмету, который он нечаянно уронил, когда я вошёл в комнату и накинулся на него. Он пытался подтолкнуть меня к этому предмету и, когда оказался вблизи от него, наклониться, чтобы его поднять. Это был сверкающий тонкий короткий стальной жезл. Я помнил, когда и где уже видел его, было ли это во сне или наяву. И как только его рука потянулась вниз, чтобы поднять его, я наступил на жезл своей сильной ногой. Не могу сказать, почему, но в моей голове промелькнула мысль, что обладание этим маленьким кусочком стали решит конфликт в пользу обладателя. И действительно сейчас борьба была сконцентрирована вокруг этого очевидно бесполезного оружия. У Маргрейва, казалось, с каждой секундой силы прибывали. А я уже начинал выдыхаться, когда, собрав все свои силы в последнем рывке, внезапно поднял его высоко в воздух и швырнул в самый дальний конец тесной комнаты, ограничивающей наши перемещения. Он упал, и такое падение могло бы ошеломить любого. Но он очень быстро пришёл в себя, и, когда он снова уже стоял передо мной, было в его виде что-то благородное, равно как и ужасающее. Его глаза, буквально, горели, как у тигра. Его роскошные волосы, откинута с нахмуренного лба, напоминали растрепавшуюся гриву. Его чуть приоткрытые губы обнажали блеск зубов. Вся его фигура казалась больше от напряжения мускулов, и, когда он оставил свою вызывающую, надменную позу и склонился, как пантера, готовясь к смертоносному прыжку, я почувствовал себя так, как будто бы дикое животное готово было броситься на меня, дикий зверь, но в то же время Человек, царь зверей [1].

В этот момент я подхватил жезл, направил его к нему и, бесстрашно ступая в его сторону, закричал:

— Вниз к моим ногам, несчастный колдун!

К моему изумлению, эффект не заставил себя долго ждать. Мой ужасный противник прижался к полу, как пёс, слышав голос своего хозяина. Морщины на его нахмуренном лице разгладились, блеск его рассерженного взгляда стал тусклым, ноги обессилели, голова припала к стене, руки поникли. Медленно и осторожно я приблизился к нему. Он, казалось, погрузился в глубокий сон.

— Ты в моей власти сейчас, — сказал я.

Он пошевелил головой, как бы в знак пренебрежительного повиновения.

— Ты слышишь и понимаешь меня? Говори!

Его губы слабо пробормотали:

— Да.

— Я приказываю тебе правдиво ответить на вопросы, которые тебе задам.

— Я отвечу, пока нахожусь во власти вещи, что вы держите в руке.

— Так при помощи этой оккультной магической силы, заключённой в этом жезле, ты оказывал своё дьявольское воздействие на такое чистое существо, как Лилиан Эшли?

— С помощью него и с помощью других вещей, которые вы не в состоянии постичь.

— И ради какой бесславной цели? Чтобы её соблазнить, опозорить?

— Нет! Я хотел прибегнуть к помощи её дара, который бы исчез, если бы она утратила невинность. Сначала я только направлял своё влияние на неё, потому что через неё я мог влиять на вас. Мне нужна была ваша помощь, чтобы раскрыть тайну. Обстоятельства ожесточили вас против меня. Я не мог больше надеяться, что вы добровольно подчинитесь моей воле. Тем временем, я обнаружил в ней свет более высокого знания, чем в вашей науке. С помощью этого знания, должным образом взращённого, я надеялся предвидеть то, что сам не мог открыть. Поэтому я воздействовал на неё заклинаниями, поэтому я притянул её сюда, как магнит притягивает железо, и поэтому я хотел взять её с собой к берегам, к которым собирался отплыть сегодня ночью. Я погрузил всех обитателей дома и всех вокруг в сон, чтобы никто не смог засвидетельствовать её отплытие. Если бы я так не сделал, я позвал бы кого-нибудь на помощь, несмотря на вашу угрозу.

— И Лилиан Эшли, к своему непоправимому позору, безвольно сопровождала бы тебя?

— Она не смогла бы притянуть к себе позор. Все её действия были бы бессознательны. Она была и есть в трансе. В любом случае, это было бы ненадолго.

— Негодяй! И ради этого праздного любопытства ты подвергаешь свою жертву воздействию, которое постепенно лишает её жизни?

— Не ради любопытства, но ради инстинкта самосохранения. Я не рассчитываю на загробную жизнь. Я бы бросил могиле вызов и продолжал бы жить дальше.

— И ради *этого*, ради возобновлённого существования, ты, воспользовавшись ужасными силами, явился ко мне в образе своей тени, когда мы в последний раз встречались?

Голос Маргрейва стал очень слабым, когда он отвечал мне, а его выражение лица начало выдавать признаки истощения, почти смертельного:

— Быстрее, — шептал он, — или я умру. Излучение, исходящее из этого жезла, в руке того, кто отравляет его своим гневом и ненавистью, может стать для меня смертельным. Отведите жезл от моего лба! Ниже, ниже, ещё ниже!

— В чём заключается эксперимент, в котором ты принуждал меня участвовать?

— Я не могу сказать. Вы убиваете меня. Достаточно того, что вы избежали большой опасности благодаря видению, удостоившему вас. В противном случае, вам бы... вам бы... О, освободите меня! Прочь! прочь!

Пена выступила на его губах, он начал биться в конвульсиях.

— Ещё один вопрос: где сейчас Лилиан? Ответь мне, и я уйду.

Он поднял голову, сделал заметное усилие и произнёс задыхаясь:

— Вон там. Пройдите по холму, за колючим кустарником. Вы найдёте её там, где она остановилась, когда я уронил жезл. Но... но берегитесь! Ха! Ты всё равно будешь служить мне, через неё! Той ночью они сказали так, хотя ты их не слышал. Они сказали это!

Его лицо покрыла смертельная бледность, он прижал руку к сердцу и выкрикнул:

— Прочь! Прочь! Или ты убьёшь меня!

Я отступил в другой конец комнаты, отвернув от него жезл, и когда дошёл до двери, оглянулся. Его конвульсии прекратились, и он как будто находился в глубоком обмороке.

Я покинул комнату, дом, остановился около Уоби. Он всё ещё спал. «Проснитесь!» — сказал я и дотронулся до него жезлом. Он сразу же вскочил, протёр глаза и начал бормотать оправдания. Я выслушал их и предложил полицейскому пойти со мной. Я направился в ту сторону, куда Маргрейв направлял свой жезл, и там, около причудливо искривлённого дерева, неподвижно стояла Лилиан. Её руки были скрещены на груди, её личико, освещённое луной, казалось таким детским, таким невинным, что мне не нужны были никакие доказательства, чтобы убедиться, насколько она не сознавала всей опасности, к которой приближалась с каждым шагом. Я нежно взял её за руку. «Пойдём со мной», — прошептал я, и она, молча, со спокойной улыбкой, послушалась меня.

Несмотря на тяжёлый путь, она, казалось, не чувствовала усталости. Я вложил её руку в свою, но она не опиралась на неё. Мы вернулись в город. Там я нанял старый фаэтон и пару лошадей. Утром Лилиан уже была под крышей своего дома. Около полудня у неё начался жар, вскоре ей стало ещё хуже, по всей видимости, надвигалась неизбежная опасность. Она начала бредить, я провёл около неё ночь и день, внутренне уверенный в её выздоровлении, но мучаясь при виде её страданий. На третий день стали заметны изменения к лучшему: её сон стал спокойным, дыхание размеренным.

Вскоре она проснулась, опасность миновала. Её взгляд сразу же остановился на мне, со всей прежней невыразимо нежной безмятежностью.

— О Ален, любимый, разве я не была очень больна? Но мне почти совсем хорошо теперь. Не плачь, я буду жить ради тебя... ради тебя.

И она наклонилась вперёд, отняла мою руку от моих плачущих глаз и с детским простодушием поцеловала мой пылающий лоб.

[1] *«И даже если мы полностью опустим рассмотрение души, этого нематериального, бессмертного принципа, на какое-то время соединённого с телом, и будем рассматривать только животную составляющую, человек всё равно будет самым совершенным из животных».*

Джон Кидд (1775 – 1851). О приспособлении окружающей природы к физическому состоянию человека. (*Dr. Kidd, On the Adaptation of External Nature to the Physical Condition of Man*) Том III, стр. 18.

ГЛАВА 56

Лилиан выздоровела, но странная вещь была вот в чём: все воспоминания о том, что происходило в течение тех недель, что протекли с момента её возвращения от тётушки, полностью стёрлись из её памяти. Она, казалось, совершенно, ничего не знала об обвинении, выдвинутом против меня. Она совершенно не помнила даже о существовании Маргрейва. У неё на самом деле были очень смутные воспоминания о нашем разговоре в саду, том единственном разговоре, что был омрачён нашим разногласием. И о самом разногласии она не помнила. Она думала, что была больна и находилась в неясном сознании с того вечера. Всё произошедшее тогда и до момента её пробуждения, когда она пришла в себя, стало чистым листом. Её любовь ко мне вернулась, словно никогда и не прекращалась. Подобные случаи потери памяти после физической болезни или психического шока — довольно известное явление в медицинской практике [1]. И поэтому мне пришлось унимать беспокойство и удивление миссис Эшли, приводя различные примеры такой потери памяти, или пробела в памяти. Но всё же мы решили очень осторожно, но рассказать Лилиан об убийстве сэра Филиппа Дервала и об обвинении против меня. Она всё равно не могла не услышать об этом от других. Смогу ли выразить весь её ужас, всю любовь, всё страдание, когда она слушала мой рассказ, который я смягчил, как только мог?

— И как можно было ничего не знать об этом! — вскричала она, сжимая мою руку. — Или знать, что ты в опасности, и не быть на твоей стороне!

Её мать рассказала ей о Маргрейве как о посетителе, приятном жизнерадостном незнакомце. Лилиан не могла даже вспомнить его имени, но была, кажется, поражена мыслью, что можно было принимать гостей во время обстоятельств, таких для меня ужасных! Нужно ли говорить, что наша помолвка была восстановлена? Восстановлена! Для неё она даже ни на секунду не прерывалась ни в мыслях, ни в сердце. Но! Что за недоброжелательство несправедливого общества! Что за странное желание вредить репутации тех, чьи сердца наименее склонны к жестокости! Позволь двум праздным языкам болтать о ком-нибудь, кто никогда не обижал их, и сплетня распространится, как огонь в американских прериях! И кто потушит его?

Какое право мы имеем совать свой нос в тайны человеческого сердца? Правда или ложь то, что бормочут нам, какое это имеет к нам отношение? Я не говорю о тех случаях, когда требуется исполнение закона, о случаях, рассмотренных с позиций закона, по которым закон вынес своё решение. Но как, когда закон молчит, можем мы выносить такие решения? Как можно стать судьями, когда не было свидетельской трибуны, перекрёстного допроса, не было присяжных? Но пока каждый день мы надеваем мантию судьи и судим, но на каком основании? Причем, зная, что это решение не будет подкреплено словом закона? Кто-то что-то сказал кому-то, и этот кто-то повторил это всем!

В Л**** распространились сплетни против доброго имени Лилиан. Никто не пришёл к миссис Эшли, не прислал поздравлений с возвращением дочери. Никто не удосужился спросить, как себя чувствовала Лилиан во время болезни, когда ради жизни ей пришлось бороться с самой смертью.

Как мне не доставало Королевы Возвышенности в этот критический момент! Как я жаждал помощи, чтобы опровергнуть клевету, к которой не знал, как подступиться! Как мне помогло бы её знание общества и её влияние на его суждения! Единственный раз с момента её отъезда я получил от неё письмо, в котором она кратко, но любезно, выражала своё изумление по поводу невыразимой глупости, которая на мгновение дала повод усомниться во мне и заподозрить в причастности к странному убийству сэра Филиппа Дервала. В этом же письме она сердечно поздравляла меня с подтверждением моей неви-

новности в этом ужасном преступлении. К письму адрес не прилагался. Я предположил, что упущение это случайно, но, зайдя к ней домой и спросив у слуг её адрес, я услышал, что они его не знают.

Какова же была моя радость при всём этом сложном стечении обстоятельств, когда я получил от миссис Пойнтс записку, извещавшую меня, что она вернулась накануне вечером и будет рада меня видеть!

Я поспешил к её дому. «Ах, — думал я, легко поднимаясь на Возвышенность. — Как умолкнут все болтуны, услышав слова из её царственных уст!» И только когда я подошёл к её двери, меня поразила мысль, как трудно, нет, как невозможно, объяснить ей, глубоко рассудительной женщине (которая менее очевидно, но более разрушительно, чем я, уничтожила д-ра Ллойда за его веру в ясновидение) все мистические обстоятельства побега Лилиан из дома. Как рассказать ей, да, впрочем, и вообще кому бы то ни было, об оккультных чарах и магическом жезле? Не важно: без сомнения, будет достаточно сказать, что Лилиан была не в себе, под воздействием лихорадки, которая впоследствии оказалась для неё чуть ли не смертельной. Давняя подруга Анны Эшли не станет сильно критиковать историю, которая может восстановить доброе имя её дочери. Уверив себя в этом, с лёгким сердцем и радостным лицом, я последовал за слугой в приёмную великой леди.

[1] Подобные случаи упоминаются во многих работах по физиологии и метафизике. Д-р Аберкромби отмечает более или менее похожие признаки: *«Молодая девушка, ставшая свидетельницей катастрофы в Шотландии, во время которой много людей погибло из-за обрушения балкона в церкви, не получила ни царапины, но вместе с тем из её памяти стёрлись воспоминания обо всех обстоятельствах случившегося. Причём такая потеря памяти распространялась не только на сам трагический случай, но и на события, произошедшие с ней за определённый промежуток времени перед тем, как она пошла в церковь. Женщина, о ком мне пришлось заботиться на протяжении её продолжительной болезни, за время которой её память очень ослабла, забыла о целом периоде жизни, охватывавшем десять-двенадцать лет, но говорила с точной последовательностью о том, что происходило до этого»*. Д-р Аберкромби добавляет: *«Исходя из того, насколько я мог изучить это явление, можно сделать вывод, что, когда память ослаблена до известной степени, её потеря распространяется на то событие или период жизни, что оказали особенно глубокое впечатление на рассудок»*. ABERCROMBIE: *On the Intellectual Powers*, стр. 118, 119 (15-е издание).

ГЛАВА 57

Миссис Пойнтс сидела на своём излюбленном месте у окна, но, что было удивительным, не вязала. Её привычная работа, казалось, была завершена. Когда я вошёл в комнату, она поглаживала и сворачивала её своей белой красивой рукой, самодовольно, одобрительно улыбаясь. У камина сидел полковник, муж миссис Пойнтс, изучая недавно изобретённый барометр. У другого окна, в самом дальнем углу комнаты, стояла мисс Джейн Пойнтс с молодым джентльменом, которого я прежде никогда не видел, но который взглянул на меня надменно, как только слуга произнёс моё имя. Он был высок, хорошо сложен, в общем, красив, но в каждом его движении, равно как и в выражении лица, сквозило холодное и сосредоточенное чувство собственного достоинства, которое делает добродетельного человека, заслуживающего уважения, непривлекательным, а человека без добродетелей — смешным.

Полковник, всегда соблюдающий правила приличия, поднялся со своего места, сердечно обменялся со мной рукопожатием и сказал:

— Сегодня холодноватая погода, а завтра будет дождь. Приближается сезон дождей с ливнями.

Он вздохнул и вернулся к своему барометру.

Мисс Джейн довольно любезно мне поклонилась, но, очевидно, была немного смущена. Это обстоятельство не могло укрыться от моих глаз, поскольку никогда раньше я не замечал, чтобы эта молодая девушка благородного происхождения изменяла своей привычной жизнерадостной линии поведения, и, уверен, эта жизнерадостность не оставила бы её, даже если бы из-за землетрясения земля раскололась в дюйме от её ног.

Молодой джентльмен продолжал смотреть на меня высокомерно, как бесспорный наследник какой-нибудь небесной планеты мог бы взирать на низшее существо с полусформировавшейся туманности, внезапно опустившейся на его благородную, величественную звезду.

Миссис Пойнтс протянула мне два пальца и произнесла холодно:

— Рада снова вас видеть! Как приятно, что вы так скоро пришли ко мне, получив мою записку!

Указав мне жестом на место рядом с собой, она обернулась к своему мужу и сказала:

— Пойнтс, раз сезон дождей начинается завтра, лучше отправляйся верхом сегодня. И возьми с собой этих молодых людей. Я хочу поговорить с д-ром Фенвиком.

Полковник заботливо убрал свой барометр и, сказав дочери «Пойдём!», вышел из комнаты. Джейн последовала за отцом, молодой человек — за Джейн.

Приём, который я встретил, испугал и разочаровал меня. Я почувствовал, что миссис Пойнтс изменилась, и вместе с ней изменился и весь дом. Даже стулья выглядели недружелюбно, как будто готовясь повернуться ко мне спинкой. Однако я не находился в положении незваного гостя: меня пригласили, миссис Пойнтс захотела говорить первой, и я терпеливо ждал, когда она начнёт.

Она закончила бережно сворачивать свою работу и положила её в ящик стола, за которым сидела. После этого она повернулась ко мне и сказала:

— Между прочим, я должна представить вам своего молодого гостя, мистера Эшли Самнера. Вам он понравится. У него есть таланты, не выдающиеся, но тем не менее. Он преуспеет в жизни.

— Этот молодой человек — Эшли Самнер? Я не удивляюсь, что мисс Эшли его отвергла.

Я сказал так, потому что был уязвлён, равно как и удивлён, тем, с какой холодностью эта женщина, обещавшая мне свою дружбу, упомянула имя этого удачливого молодого джентльмена, предав полному забвению все обстоятельства, которые сделали для меня любое упоминание его имени болезненным.

В свою очередь, мой ответ, казалось, уязвил миссис Пойнтс.

— Не уверена, что она действительно его отвергла. Скорее, она неправильно поняла его. Галантный комплимент не всегда является предложением руки и сердца. Однако он не слишком опечален пренебрежением мисс Эшли, а его сердце не настолько сражено её очарованием, потому что сейчас он очень счастлив и очень привязан к другой молодой девушке, которой три дня назад сделал предложение у леди Делафилд. И не стоит делать тайну из того, что наш маленький мир и так скоро узнает: эта девушка — моя дочь Джейн.

— Если бы я был знаком с мистером Самнером, я бы сердечно его поздравил.

Миссис Пойнтс снова заговорила, не обращая внимания на мой ответ, более лестный для Джейн, чем для того, на ком она остановила свой выбор.

— Я говорила вам, что хочу, чтобы Джейн вышла замуж за богатого джентльмена из провинции, и Эшли Самнер — такой, каким я его представляла в мыслях. Он умнее и честлюбивее, чем я могла ожидать. Когда-нибудь он станет министром благодаря своим талантам или пэром, если пожелает, благодаря своим землям. Вопрос решён.

Повисла пауза, и за это время в моей голове быстро пронеслись воспоминания, которые привели меня к смешанному чувству восхищения миссис Пойнтс как дипломатом и недоверия к ней как к другу. Теперь стало понятно, почему миссис Пойнтс, поначалу мало расположенная к тому, чтобы одобрить мою любовь, убедила меня сразу же сделать предложение Лилиан. И всё для того, чтобы она уехала обручённой в дом, где встретит мистера Эшли Самнера. Отсюда беспокойство миссис Пойнтс и её желание получать от меня информацию обо всём, что говорится и делается в доме леди Хотон. Поэтому она так внезапно предала огласке мою помолвку. Поэтому она уехала из Л****, как только мистера Самнера отвергли. Она ухватила за тот момент, когда тщеславный и гордый молодой человек, раздосадованный полученным отказом, станет более лёгкой добычей, подчинившись новому обаянию. Пока всё мне было ясно. Я тоже был обманут, как и этот хлыщ! Как умело эта женщина втянула меня в свои сети бесшумным движением белых рук! И всё же, без сомнения, я должен превозносить свой интеллект и проникать в тайны Природы, я, кто не мог понять движения хитроумного женского ума!

Но не было времени негодовать на неё или упрекать себя. Она сейчас была той женщиной, кто лучше всех остальных могла защитить и спасти от клеветы мою невинную, любимую Лилиан. Но как подойти к этому трудному вопросу?

Миссис Пойнтс начала первая, со свойственной ей решимостью, которая имела такое обманчивое сходство с искренностью.

— Но не для того, чтобы говорить о моих делах, я вас позвала, Ален Фенвик. — Как только она произнесла моё имя, её голос смягчился, а манеры приобрели ту материнскую нежность, что иногда забавляла меня, а иногда приводила в замешательство. — Нет, я не забыла, что вы просили меня стать вашим другом, и я без колебаний принимаю дружбу. Что это за история о Лилиан Эшли, с которой вы были когда-то помолвлены?

— Я и сейчас с ней помолвлен.

— Разве это возможно? Но тогда всё, что я слышала, — ложь. Очень может быть. Выдумки сплетен меня не удивляют. Значит, несчастная милая Лилиан никогда не сбегала из материнского дома?

Я подавил в себе раздражение, вызванное такой постановкой вопроса. Я знал, как важно было сейчас для Лилиан добиться для неё расположения и поддержки этого абсолютного монарха. Я говорил о том, что Лилиан долгое время до этого находилась в болезненном состоянии. Я объяснял это, как объяснил бы любой здравомыслящий врач, не знакомый с тем, что я знал, но о чём не мог рассказать. Небеса простят мне мою ложь, но я говорил, что ужасного обвинения, выдвинутого против меня, оказалось достаточным, чтобы вывести из душевного равновесия такую чувствительную девушку, как Лилиан. Я пытался таким образом создать подобное представление обо всём, что иначе показалось бы странным. В таком состоянии волнения она ушла из дома, но одна. Я отследил каждый её шаг, нашёл её и вернул домой. Последовал бред, от которого она сейчас оправилась, не подозревая о злых толках вокруг своего имени. Со всем красноречием, каким мог, подбирая слова, способные смягчить сердце этой женщины, у которой у самой была дочь, я просил миссис Пойнтс о помощи, просил её помочь прекратить жестокие пересуды и укрыть своим щитом дочь своей давней подруги.

Когда я закончил, я с некоторым усилием, но ласково, взял непослушные руки миссис Пойнтс в свои. В моём голосе слышались слёзы, и слёзы стояли в глазах. Звук её голоса, непривычно нежного, дал мне надежду. Она была, очевидно, растрогана. Но моя надежда была скоро подавлена.

— Ален Фенвик, — сказала она, — у вас благородное сердце. Мне горько видеть, как оно злоупотребляет вашим рассудком. Я не могу помочь Лилиан Эшли так, как вы просите. Не надо так возмущаться. Выслушайте меня так же терпеливо, как я выслушала вас. В то, что вы вернули несчастную молодую женщину её матери, что её ум был расстроен и это привело к опасной болезни, — в это я вполне могу поверить. В то, что она сейчас поправилась и думает со стыдом, или не думает вообще, о своём опрометчивом поступке, — я тоже могу поверить. Но я не могу поверить, и никто не может, что она оставила дом своей матери бессознательно, непреднамеренно и не в поисках того молодого незнакомца, кого так неосторожно и безжалостно ввели в их дом, когда вас обвиняли в самом страшном из человеческих преступлений. Каждый в городе знает, что тогда мистер Маргрейв ежедневно посещал миссис Эшли. Каждый в городе знает, в каком странном, отдалённом месте этот молодой человек нашёл себе убежище. И что была куплена яхта и ждала его там. И зачем? Говорят, что фаэтон, в котором вы привезли домой мисс Эшли, был нанят в деревне, неподалёку от жилища Маргрейва, от его яхты. Я рада, что вы уберегли несчастную девушку от падения, но её доброе имя запятнано. И если Анни Эшли, которой я искренне сочувствую, просит моего совета, я могу сказать ей только одно: «Уезжай из Л****, увези свою дочь за границу. И если она не собирается выходить замуж за мистера Маргрейва, выдай её замуж, быстро и не привлекая всеобщего внимания, за какого-нибудь иностранца».

— Мадам! Мадам! И это называется вашей дружбой с ней, со мной! О, как вам не стыдно так оскорблять обручённого с ней жениха! Мне стыдно, что я думал когда-то, что у вас есть сердце!

— Сердце, говорите! — воскликнула она, почти свирепо, поражая меня переменой в голосе и выражении лица. — Не слишком бы вы оценили моё сердце, вы растоптали бы его, если бы я решилась вам его открыть! Какое вы имеете право меня упрекать? Меня горячо интересовала ваша карьера, мне нравилось находиться в вашем обществе и беседовать с вами. Вы обвиняете меня в этом или я сама должна обвинить себя? Я приговорена к жизни среди глупых марионеток, и моё скучное занятие — дёргать за ниточки, привязанные к ним. Жизнь заиграла новыми красками, когда я установила дружбу и общение с умным, воодушевлённым, смелым человеком. Ах! Я понимаю этот взгляд, наполовину недоверчивый, наполовину любопытный.

— Любопытный — нет; недоверчивый — да! Вы хотели моей дружбы, и ваши резкие высказывания в адрес моей невесты, конечно, подтверждают и мне, и её матери, которую вы знаете с детства, первую обязанность друга — не покидать друга, когда он нуждается в помощи при решении проблемы, в поддержке, чтобы освободиться от клеветы!

— Лучшая обязанность — предотвращать клевету и проблемы. Оставьте их Анни Эшли — единственное, что я ещё могу добавить, исходя из своего жизненного опыта. Какова же моя обязанность по отношению к вам? Это просто. Сказать вам, что ради своей чести вам нужно оставить все мысли о Лилиан Эшли как о своей жене. Что за неблагодарный! Вы думаете, моя гордость как женщины, как друга, не уязвлена тем, что вы обращались ко мне только для того, чтобы получить моё согласие ухаживать за другой женщиной? Разве не потрясение для всех моих планов, в которых я хотела сблизиться с вами, — услышать, что вы намерены жениться и перестать быть для меня другом?

— Не перестать! Не перестать! Напротив, расположение, как я полагаю, ваше к Лилиан, установило бы новую связь между нашими домами.

— Тьфу! Между мной и этой мечтательной девушкой не могло быть никакой симпатии, никакого расположения. Вы были привязаны к своему дому и...и... но не важно. Я подавила своё разочарование,

как только поняла это, подавила, как и всю свою жизнь. Моя судьба или обязанность, обязанность по отношению к себе и другим, запрещает мне потворствовать слабостям. Ах, только не воображайте, что я одна из тех, в ком симпатия могла перерасти в любовь! Я не любила вас, Ален Фенвик.

— Вы думаете, я был настолько самонадеянным, чтобы вообразить такое?

— Нет, — ответила она более мягко, — я не могла быть настолько притворной по отношению к своим домашним и к самой себе. Но есть такая дружба, что сродни любви в своей ревности. Я с радостью помогла бы вам сделать любой выбор, который посчитала бы для вас мудрым, и мне было бы приятно стать для вашей жены близкой подругой. Но этот глупый ребёнок! Абсурд! Однако неопытность и восторженность вашей любви тронули меня. Вы просили моей помощи, и я дала вам её. Возможно, я действительно верила, что когда вы лучше узнаете Лилиан Эшли, то излечитесь от своей фантазии, хотя мне должно было быть лучше известно, как прекрасное лицо и восемнадцать лет способны околдовать умнейших из мужчин! Когда же я поняла, что вы упрямы, я не стала сожалеть напрасно и вернулась к своим планам и целям, горько улыбаясь при мысли, что, давя на вас и подталкивая к тому, чтобы вы скорее сделали предложение Лилиан, я превратила вашу слепую страсть в помощника своим собственным делам. Но хватит об этом. Я говорю так открыто и смело с вами сейчас, потому что у меня нет чувства, которое бы препятствовало беспристрастности моих советов. Я повторяю, вы не можете сейчас жениться на Лилиан Эшли. Я не могу с дочерью навестить её. Я не могу разрушить общественные законы, которые сама же установила в своём маленьком королевстве.

— Пусть будет так, раз такова ваша воля. Я просил вас о ней, пока она всё ещё Лилиан Эшли. Я просил вас не о той, кому я когда-то дал своё имя. Женщину, которую я возьму в жёны, я смогу защитить своей грудью. Кто ещё так глубоко заинтересован в чистоте Лилиан, как я? Кто ещё может знать правду о каждом слове против неё? Кто ещё, когда я, кого вы причисляете к рассудительным людям, я, кто отследил её путь, я, кто привёз её домой, я, Ален Фенвик, настолько уверен в её невинности, что готов связать с ней свою судьбу? Конечно, конечно, я опровергаю сплетни, в которые вы сами не верите, хотя отказываетесь их опровергнуть и прекратить.

— Не обманывайте себя, Ален Фенвик, — ответила она, всё ещё стоя рядом со мной, и выражение её лица было суровым. — Посмотрите, где я стою. Я — Общество! Общество, но не такое, каким его представляют язвительные языки, принижая его, и не такое, каким его видят оптимисты, превознося его власть. Я — Свет! И мой голос — Его голос, когда я предупреждаю вас. Если вы вступите в этот брак, вы потеряете своё достойное положение в свете! Если вы думаете только о прибыли и успехе в профессии, вероятно, в конечном счёте, они не слишком пострадают. У вас есть мастерство, которое нужно людям. Нужда ещё может заставить их собираться у вашей двери и наполнять ваш кошелёк гинеями. Но у вас есть гордость и благородное происхождение, и раны на вашей гордости будут болеть и никогда не затянутся. Вы не сможете защитить своей грудью женщину, чьё имя опорочено. Те, кто будет здоров, будут смотреть на вашу жену свысока, только больные — иначе. Но это ещё не всё. Общество из самых лучших побуждений скажет сочувственно: «Несчастный! Какой безвольный и как обманут! Что за неудачная женитьба!» Но общество не часто бывает снисходительным, оно чаще смотрит на мотивы поступков, лежащие на поверхности. И поэтому чаще всего вы будете слышать: «Нет, он слишком умён, чтобы так обмануться! У мисс Эшли были деньги. Хорошая партия для того, кому деньги дороже чести».

Я вскочил со своего места, с трудом сдерживая гнев, но, помня, что передо мной женщина, процедил сквозь зубы:

— Прощайте, мадам. Если бы вы на самом деле были олицетворением всего общества, чьи убогие суждения вы так спокойно изрекаете, я не мог бы презирать вас больше, чем сейчас.

Я повернулся к двери. А она продолжала стоять, выпрямившись, с угрожающим видом. Враждебная усмешка застыла на её губах, и красные огоньки поблескивали в её жестоких глазах.

ГЛАВА 58

Когда-то я давал клятву Лилиан, и эта клятва теперь стала для меня священной. Когда-то я отказался от нашей помолвки, но тогда, неважно, по какой причине, проявилось её болезненное состояние. Она жила отдельно от меня, и, хотя я печалился при мысли, что потеряю её, я полагал, что в браке со мной она будет несчастна. Тогда она была украшением и любимицей того небольшого мира, в котором жила. Никакие злые языки не касались её. Теперь я знал, что она любит меня. Её охлаждение было ненамеренным. Я знал, что видения причиняют ей вред и их никогда не удастся объяснить. Но для неё я был бесстрашным верным защитником! Если бы я оставил её сейчас из-за сплетен, из-за того, что моя карьера оказалась под угрозой, что моего доброго имени могла коснуться тень, своим отказом я подтвердил бы все слова, сказанные против неё! Если бы я так сделал, я поступил бы как трусливейший из джентльменов, как ничтожнейший из людей!

Я отправился к миссис Эшли и просил её ускорить наш союз с Лилиан и назначить дату свадьбы.

Я нашёл бедную женщину подавленной и угнетённой. Ей стало известно о том, что думает обо всём случившемся Общество, которое концентрировалось вокруг той, кого я сейчас только оставил и кто, являясь его олицетворением, выражала его мнение. Ей передали всё бескровные губы мисс Брабазон.

— Мой ребёнок! Мой несчастный ребёнок! — шептала мать. — А она так простодушна... так чувствительна! Если она узнает о том, что говорят, это её убьёт. Она никогда не выйдет за вас, Ален. Она не посмеет опозорить вас!

— Она никогда не узнает об этой варварской клевете. Отдайте её мне. Пациенты, успех, слава — всё это нельзя теперь отыскать только в Л****. Отдайте мне её сейчас. Но у меня есть одно условие: у меня есть состояние, оставшееся в наследство, и к тому же большие сбережения. У меня есть профессия и моя добрая слава. Я не дотронусь до её денег, я не могу, нет, никогда! Возьмите их на хранение до конца своей жизни. Когда же вы умрёте, оставьте их для её детей, если у неё будут дети. Но не для меня, не для неё. Разве только, если я сам умру или разорюсь!

— О Ален, что за сердце! Что за сердце! Нет, не сердце, Ален. Сердце — так это у птицы в клетке сердце. Душа, что за душа!

ГЛАВА 59

Какой невинный румянец появился на щеках Лилиан, когда я встал перед ней на колени и просил её назначить дату нашей свадьбы и стать моей женой прежде, чем повеет дыхание осени и умолкнет пение птиц! В то же время, я так страшно беспокоился, что она подвергается опасности услышать жестокую клевету о себе, что решил, что она не должна встретить холодные высокомерные взгляды и должна избежать колкие, ядовитые разговоры миссис Пойнтс. И поэтому я настаивал на необходимости сменить обстановку. Я предлагал уехать втроём на следующий же день в мой любимый родной город Виндермер. Благодаря чистому горному воздуху здоровье Лилиан скоро совсем бы поправилось. В церкви, освящённой для меня могилами моих родных, мы скрепили бы наш союз клятвами. Никакая клевета никогда не касалась этих могил. Я чувствовал, что моя жена будет в безопасности, находясь рядом с могилой моей матери.

Я добился своего, вскоре всё было готово. Миссис Эшли, однако, отказывалась ехать, не повидавшись со своей дорогой подругой, Маргарет Пойнтс. У меня не хватило храбрости сказать, что она может услышать от своей дорогой подруги, но настолько тактично, насколько мог, я сообщил ей, что уже видел Королеву Возвышенности и опровергал сплетни, достигшие её ушей. И пока она, подобно любому абсолютному монарху, не стремится встать препятствием на пути общественного мнения, ожидая, когда страсти утихнут. Я говорил миссис Эшли, что будет намного мудрее с её стороны отложить разговор с миссис Пойнтс до возвращения в Л****, когда Лилиан уже будет моей женой. К тому времени сплетня перестанет быть интересной, и тогда миссис Пойнтс, принимая дружбу с миссис Эшли, позволит себе сказать со всей важностью своих суждений: «Один д-р Фенвик знает обстоятельства этой истории, и его женитьба на мисс Эшли опровергает все сплетни на её счёт».

Вечером я оставлял указания молодому практикующему врачу, который обслуживал бы пациентов во время моего отсутствия. Большую часть ночи я провёл, давая своему заместителю рекомендации, как вести себя в том или ином случае, чтобы облегчить участь страдальцев. Когда я закончил с этим, я стал искать маленький микроскоп, который мог бы заинтересовать и развлечь Лилиан. Я открыл ящик, где

хранил свою рукопись по излюбленной физиологии, и мой взгляд упал на жезл, который я забрал у Маргрейва. Я бросил его в этот ящик, когда вернулся домой после того, как привёз Лилиан в дом миссис Эшли, и из-за беспокойства, впоследствии охватившего меня, я почти забыл об этом необычном предмете, который я таким странным образом приобрёл. Так и лежал здесь этот инструмент, способный оказывать воздействие на человеческую природу, и ни одна теория, допустимая с точки зрения моей философии, не могла его принять. Так и лежал бок о бок с самонадеянной работой, анализирующей источники, приводящие в движение Природу, и выявляющей принципы, на основании которых рассудок, исходя из своих малых познаний, может постичь замысел Бесконечного Неизвестного.

Я взял жезл и с любопытством его рассмотрел. Очевидно, он был сделан в глубокой древности. На нём были заметны полустёртые буквы на каком-то восточном языке, возможно, уже не существующем. Я обнаружил, что жезл был полый. При более внимательном осмотре его я увидел, что внутри него находился очень тонкий нитевидный провод, неукреплённый конец которого слегка касался ладони, когда жезл держали в руке. Возможно ли, что этот провод является естественной, и даже простой, причиной, объясняющей оказываемое жезлом воздействие? Может ли он использоваться для того, чтобы собирать из мощного фокуса, расположенного в ладони человеческой руки, животное тепло и энергию, так называемый, латентный флюид, который Райхенбах¹²³ называл «Од» и который «заполняет всю Природу»? И после всего, почему бы и нет? Сколько столетий были неизвестны свойства магнетита и янтаря? Точно также сила испарений стала представляться человеческому гению более могущественной силой, чем мог вообразить себе Аладдин. Также было обнаружено, что свет проходит через невидимый воздух, что мысль способна преодолевать расстояния быстрее, чем крылья сказочного африта¹²⁴. Пока я так думал, моя рука сомкнулась на жезле, и я почувствовал сильные вибрации, проходящие через моё тело. Я отпрянул. Я был встревожен тем, что (согласно простой теории здравого смысла Юлиа Фабера) я мог подготовить своё воображение воспринимать его собственные иллюзии. Спешно я положил жезл на место. Но потом мне пришло в голову, что какими бы свойствами он ни обладал, он служил целям ужасного чародея, у которого был отнят, и, возможно, он захочет снова завладеть им. Он мог ухитриться войти в мой дом в моё отсутствие. Поэтому намного благоразумнее хранить у себя этот непостижимый инструмент сферы непостижимого. Поэтому я решил взять жезл с собой и положил в дорожный чемодан так же, как и всё то, что могло пригодиться в путешествии, которое начиналось завтра. После этого я лёг отдохнуть, но не мог уснуть. Воспоминания о неприятном разговоре с миссис Пойнтс оживали в моей памяти, преследовали. Было ясно: то, что она испытывала по отношению ко мне, не было просто дружбой; что-то большее или что-то меньшее, но непременно что-то ещё помимо дружбы. Эта мысль вызвала передо мной гордое неумолимое лицо, спокойствие которого нарушалось острой внезапной болью, и отчётливый металлический голос, дрожащий от волнения, в котором она никогда не отдавала себе отчёта. Мне не нужны были её заверения, чтобы знать, что это чувство нельзя путать с любовью, которую бы она презирала как слабость и которая вызывала бы её отвращение как ошибка. Это чувство было от ума, а не от сердца. Но в то же время это чувство породило ревность, немногим менее острую, чем та, что вызывается любовью. Такая ревность всегда будет присутствовать, если имеет место себялюбие. Конечно, обидчивость, вызванная дружбой, не могла бы заставить сурового монарха приписать безжалостное осуждение Лилиан — своему интересу ко мне. Довольно странно, что одновременно с образом, неизменно связанным со сложившимися традициями и привычками общественной жизни, в моей жизни появился образ таинственного Маргрейва, окружённый всеми теми атрибутами, которыми суеверие наделяет существо из призрачного мира, лежащего за границами нашего собственного, видимого. Какой связью эти существа, столь непохожие друг на друга, соединены в метафизическую цепь ассоциаций? Оба они вошли в мою жизнь тогда, когда я впустил в неё свою первую любовь.

¹²³ Хотя исследования тончайших сил природы проводились в течение тысяч лет, можно доказать, что современная эра началась в 1844. В этом году барон **Карл фон Райхенбах** (Baron Karl von Reichenbach) из Штуттгарта издал серию писем, описывающих его исследования эфира (aether), который он назвал «ОД». Райхенбах обнаружил, что некоторый процент людей от общего населения мог визуально ощущать истечение от вершин кристаллов и магнитов, если они были сначала должным образом расположены в полной темноте. Он назвал этих людей «сенситивами» (sensitives) [52].

Немецкий химик и естествоиспытатель Карл-Людвиг Фрайхерр фон Райхенбах (1788 — 1869), известный изобретением парафина, керосина и т.д., начал экспериментировать с так называемой им «жизненной энергией», или с «Одкрафт». Эта сила «Од» проявляется как мистическое свечение, которое исходит из периферии человеческих, других органических и неорганических тел и может быть воспринята сенситивными (сильно восприимчивыми людьми) без помощи техники [53].

¹²⁴ **Африт** — в арабской мифологии злой дух.

С помощью циничной интриганки я познакомился с Лилиан. В доме всё той же интриганки я услышал мрачную историю о Луисе Грейле, с которым (несмотря на мой здравый смысл и предположения, которые любой рассудительный человек отринет, посчитав бредом расстроенного воображения) идентифицировался загадочный Маргрейв. И теперь они оба — она, представитель общества, решительно настроенная против утопических мировоззрений, и он, собравший вокруг себя весь ужас из сферы ба-сен, — оказались против меня, оказались врагами, с которыми мой самонадеянный ум не знал, как справиться. И какого бы нападения я ни ожидал бы от того или другого, сам я был неспособен напасть снова. Клевета и Призрак... и что больше всего нас ужасает в их власти над нами — так это наше бес-силие им противостоять.

Но взошло солнце, прогоняя прочь тени и освещая мысли. Ведь, в конце концов, планы Маргрейва были расстроены, он был побеждён, несмотря на своё мастерство и тайны, которыми обладал. По край-ней мере, было сомнительно, что он возобновит свои злые махинации. Он казался настолько неспособ-ным длительное время концентрироваться на одной цели, что сейчас уже, вероятно, преследует нового помощника или жертву. И подобным ему был заурядный, обыкновенный призрак, так называемое Об-щество, которого все боялись, но не было никого, кто бы его презирал. Что значил для меня хороший или плохой отзыв миссис Пойнтс? Да, а для Лилиан? Это, действительно, заставляло меня содрогаться. Но при этом мне всё равно было сладко думать, что мой дом будет её укрытием, а мой выбор — доказа-тельством её невинности. Ах! Какой невыразимо нежной и благоговейной становится Любовь, когда принимает на себя обязанности защитницы и делает своё сердце убежищем для любимой!

ГЛАВА 60

Красивое озеро! Мы вдвоём стоим на его покрытом травой берегу. Сумерки переходят в ночь, зажи-гаются звёзды, одна за другой. Какая чудесная перемена совершается внутри нас, когда мы оставляем свои обязанности среди людей, раздосадованные, утомлённые, израненные, истерзанные заботами, сби-тые с толку сомнениями в собственной мудрости, ужаленные гадюкой, живущей в городах, — Клеве-той! Какая перемена совершается в нас, когда мы оказываемся в спокойном уединении Природы, в тех местах, что связаны с нашим счастливым детством. Когда мы возвращаемся с пыльных дорог изнурён-ной тяжким трудом зрелости к золотым дням нашей юности! Благословенна эта перемена, даже если с нами рядом нет никого, кому бы сердце смогло прошептать о своём облегчении и радости. Но если тот, в ком заключается всё будущее, рядом, вместо утомительного Общества, скрывшегося из глаз и исчез-нувшего из мыслей, — это становится одной из редких глав жизни, когда испытываешь спокойствие. Отстранившись от всего, что вызывает у нас волнение, является проблемой, мы с восхищённым изум-лением сознаём, какое спокойствие приносит нам счастье. Вот так глубокой ночью, мы с Лилиан, ра-достные, бродили по берегу озера, отражающего звёздное небо. Не неся внутри себя никакого зла, ка-кими защищёнными от зла мы себя чувствовали! Ещё несколько дней, несколько дней и мы вдвоём ста-нем как одно целое! И эту мысль мы высказывали друг другу разными словами в перерывах между дли-тельными промежутками восхитительной тишины.

И когда мы повернули назад, к тихой гостинице, в которой остановились, и добрая миссис Эшли поспешила нам навстречу, я сказал Лилиан:

— И разве мы не могли бы поселиться здесь, вдали от унылого города, который мы покинули, вдали от его беспокойных забот и праздной болтовни!

— Знаешь, почему нет, Ален? Почему нет? Потому что ты был бы несчастлив.

— Был бы несчастлив, с тобой? Ты мой философ-скептик, что же заставило тебя прийти к такому неутешительному выводу?

— Сердце любит тишину, и душа — созерцание, но ум нуждается в действии. Разве не так?

— Откуда ты узнала эту мысль, столь неподходящую таким розовым устам?

— Я узнала её, изучая тебя, — нежно прошептала Лилиан.

Миссис Эшли подошла к нам. В эту ночь я впервые спал под одной крышей с Лилиан. И я забыл, что в мире существует ещё неразрешённая загадка и враг, которого стоит бояться.

ГЛАВА 61

Так протекли двадцать дней, счастливейших в моей жизни. Любовь наделяет любимого человека очарованием, но и без того очарование присутствовало в разговоре с Лилиан, восхитительной собеседницей. Случалось так, что за это время перерыва в моей тяжёлой ежедневной работе мой ум гибче воспринимал проявления её воображения, а само её воображение переставало быть таким туманным и мечтательным, здесь, на лоне природы, чем тогда, в маленьком тесном саду её дома по соседству с оживлением и гвалтом беспокойного города. Во многом из того, чем я когда-то пренебрегал и что считал капризами неуправляемой фантазии, теперь я увидел проблески гениальности, не лишённой интуиции. Да, действительно, чтобы понять любую поэтическую натуру, нам необходимо остановить привычное течение жизни: в городе мы назовём их мечтателями, а на горной вершине почувствуем в них нечто большее...

У Лилиан любовь к Природе не исходила, как у Маргрейва, из радостного ощущения её жизненной силы. Её чувство было связано с тонким осознанием божественного духа, питавшего жизненность. Таким образом, подобно художнику, она во внешних формах красоты раскрывала таинственность, придавая знакомым вещам неизвестный прежде смысл. Древняя мудрость гласит, что «отличительная черта Искусства — выражать бесконечно большее, чем оно выражает на первый взгляд», и такое выражение, проходя через мысль художника в сознание того, кто созерцает предмет искусства, открывает всё новые и новые слои мысли. Точно также лунная дорожка на воде, потревоженная случайным движением весла, порождает всё новые и новые волны света.

Так дни текли один за другим, и наступил канун нашей свадьбы. Было решено, что после церемонии (которая должна была состояться в деревенской церкви, расположенной недалеко от моего отчего дома и сейчас закрытой для посетителей) мы совершим короткую поездку в Шотландию, оставив миссис Эшли дожидаться нас в маленькой гостинице.

Я удалился в свою комнату, чтобы ответить на несколько писем от беспокоящихся пациентов, и, закончив с этим, заглянул в чемодан в поисках путеводителя по северной части страны, который я захватил с собой. Моя рука коснулась жезла Маргрейва, и, помня странную дрожь, проходившую через меня, когда я в последний раз держал в руках этот предмет, я вынул его из чемодана, чтобы спокойно его исследовать и понять причину такого ощущения. Сейчас было не ночное время суток (когда воображение наиболее подвержено доверчивым впечатлениям), и я сам не испытывал ни волнения, ни усталости, которые могли бы быть причиной всему. Солнце медленно катилось над восхитительным ландшафтом, воздух — прохладный и безмятежный, мои мысли — сосредоточенны, сердце и совесть — спокойны. Я взял жезл и приложил его к ладони, как раньше. Я почувствовал лёгкое прикосновение тонкого провода внутри него и снова дрожь! На этот раз я не отпрянул, а продолжал сжимать жезл, пытаясь не торопясь проанализировать свои ощущения от прикосновения к нему. Ко мне пришло всё возрастающее сознание жизненной силы, некое возбуждение, жизнерадостность. Такое действие может оказать на чувствующего головокружение человека какое-нибудь сильное стимулирующее лекарство или напиток. Все силы моего организма, казалось, оживились, удвоились. А так как подобные изменения в организме обычно сопровождаются изменениями в работе мозга, я испытывал гордое ликование, что-то вроде брошенного вызова, самолюбования. Все мои страхи, казалось, стёрлись из моей памяти, ведь слабость не присуща величию и силе, характеризующей Мыслящего Человека. Я чувствовал как бы огромный восторг презирать Землю и её суждения и бросать вызов Аду и его призракам. Вскоре это появившееся высокомерие переросло в желания, смутные, но смелые. Я вспомнил об ужасных явлениях, связанных с Маргрейвом. В полголоса я произнёс: «Если существо, так ниже меня стоящее, упорством воли и мысли может получить расположение Природы, столь чудесное, почему же я не могу добиться от неё того же, я, её упорный, настойчивый искатель? Что если вокруг нас рядом есть призраки, невидимые обычным зрением, но которых можно подчинить своему контролю? Что если этот жезл заряжен неким таинственным флюидом, который проходит сквозь всякое существо и который можно настроить так, чтобы устанавливать взаимодействие везде, где жизнь и мысль могут достичь существ, живущих и мыслящих? Так непременно бы объяснили мне древние мудрецы. Уверен ли я, что древние мудрецы обманули самих себя или своих учеников? Тогда этот лёгкий жезл, лёгкий, как пёрышко, был инструментом, с помощью которого Маргрейв направлял свою непреодолимую волю сквозь воздух и которым я поразил его в тот момент, когда он был разъярён, как тигр, и довёл до беспомощного обморока! Может ли инструмент на таком расстоянии, как сейчас, всё ещё управлять им, если сейчас намерено разоружить его и отнять у него его цель?» Невольно, как только я решил это, я протянул жезл вперёд, сконцентрировав всю силу своего желания на то, чтобы настигнуть Маргрейва его

влиянием и управлять им. А так как я не знал, где он находится, но смутно сознавал, что, в соответствии с любой здравой теорией, чтобы жезл мог перенести своё предполагаемое воздействие на предмет, цель, находящуюся от него на значительном расстоянии, нужно направить его в сторону этого предмета, я медленно перемещал жезл, как бы описывая круг. И таким образом, некоторая точка этого круга — восточная, западная, северная или южная — должна была оказаться той, что я искал. Прежде чем я описал половину круга, жезл сам остановился, ощутимо сопротивляясь движению моей руки, принуждающей его двигаться дальше. Означало ли это, что я нашёл точку, к которой стремилось моё желание, повинувшись некоему магнетизму, необъяснимому ни одной из признанных наук? Я не знал, но мне не пришлось держать жезл в таком зафиксированном положении долгое время, прежде чем хорошо знакомый холодный ветер пронёсся мимо меня, заставив шевелиться волосы на моей голове, и у противоположной стены появился ненавистный Син-Лека. Тень светилась тусклее, чем раньше, и её контуры были менее чёткими, но совершенно точно было то, что это привидение, призрак Маргрейва.

До меня донёсся голос, издалека, и в нём, хоть и усталом, слышались сердитые нотки:

— Ты меня звал? Зачем?

Я преодолел внезапную дрожь, вызванную Тенью и её Голосом, и ответил:

— Я тебя не звал. Я хотел только сообщить тебе свою волю, что ты не будешь больше оказывать своё ужасное влияние ни на меня, ни на всё то, что со мной связано. И сейчас, обладая властью, дарованной мне жезлом, я так приказываю тебе!

Я подумал, что на её губах мелькала презрительная насмешка, когда услышал её ответ:

— Напрасно и невежественно: ты управляешь только тенью. Моё тело, которое ты усыпил, ничего не знает о том, что тень здесь. И когда оно проснётся, мозг ничего не вспомнит о словах, которые ты произносишь или которые слышишь.

— Что тогда такое эта тень, похожая на тело? Это то, что называют душой?

— Нет. Душа — не тень.

— Что тогда?

— Не спрашивай меня. Используй жезл, чтобы воззвать к Разуму, выше моего.

— Но как?

— Я тебе не скажу. Сам можешь понять, если направляешь жезл, руководствуясь своей волей и желанием. Но в руках того, кто не изучил магию, жезл представляет опасность. Я повторяю: ты меня звал! Зачем?

— Лживая тень, я не звал тебя.

— Сказал бы ты так бесам. Они пришли бы в неопишемую ярость, если бы растяпа, не понимающий, *что* им движет, создал бы их, не умея ни управлять ими, ни разогнать их. Я не такой мстительный, как они, и поэтому оставляю тебя невредимым и удаляюсь.

— Постой. Если, как ты говоришь, никакое моё приказание тебе, тебе, кто всего лишь привидение, или тень, не способно оказать влияние на тело и ум существа, так похожего на тебя, ты всё же можешь сказать мне, что таится в его мозгу. Замышляет ли он недоброе против меня, желая воспользоваться женщиной, которую я люблю? Отвечай правду.

— Я отвечу за спящего, на которого я не просто похож, хотя только тень. Он мыслит так: «Я знаю, Ален Фенвик, что ты посредник, который мне нужен, чтобы достичь цели. С помощью женщины, которую ты любишь, я надеюсь подчинить тебя. Горе, что будет терзать твоё сердце, — под рукой. И когда оно произойдёт, ты будешь желать моего прихода. Только я один буду твоей надеждой, только с моей помощью ты найдёшь избавление от печали. Я назову свои условия: ты будешь моей марионеткой, моим рабом!»

Тень растворилась, исчезла. Я не пытался удержать её, а если бы и хотел удержать, то не знал как. Но сейчас новая мысль завладела мной. Эта тень, которая однажды так пугала меня, управляла мной, была по её собственному признанию, ничем иным, как тенью! Она говорила о высшем Разуме, от которого я мог узнать то, что она не могла мне раскрыть. А так как я всё крепче и крепче сжимал в руках жезл, мысли мои становились всё вышемернее и смелее. Мог ли жезл дать мне возможность встретиться с высшими существами, о которых я только что услышал? Поглощённый этой мыслью, я направил жезл в безграничное пространство, открывавшееся из окна. Жезл больше не сопротивлялся движению моей руки.

Через некоторое время я почувствовал, что пол в комнате начал колебаться, всё потемнело, и за окном, казалось, стало подниматься из земли туманное облако. Кровь в жилах застыла от страха, несравнимо более сильного, чем тот, что был вызван во мне прежним появлением Син-Леки. Сердце, казалось, перестало биться в груди.

В следующий момент я услышал голос Лилиан. Она пела простую священную песню, которую в детстве мне пела мать, держа меня на коленях, и которую Лилиан выучила вчера. Это был тихий ангельский голос, и в нём слышалось предостережение. Импульсивно я отшвырнул от себя жезл и склонил голову так, как я делал всегда в детстве, когда мой ум безо всяких усилий постигал тайны, более важные, чем те, что озадачили меня сейчас. Медленно я поднял глаза и огляделся. Туманное облако исчезло или растворилось в окружающих розовых лучах, в которых потонуло солнце.

Потом чувство страха и полное смирение сменилось уверенностью и смелостью.

— Что ж! — искренне воскликнул я. — Все те здравые заключения, которые я сделал из мудрых речей Юлия Фабера, растворились, обратились в прах! И это мой напыщенный интеллект, моя хваленая наука? Я... я, Алэн Фенвик — не наивный легковёрный, а неумелый практик в чёрной магии! И допуская, что непостижимое — возможно, что этот проклятый инструмент древних суеверий действительно обладает силой — химической, магнетической, не знаю, ещё какой, — которая пробуждает воображение, воспаляет его, вводит в заблуждение, так, что оно воспроизводит вещи, которые я видел, и звуки, которые я слышал, допуская всё это, могу ли я хранить этого искусителя, подчиняющегося капризам воли, чтобы похитить мой рассудок и обмануть его? И если, с другой стороны, я допускаю *то*, что все здравомыслящие люди должны отвергнуть, и склонен верить, что всё, что я только что испытал, не было психической иллюзией, что магия — реальность и в мир духов есть врата, ключ к которым *смертный* может подделать, кто, кроме святого, не отшатнётся от сил, с помощью которых каждое движение злой мысли может найти в злодее соучастника? В любом случае, пока я держу эту ужасную старинную реликвию, я подвергаюсь преследованию, мой разум затуманен и непригоден для жизни. Если то, что я услышал, или (если не услышал в действительности) почувствовал, благодаря своему воображению, — правда, и горе, человеческое горе, готово настигнуть меня, стану ли я в своей скорби искать помощи того, кто, как говорит Голос, превратит меня в своего раба, марионетку? Стать рабом существа, которого я боюсь, как врага? Долой этот кошмар! И долой эту вещь, что околдовывает мозг!

Я поднялся и взял жезл так, чтобы он не касался моей ладони. Осторожно, чтобы не встретиться с Лилиан, чьё тихое пение я всё ещё слышал, я выбрался из дома и пошёл к озеру. К его берегу была привязана лодка. Я отвязал её, отплыл в ней на глубокое место и бросил жезл в воду. Он потонул сразу. Рябь почти не потревожила водную поверхность, ни один пузырёк воздуха не поднялся из глубины. И, когда лодка заскользила прочь, только звезда отражалась в озере над тем местом, где спокойные воды сомкнулись над жезлом-искусителем.

С лёгкостью в сердце я снова оказался на берегу и поспешил к Лилиан, стоявшей на посеребрённом ярким светом газоне, прижал её к своей груди.

— Душа моя, — прошептал я, — все чары бессильны надо мной, кроме твоих! Только твоими чарами всё существо украшается и в этой красоте освящается. Что из того, что мы не можем сейчас видеть ничего из безграничного будущего? Что из того, что горе может настигнуть нас тогда, когда мы мечтаем о счастье? Позволь будущему не отнимать тебя у меня, и найдётся исцеление для каждой раны! Люби меня всегда, как любишь сейчас, о моя Лилиан! Верность к верности, рука к руке, до самой смерти!

— И после смерти, — прошептала она.

ГЛАВА 62

Мы обменялись клятвами у алтаря. Обряд, сделавший Лилиан моей женой, совершился. Из церкви, которую когда-то посещали мои родители, мы шли сейчас домой, среди холмов. Колокола, звонившие в день моего рождения, знаменовали сегодня день моей свадьбы. Лилиан ушла в свою комнату, чтобы подготовиться к нашей свадебной поездке. Нанятый нами экипаж ждал у дверей. Желая поднять настроение миссис Эшли, мучительно потрясённой сознанием перемены в отношениях ребёнка и родителя, которое всегда внезапно проникает в сердце родителя в тот день, когда ребёнок находит новое сердце, к которому можно прикоснуться, я задержал её у входа.

Но миссис Эшли была одной из тех мягких натур, которые, легко сокрушившись, легко находят утешение. И, уже улыбаясь сквозь слёзы, она собиралась оставить меня и присоединиться к дочери, когда один из гостиничных слуг подошёл ко мне с несколькими письмами, только что доставленными почтальоном. Когда я взял их, миссис Эшли спросила, есть ли что-нибудь для неё. Она ждала письма из Л**** от экономки, которая заболела в её отсутствие и о которой она теперь беспокоилась. Слуга ответил, что для неё писем нет, но одно письмо адресовано мисс Эшли, и он уже передал ей его.

Миссис Эшли не сомневалась, что её экономка вместо того, чтобы написать ей, написала Лилиан, которую знала с колыбели и к которой была сильно привязана. И, говоря мне что-то в этом смысле, она

поспешила к дому.

Я наскоро просматривал свои письма, в основном, от пациентов, когда крик агонии, крик, как если бы агония внезапно поразила самое сердце, достиг моих ушей. Крик из дома. «О боже! Лилиан?» Та же мысль мелькнула и у миссис Эшли, которая была уже у двери. Она поспешила в дом и позвала меня за собой. Я помчался вперёд, обогнал её на лестнице и прибежал в комнату Лилиан раньше неё.

Моя невеста без чувств была распростёрта на полу, такая неподвижная и бледная, что первой моей ужасной мыслью было то, что она мертва. В её руке я увидел письмо, скомканное как бы внезапным конвульсивным сжатием.

Прошло немало времени, прежде чем цвет вернулся к её щекам, дыхание стало заметным и она пришла в себя, но не к здоровью, не к рассудку. Часы протекли в страшных конвульсиях и были моменты, когда я опасался за её жизнь, боялся её смерти. За ними последовали оцепенение, летаргия, беспокойный сон. Эту ночь, свою первую брачную ночь, я провёл, как в палате больного, куда меня призвали, чтобы вырвать юную жизнь из могилы. Наконец, наконец, жизнь была спасена, жизнь была в безопасности! Жизнь вернулась, а память ушла. Лилиан не узнавала ни меня, ни мать. Еле говорила, мало, и в словах её не было смысла.

Я находился в отчаянии, весь мой опыт, все мои врачебные навыки оказались бессильны. Дни текли за днями, и никакого просвета в её затуманенной памяти. Мы перевезли её в Лондон. Я надеялся на хороший результат, обратившись к помощи тех, кто был опытнее меня, и специализировался, главным образом, на лечении психических заболеваний. Я обратился к таким врачам. Напрасно! Напрасно!

ГЛАВА 63

Какова же причина этого ужасного потрясения? На сей раз она не была связана с неким злым заклятием, неким воображаемым воздействием. Причина была ясна, и она могла повредить нервные волокна, если воспринималась сердцем, таким чувствительным, и затрагивала честь, столь безукоризненно чистую.

Найденное у Лилиан письмо не было подписано, на нём только стоял почтовый штемпель города Л****. Резкими словами, которые женская злоба может сделать такими ранящими, оно передавало Лилиан историю, от которой мы так усердно старались её оградить — её побег, сплетни, вызванные этим скандалом. В письме говорилось, что пренебрежительная жалость привела к моему слепому безумному увлечению, и от Лилиан это письмо требовало остановиться, прежде чем она навлечёт на моё имя несмыслимый позор. Если же она откажется выполнить это условие, то может не возвращаться в Л****, в противном случае, её там ждёт исключение из женского общества. Я не могу пересказывать это больше, не могу привести здесь всего, что выражало это письмо или на что намекало, имея своей целью иссушить флёрдоранж в венке невесты. Сердце, напитанное ядом, изливало его из себя, и разум бледнел перед лицом мысли, столь враждебной всем представлениям о чистоте.

Я не знал, кого подозревать в этом непростительном поступке, в этой недоброжелательности, да и не хотел знать. Почерк, хотя очевидно изменённый, принадлежал женщине, и поэтому до тех пор, пока не стал известен автор письма, я запретил себе празднично утешаться мыслью о мести. Миссис Пойнтс, решительная и однажды проявившая своё нерасположение, всё же обладала известной широтой души, не согласующейся с самыми трусливыми методами борьбы, которые выбираются обычно завистью или ненавистью. В ней было слишком сильно чувство собственного достоинства и слишком уважительное отношение к требованиям морали того мира, образцом которого она служила, чтобы пойти на такое или потворствовать кому-либо в совершении действий, пятнающих честь женщины. Но если не она, то кто? Не важно! На какую другую женщину в Л**** могли бы пасть подозрения?

После того, как я выслушал в столице всех самых лучших врачей-профессионалов, готовых мне помочь, и применил, но безрезультатно, все их методы лечения, я вернулся в Л****. Оставив своё прежнее жилище для приёма пациентов, я снял отдельный дом в двух милях от города, с садом и высокими стенами вокруг.

Мать Лилиан тоже переехала на моё новое, печальное место жительства. Аббатский дом, находящийся в центре пересудов, стал ей неприятен, а у меня он ассоциировался с мучением и ужасом. Я не мог без содрогания войти в его сад, не мог без сильного биения сердца видеть ни место вокруг Стены Монаха, ни тёмный кедр, под сенью которого в мою руку вложили руку Лилиан. И зловещее воспоминание, забытое на время, когда её ангельское лицо освещало эти роковые окрестности, появилось с новой силой. Проклятие умирающего — разве оно не свершилось?

Новый жилец для старого дома был найден в течение недели с того момента, как миссис Эшли написала из Лондона агенту по продаже недвижимости, выражая желание расторгнуть договор об аренде. Незадолго перед тем, как мы уехали в Виндермер, сэр Фелим, дядюшка мисс Брабазон, завещал ей щедрую пожизненную ренту. Таким образом, её средства позволили ей перебраться из сравнительно скромного жилья в Аббатский дом. Но после того как она устроила несколько показных званных вечеров из честолюбивого желания оспорить у миссис Пойнтс её верховную власть на Возвышенности, её поразила какая-то серьёзная болезнь, давшая осложнения на позвоночник. И после моего возвращения в Л**** я иногда встречал её на обширных просторах Холма, медленно передвигающуюся в инвалидной коляске. Её мертвенно-бледное лицо вглядывалось куда-то вдаль из груды индийских платков и сибирских мехов. А рядом с ней гордо вышагивал д-р Джойнс, молчаливый и мрачный, как искренне скорбящий, что провожает к могиле своего покровителя, при жизни которого он сам удобно жил. Стоял гнетущий месяц февраль, когда я вернулся в Л****. И я вступил во владение своим домом в годовщину того самого дня, как я шёл из зловещей комнаты естествоиспытателя по коридору, заставленному мёртвыми, немymi чучелами.

ГЛАВА 64

Удивительная мягкость натуры Лилиан сохранялась в ней и во время потери памяти. Она была по обыкновению спокойна, очень молчалива. Когда она говорила, то редко — о земных вещах, о том, что было связано с её прошлым, о том, что можно было осознать. Её мысль, казалось, покинула землю в поисках убежища в каких-то воображаемых небесах. Она говорила о прогулках со своим отцом, как будто бы он был всё ещё жив, и, казалось, совсем не понимала значения, которое мы вкладываем в слово «Смерть». Она сидела часами, разговаривая шёпотом сама с собой. Когда же удавалось уловить её слова, то становилось очевидным, что она беседует с невидимыми духами. Мы находили бессердечным тревожить её в такие моменты: если ей не досаждали, её лицо оставалось безмятежным и даже более прекрасным, чем тогда, когда я видел её в наши счастливейшие минуты жизни. Но стоило нам позвать её, чтобы вернуть к реальности, её взгляд становился взволнованным, обеспокоенным, и она вздыхала... о, так тяжело! Иногда, когда она не замечала, что мы следим за ней, она спокойно возвращалась к своим любимым занятиям — рисованию и музыке. Внешне её увлечения как будто бы не изменились, только работы стали странными, фантастическими. В них имелось сходство с теми рисунками, которыми художник Блейк (сам фантазёр, подверженный галлюцинациям) проиллюстрировал поэмы «Ночные мысли» и «Могила», — изысканной красоты лица, изящные, неземные фигуры, выходящие из чашечек цветов или плывущие вверх среди фонтанных брызг; и очертания этих фигур растворялись в фонтане или цветке. И то же с музыкой. Её матери не удавалось узнать мелодии, которую она играла, иногда такой нежной и с таким несказанным пафосом, что едва ли можно было сдержать рыдания. А когда она неосознанно останавливалась, заканчивая внезапным диссонансом и вздрагивая, её взгляд опять становился взволнованным, ошеломлённым, и она оглядывалась вокруг.

Она всё ещё не узнавала ни миссис Эшли, ни меня — ни свою мать, ни своего мужа. Но постепенно она научилась отличать нас обоих от других. Своей матери она не дала никакого имени. Она, казалось, радовалась, видя её, но не было заметно, чтобы она скучала в её отсутствие. Меня же она звала братом, и, если я отсутствовал дольше обычного, она по мне скучала. Когда после тяжёлого трудового дня я приходил к ней, даже если она ничего не говорила, её нежное лицо оживлялось. Когда она пела, кивком головы она подзывала меня подойти к ней и смотрела на меня пристально, и взгляд её был всегда нежен, часто печален. Когда она рисовала, она останавливалась, оглядывалась через плечо, чтобы увидеть, что я наблюдаю за ней, и указывала на свои рисунки с улыбкой, полной странной выразительности, как будто бы они передавали в какой-то скрытой, аллегорической форме предназначенные мне послания. Так, наконец, я понял её улыбку и приучил себя говорить: «Да, Лилиан, я понимаю!»

Не раз, после того как я отвечал ей так, она поднималась и целовала меня в лоб. Я думал, что сердце моё разорвётся, когда ощущал этот призрачный, унылый поцелуй.

И, однако, каким чудесным образом человеческий разум учится находить утешение в своих печалях. Наименее несчастными из моих часов были те, когда я приходил в эту печальную комнату, пытаюсь отыскать способ установить общение с Лилиан, придумать знаки, которыми мы могли бы обмениваться. И фантазии, блуждающие во мраке, лишали меня возможности найти выход. Было что-то похожим на радость в сознании того, что она нуждается в моей опеке. И когда, расставаясь с ней перед сном, я улавливал момент, в который её нежное лицо, казалось, было наименее покрыто тенью, и спрашивал дрожащим шёпотом: «Лилиан, ангелы присматривают за тобой?» и она отвечала: «Да», иногда словом,

иногда загадочной счастливой улыбкой, тогда... тогда я уходил в свою одинокую комнату, успокоенный и благодарный.

ГЛАВА 65

Удар, неожиданно обрушившийся на мой дом, убил все сплетни, которые могли беспокоить меня, находись я в радости. Перед лицом ужаса большого несчастья низменные приступы злобы угасли. Я предложил миссис Эшли не вспоминать о мерзком письме, которое получила Лилиан. Я не намеревался признавать торжество неизвестного клеветника или пытаться вызвать в нём напрасные угрызения совести от сознания пренебрежения, с которым он отнёсся к чести моей любимой. Вдобавок, так или иначе, истинная причина несчастья Лилиан распространилась вокруг, возможно, из-за болтовни слуг, и повергла всех в шок. Благодаря чувству справедливости, что живёт глубоко в человеческих сердцах и в обычное время не выходит на поверхность, все ощущали (и в особенности, все матери), что только невиновность могла оказаться столь неподготовленной к позору. Объяснение, которое я давал раньше и которое подвергли сомнению, теперь приняли безо всяких вопросов. Теперешнее состояние Лилиан показывало всем, что её болезненная натура была прежде неверно понята. Её доброе имя было восстановлено той же самой судьбой, что прежде разорвала горжетку¹²⁵ невесты. Жители Возвышенности теперь соперничали с более открытыми и искренними семьями Нижнего города в бесчисленных проявлениях внимания, что без лишних слов доказывало их сочувствие и расположение. Могла ли Лилиан выздороветь и осознать это запоздалое уважение, это почтение, с которым весь ничтожный мир столпился вокруг неё! И могла ли судьба и человеческое уважение искупить вину за крах взлелеянных надежд! Куча пациентов толпилась вокруг меня. Сочувствие моему горю, казалось, порождало глубокую веру в мои профессиональные возможности. Но профессия, к которой я когда-то относился с таким восторгом, стала для меня утомительной, неинтересной, противной. Внимание, которым меня окружали, не давало мне покоя. Оно лишь сделало более очевидным тот факт, осознание которого пришло ко мне слишком поздно: невозможно вернуть смысл, любовь, жизнь моей жизни, если мозг моей простодушной Лилиан расстроен. В душе я испытывал мрачное негодование. Я знал, что негодовать на толпу — несправедливо. Толпа сама по себе — только прикрытие. Кто может взвалить всю вину на неё? Только тот, кто выделялся из толпы своими уверениями в дружбе; тот, кто был рядом со мной, когда клевета только родилась и могла ещё сойти на нет; тот, кто находился рядом и с которым я сейчас прекратил общение.

Миссис Пойнтс больше, чем все остальные, вызывала у меня это негодование и возмущение. Её планы, связанные с замужеством дочери, увенчались успехом: Джейн стала миссис Эшли Самнер. Сейчас, возможно, она уже смягчилась, ведь дело, на котором было заострено всё её внимание, завершилось. Только напрасно она, узнав о моём несчастье, почувствовала раскаяние и со всей своей обычной пронизательностью выражала сочувствие, вставая на защиту оскорблённой чести Лилиан. Напрасно она писала мне, проявляя сострадание, чуждое её собственной натуре. Напрасно она умоляла зайти к ней. Напрасно подстерегала меня и пыталась заговорить со смирением, почти выпрашивающим прощение. Я не снизошёл до упрёков и лишь показывал своим видом, что никакие извинения приняты не будут. Я возвёл между ней и своим горем непроходимую стену ледяного молчания.

Одно её слово в то время, когда я так трогательно умолял её о помощи, — и толпа попугаев, слышавших даже её шёпот в пронзительном шуме, смогла бы быть столь же убедительной при защите, какой она оказалась при клевете. И то мерзкое письмо никогда не было бы написано. Кто бы ни был его автор, он, несомненно, являлся одним из тех болтунов, что почерпнули злобу из шутки или кивка головы своей госпожи.

Постепенно горечь в моём сердце растаяла. Моя безрадостная, унылая жизнь текла своим чередом. Ощущение сердечной привязанности к своим пациентам, которое есть человеческая обязанность и счастливейший дар судьбы истинного врача, покинуло меня. Слова миссис Пойнтс сбылись. Больной, завладевший моими мыслями, ожидал меня в моём собственном доме! Я испытывал беспокойство: я чувствовал, что мой дар врача слабеет. И я сказал себе: «Врач, который, входя в комнату больного, ощущает что-то, что отвлекает его мысли от страданий человека, которому должен помочь, недостойн своего призвания». Едва ли прошёл год с несчастного дня моей свадьбы, когда я принял решение покинуть Л**** и бросить свою деятельность врача. Моя цель была определена, и моё решение подкреплено письмом, что я получил от Юлия Фабера.

¹²⁵ **Горжетка** [фр. gorgette < gorge горло] — принадлежность женского туалета; полоса меха, носимая в качестве воротника [17, стр. 139].

Спустя несколько дней после того, как удар обрушился на меня, я писал ему, рассказывая о своих обстоятельствах, настолько спокойно и ясно, насколько это позволяло моё горе. Таланту Фабера я давал более высокую оценку, чем любому другому врачу, и я писал ему не без надежды получить действенный совет. Письмо, которое я теперь получил от него, начиналось с пространныго красочного и жизне-радостного описания его жизни в Австралии и сильно контрастировало с печальной нотой заключительной части, содержащей ответ на известия, которыми я терзал его чувствительное и доброе сердце. В этой последней части своего письма он предлагал в случае, если время не даст существенных изменений к лучшему, совершить путешествие за границу, считая это целесообразным. Совершенно новая обстановка может усилить наблюдательность и отвлечь мысль от призрачных образов, которыми характеризовалось описанное мной умопомешательство. «Позволь любому уму создать для себя иллюзорный мир, и все рассуждения, основанные на нём, станут ложными. Воображаемый мир исчезнет, как только мы сможем пробудить в себе устойчивый интерес к действительности».

Юлий Фабер, кто был наполовину обязан своим мастерством практикующего врача — своим познаниям в философии, давал мне надежду. Он писал:

«Я отделяю случай, так тщательно описанный тобой, от безумия, которое является потерей рассудка. Здесь, скорее всего, всё дело во времени. Там, где есть наследственная предрасположенность, физические изменения в структуре головного мозга, более того, когда умопомешательство возникает по причине вопросов морали и вся натура настолько изменяется, что обычное здоровое понимание становится недоступным, — в таких случаях только шарлатаны могут предложить эффективное лекарство. Но здесь, я полагаю, дело не в наследственности. Я убеждён, исходя из собственного опыта, что молодой организм, полный энергии, скорее подчинится смерти, чем постоянному расстройству рассудка. Здесь, как ты говоришь, человек сохраняет свои нравственные качества, свою мягкость и чистоту, и только злоупотребляет своей давней привычкой к глубокому созерцанию. Поэтому я ничуть не обманываю тебя, я ручаюсь своим опытом, когда прошу тебя: «Надейся!» Я уверен, что рано или поздно, память, сейчас только временно повреждённая, сама восстановится, потому что в данном случае мы имеем дело с нервной системой. И тогда, когда это случится и появится возможность вернуться к обязанностям семейной жизни, болезнь уже никогда не придёт снова и никогда не передастся вашим будущим детям. Если маршрут путешествия, который я советую, и мои предписания не осуществимы для тебя, дай мне знать. И хотя я хотел бы провести здесь остаток своих дней, я приеду к тебе. Я люблю тебя, как собственного сына, и буду заботиться о твоей жене, как о дочери».

Путешествие за границу! Эта идея мне нравилась. Общество Юлия Фабера, взаимопонимание, ни с чем не сравнимое искусство врача! Сама эта мысль была для меня, что спасательный круг для моряка. Теперь я более внимательно перечитал первые строки его письма. Он описывал яркими красками восхитительную страну, где сейчас жил, радостную атмосферу, чистоту простой сельской жизни, новизну пейзажей, Флору и Фауну, не имеющих ничего общего с разграбленными кварталами Старого света. И меня охватило сильное желание перенестись в уединение жизнерадостной и сильной Природы: здесь я больше не чувствовал себя дома; желание обрести пенаты, скрывающие ото всех глаз. И сейчас я бы охотно предпочёл даже пустыню своему одинокому, заброшенному жилищу. А как бы давая практическое основание для моего желания, Юлий Фабер случайно упомянул, что неподалёку от него, по соседству, продаётся дом и земельный участок. Цена показалась мне просто смешной, и, по словам Фабера, она была намного ниже их реальной стоимости, что вскоре могло бы привлечь какого-нибудь более настойчивого покупателя.

Он писал во время сельскохозяйственного упадка в колонии, который предшествовал открытию новых месторождений. Его познания в геологии позволяли ему делать вывод, что слои почвы внутри и вокруг продаваемого участка были золотоносными. И эти сведения давали ему возможность предсказать, как человек обнаружит богатые месторождения, как золото, несомненно, обогатит владельца земли. Он описал мне дом, как будто я уже был в роли покупателя. Дом был построен на побережье тем, кто посреди австралийских пустынь придерживался вкусов англичан. И его покупка позволила бы избежать лишений, с которыми обычно приходится сталкиваться поселенцу. В общем, сюда человек даже более расточительный, чем я, мог бы привезти свою невесту с большими запросами, чем у моей милой Лилиан сейчас.

Это письмо занимало мои мысли в течение всего дня, и вечером я вслух читал его, за исключением последней части, миссис Эшли в присутствии её дочери. Я жаждал увидеть, что описания Фабером страны и его жизни, которые сами по себе были чрезвычайно воодушевляющи и поразительны, вызовут

у Лилиан интерес. Поначалу она, казалось, недостаточно внимательно слушала меня, пока я читал, но когда я дошёл до места, где Фабер писал о своей любимой маленькой Эми, она взглянула на меня и, очевидно, стала слушать с большим вниманием. Он рассказывал, как девочка уже стала самым ценным человеком в нехитром домашнем хозяйстве. Какой заботливой она была! Благодаря ей, в семье ощущался покой. Она придавала дому невыразимое очарование. Её заботами грубая обстановка бревенчатого дома стала более привлекательной, приобрела английскую опрятность. Она наполнила сад цветами. Она была доверенным лицом своих домашних во всех планах, их утешением в минуты тревог и сомнений, опорой во время недомоганий, а одна её улыбка — поддержкой в каждодневных делах.

«Как это всё прекрасно в женщине, — с восторгом писал старик. — Как прекрасна женщина, стремительно превращающаяся в цветок из бутона младенческой души! И обстановка здесь подходящая — дитя-женщина в дитя-природе!»

Я услышал, как Лилиан вздохнула, и украдкой посмотрел на неё. Слёзы стояли в её глазах, губы дрожали. Некоторое время спустя она начала проводить правой рукой по левой, по обручальному кольцу, сначала медленно, потом быстрее.

— Его здесь нет, — произнесла она с раздражением, — его здесь нет!

— Чего здесь нет? — спросила миссис Эшли, наклонившись над ней.

Лилиан прильнула головой к груди матери и ответила вяло:

— Пятна! Кто-то сказал, что на этой руке есть пятно. Я его не вижу, а ты?

— На ней нет пятна и никогда не было, — ответил я. — Рука не запятнана, как твоя собственная чистота или лилия, от названия которой образовано твоё имя.

— Молчи! Ты не знаешь моего имени. Я прошепчу его. Тише! Моё имя — Призрак! Ты хочешь знать, где сейчас лилия, брат? Я скажу тебе. Там, в этом письме. Ты зовёшь её Эми, она — лилия. Прижми её к груди, спрячь её. Тише! Где те колокола? Свадебные колокола. Не разрешай ей их слушать. Жестокий ветер шепчет колоколам, и они повторяют громче и громче:

«Пятно на лилии,

Позор на лилии,

Засохни, лилия».

Если она услышит, что шепчет ветер, она уйдёт во тьму и превратится в Призрака.

— Лилиан, посмотри на меня, проснись! Это был долгий, долгий сон, и он проходит сейчас. Лилиан, моя любимая, моя блаженная Лилиан!

Никогда с тех пор я не слышал от неё подобного намёка на роковую клевету и её ужасающие последствия. И хотя её слова пронзали мне сердце, причиняя острую боль, они же давали слабую надежду.

Но, увы! Мысль, скользнувшая в её словах, уже исчезла. Она шептала что-то о кольцах огня и закрытой вуалью женщине в чёрных одеждах. Она стала беспокойной, встревоженной, не сознавала нашего присутствия и, в конце концов, погрузилась в тяжёлый сон.

Этой ночью я услышал её крик: моя комната находилась рядом с её, и дверь была открыта. Я поспешил к ней. Она всё ещё спала, но было взволнованное, мучительное выражение на её юном лице, но не выражение боли. Улыбка играла на её губах, та радостная улыбка с оттенком тревоги, с которой человек, раздумывающий над затруднительным вопросом, вызывающим опасение, вдруг встречает неожиданную мысль, что кажется путём к разгадке или возможностью избежать опасность. Я нежно дотронулся до её руки, она ответила на моё лёгкое пожатие и, склоняясь ко мне, произнесла всё ещё во сне:

— Пойдём.

— Куда? — спросил я шёпотом, чтобы не разбудить её. — Туда, чтобы увидеть дитя, о котором я читал, и цветущую страну?

— Из темноты к свету, туда, где листья не меняют цвет, где ночь — это день, а зима — лето. Пойдём! Пойдём!

— Пойдём. Спи безмятежно, моя невеста. О, в этом сне ты узнаешь, что любовь моя не изменилась в печали, а стала лишь сильнее и священнее, чем в тот день, когда мы обменялись клятвами! Ты — моя надежда, и где ты — там и моя страна мечты!

Милое лицо просветлело, пока я говорил, тревоги оставили улыбку, тихо она освободила свою руку из моих и на мгновение задержала её на моей склонённой голове, как бы благословляя.

Я поднялся, осторожно прошёл в свою комнату и закрыл дверь, чтобы душившие меня рыдания не потревожили её сон.

ГЛАВА 66

Я рассказал о своих планах миссис Эшли. Она отнеслась к ним намного легче, чем я мог предположить, судя по её привычному образу жизни, размеренному и не расположенному ни к чему, что могло изменить его течение. Большое горе, обрушившееся на неё, выявило ту силу привязанности, что скрыта во всех сердцах, способных любить других больше самих себя. С её полного согласия я написал Фаберже, сообщая ему о своих намерениях, и отправил ему денежный перевод, чтобы он купил имущество, которое так хвалил. Я также сообщил ему, что хочу оставить свою врачебную деятельность. Быстро сделал всё необходимое, чтобы подготовить преемника в практике, распорядился своими двумя домами в Л****, назначил дату отъезда.

Не умри во мне тщеславие, я мог бы получать удовольствие от того, какой шум наделала сенсация, связанная с моим скорым отъездом. Мои слабые стороны были забыты в одночасье, а высокие качества, которыми я обладал, — преувеличены. Общественное сожаление выразилось в том, что мне сделали дорогое подношение, в котором приняли участие даже беднейшие из моих пациентов. Его украшала надпись, достаточно лестная для того, чтобы сослужить эпитафией на могиле какого-нибудь знаменитого врача. Но сейчас такое поведение людей казалось мне неуместным.

Два человека проявили наибольшую активность в «инициации» этого подношения. И это были Полковник Пойнтс, а на самом деле его жена, и тот, кто с давних пор относился ко мне с пренебрежением, — мистер Вигорс! Прошло уже много времени с того момента моего повествования, когда я в последний раз упоминал имя мистера Вигорса. Будет справедливым отметить, что как мировой судья, да и вообще по своему обыкновению, он оказался наиболее щепетильным и активным в поисках Лилиан в то несчастное время, когда она ушла из дома. Он, единственный из всех влиятельных лиц города, встал на защиту невиновности, в то время как другие клеветали на неё. И в последний, мучительный год моего пребывания в Л**** он сделал мне искреннее и мужественное признание в том, что сожалеет, что раньше относился ко мне с предубеждением. И ещё сказал, что испытывает ко мне уважение, с тех пор как я женился, правда, только формально, на Лилиан. Он остался верен своему основному увлечению и упрашивал меня посоветоваться с ясновидящими относительно неё. Я отклонил это предложение, но таким образом, чтобы не оскорбить его. Отклонил не так, как сделал это однажды, но ни словом, ни взглядом не выдавая своего недоверия и пренебрежения. Факт оставался фактом: я чувствовал невыразимый ужас перед практиками и теориями, стоящими вне проторённого пути здравого смысла и науки.

Возможно, я сделал ошибку, отказавшись. Не знаю. Меня пугало собственное воображение. Несмотря на мой отказ, Вигорс не стал менее дружелюбным. Но, зная о превратностях человеческого сердца, я отстранился от него, поскольку, несмотря на уверения в расположении, он оставался моим самым нетерпимым врагом, чем любой из тех, кого можно было посчитать другом. Он не оставлял Лилиан. По-другому дело обстояло с миссис Пойнтс. Я бы заплатил десятикратную цену подношения, чтобы стереть из списка подписавшихся под ним имя её мужа.

За день до моего запланированного отъезда, спустя несколько недель, как я решил отказаться от своей практики, я получил письмо от мисс Брабазон с настойчивой просьбой навестить её. В письме было столько клякс, что я с трудом расшифровал его и узнал, что мисс Брабазон очень больна, а д-р Джойнс, заботившийся о ней, её покинул. Она умоляла меня прийти.

ГЛАВА 67

Я добрался до Аббатского дома, где встретил церемонного слугу с безразличием на лице. Он перепоручил меня медсестре, и она, прежде чем я осознал, что происходит, проводила меня вверх по лестнице в комнату, где умер д-р Ллойд. Но сейчас в ней всё было по-другому — стены, обстановка! Грязные обои сменила воздушная кисея, под причудливыми ажурными строчками которой просвечивал розовый фон; роскошные кресла, позолоченные шкафы для одежды, зеркала в полный рост, туалетный столик, украшенный кружевом и лентами, множество серебряных безделушек — всё превратило комнату больного, комнату простого учёного, в будуар смерти для самодовольной кокетки. Но сама комната осталась прежней. Так гроб имеет одни и те же границы, будь он обит бархатом и украшен гербами или нет.

А кровать с шёлковым покрывалом и подушками стояла в том же самом углу, что и та, на которой затаил дух умирающего, озлобленного врага. Когда я приблизился, человек, сидевший рядом с больной, обернулся и молча доброжелательно кивнул головой, узнав меня. Это был мистер К****, один из представителей духовенства города, один из тех, с кем мне чаще всего доводилось иметь дело всегда, когда

врач вынужден уступить место священнику, чтобы дать надежду. Мистер К**** как проповедник был известен своим трогательным красноречием, как пастор — был уважаем за свою набожность, как друг и сосед — был любим за приятный характер, в котором все движения мужского рассудка уравнивались мягким женским сердцем.

Этот добряк прошептал что-то страдающей, чего я не расслышал, подошёл ко мне, взял за руку и произнёс, также шёпотом: «Будьте милосердны, как все христиане». Он подвёл меня к кровати, а сам вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

— Вы думаете, я, правда, умираю, д-р Фенвик? — услышал я слабый голос. — Я боюсь, д-р Джойнс не понял, что со мной. Я хотела сразу позвать вас, но... но я не могла... не могла! Вы проверите мой пульс? Вы не думаете, что меня нельзя вылечить?

Мне не нужно было нащупывать пульс в тощем запястье: один вид её лица давал понять, что смерть уже рядом.

Машинально я всё же задал ей обыкновенные в таких случаях, банальные вопросы. Когда ненужная формальность была соблюдена, так мягко и деликатно, как только мог, я намекнул ей на необходимость завершить все дела, что связывают с этим миром.

— Эта обязанность, — сказал я, — заключающаяся в освобождении мыслей от забот о других, о ком мы обязаны заботиться, часто освобождает тело от мучительных болей, а иногда, к удивлению даже самых опытных врачей, продлевает саму жизнь.

— А, — отозвалась ворчливо старая дева, — я понимаю! Но не это меня беспокоит. Меня бы не оставили на сиделку из госпиталя, если бы моя родня не знала, что вместе со мной пропадает ежегодная рента. Я предвосхитила это, обставив дом, д-р Фенвик, но все эти прелестные вещицы будут проданы, чтобы заплатить тем ужасным торговцам! Очень тяжело! Так тяжело! А ведь все эти вещи должны принадлежать мне, раз я смогла их себе когда-то позволить! Я всегда говорила, что хочу, чтобы в моей спальне висела кисея, как у дорогой леди Л****, а в гостиной — шёлк цвета герани. Так мило. Вы не видели её, вы не узнаете дом, д-р Фенвик. И когда всё завершено, нужно уйти в могилу. Это так жестоко!

И она заплакала. Её волнение вызвало сильный припадок, который, когда она оправилась от него, произвёл одну из тех поразительных перемен рассудка, что иногда предшествуют смерти, — перемен, что порождают важное преобразование всего образа жизни. Твёрдая воля становится мягкой, надменность сменяется кротостью. Ужасен момент, когда всё земное исчезает, растворяется и на этом фоне остаётся видимой лишь смерть при ослепительном свете, что разгорается всё ярче в последнем мерцании жизни.

Она уткнулась своим измученным лицом мне в плечо. И когда она услышала мой голос, несущий утешение, она подняла голову, и в ней не было больше горя легкомысленного человека, страдающего от потери любимых игрушек.

— Так это смерть, — начала она. — Я чувствую, она спешит. Я должна говорить: я обещала мистеру К****. Простите меня, вы можете... можете? То письмо... письмо Лилиан Эшли, его написала я! О, не смотрите на меня так ужасно. Я никогда не думала, что оно может принести такое зло! И разве я не достаточно наказана? Я искренне верила, когда писала, что мисс Эшли вас обманывает, и однажды я была так глупа, что вообразила, будто вы можете полюбить меня. Но у меня была другая причина. Я всю жизнь была так бедна, а теперь неожиданно разбогатела. Я присмотрела этот дом, я всегда о нём мечтала. И я думала, что, если помешаю мисс Эшли выйти за вас и напугаю её и её мать возвращением в Л****, я смогу завладеть домом. И я получила его. Но ради чего? Чтобы умереть. Не прошло и недели с момента моего пребывания здесь, как я получила травму, которая убивает меня: я упала с лестницы, выходя из этой самой комнаты, — ступени были отполированы. А ведь если бы я осталась в своём старом жилище, этого бы не случилось. О, скажите, что прощаете меня! Скажите, скажите это, даже если вы этого не чувствуете, вы всё равно можете сказать, что прощаете меня! Скажите это!

И несчастная женщина крепко схватила меня рукой, как когда-то д-р Ллойд.

Я закрыл лицо руками. Моё сердце разрывалось от гнева. Страшную несправедливость по отношению к себе я бы простил безо всяких усилий, но по отношению к Лилиан — нет! Я не мог сказать: «Прощаю».

Я молчал, и это молчание приводило умирающую в ужас, гораздо больший, чем тот, что мог быть вызван моими упреками. Она пришла в отчаяние, и её голос стал душераздирающим:

— Вы не простите меня! Я умру с вашим проклятьем на челе! Прощения! Прощения! Этот добрый человек, мистер К****, убедил меня, что вы будете милосердны. Разве вы сами никогда не причиняли зла другим? Разве злой дух никогда не искушал вас?

И тогда я ответил прерывающимся голосом:

— Меня! О, если бы вы *меня* опозорили, — но юное существо, такое безобидное и невинное, и ради такой жалкой цели!

— Но я говорю, я клянусь вам, я никогда не думала, что смогу принести такое горе, а молодой человек, Маргрейв, вбил мне это в голову!

— Маргрейв! Он уехал из Л**** задолго до того, как письмо было написано!

— Но он возвращался на день, прямо перед тем, как я написала. Это был тот самый день. Я встретила его на дорожке, вон там. Он осведомлялся о вас, мисс Эшли, и когда говорил, смеялся. Я сказала: «Мисс Эшли была больна и ушла из дома», на что он снова рассмеялся. Я думала, что он знает больше, чем может мне сказать, поэтому я спросила его, считает ли он, что миссис Эшли вернётся в Л****. Я призналась ему, как бы мне хотелось завладеть этим домом, если она не вернётся. И снова он рассмеялся и ответил: «Птицы никогда не остаются в гнезде после того, как их птенцам причинён вред», а потом ушёл, напевая. Когда я пришла домой, его смех и песня преследовали меня. Я думала, что всё ещё вижу его, теперь уже в своей комнате, и он побуждает меня писать. И я села и написала письмо. О, простите, простите меня! Я глупое, несчастное создание, но я никогда не хотела причинить такое зло. Дьявол искусил меня! И сейчас он здесь, рядом со мной! Я вижу его вон там! Там, у двери. Он пришёл за мной! Если вы надеетесь на пощаду себе, освободите меня от него! Простите меня!

Я сделал над собой усилие. В упоминании Маргрейва, своего искusstеля, женщина искала себе оправдание и затронула ту сокровенную ячейку моей памяти, в которую я не решался вглядываться, приходя в ужас оттого, что могу увидеть его образ. Действуя против меня и всего, что со мной связано, и беря на себя неискusпимую вину, она всё же была человеческим существом, подобно мне самому. А он?

Я взял её бледную руку и произнёс твёрдым голосом:

— Будьте спокойны. От имени Лириан, своей жены, я прощаю вас ради неё и ради себя, так, как нам предписано прощать Богом. Все мы грешны, но в Его заветах сказано, что мы должны прощать друг друга!

— Благослови вас Господь! О, благослови вас! — прошептала она, опускаясь на подушку.

«Ах! — подумал я. — Что, если данное мной сейчас прощение будет искуплением и это благословение с уст умирающей уничтожит мрачное проклятие человека, отходящего в долину смерти, некогда произнесённое в этой самой комнате».

Я оставил больную мирно спящей, зная, что этот сон предшествует смерти. Когда я спустился вниз по лестнице, то увидел миссис Пойнтс, стоящую на пороге и беседующую со слугой и медсестрой.

Я хотел пройти мимо неё, отдав официальный поклон, но она остановила меня.

— Я пришла узнать о бедной мисс Брабазон, — сказала она. — Вы можете сказать мне больше, чем слуги: надежды нет?

— Отправьте медсестру понаблюдать за ней. Она может отойти во сне.

— Ален Фенвик, я должна поговорить с вами. Нет, всего несколько минут. Я слышала, вы завтра уезжаете из Л****. Едва ли мы встретимся снова. — Говоря это, она увлекла меня вдоль лужайки по дороге, что вела к её дому. — Я хочу, — продолжила она серьёзно, — чтобы вы питали более добрые чувства по отношению ко мне, но едва ли можно ожидать этого. Если бы я оказалась на вашем месте и чувствовала то, что чувствуете вы, я знаю, что была бы неумолимой, но я...

— Но вы, сударыня, Мир! Мир, что подчиняется сам и заставляет других подчиняться законам, которые кажутся жестокими тем, кто ищет в его расположении помощи, которой Мир не может оказать; кто просит у Мира, признающего фаворитов, но не друзей. Вы поступили со мной так, как Мир всегда поступает с теми, кто ошибочно принимает его благосклонность за дружбу.

— Это правда, — ответила прямо, искренне миссис Пойнтс, и мы молча продолжали идти дальше.

Наконец, она резко сказала:

— Но не опрометчиво ли вы лишаете себя своего единственного утешения в печали? Когда болит сердце, разве вы как врач признаёте лекарство, подобное воззванию к уму? Вы оставляете занятие, к которому ваш ум наилучшим образом приспособлен. Вы бросаете карьеру, уезжаете на середине жизненного пути от известности, что ждёт вас, в конце концов. Уезжаете от самой цивилизации и думаете, что все ваши умственные потребности смогут найти удовлетворение в жизни пастуха, в монотонности глуши. Нет, вы ещё пожалеете, что изменили своему уму.

— Мне надоело слово «ум», — горько сказал я и погрузился в глубокое раздумье.

Загадки, мучавшие меня, могли бы показаться странными любому обычному здравомыслящему человеку даже в том случае, если бы их можно было свести к обману чувств. Иллюзии, возникающие в мозгу здорового человека, выявляют проблемы в нашем организме, о которых знают те, кто изучает их

и никак не может их разрешить. Но удар, разрушивший мою жизнь, был нанесён рукой глупца. Здесь не было мистического очарования. Побуждения, самые банальные и ничтожные, подсказавшие мозгу, примитивному и пустому, какой только может быть у легкомысленной женщины, план действий, опустошили мою жизнь, повредили всему, к чему я себя готовил. Обладай я умом, таким блестящим, какой только могут небеса даровать смертному, он оказался бы напрасным, беспомощным, как и я сам против древка копья, засевшего в моём сердце. В то время, когда я действительно готовил свой рассудок и силу духа к встрече с такими опасностями, жуткими и удивительными, как те, которыми пугают доверчивого ребёнка зимой у камелька, затея (настолько обычная и простая, что дня не проходит без того, чтобы анонимная клевета не досаждала кому-нибудь) вызвала бедствие, более ужасающее, чем то, которое могло бы стать результатом чёрного колдовства. Итак, рассказы о призраках и демонах правдивы, правдивы истории, которые удивление принимает, а наука отвергает как сверхъестественное. Но гляди-ка! Несущая страх машина катит свои колёса сквозь ад! Что нуждается в подобных ужасающих механизмах? Первый же болван, которого мы встречаем по дороге к бакалейщику, может рассказать нам больше любого призрака. Слабейшая зависть, вызванная нами, ранит нас сильнее любого демона. Как естественно объяснить всё Злым Духом преисподней или земли! Злой Дух приходит к Фаусту, утомившемуся искателю знания. Небеса и Ад соперничают друг с другом в искушении смертного. И что делает Злой Дух, чтобы поразить его? Обрати вино в огонь, любовь — в преступление. Мы не нуждаемся в Мефистофеле, чтобы творить такие чудеса каждый день!

Так молча размышляя, я шёл рядом с умной женщиной, и, когда она снова заговорила, я поднял глаза и увидел, что мы находимся у Стены Монаха, там, где я впервые увидел Лилиан, глядящую в небо!

Пока мы шли, миссис Пойнтс вложила свою руку в мою и мы неожиданно свернули с дороги на поляну. Я обнаружил, что стою рядом с ней в том самом месте, где Любовь впервые открыла моему зрению новую грань существования, окрасив пурпурными и золотыми тонами мой серый обыденный день. Так, когда романтическая, необыкновенная история заканчивается, уступая место печали, и Прекрасное скрывается из вида, привычные, реальные формы жизни, спрятанные на время, появляются снова, погружая нас в угрюмые воспоминания. И светская женщина, находя, что мой вынужденный ответ на её слова оказался слишком немногословным, начала говорить в своей обычной манере:

— Я буду скучать по вас, когда вы уедете, Ален Фенвик. И хотя весь последний год или около того наше общение фактически прекратилось, мой интерес к вам занимал мои мысли, когда я сидела в одиночестве, потеряв главный объект приложения своей активности — свою дочь, и не имея никого в доме, с кем я могла бы побеседовать о будущем и для кого я могла бы составить дальнейшие планы. Так утомительно отмечать изменения, происходящие внутри нас, что мы проявляем интерес к изменениям, что происходят вокруг. У Пойнтса всё ещё есть его барометр, а у меня больше нет моей Джейн.

— Я не могу здесь с вами задерживаться, — отозвался я, нетерпеливо возвращаясь на дорогу. Она последовала за мной, шагая по упавшим листьям. И, невзирая на мои слова, продолжила свой тяжёлый разговор:

— Но я не сыта по горло своим умом, как вы, кажется, — своим. Я только устала от тесной клетки, в которой с тех пор, как осталась одна, я натираю свои перья о тонкие прутья, отделяющие меня от широкого пространства. Я на время перееду к молодым: они хотят, чтобы я была с ними. Эшли Самнер получил место в парламенте. Он намерен присутствовать там регулярно и много работать, и ему не хочется, чтобы Джейн входила в свет одна. Но он хочет видеть её там, поскольку ему необходимо, чтобы жена показывала его богатство ради укрепления его положения. В доме Эшли Самнера я получу достаточную область для своей энергии. Мне любопытно увидеть тех немногих, что занимают высокие посты в государстве и говорят: «Это мы управляем колёсами!» Мне будет занятно узнать, смогу ли я добиться в столице той власти, что я завоевала в провинциальном городке. Если нет, я смогу вернуться к своему маленькому княжеству. Везде, где бы я ни жила, я должна иметь влияние, а не служить. Если я буду успешна — а я должна быть, ведь в красоте Джейн и состоянии Самнера у меня есть всё для моих амбиций, которые я не могла реализовать здесь, засыпая над вязанием — если я буду успешна, этого будет достаточно, чтобы занять мою оставшуюся жизнь. У Эшли Самнера будет власть, властью будет наслаждаться и мой ребёнок, а создавать её и поддерживать буду я! Ален Фенвик, делайте, как я. Будьте заодно с обществом, и только в минуты раздражительности и огорчения вы будете вздыхать и думать о том, что сердце ваше может бездействовать, когда занят ум. Признайтесь, вы слушаете и завидуете мне.

— Совсем нет. Всё, что кажется вам таким значительным, мне представляется ничтожным! Одна Природа всегда величественна, в своих ужасах и своём очаровании. Светское общество для вас, Природа для меня. Прощайте!

— Природа! — сказала миссис Пойнтс с состраданием. — Бедный Ален Фенвик! Природа, конечно... совсем ум потерял! Ну, пожмём друг другу руки тогда, быть может, в последний раз.

Мы обменялись рукопожатием и расстались, там, где калитка и каменная лестница отделяли мою разрушенную волшебную страну от оживлённой улицы города.

ГЛАВА 68

Ночью, когда я был занят сбором книг и рукописей, которые я решил взять с собой, включая и свой труд по физиологии, заброшенный надолго, а также разные другие материалы, авторитетные источники, по которым я мог бы захотеть получить консультацию или использовать в своей работе, ко мне вошёл слуга, чтобы сообщить (в ответ на мою просьбу узнать), что мисс Брабазон мирно скончалась час назад. Ну что ж! Моё прощение, возможно, облегчило её последние минуты. Но каким бесполезным было её предсмертное раскаяние, чтобы искупить зло, что она совершила!

Я отстранился от этой мысли и, глядя на работу, в которую я вложил все свои познания, сведя в систему всем своим мастерством, вспомнил жалость, которую миссис Пойнтс выразила по поводу моей предполагаемой потери ума. Тон превосходства, — это воплощение здравого смысла, — сопровождавшийся необыкновенным желанием проникнуть в те сферы, что были слишком глубоки или высоки для её понимания, иногда забавлял меня, но сейчас он меня задел. И я сказал самому себе: «В конце концов, я буду носить в себе утешение, что может дать умственное занятие. У меня будет время, чтобы закончить этот труд, и он, хранящий весь мой опыт и мои мысли, переживёт все почести, которыми тщеславие может наградить Эшли Самнера!» И когда я прошептал эти слова, моя рука, машинально отбирающая нужные мне книги, остановилась на Библии, подаренной мне Юлием Фабером.

Она раскрылась на Второй книге Эзры¹²⁶, которую наша Церковь относит к апокрифическим произведениям. Учёные считают, что она была написана в первом или втором столетии Нашей эры [1], но в вопросах, поднятых человеком в те отдалённые времена, в вопросах, в которых мы можем проследить его желание познать пути Господни, такое великолепие мысли и величественность слова, что я не в состоянии провести параллель ни с одним писателем, которого мы относим к мирским.

Мои глаза остановились на странице с возвышенным разговором между Ангелом по имени Уриэль и Пророком, смущённым собственной жаждой знания:

Он [Ангел] ответил мне и сказал:

Я вошёл в лес, на опушку, и деревья собрались на совет.

И решили: Давайте пойдём и начнём войну с морем, чтобы оно отступило перед нами, и будет тогда много лесов.

Волны морские также собрались на совет свой и сказали: Давайте нахлынем и подчиним себе леса земли, и расширим место своё.

Мысль лесов оказалась напрасной, ибо пришёл огонь и поглотил их.

Мысль волн морских также не привела ни к чему, ибо встали пески и остановили их.

Если стать тебе судьёй между ними, кого ты будешь оправдывать, а кого судить?

Я ответил и сказал: Поистине глупа мысль, к которой и те, и другие пришли. Есть земля, лесу данная, но и у моря есть место его, чтобы нести волны свои.

Тогда ответил он мне и сказал: Верны твои слова, но почему ты не судишь себя так же? Есть земля, лесу данная, и у моря есть место его. Но всё-таки они, пребывающие на земле, не могут понимать ничего, а только то, что есть на земле. Но только Тот, кто пребывает выше небес, может понимать всё, что выше небес.

Я остановился на этих словах и, закрывая Священное Писание, погрузился в глубокие, беспокойные размышления.

[1] Д-р Ли (*Dr. Lee*), однако, полагает, что её автор был современником и, даже более того, автором одного из наиболее значимых апокрифов Ветхого Завета, Книги Эноха.

¹²⁶ **Вторая книга (Ездры) Эзры** — одна из второканонических книг библейского канона. Основная часть Второй книги Эздры представляет собой изложение с незначительными изменениями фрагментов канонических книг.

ГЛАВА 69

Я надеялся, что путешествие окажет благотворное воздействие на Лилиан. Но никакого эффекта, положительного или отрицательного, заметно не было, за исключением, разве что, лишь более глубокого молчания, более кроткого спокойствия. Ей нравилось сидеть на палубе в ясные ночи, когда звёзды отражались в воде, как в зеркале. Однажды, стоя около неё, склонившись над поручнями корабля и вглядываясь в длинную дорожку света, оставленного луной посреди темноты безбрежного океана, я сказал самому себе: «Где мой путь света сквозь необъятное будущее? Если бы я мог верить так, как в детстве! Горе мне, что все мои рассуждения, основанные на знании, уведут меня от утешения, которое крестьянин в минуты скорби находит в вере! Зачем тайны, столь мрачные, навалились на меня, совсем не склонного к фантазиям, на меня, последователя самых строгих научных школ? И всё же, какое чудо, самое странное из всех чувств, что мне доводилось испытывать, большее, чем просто привязанность, знакомая всем людям, изменило направление моей жизни, соответствующей моим надеждам и здравому смыслу. Как невозмутимо прежде, ещё не зная любви, я исследовал её механизм, как новичок исследует ткани и нервы в человеке! Но смотри! Она живёт, живёт во мне, и, живя, ускользает от моего скальпеля, смеётся над моими знаниями. Можно ли отнести любовь к сфере рассудка? Нет. Какая монахиня находится в большем заточении, чем моя невеста из-за своего страшного несчастья? И любовь после этого — гармоничный союз родственных душ? Нет, моя любимая сидит рядом со мной, но я не знаю, о чём она думает, и мои мысли скрыты от неё. Но всё равно я люблю её ещё больше — о, несравнимо больше! — вопреки горю, что разрушает две жизни, которым предназначено быть одним целым! Как теперь я могу в своей бесполезной физиологии сказать, что есть любовь, а что — нет? Это любовь, что должна научить меня, что у человека есть душа, и в ней можно найти решение проблем, которые нельзя разрешить с помощью одного только тела или ума?»

Мои вопросы, обращённые к самому себе, оборвались на этом месте: рука Лилиан коснулась моего плеча. Она поднялась со своего места и подошла ко мне.

— А звёзды ведь не слишком далеки от земли? — спросила она.

— Нет, они очень далеко.

— Сегодня их видно в первый раз?

— Я думаю, что наши далёкие предки на заре человеческой расы видели их так же, как мы сейчас!

— Но всё же близко, под нами, они светятся, отражённые в воде. И смотри: волна сменяет волну прежде, чем мы успеваем пересчитать их!

— Лилиан, каким образом ты читаешь мою мысль и отвечаешь на неё?

Её ответ был несвязным и бессмысленным. Проблеск надежды, таинственным образом осветивший моё сердце при взгляде на неё, погас. Я подошёл ближе к ней и долго, в тоске вглядывался в полосу света, разделившую пополам темноту океана.

ГЛАВА 70

Путешествие завершилось. В морском порту, где мы остановились, я получил письмо Фабера. Мои предписания достигли его вовремя, и он совершил желаемую мной покупку. Кроме дома, он приобрёл также скот, орудия земледелия и мебель. Всё было готово к моему прибытию, и из бедной деревушки, которая однажды могла превратиться в одну из мировых столиц, я поспешил в своё жилище в глуши.

Здесь, в Австралии, в разгаре была весна, что начинается в привычный для нас осенний месяц октябрь. Воздух был наполнен ароматами акаций. Ползучие растения и цветы поразительных оттенков, покрывающие опушки лесов и крутые берега извилистых серебристых ручьёв [1], составляли контраст с оливковой зеленью листвы. Ободряющее воздействие погоды в это время года усиливало очарование незнакомого пейзажа. В ярком небе, в прозрачном воздухе удивительным образом ощущалось дыхание жизни. С каждым вдохом, казалось, вдыхалась сама надежда.

Мы добрались до своего дома, поселились в нём. Ранние, непривычные впечатления стёрлись из памяти. Мы учились обходиться без многого, в чём поначалу чувствовали необходимость, и свыклись со многим, что поначалу вызывало разочарование или недовольство.

Дом был бревенчатый. Бывший владелец начал строительство в миле отсюда, на возвышенности, более внушительного дома из камня, но он не был закончен наполовину.

Дом оказался просторным, и многое было в нём сделано внутри и снаружи, чтобы скрыть или приукрасить старомодную грубость его работы. Он имел необычный, колоритный внешний вид. С трёх

сторон его окружали веранды, по которым виноградные лозы с блестящими листьями взбирались до самой крыши. Перед домом располагался большой сад, где среди тропических растений и цитрусовых Южной Европы были посажены английские плодовые деревья. На обширных пастбищах паслись не только овцы, но и стада крупного рогатого скота, которые мой предшественник вывел из известных пород и импортировал из Англии за огромные деньги. Но пока стада приносили небольшой доход, и они бродили по своим богатым, просторным пастбищам без особого присмотра. Слева, вдалеке виднелись многоцветные холмы, справа — извилистый ручей, опоясанный тонкими деревьями, а на его противоположном берегу сквозь частые просветы леса проглядывали поляны и аллеи. Земли, владельцем которых я так внезапно стал, были бы огромны даже для колониального капиталиста.

Изначально они были куплены «по специальной цене» и составляли двадцать тысяч акров, и ещё к тому же свыше сорока тысяч акров отводилось под пастбища. И хотя земли находились в самом плодородном районе из всех известных в мире, использовалась только очень небольшая их часть. В то время, когда я вступил во владение ими, даже овцы едва ли могли приносить доход, а трудовые ресурсы здесь были дефицитными и дорогостоящими. Поразмыслив, я уже не удивлялся, почему мой предшественник в страхе покинул эти места. Если бы я вложил большую часть своих сбережений в эту роскошную покупку, я мог бы считать себе разорённым. Но особняк близ Лондона всего лишь с сотней акров обошёлся бы мне дороже, чем эта моя покупка, и втрое дороже, чем поддержание моего нового хозяйства в должном состоянии. Поэтому то вложение средств, которое я сделал, я мог себе позволить. В имении я нашёл управляющего-шотландца и обрадовался, что смогу избежать дел по хозяйству, к которому не имел привычки. Я был готов оценить его усердие. Нас сопровождали двое моих собственных слуг и ещё двое слуг, многие годы работавших у миссис Эшли. Они остались преданными нам и, очевидно, были довольны. Таким образом, течение нашей простой домашней жизни почти не изменилось по сравнению с жизнью в нашем родном доме. Лилиан не была подвергнута лишениям и неудобству, которые обыкновенно ожидают жён даже богатых эмигрантов. Увы! Обратила ли бы она на них внимание, если бы могла?

Смена обстановки вызвала решительное изменение к лучшему её здоровья и настроения, но не совсем такое, как ожидалось. Но выражение её лица сейчас всё реже становилось мрачным, и она обычно была радостна и нежно загадочно улыбалась. Она, бывало, напевала обрывки песен, которые частично были заимствованы у английских поэтов, а частично являлись, казалось, её собственными спонтанными дополнениями. Таково было желаемое вразумительное объяснение. Но в этих песнях отсутствовали и мелодия, и рифма. Странно, что память и повторение, эти первейшие условия всего нашего знания, всё ещё давали в ней о себе знать, а трезвость ума, приводящая все остальные способности человека в действие, — нет!

Юлия Фабера я видел постоянно, хотя он жил в нескольких милях от нас. Он был уверен в полном выздоровлении Лилиан и, к моему изумлению и зависти, изобрёл непостижимым мне образом способ общения с ней. Она понимала его вопросы, в то время как мои, даже самые простые, казались ей произносимыми на незнакомом языке. Он истолковывал её слова, тогда как для меня они являлись бессмысленными загадками.

— Я был прав, — сказал он мне однажды, оставив её сидеть в саду рядом с её молчаливой, терпеливой матерью и подойдя к тому месту под камедным деревом¹²⁷, не дающим тени, где я, вялый, но в то же время раздражительный, лежал, вглядываясь не в поля, которые мог назвать своими, а в далёкую горную цепь, поднимавшую, казалось, аркой линию горизонта.

— Я был прав, — повторил выдающийся врач. — Не всё потеряно. Твоя жена выздоровеет, но...

— Но что?

— Я иду домой, дай мне свою руку, и я скажу тебе о мысли, к которой я пришёл.

Я поднялся, старик оперся на меня, и мы пошли вниз по долине, вдоль скалистых горных хребтов извивающегося ручья. С противоположной его стороны, из леса, доносилось щебетание, карканье и трескотня австралийских птиц, радостные, неумолчные голоса. В этом лесу жили те самые сладкоголосые из всех певчих птиц, которых некогда какой-то непочтительный эмигрант назвал сороками-болтуньями, но чьё пение нежнее соловьиного. Трели разносили в прозрачном воздухе восторженную радостную мелодию, которая преобладала над всеми другими звуками. И мелодия эта была так восхитительна, что едва ли можно было различить сквозь неё крики попугаев.

[1] Ручей — название, данное австралийскими колонистами опасным водам фьордов и их притокам.

¹²⁷ Застывший клейкий сок (камедь) из коры камедных деревьев используют в промышленности и медицине.

ГЛАВА 71

— Может быть, ты помнишь, — начал Юлий Фабер, — как сэр Хамфри Дэви красноречиво описывает эффект, произведённый на него вдыханием закиси азота, или веселящего газа. Он констатирует, что стал терять восприятие окружающих вещей. Яркие, видимые образы быстро проносились у него в голове и связывались со словами таким образом, что создавали совершенно новые ощущения. *«Я существовал, — говорил он, — в мире новых ассоциаций и новых идей»*. Придя в себя, он воскликнул: *«Ничего не существует, кроме мысли, а составляющие вселенной — впечатления, идеи, радость и усилия!»*

Теперь смотри: этот представитель точной науки, одарённый прекраснейшим мозгом, какой только может быть у человека, из-за вдыхания закиси азота абстрагируется ото всей окружающей жизни и попадает в мир, состоящий из образов, созданных им самим, которые он оживляет настолько, что, очнувшись, заключает, что во всей вселенной существует только мысль.

— Хорошо, — ответил я. — Но какой вывод вы делаете из этого добровольного эксперимента применительно к болезни, которую, я надеюсь (вы дали мне надежду), можно вылечить?

— Простой, а именно, что эффект, оказанный на здоровый мозг закисью азота, может также быть вызван внутренними причинами, воздействующими на кровь или нервы. Существует степень внутреннего волнения, при котором мысленные образы более жизненны, чем ощущения, и тогда окружающий мир уступает место внутреннему миру мозга. [1] Но это, хотя в нашем случае мы наблюдаем приостановку рассудительности, — не более чем постоянное нахождение в состоянии, в котором побывал Хамфри Дэви под воздействием газа. Разница между двумя этими состояниями — продолжительность пребывания в нём. И с нашим милым пациентом дело всего лишь во времени. Но всё же приготовься. Боюсь, что ум не восстановится без некой решающей болезни тела!

— Решающей! Но не опасной? Скажите, что нет! Я смогу вынести её болезнь, но не перенесу пустоту вселенной, если её жизнь оборвётся.

— Бедняга! Неужели ты не хотел бы прежде потерять жизнь, чем рассудок?

— Я — да! Но нам, мужчинам, положено невысоко ценить свои собственные жизни, но жизни тех, кого мы любим, мы оцениваем по другой шкале. Не делай мы этого, Человечество утратило бы своё мужество.

— Что же! Любовь учит, что есть что-то более ценное, чем просто ум? Что, конечно же, не может существовать только одно лишь тело? *Что* это, если не то бытие, которое твоя философия отказывается признавать? Что это, если не душа? Если ты так ужасно боишься, что Лилиан умрёт, разве это не означает, что ты боишься потерять её навсегда?

— О, прекратите, прекратите! — вскричал я с нетерпением. — Я не могу сейчас спорить о метафизике. Что, если вы предвосхищаете опасность, которая угрожает её жизни? Её здоровье стало крепче. Сейчас она и не знает, что такое болезнь. Разве вы не видите, что румянец на её щеках стал ярче, а фигура приняла более округлые формы по сравнению с тем днём, когда вы видели её в Англии?

— Бесспорно. Её физические силы постепенно восстанавливаются, в грёзах, которые иногда отступают, а иногда снова занимают её воображение. Воображение! Эта способность — самая великолепная из всех, что наделяют человеческий мозг, поскольку она позволяет мысли творить. Но из-за чрезмерного поощрения она может стать изнурительной для жизни. Я думаю, что, возможно, если бы *это* горе не постигло тебя сейчас, ты познал бы горе, ещё тяжелее, — ты намного пережил бы свою Лилиан. По тому, как есть сейчас, могу сказать, что она поправится, её состояние, физическое и душевное, претерпит благотворное изменение. Но я повторяю своё предсказание — некая серьёзная телесная болезнь будет предшествовать восстановлению ума. И я надеюсь, что настоящее отклонение её мозга от нормального состояния, приостановка его нормальной деятельности может помочь телу вынести и преодолеть физический кризис. Я помню случай из своей практики, во многих отношениях похожий на наш, но во многом — более безнадёжный. У меня консультировался молодой студент, очень хрупкого телосложения, человек большой умственной активности и чрезмерного честолюбия. Он готовился с отличием сдать экзамены. Он не послушал бы меня, если бы я стал упрашивать его дать отдых уму. Я думал, что он получит награду, ради которой столько трудился, и умрёт несколько месяцев спустя после этого. Он опроверг мои прогнозы. Он так переутомился, что в день экзамена его нервы были возбуждены и память подвела его. Экзамен он сдал, не без доли везения, но не достиг высокого положения среди конкурентов, к которому он стремился. Тогда его раздражённый ум подействовал на огорчённое сердце и вызвал новый всплеск эмоций. Поначалу его стали посещать призрачные видения, а потом он впал в состояние, когда окружающий мир кажется несуществующим. Он не слышал ничего из того, что ему говорили, и, казалось, не видел ничего, что находилось у него перед глазами. Одним словом, он утратил

свои ощущения, и их место заняли предвзятые мысленные образы, которые доставляли ему удовольствие. Он полагал, что его гений был признан, и жил среди вымышленных существ, наслаждаясь воображаемой известностью. Так продолжалось два года, и за это время его слабое тело стало сильным и крепким. Но к концу второго года его сразила лихорадка, которая могла бы за три дня свести его в могилу. Меня позвали, чтобы выхаживать его. Он победил болезнь и, поправившись, полностью восстановил свои умственные способности, что так долго находились в бездействии. Когда я видел его в последний раз, много лет спустя, у него было прекрасное здоровье, а цель, поставленная его честолюбием, была достигнута. Тело поддержало ум, и он достиг того, чего хотел. Но что же погрузило на время этот мощный интеллект в призрачный сон? Самое мучительное из всех человеческих ощущений в понимании людей — позор! А что сразило твою Лилиан? Ты рассказывал мне её историю: позор! Позор, коснувшийся натуры, исключительно чистой. Но заметь, что в его случае, так же, как и в её, нанесённый удар не вызывает череду болезненных видений. Напротив, видения, большей частью, приятны. Если бы они были болезненными, то тело бы страдало, и пациент бы умер. Почему болезненный удар вызывает приятные иллюзии? Потому что, независимо от того, *что* вызывает удар, если он действует на рассудок, то делает самые заветные желания, мысли, более жизненными по сравнению с впечатлениями реального мира. У молодого студента заветным желанием было широкое признание, а молодая девушка мечтала об ангелах-утешителях и небесном рае. Её рассудок покинул землю, и сейчас, в то время, пока мы говорим, она находится в раю.

— Многое из того, о чём вы говорите, мой друг, встречается в предположениях знаменитых авторов, которые мне известны. Но ни у кого-либо из них, ни в ваших ободряющих словах я не нахожу решения тому, что не имеет прецедента в моей практике. Много, на самом деле, аналогий мне встречалось в книгах, но прежде я относился к ним с презрением как к старым небылицам. Я открыл вашему проницательному взгляду странные тайны своей жизни. Как вы объясняете факты, которые нельзя свести к иллюзиям, — влияние, которое это странное существо, Маргрейв, оказывал на ум или воображение Лилиан, что привело к тому, что, одно время, её любовь ко мне угасла, как её рассудок сейчас, или, например, то, что он смог увести её из материнского дома, её, которую вы признаёте необыкновенно чистой и благопристойной? Магический жезл; транс, в который он погрузил самого Маргрейва; необыкновенное, как по волшебству, появление видения в моей уединённой комнате, когда мой ум не был встревожен, а здоровье ослаблено... Как объяснить всё это? Так же, как вы пытались объяснить (и, возможно, успешно) моё видение в музее, появление светящейся тени, когда моё воображение было взбудоражено, сердце измучено, а сами физические силы организма надломлены?

— Алэн, — сказал старый врач, — здесь мы подходим к вопросу, который осмелились изучать лишь немногие из врачей. Слава тем, кто, подобно нашему отважному современнику Эллиотсону¹²⁸, выдержали насмешки и пожертвовали всем, чтобы извлечь то, что имеет практическую ценность, что может быть проверено на опыте, чтобы изучить необыкновенные феномены, связанные с магией.

— Что! Я вас понимаю? Это вы, Юлий Фабер, присоединяетесь к вере в чудеса животного магнетизма и электробиологии и принимаете доктрины, которые распространяются их сторонниками?

— Я не изучал этих доктрин и не видел своими собственными глазами чудес, зафиксированных представительными источниками, но, тем не менее, это не даёт мне основание безоговорочно отрицать то, чему свидетелем я не был. [2] На протяжении всей человеческой истории, куда ни взгляни, я нахожу соответствия в определённых верованиях, которые выражают мысль, что в тех, кто обладает своеобразным характером, заключена власть над живыми существами, с которыми они устанавливают непостижимую близость. И даже, хотя намного реже, что они обладают властью над неживой материей. Тебе знакома теория Декарта, что *«те частицы крови, что поступают к головному мозгу, служат не только для того, чтобы напитать и поддержать его, но для того, чтобы создать в нём очень тонкую Ауру, или, скорее, пламя, очень яркое и чистое, которое получило название животных духов»*¹²⁹. [3] И в конце

¹²⁸ Эллиотсон Джон (Elliotson, John) (1791 – 1868). Успешно практиковал месмеризм в клинике при университетском колледже в Лондоне и ратовал за его профессиональное признание.

¹²⁹ Известно, что Декарт (1596 – 1650), великий французский мыслитель, высоко оценивал идею кругового движения крови. Более того, Декарт связал с этой идеей своё представление о том, как функционирует мозг.

Термин «животные духи» (esprits animaux) не был изобретён Декартом, он взял уже существовавшее понятие и вложил в него конкретный материалистический смысл. «То, что я именую здесь «духами», — разъяснял он, — суть не что иное, как тела, не имеющие никаких особых свойств, кроме незначительных размеров и крайней быстроты движения; ...таким образом, они не задерживаются на одном месте и по мере того как некоторые из них входят в полости мозга, другие выходят через поры мозгового вещества... в нервы, а оттуда в мускулы».

своей большой работы о человеке он утверждает, что *«это пламя имеет ту же самую природу, что и любое другое, находящееся в неживых телах»*. [4] Это представление предвосхитило более позднее учение об электричестве. Сейчас в электрическом флюиде (или каком-либо другом, родственном ему и ещё менее нам известном, который пронизывает всю материю, возможно, обладающую, неким магнетическим свойством, способным воздействовать в большей степени на человеческую природу и который можно причислить к таинственным силам, о которых говорю) есть сомнение, но не возьмусь ничего утверждать. Чтобы утверждать, я должен иметь тот опыт и компетенцию, которые мне не нужны, когда я обращаюсь к опыту и компетенции других. Кроме того, гипотеза, рождённая в сомнении, так мало заслуживает внимания. Есть гипотеза, что восторженный темперамент (под этими словами я подразумеваю всех основных мистиков) необыкновенно чувствителен к воздействию электричества. Этот факт отметит большинство медиков. Соответственно, я был готов к тому, чтобы обнаружить у Тауншенда¹³⁰, в его любопытной работе [5], утверждение, что он сам обладал «электрическим темпераментом», что искры летели с его волос, когда он расчёсывал их в темноте, и т.д. Этот замечательный автор, чью правдивость никто не подвергает сомнению, утверждает, что между этим электрическим даром и некоторыми его месмерическими способностями существует поразительная связь и параллелизм. Тело имеет особенность накапливать в себе электричество и развивать в равной степени *«силу и лёгкость, с которой я воздействую на других»*, — говорит мистер Тауншенд. То, что мистер Тауншенд, таким образом, обнаруживает в себе, американские врачи и профессора химии наблюдают в современных магах, проводниках, демонстрирующих так называемое «проявление духа». Они утверждают, что все такие медиумы обладают электрическим темпераментом, соединённым с восторженностью, иступлённостью, а их сила изменяется в соответствии с состоянием атмосферы, ослабляющей или усиливающей накопленное в них электричество. Здесь, среди многочисленных феноменов, или слишком поспешно отвергнутых как уловки мошенников, или слишком доверчиво принятых как чудо, по крайней мере, в одном обобщённом факте мы можем, вероятно, найти, отправную точку, из которой, рано или поздно, придём к рациональной теории. Но, несмотря на то, что сила, о которой мы говорим, (сила, дарованная тем, кто обладает особым физическим устройством), может или не может быть объяснена некоторыми упрямыми знатоками естественных наук, я убеждён, что объяснение ей — в магии или колдовстве. Хорошо сказано автором, который погрузился в глубины этого предмета с изысканиями учёного, что *«если магия полагается исключительно на доверчивость и обман, её господство не продержится долго. Её искусство берёт начало в необычных явлениях, связанных с воздействием на нервы, или проявляющихся в состояниях сна. Эти явления, причина которых поначалу оставалась неизвестной, служили тому, чтобы вызвать веру в магию, и часто склоняли на свою сторону даже просвещённые умы. Чародеи и фокусники добились различными методами способности возбуждать в мозгу у других определённую последовательность видений, галлюцинаций всех видов, погружать в транс, вызывать приступы безумия, во время которых люди, подверженные их влиянию, были убеждены, что видят, слышат, соприкасаются со сверхъестественными существами, что беседуют с ними. И тем самым эти чародеи и фокусники доказали, что своим влиянием способствуют проявлению чудес, тайна которых известна магии. Но только общество, чародеи и те, кто поддался их влиянию, в равной степени были жертвами обмана»*. [6] Принимая это объяснение, понятное любому врачу, занимавшемуся практикой так же долго, как и я, я делаю из него вывод, что поскольку эти феномены проявляются только при определённых, особенных воздействиях, к которым чувствительны только люди с определённой, особенной структурой, то не в каких-либо выдающихся способностях ума или спиритических способностях, а в необычной, подчас болезненной, физической природе испытуемого заключается сила колдуна. У коренных племён в Австралии¹³¹ старшие члены племени обучены искусству так называемого колдовства, но только в крайне редких случаях эти знания могут производить эффект, который принимается дикарями за силу колдуна. Таково оби — колдовство темнокожих. Притягательность оби — неоспоримый факт, но человека оби нельзя обучить с помощью обыкновенных занятий. Он рождается колдуном, как поэт рождает

Но движение «духов» по нервам не могло бы обеспечить работу машины человеческого тела, не будь оно направленным. Декарт объяснил и направленность, выведя своими логическими методами достоверную истину (он именно так называл то, что сейчас назвали бы рабочей гипотезой) о существовании миниатюрных нитей, проходящих внутри каналов, по которым движутся «духи»; механическое воздействие на такую нить, оказанное на одном конце нерва, передаётся по ней на другой его конец (*«...подобно тому, — писал Декарт, — как движение одного конца верёвки заставляет двигаться другой конец»*), вследствие этого движутся заслонки, открывающие или закрывающие путь для движения «духов» [55].

¹³⁰ **Тауншенд** (Hare Townshend) (1798 — 1868) — англ. поэт, месмерист.

¹³¹ **Австралия** — Австралия, Новая Зеландия и прилегающие к ним острова.

ся поэтом. То же самое и у лапландцев, о которых Тогноеус пишет, что среди тех, кто обучен магии *«только немногие искусны в ней»*. *«Лишь некоторые, — говорит он, — прирождённые маги»*. И на этом факте решительно настаивают все мистики Средневековья, которые утверждают, что человек должен родиться магом. Другими словами, что дар — неотъемлемая основа, хотя и развитая практикой и мастерством. И что этот дар и его практическое применение должны быть преимущественно распространены в далёких от цивилизации странах, а там, где царит просвещение, они должны представляться мало важными и объясняться известным воздействием на воображение. Там, где общественная жизнь принимает более грубые формы, воображение чаще всего преобладает над всеми другими способностями, но не имеет благотворного для себя выхода. Человек, который бы в диком племени или во времена феодализма, считался магом, в наши дни является поэтом, оратором, дерзким мыслителем, смелым философом. Другими словами, его воображение направлено к стремлениям, благоприятным для тех, среди кого он творит. Такова черта любого интеллекта — следовать за направлением общественного мнения. Там, где магов почитают или боятся, будет больше занимающихся магией, чем там, где их презирают как самозванцев или держат взаперти как сумасшедших. В Скандинавии до принятия христианства во всех традиционных источниках знания описываются удивительные способности Валу¹³², прорицательницы, которую почитали. Но было принято христианство, и церковь объявила Валу инструментом Сатаны. И с того момента прежде величественная предсказательница превратилась в несчастную, проклятую всеми старую ведьму!

— Идеи, которые вы затрагиваете, — сказал я в задумчивости, — временами встречались мне, хотя я уклоняюсь от того, чтобы сводить их в теорию, которая всего лишь одна из гипотез чистой воды. Но тогда после всего этой магией вы объясняете воздействие на воображение? Здесь, по крайней мере, я могу с вами согласиться, до определённой степени, пока мы возвращаемся назад в законное царство физиологии.

— И вероятно, — ответил Фабер, — мы можем отыскать подсказки, которые направят нас к полезному исследованию, если и не к окончательному решению проблем, что, однажды появившись, могут привести к открытиям исключительной ценности. Я говорю о двух совершенно не похожих друг на друга гениях — Ван Гельмонте и Бэконе. Среди всех средневековых мистиков Ван Гельмонт, несмотря на свои многочисленные причуды, является тем, кто сегодня наводит на размышления. Он предположил, что способность, названная им Фантазией, которую мы сами называем Воображением, наделена силой создавать мысленные образы, независимые от сознания. А каждый мысленный образ, облачённый в форму, созданную воображением, становится значимой сущностью. Это мнение ещё слишком далеко от одобрения современными физиологами. Линке описывает случай, когда потребовалось полностью удалить глазное яблоко. Кроме того, удалению предшествовало появление светящихся фигур перед глазом. И потом ещё совершенно слепая женщина жаловалась на «бледные светящиеся образы перед глазами». Аберкромби упоминает о другой совершенно слепой женщине, которая всегда, выходя из дома, видела идущую впереди неё маленькую старушку в красном плаще. [7] Любимый тобой знаменитый Мюллер, привыкший, ложась спать, видеть в поле зрения различные образы, утверждает, что эти образы не вызваны простой фантазией, но даже видения во сне видимы в действительности, и что *«любой может убедиться в этом, приучив себя всегда сразу открывать глаза, пробудившись ото сна с видениями. Иногда образы, увиденные во сне, остаются всё ещё видимыми, и их можно наблюдать, пока они постепенно не исчезнут»*. Он подтверждает эту мысль не только результатом собственного опыта, но и наблюдениями, сделанными Спинозой, и даже ещё более авторитетными замечаниями Аристотеля, который объясняет призрачные видения действием внутреннего зрения. [8] Это мнение поддерживает и сэр Дэвид Брюстер, чей опыт приводит его к предположению, что *«созерцаемые мысленно объекты могут видеться так же отчётливо, как внешние объекты, и они будут занимать то же самое положение в поле зрения, как если бы они были образованы светом»*. Пусть это будет так, но один факт всё же остаётся, а именно, тот, что их могут видеть даже слепые, и, причём так отчётливо и ярко, как ты и я сейчас видим водный поток, бегущий под нашими ногами, и опоссумов¹³³, резвящихся вон там на ветвях. Давай обратимся к некоторым выдающимся предположениям лорда Бэкона. В своём «Естествознании», рассматривая силу воображения и воздействие, которое один человек может оказывать на другого, он приводит пример, свидетелем которого ему довелось быть. Он рассказывает о фокуснике, который мог говорить человеку, о какой карте тот думает. Он рассказал о нём *«якобы учёному, интересующемуся подобными вещами»*, и этот мудрец сказал ему: *«Это не знание мысли человека, так как оно доступно только богу, а навязывание ему своей собственной мысли, принуждение, такое, что человек*

¹³² Вала (Вельва, Вёльва, Спакуна) — в скандинавской мифологии — провидица.

¹³³ Опоссум — сумчатая крыса.

не может думать ни о какой другой карте». Ты видишь, этот мудрец предвосхитил наших современных электробиологов! И потом он спросил лорда Бэкона: *«Называл ли фокусник человеку карту, о которой тот думал, сам или просил кого-то третьего назвать её этому человеку?»* — *«Он просил кого-то»*, — ответил лорд Бэкон. *«Я так и думал, — отозвался его учёный знакомый, — поскольку сам фокусник, возможно, не был наделён столь сильным воображением. Но, называя карту кому-то другому, кто верил в то, что фокусник — один из странных людей, кто может делать странные вещи, он наделил его таким сильным воображением»*. [9] История стоит того, чтобы прочесть её целиком, поскольку лорд Бэкон, очевидно, полагает, что она содержит догадку, ценную для исследования. И лорд Бэкон, будь он сейчас жив, был бы тем, кто разрешил бы тайны, порождённые месмеризмом или так называемым проявлением духовного, и не стал бы презирать их феномены из страха повредить своей репутации здравомыслящего человека. Он продолжает утверждать, что существуют три способа усилить воображение. *«Во-первых, это вера в магию и человека, который ей владеет. Во-вторых, возможность убедиться в том, что подсказывает воображение. И, в-третьих, возможность повторить опыт»*. За вторым и третьим способом он обращается непосредственно к магии и продолжает затем говорить о том, в чём воображение наиболее сильно: *«в вещах, которые просты и легки, и поэтому, прежде всего, воображение способно оказывать воздействие на человека, когда он находится в состоянии влюблённости, страха или нерешительности. И, — добавляет Бэкон, серьёзно и совершенно не в том духе, что заставляет современных мудрецов отклонять без исследования всё то, что относится к удивительному, — независимо от своей природы, оно должно быть полностью изучено»*. И этот выдающийся основатель или воссоздатель здравомыслящей индуктивной системы исследования настолько далеко отходит от вопроса умозрительного изучения того, может ли воображение быть настолько сильным, чтобы оказывать воздействие на растения, что он говорит: *«Аналогичным образом воздействие должно оказываться и на растения. Как если бы вы сказали человеку, что какое-то дерево погибнет в этом году, и велели ему потом ходить к этому дереву время от времени и наблюдать, как оно процветает»*. Я полагаю, ни один из философов не последовал подобным рекомендациям: сделай кто-нибудь из великих мыслителей это, возможно, уже сейчас нам были бы известны тайны того, что принято называть колдовством.

На этом месте Фабер сделал паузу, и до нас донёсся странный смех, идущий со стороны причудливого дуба, нависающего над потоком, дикий, озорной смех.

— Фу! Это всего лишь большой зимородок, пересмешник, водящийся в австралийских кустарниках, — сказал Фабер, удивлённый тем, что я вздрогнул в суеверной тревоге.

Несколько минут мы продолжали идти, не говоря ни слова, погружённые в размышления, и вот показалась незатейливая хижина, бывшая пристанищем моего мудрого друга. Стада паслись на пастбищах, поток окаймляли тонкие деревца, на нескольких полях, с трудом отвоёванных у буйной австралийской травы, слегка колыхалась волнами пшеница.

Я остановился и сказал:

— Отдохнём здесь немного, пока я не приду к заключению, к которому, ваши рассуждения, кажется, подталкивают меня.

Мы сели на скалистую землю, наполовину покрытую роскошными ползучими растениями с ярко-красными бутонами.

— Из предположений, — начал я, — которые вы черпаете из знаний других, и из ваших собственных выводов я получаю такое объяснение тайнам, которые, постигаемые на опыте, что я извлекаю из своих ощущений, опровергают все догмы, принимаемые моим здравым смыслом. К рациональным догадкам, которые (когда в первый раз мы говорили с вами о чудесах, преследующих меня) вы приписали моему воображению, вызванному умственным волнением, физической усталостью или расстройству, и стечению обстоятельств, склонных усиливать подобное предрасположение, призрачные впечатления, воспринятые моими ощущениями... К этим догадкам вы сейчас добавляете ещё одну, наиболее поразительную и наименее возможную для принятия здравомыслящими физиологами. Вы полагаете возможным, чтобы человек, наделённый редким, особенным характером, мог так воздействовать на воображение и посредством воображения на ощущения других людей, что превосходил бы даже силу, приписанную практикам месмеризма и электробиологии, и даёте определённое обоснование правдивости старых рассказов о магии и колдовстве. Вы подразумеваете, что Маргрейв может быть таким одарённым человеком и, следовательно, влияние, которое он, бесспорно, оказывал на Лилиан, и, возможно, на других, менее чистых существ, объясняется воздействием его воли. И не отбрасывая, как, признаю, я непременно сделал бы раньше, вопросы и предположения Бэкона в его непоследовательных рассуждениях о Природе; не приписывая его мысли остроумию, что *«существует множество вещей, и некоторые из*

них неодушевлённые, которые могут воздействовать на человека посредством симпатии и антипатии» и которым Бэкон дал странное название «призраки»; и, полагая, что даже этот жезл, о волшебных свойствах которого я уже рассказывал, может выполнять работу за фокусника, а некая субстанция, подвергшаяся воздействию месмериста, может влиять на испытуемого так же, как сам месмерист... полагая всё это, я могу утверждать, что ваши гипотезы правильны?

— Да, всегда помня о том, что это только гипотезы, и в них есть место некоей доле неуверенности. Но с тех пор, как мы поселились в этой дикой местности, мы, помимо сомнений, позволяем себе делать простодушное предположение, возможно, и неверное, что человек может передать неодушевлённому материальному предмету силу, способную воздействовать на ум или воображение другого человека. Возможно, повторю, этого и не может быть, что некая материя, предмет могут заключать в себе силу и обладать способностью оказывать влияние на некоторых людей, хотя и не на всех. Например, из своего опыта я знаю о случае, когда самый обыкновенный орешник оказывал сильный эффект на нервную систему некоторых людей и при этом не оказывал совершенно никакого эффекта на других. Я помню молодую девушку, которая, взяв в руки недавно срезанную ветку орешника, не могла её отпустить. Когда же ветку вырывали у неё силой, её неодолимо влекло к ней, и, снова взяв её в руки и подержав несколько минут, девушка впадала в состояние, подобное трансу, и созерцала в нём призрачные видения. Я упомянул об этом случае, который посчитал единственным в своём роде, учёному, врачу, и он сказал мне, что ему известны и другие примеры воздействия орешника на нервную систему людей обоих полов. Возможно, у орешника есть специфическое свойство, которое стало причиной того, что именно орешник был выбран в качестве материала для старого жезла. Также мы знаем о лавровом дереве, посвящённом пророку Аполлону. Теперь повсюду в Старом Свете мы обнаруживаем, что знания священников позволили им демонстрировать исключительные явления, обманывавшие доверчивых. Тем не менее, было в этом что-то, что представляло определённую ценность. И, соответственно, я всегда подозревал, что есть в лавре некое свойство, благоприятствующее экстатическим видениям у особо впечатлительных натур. Несколько лет назад моё подозрение подтвердилось опытом немецкого врача. Под его наблюдением находился пациент, страдающий каталепсией. Этот врач уверил меня, что не нашёл у больного ничего, что вызывало бы состояние лунатизма или объясняло галлюцинации и связанные с ними предвидения. Только ягоды лаврового дерева. [10] Хорошо, мы не знаем, из чего на самом деле был сделан этот жезл, что оказывал на тебя, по-видимому, магическое действие. Ты не обратил внимания на металл, используемый в проводе, который, как ты говоришь, вызывал острые ощущения в чувствительных нервах твоей ладони. Ты не можешь сказать, как далеко распространился в тебе этот флюид или, что особенно вероятно, не проникало ли в поры твоей ладони, сообщаясь с головным мозгом, одно из тех сильнейших наркотических средств, из которых буддисты и арабы делают вызывающие галлюцинации мази, в которые могли быть погружены некие вещества, не обнаруженный тобой в полости жезла, или его рукоятка. [11] Но одно мы знаем наверняка, а именно то, что у древних, и особенно на Востоке, изготовление жезлов, предназначенных для использования в магических целях, не было обыденным механическим ремеслом, но было особым секретным искусством, порученным людям, что с усердием развивали всё, что было известно тогда в естествознании, с целью познать сверхъестественное. Возможно, что жезлы Востока, упоминающиеся в Священном Писании, были созданы на основе законов, о которых мы сейчас, естественно, совершенно ничего не знаем, поскольку не роёмся в науке, чтобы отыскать подобные тайны. И таким образом, выбор или подготовка используемого материала составляли важную задачу жезлогадания, древней науки, занимавшейся предсказаниями с помощью жезла и магией. Посох, или жезл, о котором ты мне говоришь, был, по твоим словам, сделан из железа или стали и снабжён кристаллом. Возможно, железо и кристалл действительно обладают некими свойствами, до настоящего времени не изученными наукой, которые проявляются в исключительных случаях и могут объяснить тот факт, что железо и кристалл особенно полюбили мистики, древним и современным. У дельфийской пифии был железный треножник, у Месмера — железная кровать. А многие люди, честность которых не подвергается сомнению, не могут длительное время вглядываться в хрустальный шар без того, чтобы не увидеть в нём видения. Я подозреваю, что с философской точки зрения причина таких, по-видимому, сверхъестественных явлений может быть найдена в чрезвычайной чувствительности к изменениям температур, которая характеризует и кристаллы, и железо. Но если эти материалы действительно обладают определённой силой воздействия на исключительные натуры, мы наблюдаем не сверхъестественное, а только самое обыкновенное явление.

— Но всё же, — сказал я, — даже допуская, что ваше объяснение приближает нас к истине, всё же какую ужасающую силу вы приписываете человеческой воле, воздействующей на рассудок и поступки других людей!

— Человеческая воля, — ответил Фабер, — обладает над рассудком и привычными, ежедневными поступками других людей, властью, несравнимо большей, а в состоянии неуравновешенности, несравнимо более опасной, чем власть магии, много преувеличенная суеверием. Человеческой волей развязываются войны, что опустошают народы и оставляют позади себя бедствия, только немногим менее страшные, чем кровопролитие. Человеческой волей создаются и ей же нарушаются законы. Она перевозит и втаптывает в грязь; утверждает мир, обезумевший от фанатизма, и столь же часто обуздывает жестокие инстинкты сердца мудростью милосердия. Ты противишься мысли, что искусство колдуна (если это колдун на самом деле) может оказывать воздействие на двух-трёх людей. И в то же самое время, когда ты озадачен и потрясён таким влиянием или своей неохотной верой в него, твоя воля разрабатывает механизм с целью расстроить рассудок и иссушить надежды миллионов!

— Моя воля! Какой механизм?

— Книга, которую ты задумал и в которую вкладываешь все свои знания. Направляемая твоей волей, она призвана отнять у людей их убеждение в вечном существовании души после смерти.

Я склонил голову и почувствовал, что бледнею.

— И если мы принимаем теорию Бэкона о симпатиях или более простой физиологический принцип, что в воображении, болезненно подавленном волей другого, должны быть идеи, как бы находящиеся в близости от такого влияния и предрасположенные принять это влияние, никакой колдун не мог направить тебя ко злу иначе, как посредством мыслей. Допусти, что Маргрейв, который до сих пор часто посещает твой ум, с помощью тайного, зловещего магнетизма повёл сумасшедшего на убийство, повлиял на низкое желание служанки сунуть нос в дела своего злополучного хозяина и повлиял на желание старой девы и её злобную клевету. Что ещё мог сделать ужасный колдун, как просто подать совет уму, который уже был предрасположен его получить?

— Вы забываете один пример, который разбивает ваш аргумент, — чары, которыми этот таинственный чародей окружил такое чистое и далёкое от всякой вины существо, как Лилиан!

— Ты простишь мне, если я отвечу прямо?

— Говорите.

— Ты считаешь Лилиан безупречной и чистой, и это так. И поэтому колдовство не предпринимает попытки подойти к ней через греховное желание. Она не испытывает к кому-то какого-либо чувства привязанности, изменяя тебе. Нет, надо отдать ей справедливость, и пусть мои слова послужат тебе утешением в печали. Из её ответов на мои вопросы я делаю вывод, что никогда ты не был любим ею больше, чем в то время, когда её любовь казалась для тебя потерянной. Её воображение поразило её иллюзией, что из-за своей любви к ней ты подвергаешься большой опасности. И её легкомысленное бегство является выражением преданности, самопожертвованием. В своих странных скитаниях, не думай, что она была очарована обаянием, которое ты приписываешь этому таинственному Маргрейву: она верила, что он твой ангел-хранитель, направляющий её шаги, и её странствие было нужно для того, чтобы разоружить врага, угрожающего тебе, и снять заклятие, отделяющее её жизнь от твоей! Но разве задолго перед этим она не была готова к тому, что её обманут? Разве её мечты не пребывали вдали от обязанностей, которые мы должны выполнять на земле? Самые высокие способности нашей природы — те, что требуют прекраснейшего равновесия, чтобы не сорваться с высоты и не обрушить стен, которые они венчают. С изящной красотой Юм говорит о мечтателях, видящих яркие образы, что *«их можно сравнить с теми ангелами, которых Священные Писания представляют закрывающими свои глаза крыльями»*. Если б ты, как мой племянник, боролся за хлеб насущный посреди пустыни, какой помощницей стала бы для тебя Лилиан? Как часто ты бы вскрикивал в справедливом гневе: «Я, сын Адама, на земле, а не в раю! О, ведь мой дом на земле, а не в небесах с серафимами!» Никакой Маргрейв, осмелюсь сказать, не может повредить привязанностям и подвергнуть опасности широко открытую душу моей Эми. Когда она качает в колыбели малыша, молодые родители вверяют его её вниманию. Когда она зовёт коров, чтобы доить их, или птенцов, чтобы накормить их зерном; когда она просто быстро идёт через мою комнату, чтобы поменять цветы в вазе, или аккуратно расставляет в ряд книги, которые я читаю, никакое воздействие на её воображение не способно увести её из круга её предусмотрительных забот! Днём она довольствуется тем, что находится на бренной земле, а вечерами мы вместе с ней стучимся в одну из дверей на небо, которые открываются благодарности и молитве. И благодарность и молитва возвращают нас, несущих в себе спокойствие и надежду, к задачам нового дня.

Я поднял глаза, как только старик закончил говорить, и в прозрачной ясности австралийского воздуха увидел девочку, которую он только что хвалил, стоящую у садовой калитки и смотрящую на нас и, хотя расстояние между нами было велико, казавшуюся совсем близкой. При взгляде на неё я почувствовал себя разгневанным. Моё сердце так лелеяло мою милую, беззащитную Лилиан, что я завидовал по-

хвале, отнятой у неё и переданной другой.

— У каждого из нас, — ответил я холодно, — своя собственная природа и назначение, соответственное особенностям этой самой природы. Мир, я допускаю, преуспел бы очень мало, если бы женщины не были так полезны, как ваша Эми. Но мир утратил бы ориентиры, которые возвеличивают, очищают, если бы женщинам запретили извлекать из своего воображения мысли, такие сильные и прекрасные, как у моей Лилиан, ведь мысль, увы, вытекает из воображения. Я не хочу ранить вас, причисляя Эми к посредственности. И я не требую для Лилиан ступени, которую мы отводим гениальности. Но обе похожи на эти типы в следующем. Главным образом, в том, что польза посредственности — в повседневной жизни, а польза гения, совершающего тысячи ошибок, которых посредственность никогда и не встретит, — предложить миру и увековечить идеи, поднимающие ориентир для посредственности на более высокий уровень. Людей, подобных Эми, было бы меньше в жизни, если бы не было Лилиан! Так же как было бы гораздо меньше здравомыслящих людей, если бы не было допускающего ошибки мечтателя-гения!

— Ты говоришь хорошо, Ален Фенвик. Кто же должен быть так снисходителен к капризам воображения, как не философы, что учили тебя в юности подвергать сомнению всё в плане Создателя, который не может быть доказан математически? *«Человеческий разум, — говорил Лютер, — что пьяница на лошади — подопри его с одной стороны, так он упадёт с другой»*. Таким образом, человек, слишком просвещённый, чтобы верить в религию крестьянина, всегда склонен утвердить своё собственное безумное суеверие. Открой любую биографию, кого хочешь, и ты увидишь, что человек, у которого нет веры в религию, — это человек, у которого есть вера в кошмар. Посмотри на кого-нибудь из скептиков, на лорда Герберта, например. Он пишет книгу в противовес Откровению. Он просит у небес знака, чтобы понять, одобрена ли его книга Создателем. И человек, который не может верить в чудеса Всевышнего, говорит нам о чуде, удостоившем его. Возьми самый мощный и сильный ум, какой только смогла воспитать человеческая раса. Обратись к величайшему из великих людей, к великому Юлию Цезарю! Публично он заявляет в Сенате, что бессмертие души — напрасная химера. Он выражает мысль, которую римские сластолюбцы вывели из Эпикура, и отрицает любое божественное вмешательство в дела земли. Большой авторитет для материалистов — и нет у них никого значительнее! Со своей стороны они не могут продемонстрировать интеллект, равный Цезарю! И всё же этот важный вольнодумец, отрицающий душу и Бога, обыкновенно входил в свою колесницу, шепча заклинание. Преклонял колена в храме, чтобы усмирить Немезиду¹³⁴, и не переходил Рубикон, не сверившись с предзнаменованиями. Что это всё доказывает? Очень простую истину. Что у человека есть инстинкты, роднящие его со скотом. Например, чувство голода и половое чувство. Но любой человек обладает одним особым свойством (возможно, есть исключения в диких странах, но они настолько редки, что не затрагивают общий закон [12]) — невидимой силой, выходящей за пределы земли и могилы. И этой силой наделён человеческий дух. Но даже самый лучший из нас не в силах подавить инстинкт безнаказанно. Сопrotивляясь голоду так долго, насколько это возможно, ты, прежде чем умереть от него, сделаешься каннибалом. Сопrotивляйся любви, когда юность и природа влекут к ней, и какой врач не обнаружит в тебе движения к безумию или преступлению? То же и с высочайшим свойством человека. Отторгни внутреннее убеждение, с которым величайшие мыслители связывали надежду самого смиренного христианина, и ты сразу же рабски обратишься в веру, в которую верить просто невозможно. Воображение нельзя удержать от стремления к возможностям, таящимся за пределами плоти и текущего часа. Философия, отклоняя живительные мысли, помогающие человеку находить утешение в молитве и руководителя в пустыне призрачных сомнений, изобретает концепции, по сравнению с которыми тайны теологии просты. Допустим, какой-нибудь человек, простой, понимающий, никогда не слышал о Боге, подобном Тому, кого чтят христиане. Так вот, спроси у него, что он легче воспринимает, считая истинной верой, — простую христианскую веру пастуха или пантеизм Спинозы? Помести перед достойным критиком, который подходит с беспристрастным умом к любому вопросу, сначала аргументы Дэвида Юма против евангельских чудес, а потом метафизические изыски того же Юма. Этот тонкий мыслитель, не довольствуясь взглядами Беркли, отклоняющего материю, и Кондиллака, отклоняющего душу или дух, с большим вниманием относится к чудесам. Он, будучи живым, отрицает самого себя. Нет, он признаётся, что не станет говорить с тем, кто глуп настолько, чтобы утверждать, что он есть. Вот его слова: *«То, что мы называем умом, есть не что иное, как груда или коллекция разных восприятий или объектов, соединённых вместе определёнными связями и считающихся, хотя ошибочно, совершенно простыми и соответствующими действительности. Если кто-нибудь после серьёзного и беспристрастного ощущения себя думает, что он представляет собой нечто другое, чем это полученное восприятие, я при-*

¹³⁴ Немезида — бич, проклятие, наказание, гнев богов.

знаюсь, что не могу с ним больше говорить». Определённо, я скорее поверил бы всем историям о призраках, чем в то, что я сам даже не призрак, отличающийся и отделённый от восприятий, переданных мне неважно, как. Так же, как я отличаюсь и отделён от мебели в своей комнате, и неважно, нашёл ли я её или купил. Если какой-нибудь старый космогонист просил бы тебя поверить, что простая причина возникновения Солнечной системы не заключается в Божественном, а связана с туманностью, первоначально настолько рассеянной, что её существование с трудом поддаётся постижению, и что существующая система живых существ также обошлась без вмешательства творческого духа и объясняется соединением в воде молекул по закону притяжения и затем модификациям, происходившим в тканях на протяжении веков и приведшим к тому, что одна монада превратилась в устрицу, а другая — в человека, разве бы ты не ответил, что такая космогония едва ли может ввести в заблуждение человека, проникающего мыслью даже в такую отдалённую эпоху? И всё же таковы гипотезы, к которым желание философствовать вдали от простого положения о Божественной Первопричине, доступного каждому ребёнку, привело двух величайших гениев и глубочайших мыслителей современности — Ла Пласа и Ла Марка. [13] Конечно, чем больше ты изучаешь измышления философов, которые не могли оставить миру ничего, кроме собственных заблуждений, тем более умирится твоя гордость за свой ум. Самые странные явления, поразившие тебя, нелепы не более чем степенные объяснения, которые самонадеянно даются элементам нашего организма и взаимосвязям между материальным миром и миром духовным.

На этом наша беседа оборвалась: к нам подошла Эми, и, поднимая глаза, чтобы ответить на слова Фабера, я увидел невинное лицо девочки, стоявшей между нами.

[1] О теории, основанной на этом принципе, см. в работе д-ра Хибберта «Философия Откровений» (*Dr. Hibbert's on the "Philosophy of Apparitions"*).

[2] То, о чём здесь говорит Фабер, с большей убедительностью выражено у одного из самых выдающихся метафизиков нашего времени, сэра Гамильтона:

Сомнамбулизм — явление ещё более удивительное [чем сон]. В этом странном состоянии человек совершает одну и ту же последовательность разумных действий, часто сложных и требующих особого искусства. Но самое поразительное то, что, проснувшись, он их выполнить не может (Ср. Ancillon, Essais Philos. II, 161). В его памяти появляются воспоминания о словах и вещах, которые, возможно, никогда не были ему знакомы в обычном состоянии. Он бегло говорит на более высоком языке. Факты едва ли оставляют нам возможность не верить в это явление. У него нет восприятия вещей посредством каких-либо других каналов, кроме как обычных органов чувств, но область его познаний выходит далеко за пределы, ограничивающие обычное восприятие. Этот вопрос — один из самых затруднительных из всех вопросов философии, так как, с одной стороны, есть феномены, настолько поразительные, что в них можно не поверить, а с другой, — они так недвусмысленны и очевидны, и имеется такое множество свидетельств их достоверности, которые нельзя заподозрить в обмане, что становится невозможным их отрицать.

Уильям Гамильтон. «Лекции по метафизике и логике», том II, стр. 274.
(*Sir W. Hamilton: Lectures on Metaphysics and Logic*)

Эта сложность, связанная с наличием двух равнозначных суждений, находящихся возможным верить в подобные феномены или не верить в них, создаёт естественное положение, в котором каждый беспристрастный мыслящий человек должен прийти к исследованию тех наиболее экстраординарных явлений, свидетелем которых он ещё не был. Непреклонный Мюллер, определённо один из наиболее выдающихся физиологов, не верящий в феномены месмеризма, не становившийся их свидетелем и не изучавший их тщательно, возможно, увидел бы, что даже самые непостижимые из них, скорее, подтверждают, чем противоречат его собственным главным теориям, и их можно объяснить общностью сознания — «законами отображения посредством головного мозга» («Физиология сознания» (*"Physiology of the Senses"*), стр. 1311)¹³⁵. А также положением, что «причина феноменов — не в голов-

¹³⁵ Мюллер выдвинул доктрину специфической энергии органов чувств, которая является одним из самых крупных обобщений XIX века в этой области физиологии. Доктрина включает десять законов. В соответствии с первым законом мы имеем сознание не объекта, но наших нервов, нервы — это посредники между воспринимаемыми объектами и умом и таким образом они навязывают уму свои собственные характеристики.

По Мюллеру, ощущения складываются в чувствующем органе через посредство нервов и в качестве результата от действия внешних причин дают знания некоторых качеств или условий

ном мозге; она находится в скрытом состоянии во всех частях организма» (Там же, стр. 1355). «Энергия нервов» может предложить разумное объяснение тому, что казалось невероятным тем физиологам, которые не снизошли до того, чтобы отделить истинные феномены месмеризма от обмана, за который их выдавали, считая их вызванными восторженностью.

[3] *Descartes, L'Homme. Cousin's Edition*, том IV, стр. 345.

[4] Там же, стр. 428.

[5] «Явления месмеризма» (*"Facts in Mesmerism"*).

[6] *La Magic et l'Astrologie dans l'Antiquité et au Moyen-Age. Par L. F. Alfred Maury, Membre de l'Institut*. стр. 225.

[7] «Когда она находилась дома, видения её не посещали». Аберкромби. «Силы интеллекта» (*Abercrombie, "On the Intellectual Powers"*), стр. 277, (15-е издание).

[8] Мюллер. «Физиология сознания» (*Muller, "Physiology of the Senses"*), в переводе Бэля, стр. 1068-1395 и где-то в другом месте.

М-р Бэйн (*Bain*) в своей глубокой, наводящей на разсуждения работе «Сознание и интеллект» (*"Senses and Intellect"*) использует силу этих положений в поддержку своего суждения, которое высказывает Фабер другими словами, а именно, что «*нервы точно передают пережитые восприятия*».

[9] Вероятно, по этой причине, а именно той, что фокуснику требуется вмешательство третьего воображения между его собственным и воображением испытуемого, любой сведущий адепт так называемой магии непременно откажется провести опыт без присутствия третьего лица. Автор работы *"Dogme et Rituel de la Haute Magic"*, напечатанной в Париже в 1852-1853 годах (эта книга более подходит не для изучения, а для укрепления искренней веры наших современных учёных в реальность магии), в особенности настаивает на необходимости тщательного наблюдения за теми, кто помогают чародею в его опытах.

[10] Я могу добавить, что д-р Кернер (*Dr. Kerner*) приводит подобный пример в работе *"Seeress of Prevorst"*, который соответствует утверждениям Юлия Фабера.

[11] О таких мазах см. в ранее упомянутой работе [6] на стр. 417.

[12] Кажется чрезвычайно сомнительным, будут ли подвергнуты исследованию те немногочисленные примеры, в которых утверждается, что была обнаружена дикая раса, не имеющая понятий о Боге и будущем. Например, во многих популярных работах об Австралии, говорится, что австралийские дикари понятия не имеют о Боге и загробной жизни, что они только поклоняются дьяволу или злему духу. Это заявление, хотя и сделано безапелляционно и значительно большим числом авторов, если сравнивать с работами о других диких племенах, в целом ошибочно и не имеет под собой никакого основания, кроме как невежества авторов. Австралийские дикари признают Бога, и на их языке для Него предназначены слова столь же величественные. По-английски это звучит как «Великий Создатель», или, что одно и то же, «Великий Властелин». Они верят в вечную жизнь и представляют себе её среди звёзд. См. *Strzelecki's Physical Description of New South Wales*.

[13] См. *on La Place and La Marck in the Introduction to Kirby's "Bridgewater Treatise"*.

не внешних тел, а самих сенсорных нервов. Непосредственными объектами восприятия наших чувств являются состояния, вызываемые в нервах и чувствуемые как ощущение либо самого нерва, либо чувствующего органа [54].

ГЛАВА 72

Я возвращался назад в одиночестве. Солнце раскрашивало в розовые тона вершины далёкой горной цепи, но тёмные тучи, предвещавшие дождь, уже собирались за моей спиной. Становились всё темнее тени в многочисленных расщелинах, оставленных вулканическим огнём на поверхности гористой части страны, напоминающей волны Всемирного потопа, запечатлённые в камне. Я брёл вдали от проложенной дороги, поглощённый мыслями. Мог ли я признать в предположениях Юлия Фабера какую-либо основу для логического умозаключения, и не были ли они всего лишь проявлением изобретательности воображения? Ведь умудрённые опытом люди, на склоне лет, иногда уподобляют свои теории туманным мечтам юности. Я мог наверняка считать, что моё повествование многими будет воспринято как нелепая, немыслимая небылица, но некоторые увидят в нём ключ к разгадкам тайн Природы, которые, хотя наука избегает их, нельзя отнести к пустым домыслам. Но я... я, безошибочно знаю себя, своё определённое место в реальном мире... И свыше этого что мне известно? И, тем не менее, не было ли у Фабера оснований для проведения поражающих параллелей между химерами суеверий и возможностью верить в метафизические рассуждения о знании? Во времена моей юности большое внимание уделялось Кондиллаку, а сейчас его идеи встречаются в разговорах и письменных трудах людей по всему миру, хотя они, возможно, никогда его не читали. На теориях Кондиллака я, наравне с бесчисленным множеством его последователей, возвёл систему мысли, призванную оградить материальную философию от всех лучей и звуков мира нематериального, так же, как стены глухого мавзолея не допускают внутрь шёпот ветра и блеск сияющих звёзд.

И не те ли самые теории, близкие заключениям Юма, объяснили мою собственную жизнь, единую, сознательную, неделимую для меня, совокупностью воспоминаний, полученных из ощущений, которые же и обманули меня; не те ли самые теории превратили всё мироздание в фантом, такой же призрачный, как и Светящаяся Тень?

Я размышлял над всеми этими вопросами, а за это время буря, на предвестников которой я не обратил внимания, разыгралась с характерной для Австралии внезапностью. Ливень обрушился на землю стремительными потоками. В руслах фьордов, казавшихся днём высохшими и опустошёнными, вода начала подниматься и бушевать. Скалистые склоны превратились в kloкочущие водопады. Я оглянулся вокруг. Пейзаж изменился, как театральная декорация. Я понимал, что нахожусь вдали от дома, и не знал, как мне до него добраться, в какую сторону идти. Среди потока льющейся с неба воды я заметил рядом укрытие от бури — вход в глубокую пещеру, заросшую кустарниками и ползучими цветами; их неистово трепали, мотая вверх и вниз, брызги со дна фьорда и дождь. Я вошёл внутрь, распутивая стаи летучих мышей, ослеплённый вспышкой молнии, последовавшей за мной вглубь пещеры и осветившей выступы сталактитов и первозданных стен.

Время от времени свет молнии проникал в царившую здесь темноту и задерживался среди теней, и я заметил, что земля под моими ногами усыпана странными костями каких-то ископаемых существ, погибших при Потопе. Ливень продолжался более двух часов, не утихая. Потом он прекратился так же внезапно, как и начался, и блестящая луна, выглянув из-за туч, осветила отверстие пещеры так ярко, словно на рассвете у нас в Англии. А потом одновременно со всех сторон поднялся шум дикой природы — тех существ, чьи голоса слышатся ночью, — громкая трескотня саранчи, музыкальный гул роющей лягушки, звуки, издаваемые кукушкой, и на фоне всеобщей радости печальное уханье совы среди ветвей колдовских дубов и бледной зелени камедных деревьев.

Я вышел на открытый воздух и вгляделся инстинктивно сначала в небо, потом, более внимательно, в землю. Характер почвы доказывал существование вулканического огня, погасшего давным-давно. Прямо передо мной, под ногами, виднелась яркая жёлтая полоса в куске кварца, наполовину торчавшего из мягкой влажной земли. Среди всех важных раздумий и печалей, ложившихся тяжестью на моё сердце и рассудок, этот жёлтый отблеск поразил меня новым направлением мысли, далёким от философии, и заставил моё сердце биться сильнее. Неосознанно я наклонился, и импульсивно ударил по камню топориком, или томагавком, который по обыкновению носил при себе, чтобы делать насечки на деревьях, которые я хотел убрать со своих обширных владений. От удара кварц разрушился, открыв блестящее сокровище. Мой первый взгляд на него меня не обманул. Я, неудачливый искатель знаний, нашёл, по крайней мере, золото. Я поднял яркий металл — золото! Так и есть. Я помедлил, оглянулся. Земля, незадолго до этого казавшаяся мне совсем ничего не стоящей, хранила в себе сокровища Офир¹³⁶. Её

¹³⁶ **Офир** — упоминаемая в Библии страна, которая славилась золотом, драгоценностями и другими диковинами, чем привлекала к себе мореплавателей со всех концов света.

особенности были мне прежде так же неизвестны, как Лунные горы, и теперь мысли мои удивительным образом завертелись в голове. Я вспомнил приблизительную карту своих владений, первую беззаботную поездку по их границам. Да, земля, на которой я стоял, — на протяжении многих миль, до самых отрогов далёких гор, — принадлежала мне, и в её недрах было золото! Я закрыл глаза, на несколько мгновений мысль о безграничном богатстве и связанной с ним власти пронзила мой мозг. Но вскоре сердце вернулось к истинному сокровищу. «Какой смысл имеет всё это? — вздохнул я. — Может ли Офир вернуть улыбке моей Лилиан луч света, подаривший траве — великолепие, а цветку — красоту?»

Прошептав эти слова, я швырнул золото в бурлящий водный поток и печально продолжил свой путь, освещаемый луной, благодарный открытию за то, что оно освежило в моей памяти границы владений и направило мои шаги по пустынной местности.

Половина ночи уже прошла, прежде чем я добрался до знакомой дороги через пастбища. Множество извилистых водных потоков часто останавливало меня, заставляя возвращаться назад по уже пройденному пути, иногда искать мост из поваленного дерева, предусмотрительно оставленного нетронутым над пенящейся водой, и не раз пускаться вплавь. Пловец менее сильный и менее опытный непременно бы погиб среди брёвен и деревьев, мчащихся с грохотом, кружащихся. Я подвергал свою жизнь опасности. Группа аборигенов незаметно подкралась ко мне. Тогда в этих краях они не испытывали, как сейчас, большого страха перед белым человеком. Бумеранг [1], запущенный в меня, приземлился у моих ног и спрятался в зарослях травы. Я обернулся, желая встретиться лицом к лицу с трусливыми врагами. Им удалось от меня ускользнуть. Когда я двинулся дальше, мой слух, обострённый опасностью, подсказал мне, что они тоже движутся, за моей спиной. Одновременно три отвратительные фигуры внезапно возникли передо мной, выпрыгнув из чащи, все запутавшиеся в синих и ярко-красных ползучих растениях и жимолости. Твёрдым шагом я подошёл к ним. На мгновение они остановились в беспокойстве. Возможно, они были напуганы моим ростом. А может быть, их устрасал мой взгляд. Незнакомец, хотя и Человек, приводил их в ужас, так же, как Тень приводила в ужас меня. Они исчезли так быстро, словно провалились под землю.

Наконец, до меня донёсся нежный аромат знакомых акаций: передо мной был мой дом, среди цветов и фруктовых деревьев Англии, под лучезарной австралийской луной. Когда я открыл маленькую калитку, ведущую с пастбищ в сад, фигура в белом поднялась из-под освещённых лёгких ветвей и рука прикоснулась к моей руке. Я вздрогнул, но моё изумление сменилось страхом, когда я увидел бледное лицо и милые глаза Лилиан.

— О боже! ты здесь! ты! в этот час! Лилиан, что это?

— Тише, — прошептала она, цепляясь за меня. — Тише! Молчи: никто не знает. Когда буря началась, я обнаружила, что тебя нет. Я обнаружила это ещё тогда. Другие отправились тебя искать, но вернулись ни с чем. Я не могла заснуть, но все остальные сейчас спят, поэтому я выбралась сюда, чтобы дожидаться тебя. Брат, брат, если с тобой что-нибудь случится, даже ангелы не смогут меня утешить. Всё будет во тьме, во тьме! Но ты невредим, невредим, невредим! — И она прильнула ко мне ещё ближе.

— Ах, Лилиан, Лилиан, твоё видение в час, когда я впервые встретил тебя, оказалось поистине пророческим, — «каждому кто-нибудь нужен». Ты помнишь?

— Тихо, тихо, — ответила она. — Дай подумать! — Она спокойно стояла рядом со мной, вглядываясь в небо с его бесчисленными звёздами. Одинокая луна медленно тонула за верхушкой леса. — Я возвращаюсь туда, — мягко прошептала она. — Давно, давным-давно!

Я затаил дыхание в ожидании её рассказа.

— Там, там! — продолжала она, указывая на небо. — Видишь? Ты там, и мой отец, и... и... О! Это ужасное лицо, змеиные глаза, череп мертвеца! Спаси! Спаси меня!

Она склонила голову на мою грудь, и я осторожно повёл её в дом. Когда мы дошли до двери, которую она оставила открытой, так что свет звёзд проникал в темноту дома, Лилиан подняла голову, бросила торопливый, встревоженный взгляд на освещённый сад, потом на мрачную нишу за порогом.

— Она там, там! Тень, что увлекает меня, шепчет, что если я последую за ней, то соединюсь со своим любимым. Ложь, страшная Тень! Она скоро исчезнет, превратится в скалящийся ужасный череп. Брат, брат, где мой Ален? Он мёртв... мёртв или это я умерла для него?

Я мог только снова прижать её к груди и укрыть её дрожащую фигурку своей мокрой одеждой. Всё это время мои глаза, следуя за направлением её взгляда, внимательно осматривали стены укромного уголка за порогом, наполовину тонувшего в темноте, наполовину залитого светом. И там я тоже увидел Тень, преследовавшую меня Светящуюся Тень, призрачное видение таинственного существа, чьё существование и во плоти было для меня неразрешимой загадкой. Я отчётливо видел Тень, но её свечение было намного бледнее, а очертания — более расплывчатые, чем раньше. Я набрался смелости: сердце

Лилиан билось рядом с моим собственным. Я продвинулся вперёд, переступил порог — Тень исчезла.

— Здесь нет Тени, нет призрака, пугающего тебя, жизнь моей жизни, — произнёс я, склоняясь над Лилиан.

— Она прикоснулась ко мне. Я чувствую холод, холод, холод! — ответила она робко.

Я проводил её в её комнату, уложил в постель, зажёл свет, сел подле неё. Её лицо просветлело, но с этого момента её здоровье постепенно стало ухудшаться. Медленно, медленно, но особенно заметно для меня, силы оставляли Лилиан.

[1] Метательное оружие у австралийских аборигенов.

ГЛАВА 73

Не один месяц прошёл с той ночи, когда Лилиан ждала моего возвращения, на холодном воздухе, под призрачной луной. Я уже говорил, что с того дня её здоровье стало постепенно ухудшаться, но в её мозгу, очевидно, начало происходить медленное улучшение. Её видения стали менее частыми, но если они и случались, то продолжались не так долго. В её нежном лице больше не было того небесного спокойствия, которое прежде говорило о том, что мечты приносят ей удовольствие. Её взгляд часто выражал беспокойство и тревогу. Она стала даже более молчаливой, чем раньше. Но теперь, когда она говорила, более заметны были упорные проблески памяти. Временами она поражала нас точными описаниями действий и событий, относящихся к её раннему детству. Не раз она вспоминала о незначительных случаях, происходивших в Л****, о знакомых. Наконец, она, кажется, признала в миссис Эшли свою маму, но меня, Алена Фенвика, своего любимого, своего жениха, она не узнавала! Раз или два она говорила мне о своём возлюбленном так, как будто мне самому он был незнаком, и просила не обманывать её и сказать, увидит ли она его снова когда-нибудь. В новой фазе её состояния было одно изменение, задевшее меня за живое, причинившее боль. Прежде она, казалось, всегда была рада меня видеть, но сейчас случались часы, а иногда и целые дни, когда моё присутствие было для неё явно мучительным. Она приходила в волнение, когда я показывался в её комнате, делала мне знаки оставить её, становилась ещё более обеспокоенной, если я не слушался её сразу, и успокаивалась только тогда, когда я уходил.

Фабер постоянно старался поддерживать меня и укреплять надежду напоминанием о своём смелом предсказании, что, благодаря болезни тела, её память полностью восстановится. Он говорил:

— Смотри! Её память впервые очнулась ото сна из-за неугаснувшего чувства. Тебя не было, буря встревожила её, она обнаружила, что тебя нет, испугалась за тебя. Её любовь, хотя и скрытая, направила её мысли в совершенно понятное любому человеку русло. И слова, которые, как ты говоришь, она произнесла, когда ты появился перед ней, были словами любви, поразительными и пока ещё непостоянными, похожими на аккорды пробудившейся памяти, сыгранные ветром на струнах арфы. Такое непривычное возбуждение вместе с длительным пребыванием на холодном ночном воздухе может послужить объяснением потрясению её организма, вялости и потере сил.

— А как же Тень за порогом, которую мы видели вместе с ней?

— Разве нет доказательств, которые будут приняты многими врачами? Разве нет свидетельств необычных совпадений в личных впечатлениях, вызванных симпатией? Я не знаю, в первый ли раз преследовала вас с Лилиан эта Тень. Возможно, прежде чем появиться перед тобой в комнате колдуна, она появилась перед ней у Стены Монаха. Возможно, когда Тень пришла к тебе в тюрьме, она же увлекала её из дома, связывая призрачные наставления, воспринимаемые Лилиан, с её мыслями о тебе. Когда же Лилиан увидела Тень за порогом дома, твоё воображение, внезапно взволнованное, заставило тебя видеть глазами своей любимой! Неужели эта теория о симпатиях кажется тебе неприемлемой, хотя вы двое любите друг друга и, кроме того, любовь с первого взгляда сама по себе является невероятным чудом? Нам ничего не остаётся, кроме как вернуться к моему предположению. Могут ли некоторые существа, подобные Маргрейву, на расстоянии оказывать воздействие на тех, кого они подчинили себе? Не знаю. Но если такое может быть, то в этом нет ничего сверхъестественного. Это только одно из исключительно редких проявлений Природы, доказательство которых так подвержено влиянию суеверий, что они, несмотря на свою правдивость, до сих пор ещё не могут быть сведены терпеливыми учёными к одному из случаев, когда по замыслу Создателя Природа должна воздействовать на Человека.

Постепенно разговоры с Фабером перестали доставлять мне удовольствие. Я страстно желал объяснений, всякие догадки меня только всё больше озадачивали. В его семье, за единственным исключением, я не нашёл близкого себе по духу общества. Его племянник казался мне заурядным образцом самой примитивной человеческой натуры. Это был молодой человек, ограниченный, невысоких нрав-

ственных требований, машинально делающий добро всегда, когда не было искушения к дурным поступкам. Его стремление к доходам, вынуждавшее его играть в азартные игры, в конце концов, привело его в глушь, к здоровому, усердному, упорному труду. «*Spes fovet agricolas*»¹³⁷, как говорит поэт. Такая Надежда, что привлекает рыбу на крючок, заставляет двигаться плуг землепашца. Натура молодой жены племянника Фабера была намного выше его. Она обладала более тонким вкусом, большим интеллектуальным развитием, но, будучи его женой, она неизбежно была поглощена его целями и занятиями. И после малыша в колыбели ничто не представлялось ей важным и значительным. Меня поражало то, с каким спокойствием Юлий Фабер, умудрённый опытом и книгами человек, любивший интеллектуальные споры, человек, добившийся большой славы, может примириться с ограниченным, полущивилизованным существованием своих родственников, интересоваться их банальными разговорами, находить удовольствие в монотонном хозяйстве крестьянина. И однажды я не сдержался и сказал ему всё. «Мой друг, — ответил старик, — поверь мне, что счастье для ума, даже возвышенного, заключается в том, чтобы находить радость в Действительности!»

Единственным членом семьи, к которому Фабер испытывал привязанность, кто был интересен мне, чей разговор я мог слушать без усталости, была девочка Эми. В ней, простой в словах, усердной в труде, самой трудолюбивой из всех, я признал благородство, ставившее выше обыденности её действия повседневной жизни. Она не обладала рано развившимся умом, восторженным воображением, только исключительной энергией сердца. Её воодушевляли её обязанности, и она выполняла их с удовольствием и радостью. До глубины души она ощущала доброту окружающих её людей и с сердечной благодарностью преувеличивала требования, налагаемые на неё этой добротой. Даже благословение жизни, которое она разделяла вместе со всеми созданиями, она воспринимала, как незаслуженное расположение Творца, и таким образом была погружена в религию, поскольку сердце её наполняла любовь.

Мой интерес к этому ребёнку возрос из-за моего печального и полного раскаяния воспоминания о ночи, когда его рыдания пронзили мой слух, ночи, с которой я начал вести отсчёт таинственным событиям, выдернувшим из привычной колеи мой ум и всю мою жизнь. Я стал думать об Эми, потому что Лилиан испытывала удовольствие от её присутствия. Между несчастной страдальцей и невинным дитя установилось мягкое общение. Часто, когда мы, мать и муж, оказывались не в состоянии постичь то, что Лилиан, очевидно, хотела нам сообщить, её довольно легко понимала Эми, неграмотный ребёнок, а также Фабер, седовласый мудрец.

— Как это возможно? Как? — спрашивал я Фабера с нетерпением и ревностью. — Любовь, как говорится, способна понимать тогда, когда мудрость бессильна, и вы сами говорите о чудесах, которые симпатия вызывает между любящими людьми. Тем не менее, проводя дни вместе с Лилиан, я не могу преуспеть в понимании её желаний и мыслей, и её мать тоже, в то время как вы или Эми за каких-нибудь пять минут понимаете её, и она понимает вас.

— Ален, — отвечал мне Фабер, — мы с Эми верим в дух. А Лилиан, чей ум дремлет, а дух бодрствует, ощущает в этой вере симпатию, которую она не находит ни в тебе, ни даже в своей матери. Ты пытаешься взаимодействовать с ней только посредством своего ума. Чувство её матери способно действовать до тех пор, пока привычный опыт может иметь место, но это чувство приходит в замешательство и отказывает ей, когда приходится сойти с известного пути. Эми и я общаемся с Лилиан с помощью души, и, хотя большую часть времени мы проводим на земле, иногда мы можем подниматься к небесам. Мы молимся.

— Увы! — сказал я, полупечально, полусердито. — Когда вы говорите об Уме, отделённом от Души, вы имеете в виду только тот случай, который заставляете меня считать иллюзией воображения, вызванной химическими испарениями, оказывающими на головной мозг воздействие, похожее на воздействие опиума или паров газа; тот случай, когда я видел серебряную искру Души, отделённой от света, излучаемого Умом. И считая, что все мысленные представления происходят из ощущений тела, принимаю ли я теорию Локка, или Кондиллака, или ту, в которой положения достигают своего максимального развития в удивительной проницательности Юма, я не могу обнаружить нематериальный дух в материи и ещё меньше могу проследить его исчезновение из органической материи, в которой принцип мысли ограничивается принципом жизни. Когда метафизик, выступающий за бессмертие мыслительных способностей, анализирует Ум, его исследования охватывают ум животного, или даже насекомого, и вдобавок человека. Возьмите такое определение Ума, наиболее исчерпывающее из всех, что я сейчас помню: «*С помощью ума мы понимаем человеческий ум, который думает, помнит, рассуждает и желает*». [1] Это определение только признаёт превосходство человеческого ума над умом животного в некоторых свойствах, но в тех, которых нет у животных. Любое животное, даже насекомое, думает,

¹³⁷ *Spes fovet agricolas* (лат.) — Надежда хранит земледельцев.

помнит, рассуждает и желает. [1] Сегодня некоторые естествоиспытатели не поддержат доктрину, что все умственные операции животного или насекомого имеют отношение исключительно к инстинктам. И даже если это так, слово «инстинкт» слишком туманно, слишком объёмно и способно покрыть целую пропасть, не постигнутую знанием. И на самом деле в животном, например, собаке, инстинкты под воздействием общения развиваются слабее, а мысли, понятия формируются на основе опыта и развиваются в большей степени, часто затмевая сами инстинкты. Следовательно, д-р Аберкромби, со своей обычной прямоотой утверждая, что *«мысль, что всё умственное прекратит своё существование после смерти, когда нам известно, что всё материальное продолжит существовать, есть свободное предположение, противоположное любому философскому заключению»*, вынужден допустить вероятность будущей жизни даже для низших животных. Он говорит так: *«Необходимо признать наличие нематериального принципа у низших животных, который объясняет в них многие феномены их ума. Я должен только сказать, да будет так. Животные обладают многими феноменами ума, и с уважением к ним мы также признаём, что они, будучи нематериальными, совершенно отличны от всего, что нам известно»*. [2] И тогда, придя к допущению, что человеческая душа нематериальна и бессмертна, можно ли то же самое допустить для человекообразной обезьяны и муравья?

— Я признаю, — ответил Фабер со своей странной, добродушной лукавой улыбкой, — что, если бы я был вынужден допустить такое, это не ущемило бы мою гордость. Я не осмеливаюсь ставить какие-либо ограничения доброте Создателя и буду также смиренно рад, как и индеец, если

«там, на небе,

Мой преданный пёс составит мне компанию».

Ты настолько знаком с работами Декарта, этого титана мудрости и заблуждений, что не можешь не вспомнить интересную переписку между этим изысканным философом и нашим соотечественником Генри Мором¹³⁸ [3] по этому вопросу, в котором, конечно, Мор его превосходит, а Декарт настаивает на том, чтобы свести душу (*l'ame*) животных к некоторому роду механизмов, подобных тем, что человек создаёт из неорганизованной материи. На самом деле, познания, высказанные по этому неразрешимому вопросу, касающемуся психологии низших животных, являются доказательством, по крайней мере, любознательности человеческого духа. [4] Мы знаем достаточно литературы, посвящённой попыткам понять язык животных. [5] Дюпон-де-Немур¹³⁹ открыл, что собаки используют гласные звуки и только два согласных, G и Z, когда злы. Он утверждает, что кошки применяют те же гласные, что и собаки, но их язык богаче на согласные и включает M, N, B, R, V, F. Как много напряжённых усилий было приложено, чтобы научиться толковать песню соловья! Одну версию этой песни, опубликованную естествоиспытателем Бекстайном¹⁴⁰, я помню, видел. И я слышал певицу, одарённую своеобразным чарующим голосом, поющую таинственные гласные с таким необыкновенным пафосом, что невозможно было не поверить ей, когда она объявила, что в совершенстве понимает язык птиц и придаёт соловьиным трелям теплоту своего женского сердца¹⁴¹.

Но, оставляя все подобные рассуждения среди любопытных литературных фактов, я серьёзно подхожу к вопросу, который ты так серьёзно поставил передо мной. Для меня различие между человеком и животным в том, что касается духовной природы, предназначенной для будущего существования, и умственных способностей, использование которых ограничивается земным существованием, кажется совершенно понятным. Являются ли идеи и восприятия врождёнными или они формируются под воздействием опыта — это предмет рассуждений метафизиков, который я хочу оставить в стороне, поскольку он затрагивает вопрос о нематериальном принципе. Я хорошо понимаю, что материалист может допустить наличие в Человеке врождённых восприятий, точно так же, как он допускает наличие у животных инстинктов, относящихся к наследственности. С другой стороны, мы знаем, что большинство тех, кто верит в нашу духовную природу, настаивают, вместе с Локком, на том, что никакая идея, даже о Божественном, не является врождённой.

Но здесь выступает мой аргумент. Мне всё равно, как формируются идеи. Существенно то, как формируются возможности для возникновения идей. Все идеи могут приходить с опытом, но возможности для их возникновения должны определяться наследственностью. Я использую слово «возможность» как более простое по сравнению с тем, что использовал Кант. Под возможностью я подразумеваю пассивную силу [6] получать идеи и использую это слово применительно к человеку или любому

¹³⁸ **Генри Мор** (англ. Henry More) (1614 – 1687) — англ. философ, профессор богословия и философии в Кембридже.

¹³⁹ **Дюпон-де-Немур** (фр. Dupont de Nemours)

¹⁴⁰ **Бекстайн** (Beckstein)

¹⁴¹ Очевидно, речь здесь идёт о колоратурном сопрано.

другому живому существу. Человек и слон в равной степени имеют возможности получать идеи, соответствующие месту, которое они занимают во вселенной.

Чем больше я вглядываюсь в Природу, тем больше нахожу, что все многообразие жизни пользуется возможностями получать впечатления, которые могут быть названы восприятиями или идеями, которые адаптируются к дальнейшему использованию. Затем я нахожу, что только Человек одарён возможностью получить идеи о Боге, Духе, Вероисповедании, загробной Жизни. Я не вижу такой возможности у ранних рас, как бы их ум ни был облагорожен культурой.

Но там, где возможности получать впечатления являются, можно сказать, общими для какого-либо данного вида живых существ, их ещё нельзя назвать универсальными, поскольку они не даны другому виду. Но всегда они даются живым организмам Провидением для использования и сохранения.

Для меня не будет ответом сказать, что возможности, присущие Человеку, сами по себе не являются достаточными для того, чтобы сделать его соответствующим Божественному замыслу, потому что это просто замысел и Человек должен учиться улучшаться посредством обучения и наблюдений. Ему нужно выстроить хижину прежде, чем он сможет возвести Парфенон¹⁴². Он должен пройти через веру дикаря или язычника прежде, чем подойти к вере философа или христианина. Словом, во всех данных Человеку возможностях нет непосредственного знания Совершенного, но только средство его достижения. И таким образом, один из самых выдающихся мыслителей современности, чьи лекции ты должен был прослушать с удовольствием во времена студенчества, говорит следующее:

Поэтому науки, изучаемые с большим интересом, находятся в состоянии развития и неустойчивости. Абсолютная устойчивость и абсолютная завершённость будут являться параличом любого исследования и, в конце концов, самым худшим бедствием для Человека, поскольку он в своём настоящем состоянии будет являться обладателем конечной, окончательной умозрительной истины, которую напрасно будет считать пределом своего счастья. [7]

Во всех этих возможностях получать впечатления из окружающей Природы, данных Человеку, но не животным, я вижу доказательство существования его Души. Я могу понять, почему низшее животное не имеет возможности получить идеи о Боге или Вероисповедании. Просто потому, что низшее животное, даже милосердно допущенное к будущей жизни, не может сохранить там своей тождественности. Я могу даже понять, почему симпатией, которую испытывают люди и которая составляет великую силу, образно называемую нами Человечеством, не обладают меньшие животные (или, по крайней мере, обладают в очень небольшой степени), даже когда живут в сообществах, подобно бобрам, пчёлам или муравьям. Потому что людям суждено встретить, узнать и полюбить друг друга в будущей жизни, а узы, связывающие животных, ограничиваются землёй.

Сейчас чем больше мы изучаем возможности, присущие исключительно Человеку, тем больше они отличают его от других рас своим пониманием жизни, следующей за жизнью земли.

Только Человек, — говорит Мюллер, — может постичь абстрактные понятия. И в этих абстрактных понятиях, таких, как время, пространство, материя, дух, свет, форма, количество, сущность, не заключена вся философия, вся наука, но все они фактически совершенствуют одно поколение ради пользы будущих.

И почему? Потому что все эти абстрактные понятия неосознанно уводят ум из материального в нематериальное, из настоящего в будущее. Но если Человек перестаёт существовать, как только исчезает в могиле, ты вынужден утверждать, что он является единственным существом, кого Природа, или Провидение удостоили обманом, наделив способностями, которые нет возможности применить. Как правдиво написано у Чалмерса:

Какой вывод будет сделан из этого замечательного закона Природы, что нет ничего бесполезного и ничего бессмысленного в чувствах и способностях, которыми наделены живые существа? Всему есть соответствие, для любой способности есть место и возможность для проявления в настоящем или грядущем будущем. Сегодня, если бы не доктрина о бессмертии, Человек оказался бы исключением из этого закона, как аномалия в Природе, вместе со своими стремлениями в сердце, которым вселенная не могла бы ничего предложить взамен, и никогда бы не постиг величия на протяжении всей истории своего существования!

¹⁴² Парфенон — храм Афины в афинском Акрополе.

У низших животных есть, если можно так выразиться, определённая согласованность урегулирования между каждым желанием и его удовлетворением. Одно случайно встречается с другим, и есть полнота и определённая вплоть до возможности удовлетворения желания. Не так дело обстоит с Человеком, который из-за обширности своих склонностей и энергии чувствует себя заключённым в слишком тесные для себя рамки. Он единственный трудится над неудобством несоответствия между своими обстоятельствами и силами. И до тех пор, пока не появятся новые обстоятельства, обеспечивающие ему лучшее существование, он, величайшее из всех творений Природы, будет оказываться величайшей из её ошибок. [8]

В этом я вижу доказательство существования у Человека Души, не потому, что у него есть ум, (ведь, как ты сам говоришь, он есть и у низших животных, хотя и в меньшей степени), а потому, что у него есть способность осознавать (как только он примет какие-либо абстрактные понятия) истины, ненужные для самосохранения на земле и поэтому недоступные, например, вон тем волам и опоссумам. Главным образом, речь идёт о природе Бога, Души, жизни после смерти. И в понимании этих истин человеческое общество, которое превосходит общество бобров, пчёл и муравьёв непрерывным совершенствованием представлений, унаследованных ими от прародителей, находит свою основу. Таким образом, мир улучшается верой человека в будущее, в то время как общество животных век за веком остаётся неизменным. Ни пчела, ни бобёр, по всей вероятности, не изменились со времён Потопа.

И неотделимы от этих истин молитва и вероисповедание. Я не разделяю мнение философов школы Болингброка¹⁴³ или Лукреция¹⁴⁴, что «источником молитвы является человеческое незнание феноменов Природы», что это страх или невежество, которые «когда качались горы и стонала земля, заставляли слабого сгибаться, гордого — молиться». Мой ответ таков: животные во многом чувствительнее к природным явлениям, чем человек. Птицы и звери прежде нас с тобой узнают о приближении землетрясения, и их инстинкты ведут их в укрытие, но не к молитве. Если моя теория верна и Душа может быть отыскана только в наследственной возможности получать идеи, а не в вопросе, являются ли умственные идеи врождёнными или приобретёнными на опыте, посредством ощущений, ассоциаций или привычки, то возможность, которой одарён только Человек, возможность получать через Природу представление о Силе, стоящей выше Природы, с которой эта Сила устанавливает взаимодействие, есть доказательство того, что только одному Человеку Создатель через Природу провозглашает о Своем существовании, что только Человека Бог удостаивает общением с Собой с помощью молитвы.

— Даже если это всё и так, — сказал я, — разве Создатель не всезнающ? Если Он всезнающ, разве Он не предвидит всё? Если Он всё предвидит, разве Он не предопределяет всё? Может ли молитва Его творения изменить Его волю?

— Для ответа на эти вопросы, которые часто задают умные люди во всём мире, — продолжил Фабер, — мне бы следовало направить тебя к опытным теологам, которые так торжественно проводят мыслящего человека над потоком сомнений, пересекаемым каждый день младенцами. Но поскольку здесь в глуши у нас нет их книг, я вынужден дать тебе ответ в виде неизбежной логической последовательности предположений, которую я вывел из простого наблюдения за Природой. Я могу только предполагать, что Бог всезнающ или что Он наблюдает за соблюдением Своих главных законов. И из всех Его законов я не знаю ни одного, который был бы важнее импульса, побуждающего людей молиться. Все феномены Природы, поразительные и необычные, не заставят молиться животное, но нет такой проблемы, которая может возникнуть у Человека и не вызвать в нём желания молиться, при условии, что этот Человек не философ¹⁴⁵. Я не говорю это с презрением философа, а только потому, что для всего, что побуждает Человека к чему-либо, есть причина в Природе, которую никакая философия не может оправдать. Поэтому я не ставлю перед собой задачу ограничить Всезнание Бога или свести его к своим ограниченным представлениям. Я довольствуюсь предположением, что, так или иначе, Он сотворил всё в соответствии со своим Всезнанием и Человек должен следовать импульсу, ведущему его к ве-

¹⁴³ **Болингброк** (Bolingbroke)

¹⁴⁴ **Лукреций, Тит** (лат. Titus Lucretius) (ок. 99 — 55 до н.э.) — римский поэт и философ. Считается одним из ярчайших приверженцев атомистического материализма, последователем учения Эпикура.

¹⁴⁵ Т.е. в случае, если человек не относится к проблеме философски, всякая проблема будет восприниматься им именно как проблема и вызывать желание молиться.

ре, что обращаясь к Богу, он обращается к нежному, сострадающему, великодушному Отцу и что это послушание приведёт его к прекрасным результатам. Если бы этот импульс был иллюзией, мы вынуждены были бы сказать, что Небеса управляют миром с помощью обмана, а это невозможно, поскольку, рассуждая по аналогии, вся Природа правдива, и она не наделяет никакие живые организмы инстинктами или импульсами, которые им не подходят. Не оказался бы ли я пустым, ничтожным врачом, если бы, обнаружив в человеческом организме важный принцип или свойство, я вместо того, чтобы поверить в то, что они являются обычными для здорового состояния этого организма, отказался бы принять факт, что они нужны для использования, раз их создала Природа? Разве я не должен был бы сказать, что пренебрежение к их использованию может повредить гармоничному благополучию всего организма? Я мог бы ещё многое сказать в этом споре, в котором вера, подразумеваемая в твоём вопросе, должна привести тебя к принятию существования Божественного милосердия и мудрости и заменить безжалостную Судьбу великодушным Богом. Но здесь я бы вышел за рамки своей компетенции. Я не теолог. С меня довольно и того, что во всех моих огорчениях и затруднениях, импульс, к которому я прислушиваюсь так же, как к инстинкту, сразу направляет меня к молитве. Знаю ли я по опыту, что молитва моя услышана, огорчение устранено, а сомнения разрешены? На самом деле, сказать так было бы слишком самоуверенным. Но совсем не самонадеянно думать, что силой молитвы моё сердце становится более крепким, чтобы противостоять печали, а мой ум — более спокойным пред сомнениями.

Я слушал, и мне нечего было ответить. Я чувствовал, что здесь, в одиночестве, вдали от своего привычного занятия, мой ум становился вялым и притуплялся в бездействии. Моя гордость забила тревогу. С отроческих лет я так лелеял мечту об известности, так прославлял стремление к знаниям, что сейчас в ужасе отпрянул от мысли, что я растерял знания, закрыл себе дорогу к славе. Я решил возобновить некогда любимое философское занятие, пересмотреть и закончить Работу, с которой я связывал свои надежды стать известным. И одновременно с этим я почувствовал неодолимое желание общаться, пусть и не слишком много, с другими людьми, а не с теми, кто был непосредственно в моём окружении, взаимодействовать с теми, чей ум был свободен от старого мира и нёс в себе яркие воспоминания о своих цивилизациях. Эмигранты часто проходили мимо моего дома, но до сих пор я избегал гостеприимства, широко оказываемого в колонии. Я не мог допустить, чтобы Лилиан подверглась какой-либо опасности со стороны этих незнакомцев, и сама эта мысль была также нестерпима и для миссис Эшли. Второпях я соорудил бревенчатый домик в нескольких сотнях ярдов от дома, рядом с дорогой через обширные пастбища, которую обычно выбирали путешественники. Я перенёс туда свои книги и инструменты для научных исследований, разместил телескопы и линзы, тигли и реторты. Я возобновил химические опыты, пытался подбодрить свой ум другими отраслями науки, которыми до сих пор я не слишком много занимался, обдумывал новые теории света и цвета, изучал естествознание, рассматривал под микроскопом мельчайшие животные организмы, подвергал геологические ископаемые воздействию молотка. Всеми этими занятиями я старался отвлечь себя от печали и укрепить свой ум в борьбе с иллюзиями собственной фантазии. Светящаяся Тень больше не появлялась на моей стене, и сама мысль о Маргрейве исчезла.

Ежедневно я проводил в этом домике много часов, всё более и более серьёзно погружая свои мысли в глубины абстрактных предметов, поскольку необъяснимое нежелание Лилиан меня видеть становилось всё более и более очевидным. Когда же я перестал думать, что моя жизнь радует и утешает её, моё сердце охладело. Я присоединил к своей комнате в бревенчатом домике несколько свободных комнат, которые можно было приспособить под жильё для встречающихся путников. Я научился с нетерпением ожидать их появления и с сожалением с ними расставаться. Большей частью, это были самые обыкновенные искатели приключений: разорившиеся торговцы, неудачливые фермеры, жалкие ремесленники, целые толпы неквалифицированной рабочей силы, время от времени не имеющие практики адвокаты или недавние выпускники колледжей, потерявшие всё на скачках. Однажды, тем не менее, у моих дверей остановился молодой человек с образованием и приятными манерами, что безошибочно выдавало в нём европейского джентльмена. Это был кадет, из прусской дворянской семьи, которая по каким-то политическим причинам поселилась в Париже. Там он сблизился с представителями французского дворянства и, ведя образ жизни француза, вскоре рассердил своих родителей, промотав своё небольшое состояние и наделав долгов. Всё это он весело рассказал мне с искренностью, доказывавшей, как немецкий ум может обрести жизнь в атмосфере Парижа. Один из его приятелей по колледжу, ниже его по рождению, был так неудачлив в поиске способа, как заработать деньги, что стал настоящим адептом в тратах. А ранее в течение нескольких лет он сопровождал немцев в Австралию, помогая им в переселении, и всегда преуспевал. Сейчас мот из Парижа направлялся к разорившемуся торговцу в немецкое поселение, находящееся в пяти милях от моего дома. Этот молодой человек не был похож ни

на одного немца, что мне доводилось встречать. Он был очень легкомыслен, и любой благовоспитанный француз связал бы это с учением Эпикура. Он признавался, что он бездельник, но делал это с такой искренней прямоотой, что не только не вызывал осуждения, но, казалось, заставлял восхищаться им. И к тому же он был так опьянён надеждой, он был уверен, что разбогатеет, ещё до тридцати. Но, как и почему это должно было случиться, он совершенно не мог мне объяснить. Когда спокойный, серьёзный немецкий дух погрузился в атмосферу Франции, этот человек превратился в такого сумасбродного француза!

Я почти с завистью слушал его беззаботную, пустую болтовню. Мы сидели у камина — я, мрачный человек, погружённый в науку и печаль, и он, улыбающееся дитя, живущее в удовольствии и праздности. И, глядя на его курительную трубку, на пыльную оборванную одежду, револьвер, заткнутый за пояс, я мог бы поспорить с Аристархом, не пожелавшим бы сказать, что это «улыбается гениальность, счастливчик, который при любых обстоятельствах, в любом возрасте, подобно Аристиппу¹⁴⁶, будет привлекать к себе людей, будет приглашён на оргии Цезаря или Клодия, в будуары Монтеспан или Помпадур, будет слоняться по Малберри-Гарден или улыбаться вместе с Ришелье из повозки, везущей на смерть, улыбкой, выражающей презрение к толпе!»

Я слушал его пустую болтовню, и внезапно в потоке пустых фраз проскользнуло имя Маргрейва.

— Маргрейв! — воскликнул я. — Простите. Что с ним?

— Что? Вы знаете англичанина, к кому я имею слабость завидовать?

— Возможно, вы говорите об одном человеке, а я подразумеваю другого.

— Простите, мой дорогой хозяин, едва ли может быть два Маргрейва! Тот, о ком я говорю, пронёсся, как метеор, по Парижу, выкупил у принца дворец, в котором может жить самый настоящий принц королевской крови, затмил наших банкиров роскошью, нашу молодёжь — прекрасной наружностью и невероятными приключениями, и что самое странное, заполнил свои гостиные философами и знахарями, химиками и спиритистами, оскорбляя степеннейших преподавателей тем, что свёл их лицом к лицу с бесстыднейшими шарлатанами, с самыми нелепыми вольнодумцами. А сам он такой энергичный и обаятельный, прелестный ребёнок! Шесть месяцев им увлекался весь Париж, вероятно, его хватило бы и на шесть лет, но однажды он исчез также внезапно, как и появился. Это тот самый Маргрейв, которого вы знаете?

— Никогда бы не подумал, что Маргрейв, которого я знаю, может примирить свои вкусы с жизнью в больших городах.

— И этот тоже не мог: в городах ему было слишком неинтересно. Он уехал в какие-то отдалённые места на Восток, говорят, что в поисках Философского Камня. На самом деле, у него в доме жил путешественник с Сицилии, и однажды во время опыта по открытию этого Камня он задохнулся парами, исходящими из его же собственного тигля. После этого несчастья, Маргрейву опротивел Париж, и он уехал.

— Так это тот англичанин, кому вы завидуете? Завидуете ему? Почему?

— Потому что это единственный англичанин из всех, кого мне приходилось встречать, кому удалось разбогатеть и при этом не впасть в хандру. Я завидовал ему, потому что стоило только взглянуть в его лицо, чтобы увидеть, как он радуется жизни во всей её полноте, как наслаждается жизнью, которой ваши соотечественники, кажется, откровенно тяготеют. Но я утолил ваше любопытство, и теперь ваша очередь утолить моё. Кто этот англичанин?

— А за кого его принимали в Париже?

— Догадок не счесть. Один из ваших соотечественников полагал, что он очень похож на другого человека. Этот джентльмен, чьё имя я забыл, был одним из тех старых распутников, что до сих пор почитают себя молодыми, и как только он взглянул Маргрейву в лицо, тотчас же воскликнул: «Луис Грейл снова вернулся к жизни, такой же, каким я видел его сорок четыре года назад! Да нет, ещё моложе, ещё красивее, это, должно быть, его сын!»

— Луис Грейл, кого, как говорят, убили в Алеппо?

— Он самый. Этот странный старик был непомерно богат, но, кажется, ненавидел своих законных наследников. Он оставил после себя значительное состояние, намного больше того, о котором было известно, и от него он должен был тайно избавиться перед своей смертью. Но зачем избавляться от него, если его можно передать внебрачному сыну, которого по личным причинам он не хотел признавать при жизни и на кого не хотел указывать обществу, написав на него завещание? А то, что всегда говорил этот Маргрейв о себе и источнике своего богатства, подтверждает эту догадку. Он откровенно признавался, что он внебрачный сын, обогащённый отцом, чьего имени он не знал и не хотел знать.

¹⁴⁶ **Аристипп** (греч. Aristippus) — греческий философ.

— Это правда. Значит, Маргрейв уехал из Парижа на Восток. Когда?

— Я могу назвать только приблизительную дату. Он уехал на неделю раньше меня, и весь Париж был так занят обсуждением этого события, что я и забыл.

Немец назвал дату, и я вздрогнул: это случилось в тот самый месяц и приблизительно в тот самый день, когда Светящаяся Тень стояла за порогом моего дома.

Потом разговор перешёл на другие темы, ни слова больше не было сказано о Маргрейве. Час-два спустя мой собеседник продолжил свой путь, а я остался сидеть у камина, задумчиво глядя на тлеющие угли.

[1] «Одинаковы ли по своей природе ум и инстинкт, находящиеся в определённой пропорции в человеке, так же, как и во всех животных, и одинаково ли действуют они в животных и человеке? На этот вопрос мы должны сразу дать утвердительный ответ. Выражение Кювье¹⁴⁷, почитающего способность низших животных размышлять, правдиво в полной мере: “*Leur intelligence execute des operations du meme genre*”¹⁴⁸. Никаким другим способом мы не можем определить причину без того, чтобы не исключить законы, всё время представляющие нашему наблюдению, и не нарушить законы естественных инстинктов живых организмов. Поведение пса, имеющего отношение к поведению его хозяина, а также различные действия, которые пёс выполняет по желанию человека, поддаются строгому логическому объяснению, так же, как те явления, которые мы можем засвидетельствовать в обычной жизни». Сэр Генри Голланд, главы «О физиологии мысли» (*Sir Henry Holland, chapters on “Mental Physiology”*), стр. 220.

Всю главу «Об инстинктах и привычках» в этой работе нужно читать во взаимосвязи с приведённым выше утверждением. Сама работа, наводящая на размышления, не относится к числу тех результатов напряжённого труда представителей английской медицины, к которым философия и религия предъявляет определённые требования.

[2] Аберкромби. «Силы интеллекта» (*Abercrombie’s Intellectual Powers*), стр. 26, (15-е издание).

[3] *OEuvres de Descartes, vol. x. p. 178, et seq. (Cousin’s Edition.)*

[4] М. Тиссо (*Tissot*), выдающийся профессор философии в Дижоне (*Dijon*), в своей недавней работе “*La Vie dans l’Homme*”, на стр. 255 приводит длинный список прославленных философов, наделивших разумной душой низших животных, хотя он искренне добавляет, что «они не всегда имеют смелость высказывать собственное мнение».

[5] Некоторые соображения по этому вопросу можно отыскать в любопытной работе *Pierquin de Gembloux*, “*Idiologie des Animaux*”, опубликованной в Париже в 1844 году.

[6] «Способность — активная сила, возможность — пассивная». Уильям Гамильтон «Лекции по метафизике и логике» (*Sir W. Hamilton: Lectures on Metaphysics and Logic*), т. I, стр. 178.

[7] Сэр Уильям Гамильтон. «Лекции» (*Sir W. Hamilton’s “Lectures”*), т. I, стр. 10.

[8] *Chalmers, “Bridgewater Treatise”*, т. II, стр. 28, 30. Возможно, мне необходимо отметить, что в этом и во всех других диалогах между Фабером и Фенвиком было бы лучше заменить слова цитируемых авторов их кратким содержанием или подразумевать под ними приблизительную цитату, какую может привести память собеседника.

¹⁴⁷ Кювье, Жорж Леопольд (фр. George-Leopold Cuvier) (1769 — 1832) — фр. естествоиспытатель, натуралист. Считается основателем сравнительной анатомии и палеонтологии.

¹⁴⁸ *Leur intelligence execute des operations du meme genre* (фр.) — Их ум, мышление производят операции того же самого рода.

Моя Работа, моя Философская Работа, с которой были связаны мои честолюбивые надежды... С каким рвением я снова обратился к ней! Вдали от своего семейного горя, вдали от изматывающих трудностей — ни Лилиан, ни Маргрейва поблизости!

Когда я перечитал то, что написал раньше, каждое звено в цепи рассуждений показалось мне таким значимым, составляющим со всеми другими единое целое, что изменить что-то одно значило привести в беспорядок всё. И весь ход рассуждений так противоречил возможности существования чудес, свидетелем которых я стал, и был так враждебен по отношению к гипотезам Фабера и ребяческой вере Эми, что я был бы должен уничтожить всю работу, если бы решился включить в неё подобные противоречия!

Но ведь эта работа была я сам! Я, со своим основательным, трезвым, здравомыслящим умом, до тех пор, пока мой мозг не был приведён в замешательство призраком. Считались ли призраки свидетельством против науки? Нет. Возвращаясь к своей Книге, я вернулся к своему прежнему Я!

Как странно это противоречие между нашим существованием как человека и нашим же существованием как Автора! Возьмите любого писателя, привязанного к какой-либо концепции: тысячи вещей могут происходить с ним каждый день и потрясти его веру в эту концепцию, и пока он будет действовать как простой человек, его вера будет потрясена. Но когда он вернётся в фазу своего существования как автора, как только положит перед собой лист бумаги и возьмёт в руку перо, его мысли восстановят своё прежнее течение. Концепция, любимая концепция отстаивает своё деспотическое влияние, и он, или игнорирует, или формулирует в свежие доказательства своей теории как автор всё то, что час назад в его восприятии как человека представлялось ему лживым, если рассматривать с позиций его теории.

Я остался верен своим прежним представлениям, я продолжил свою работу. Здесь, в этой дикой пустыне, была связь между мной и европейскими городами. Всё ещё могло ухудшиться для меня. Любовь, о которой я мечтал, была вычеркнута из жизни и уже не могла быть восстановлена, моё сердце должно было биться в одиночестве, а жизнь походить на ссылку. Я мог отдаться или печали, разрывающей мне сердце, или рассудку, возвращающему меня на путь, на котором я стоял до того, как призраки привели меня в ужас. Но здесь, по крайней мере, была основа моего рационального, думающего Я, моего индивидуального характера, выделяющего меня в многообразии творений. И мой ум, в самом расцвете сил, мог проливать свет на землю, когда моё тело распадётся на составные элементы. Увы! В желании такого Будущего, хотя и только Будущего для своего имени, известности, я видел только страстное стремление Ума и не слышал шёпота Души!

Занятия, которым поселенец вынужден посвящать своё время, теперь мало меня интересовали. Эти обширные земли, которые могли бы вызвать у меня воодушевление и гордость собственника, были всего лишь пустыней для случайного эмигранта, кто не мог оставить после себя сына, наследника запоздалых плодов своего труда. Нужда не побуждала меня к прилежанию. Я мог только разориться, если бы рискнул всем своим состоянием, пытаюсь увеличить его. Поэтому я жил среди плодородных пастбищ, так же мало заботясь об их возделывании, как какой-нибудь временный владелец болотистых земель, поросших вереском, которые он берёт в аренду, чтобы побыть здесь в одиночестве.

На самом деле, я знал, что если бы я стал скупым, то мог бы превратить своё скромное состояние в огромное богатство. Я снова пришёл туда, где обнаружил самородок золота, и нашёл драгоценный металл в изобилии лежащим под слоем наносной почвы. Я скрыл ото всех своё открытие. Я знал, что, если расскажу о нём, очарование моей австралийской жизни пройдёт. Мои поля заполнятся всеми теми безумными авантюристами, что набросятся на золото, как стервятники на падаль, мои слуги уйдут от меня, и мои стада некому будет пасти!

Снова месяц проходил за месяцем. Я уже подходил к завершению своей любимой Работы, когда мне снова пришлось её отложить и на этот раз по причине страданий, более сильных и жестоких, чем все те, что я когда-либо испытывал.

Лилиан серьёзно заболела. Её здоровье длительное время постепенно ухудшалось, но до сих пор наступали моменты улучшений и не были заметны симптомы настоящей опасности. Но сейчас у неё проявилась хроническая лихорадка, сопровождающаяся полной потерей сна, неприязнью даже к самой лёгкой пище и острой нервной чувствительностью ко всем внешним впечатлениям, которые она, казалось, так долго не создавала. Она болезненно воспринимала любой, даже самый слабый, звук, избегала света, как пытки. Её прежняя раздражительность, каждый раз, когда я входил в её комнату, превратилась в сильное волнение, судорожные приступы страдания, такие, что Фабер запретил мне входить к ней, и с истекающим кровью сердцем я подчинился этому жестокому приговору.

Фабер перебрался жить ко мне в дом и привёл с собой Эми. Всё время с Лилиан находился кто-нибудь из них, днём или ночью. Великий врач говорил о больной с сомнением, но без отчаяния.

— Помни, — говорил он, — что, несмотря на желание спать, отказ от пищи, её организм не зачах, как было бы, если бы лихорадка оказалась смертельной. Это даёт мне надежду, что я не ошибся в своём мнении, которое рискнул высказать. Сейчас мы наблюдаем кульминацию решающей борьбы между жизнью и рассудком. И если она сохранит жизнь, её рассудок восстановится. Эта кажущаяся антипатия по отношению к тебе — хороший знак. Ты неразрывно связан с её умственным миром. И когда она начнёт возвращаться к нему, должны становиться более яркими воспоминания о потрясении, которые на время скрыли этот мир от неё. Поэтому здесь я вижу, прежде всего, сверхвосприимчивость её пробуждающихся чувств к звукам и картинам внешнего мира. Через несколько дней мы увидим, был ли я прав. В этом климате острые болезни развиваются быстро, но и выздоровление стремительно, что ещё более поражает. Подожди, потерпи, будь готов покориться воле Небес, но не теряй надежду на их милосердие.

Я побежал прочь от своего утешителя, прочь, в чащу леса, ища одиночества. Всё вокруг меня испытывало радость жизни: саранча стрекотала в траве, прыгали журавли по берегам ручья, опоссумы, подобно белкам, резвились на тонких ветвях. «А что, — сказал я сам себе, — если тот, кто кажется таким необыкновенным, кто очаровал меня, был совершенно прав? Что, если именно некоему сильнодействующему лекарству Маргрейв обязан своими чудесными жизненными силами, своей сияющей юностью? О, если бы я не уклонился с таким презрением от его желания провести безобидный законный эксперимент! Если бы я не был так фанатично предан тщетному ремеслу, которое мы зовём Искусством Медицины и которое единственное на сегодняшний день не сделало ощутимого движения вперёд со времён своих самых первых последователей; если бы я мог сказать в истинном смирении подлинного знания: «Алхимики — гениальные люди, мы обязаны им почти всеми великими догадками нашей химии. Разве можно посчитать их глупцами из-за их взглядов, которым они остаются верны?» Если бы я мог сказать это, сейчас я бы не боялся потерять Лилиан. Почему же после всего этого в Природе не может существовать некое вещество, субстанция, хранящая особую силу, питающую жизнь?»

Так бессвязно шепча деревьям то, что моя гордость не позволила бы мне сказать человеку, я пробыл в лесу остаток дня, приводя свой изнурённый дух в мрачное спокойствие. Я сел у двери своего уединённого бревенчатого домика, оперся щекой на руку и задумался... Устало я открыл глаза, разбуженный стуком копыт и грохотом колёс по покрытой травой дороге. Шаткий скрежещущий экипаж, запряжённый четвёркой лошадей, показался из небольшой рощи камедных деревьев и по дороге, не знаясь подобных роскошных экипажей с тех пор, как я перебрался в эти края, — расточительный сатрап по сравнению с обычными поселенцами, — быстро катился по направлению к моему затерянному в глуши жилищу. Что за эмигрант, достаточно богатый, чтобы нанимать экипаж за большие деньги, чем это обошлось бы в Англии, может въезжать в мои просторные владения? Зловещая дрожь пробежала по мне.

Кучер, вероятно, какой-то разорившийся любитель роскоши из Старого Света, не пригодный ни к чему в Новом Свете, кроме того, чтобы подхлестывать за плату наёмных лошадей, — занятие, что, возможно, разорило его, когда он принимал участие в скачках, — остановился у двери моего домика и окликнул меня: «Эй, приятель, не это ли владения Фенвика и не дом ли хозяина виднеется вон там?»

Прежде, чем я успел ответить, из экипажа донёсся слабый голос, обращающийся к кучеру. Тот кивнул головой, соскочил со своего места, открыл дверь и предложил руку человеку, который, отклонив его помощь, спустился медленно и неуверенно, остановился на мгновение, как будто бы перевести дух, а затем оперся на трость, сошёл с дороги, прошёл по газону, заросшему буйной растительностью, через небольшую калитку среди зарослей душистой австралийской акации, устало, вяло, остановился напротив меня и оперся обеими измождёнными руками на свою трость. Его худая фигура, утопающая в складках плаща, казалась больше от дорогого собольего меха. Контуры его лица были резко очерчены, само лицо было мертвенно-жёлтого цвета, неестественно большие, ввалившиеся глаза блестели, и блеск этот был неестественно яркий, смертельный. Таким, составляющим ужасающий контраст со своей прежней цветущей юностью, предстал передо мной Маргрейв.

— Я еду к тебе с Востока, — произнёс он хрипло и прерывисто. — Приюти меня и дай отдохнуть. А я скажу тебе такое, что более чем возместит твои заботы.

Какую бы ненависть и страх перед этим неожиданным гостем я ни испытывал до этого момента, ненависть была бы бесчеловечной, а страх — подлым, по отношению к существу, настолько сломленному.

Не говоря ни слова, машинально, я провёл его в дом. Там он передохнул несколько минут с закры-

тыми глазами, тяжело дыша. Между тем, кучер вытащил из экипажа саквояж и небольшой деревянный сундук, обрамлённый крепкими железными скобами. Как только кучер приблизился, Маргрейв озлоблённо воскликнул:

— Кто приказал тебе трогать этот сундук? Как ты осмелился? Фенвик, заberi сундук у него! Поставь сюда, рядом со мной!

Я взял сундук из рук кучера, чей поднимающийся гнев был усмирён золотом, которым Маргрейв щедро наделил его.

— Позаботьтесь об этом несчастном джентльмене, сэр, — прошептал он мне, отдавшись внезапному порыву благодарности. — Боюсь, он не будет долго вас беспокоить. Должно быть, он сказочно богат. Прибыл сюда на корабле, нанятом им одним, с целой свитой чужеземцев-сопровождающих, которых он оставил вон там в городе. Можно мне накормить лошадей у вас в конюшне? Они проделали долгий путь.

Я указал на находившиеся рядом конюшни, и кучер, кивнув в знак благодарности, распряг лошадей и направился туда.

Я вернулся к Маргрейву. Слабая улыбка показалась на его губах, когда я поставил около него сундук.

— Да, да, — пробормотал он. — Невредим! невредим! Скоро я совсем поправлюсь, очень скоро! А сейчас я могу спокойно уснуть!

Я провёл его во внутреннюю комнату, в которой стояла кровать. Он свалился на неё с громким вздохом облегчения. Вскоре, приподнявшись на ней на локтях, он воскликнул:

— Сундук... принеси его сюда! Мне нужно всегда иметь его при себе! Он там, там! Сейчас я посплю несколько часов, а потом, если смогу поесть или принять какое-нибудь восстанавливающее сердечное лекарство, которое ты мне предложишь, я буду достаточно здоров, чтобы говорить. Мы поговорим! мы поговорим!

Его глаза тяжело закрывались по мере того, как голос его переходил на сонное бормотание. Ещё минута — и он уснул.

Я остался подле него со смешанным чувством изумления и сострадания. Глядя на его лицо, такое изменившееся, хотя ещё такое молодое, я не мог серьёзно задать себе вопрос, какое зло принесла эта мистическая жизнь, которая сейчас, казалось, уходила прочь сквозь последние песчинки в песочных часах. Осторожно я положил руку ему на пульс — он едва бился. Я приложил ухо к его груди и невольно вздохнул, когда различил в неровном стуке неясный, чуть слышный звук, предвещавший близкую смерть!

И это был тот самый могущественный колдун, которого я так боялся! Тот самый человек, знающий тайну возрождения жизни, кому всего лишь час или два назад, я готов был наивно доверять!

Но внезапно во мне поднялись нелепые суеверия, и на меня нашёл страх, который многим показался бы едва ли менее суеверным. Не могла ли Лилиан заболеть от близкого присутствия человека, чьему магнетическому влиянию она однажды таинственным образом подверглась? Я оставил Маргрейва мирно спящим, закрыл за собой дверь хижины, запер её, вернулся в свой большой дом и там встретил на пороге Эми. Её улыбка была так радостна, что я сразу почувствовал облегчение.

— Тише! — сказала она, прикладывая пальчик к губам. — Она так спокойна! Я вышла искать вас, чтобы передать от неё сообщение.

— От Лилиан мне! Что же? Что?

— Тише! Около часа назад она кивком головы подозвала меня и сказала очень тихо: «Передай Алену, что свет возвращается ко мне, и это всё завещается ему, ему. Передай ему, что я прошу его найти время для меня: я хочу пройти рядом с ним по земле, рука к руке, к тем небесам, которые не сон, Эми. Скажи ему, что это не сон!»

Пока девочка говорила, слёзы мои текли потоком, а сильные руки, которыми я закрыл своё лицо, дрожали, как осиновый листок. И когда я овладел голосом, то жалобно спросил:

— И неужели мне нельзя увидеть её? И ответить на её послание, хотя бы всего лишь взглядом?

— Нет, нет!

— Нет! Где Фабер?

— Ушёл в лес искать какие-то травы, но он дал мне для вас эту записку.

Я вытер застилающие глаза слёзы и прочёл следующее:

«Не без колебаний, я позволил Эми сказать тебе слова радости, которыми наша возлюбленная пациентка подтверждает моё убеждение, что рассудок возвращается к ней, медленно, с трудом, но, если

она выживет, то он полностью восстановится. Ни в коем случае не пытайся ускорить работу природы или помешать ей. Твоё присутствие в этот критический момент может взволновать Лилиан, а это так же опасно, как внезапная вспышка света для глаз, долгое время не видевших ничего и заново восстанавливающих зрение в благотворной, успокаивающей темноте. Доверься мне».

В молчании, надолго я погрузился в размышления над словами Фабера и посланием Лилиан, и через какое-то время моего слуха достиг успокаивающий шёпот Эми, нежный, как журчание ручейка во мраке леса. Встряхнувшись, наконец, я обратился мыслями к Маргрейву. Весьма вероятно, он должен был вскоре проснуться. Я попросил Эми принести какой-нибудь лёгкой еды, которая, как я думал, лучше всего подойдёт ему в его ослабленном состоянии, и сказал, что это для больного путешественника, отдыхающего в моей хижине. Эми ушла, а я тем временем тщательно отобрал лекарства из содержимого своей медицинской аптечки. Когда девочка вернулась, я взял у неё корзинку и направился обратно в хижину. Немного я провёл времени у постели Маргрейва, прежде чем он проснулся.

— Который час? — спросил он с тревогой в голосе.

— Около семи.

— Не больше? Это хорошо, время слишком ценно для меня.

— Успокойся и ешь.

Я положил перед ним еду, и он съел её, хотя как-то снисходительно и как будто с усилием. Потом он вздремнул немного, снова проснулся и с нетерпением потребовал лекарство, которое я для него приготовил. Эффект проявился незамедлительно и оказался даже значительнее, чем я ожидал, что доказывало, возможно, то, как много осталось ещё жизненных сил в его организме, хотя и разрушенном болезнью. Цвет вернулся к его щекам, голос стал заметно громче. И когда я зажёл лампу на столе подле нас, поскольку становилось уже темно, он собрался с силами и заговорил так:

— Ты помнишь, как однажды я настаивал на некоторых экспериментах. Моей целью тогда было — открыть материалы, из которых можно изготовить специфическое лекарство, позволяющее жизни изгонять болезнь и восстанавливать силу. В надежде на это я искал встречи с тобой, но ты от меня отдался.

— Ты смеешь жаловаться? Что это было за существо, от которого я отпрянул в ужасе?

— Задавай любые вопросы, какие только пожелаешь, — вскричал Маргрейв нетерпеливо, — но позже, если у меня останутся силы отвечать на них. Но не перебивай меня, пока я берегу их, чтобы сказать то, что единственно важно для меня и для тебя. Разочаровавшись в надеждах, которые я возлагал на тебя, я решил отправиться в Париж, в это превосходное горнило всех смелых идей. Я вопрошал знающих людей, слушал смелых знахарей. Первые со всем своим напыщенным знанием оказались слишком робки, чтобы согласиться с моими предпосылками. Вторые с их умозрительной смелостью — слишком большими жуликами, чтобы позволить мне доверять их заключениям. Я нашёл всего лишь одного человека, сицилийца, кто постиг тайны, называемые оккультными, и имел смелость встретиться с Природой и всеми её тайнами лицом к лицу. Он верил, и, причём искренне, что подходит к большому открытию, и в этот самый момент он погиб от несоблюдения простых мер безопасности, которыми бы не пренебрёг новичок в химии. С его смертью пышный город стал мне ненавистен. Все его притворные удовольствия служили только тому, чтобы быстрее истощить жизнь. Истинная радость молодости — та, что испытывают дикая птица или дикий зверь, в целебном наслаждении Природой. В городах молодость — это всего лишь замаскированная старость. Я спасся бегством на Восток. Я побывал в палатках арабов. Меня направили, неважно, кто или что стало этому причиной, в дом дервиша, кто имел своим учителем самого учёного человека в области оккультных тайн, кого я знал много лет назад в Алеппо. К чему это восклицание?

— Продолжай. Что я должен сказать, я скажу... позже.

— У этого дервиша я выпытал, частью — уговорами, частью — с помощью денег, секрет, которого добивался. Сейчас мне известно, из чего состоит специфическое средство, так называемый эликсир жизни. Я знаю также последовательность шагов, которую нужно сделать, чтобы его изготовить. Ты улыбаешься недоверчиво. В чём ты сомневаешься? Скажи, а я отдохну пока. Тяжело дышать, дай мне больше лекарства.

— И мне нужно высказывать свои сомнения? В твоём распоряжении, как ты говоришь, эликсир жизни, рецепт которого Калиостро не оставил своим ученикам. И ты протягиваешь руку за обычным лекарством, которое тебе может предложить любой сельский химик!

— Я могу объяснить это очевидное противоречие. Процесс, в результате которого можно получить эликсир из материала, составляющего его существо, требует отваги. А ей обладают немногие. Этот дер-

виш, который однажды провёл такой процесс, был глух ко всем просьбам осуществить его снова. И его нельзя было даже подкупить, хотя он был беден. Секрет, с помощью которого можно превращать металлы в золото, совсем не похож на тот, с помощью которого можно получить эликсир жизни, как думают старые алхимики. Ему удалось только обнаружить в скудных пластах земель, по которым он путешествовал, всего лишь несколько жалких кусочков чудесного вещества. Их едва хватило на то, чтобы сделать эликсир, которым можно было бы наполнить только треть того маленького стакана, из которого я сейчас пил. Он берёт каждую каплю для себя. Кто же, живя здоровой, цветущей жизнью, обладая самым ценным преимуществом для любого живущего, потратит на других то, что продлевает и укрепляет собственное существование? Поэтому, хотя он и продал мне свою тайну, он не продаст мне своё сокровище.

— Любой шарлатан может продать тебе сведения о том, как сделать не только эликсир, но и луну и солнце, а потом запугать тебя, отговорить от эксперимента баснями о том, как опасно даже пытаться браться за это! Откуда ты можешь знать, что то вещество, которым обладал дервиш, — действительно эликсир жизни, ведь ты, кажется, не пробовал испытать на себе действие его драгоценных капель? Несчастный негодяй, однажды показавшийся мне таким могущественным! Ты поехал на Восток в поисках лекарства, существующего только в сказках, которыми забавляют детей?

— Эликсир жизни — не выдумка, — закричал Маргрейв, за минуту до этого такой немощный. Глаза его загорелись, в голосе чувствовалась сила, и весь он как будто увеличился в размерах. Он порастил меня. — Когда мы последний раз виделись, эликсир тёк по моим венам. Из этого золотистого напитка я черпал всё, что может дать радость. Какой мудрец не променял бы своё скучное знание на моё упоение Природой? Какой монарх не отдал бы свою корону и связанную с ней головную боль на сияние, окружавшее меня, которое исходило из света, что был во мне? О ещё, ещё! Наслаждаться свободой полёта вместе с птицей и солнечным светом вместе с ящерицей; резвиться среди цветов, любимец Природы и её друг; встречать в лесу и пустыне леопарда и льва, самых смелых и свирепых её созданий, её первенец, её наследник, а остальные её творения — рабы!

В то время, когда эти слова слетали с его губ, во всём облике этого загадочного существа было какое-то безумное величие, какого я никогда не замечал в прежние дни его сияющей юности. И в самом деле, в его языке, в мыслях, облачённых в слова, была серьёзность, сосредоточенность, прямота, целеустремлённость. Я ожидал, что усталость и истощение вызовут в нём сильную вспышку гнева, но после короткой паузы он продолжил уже уравновешенно. Воля давала ему силу. Он решил усилить свои убеждения, и его жизненные силы, некогда такие крепкие, пришли ему на помощь.

— Я говорю тебе, — продолжил он нарочито спокойно, — что много лет назад я проверил на себе это вещество, которое есть действенное лекарство. Во мне, таком, каким ты меня видел в Л****, ты мог заметить доказательство его эффективности. Сейчас я слаб и немощен, но моё состояние было куда более безнадежным, когда мне помог эликсир. Тот, у кого я взял это великое укрепляющее лекарство, умер, не выдав тайну его состава. Того, что я получил, было достаточно, чтобы укрепить лампу моей жизни, но потом она стала угасать, и не осталось ни одной капли, чтобы восстановить свет, испускающий свои собственные лучи в пространство, от которых оно сияло. Хотя дервиш не продал мне своё сокровище, он позволил мне его увидеть. Вид и аромат этого вещества весьма своеобразны, но тот, кто однажды видел и пробовал его, не может его не узнать. Короче, я признал в руках дервиша сияющий напиток, обновляющий жизнь, такой же, какой я нашёл рядом с телом мудреца из Алеппо, который я тогда унёс с собой.

— Постой! Так это значит, ты убил Гаруна, и твоё настоящее имя — Луис Грейл?

— Я не убивал, а Луис Грейл не давал мне своего имени. И я снова прошу тебя отложить, по крайней мере, на эту ночь, вопросы, которые ты хочешь мне задать.

Видя, что этот упрямый бедняк владеет тем, ради чего обладатели миллионов, сражённые параличом или подагрой, согласятся стать бедняками, я страстно захотел обладать этим веществом, даже больше, чем узнать, из чего оно состоит. Я не трусил перед экспериментом, который этот слюнявый дурень не имел храбрости повторить. Но только эксперимент мог провалиться. Мне нужно было пересечь землю и море, чтобы найти подходящее место для него, в то время как, хотя и в незначительном количестве, но верный результат этого опыта уже имелся в руках дервиша. Он догадывался о моих намерениях, страшился моей силы. И он сбежал в ту же самую ночь, в которую я намеревался отнять у него то, что он отказался мне продать. В конце концов, я не причинил бы ему большого вреда. Я оставил бы ему богатство, которого бы ему хватило, чтобы уехать в любые края, где материала для эликсира предостаточно, и его желание жить придало бы ему смелости. Он собрался бы с духом и пополнил похищенные у него запасы. У меня были наняты арабы, которые подчинялись мне, как охотничьи собаки своему хо-

зяину. Я погнался за беглецом, напал на его след и добрался до дома в жалкой деревушке, в который, как мне сказали, он вошёл не больше часа назад. День клонился к концу, в комнате темнело. Мне показалось, что я вижу в её углу фигуру дервиша, и наклонился, чтобы схватить его, но моя рука сжала ядовитую змею. Хитрый дервиш так сложил в кучу свои тряпки, что они стали похожи на его фигуру, облачённую в них. А вместо живительного напитка он оставил ядовитое пресмыкающееся, несущее смерть.

Силы моего организма помогли мне выжить, преодолев действие яда, но в то время, пока я находился в оцепенении, мои арабы, встревоженные, не продолжили преследование беглеца. Наконец, хотя я был вял и ослаблен, я снова был в седле. Снова погоня, снова верное направление по следу! Мне было известно, на этот раз благодаря знанию, стоящему выше человеческого, что дервиш укрылся в деревушке, расположенной за городом, когда-то прославившимся на всю Ассирию. И тот же самый голос, сказавший мне о его местонахождении, советовал мне отказаться от погони. Я не внял предостережению. С ещё большим нетерпением я продолжал путь. Чувствуя бесстрашие, я был уверен в успехе. Я достиг деревушки уставшим, ведь из-за укуса змеи силы мои были уже не те. Дервиш снова ускользнул от меня, хотя он ходил по полу, на который я опустился в изнеможении, всего за несколько минут до того, как моя лошадь остановилась у двери его дома. Ковёр, на котором он отдыхал, всё ещё лежал здесь. Я отправил на поиски дервиша самых молодых и сильных из своих людей. Уверенный, что на этот раз он не уйдёт, я уснул.

Как долго я спал, я не знаю, но много времени я провёл в одиночестве, мучимый жаром и страданием. Было ли это связано с дервишским ковром? Или с гниением стен дома, или с воздухом, который нависает болезненно и противно над всеми местами, где лежат захороненными города? Не знаю, только чума с Востока поразила меня во сне. Когда я пришёл в себя, то обнаружил, что я один, без оружия и золота, что было при мне. Все сбежали, бросили меня, как живые оставляют мертвеца, кого чума прибрала к рукам. Как только я смог, я переполз через порог. Я показал своё лицо, подал голос, всего лишь на мгновение: весь грязный, убогий народ ополчился против меня, как против дикого зверя, бешеного пса. Меня прогнали проклятиями и камнями, как прокажённого. В синяках, истекающий кровью, но всё же не сломленный, я пришёл в ярость от этой подлой, трусливой толпы, исчезнувшей после содеянного. Местность была мне знакома на мили вокруг. Я уже бывал здесь много лет назад. Наконец я добрался до дороги, по которой караваны направлялись в Дамаск. Там меня нашли, лишившегося речи и, судя по виду, безжизненного, несколько путешественников из Европы. Привезённый в Дамаск, я несколько недель находился между жизнью и смертью. Если бы не сила эликсира, всё ещё струящегося по моим жилам, мне бы не выжить, такому слабому и больному. Не нужно и говорить, что сейчас я отказался от мысли отыскать дервиша. Мне известен, по крайней мере, рецепт эликсира, хоть мне не удалось завладеть его жалкими каплями. Необходимые для него ингредиенты гораздо легче найти на Востоке, чем в Европе. В итоге я здесь, вооружённый знанием, снабжённый всем необходимым. Тебе важно обладание обновлённой жизнью или, если не тебе самому, так той, кого ты любишь и чью смерть ты можешь отсрочить? Тогда раздели со мной эксперимент, который завершит эту ночь, и получи награду, с помощью которой жизнь той, что ты больше всего ценишь, будет спасена от смерти и разложения, будет продолжаться, вечно молодой, вечно цветущей, вместо того, чтобы ступить в могилу. Кроме того, разве может быть у жизни конец, пока земля хранит вещество, способное обновлять жизнь?

Эти слова Маргрейва, обращённые ко мне, я привожу настолько точно, насколько могу их вспомнить. Но как можно передать словами, даже если они ловко выстроены во фразы мастером слова, тот эффект, который они производят на слушателя, слетая с уст говорящего? Спросите кого-нибудь из аудитории, чьё внимание было поглощено неким оратором, почему его слова не заставляют биться быстрее пульс читателя, и ответ того, кто сам слышал его слова, будет таким: «Слова черпали своё очарование в голосе, во взгляде, облике, манерах, в самом человеке!» То же самое было и с непостижимым существом передо мной. Хотя его молодость увяла, а красота поблекла, хотя моя память связывала с ним ненавистный ужас, хотя мой рассудок противился его дерзким убеждениям и предположениям, меня он по-прежнему очаровывал, и, если легенды про магию не врут, он был прирождённым магом.

Вынуждая себя отвечать, я тихо произнёс:

— Ты поведал мне свою историю и наметил цель эксперимента, в котором просишь моей помощи. Ты действительно был прав, прося повременить с комментариями или вопросами. Постарайся уснуть и восстановить затраченные силы. Завтра...

— Завтра, до наступления ночи, ты решишь, может ли человек, кого я выбрал из всех для помощи, стать моим врагом и приговорить меня к гибели! Я говорю тебе прямо, мне нужна твоя помощь и причём немедленно. Ещё три дня, и будет слишком поздно!

Я уже подошёл к двери комнаты, когда он закричал мне, чтобы я вернулся.

— Ты не живёшь в этой избе, а живёшь со своей семьёй там. Не говори им, что я здесь. Не позволяй никому видеть меня в таком состоянии. Запри дверь, когда уйдёшь. Я не сомкну глаз, если не буду уверен в безопасности.

— Есть только один человек в моём доме, да и вообще в этих краях, кого я бы исключил из налагаемого тобой запрета. Ты сознаёшь грозящую тебе опасность. Жизнь, которую ты надеешься бесконечно продлить с помощью знаний, полученных от дервиша, мне как врачу кажется висящей на волоске. Я уже понял природу твоей болезни. Но мне хотелось бы сравнить моё предположение с более весомой точкой зрения того, чей опыт и мастерство превосходят мои. Позволь мне завтра привести с собой знаменитого врача, о котором я сейчас говорю. Его имя, вероятно, не окажется для тебя незнакомым. Я говорю о Юлии Фабере.

— Старый врач! Могу легко представить, как учёно он будет пустословить и как мало сможет сделать. Но я не буду возражать против его визита, если это убедит тебя в том, что моя вера в средство дервиша была небезосновательна, раз я умер на руках врача. Постой ещё. Несомненно, ты говорил обо мне этому Юлию Фабере, своему соратнику-врачу и другу? Обещай мне, что если приведёшь его сюда, не будешь называть меня по имени, не перескажешь ему историю, которую я тебе поведал, и не выдашь мою надежду, что привела меня в эти края. То, что я рассказал тебе сейчас и что ты считаешь пустой химерой, есть тайна, которую пациент доверяет врачу, которого он сам для этого выбрал. И я выбрал тебя, а не Юлиа Фабера!

— Будь по-твоему, — ответил я после минутного раздумья. — С того момента, как ты решил стать моим пациентом, я вправе определять, что будет лучшим для тебя. А ты будь более вежлив и будешь иметь возможность узнать мнение, основанное непосредственно на твоём физическом состоянии, а не то, в котором ты можешь увидеть совет по поводу болезни ума, а не болезни тела.

— Как поражён и возмущён будет твой брат-врач, если увидит меня когда-нибудь во второй раз! Как учёно будет доказывать, что в соответствии со всеми точными принципами науки и природы я должен быть мёртв!

Он произнёс эту шутку устало, со слабым отголоском своего прежнего весёлого, мелодичного смеха, а потом отвернулся лицом к стене, и я вышел из комнаты, чтобы дать ему поспать.

ГЛАВА 75

В гостиную я нашёл миссис Эшли. Она была в слезах и ждала меня. Бедняжка потеряла надежду на выздоровление Лилиан, и её тревога передалась мне. Однако я скрыл то, что разделяю её страхи, успокоил и поддержал её, как только мог, и убедил её пойти отдохнуть. Прежде чем я успел пройти к себе в комнату, я встретил Фабера. Он заверил меня, что в физическом состоянии Лилиан, с тех пор, как он в последний раз меня видел, нет очевидной перемены к худшему, а её сознание на протяжении последних нескольких часов даже стало заметно более ясным. Он полагал, что в ближайшие сутки её рассудок сделает резкое, успешное усилие для окончательного восстановления. Но он не осмеливался надеяться, что это усилие не истощит ослабленные силы организма больной. Он сам так нуждался в отдыхе, что я перестал беспокоить его вопросами, на которые он не смог бы ответить, и страхами, которым нельзя было найти утешения. Прежде чем уйти к себе, я только коротко сказал Фабере, что в моей хижине лежит путешественник, сломленный болезнью, кажущейся мне если не смертельной, то настолько опасной, что я хотел бы узнать его мнение, если он согласится пройти вместе со мной к нему на следующее утро.

Мои же собственные мысли не оставляли мне возможности уснуть этой ночью.

Теперь из-за тяжёлого состояния Маргрейва мой прежний страх и отвращение к нему исчезли. Это существо, такое необыкновенное, что, кажется, только одно воображение и могло одарить его сверхъестественными чертами, сейчас, испытывая человеческие страдания, было вынуждено обратиться к человеческому расположению и сочувствию. Однако полное отсутствие у него совести сейчас было таким же явственным, как и раньше. С какой отвратительной прямоотой он рассказал о своём вероломстве и неблагодарности по отношению к человеку, которому, если верить его словам, он был стольким обязан, с каким безразличием к возмездию, которое у большинства людей пробудило бы раскаяние!

И какими мрачными намёками и признаниями он, несомненно, подтвердил невероятные мемуары сэра Филиппа Дервала! Он признался, что унёс от тела Гаруна медикамент, которому приписывает своё выздоровление в случае, более безнадёжном, чем нынешний! Он упомянул, кратко, вскользь, о неких знаниях, которыми он обладал и которые стояли «выше человеческого знания». И сейчас, даже сейчас,

этот человек, настоящая развалина по сравнению с прежними днями, какими странными чарами он продолжал контролировать и смущать мой ум? Какой же была его сила, если я обнаружил, что снова и снова повторяю одни и те же слова: «Что, если его надежда — не химера и Природа действительно скрывает тайну, которая способна помочь мне спасти жизнь моей любимой Лилиан?»

Снова и снова, едва эта мысль придавала мне сил, я поднимался и подкрадывался к двери, ведущей в комнату Лилиан, стараясь уловить слабый звук её дыхания. Всё без изменений, всё по-прежнему! В моей больной общепризнанная наука не находила признаков смертельной болезни и всё же не давала мне возможности, несмотря на всё мастерство, отклонить скрытое приближение к ней смерти. А в это время в моей хижине находился тот, в чьей смертельной болезни общепризнанная наука не могла бы сомневаться. И, тем не менее, он мирно спал, полный жизни! Общепризнанная наука? — общепризнанное невежество! Наука сегодняшнего дня есть невежество завтрашнего! Каждый год какая-нибудь смелая догадка зажигает свет над истиной, которую всего только год назад учёные не видели, словно кро-
ты.

«Что, если, — продолжали шептать мои губы, — что, если Природа действительно скрывает тайну, которая может сохранить жизнь моей любимой? Что нам известно о тайнах Природы? Что говорил сам Ньютон о собственном знании? *«Я подобен ребёнку, что собирает гальки и раковины на песке, в то время как могучий океан Истины простирается передо мной непознанным!»* И разве сам Ньютон с высоты своего непревзойдённого интеллекта подвергал веру алхимиков насмешкам? Разве он не посвящал свои дни и ночи одному из объектов их исследований, связанных с преобразованием металлов? Разве есть доказательство того, что он когда-либо утверждал, что исследование — всего лишь мечта? А ведь мы, не Ньютон, именно так считаем. [1] А другой великий мудрец, уступающий только Ньютону, Декарт, разве он не верил в ещё более смелую надежду алхимиков, в некую панацею, с помощью которой человек может достигнуть возраста богов?» [2]

В таких мыслях прошла ночь. Луна освещала мою комнату и обширное пространство за окном: луга и ручей, лес, вершины гор. А тишина не нарушалась ничем, ни дикими криками ночного ястреба, ни зловещим, погребальным шипением птицы, предвестника горя и смерти, которая издаёт свои отвратительные звуки только по ночам и неотступно вьётся у крыш домов, где есть больной или покойник. [3]

Как только взошло солнце и тьма ночи отступила, настало время для привычного оживления австралийского утра.

Я услышал шаги Фабера в комнате Лилиан, услышал через дверь её нежный голос, хотя и не мог разобрать слов. Вскоре я увидел чудесного врача стоящим на пороге моей комнаты. Он приложил палец к губам и дал мне знак следовать за ним. Я повиновался, ступая неслышно и затаив дыхание. Он провёл меня в сад под цветущие акации, взял за руку, и мы вышли на открытое пастбище.

— Соберись, — сказал он мне. — Я принёс тебе известие, радостное, но, вместе с тем, и тревожное. Память Лилиан восстанавливается: даже воспоминания, которые были стёрты болезнью, последовавшей за её возвращением в свой дом в Л****, возвращаются к ней, хотя пока не совсем отчётливые. Она жаждет тебя видеть, чтобы благословить за твою благородную преданность, за твою великодушную, большую любовь. Но я запрещаю всякие вопросы сейчас. Если в течение нескольких часов ей станет значительно лучше или наоборот, хуже, ты будешь к ней призван. Даже если ты приговорён понести утрату, единственным утешением в которой будет знание о вечной жизни, у тебя будет, по крайней мере, последняя возможность для земного общения, общения души с душой на земле. Крепись! Крепись! Ты мужчина! А ведь эти слова ты так часто говорил другим.

Я бросился на землю, корчащийся червяк, у которого нигде нет дома, только в земле! Неужели, человек! Человек! Всё, что я ощущал в тот момент, так это любовь и острая боль!

Но после припадка наступило странное спокойствие. Мысли, словно, остановились, подобно тому, как затихает вода между двух падающих потоков. Я поднялся в спокойствии, которое Фабер мог ошибочно принять за мужество.

— Хорошо, — тихо сказал я, — исполните своё обещание. Если Лилиан покинет меня, я, по крайней мере, снова увижу её. Вы говорите, нет преграды между нашими мыслями, мысль к мысли ещё раз, ещё раз!

— Ален, — ответил Фабер, тихо и печально, — почему ты избегаешь повторить мои слова — душа к душе?

— А, я понимаю. Эти слова означают, что вас оставила надежда на то, что жизнь Лилиан задержится здесь, когда она придёт в полное сознание. Я хорошо знаю эту последнюю вспышку света и темноту, которая поглотит её!

— Ты преувеличиваешь мои страхи. Меня не оставила надежда, что Лилиан переживёт эту борьбу,

в которой она сейчас находится. Но будет жестоким обманывать тебя — моя надежда слабее, чем раньше.

— А, я снова понимаю! Ваша наука бессильна, она надежды не даёт. Последнее, чему вы можете доверять, — это чудесные возможности Природы, жизнеспособность, хранимая юностью!

— Ты говорил, что возможности Природы поразительны. Жизнеспособность юности — источник, возникающий в скрытых глубинах, когда мы уже пересчитали последние песчинки в песочных часах.

— Пойдёмте со мной, пойдёмте. Я говорил вам о другом больном, который вон там. Мне нужно знать ваше мнение по его случаю. Но можете ли вы уделить ему несколько минут, уйдя от Лириан?

— Да, я оставил её, когда она спала. Что же это за случай, что смущает твой взор врача, который обыкновенно острее моего, несмотря на весь мой опыт?

— Больной молод, его организм поражает своей силой. Он прошёл через испытание и выжил, хотя оно было практически смертельным. Его укусила ядовитая змея, а потом он заболел чумой. Одно этого, я думаю, было бы достаточно, чтобы убить его. Но он, вдобавок, один из тех, кто испытывает большой страх перед смертью. И пока его сердце слабело, оно мучилось надеждой и страхом. Я подозреваю, что он умирает не от укуса змеи и не от напавшей на него заразы, а именно от надежды и страха, которые чрезмерно напрягают сердце. Судите сами.

Мы стояли у двери хижины. Я открыл её, и мы вошли. Маргрейв уже встал с кровати и медленно ходил взад и вперёд по комнате. Его шаги стали более уверенными, а вид — менее измождённым по сравнению со вчерашним вечером.

Он стал отвечать на вопросы Фабера со спокойным безразличием, и, очевидно, совершенно не заботился о том, какой вывод может сделать врач из его слов.

Когда Фабер узнал всё, что мог, то сказал с невесёлой улыбкой:

— Вижу, мой совет не будет иметь для вас особого значения. Заключение, к которым пришёл ваш хозяин и которыми он поделился со мной, насколько я могу судить, справедливы. Я не сомневаюсь, что сердце является немаловажной причиной ваших страданий. Но сердце — орган, способный многое вынести. Я знал людей, у которых оно было в большей степени затронуто болезнью, чем ваше, и, тем не менее, они продолжали жить долгие годы и, в конечном счете, умерли от каких-то других причин. Но их жизнь продолжалась, как и ваша должна продолжиться, при одном условии — отдых, покой. Я призываю вас воздерживаться от любых резких действий, избегать всяких волнений, способных вызвать беспокойство. Вы молоды, но, если вы будете жить дальше, вы должны будете жить, как старик. Более того, я обязан вас предостеречь, что ваше пребывание на земле ненадёжно: вы можете прожить ещё много лет, но в то же время можете быть призваны на небеса завтра же. Самый лучший способ принять ненадёжность со спокойствием как ваш единственный шанс на долголетие — так привести в порядок свои земные дела и так дисциплинировать свои человеческие переживания, чтобы всегда быть готовым покинуть этот мир без предупреждения. И последнее. Уезжайте отсюда как можно скорее: при нашем климате кровь в организме циркулирует слишком быстро, что совсем плохо для того, кто должен избегать всякого возбуждения. Подыщите место с более ровным климатом, выберите себе самые спокойные занятия, и вы переживёте Фенвика.

— Твоё мнение совпадает с тем, что я только что услышал? — спросил Маргрейв, обращаясь ко мне.

— Во многом, да.

— Это даже всё намного лучше того, что я мог ожидать. Я не намерен пренебрегать столь любезно высказанным советом. Позвольте мне, в свою очередь, задать вам два-три вопроса, доктор Фабер. Вы не пропишете мне никаких лекарств?

— Лекарства могут облегчить страдания, но не могут излечить саму болезнь.

— Вы считаете, что у Природы нет необходимых восстанавливающих средств, с помощью которых может вылечиться поражённый орган?

— Несколько исключительных примеров таких сил в Природе описано. Но мы должны руководствоваться общими законами, а не исключениями.

— Вам не известны примеры, — и разве сейчас не такой пример, — когда пациент, чья болезнь смущает доктора, грезит о лекарстве? Назовите это прихотью, если хотите, но разве вы не прислушиваетесь к прихоти и в отчаянии сделать собственное предписание не уступаете желаниям своего пациента?

Фабер изменился в лице и даже испугался. Маргрейв взглянул на него и расхохотался.

— Вы допускаете, что есть такие случаи, когда пациент даёт указания врачу. И сейчас в моём случае примените весь свой опыт. Представьте, что моё воображение поразила странная фантазия, мысль о

лекарстве для борьбы с болезнью, от которой у вас нет лекарств. И представьте, что это моё желание настолько сильно во мне, настолько живо, что откажи мне в его удовлетворении, и это будет означать появление тех самых эмоций, которые вы считаете смертельными для меня, — сильное волнение сердца из-за вспышки гнева и отчаяния. В таком случае, как мой доктор, вы бы уступили мне или отказали?

— И вы спрашиваете? Я бы сразу же уступил, если бы знал, что эта ваша прихоть не принесёт вам вреда.

— Добрый человек и мудрый доктор! У меня больше нет вопросов. Благодарю вас.

Фабер посмотрел сурово на молодое, бледное лицо, на котором играла улыбка триумфа и иронии, и повернулся к двери с выражением сомнения и беспокойства на своём благородном лице. Я молча последовал за ним, мы вышли из дома.

— Кто этот человек? — внезапно спросил меня Фабер.

— Кто он? Я не могу вам сказать.

Несколько мгновений Фабер оставался в раздумье, шепча медленно самому себе: «Тьфу! Всего лишь случайное совпадение, случайное упоминание факта, о котором ему ничего неизвестно!»

— Фабер, — спросил я также внезапно, — может ли так быть, что Лилиан — такая пациентка, чьи, выбранные ей самой, лекарства внушают вам доверие, гораздо большее, чем всё ваше мастерство врача?

— Не могу этого отрицать, — неохотно ответил он. — За последние несколько дней она, пробуждаясь ото сна, входила в транс, если можно его так назвать, и прописывала сама себе лекарства, которые нужно было принять. И каждый раз эти лекарства, хотя и совершенно не те, что могли бы прийти мне на ум, оказывались эффективными. Быстрое восстановление её памяти я приписываю лечению средствами, которые она назначила себе во время транса. Но, просыпаясь, Лилиан никогда не помнила о трансе и лекарствах. Я думал отложить упоминания об этих явлениях до тех пор, пока мы глубже не исследуем процесс, в результате которого мысли, полученные неявно, не на основе предвзятого опыта, могут иногда действовать подобно инстинкту самосохранения, как, например, у птицы, побуждая её съесть какую-либо траву или ягоду, чтобы исцелить или облегчить недуг. Мы знаем, как месмеристы объяснили бы этот феномен ясновидением. Но здесь нет месмеристов, если только не считать Лилиан. О месмеризме уже известно довольно давно, и в истории медицины засвидетельствованы случаи, когда пациенты, ставшие в тупик мастерство самых талантливых врачей, воображали себе лекарство, которое врачи посчитали бы совершенно бесполезным, и выздоравливали от него. И сам Гиппократ, если я правильно понимаю его слова, признаёт силу самолечения, назначаемого в трансе, *«когда, — говорит отец медицины, — физическое зрение нечувствительно к внешнему, и душа более способна постигать болезни тела»*¹⁴⁹. В общем, я признаю, что в этом случае мастерство врача находится в покорном подчинении у инстинкта больного. И мои надежды, которые я когда-то осмелился высказать тебе, были основаны на опыте, что собственные знания Лилиан, полученные ею в трансе, не окажутся ошибочными или преувеличенными. Травы, которые она описала и которые я собирал для неё вчера, — совсем не те, что мы обычно используем. Но поскольку они иногда применяются туземцами, у меня возникло любопытство исследовать их химический состав ещё тогда, когда я только приехал в эту страну. Эти травы показались мне похожими на цветки липы. Они редко встречаются в этой части Австралии, но Лилиан рассказала мне, где их найти, указав отдалённое место, в котором она прежде никогда не была. Прошлой ночью ты видел меня обеспокоенным и удручённым из-за того, что впервые послушание, с которым до сих пор она принимала лекарства, назначенные ей самой себе в состоянии транса, изменило ей. Она отказывалась принимать отвар из трав. И если ты этим утром обнаружил, что надежда моя ослабла, то в этом настоящая причина. В том, что когда я навестил Лилиан на рассвете, она не спала, а находилась в трансе, и в этом трансе она сказала мне, что больше ничего не предложит, что окончательное выздоровление было совсем близко, но сейчас из ряда вон выходящие способности покинули её. «Что касается моей жизни, — произнесла она тихо, как бы не сознавая, *что* есть радость, *что* горе, — что касается моей жизни, то твоя помощь сейчас напрасна. Моё зрение потускнело, на мою жизнь надвигается тёмная и холодная тень. Я не могу предвидеть, исчезнет ли она. Когда я стараюсь оглядеться вокруг, я вижу только моего Алена...»

— И теперь, — спросил я, овладевая своими эмоциями, — давая мне надежду, вы не полагаетесь больше на свою науку, а только на шёпот Природы в голове своего пациента?

— Это так.

Мы оба молчали какое-то время, и когда фигура Фабера скрылась в моём доме, я прошептал:

— И когда она пытается заглянуть за тень, она видит только меня! Есть ли некое пророчество, внушающее мне не презирать тайну, которую Природа — как уверяет меня Маргрейв, так внезапно по-

¹⁴⁹ Известны слова Гиппократа: «Лечит болезни врач, но излечивает природа» [56, стр. 162].

явившийся здесь на моём пути — открывает иногда своему искателю? О! Этот мрачный бродяга... есть ли в Природе чудо, более сверхъестественное, чем он сам?

[1] *«Помимо трёх обширных областей, представляющих значительную часть трудов Ньютона, — дифференциальное исчисление, физическая астрономия и оптика, — очень большую часть времени в его университетские годы занимали исследования, о которых едва ли что-либо известно. Алхимия, которая привлекла к себе многие пытливые и честолобивые умы, казалось, притягивала Ньютона с непреодолимой силой. Какие теории он вывел, какие эксперименты провёл в той лаборатории, где, как говорят, неделями не угасал огонь, мы никогда не узнаем. Несомненно, его труды не увенчались успехом. А Ньютон, в отличие от Кеплера, не был таким человеком, чтобы делиться с миром всеми надеждами и разочарованиями, всеми замыслами и тайнами воображения, которые переплетались с его занятием философией... Много лет спустя мы обнаруживаем переписку Ньютона с Локком, где упоминается мистическая красная почва, с помощью которой Бойль, на тот момент недавно скончавшийся, мог, по его же собственным словам, осуществить грандиозное желаемое действие по получению золота. К тому времени вера Ньютона была существенно подорвана неутешительными отзывами о рецепте золота, полученными им от того же Бойля. Но, несмотря на это, Ньютон не отвергал мысль продолжить эксперимент, как только настанет подходящая погода для опытов».*

Quarterly Review, № 220, стр. 125, 126.

[2] *Southey* в работе “*Doctor*”, том VI, стр. 2, приводит беседу человека по имени *Kenelm Digby* с Декартом, в которой великий математик сказал, что если речь идёт о вопросе бессмертия, то он не возьмётся ничего обещать, но он просто уверен, что можно продлевать жизнь, приближаясь к возрасту богов. И *Southey* добавляет, что *«святой Evremond, которому Digby передал эти слова, ответил, что эта мысль Декарта была хорошо знакома как его друзьям в Голландии, так и во Франции»*. Из слов *Southey* ясно, что он не был знаком с работами Декарта или его биографией, а уважение к мысли Декарта он испытывал, главным образом, потому, что её высказал именно Декарт. Вероятно, не было никого, кто бы так же, как *Southey*, ценил необыкновенно открытую натуру знаменитого француза и искренность, с которой тот лелеял в своём сердце любую доктрину, родившуюся у него в голове. Декарт со своими обширными познаниями в анатомии имел ту страсть к медицине, которая практически неотделима от занятия физической философией. В Германии в возрасте двадцати четырёх лет он добился возможности получить посвящение в братство розенкрейцеров. *«Он желал, — пишет Виктор Кузен, — обеспечить человеку здоровье, сократить его болезни, продлить его существование. Его ужасало быстрое, скоротечное пребывание человека на земле. Он верил, что продлить жизнь возможно»*. Средства, предложенные Декартом для осуществления этой мысли, были не менее превосходны, чем сама мысль. В своём «Рассуждении о Методе» (“*Discourse on Method*”) Декарт пишет: *«Если возможно обнаружить средства сделать людей более мудрыми и способными, чем они есть сейчас, то я верю, эти средства должны быть найдены в медицине... Я уверен, что нет никого, даже среди тех, кто занимается медициной, кто бы не признал, что всё, что ему известно, — ничто по сравнению с тем, что предстоит изучить, и что можно освободиться от бесконечных болезней ума и тела, и даже, вероятно, от дряхлой старости, если знать достаточно о вызывающих их причинах и лекарствах, припасённых самой Природой. Поэтому, имея желание посвятить всю свою жизнь столь необходимым исследованиям в науке, и постепенно открывая путь, который представляется мне безошибочным, в конце концов, открыть его, если не помешает преждевременная смерть или недостаток опыта, я считаю, что нет лучшего лекарства от этих двух помех, чем открытое общение с людьми»* (“*Discours de la Methode*”, том I. *OEuvres de Descartes, Cousin's Edition*). И снова в «Письмах» (“*Correspondence*”) (том IX, стр. 341) он пишет: *«Сохранение здоровья всегда было основным предметом моих исследований, и я не сомневаюсь, что существуют способы получения многих знаний из области медицины, которые в настоящее время не используются»*. А затем он ссылается на свои рассуждения, изложенные в Трактате о животном мире, как на подход, приближение к этому знанию. Но никакие из тех тайн, что задумал обнаружить Декарт, не стали известны общественности, несмотря на его обещание. И в письме к некоему *M. Chanut*, написанному в 1646 году (за четыре года до смерти), он пишет простодушно: *«Скажу вам по секрету, что тайна, которую я пытался открыть в физической философии, значительно помогла мне в нахождении некоторых истин в философии нравственной. И ими я удовлетворён намного больше, чем многими другими, связанными с медициной, которой я, тем не менее, посвятил уйму времени. Итак, — добавляет выдающийся мыслитель с трогательным благородством, — итак, вместо того,*

чтобы найти способ, как сохранить жизнь, я обнаружил другую ценность, более простую и надёжную, а именно — не бояться смерти».

[3] *Chrysococcyx lucidus* — птица, обычно называемая бронзовой кукушкой. «Её шипение слышится по ночам и очень досаждаёт любому, желающему уснуть, будь то больной человек или человек с чувствительной нервной системой. Мне известно много случаев, когда эта птица усаживалась на дерево вблизи комнаты страдальца, произносящего свою последнюю волю». Dr. Bennett: *Gatherings of a Naturalist in Australasia*.

ГЛАВА 76

Я блуждал по лесу до полудня, споря с самим собой и пытаясь унять свои страшные сомнения, прежде чем оказался готов снова встретиться с Маргрейвом с глазу на глаз.

Наконец, я вошёл в хижину. К моему удивлению, Маргрейва не было в комнате, где я его оставил. И в смежной с ней комнате его тоже не оказалось. Я взобрался на чердак. Там я привык заниматься наукой, но не поднимался туда с тех пор, как тревога за Лилиан заставила меня отложить свои труды. Там я увидел Маргрейва мирно сидящим над рукописью моей Амбициозной Работы, лежавшей на столе и раскрытой на середине заключительной части, так, как я её оставил в последний раз.

— Я обнаружил твою старую работу, как видишь, — сказал он с улыбкой, — и случайно наткнулся на утверждение, которое могу понять безо всяких усилий. Но к чему так расточать аргументы, чтобы доказать столь простой факт? В человеке, так же, как и в животном, жизнь, однажды закончившись, заканчивается навсегда. Вот почему жизнь так ценна для человека.

Я взял из рук Маргрейва рукопись и в гневе отшвырнул её в сторону. Его одобрение, в большей степени, чем все упреки Фабера, вызвало во мне отвращение к собственным теориям.

— Сейчас, — сказал я строго, — пришло время для обещанного тобой объяснения. Прежде чем я смогу помочь тебе в каком-либо эксперименте, призванном продлить твою жизнь, я должен знать, как долго эта жизнь будет оказывать губительное, разрушающее влияние?

— У меня имеются смутные воспоминания о спасении твоей жизни в минуту нависшей над тобой опасности, и, если благодарность — присущее человеку качество, я мог бы требовать твою помощь, чтобы спасти свою взамен. Скажи, что ты хочешь. Ты должен узнать многое обо мне, чтобы понять, что я не оказываю на других никакого воздействия, ни доброго, ни злого. Я отношусь к добру и злу с таким равнодушием, что и не знаю, порочный ли я или добродетельный. Не знаю, смогу ли объяснить тебе то, что, очевидно, заводит тебя в тупик, но, если не смогу этого сделать, у меня нет намерения тебе врать. Говори — я слушаю! У нас с тобой впереди ещё полно времени.

Говоря так, он откинулся на спинку стула, раскидав устало руки и ноги. Всё находившееся вокруг этого избалованного любимца Природы было научными приспособлениями и приборами: книги, телескопы и тигли. Дневной свет проникал сюда через маленькое круглое отверстие в оконном переплёте, которое я смастерил для исследования призматических лучей.

Я пишу, и его образ стоит в моей памяти, такой же видимый, как тогда: прекрасный даже в болезни, ужасающий даже в своей слабости, таинственный, как сама Природа, которую мы пытаемся постичь своим знанием.

Но в ту минуту никакие подобные тонкие размышления не отклоняли мой пытливый ум от намеченной цели — узнать, что это за существо, хвастающее знанием тайны, которым можно спасти жизнь той, кто была для меня всем на этой земле.

Я быстро собрал все факты воедино и кратко пересказал ему всё, что знал наверняка, и то, о чём я только догадывался, связанное с его жизнью и способностями. Я начал с того, что видел в месте, похожем на Голгофу, некое странное существо¹⁵⁰. Я продолжал: убийство Дервала; исчезновение содержимого шкапулки; призрак, явившийся безумному убийце и подтолкнувший его к ужасному поступку; светящаяся, неотступная тень; рукопись мертвеца, его уверенное высказывание о тождественности Маргрейва и Луиса Грейла и обвинение последнего в убийстве Гаруна; ночь в имени Дервала и залитая лунным светом беседка; губительное воздействие на Лилиан; борьба между мной и Маргрейвом в доме на побережье — в общем, всё то, о чём написано в «Странной истории».

¹⁵⁰ Вероятно, здесь Фенвик вспоминает свой разговор с сэром Филиппом Дервалом под аркой, у Врат Монаха, во время дождя. Позже, выходя из арки, Фенвик заметил какое-то существо, которое можно было принять за животное.

Я говорил, разгораясь всё больше и больше, в порыве большой радости, сознавая, что таким образом я могу освободить своё сердце от давящих его мучительных сомнений, ведь сейчас я находился лицом к лицу с существом, которое приводило меня в замешательство и делало мою жизнь невыносимой. Что бы ни говорило мне моё воображение, сейчас я не испытывал страха, с которым в отсутствие Маргрейва я пытался объяснить его существование самыми обыкновенными причинами. Я высказывал чётко, прямо свои догадки и впечатления, в которых я не смел никогда признаться самому себе без того, чтобы не искать им тотчас же объяснения. А в завершение я сказал следующее:

— Таковы доказательства, которые, как мне кажется, извиняют моё отвращение к жизни, которую ты хочешь продлить с моей помощью. Твой собственный рассказ прошлой ночью только подтверждает их. И почему ко мне, ко мне ты явился с нелепыми мольбами продлить жизнь, которая губит мою собственную? Как ты узнал, где я нашёл убежище, что оказалось теперь бесполезным? Из твоего разговора с Фабером обнаружилось, что тебе известно, что вон в том доме, который заволокла печаль, в котором сдерживается стон, где люди ходят, как призраки, между жизнью и смертью находится та, что для меня есть единственный свет в этом мире. Как ты узнал об этом? Ах! Хотя... Мой страх за неё говорит тебе, как превратить моё отвращение в покорность, как воспользоваться мной в своих целях?

Всё время Маргрейв слушал меня с сосредоточенным вниманием, иногда — с нескрываемым изумлением, иногда — с возгласами удивления, но никогда отрицания. И когда я закончил, он молчал некоторое время. Очевидно, чувства его притупились. Он неоднократно провёл рукой по лбу — жест, такой характерный для него в прежние дни.

Наконец, он тихо ответил, ничем не проявляя ни своей обиды, ни своего унижения:

— Во многом, что ты мне рассказал, я узнаю себя. Во многом я теряюсь в изумлении, как ты в своих бурных сомнениях или сильном гневе. О воздействии, оказанном на меня, как ты говоришь, Филиппом Дервалом, я ничего не помню. О нём самом я помню только то, что он был моим врагом и приехал в Англию с целью сократить мою жизнь и лишить её удовольствий. Все мои способности вели к самосохранению. Тогда они сошлись в одной точке, как лучи в фокусе. И в этом фокусе они усилились, они горели. Я хотел уничтожить своего губителя. Подействовала ли моя воля на посредника? Похоже на то. Пусть будет так. Ты обвинил бы меня в убийстве тигра или змеи, но не голыми руками, а оружием в руках? Но что могли сделать тигр или змея более ужасного для меня, чем человек, задумавший лишить меня жизни? Он воспользовался своими способностями для нападения, а я своими — для самообороны. Он был для меня как тигр, подкрадывающийся в джунглях, или как змея, разматывающая свои кольца для прыжка. Смерть всем, чья жизнь угрожает моей, будь то змея, или тигр, или человек! Дервал погиб. Да! Место, где маньяк спрятал шкатулку, стало мне известно. Не имеет значения, каким образом. А содержимое шкатулки перешло ко мне в руки. Я жаждал обладать им, потому что верил, что Дервал узнал от Гаруна из Алеппо секрет приготовления эликсира жизни, и полагал, что какие-нибудь запасы этого вещества будут найдены в шкатулке. Я обманулся: ни капли! То, что я нашёл в ней, я не знал, как применить и не хотел знать. Того, что я искал, в ней не было. Ты видел мою светящуюся тень, она преследовала тебя, говорила с тобой. Об этом я ничего не знаю. Была ли она порождена усилием моей воли или твоим собственным воображением, на которое моя воля оказала воздействие и подчинила себе? Не знаю. В то время как моя тень, реальная или вымышленная, была с тобой, все мои чувства были погружены в сон. Однако это правда, что я страстно желал узнать у существ, всегда находящихся рядом с человеком, но скрытых от его обычного зрения, тайну, которую, я верил, Филипп Дервал унёс с собой в могилу. Но по той или иной причине сейчас я не могу самостоятельно, как когда-то много лет назад, подчинить их себе, а должен воздействовать с помощью сознания другого человека. Это правда, что на тебя, бодрствующего, я пытался оказать воздействие с помощью жезла. И, правда то, что в состоянии транса или лунатизма ты становился невольным посредником моей воли. Я не добился желаемого результата. Тогда все мои надежды отвернулись от тебя, скучного поборника науки, и обратились в сторону девушки, попавшей ко мне в рабскую зависимость, любившей тебя и пребывающей мечтами в сферах, куда твоя наука никогда не проникнет. Её воображение было очень сильно, и скажи мне, разумный мыслитель, мог ли когда-либо рассудок продвинуться хотя бы на один шаг в знании каким-либо другим образом, а не с помощью способности к воображению. Обдумай это, и все чудеса, сбивающие тебя с толку, перестанут быть для тебя таковыми. Я подхожу к загадке, что мучит тебя больше всего. По мнению Филиппа Дервала, я, на самом деле, Луис Грейл, возвращённый к юности с помощью эликсира, в то время как немощный, дряхлый, убитый Гарун имел телосложение, подобное твоему! Принимая это утверждение, ты думаешь, что распутываешь тайны, которые приписываешь моей жизни и моей силе. О мудрый философ! О глубокий мыслитель! Ты принимаешь это утверждение, хотя считаешь, что история Дервала — химера! Я Луис Грейл, вернувший молодость с помощью эликсира, хотя сам эликсир —

выдумка!

Он остановился и засмеялся, но его смех не был больше отголоском его прежней радости и веселья. Это был зловещий, ужасающий смех, угрожающий и злобный.

Снова он провёл рукой по лбу и продолжил:

— Разве не проще такому учёному мудрецу, как ты, поверить, что парижские бездельники нашли верное решение проблемы, нашли объяснение моему существованию на земле? Разве я не могу быть сыном Луиса Грейла? И когда Гарун отказал ему в эликсире или когда он обнаружил, что тело его слишком изношено, что даже эликсиру не под силу восстановить действие органов в его старом теле, разве он не мог прибегнуть к обычной иллюзии отцов и утешить себя на смертном одре мыслью, что он снова будет жить на земле, теперь в своём сыне? Гаруна нашли мёртвым на ковре, если верить слухам, задушенным. Что служит доказательством истинности этих слухов? Разве он не мог скончаться от приступа? Уменьшится ли твоё замешательство, если я поделюсь своими воспоминаниями? Они туманны и часто приводят в замешательство меня самого. Но я далёк от мысли обмануть тебя, я хочу рассказать их настолько правдиво, чтобы ты помог мне привести их в более определённый вид.

Его лицо сейчас выражало озабоченность, в голосе сквозила нерешительность — лицо и голос человека, вслепую пробирающегося через паутину лжи или мрачных воспоминаний.

— Этот Луис Грейл! Луис Грейл! Я хорошо его помню, как какой-то кошмар. Всякий раз, когда я оглядываюсь назад, перед воспоминанием о болезни, о которой я сейчас расскажу, встаёт образ Луиса Грейла. Я вижу себя на просторах Африки рядом с ним, повелевающим свирепыми эфиопами. Я вижу себя с ним в чудесных персидских долинах — высокие, покрытые снегом горные вершины окружают цветники с розами. Я вижу себя с ним в полуденной тиши, лежащим вблизи водяных струй прохладных фонтанов, слушающим звуки цимбалы или лютни, или спорящим с убелёнными сединами мудрецами о завещанных человечеству тайнах. С ним, с ним в лунные ночи, крадущимся в гробницы мифических королей. Я вижу себя с ним в туннелях тёмных пещер, в окружении ужасающих фигур, непохожих ни на одно из живущих на земле существ. Луис Грейл! Луис Грейл! Все мои ранние воспоминания возвращаются к Луису Грейлу! Всем своим мастерством и силой, всем, что я узнал о языках, на которых говорят в Европе, всем наукам, которые изучают там, всем я обязан Луису Грейлу. Но можно ли считать, что я это он? Нет, я всего лишь бледное отражение его огромного интеллекта. И у меня не бывает таких приступов печали, как у него. Луис Грейл! Он стоит отдельно от меня, как скала от дерева, растущего из её расщелины. Да, слухи не врут. Я, должно быть, его сын.

Он закрыл лицо руками, раскачиваясь взад и вперёд. Наконец, вздохнув, он продолжил:

— Я помню также длительную гнетущую болезнь, сопровождавшуюся мучительными болями; изматывающее путешествие на носилках, нежную руку женщины по имени Аиша, такой печальной и такой величавой, поправляющей мою подушку или обмахивающей меня веером. Я помню вечер, когда моя няня отодвинула носилки в сторону и сказала: «Смотри: Алеппо! А над его стенами светит звезда, возвещающая о твоём рождении!»

Я помню лицо, невыразимо торжественное и скорбное. Я почувствовал, как стынет кровь в моих венах под спокойным, зловещим взглядом. Это было лицо Гаруна, мудреца из Алеппо. Я помню хрустальный сосуд в его руке и благословенное облегчение от болей, которое мне принесла капля вещества из этого сосуда! А потом... потом я ничего не помню до той самой ночи, когда Аиша подошла к моему ложу и сказала: «Вставай».

И, опираясь на неё, я поднялся. Мы прошли по тёмным узким улочкам, слабо освещённым бледными звёздами, невольно донимая бродячих собак, которые начинали идти крадучись под взглядом этой женщины. Мы приблизились к небольшому низкому дому, стоявшему в уединении, и моя няня сказала: «Подожди».

Она открыла дверь и вошла внутрь. Я сел на пороге. Через некоторое время она вернулась и провела меня, всё ещё опиравшегося на неё, в свою комнату.

Человек, как будто спящий, лежал на ковре, а рядом с ним стоял другой, в ком я признал слугу Аиши, индийца. «Гарун мёртв, — сказала Аиша. — Отыщи то, что подарит тебе новую жизнь. Ты видел это и поэтому узнаешь, не я».

Я провёл рукой по груди Гаруна, он действительно был мёртв, и обнаружил хрустальный сосуд.

Я взял его, но нахмуренный мраморный лоб Гаруна так напугал меня, что я пошатнулся и упал в обморок.

Я пришёл в себя, совершенно здоровый и радостный, за многие мили от города, утренние лучи солнца золотили его далёкие стены. Аиша была рядом со мной. Эликсир почти полностью восстановил меня.

Моей первой мыслью, когда сознание вернулось ко мне, была мысль о Луисе Грейле. Он тоже побывал в Алеппо, и я был всего лишь одним из его многочисленной свиты. Он также был ослаблен и страдал. Он тоже прибыл в Алеппо за мастерством Гаруна, как и я. И эта женщина любила его и заботилась о нём так же, как и обо мне. И она сказала мне, что он мёртв, и запретила мне отныне произносить его имя.

Мы продолжили путешествие, я, она и её слуга-индеец. Мои силы продолжали восстанавливаться от чудодейственного эликсира. Мне больше не нужна была поддержка женщины. Какая газель, скитающаяся по своим пастбищам, могла теперь сравниться в грациозности прыжков со мной?

Мы прибыли в какой-то другой город, и моя няня положила передо мной зеркало. Я себя не узнал. Мы находились в этом городе до тех пор, пока я не получил письмо. В нём говорилось, что я отпрыск некоего человека, который недавно умер и оставил мне целое состояние. Неужели не ясно, что моим отцом был Луис Грейл?

— Если так, то эта женщина, Аиша, приходится тебе матерью?

— В письме также говорилось, что моя мать умерла, когда я был ещё совсем ребёнком. Тем не менее, забота, с которой относилась ко мне Аиша, вызвала у меня подозрение, и я задал ей тот же самый вопрос. Она заплакала, когда я спросил её, и ответила, что она мне только няня и теперь я больше не нуждаюсь в ней. На следующий день я получил письмо, в котором сообщалось о наследстве, позволявшем мне соперничать с дворянами Европы. Женщина покинула меня, она вернулась в своё племя.

— И ты никогда не видел её больше?

Маргрейв колебался мгновение, но потом всё же ответил, хотя и с видимой неохотой:

— Нет, я видел её в Дамаске. Однажды утром, несколько дней после того, как меня привезли туда путешественники, нашедшие полумёртвым на дороге, я проснулся и увидел её рядом с собой. И она сказала: «В радости и здоровье ты не нуждался во мне. Но нуждаешься сейчас».

— И неужели потом ты лишил себя такого преданного тебе человека? Ты не мог совершить столь долгого путешествия из Египта в Австралию в одиночестве, ты, чьё богатство не позволяет тебе терпеть лишения.

— Женщина прибыла со мной, и ещё несколько слуг. Я нанял для нас корабль, и мы приплыли на нём.

— И где ты их всех оставил?

— Сейчас, — ответил Маргрейв, — они рядом, и я могу их позвать. Когда мы с тобой сделаем открытие, результатами которого поделимся друг с другом, я не потребую больше твоей помощи. Всё, что достанется мне, я доверю своей няне и её смуглым слугам. Ты поможешь мне сейчас, само собой разумеется. Врач, чей совет ты спрашивал, сказал, что нужно повиноваться моей прихоти. Ты тоже можешь назвать её так, если пожелаешь. Ты подчинишься ей, поскольку в ней заключена твоя единственная надежда на счастье. Ты можешь любить, а я не люблю ничего, только жизнь. Так разрешил ли мой честный рассказ все сомнения, стоявшие между нами?

— Разрешил все сомнения! Твоя нелепая история сделала некоторые из них ещё более мрачными, а некоторые не затронула и вовсе: твои оккультные способности, которыми ты хвалишься, часть из которых я засвидетельствовал, твоё проницательное проникновение в мои семейные печали, в мою веру в историю, столь отвратительную для ума, ...

— Прости мне, — прервал меня Маргрейв с полуулыбкой, полунасмешкой, слегка искривившей его губы, — если, описывая себя, я опустил то, что не могу объяснить и чего ты не можешь постичь. Позволь мне сначала спросить, как много самых обыкновенных поступков, совершаемых самыми обыкновенными людьми, являются совершенно неосознанными и почти всегда необъяснимыми. Когда, например, ты открываешь рот и произносишь предложение, у тебя нет заранее ни малейшего представления о том, какое слово последует за другим. Когда ты двигаешь мускулами, можешь ли ты передать мысль, побуждающую тебя к движению? И если невозможно, таким образом, проследить за связью собственного импульса и действия, ты думаешь, что существует такой человек на земле, кто может читать загадки в сердце и мыслях другого человека? И разве не правда, что ни одна капля воды, ни один атом материи в действительности не касается другой капли воды, другого атома? Между ними всегда существует пространство, хотя и бесконечно малое. Как сможет тогда существовать мир, если человек будет просить другого рассказать всю историю своей жизни, сделав её ясной и прозрачной, как дневной свет, прежде чем решит купить у него что-нибудь или продать ему что-то? Взаимодействие или союз могут быть основаны только на одном — на взаимной выгоде. И у нас с тобой уже есть такой интерес, и всё другое, что ты спрашиваешь сверх того, — излишне. Даже если бы я мог унять все твои сомнения, был ли бы ты доволен моим ответом или нет, твой рассудок возвратился бы к исходной, отправной точке, а

именно — есть ли у нас с тобой общий интерес?

И снова Маргрейв невесело засмеялся. Смех и предшествовавшие ему слова не были словами и смехом молодого Маргрейва. Могло ли быть возможным, чтобы Луис Грейл действительно воскрес к лживой юности в Маргрейве, так можно было понять его смех и его слова. Весь ум Маргрейва, казалось, претерпел изменение с тех пор, как я видел его последний раз: более свободный в мыслях, более хитрый даже в своей прямоте, более сильный, более сосредоточенный. Как мы наблюдаем на своём обычном опыте, всякая слабость, угрожающая смертью, выдвигает на передний план, делая более яркими, воспоминания ранних лет, когда впечатления от них были особенно живы. Таким образом, я могу думать, что поскольку Маргрейв был близок к могиле, к нему вернулись воспоминания о прежней жизни, в существе более одарённом, обладающем более зловещей силой. И сознание, жившее в Луисе Грейле, говорило сейчас в умирающем Маргрейве.

— О силах и способностях, которыми я наделён или в которых мне отказали, тех, что сбивают тебя с толку, — заключил мой ужасающий гость, — я скажу только одно. Они исходят из способностей, хранящихся внутри меня и, несомненно, приводящих к самосохранению. Эти способности в большей или меньшей степени, возможно, (как утверждает ван Гельмонт) даны всем людям, хотя у большинства они находятся в дремлющем состоянии. Они настолько живы и активны во мне потому, что во мне самосохранение является сильнейшей страстью или инстинктом. И ещё потому, что меня научили, как использовать и направлять эти способности, мои учителя — Луис Грейл, заклинатель, и моя няня, поющая песни-заклинания. Но во многом мне известно не больше, чем тебе. С меня довольно и того, что я внушаю то, что желаю, и спокойно погружаюсь в сон, уверенный в том, что моя воля сработает, как надо. Но когда захочу, я могу видеть, не прибегая к помощи твоих жалких телескопов, любые объекты, на каком бы расстоянии они ни находились. Что в этом удивительного? Разве ты не изучал мудрёные работы метафизиков, в которых говорится, что пространство есть всего лишь идея, что всё видимое мироздание — только идея в сознании и ничего больше? Почему же тогда я — загадка, такая же мрачная, как сивилла, а твои метафизики — ясны, как букварь? — Снова раздался его язвительный смех. — Довольно: оставь всё, что я сказал неясного, или о чём не сказал вовсе, своим догадкам. Мы подошли к тому звену, что объединяет человека с человеком, что позволяет государствам подниматься из пустыни. Давай враги обнимутся, как братья. Ты нужен мне, а я тебе. Без твоей помощи моя жизнь оборвётся, без моей тайны дыхание твоей Лилиан слетит с её губ прежде, чем солнце позолотит вершины гор.

— Злодей или шарлатан, — вскричал я в гневе, — ты не поработишь и не очаруешь меня этой мистической тарабарщиной. Делай над собой свой фантастический эксперимент, если хочешь, доверься своему мастерству и силам. Жизнь моей Лилиан не будет зависеть от твоего указа. Я верю в ...

— Во что, в мастерство человека? Послушай, что скажет тебе твой мудрец, но потом я снова потребую твоей помощи. Ты полагаешься на милосердие Бога? Да, конечно, ты веришь в Бога? Кто ещё, как не философ, может рассуждать о далёком Создателе? Но что Создатель изменит Свои планы, чтобы услышать тебя; что, независимо от того, полагаешься ли ты на Него или на своего доктора, Он изменит то, что должно быть, в это ты веришь, Ален Фенвик?

И это говорил тот, кто мог читать в сердцах людей! Юноша с виду, насмехающийся надо мной и седовласыми старцами, посвятившими себя науке.

Я не мог больше его слушать, открыл дверь и сбежал вниз по лестнице, но за это время успел услышать тихую песню, похожую на ту, которой заклинатели змей заставляют этих пресмыкающихся выползать из своих нор.

ГЛАВА 77

Для тех из моих читателей, кто готов вместе с Юлием Фабером искать простое объяснение всем невероятным вещам, о которых я повествую, признание Маргрейва может объяснить гораздо больше, чем мои размышления. Для них очевидно, что Маргрейв — сын Луиса Грейла. Эликсир жизни сводится к некоему простому укрепляющему средству, а его действие в большей степени связано с доверчивостью пациента, молодость которого может быть быстро восстановлена с помощью эликсира или без него. Для них искусство Маргрейва очаровывать всех сводится к тем особенностям его темперамента, на которых последователи Месмера строят свои теории, во многом преувеличенные, по моему мнению. Вдобавок, использование естественной, чисто физической магии, такой, к какой прибегали в древности священники, презирается современными мыслителями и считается оккультной, поскольку Наука не восхищается больше светом фонарей, рождающим призрачные фантомы. Для них, возможно, Маргрейв — энтузиаст, и, возможно, ещё и самозванец. Человек, привлекающий своей болтовнёй простофиль.

Существовал ли когда-нибудь искусный обманщик, который не затемнил ложью своё собственное понимание? Он родился на сказочной земле Востока и что с того, что он верит в его легенды, в жезл, эликсир или колдунов? Эта вера делает его достаточно искусным, чтобы уметь воспользоваться скрытой, но в то же время детской доверчивостью других. Во всех упоминаниях о суеверии профессиональные провидцы всегда находятся среди самых проницательных наблюдателей. Маргрейву, чтобы узнать о моём жилище, моих тревогах и самых сокровенных мыслях, несомненно, не потребовались сверхъестественные способности. В общем, Маргрейв, хотя и необыкновенный, мало чем отличается от тех загадок, что таятся в каждом переулке, где встречаются предсказатели судьбы, просто верящие в звёзды или карты и обманывающие своих жертв; твёрдый в своём убеждении, что он действительно провидец, читающий во взглядах своих слушателей, угадывающий мысли, которые сам же внушил им.

Я оставляю это объяснение неопровержимым. Оно наиболее вероятно и, очевидно, именно то, которое я бы принял в каком-нибудь другом случае, а не в своём собственном. К нему я периодически возвращался, а потом переставал о нём думать. Всякий раз, когда мы встречаемся с вещами, стоящими выше нашего понимания, и заходим в тупик, мы восстаём против Возможного, как против ощущений тех людей, кто не испытал то же, что и мы. И те же самые явления Чудесного, которые вывели нашу философию из инертного неведения к знанию, сейчас направляют нас в страну теней и, в конце концов, бросают нас в лабиринте, в котором сознаёшь, как мало знание и велико невежество.

Если оставить в стороне все причины для сомнений в том, что Маргрейв — сын Луиса Грейла, причины, которые можно найти в его собственном повествовании, разве не странно то, что сэр Филипп Дервал, проводивший тщательное расследование и правдиво описавший его в своей рукописи, не заметил, что юноша, за которым ухаживала в его болезни та же самая женщина, что и за Грейлом, исчез из города в ту же самую ночь, что и сам Грейл? Напротив, Дервал достоверно рассказывает, как и Маргрейв, о бегстве Аиши и её слуги-индийца, но не говорит ни о бегстве, ни о самом существовании юноши, кто, должно быть, имел немаловажное значение для Луиса Грейла, если он на самом деле был сыном, которого Грейл сделал своим постоянным спутником, а затем и наследником. Но я не долго отдавался витанию в облаках воспоминаний, сквозь которые не пробивался ни один луч света. Одна мысль преобладала над всем. Маргрейв угрожал мне смертью Лилиан и предостерегал от того, что я могу узнать от Фабера, «мудреца». Я стоял, содрогаясь, у двери своего дома, не решаясь войти.

— Ален, — послышался голос, в котором моё ухо различило такое нежеланное дрожание и неуверенность, — крепись, успокойся. Я держу своё обещание. Настал час, когда ты можешь снова увидеть Лилиан, мысль к мысли, душа к душе.

Фабер взял меня за руку и провёл в дом.

— Тогда вы очень опасались, что этот разговор будет слишком тяжёл для неё, — ответил я шёпотом.

— Не могу сказать, но она настаивает на разговоре, и я не осмеливаюсь отказать ей в нём.

ГЛАВА 78

Я оставил Фабера на лестнице и помедлил перед дверью в комнату Лилиан. Внезапно дверь бесшумно открылась, и из комнаты вышла миссис Эшли, закрывавшая одной рукой лицо, а другой державшаяся за Эми, которая вела её, как ребёнка — слепого. Я коснулся её, и она посмотрела на меня горьким, отсутствующим взглядом. Она не плакала, как она плакала по обыкновению при каждом большом и малом горе. Плакала Эми. Ни слова не было произнесено между нами. Я вошёл в комнату и закрыл за собой дверь. Неосознанно мой взгляд обратился в угол, где стояла маленькая девичья кровать с занавесками, белыми, как саван. Лилиан там не было. Я огляделся и увидел её полулежавшей на кушетке около окна. Она была одета, причём с тщательностью. И разве на ней было не свадебное платье?

— Ален! Ален! — прошептала она. — Снова, снова мой Ален... снова, снова твоя Лилиан! — И, тщетно пытаясь подняться, она протянула ко мне руки в выражении возрождённой любви. А когда я опустился рядом с ней на колени, эти руки обвили меня, впервые за всё время подарив мне искреннее, целомудренное, нежное объятие жены.

— Ах! — говорила она своим тихим голосом. — Всё вернулось ко мне, всё, чем я обязана твоей любви, охраняющей, благородной!

— Тише! Тише! Благодарю тебя. Как сладко любить, верить, хранить! Моя родная, моя прекрасная, моя прекрасная! Страдание не погасило свет твоих чудесных глаз! Я наклонюсь к твоим губам, а ты прошепчи только одно: «Я люблю тебя и ради тебя хочу жить».

— Ради тебя я молю, всеми силами своего слабого человеческого сердца, молю о жизни! Слушай.

Когда-нибудь позднее, если небеса пощадят меня, под пурпурными цветами вон тех раскачивающихся деревьев я скажу тебе всё, всё, что видится мне сейчас, всё, что затемняет или освещает меня в моём долгом сне, всё, что окружило меня, как ночь, в которой облака и звёзды преследуют друг друга! Когда-нибудь позднее, в спокойный, солнечный, счастливый день! Но сейчас, всё, что я скажу тебе: Перед тем ужасным утром... — она остановилась, вздрогнула и горячо продолжала. — Ален! Ален! Ты не поверил тому клеветническому письму! Благослови тебя Господь! Благослови тебя Господь! Большое сердце, возвышенная душа, благослови тебя Господь, мой милый! Мой муж! И Он благословит! Молись Ему смиренно, как я, и Он благословит тебя.

Она снова остановилась и поцеловала моё залитое слезами лицо. А потом снова продолжила, тихо, кротко, печально:

— Перед тем утром я не заслуживала такого сердца, такой любви, как твоя любовь, твоё сердце. Нет, нет. Послушай меня. У меня никогда и мысли не было, чтобы любить кого-то другого! Никогда я не была неверна тебе, даже в мыслях. Но я была ребёнком, была своенравной, как ребёнок, что томится из-за того, чего нет на земле, и хочет играть с луной. Небеса были так благосклонны ко мне, а я втайне испытывала недовольство своей судьбой. Когда я почувствовала, что ты любишь меня, и моё сердце ответило мне, что оно тоже любит, я сказала себе: «Теперь пустота, что жила в моей душе, здесь, на земле, исчезнет». Я жаждала твоего прихода, и когда ты пришёл, прошептала: «Разве это не тот идеал, что предстал в моих мечтах?» Я просила о невозможной симпатии. Симпатии к чему? Нет, улыбнись мне, милый! Симпатии к чему? Я не могла ответить. Ах, Ален, тогда, тогда, я не заслуживала тебя! Тогда ребёнком я просила тебя понять меня. Сейчас я знаю, что я женщина и моя задача — заботиться о тебе. Могу ли я оправдать себя? Ты прощаешь меня? Я не была неверна тебе, я была неверна своим обязанностям в жизни. Я верила в своё тщеславие, что смутные видения потустороннего мира возносят меня над землёй. Я не понимала истины, что земля — часть того же мироздания, что и небо! Теперь, возможно, в ужасающей болезни, что затемняет моё сознание, моя душа сделалась более чистой. Как бы для того, чтобы наказать, с целью научить меня, моей душе было позволено предаваться своим слишком самонадеянным желаниям. И она отделилась от пути, связанного с человеческими обязанностями и судьбой. Теперь она вернулась, встревоженная опасностью, вызванной своим безрассудным и самонадеянным побегом от задач, что стоят перед человеком земли. Ален, Ален, сейчас я меньше не заслуживаю тебя, чем прежде! Возможно, в моей тьме один короткий проблеск истинного мира духа посетил меня. Если так, то как это не похоже на мои детские видения, воспринимаемые как божественные! Теперь, когда я ещё лучше узнала, что существует мир ангелов, я знаю ещё, что смертный человек должен пройти через испытания в мире смертных. О, и я хочу пройти их с тобой, деля с тобой горе и радость!

Лилиан замолчала. Снова её милые руки обняли меня, и её лицо, красноречиво говорившее о любви, прижалось к моей груди.

ГЛАВА 79

Разговор закончился! Снова меня изгнали из комнаты Лилиан. Волнение, радость от этой встречи чрезмерно утомили её ослабленные нервы. Судорожное трепетание всей её фигуры и сопровождаемые его неистовые рыдания пришли на смену. Фабер, устремившийся ко мне, повелительно и строго сказал, что единственный остававшийся шанс сохранить её жизнь заключался в пробуждении в ней эмоций от моего присутствия. Но теперь он и Эми снова займут место в её комнате. И даже её мать должна разделить со мной мою участь изгнанника. Так мы и сидели с миссис Эшли в комнате этажом ниже, глядя друг на друга. Тяжёлое оцепенение навалилось на меня, и словно во сне, откуда-то издалека до меня доносились её горькие причитания:

— Она умрёт! Она умрёт! В её глазах то же самое выражение, что было у моего Гилберта в тот день, когда он закрыл их навсегда. И она произнесла те же самые слова, что были его последними словами: «Прости мне все мои грехи перед тобой». Она умрёт! Она умрёт!

Так шли часы. Наконец, в комнату вошёл Фабер. Он заговорил с миссис Эшли: бесполезные слова утешения, столь подходящие тому, кто возвратился из комнаты умирающего и сознаёт, что будет обманом сказать «Надейся», но ещё безжалостнее будет сказать «Крепись».

Он увёл миссис Эшли в её комнату, послушную, как уставший ребёнок, которого ведут спать, оставался с ней какое-то время, а потом вернулся ко мне и, как отец, заключил меня в свои объятия.

— Надежды нет! Надежды нет! — воскликнул я, отшатнувшись от него. — Вы молчите. Говорите! Говорите же! Дайте мне узнать самое худшее.

— Надежда есть, но я едва осмеливаюсь поделиться ей с тобой. Она исходит скорее из моего сердца человека, чем из моего опыта врача. Я не думаю, что её душа сейчас готова встретиться с небесами, когда она так цепляется за земную жизнь. Ты знаешь, как обычно даже те, кто страшился смерти, в большинстве своём смиренно покоряются её приходу, когда смерть становится видимой, выходит из теней, в которых её очертание только угадывалось, но не было заметно. Плохой знак, если пациент утратил всякое желание продолжать жить. Поэтому есть надежда, пока пациент, молодой и без явных повреждений основных жизненных центров, имеет сильную веру в выздоровление, возможно, подсказанную ему (как знать?) голосом самой души.

Я не могу заставить себя думать, что всё, ради чего восстановился её ум, уже осуществлено. Мне кажется, что ваш союз ещё будет продолжаться, и будет продолжаться на земле чистая жизнь двух существ, поддерживающих друг друга, дающих друг другу силы жить и черпающих свою силу в духовном. У меня есть ещё надежда. Одарённый способностями, ставящими тебя выше многих других людей, мыслящий, работающий и храбрый; с добрым сердцем; сознающий свои ошибки и стремящийся их исправить; в заблуждении — стремящийся к истине; в гневе — прощающий; и, что важнее всего, — способный испытывать любовь, такую, что смогла защитить от злого языка клеветника; любовь, только возвысившуюся в печалих... Ты наделён всеми этими благородными качествами. Но сейчас твоя жизнь остановилась, твой ум скитается. Корабль без руля или капитана, посреди бескрайнего моря, под небом без звёзд. И почему? Потому что твой надменный ум отринул Душу, своего спутника и учителя.

И поэтому я надеюсь, что она ещё будет жить. Она, чья душа сбилась с пути, не обращая внимания на препятствия и ясные цели, которые обычно человек ставит перед собой. Она, чей ум черпает мысли из действительного и видимого мира, а душа — только в смутных проблесках инстинкта. Каждый из вас двоих представляется мне незавершённым, как не завершены ещё ваши судьбы. Ваш брак должен продолжаться, и все испытания вы должны преодолевать, соединённые узами сердца. Всё, что я говорю, поверь мне, всё, что я говорю, — не аллегория. Я надеюсь, что она ещё будет жить ради тебя. И надежда эта исходит не из моего опыта врача, а из моей внутренней веры христианина. Чтобы достичь цели своей жизни, вы будете нужны друг другу!

Я вздрогнул: это были те же самые слова, что слышала Лилиан в своих грёзах!

— Но, — заключил Фабер, — как я могу проследить бесчисленные взаимосвязи вплоть до Первопричины, выходящей, о, далеко выходящей за пределы моего разума? Я оставляю это философам, которые могут осмелеть мою кроткую надежду. Возможно, вероятно, в то время как я (чьё призвание заключалось лишь в том, чтобы сохранить плоть от разложения) полагаю, что жизнь твоей Лилиан необходима, чтобы развивать твои представления о душе, Небеса в своей мудрости видят, что её смерть может научить тебя гораздо больше, чем её жизнь. Я уже говорил тебе: «Будь готов к любому исходу». К мудрости через радость или к мудрости через горе. Тебе известно, что жестокость невозможна для мудрости. Человек или человеческий закон могут быть мудры только в милосердии. Но то, что является милосердием для миллионов, может казаться жестокостью для кого-то. Но то, что для кого-то представляется жестокостью в тяжелейший момент жизни, может являться милосердием, если пронзать взглядом вечность.

Тогда, из всей этой речи, из которой я сейчас по прошествии столь долгого времени помню каждое слово, моё человеческое любящее сердце вынесло только одну лишь фразу: «Вы будете нужны друг другу», и тогда я закричал:

— Жизнь, жизнь, жизнь! Неужели нет никакой надежды? Неужели у вас, врача, нет надежды? Я тоже врач. Я пройду к ней и смогу судить сам. Я не могу быть отстранён от своих обязанностей врача.

— Тогда суди, как врач, и бери ответственность на себя. В данный момент судороги, вся борьба прекратились, её тело спокойно. Взгляни на неё, и, возможно, только глаз врача сможет отделить её состояние от смерти. Это не сон, это не транс, это не смертельная кома, из которой нет выхода. Могу ли я подобрать какое-нибудь известное название? Или это каталепсия, при которой жизнь как будто останавливается, только сознание не спит? Она застыла в неподвижности, и только усилием собственных чувств я понимаю, что дыхание ещё не угасло и сердце ещё бьётся. Но я убеждён, что хотя она не говорит, не шевелится, не подаёт никаких признаков жизни, она всё же полностью сознаёт всё, что происходит вокруг неё. Она сейчас подобна тому, кто увидел гроб, внесённый в его комнату, но не может крикнуть: «Не хороните меня живым!» При этом её состоянии ясности сознания и невозможности его проявить каков будет результат твоего присутствия у неё? Сначала агония отчаяния, а потом полное потухание жизненных сил!

— Я знаю только один такой случай — её мать, чьё сердце затихало в присутствии страдающего ребёнка. Она пролежала два дня и две ночи, как будто в её саване. Всё, что она говорила, — «Жизнь

уходит». Я сказал ей: «Жизнь всё ещё здесь». Она просила помощи у ребёнка, чтобы узнать, какое действие может оказать его присутствие. Тогда губы её шевелились, а руки, сложенные на груди крестом, дрожали.

— И каков результат? — нетерпеливо воскликнул Фабер. — Каков был результат от *твоего* присутствия? Знак разгорающейся жизни?

— Нет, последняя искра погасла! Я не войду в комнату Лилиан. Лучше я уйду прочь, прочь из этого дома. Это ясное сознание! Мне хорошо оно известно! Она может слышать даже мои шаги в этой комнате этажом ниже, слышать, *что* я говорю сейчас. Возвращайтесь к ней, возвращайтесь! Но если её состояние похоже на состояние того человека, кто знаком с людьми, чьи познания превышают мои, — непосредственной угрозы смерти нет. Такое состояние Лилиан продлится день, ночь. Возможно, пройдёт через несколько дней. Так?

— Я верю, что, по крайней мере, в течение двенадцати часов её состояние не изменится. Я верю также, что, если она выйдет из него, спокойная и освежённая, как после сна, угроза смерти исчезнет окончательно.

— А за эти двенадцать часов моё присутствие может быть вредным?

— Скорее даже, смертельным, если я прав в своём диагнозе.

Я крепко пожал руку своему другу, и мы разошлись.

О, потерять её сейчас! Сейчас, когда её любовь и её рассудок вернулись к ней, став ещё более сильными, чем прежде! Хваленый секрет Маргрейва мог оказаться ничтожным, но, по крайней мере, в нём оставалась надежда. А в общепризнанной науке я видел только отчаяние.

И при этой мысли всё ужасное, окружавшее моего таинственного гостя, исчезло. Исчезло беспокойство, связанное с мыслями о его способностях, его истории жизни. Сама его жизнь стала для меня важной, обрела ценность. Что будет, если не оправдаются мои надежды на эксперимент, каким бы он ни был, который мог бы сохранить жизнь моей Лилиан!

Приближался вечер. Я вспомнил, что с утра оставил Маргрейва без еды, поэтому вернулся в дом, наполнил корзинку съестным, взял нужные лекарства из аптечки и поспешил в хижину. Я нашёл его в нижней комнате. Он сидел на своём таинственном сундуке, подперев рукой голову. Когда я вошёл, он поднял на меня глаза и сказал:

— Ты отнёсся ко мне наплевательски. Мои силы угасают. Дай мне больше лекарства. Нам придётся потрудиться сегодня ночью, и мне нужна поддержка.

Моё согласие на свой сумасбродный эксперимент он принял как само собой разумеющийся факт. И был прав.

Я дал ему лекарство, положил перед ним еду, и на этот раз он ел с большой охотой, без отвращения. Я налил ему вина, и он осторожно выпил его со словами: «Обладая прекрасным здоровьем, я смотрел на вино, как на яд, но теперь оно подобно предвкушению славного эликсира».

Подкрепившись, он как будто обрёл энергию, составлявшую поразительный контраст с его вчерашней вялостью. Почти не стало заметно усилия, с которым он прежде дышал. Цвет вернулся к его щекам, а его тело стало гибким и упругим.

— Если я правильно тебя понял, — сказал я, — эксперимент, в котором ты просишь меня помочь, можно провести за одну ночь?

— За одну ночь, эту ночь.

— Я в твоём распоряжении. Отчего не начать сейчас же? Какие приборы и химические вещества тебе нужны?

— Ах! — воскликнул Маргрейв — Как я заблуждался раньше! Как ошибался! Когда я просил тебя уделить месяц на эксперимент, я думал, что мне потребуется тонкое мастерство химика. Я тогда верил, как Ван Гельмонт, что принципом жизни является газ и что тайна заключается лишь в том, как им управлять. Теперь же всё, что мне нужно, содержится вот в этом ящике, и это очень простой материал — топливо, которого хватит, чтобы поддерживать огонь в течение шести часов. Я даже вижу, что и у тебя оно имеется. И сейчас, чтобы получить само вещество, ты должен проводить меня.

— Объясни.

— Вблизи этого места есть где-нибудь золото, в каких-нибудь неоткрытых месторождениях? Есть чистое золото, без примесей?

— Есть. И что из этого? Ты, как алхимики, смешиваешь в одном открытии золото и жизнь?

— Нет. Но только там, где химия земли или человека создаёт золото, может быть обнаружено вещество, из которого можно выделить необходимую пищу для жизни. Вероятно, в попытках получить из металлов золото (что, я думаю, твой великий химик сэр Хамфри Дэви считал возможным) алхимикам

удавалось обнаружить в тиглях несколько жалких крупиц этого вещества. Жалкое подражание грандиозной Природной лаборатории! И из подобных крупиц, достаточных для получения экстракта, возможно, его и получали, чтобы добавить несколько лет жизни какому-нибудь хилому старику. А ведь некоторые из алхимиков достигали почтенного возраста, почти невозможного для обычного человека. Но не в жалком тигле, а в изобильных просторах самой Природы мы должны искать её главный принцип — жизнь. Так же, как янтарь содержит в себе электричество, так и это вещество, название которому мы ещё не придумали, заключает в себе сияющий жизненный флюид. В старых золотых месторождениях Азии и Европы такое вещество существует, но его редко можно обнаружить вместе с золотом. Почва для этого питательного вещества там почти истощена. Здесь же, где сама Природа полна жизненных сил юности, оно может быть найдено. Близко от этого места есть золото, проводи меня туда.

— Ты не можешь пойти со мной. Золотоносное место, которое мне известно, находится в нескольких милях отсюда, и путь к нему нелёгкий. Ты не сможешь дойти до него. Правда, у меня есть лошади, но...

— Ты думаешь, я преодолел огромное расстояние, чтобы добраться сюда, и не предвидел всего, что мне будет нужно, чтобы достичь цели? Беспокойся о себе и не думай, как я доберусь до места. Я всё предусмотрел, предоставь это мне. В моём распоряжении паланкин и носильщики. Дай мне свою руку, и пойдём.

Я безропотно подчинился, не выказывая ни малейшего удивления. Я уже принял решение и не допускал никаких мыслей, способных изменить его. Когда мы поднялись на вершину поросшего травой холма, который находился у дороги, ведущей к морскому порту, Маргрейв, переведя дух, издал звук, не громкий, но пронзительный и долгий, полукрик, полупеснь, как у ночного хищника. Его голос пролетел через пространство, такое прозрачное, что дальние предметы были видны, как на ладони, и такое тихое, что слышны были самые дальние звуки.

Через несколько минут послышался ответный крик, такой радостный, что я какое-то мгновение думал, что это крик птицы-пересмешника, которая подражает радостно всему, что слышит в своей лесной чаще, от стрекотания саранчи до волчьего воя.

— Какой король... — произнёс этот таинственный чародей и беззаботно положил свою руку мне на плечо. От её прикосновения я с дрожью почувствовал, что этот ужасный сын Природы, безбожный и бездушный, был и, как знать, может ещё быть моим проклятием и погубителью, и он полагается на мою поддержку, как избалованный младший брат на своего старшего брата. — Какой король, — продолжал этот циничный насмешник со своим прекрасным мальчишеским лицом, — какой король в твоей цивилизованной Европе имеет власть, как у восточного властелина? Какая связь между смертным и смертным может быть такой сильной, как связь между повелителем и его рабом? Я привёз с собой вон тех несчастных глупцов, увёз их из их родной страны. И здесь они остаются верны своим старым привычкам — повиновению и благоговейному страху. Они ждали бы в этом заброшенном месте до тех пор, пока не умерли бы от голода. Ждали бы, чтобы услышать мой зов и ответить на него. А я, кто может управлять ими или околдовывать их, я пользуюсь ими и презираю их. Они это знают, но всё равно мне служат! Между нами будет сказано, мой философ, есть только одна вещь, ради которой стоит жить, — это жизнь ради самого себя.

И это был юноша, что поразил меня когда-то? Возможно, в крупных столицах молодые люди, ищущие удовольствий, ответят: «Это юность, и мы понимаем, о чём он говорит!» Мои юные друзья, я вам не верю.

ГЛАВА 80

На дороге, покрытой травой, я наблюдал сейчас под луной, только поднявшейся, странную процессию, никогда не виданную прежде на австралийских просторах. Она передвигалась быстро, но бесшумно. Мы спустились с холма и встретились с ней. Это был мрачный паланкин, который несли четыре человека, облачённые в непривычные восточные одежды. Ещё двое слуг, более нарядно одетых, с пистолетами с серебряными эфесами и ятаганами, заткнутыми за пояс, шли впереди этого унылого экипажа. Вероятно, Маргрейв угадал моё презрение, скользнувшее во мне неясно, полуосознанно, так как он произнёс со своим теперь глухим и горьким смехом, сменившим его прежний смех, мелодичный и радостный:

— Немного отдыха, немного золота, и твой неопытный поселенец приобретёт вкусы паши.

Я не ответил. Меня перестало заботить то, кем или чем был мой искуситель. Для меня всё его существование сводилось лишь к одному: знает ли он тайну, которая может отвратить от Лилиан смерть?

Как только паланкин остановился, из тени, отбрасываемой им на землю, появилась женская фигура и встала перед нами. Очертания её тела скрадывали широкие складки чёрного плаща, а черты лица, за исключением тёмных, горящих глаз, скрывала чёрная вуаль. Она была очень высокого роста и обладала величественными манерами.

Маргрейв приветствовал её на неизвестном мне языке. И, как мне показалось, она ответила ему на том же языке. В интонациях её голоса звучала нежность, только невыразимо скорбная. Слова, которыми они обменялись, казалось, выражали предостережение, неодобрение или разубеждение в чём-то. Они заставили Маргрейва нахмурить брови, и с его губ сорвался крик несомненного гнева. Женщина ответила ему с той же грустью в голосе. И тогда Маргрейв, положив ей на плечо свою руку точно так же, как до этого на моё, увёл её в сторону, в небольшую рощу цветущих эвкалиптов, таинственных деревьев, никогда не меняющих цвет своих бледно-зелёных листьев, только меняющих оттенки своей пепельно-серой коры. Несколько мгновений я вглядывался в две человеческие фигуры, едва видневшиеся в сверкающем лунном свете среди листвы. Потом я обернулся и увидел рядом с собой человека, которого сначала не заметил. Своей неслышной поступью он как будто подкрался ко мне. Его одежда, хотя и восточная, отличалась от одежды его спутников по фасону и по цвету. Плотная облегающая его грудь и ослепительно белая, она была похожа на одежды призрака. Выражение его лица было ещё мрачнее, чем у сирийцев или арабов, стоящих позади него, и его черты походили на черты хищной птицы — клюв орла, глаза стервятника. Щёки у него были ввалившиеся, руки, скрещённые на груди, — длинные и безжизненные. Ещё в этой тощей фигуре было что-то такое, что наводило на сравнение с гибкостью и силой змеи. И как только его жаждущий, бдительный взгляд встретился с моим изумлённым, напуганным взглядом, я импульсивно отпрянул с тем внутренним ощущением опасности, которое сообщается человеку, так же, как и любому животному, при виде существ, что могут ужалить или даже уничтожить. При этом моём движении поразивший меня человек склонил голову в смиренном восточном приветствии и заговорил на своём незнакомом мне языке, мягко, покорно, раболепно, судя по его тону и жесту.

Но, тем не менее, я отшатнулся от него ещё больше. И тогда меня озарила такая мысль: может быть, в действительности я не подвергался опасности, находясь под защитой таинственного и безжалостного хозяина этих наёмников с Востока? Их общее количество достигало семи человек, по крайней мере, двое из них были вооружены, но они оказались послушны, как ищейки перед своим хозяином-охотником, который должен был указать им их жертву. Но человеческий страх, подобный моему, не являлся моей слабостью. Когда страх находил дорогу к моему сердцу, ему сопутствовали сомнения или воображение, в котором человек, такой же, как я сам, теряется в свойствах, мрачных и неизвестных, что мы приписываем злему духу или призраку. И, возможно, если бы у меня было время проанализировать свои собственные ощущения, присутствие того же самого конвоя уменьшило бы мой страх перед непостижимым искусителем. Охотнее всего я готов был лучше сотни раз бросить вызов этим рабам с Востока, чем ещё один раз увидеть на стене своего дома светящуюся бестелесную Тень! И кроме всего этого, Лилиан! Лилиан! Ради единственного шанса на спасение её жизни, каким бы невероятным и химерическим он ни был, я готов был теперь не отступать перед ними ни на шаг.

Уверившись в этом, я, с презрительной улыбкой, выступил навстречу Маргрейву и его закрытой вуалью спутнице, как только они показались из залитой лунным светом рощи.

— Ну и что, — сказал я ему с иронией в голосе, что невольно походила на его собственную, — ты получил совет у своей няни? Я полагаю, что ведь это она, Аиша.

Сквозь чёрную вуаль женщина взглянула на меня своим неподвижным, пристальным взглядом и ответила, хотя и с иностранным акцентом, по-английски:

— Мудрость няни, рождённой на Востоке, заключена в её любви. А мудрость белого человека из Европы — в его знаниях. Няня скажет: «Воздержись!» Ты говоришь: «Рискуй»?

— Замолчите! — воскликнул Маргрейв, топнув ногой. — Мне не нужны ничьи советы. Моё дело — принимать решения самому, твоё — подчиняться, а его — помогать. Ночь уже наступила, а мы попусту теряем время. Пошли.

Женщина не ответила, я тоже. Маргрейв взял меня за руку и направился обратно в хижину. Варварский эскорт последовал за нами. Когда мы дошли до двери, Маргрейв сказал несколько слов женщине и носильщикам. И они вместе с нами вошли в дом. Маргрейв указал женщине на свой сундук, а остальным — на топливо, хранившееся во флигеле. И то, и другое было вынесено и помещено внутрь паланкина. Между тем, я захватил валявшийся на столе лёгкий топорик, который по обыкновению всегда носил при себе во время прогулок.

— Ты думаешь, тебе понадобится это никчёмное оружие? — спросил меня Маргрейв. — И не до-

веряешь моим темнокожим спутникам?

— Нет, ну что ты, возьми этот топорик сам. Он может пригодиться, чтобы отделять золото от кварца, в котором мы можем его обнаружить. Или чтобы откапывать, как этой лопатой, которая точно будет нужна, из земли руду.

— Дай мне свою руку, друг-труженик! — радостно ответил Маргрейв. — Ах, ты больше не испытываешь ужаса! Я не обманулся в Человеке! Что же остаётся, как не Время и Место! Я буду жить! Я буду жить!

ГЛАВА 81

Маргрейв забрался в паланкин, и Женщина в Вуали задёрнула его чёрные занавески. Я как проводник пошёл впереди на расстоянии нескольких ярдов. Стояла тишина, и было душно от дыхания австралийского сирокко¹⁵¹.

Мы прошли через луга, усеянные спящими стадами, прошли вдоль русла ручья, соединявшегося со своим истоком в горах множеством тончайших водопадов, пробрались сквозь темноту причудливых деревьев, узловатых, с волокнистой корой, что являлось знаком, указывавшим на золотоносные пласты земли. Луна, теперь во всём своём великолепии, светила, окружённая звёздами, заливала серебристым светом расщелины пещер, на полу которых покоились останки допотопных существ, освещала жерла потухших вулканов, окружённые пучками влажной растительности, и необъятные просторы земли, скрывающие под собой золото... Золото, молчаливый знак великой тайны Материи, которую можно направить как на благо, так и на зло.

До сих пор Женщина в Вуали замыкала шествие вместе с тощей фигурой, облачённой в белые одежды, которая так неожиданно подкралась ко мне своим бесшумным шагом. Таким образом, на каждом повороте трудного пути, при котором конвой, следовавший позади меня, попадал в моё поле зрения, я мог видеть сначала двух пёстро одетых вооружённых мужчин, потом — чёрный, похожий на похоронные дроги, паланкин, и, наконец, — Женщину в чёрном и Скелет в белом.

Но когда я остановился на плоскогорье, с одной стороны которого расстилалась долина, а с другой возвышалась гора, женщина оставила своего спутника, прошла мимо паланкина и вооружённых людей и остановилась рядом со мной, у залитого лунным светом входа в большую пещеру.

Здесь, молча, она стояла несколько мгновений. Процессия внизу медленно, с трудом взбиралась в гору. А потом женщина повернулась ко мне и откинула вуаль.

Лицо, которое я увидел, оказалось поразительно прекрасным, но в то же время ужасающим. Оно не было ни юным, ни старым. Это была зрелая, величественная красота, как у мраморной Деметры.

— Ты веришь в то, что ищешь? — грустно спросила она со своим иностранным мелодичным акцентом.

— Нет, — был мой ответ. — Так же, как истинная наука не имеет такой веры. Наука ничего не принимает на веру. Она знает только три состояния Ума — Отрицание, Убеждение и тот широкий интервал между первым и вторым, который не есть вера, но и не есть отрицание.

Женщина снова опустила вуаль, отошла от меня и села на выступ скалы над той самой расщелиной, склоны которой в тот день, когда я впервые обнаружил золото, превратились в бушующие водопады, когда разразилась буря. Но сейчас, во время засухи, это была всего лишь груда камней.

Паланкин завершил, наконец, подъём. Носильщики остановились. Тощая рука рванула занавески в сторону, и Маргрейв, опираясь на этот раз не на Женщину в чёрном, а на белый Скелет, спустился на землю.

Место, где он стоял, освещалось ярким светом луны. Была хорошо видна его истощённая фигура. Но, несмотря на впавшие щёки и болезненный цвет, его лицо было решительным, весёлым и гордым. Он поднял голову, заговорил на незнакомом мне языке, и вооружённые люди и носильщики обступили его, низко наклоняясь и потупив взор. Женщина в Вуали медленно поднялась и подошла к Маргрейву, обходя стороной с молчаливым жестом рукой ужасающую фигуру, на которую тот опирался, и не подавала руки. Маргрейв заговорил снова, но о смысле его фраз я не мог даже догадываться. Когда он закончил, вооружённые люди и носильщики подошли к нему ближе, опустили на колени и поцеловали его руку. Потом они поднялись и вытащили из похоронно-подобного экипажа сундук и топливо. Сделав это, они снова подняли паланкин, и, снова предшествуемая вооружёнными людьми, процессия по наклонному склону возвышенности спустилась вниз в долину.

¹⁵¹ Сирокко — знойный южный или юго-восточный ветер.

Какое-то время Маргрейв шептал что-то в самое ухо отвратительного существа, занимавшего теперь рядом с ним место Женщины в чёрном. Зловещий Скелет покорно склонил голову и большими шагами, бесшумно пошёл прочь по высокой траве, с гибкими стеблями, мнущейся под его ногами и снова встающей, как под порывами ветра. И, таким образом, он тоже скрылся из виду в долине. На высоком плоскогорье остались только трое — Маргрейв, я и Женщина в Вуали.

Она снова села в отдалении на серый выступ скалы над высохшим потоком. Маргрейв стоял у входа в пещеру рядом с тем местом, где росли кучками сорные растения с цветами всевозможных оттенков. Некоторые из них раскрывали свои бутоны и источали аромат только в ночные часы. Бледный, измождённый, он стоял, занимая весь проём входа в пещеру, не пропуская внутрь неё лучи лунного света. И я вспомнил день, когда впервые увидел его, сияющего и радостного, стоящего в цветочной арке, бывшего в самом расцвете сил...

ГЛАВА 82

— Итак, — произнёс Маргрейв, обращаясь ко мне, — под этой землёй, расстилающейся вокруг нас, лежит золото, которое с этого момента для тебя и для меня не представляет никакой другой ценности, кроме как проводника к тому, что восстанавливает жизнь!

— Ты ещё не описал мне ни природы вещества, которое мы собираемся добыть, ни самого процесса, с помощью которого из него можно получить некую действенную силу, какую ты ему приписываешь.

— Давай сначала найдём золото, а вместо того, чтобы описывать янтарь, позволь мне так называть его, я просто покажу его тебе. Что касается процесса, то твоё участие в нём настолько просто, что ты спросишь меня, почему я прибегаю к помощи химика. Янтарь, когда мы найдём его, может подвергаться нагреванию или ферментации только в течение шести месяцев. Мы его поместим в маленький котёл, который содержится в этом сундуке, над огнём, который получим из топлива. Для эксперимента нам потребуются некоторые щёлочи и другие ингредиенты, но они уже готовы, и моя задача — смешать их. От твоих знаний в химии мне ничего не нужно. От тебя мне только нужна человеческая помощь.

— Если так, то почему ты выбрал меня? Отчего это нельзя доверить темнокожим слугам, которые, несомненно, подчинятся твоим распоряжениям?

— Доверить слугам?! Когда их первым желанием будет стащить золото?! Семеро таких беспринципных негодяев, или если бы только один такой, — и я, такой незащитный и слабый! Эта работа — не та, что мудрый хозяин может поручить свирепым рабам. Это одна из причин, по которым я не остановил свой выбор на них, а остановил его на тебе. Ты помнишь, я говорил тебе об опасности, которой так боялся дервиш, что ни за какие деньги не отваживался повторить эксперимент?

— Сейчас я вспоминаю об этом. Эти слова стёрлись из моей памяти.

— И потому, что они стёрлись из твоей памяти, я выбрал тебя в товарищи. Мне нужен человек, презирующий опасность.

— Но в эксперименте, о каком ты мне говоришь, я не вижу потенциальной опасности, если только ингредиенты, которые ты смешаешь в котле, не дадут ядовитых испарений.

— Этого не случится. Ингредиенты, что я использую, не ядовиты.

— В чём же ещё опасность, за исключением того, что ты страшишься своих собственных рабов с Востока? Но, если страшишься, зачем было вести их сюда? Если так, почему ты не сказал мне вооружиться?

— Восточные рабы, исполняющие мои приказания, ждут моих распоряжений там, где они не могут видеть того, что мы здесь делаем. Но даже самый смелый сын Востока может оказаться трусливее, чем, возможно, самый изнеженный европейский сибарит, кто сторонится пантеры, но смеётся при виде призрака. Дервиш верит, — а вместе с ним всякий, кто отваживается проникнуть в сферы природы, закрытые для философии, но открытые магии, — что в пространстве живут невидимые сущности подобно тому, как в капле воды живут микроскопические, невидимые животные организмы. Чтобы рассмотреть каплю воды, у науки имеется микроскоп. Но чтобы увидеть другое невидимое, потребуется зрение магии, способной управлять тонкими проводниками, что связывают все части мироздания. Среди этих тонких сущностей есть такие, что совершенно равнодушны к человеку, есть те, что милосердны, и те, что ужасающе враждебны к нему. Во всех обычных условиях конечной жизни сфера магии кажется пустой и безжизненной, как это свободное пространство вокруг. Но когда тот, кто ищет знаний, возвышающихся над обычными знаниями, — которыми человек приводит в движение часовой механизм, отмеряющий его время, или останавливает его, — старается преодолеть границы, при которых философия

говорит: «Это предел знания», — тогда он подобен путешественнику, оказавшемуся в неизведанных краях. Он должен умиловить или храбро встретить как опасность тех, кто враждебен. Должен, ради своей жизни, положиться на тех, кто является другом. Хотя твоя наука дискредитирует все догмы алхимиков, твои познания говорят тебе, что никто из них не являлся невежественным самозванцем и обманщиком. Среди них есть те, чьи открытия делают их ближайшими сторонниками твоего практического знания. И при условии реальности той области, что открыта магии, для того, кто исследует эликсир жизни, совершенно естественным будет интерес к их мистическим работам и использование средств, менее привычных, чем горн и мехи. Тот, кто однажды пил большими глотками такой эликсир, чувствует во всех своих жилах мощный флюид, с помощью которого он передаёт силу своей воли посредникам, бездействующим в природе, гигантам, невидимым в пространстве. И тогда, когда он пересекает границу, отделяющую его предначертанную, привычную смертную жизнь от доступных магии сфер и сущностей, тогда он отбрасывает предосторожность в отношениях между собой и враждебными существами. И разве не то же самое имеет место между человеком и человеком? Допустим, *одна* раса, самая тихая, робкая, цивилизованная, останавливается перед рекой или горой, и *другая*, живущая в краях по ту сторону реки или горы. При условии, что не будет преодолено мешающее препятствие, они могут жить в мире. Но если честолюбивые искатели приключений взберутся на гору или переплывут реку с целью покорить и поработить другой народ, тогда в нём поднимутся гнев и неповиновение. Соседи станут врагами. И поэтому этот процесс, — в результате которого получается простой, хотя и редкий, природный материал, несущий радость жизни и, вместе с сопротивлением Времени, желание и возможность подчинять себе сущностей, что живут в пространстве, — представляет некую опасность, которую захватчик должен презирать, когда пересекает границу своей расы. Только этим ключом ты откроешь все тайны в преданиях алхимиков. Только с помощью этого ключа ты поймёшь, как труд, который был под силу даже неопытному ученику алхимика, поставил в тупик великих отцов науки. Природа, хранящая это бесценное благо, кажется, не расположена к тому, чтобы допустить к нему человека. Невидимые сущности, которые питают к нему отвращение, настроены против возможности обрести хозяина. Кто-нибудь из тех, кто был в жизни искателем, мог бы рассказать тебе, как какая-нибудь случайность, пустяковая, непредвиденная, разрушала их большие надежды в самый момент их осуществления, — какая-нибудь дурацкая ошибка, глупая оплошность, недостаток серы, избыток ртути, или дыра в мехах, или ученик, вовремя не позаботившийся о топливе, уснувший подле очага. Невидимые враги редко нисходят до того, чтобы стать видимыми, когда они могут нарушить планы головотяпа, находясь в засаде. Но и более опытный искатель, чьи надежды также были разбиты, несмотря на всё его терпение и знания, мог бы сказать: «Нет за нами вины. Мы не пренебрегали предосторожностью. Мы потерпели неудачу не по оплошности, а из-за того, что из котла появились страшные лица, и призраки или злые духи нас испугали». Такова опасность, которая представляется столь ужасной для сына Востока, какой она являлась и в тёмные века в Европе. Но мы можем презреть все её угрозы, ты и я. Ради своей безопасности, признаю честно, я использую чары и средства, что может предложить магия. Ты же ради своей безопасности имеешь здравый рассудок, который сводит все фантазии к нервным восприятиям. И я доверяю храбрости того, кто бесстрашно вопрошал Светящуюся Тень и кто вырвал из рук самого мага жезл, концентрировавший всю его волю!

Эту странную и длинную речь я слушал, не произнося ни слова, и теперь тихо ответил:

— Я не заслуживаю доверия из-за своей храбрости. Но сейчас я держу ухо востро, чтобы не поддаться обману воображения. А какие-либо испарения вряд ли могут сбить с толку мозг на открытом воздухе этого плоскогорья. Я не верю в существ, о которых ты мне говоришь, что они невидимы в пространстве, подобно газам. Я не верю в магию, не прибегаю к её помощи и не боюсь её. И, наконец, я верен одному печальному мужеству — мужеству, что исходит из отчаяния. Я подчинился твоему водительству, каким бы оно ни было, как страдалец, приговорённый к могиле, подчиняется знахарю, что говорит: «Прими моё лекарство и живи!» Моя жизнь — ничто сама по себе. Моя жизнь заключена в другом человеке. Ты и я, мы оба смелы от отчаяния. Ты бы желал отвратить смерть от себя, а я — от той, что люблю больше себя. Мы оба знаем, сколь малую помощь нам может оказать наука, и оба поэтому обратились к самым дерзким надеждам. Дервиш или маг, алхимик или призрак, не всё ли равно? И если они обманут нас, что с того? Они не смогут обмануть нас больше, чем наука!

ГЛАВА 83

Золото было добыто с лёгкостью. Я знал, где искать его: под слоем торфа или на дне ручья. Но глаза Маргрейва, жадно оглядывавшие каждый клочок земли вокруг тех мест, из которых проглядывала руда, никак не могли найти вещество, внешний вид которого ему одному был известен. Я уже начал верить, что даже с описанием этого материала его обманули и что его попросту не существует, когда, возвращаясь со дна ручья, я увидел среди корней гигантских паразитических растений, чьи листья и цветы взбирались на стену пещеры с останками допотопных существ, слабый жёлтый блеск. Это был блеск золота, и, расчистив рыхлую почву вокруг корней, мы обнаружили... Нет, я не могу, не осмеливаюсь описать что именно. Золотоискатель отбросил бы это в сторону, естествоиспытатель не остановился бы, чтобы уделить внимание. И если бы я описал это, а химия снизошла бы до исследования, смогла ли бы химия раскрыть свои хваленые силы?

Частицы золота были очень мелкими. Все они имели одинаковый размер и сферическую форму, подобно яйцу, что содержит зародыш, но такому маленькому, словно из него должно было вылупиться насекомое.

Но зоркие глаза Маргрейва увидели их при свете луны. Он воскликнул: «Нашли! Я буду жить!» И, собрав зёрна дрожащими руками, громко окликнул Женщину в Вуали, до сих пор сидевшую неподвижно. При его словах она поднялась, пошла к тому месту, где было сложено топливо, и занялась там делом. Я не испытывал желания наблюдать за ней. Я продолжил свои поиски в мягкой и благодатной почве, и в корнях растений, в том месте, где возвышалась арка пещеры, отыскалось ещё многое.

Когда мы собрали этих золотых частиц с избытком, столько, сколько можно было унести в руках, мы, казалось, истощили их запасы в земле. Но мы всё ещё находили золото, только уже не для того, чтобы получить из него некое вещество, для которого золото служило лишь исходным материалом.

— Хватит, — наконец, неохотно сказал Маргрейв. — Того, что мы собрали, уже хватит на жизнь, длиннее втрое, чем легендарная жизнь Гаруна. Я буду жить, я буду жить века.

— Не забудь, что я претендую на долю.

— Твоя доля — твоя! Правда, твоя доля моей жизни! Это так.

Он остановился и засмеялся тихим, ироническим, злобным смехом. И потом добавил, поднявшись и отвернувшись:

— Но ещё многое предстоит сделать.

ГЛАВА 84

Таким образом, пока мы проводили время в поисках золота, Аиша поместила топливо на хорошо освещённый лунным светом участок газона. Часть хвороста уже была сложена горой как для костра, остальное же валялось в беспорядке поблизости. Рядом с кучей она поставила сундук. Она стояла в мантии, со сложенными под ней руками, и её мрачная неподвижная фигура при белом свете луны казалась ещё мрачнее. Маргрейв открыл свой сундук — Женщина в Вуали не помогала ему — и я молча наблюдал за тем, как Маргрейв, тоже молча, занимался своими странными колдовскими приготовлениями.

ГЛАВА 85

На земле тонким прутом, на конце которого, очевидно, находилась губка, смоченная жидкостью, похожей на горючий лигроин, был начерчен большой круг. Бледное играющее пламя поднималось в том месте, где Маргрейв проводил прутом, поджигая траву и оставляя отчётливый след, похожий на тот, что мы в наших любимых народных сказках называем «Кругом Фей», только ещё лучше видимый в лунном свете. В полученный круг были помещены двенадцать маленьких ламп, питавшихся жидкостью из того же сосуда и зажжённых тем же самым прутом. Свет, испускаемый лампами, был более ярким и сверкающим, чем тот, что исходил от круга.

Внутри круга и непосредственно вокруг горы топлива Маргрейв начертил правильные геометрические фигуры, в которых я — не без дрожи, которую я тотчас же преодолел усилием воли, произнося мысленно имя Лириан, — узнал сплетённые треугольники, что своей собственной рукой под воздействием заклятия, наложенного на лунатика, изобразил на полу в беседке колдуна. Фигуры были начерчены, как и сам круг, пламенем, и в каждом из треугольников (всего их было четыре) были помещены

лампы, светящиеся, как и остальные лампы в круге. После этого котёл на железном треножнике поставили на кучу хвороста. И тогда женщина, до сих пор безучастная ко всему, медленно подошла, опустилась на колени рядом с хворостом и подожгла его. Сухие поленья затрещали, и вспыхнуло пламя. По краям котла заплясали огненные языки.

Маргрейв, бросив в котёл золотые частицы, что мы собрали, и, вытащив из своего сундука самый большой из сосудов, полил их сначала бесцветной жидкостью, похожей на воду, а потом, более бережно и осторожно, — несколькими каплями из маленького хрустального пузырька, напоминавшего тот, что я видел в руках Филиппа Дервала.

Преодолевая свой первый порыв страха, я наблюдал за всем происходящим, с любопытством, но не без пренебрежения, как тот, кто наблюдает пантомиму фокусника на сцене.

— Если, — думал я, — это всё — только искусный план, чтобы опьянить и одурачить моё воображение, то моё воображение не дремлет, и мой рассудок не поддастся на этот раз на его уловки!

— А сейчас, — сказал Маргрейв, — я поручу тебе лёгкую задачу, выполнив которую, ты будешь достоин своей доли эликсира. Моя задача — снова и снова наполнять котёл. Задача Аиши — поддерживать огонь, который не должен угасать ни на мгновение, а должен гореть, ровно и неизменно. А твоя, простейшая из всех возможных, — заключается всего лишь в том, чтобы пополнять из этого сосуда запасы жидкости, что горит в лампах и круге. Смотри, содержимое сосуда должно расходоваться экономно. Здесь его достаточно, но не более того, чтобы поддерживать на протяжении шести часов свет в лампах, на линиях, начерченных вокруг котла, и на дальнем круге. Вещества, растворённые в этой жидкости, очень редкие. Их можно отыскать только на Востоке, но даже и там могли бы уйти месяцы прежде, чем я смог бы пополнить их запасы.

А у меня нет времени, чтобы растрачивать его. Поэтому расходуй содержимое сосуда только тогда, когда свет начнёт мерцать или угасать. Следи, прежде всего, за тем, чтобы ни в одной из двенадцати ламп, которые должны представлять зодиакальный круг, подобно звёздам, свет не угасал в темноте ни на мгновение. И чтобы во внешнем круге не угасал ни один дюйм огня.

Я взял хрустальный сосуд у него из рук.

— Сосуд мал, — ответил я, — и того, что в нём ещё осталось, совсем недостаточно. Смогут ли его капли поддерживать свет, я не могу угадать. Я могу только следовать твоим инструкциям. Но гораздо более важной, чем свет в круге и лампах, который в Азии или Африке мог бы отпугнуть диких зверей, что не водятся в здешних краях, является сила в твоём теле, слабый маг! Что будет поддерживать тебя после шести утомительных часов бессонной ночи?

— Надежда, — отозвался Маргрейв с проблеском своего прежнего сияния. — Надежда! Я буду жить, я буду жить века!

ГЛАВА 86

Прошёл первый час. Вязанки хвороста под котлом ярко горели в тяжёлом душном воздухе. Содержимое котла закипело, и его цвет, поначалу тусклый и мутный, приобрёл бледно-розовый оттенок. Время от времени Женщина в Вуали подбрасывала в огонь хворост, после чего садилась вблизи этого погребального костра, склоняла голову на колени, и её лицо полностью скрывалось под вуалью.

Свет в лампах, вдоль линии круга и в треугольниках начал бледнеть. Я пополнил их содержимое из хрустального сосуда. Пока что ничего странного не являлось моему глазу и уху по ту сторону круга. Не было слышно ничего, кроме музыкального потрескивания в отдалении, похожего на трескотню саранчи, и ещё дальше, в лесу, — воя диких волков. Ничего не было видно, кроме деревьев и горной гряды, опоясывающей освещённую луной равнину, входа в пещеру, цветов диких растений на её стенах и отблесков высохших костей на её полу, где лунный свет терялся во мраке.

Второй час прошёл так же, как и первый. Я стоял рядом с Маргрейвом, наблюдая вместе с ним за процессом в котле, когда почувствовал, как земля у меня под ногами слегка задрожала, и, подняв глаза, я увидел, что вся равнина по ту сторону круга стала похожа на море, на котором вздымаются волны, и в самом воздухе, казалось, ощущалась заметная дрожь.

Я положил свою руку на плечо Маргрейву и прошептал:

— Мне кажется, что земля и воздух дрожат. А тебе так не кажется?

— Не знаю, мне всё равно, — ответил он порывисто. — Экстракт разрывает оболочку, в которую был заключён. Здесь мой воздух и моя земля! Не мешай мне. Смотри на круг! Наполняй лампы, если они станут угасать.

Проходя мимо Женщины в Вуали, когда я двигался по направлению к месту в круге, где слабело пламя, я прошептал ей тот же самый вопрос, что задавал Маргрейву. Она оглянулась медленно вокруг и ответила: «Так бывает всегда, когда Невидимое становится видимым! Разве я не просила его воздержаться?» Снова её голова склонилась к груди, а взгляд остановился на огне.

Я подошёл к месту в круге, где пламя ослабело, и наклонился, чтобы восстановить его. И при этом моя рука, оказавшаяся немного за пределами линии круга, почувствовала удар, как будто электрический. Мгновенно она повисла, безжизненная, и из неё выпал, но в пределах круга, хрустальный пузырёк с жидкостью. Придя в себя от неожиданности, поспешно, другой рукой я подхватил сосуд, но часть жидкости уже пролилась на землю, и я увидел, дрожа от страха, столь не похожего на спокойное равнодушие, с которым я поначалу взял на себя это поручение, как мало её осталось.

Я вернулся к Маргрейву, рассказал ему об ударе и пролитой из-за него жидкости.

— Берегись того, — ответил он, — как бы рукой или ногой не пересечь границу круга, хотя бы на дюйм. И раз запасы жидкости, к несчастью, сократились, сохрани то, что осталось, чтобы поддерживать круг и двенадцать угасающих ламп! Смотри, как продвигается Величественная Работа! Как сквозь плёнку на поверхности пылает в котле кроваво-красными оттенками вещество!

Прошло уже четыре часа из шести. Моя рука постепенно восстановила свою силу. Ни в круг, ни в лампы больше не нужно было подливать жидкость. Возможно, теперь она не расходовалась в них так быстро, поскольку они не находились больше незащищёнными под лучами пылающей австралийской луны. На небе собрались тучи, и, хотя временами она проглядывала в просветах между ними, её сияние стало более тусклым. Больше не было слышно ни трескотни саранчи в траве, ни воя волков в лесу. За пределами круга наступила полная тишина.

И примерно в это самое время я увидел на расстоянии, совсем отчётливо, огромный Глаз! Он вырисовывался всё ближе и ближе. Он как будто бы принадлежал огромному великану, поднимавшемуся из земли. Его взгляд приковал меня, кровь свернулась в жилах от его гнева. И по мере того, как этот Глаз продвигался всё дальше и дальше, другие Глаза появлялись в пространстве, как будто ужасные великаны стояли вереницей друг за другом, бесчисленные, как копья армии восточных воинов. Ужас отнял у меня на время голос, но, наконец, я закричал, пронзительно и громко:

— Смотри! Смотри! Эти ужасные Глаза! Целые полчища! Чу! Тяжёлая поступь бесчисленных существ. Их невидно, но в недрах земли эхом отдаётся звук их шагов!

Маргрейв, более внимательно, чем всегда, вглядывавшийся в котёл, куда время от времени он сыпал порошки или вливал какие-то эссенции, поднял голову, взглянул свирепо.

— Вы идёте, — отозвался он, произнося слова с усилием, и его голос, до этого такой мощный, звучал глухо, но бесстрашно и твёрдо. — Вы идёте не для того, чтобы победить, глупые повстанцы! Вы, чей тёмный вождь пал к моим ногам, в могилу, где моё заклятье вызвало призрак вашего первого земного хозяина, Мага! И у земли, и у неба есть свои воины, всё ещё верные мне, и я всё ещё помню, как призвать их, чтобы вам противостоять! Аиша! Аиша! Вспомни обещание, которое мы дали с тобой. Вспомни страшный уговор, по которому мы объединили свою власть над существами, что ещё признают тебя королевой, хотя мой скипетр сломан и с головы свергнута корона!

При этой мольбе Женщина в Вуали встала со своего места. Её вуаль сейчас была поднята, и пламя огня, горевшего между Маргрейвом и ней, светило так же, как и её лицо, величественная красота которого поражала цветением юности. Она была всё так же закутана в тёмную мантию, но её фигура была видна даже сквозь мглу испарений из котла, обрамляющих его, подобно облакам, пронзённым светом вечерней звезды.

Сквозь туман испарений слышался её голос, более заунывный, чем прежде, но более мягкий, более нежный. Она говорила на чужом языке, слова были мне неизвестны, но их смысл делался понятным, вероятно, от любви, у которой один язык и одно проявление для каждого, кто любит. Любовь безошибочно слышится в тоне голоса, безошибочно отражается на лице.

Мгновение или чуть больше, и она обошла вокруг костра, склонилась надо лбом Маргрейва, поцеловала его тихо, торжественно, и её лицо приобрело жестокое выражение, голова поднялась решительно. Она стала похожа на львицу, защищающую своё потомство. Из-под чёрной мантии она протянула вперёд правую руку, сквозь бледную пелену, снова нависшую над котлом. Протянула по направлению к тому месту в пространстве, где находились призраки, и так, словно её рука держала жезл, обладающий силой. И потом она запела, не громко, но её голос был слышен и на далёком расстоянии. Запела так трепетно, так нежно и, вместе с тем, так торжественно, что я тут же вспомнил старинную легенду о заклинаниях силой песнопений, вспомнил о странных мелодиях Маргрейва, оказывавших воздействие на слушателя, приводя его в восторг, но, в то же время, сбивая его мысли с толку. Сейчас это было похоже

всего лишь на подражание песне дикой птицы, но в неё была привнесена глубина, мастерство и душа исполнителя, чей голос, казалось, был наделён даром завораживать всех существ, даже если слова им, так же, как и мне, были неизвестны. Как только песня прекратилась, я услышал позади себя звуки, подобные тем, какие доносились из пространства передо мной, — тяжёлая поступь невидимых ног, шорох невидимых крыльев, как будто бы наступала невидимая армия, чтобы сразиться с армией призраков и победить.

— Не оглядывайся назад и не смотри вперёд, — сказала Аиша. — Смотри, как он, прямо в котёл. Круг и лампы ещё горят. Я скажу тебе, когда свет снова начнёт угасать.

Я устремил взгляд в котёл.

— Смотри, — прошептал Маргрейв, — наконец, начали появляться искорки, и цвет стал темнеть: мы приближаемся к последнему этапу.

ГЛАВА 87

Истёк пятый час, когда Аиша обратилась ко мне:

— Смотри! Лампы тускнеют, круг угасает. Смотри теперь без страха за его пределы. Глаза, испугавшие тебя, снова растворились в пространстве, как молнии в туче.

Я взглянул вперёд — призраки исчезли. Небо было слегка окрашено в зеленовато-жёлтые оттенки с красными и чёрными разводами. С особой бережливостью и осторожностью я пополнил запасы жидкости в лампах и круге, на одной его половине. Но когда я подошёл к шестой лампе, ни одной капли в пузырьке уже не осталось. В страхе я оглянулся на ту половину широкого круга, что находилась позади двух фигур, склонившихся над котлом. Свет в круге местами здесь уже совсем погас, тут и там мерцал, тут и там готов был угаснуть. Шесть ламп в этой части круга ещё светились, хотя слабо, как звёзды, отступающие перед рассветом. Но меня повергло в ужас и заставило бешено колотиться сердце не то, что в этой части магического круга свет угасал, а то, что по ту сторону круга бушленд¹⁵² был в огне.

На фоне леса поднимались пламя и дым. На всём протяжении пастбищ, между краем леса и руслом ручья, ниже плоскогорья, с которого я взирал на ужасающее зарево большого пожара, бушевал огонь, как поток крови, льющийся с Альп, увенчанных молниями.

Придя в себя от потрясения, вызванного непредвиденной опасностью, я готовился к новым проявлениям мощи Природы и не заботился больше ни о круге, ни о лампах. Поспешив к Аише, я воскликнул: «Призраки, что были в пространстве перед нами, ушли, но какое заклятье может остановить врага, приближающегося сзади! Пока мы тут взираем на котёл с жизнью, сзади к нам подкрадывается Смерть!»

Аиша взглянула и не ответила, только, как будто по произвольному инстинкту, склонила свою величественную голову, потом подняла её прямо и тотчас же закрыла собой слабую фигуру молодого чародея (он всё ещё стоял, склонившись над котлом, и не слышал моих слов, поглощённый процессом, доверившийся своим спутникам), закрыла, как птица, что, прежде всего, заботится о своём неоперившемся птенце.

Так мы с ней и стояли перед огненным потоком, когда услышали позади себя тихое бормотание Маргрейва: «Смотри! Огненные пузыри. Как они сверкают и пляшут! Я буду жить, я буду жить!» Его слова ещё не достигли наших ушей, как послышался жуткий грохот, треск падающих в лесу вековых деревьев, а рядом с нами в пылающей траве — шипение гадов, крики птиц, мычание от боли и тяжёлые шаги скота на объятых огнём пастбищах.

Тогда Аиша обвила руками Маргрейва и оторвала его, сопротивляющегося, от кипящего котла. В ответ на его гневные восклицания, она указала ему на огонь и произнесла печально несколько слов на своём языке, а потом обратилась по-английски ко мне:

— Я говорю ему, что Духи, противостоящие нам, призвали врага, который глух к моим словам, а...

— А, — воскликнул Маргрейв, без усилий, не задыхаясь больше, а только повышая голос, чтобы заглушить страшные диссонансы кошмара и агонии, несущиеся из горящего ада, — а эта ведьма, которой я доверял, — подлая рабыня и обманщица, — желает моей смерти больше, чем моей жизни. Она думает, что живым я бы презирал её и бросил, а так я умру на её руках! Колдунья, прочь! Ты бесполезна и бессильна именно сейчас, когда нужна мне? Прочь! Пусть весь мир станет погребальным костром! Что для меня мир? Мой мир — это моя жизнь! Ты знаешь, что здесь моя последняя надежда, что мои

¹⁵² Бушленд — равнина, поросшая кустарником; в Австралии, Африке.

силы угаснут, как лампы в круге, если их не восстановит эликсир. Мой храбрый друг, отвергни с презрением эту колдунью. До того, как пламя подберётся к нам, ещё целые часы! Всего несколько минут — и жизнь твоей Лилиан и моя будут в безопасности!

Говоря так, Маргрейв отвернулся от нас и бросил в котёл последнее вещество, оставшееся ещё в его пустом сундуке. Молча Аиша опустила на лицо свою чёрную вуаль и отвернулась, подобно тому, кого любила, — от опасности, которую он презрел. Отвернулась, чтобы разделить надежду, которую он лелеял.

Оставшись один, несколько разочарованный, я взирал более спокойно на грозящую нам опасность, и она казалась теперь не такой страшной.

Да, бушленд почти до самого русла ручья был в огне. Но трава, по которой пламя распространялось так стремительно, не росла на его противоположной стороне. Лужи, оставшиеся кое-где на дне фьорда, были неподвижны и сияли тревожным огненным ослепительным блеском, отражая в нём отсветы горящей земли. Но даже в тех местах, где воды не было, каменные выступы пересохшего ручейка являлись препятствием, защитой от приближающегося пожарища. Таким образом, если бы не поднялся ветер и его дуновение не принесло огненные искры на сожжённую горючим траву вокруг нас, мы находились бы в безопасности от огня, и наша работа могла ещё быть доведена до конца.

Шёпотом я поделился с Аишей сделанным выводом. «Разве, — печально ответила она, не поднимая головы, — содействие Природы — случайность? Духи, которых я призвала ему на помощь, объединяются. Более могущественные, чем я!»

Едва она произнесла эти слова, как Маргрейв воскликнул: «Смотри, как Роза, мечта алхимиков, распускает свои лепестки! Я буду жить, я буду жить!»

Я взглянул в котёл. Пылавшая в нём жидкость приобрела великолепие, и её сияние ничем не уступало сиянию драгоценных камней. Она напоминала ослепительно сверкающий рубин, завораживающий игрой всевозможных оттенков цвета. На поверхности больше не было ни плёнки, ни пены. Только лёгкие испарения поднимались над ней и таяли в изнуряющем, тяжёлом воздухе, горячем от дыхания пожара. А на поверхности этого рубина вырисовывались очертания Розы, и её листья становились более отчётливыми от искр, похожих на изумруды, алмазы и сапфиры.

Я рассматривал бурлящую сверкающую жидкость, и в меня как будто вливался жизнеутверждающий восторг. Все прежние страхи исчезли. Призраки, полчища которых заполняли обширное пространство перед нами, были забыты. Треск леса от пожара позади стал неслышен. Настал момент торжества, и к бледным щекам Маргрейва, казалось, вернулось их прежнее сияние, то, которое я видел в нём в первый день нашей встречи.

Зачарованный, я смотрел перед собой, когда почувствовал прикосновение чьей-то холодной руки.

— Тихо! — прошептала Аиша из-под чёрной вуали, рядом с которой отсветы из котла очерчивались особенно резко. — Позади нас свет в круге погас, но с той стороны мы защищены от свирепых, бездушных варваров. Но спереди! спереди! смотри, две лампы потухли! И в защитном кольце образовалась брешь, сквозь которую пройдут демоны.

— Но не осталось ни капли, чтобы подлить в лампы в круге.

— Тогда иди вперёд. Ты несёшь в себе свет души, и демоны могут отпрянуть от неё, неустрашимой и невинной. А если нет — трое погибнут! Как бы то ни было, один из них обречён.

Молча, неосознанно, я переступил через линии треугольников, начерченных на земле и давно уже погасших, и направился к границе круга. Я приближался, а сверху нёсся шум множества крыльев. Птицы поспешно устремились прочь из горящего леса с криками ужаса, как будто летя в спасительные горы. У моих ног скользили и шипели змеи, изгнанные из своих пылающих огнём лесных чащ, и они ползли в круг, минуя погасшие лампы, утратившие своё значение. И все они, шипящие, волнующиеся под моими ногами, со сверкающими глазами, сделались безвредными от страха, что испытывали. Даже ужасная смертоносная гадюка, когда я наступил на неё, остановившись у границы круга, не извернулась, чтобы укусить меня, а уползла прочь, не причинив мне вреда. Я остановился у разрыва, между двух потухших ламп и решил снова заглянуть в хрустальный сосуд. Неужели в нём на самом деле не осталось ни одной капли, хотя бы для того, чтобы поддержать свет в лампах ещё в течение нескольких бесценных минут? И в этот самый момент брешь в круге, как раз между двух потухших ламп пересекла гигантская Ступня. Вся остальная часть фигуры была невидна. От горящей позади меня земли дым валил вовсю, и казалось, что как будто из огромного столба пара, кружащегося и поднимавшегося вверх из круга, появилась эта самая гигантская Ступня. И в то же время послышался звук её шагов, глухие раскаты грома.

Я отшатнулся с криком, громко прозвучавшим в зловещем воздухе.

— Смелей! — послышался голос Аиши. — Дрожащая душа, не поддавайся ни на дюйм демону!

Под влиянием обаяния, удивительного обаяния голоса Женщины в Вуали, моя воля, казалось, приобрела силы, превышающие мои обычные. Я сложил руки на груди и стоял, как вкопанный, перед столбом дыма и гигантской Ступней. И Ступня остановилась.

Снова в кратковременной тишине послышался голос, на этот раз голос Маргрейва:

— Последний час истёк, работа завершена! Пойдём! пойдём! Помоги мне вытащить котёл из огня, и быстрее! Или капля превратится в пар. Живее Эликсир Жизни из котла!

При этом крике я сошёл со своего места, и Ступня продвинулась вперёд.

В то же мгновение, внезапно, неожиданно, что-то сзади толкнуло меня, и я свалился с ног. Надо мной вихрем проносились рога и копыта. Стада, покидающие объятые огнём пастбища, преодолели русло ручья, взобрались по его склонам. Храпя и мыча, они отчаянно рвались в горы. Один только дикий крик пронзал дым, сквозь который нёсся Ураган. В этом отчаянном и яростном крике я пытался подняться, но снова и снова рога и копыта отбрасывали меня на землю. Было ли это призрачным обманом моих расшатавшихся нервов или я на самом деле видел эту гигантскую Ступню, шагающую сквозь тесно сомкнутые ряды безумствующих животных? Действительно ли я слышал в громком шуме напуганных зверей глухие раскаты грома, сопровождавшие шаги Ступни?

ГЛАВА 88

Когда я оправился от шока и огляделся вокруг, атака зверей уже прекратилась. Из всех диких существ, вторгшихся в пределы магического круга, здесь оставалась только ядовитая гадюка, свернувшаяся кольцом на земле, рядом с моей головой. Недалеко от погасших ламп, разбросанных в беспорядке копытами животных, огонь, задержанный ручьём, пожирал траву, а дальше — раскинулись равнины, чёрные и пустынные, как Флегрейские поля¹⁵³. Огонь продолжал бушевать в лесу. Яркие пламенные языки взвивались из стволов высочайших деревьев и образовывали различимые в мрачном дыму бесчисленные адские огненные колонны.

Поднявшись, я отвёл взгляд от ужасающего лесного пожарища и в страхе посмотрел на истоптанную копытами землю, туда, где были мои спутники.

Я заметил мрачный силуэт Аиши. Она сидела, согнувшись, точно так же, как и в последний раз, когда я смотрел на неё. Я увидел бледную руку, слабо державшуюся за край магического котла, который валялся в стороне от тлеющих угольев, сброшенный со своего треножника во время бегства стада. Я различил немощную, корчившуюся фигуру, над которой склонялась Женщина в Вуали. Весь в синяках, я приблизился к ней и увидел рядом с губами умирающего колдуна сияние рубиновой жидкости, пролитой на землю и молниеносно впитывающейся вырванной травой.

Я подошёл к Маргрейву и наклонился над ним так же, как и Женщина в Вуали. А когда я попытался осторожно приподнять его, он повернул голову и озлоблённо, запинаясь, произнёс: «Не трогай меня, не смей меня грабить! У тебя есть доля? Нет! Нет! Эти бесценные капли — все до одной мои! И все остальные пусть сдохнут! Я буду жить! Я буду жить!» Вырываясь из моих рук, он приблизил лицо к чудесной жидкости, как будто бы, несмотря на то, что губы его были обожжены её нестерпимым жаром, он собирался вылакать её. И внезапно, с тихим, но пронзительным криком, он откинулся назад и обратил ко мне своё лицо, на котором властно воцарилась Смерть!

Тогда Аиша, молча, нежно положила его голову себе на колени и, наклонившись над ней, закрыла её своей чёрной вуалью.

Я опустился на колени рядом с ней, шепча обычные в таких случаях слова утешения, но она не обращала на меня внимания, раскачиваясь назад и вперёд, как мать, убаюкивающая своего ребёнка. Вскоре быстро угасающие искры пролитого эликсира исчезли в траве, и с их последним, дрожащим светом, со всей неожиданностью, присущей Австралии, вошло солнце, установив своё господство над горными вершинами, встав над пылающим лесом, как юный повелитель перед своими подданными. Там, где бушевал огонь, всё превратилось в пустыню, а там, куда не прорвалось его бешенство, был цветущий сад. Вдали, у подножия гор, паслись сбежавшие стада. Журавли, державшиеся стаями, вновь стали демонстрировать великолепие своих прыжков. Целый птичий хор приветствовал утро, которое в Европе является ночью. И этим хором руководил зимородок, со своим наполовину весёлым, наполовину передразнивающим смехом, смело сидя на самом верху пещеры, пол которой всё также был устлан

¹⁵³ Флегрейские поля — вулканический район в Италии к северо-западу от Неаполя.

костями существ, живших задолго до того, как появился Человек, — таких беспомощных в своих инстинктах, таких царственных в своём Духе!

А там, на земле, где пролился чудодейственный эликсир, травы уже шелестели свежей зеленью посреди блёклого газона вокруг, как зелёный оазис посреди пустыни. Дикорастущие цветы, едва различимые за день до этого, сейчас стояли с распутившимися бутонами несказанной красоты. По направлению к этому месту летели тысячи насекомых, чьё громкое весёлое жужжание было невероятно музыкальным. Но тело колдуна, страстно искавшего жизни, лежало неподвижное, окоченевшее, слепое к цветению диких растений, глухое к веселью насекомых. Лицо всё ещё было закрыто Чёрным Покрывалом. Рука всё ещё держалась за край пустого котла. Почему? Чудесный эликсир, который искали с такой надеждой и который был получен через преодоление ужасного кошмара, впитался в землю, что дала материал для его изготовления, и подарил цветение — только травам, радость — только насекомым!

И сейчас при лучах солнца по направлению к кругу, вверх по косоугору, потянулась восточная процессия, которая спустилась с него в долину ночью, при лунном свете. Вооружённые люди пришли первыми, их оружие весело отсвечивало серебром. После них показался Чёрный Паланкин. Когда все собрались, Аиша, не поднимая головы, заговорила с ними на своём восточном языке. Вой был ей ответом. Вооружённые люди подошли ближе, носильщики оставили паланкин.

Все окружили мёртвое тело Маргрейва, лицо которого скрывало чёрное покрывало. Все преклонили колени и зарыдали. В отдалении, у подножия синих гор, словно из-под земли появилось дикое племя, целая толпа аборигенов. Все они стояли безмолвно, опираясь на свои дубины и копья, и смотрели по направлению к тому месту, где мы находились. По странному стечению обстоятельств оказавшись сейчас здесь, они, — дикие обитатели границы, отделяющей Человека от животного, — как будто были среди скорбящих по загадочному Сыну загадочной Природы! И всё так же в траве жужжали крохотные насекомые, всё так же со стороны пещеры доносился смех зимородка. Я сказал Аише:

— Прощайте! Ваша любовь оплакивает мёртвого, моя — зовёт меня к живому. Сейчас вы со своим народом, он может вас утешить. Но, быть может, я могу чем-нибудь помочь вам?

— Нет мне утешения! Кому под силу меня утешить, если смертный умер навсегда? Ничего не осталось для него, только могила. И она будет в том краю, где песня Аиши когда-то убаюкивала его. Ты поможешь Мне? Ты, мудрец из Европы? *У меня* проси помощи. Какой дорогой ты отправишься к себе домой?

— Есть только одна известная мне дорога, та, что привела нас сюда, на это плоскогорье.

— На ней затаилась Смерть, она подстерегает тебя! Простофиля, как ты мог думать, что в случае, если будет получена величайшая тайна жизни, он, чья голова покоится на моих коленях, уступит тебе хотя бы жалкую каплю эликсира, каплю, которая отнимет у него мгновение жизни? Меня, что так его любила и лелеяла, меня он приказал бы задушить верёвкой моему слуге, Душителю, если бы моя смерть могла продлить хоть сколько-нибудь его существование. Но какое значение имеет для меня, преступник он или безумец? Я любила его! Я любила его!

Она склоняла свою голову всё ниже и ниже, и, возможно, под чёрным покрывалом её губы целовали губы мертвеца. А потом она прошептала:

— Душитель, тот, кто никогда не смел ослушаться своего хозяина, тот, чьим жертвам никогда не удавалось избежать его ловушек, поджидает тебя на пути к дому! Но теперь твоя смерть уже не имеет никакой ценности для мёртвого, для моего любимого. Ты пожалел его, а он решил воспользоваться твоей помощью и потом убить. Его жизнь закончилась, твоя жизнь спасена.

Больше она не говорила ничего, что я мог бы понять. Приглушённым голосом она только произнесла на своём восточном языке несколько слов сопровождающим. При этом вооружённые люди, всё ещё рыдая, поднялись и дали мне знак идти с ними. По этому знаку я понял, что Аиша сказала им, чтобы они проводили меня. И перед тем, как уйти, я поблагодарил её, но она мне не ответила.

ГЛАВА 89

Я спустился в долину в сопровождении вооружённых людей. Дорога по эту сторону ручья не была тронута огнём и петляла среди зелёных лугов и рощ. И на одном из её поворотов моим глазам представало место, что я только что покинул, и я заметил, как чёрный паланкин медленно перемещался вниз по склону. Занавески его были задёрнуты, и Женщина шла рядом с ним. Но вскоре траурная процессия скрылась с моих глаз, и мысли, вызванные ею, исчезли. Мысли в человеческом мозгу — как морские волны, насакивающие друг на друга и выбрасывающие после бури с глубины на поверхность обломки корабля. И одна мысль была сильнее всех остальных: «Жива ли ещё моя Лилиан?» Эта мысль поглотила

меня, и я, подгоняемый мучительным нетерпением сердца, обогнал своих медлительных спутников и, находясь на большом от них расстоянии, на полпути между местом, что я оставил, и домом, куда спешил, вошёл в ту самую чашу, в которой мне однажды преградили путь аборигены, когда ночью я торопился домой, где ждала меня Лилиан. Земля под моими ногами изобиловала ползучими растениями и разноцветными цветами, небо над головой наполовину закрывали верхушки неподвижных сосен. Внезапно, словно выскользнув из-за травы или спрыгнув с дерева, рядом со мной оказалась одетая в белое тощая фигура — слуга Аиши, Душитель.

Испугавшись, я отскочил от него, но потом остановился и встал к нему лицом. Отвратительное существо подкралось ко мне, раболепствуя и подхалимничая, делая знаки, выражающие расположение и почтение. Снова я отшатнулся, с гневом, ненавистью, и побежал в сторону дома. Я думал, мне удастся избежать погони, когда в самом конце чащи он спрыгнул с ветки дерева прямо у меня за спиной. Прежде чем я успел повернуться, что-то тёмное взметнулось перед моими глазами, и я почувствовал, как мне сильно сдавило горло. Но Аиша ведь предупреждала меня. Одной рукой я быстро ухватился за петлю, пока она не затянулась слишком туго, другой — сорвал с себя наброшенную повязку и, извернувшись лицом к подлому врагу, свалил его одним ударом ноги. Его рука, когда он падал, продолжала удерживать петлю. Я освободился из неё и выскочил из чащи на залитую солнцем равнину. Больше я не видел ни вооружённых людей, ни Душителя. С колотящимся сердцем, запыхавшийся, я остановился, наконец, у изгороди, увитой цветами, что отделяла мой дом от пустынных земель.

Окна в комнате Лилиан были занавешены. В доме, казалось, царила тишина.

Унылый и безмолвный Дом, посреди света и звуков начавшегося дня! Оставалась ли ещё в целом мире хоть какая-нибудь надежда для меня? Всё, что давало мне последнюю Надежду, растворилось бесследно! Общепризнанная наука ничем не могла мне помочь! И оказалось бесполезным отважное вторжение в неизученные сферы, напрасным — многолетний опыт врача и искусство магии несчастного колдуна! Я сбежал от общепринятых учений Природы, чтобы погрузиться в изучение чудес её Страны теней. Сделавшись храбрым от любви и надежды, я бесстрашно противостоял ужасному демону, и, когда надежда уже готова была осуществиться, был втоптан в землю копытами зверей! Но тогда я отвергал, как мысль, более нелепую, чем слово колдуна, надежду, которую старик и девочка, мудрец и несмышлёное дитя, черпали из своих душ. Злодей оказался бессильным и обманул ум, не подлый, не бесталанный, не трусливый, и обманул сердце, не слабое и эгоистичное, не глухое к героическим порывам, а готовое проливать каждую каплю своей крови ради более дорогого и ценного, чем животная жизнь ради самого себя! Что осталось, что осталось для человеческой надежды? Человеческий ум и человеческое сердце были опустошены, не приведя ни к чему, только к отчаянию! Что оставалось, кроме тайны тайн, такой ясной на рассвете человеческой жизни и на её закате, но затемнённой собравшимися вокруг тучами в её полдень? В чём ещё можно было отыскать Надежду? В душе, в ежедневном порыве умолять Создателя об утешении и свете, когда сердце страдает, а ум омрачён.

И тогда слова Аиши пронеслись в моей памяти: «Как можно утешить скорбящего, если смертный умер навсегда?» Этот ужасный вопрос взволновал всё моё существо. Вся Природа вокруг, казалось, повторяла его. И внезапно, словно вспышка молнии, великая истина из великих размышлений Фабера осветила меня и всё вокруг. На вопрос «Может ли смертный умереть навсегда?» инстинкт подскажет ответ, и это и есть ответ Бога человеку! Ни один инстинкт не даётся напрасно.

Инстинкт ведёт душу от видимого к невидимому, от временного к вечному, от потока, бегущего стремительно по направлению в Океану Смерти, — к источнику самого этого потока, к тому, что стоит несравненно выше Океана.

«Познай самого себя, — говорила в древности Пифия. — Это указание исходит с Небес». Познай самого себя! Это и есть основа мудрости? Если так, познай свою душу. Никогда ещё человек не приходил к полной убеждённости в существовании души иначе, чем через признание жизненной необходимости молитвы. И в благоговении, в восторженности мои мысли как будто расширились, просветлели. Я молился — вся моя душа, казалось, превратилась в одну молитву. Я словно увидел себя раскаивающимся, коленопреклонённым у придорожного креста, просящим прощение за своё прошлое, свою гордость, самонадеянность и безрассудное поведение. И сейчас от уверенности, исходящей из глубины души, впервые обнаруженной мной в себе, от уверенности в том, что смертный не умирает навсегда, моя человеческая любовь воспарила высоко над всеми испытаниями ужаса и печали. Не осмеливаясь просить у мудрости Небес о том, чтобы моя Лилиан ради меня не покинула сейчас землю, я молился о том, чтобы моя душа была готова вынести в смирении всё, что бы ни послал ей Создатель, и о том, чтобы, — в случае, если я переживу Лилиан, без которой ни один луч земного солнца не обратится для меня в ра-

дось, — так направлять мои шаги, чтобы мы с ней могли воссоединиться и, воссоединившись, быть вместе навсегда!

Какой незначительной представлялась мне теперь странная загадка, незадолго до этого момента облачённая в таинственность! Какое она имела сейчас значение, когда я ясно осознал существование Души и Посмертной жизни? Какое имело значение, затемняли или нет мои собственные ощущения лицо Природы, с которой однажды я должен был слиться как дух? Несомненно, видения и звуки, преследовавшие меня этой мрачной ночью, при спокойной рассудительности Фабера лишились бы своей магической таинственности. Глаза в пространстве и Ступня в круге могли принадлежать не ужасным демонам, а всего лишь тем аборигенам, которых я видел при свете утра, стоящим в отдалении, любопытным, безмолвным. Дрожание земли (если оно было на самом деле, а не объяснялось предательским восприятием моих нервов) могло быть следствием естественных процессов, протекающих в недрах земли и, несомненно, связанных с вулканами. Светящиеся атомы, растворённые в котле, могли содержать в себе жизненный эликсир в том же количестве, что и лигроин или фосфор. Как бы то ни было, сверхъестественный обряд не возымел магического результата. Маг не смог спасти свою жизнь. И по тем же естественным причинам, по которым угасала искра жизни в хрупких глиняных лампах, он покинул этот мир и лежал сейчас под чёрным покрывалом.

Какое имело значение для Веры, величественной в своих вопросах и ответах, Разум ли Фабера, моё ли Воображение предлагали более правдивое объяснение иероглифа, который, будучи правильно расшифрованным, оказывался всего лишь незначительной частью мистического языка Природы? Если бы все примеры воздействия магии, описанные в Преданиях, были бы подтверждены фактами, которые Мудрецы склонны были бы признать, то рано или поздно они нашли бы причину подобных чудес, и совсем не в сверхъестественном. Но какой Мудрец может объяснить чем-то ещё, а не сверхъестественным, такие чудеса, как рост травы или оттенки цвета на крыле насекомого? Всё, чего может достигнуть Человек с течением времени, человеческий рассудок может объяснить. Но чудеса Бога? Они относятся к Беспредельности, к Бессмертному! И когда твой дух освободится от плоти и соединится с вечностью, эти чудеса будут происходить снова и снова.

Я поднял голову, и мой взгляд остановился на фигуре, стоявшей на пороге моего дома у открытой двери. Там однажды ночью, когда началась мучительная борьба Лилиан за жизнь и память, я различил в неверном сиянии убывающей луны, в туманном рассвете, — Светящуюся Тень. А сейчас на этом пороге с сияющим солнечным ореолом вокруг светлых локонов стояла Эми, благословенный ребёнок! И когда, подходя всё ближе и ближе к безмолвному дому, я вглядывался в этот Образ Мира, я чувствовал, что сама Надежда встречает меня у двери дома — Надежда в устремлённом на меня детском взгляде, Надежда в приветливой улыбке!

— Я ждала тебя, — прошептала Эми. — Всё хорошо.

— Она всё ещё жива, она жива! Благодарю тебя, Господи! Благодарю тебя!

— Она жива, она поправится! — послышался другой голос, и я склонил голову на плечо Фабера. — Ночью, в течение нескольких часов, её сон был беспокоен, тело содрогалось от судорог. Тогда я боялся самого худшего. Но внезапно, незадолго до рассвета, она произнесла вслух, всё ещё во сне: «Холодная и мрачная тень ушла прочь от меня и от Алена, ушла от нас обоих навсегда!» И с этого момента её жар прошёл, дыхание и пульс стали ровными, а к её щекам постепенно вернулся румянец. Кризис миновал. Милостивый Создатель позволил Природе восстановить силы твоей кроткой спутнице жизни. Сердце к сердцу, мысль к мысли...

— И душа к душе! — вскричал я в торжествующей радости. — На небе и на земле, душа к душе!

Фабер дал знак, и девочка, взяв меня за руку, проводила вверх по лестнице в комнату Лилиан.

И там — те же нежные руки обняли меня в проявлении священной любви, те же губы осушили мои слёзы. И сейчас, спустя годы с того счастливого утра, сейчас, когда я дописываю последние слова этой «Странной истории», те же ласковые руки обнимают меня, те же нежные губы осушают мои слёзы.

КОНЕЦ

«СТРАННАЯ ИСТОРИЯ». ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ

(в скобках указаны номера глав, из которых взяты афоризмы)

1. Разве неразумно признать, что мы верим в Бога, не потому, что Природа скрывает Его, а по причине Сверхъестественного в Человеке, — причине, которая одна обнаруживает и доказывает Его существование? (Предисловие)

2. Автор, пишущий беллетристику, должен быть до конца искренним, как если бы он писал о самых настоящих фактах. Ни одна самая невероятная вымышленная история не сможет пробудить и поддерживать интерес у слушателя, даже самого нетребовательного, если рассказчик не верит в то, о чём говорит. (Предисловие)

3. Работа в большом городе не является необходимым условием для общественного признания. (1)

4. Бескорыстие и честность, достигнутые прилежанием и талантом, всегда располагают к себе людей. (1)

5. Зависть окружающих обычно отравляет жизнь и препятствует достижению успеха. (1)

6. Очень часто в жизни мы боимся осуждения со стороны других людей, поэтому очень важно в жизни быть уверенными, что мы правы. (1)

7. Истина и возраст вместе являются парадоксом, так как в науке на самом деле старшими являются молодые люди, потому что они обучались в то время, когда наука уже продвинулась далеко вперёд, тогда как старшее поколение было ограничено догмами, существовавшими десятилетия назад. (1)

8. Всем своим знанием мы обязаны Природе и можем обучаться, только постигая её уроки. Тем самым она подталкивает нас к развитию нашего искусства рассуждать. (1)

9. В работе — благородство является основой для самоуважения и заставляет других относиться к тебе с уважением и доверием. (1)

10. Поэты могут быть помешанными, это не так страшно. Но сумасшедшие врачи представляют опасность. (2)

11. Честные люди каждый день подвергаются насмешкам со стороны окружающих, если они сами от недостатка здравого смысла делают из себя посмешище. (3)

12. Жизнь — это игра, в которой в большей степени нужно рассчитывать на своё мастерство, чем на счастливую случайность. (3)

13. Фортуна не так уж слепа: она никогда не одарит богатством и славой слабого, невежественного, ленивого человека, но обязательно улыбнётся человеку труда и знания. (3)

14. Как неизмеримо далеко и в то же время как близко от мира, в котором мы живём и развиваемся, есть волшебная страна, разворачивающаяся перед нами из самого сердца земли, когда Любовь впервые осторожно подкрадывается к нашей двери, разгораясь всё ярче! (4)

15. Любопытство — сильнейший порок общества. (6)

16. Брак, по любви или нет, — серьёзная вещь для всех нас. (7)

17. При свете луны все предметы чудесно сливаются в гармонии, в то время как в лучах солнца они резко контрастируют друг с другом. (7)

18. Люди, берущие на себя обязанность управлять другими, должны принимать законы управления и придерживаться их. (7)

19. Так как знание — сила, то нет лучшего способа приручить непокорного подданного, чем проникнуть в тайну его сердца. (7)

20. Для истинного врача в палате больного есть что-то невыразимое. На её пороге все человеческие страсти оставляют его сердце. В нём не должно быть ни любви, ни горя. Он должен войти в комнату с холодной головой. Он не способен выполнять свою миссию, если позволяет кому-то затемнять свою науку. Старость или юность, красота или уродство, невинность или виновность — все различия должны исчезнуть для него, и он должен помнить только об одном — о человеческом страдании, вызывающем к его мастерству. (10)

21. Горе семье, в которую пришёл целитель, не чувствующий в себе священных обязанностей своего искусства! (10)

22. Луна отделилась от Земли, чтобы издали управлять приливами и отливами, так же, как любовь, отделившаяся от любви, руководит сердцем, которое согласно таинственному закону к ней стремится. (10)

23. Власть и средства к существованию человек получает, помогая другим. Славу и женское сердце он может получить благодаря себе. (11)

24. Преимущества человека не должны определяться его происхождением. (12)

25. Лучше быть несчастным с тем, кого мы любим, чем быть счастливым с нелюбимым. (12)

26. Как мало люди знают нас! И как мало, возможно, мы знаем самих себя! (13)

27. Жена молодого врача не может быть его постоянным пациентом. Чем больше он будет любить её и чем больше она будет достойна его любви, тем больше её состояние здоровья будет беспокоить его, где бы он ни находился. Когда он будет возвращаться домой, там его будут ждать больной, о котором он больше всего тревожится, и мучительное беспокойство. (13)

28. Плох тот врач, кто не может твёрдо настоять на своём. (14)

29. Характерная черта юности — размышлять о ранней смерти. (14)

30. Надежда — вот что является естественной поддержкой организму. (14)

31. Природа сделает больше, чем все наши лекарства. До сих пор вы боялись Природы, теперь доверьтесь ей. (14)

32. Перемена лиц вокруг часто оказывает целебное воздействие, как смена обстановки. (14)

33. Муки ревности неотделимы от тех ранних стадий любви, когда влюблённый ещё не уверен в том, что он любим. (15)

34. В это божественное время, когда страсть человека ещё является его тайной, когда мысли о совершенстве и чистоте, неясные и ускользающие прежде, становятся всё более ощутимыми и концентрируются вокруг одной непорочной фигуры, высоко стоящей над всеми остальными живыми существами, — одна только мысль, что этот образец красоты и целомудрия выбирает его одного из миллионов, облагораживает и возвышает его самого! (15)

35. Даже светские женщины обычно принимают во внимание интересы своих детей и не действуют легкомысленно в тех случаях, когда затрагиваются эти интересы, особенно, когда на карту поставлена их жизнь. (16)

36. У любви нет календаря. (16)

37. У многих женщин любовь рождается в тот момент, когда они узнают, что их любят. (16)

38. Нельзя вернуть упущенное время. (16)

39. Какая насмешка содержится в великом слове — Свобода! Кто не знал такого периода в жизни, настолько важного, что он мог оказать влияние на всю дальнейшую жизнь, когда одно человеческое существо имеет над ним безграничную власть и когда его положение сравнимо с восточным рабством, преклоняющимся перед короной и скипетром? Какая вершина так высока, что не может покориться? Есть ли сердце, настолько бесстрашное, что оно не дрожало, произнося слова, от которых зависит восторг или отчаяние! Только одинокая жизнь свободна. И её мы утрачиваем, когда любим! (16)

40. Каждый человек нуждается в ком-то. (17)

41. То, что для Азии является истиной, обычно в Европе презирают, как фантазию. (22)

42. Быть застреленным на дуэли, конечно, нелепо, но быть осмеянным — ещё хуже. (22)

43. Многие стараются, насколько это возможно, отдалить тот момент, когда их личные дела станут темой сплетен. Но иногда сплетня может стать лучшим способом защиты. Пока девушка свободна, её суженый должен опасаться соперников. Объявите о помолвке, и соперники будут предупреждены. (22)

44. Здоровье само по себе является наслаждением и распространяет вокруг себя, подобно атмосфере, невинное веселье и счастье от сознания бытия. (23)

45. Вам не жаль глупца, который предпочитает лежать в кровати и спать, а не жить? (24)
46. В большинстве случаев лучшее лекарство от болезни — поменьше иметь дело с больными, чем поддерживать и стимулировать весь организм лекарствами, то есть дать возможность самой Природе излечить болезнь и восстановить нарушенное равновесие. (24)
47. Никогда нельзя долго спорить. (24)
48. Даже человеконенавистник, озлоблённый несправедливостью и горем, способен измениться и относиться с нежностью хотя бы к собаке. (24)
49. При недомоганиях, от самых лёгких до тяжелейших, нет ничего лучше, как оставить Природу в покое и предоставить ей возможность применить свои собственные средства для лечения. (24)
50. Знания — крыло, поднимающее нас к небу. (26)
51. Общим у поэтов и молодости является стремление идеализировать жизнь. (26)
52. Ни один здоровый человек не любит алкоголь. (26)
53. Ни одно животное, за исключением человека, не предпочитает вино воде. (26)
54. Тот, кто обладает истинным светом, знает, как управлять им, как использовать, и он способен узнать всё, что желает, относительно своей жизни. Он будет предупреждён о всякой опасности, ему помогут её избежать. (26)
55. Девушка очень редко бывает уверена, что любит, до тех пор, пока не убеждена, что любима. (27)
56. Постскрипумы известны своей многозначительностью. (27)
57. В изучении истины общение с людьми, близкими по духу, есть необходимое условие для серьёзного исследователя. (31)
58. Вера, которая сдвинет с места горы, может излечить от болезни. (31)
59. Если вы не можете различить сущность мозга и сущность души, я не знаю, каким способом вы придёте к заключению, что душа бессмертна. (31)
60. Практически все известные нам вещества в природе могут находиться в трёх различных состояниях — твёрдом, жидком и газообразном. Эти состояния зависят от их температуры. Одно и то же вещество в один момент времени может быть жидким, в другой момент — твёрдым, а ещё — газообразным. Вода, что течёт перед вами, может превратиться в лёд или пар. То же самое и с человеком, и его три состояния — это животное, ментальное и духовное. И в зависимости от того, насколько человек раскрыл в себе оккультные силы, действующие в мире, которые наука ещё не может объяснить, измерить и понять, одно из этих трёх состояний является преобладающим. (31)
61. Умы, самые лучшие, и души, самые чистые, могут впасть в бездействие, свойственное фаталистам, если они испытывают сковывающий их страх перед мрачной тенью будущего. (31)
62. Человек совершенствуется во имя будущего. (32)
63. Шарлатан может научиться многому у дервиша, но дервиш ничему не сможет научиться у шарлатана. (33)
64. Любопытство — страшный искуситель. (34)
65. Жизнь изменчива. Кто может быть уверен в завтрашнем дне? (35)
66. Есть такой период в любви, когда все мужчины — поэты, однако бедность их языка может противоречить жару их мечтаний. (37)
67. Неудовлетворённость от нахождения на земле является характерным свойством души. (39)
68. Гармония управляет Мирозданием. (39)
69. Тёмная магия есть злоупотребление знанием, самое подлое из всех возможных злоупотреблений. (39)
70. Гибель тем страшнее, чем дольше пребывание на земле, привязанное к развращённому уму и страстям. (39)

71. Непомерно долго удерживать душу в брэнном теле — жалкая участь. (39)
72. Когда смертный преднамеренно вступает в союз со злыми духами, он сдаёт свою крепость врагам. (39)
73. То, что поначалу пугает нас, позже перестаёт быть таким ужасным. (40)
74. То, что вокруг мужчины может быть только сплетней, вокруг женщины обернётся скандалом. (43)
75. В Природе не может не существовать законов, Творение не есть Хаос. (44)
76. Больное воображение подобно кривым зеркалам. (45)
77. Тайны не обязательно есть чудо. (45)
78. Там, где есть Знание, Удивительное отступает, но там, где Знание колеблется, Удивительное выступает вперёд. (45)
79. Человеческий ум может изменять свои суждения в соответствии с движениями сердца. (46)
80. Окажись я на краю Вселенной, то есть на сфере неподвижных звёзд, мог бы я вытянуть вовне руку или палку в ней? Допущение, что не мог бы вытянуть, нелепо. Но если вытяну, тогда то, что вовне, окажется либо телом, либо местом (что совершенно безразлично). Таким образом, сколько раз не допускай границу Вселенной, всякий раз мы будем аналогичным образом подходить к ней и задавать тот же самый вопрос. *Классический довод в пользу бесконечности Вселенной, принадлежащий Архиту.* (46)
81. Чудесную мысль о существовании сверхъестественной Силы (которую ребёнок никогда не видел и которую ему не может обозначить и объяснить никакой, даже самый мудрый мудрец), Силы, которая, тем не менее, охраняет его, слышит его, видит его, проведёт через могилу и позволит ему жить вечно, это таинство Божественности и Души ребёнок познаёт с лёгкостью, при первом же появлении возможности рассуждать. (46)
82. Простое равновесие способностей и функций организма есть условие здоровья. (46)
83. Твой Создатель определил тебе место испытаний, и оно не на звёздах, а ниже. (46)
84. Проходя своё испытание на земле, человек должен осознать необходимость развития духовности. (46)
85. Помощь молитвы — в восстановлении равновесия. (46)
86. Если бы молитва была бесполезна, если бы она была всего лишь простым заблуждением суеверной фантазии, могла ли бы она тогда существовать в Природе? (46)
87. Связь между человеком и его Создателем, эта связь между жизнью здесь и жизнью после смерти, становится возможной только благодаря Духу. (46)
88. В Природе нет ничего ненужного. (46)
89. У человека есть душа, которая стремится общаться с Вечным, как со своим Первоисточником. (46)
90. Истина, представляющая ценность для мира, никогда не исчезнет. (46)
91. Я бы согласился скорее прочитать банальнейшую проповедь или написать бездарнейшую поэму, в которой бы рассказывалось о бессмертном существовании души, которую нельзя ни постичь, ни обнаружить с помощью скальпеля, чем стать основателем вреднейшей школы или автором сочинения, которое отняло бы у моих последователей веру в существование души, которой не страшен могильщик. (46)
92. Бессмертное существование души нельзя обнаружить с помощью скальпеля. (46)
93. У души есть потребность в отдыхе, в спасении не только от тела, но даже и от ума. Человек высочайшего интеллекта будет испытывать моменты, когда интеллект не просто изнурит его, но когда среди его первоначальных представлений и выдающихся достижений найдётся место банальному. И тогда, вглядываясь в пространство, он перестанет думать о проблемах и предастся мечтательности, не отличающейся ничем от мечтательности невинного ребёнка! У души долгий путь в вечности. На это требуются часы созерцания. Созерцание безмятежно. (48)

94. Природа — великий разрушитель. Смотрите, что за прелестная птица! А в её клюве корчится червяк. Все дети Природы живут, чтобы забрать жизнь. И нет никого, кто преуспел бы в этом больше человека. (49)

95. Какой хищник может оказаться страшнее человека, более жестоким и более подлым? (49)

96. Природа, на поверхности такая любящая и нежная, полна ужаса в своих глубинах, когда наша мысль спускается в их пропасть! (49)

97. Лучше нанять хорошего мастера, чем сделать плохо самому. (50)

98. Если во вселенной можно обнаружить какой-либо творческий принцип, он будет геометрическим. (50)

99. Каждый раз, когда в нашей повседневной жизни происходит нечто поразительное, нарушающее привычное течение мысли, жизнь торопится похоронить в своих песках то, что потревожило их поверхность. И удивительно то, как быстро все эти феномены, ещё не совсем забытые и которые вспоминаются нам (причём так живо), мы стираем из своей памяти, как будто выбрасываем в комнату, заваленную рухлядью, костыли и шины, напоминающие нам о некогда больной части тела, которая теперь восстановила свою силу. (53)

100. Нашей характерной особенностью является то, с какой быстротой мы забываем о физической боли, как только она проходит, как быстро наш рассудок стремится избавиться от воспоминаний, стереть их. (53)

101. Наша текущая жизнь подобна реке с быстрым течением в середине своего русла, в то же время все составляющие её потоки относительно медленны на глубине и по берегам. И, следовательно, тот, кто плывёт по течению общества, как и тот, кто плывёт по течению реки, торопится скорее выбраться на середину потока, а тот, кто плывёт против течения, оказывается прибитым к берегу. (53)

102. Позволь двум праздным языкам болтать о ком-нибудь, кто никогда не обижал их, и сплетня распространится, как огонь в американских прериях! (56)

103. Холодное и сосредоточенное чувство собственного достоинства делает добродетельного человека, заслуживающего уважения, непривлекательным, а человека без добродетелей — смешным. (57)

104. Галантный комплимент не всегда является предложением руки и сердца. (57)

105. Есть такая дружба, что сродни любви в своей ревности. (57)

106. Прекрасное лицо и восемнадцать лет способны околдовать умнейших из мужчин. (57)

107. Общество не часто бывает снисходительным, оно чаще смотрит на мотивы поступков, лежащие на поверхности. (57)

108. Какой невыразимо нежной и благоговейной становится Любовь, когда принимает на себя обязанности защитницы и делает своё сердце убежищем для любимой! (59)

109. Какая чудесная перемена совершается внутри нас, когда мы оставляем свои обязанности среди людей, раздосадованные, утомлённые, израненные, истерзанные заботами, сбитые с толку сомнениями в собственной мудрости, ужаленные гадюкой, живущей в городах, — Клеветой! Какая перемена совершается в нас, когда мы оказываемся в спокойном уединении Природы, в тех местах, что связаны с нашим счастливым детством. Когда мы возвращаемся с пыльных дорог изнурённой тяжким трудом зрелости к золотым дням нашей юности! (60)

110. Сердце любит тишину, и душа — созерцание, но ум нуждается в действии. (60)

111. Любовь наделяет любимого человека очарованием. (61)

112. Чтобы понять любую поэтическую натуру, нам необходимо остановить привычное течение жизни: в городе мы назовём их мечтателями, а на горной вершине почувствуем в них нечто большее. (61)

113. Отличительная черта Искусства — выражать бесконечно большее, чем оно выражает на первый взгляд, и такое выражение, проходя через мысль художника в сознание того, кто созерцает предмет искусства, открывает всё новые и новые слои мысли. Точно также лунная дорожка на воде, потревоженная случайным движением весла, порождает всё новые и новые волны света. (61)

114. Сознание перемены в отношениях ребёнка и родителя всегда внезапно проникает в сердце родителя в тот день, когда ребёнок находит новое сердце, к которому можно прикоснуться. (62)
115. Завистью или ненавистью обычно выбираются самые трусливые методы борьбы. (63)
116. Чувство справедливости живёт глубоко в человеческих сердцах и в обычное время не выходит на поверхность. (65)
117. Только невиновность может оказаться неподготовленной к позору. (65)
118. Ощущение сердечной привязанности к своим пациентам есть человеческая обязанность и счастливейший дар судьбы истинного врача. (65)
119. Врач, который, входя в комнату больного, ощущает что-то, что отвлекает его мысли от страданий человека, которому должен помочь, недостоин своего призвания. (65)
120. Позволь любому уму создать для себя иллюзорный мир, и все рассуждения, основанные на нём, станут ложными. Воображаемый мир исчезнет, как только мы сможем пробудить в себе устойчивый интерес к действительности. (65)
121. Молодой организм, полный энергии, скорее подчинится смерти, чем постоянному расстройству рассудка. (65)
122. Большое горе способно выявить ту силу привязанности, что скрыта во всех сердцах, способных любить других больше самих себя. (66)
123. Гроб имеет одни и те же границы, будь он обит бархатом и украшен гербами или нет. (67)
124. Обязанность, заключающаяся в освобождении мыслей от забот о других, о ком мы обязаны заботиться, часто освобождает тело от мучительных болей, а иногда, к удивлению даже самых опытных врачей, продлевает саму жизнь. (67)
125. Слабейшая зависть, вызванная нами, ранит нас сильнее любого демона. (67)
126. Когда романтическая, необыкновенная история заканчивается, уступая место печали, и Прекрасное скрывается из вида, привычные, реальные формы жизни, спрятанные на время, появляются снова, погружая нас в угрюмые воспоминания. (67)
127. Так утомительно отмечать изменения, происходящие внутри нас, что мы проявляем интерес к изменениям, что происходят вокруг. (67)
128. Когда ум занят, сердце может бездействовать. (67)
129. Умственное занятие может дать утешение. (68)
130. Крестьянин в минуты скорби находит утешение в вере. (69)
131. Любовь должна научить, что у человека есть душа, и в ней можно найти решение проблем, которые нельзя разрешить с помощью одного только тела или ума. (69)
132. Память и повторение — первейшие условия всего нашего знания. (70)
133. Воображение — способность, самая великолепная из всех, что наделяют человеческий мозг, поскольку она позволяет мысли творить. (71)
134. Позор — самое мучительное из всех человеческих ощущений в понимании людей. (71)
135. Гипотеза, рождённая в сомнении, так мало заслуживает внимания. (71)
136. Каждый мысленный образ, облачённый в форму, созданную воображением, становится значимой сущностью. (71)
137. Человеческая воля обладает над рассудком и привычными, ежедневными поступками других людей, властью, несравнимо большей, а в состоянии неуравновешенности, несравнимо более опасной, чем власть магии. (71)
138. Самые высокие способности нашей природы — те, что требуют прекраснейшего равновесия, чтобы не сорваться с высоты и не обрушить стен, которые они венчают. (71)

139. Мечтателей, видящих яркие образы, можно сравнить с теми ангелами, которых Священные Писания представляют закрывающими свои глаза крыльями. (71)

140. Двери на небо открываются благодарности и молитве. (71)

141. У каждого из нас своя собственная природа и назначение, соответствующее особенностям этой самой природы. (71)

142. Польза посредственности — в повседневной жизни, а польза гения, совершающего тысячи ошибок, которых посредственность никогда и не встретит, — предложить миру и увековечить идеи, поднимающие ориентир для посредственности на более высокий уровень. (71)

143. Человеческий разум, что пьяница на лошади — подопри его с одной стороны, так он упадёт с другой. (71)

144. Человек, слишком просвещённый, чтобы верить в религию крестьянина, всегда склонен утвердить своё собственное безумное суеверие. (71)

145. Человек, у которого нет веры в религию, — это человек, у которого есть вера в кошмар. (71)

146. Человеческий дух наделён невидимой силой, выходящей за пределы земли и могилы. (71)

147. Воображение нельзя удержать от стремления к возможностям, таящимся за пределами плоти и текущего часа. (71)

148. Есть философы, которые не могли оставить миру ничего, кроме собственных заблуждений. (71)

149. Любовь с первого взгляда является невероятным чудом. (73)

150. Счастье для ума, даже возвышенного, заключается в том, чтобы находить радость в Действительности. (73)

151. Любовь способна понимать тогда, когда мудрость бессильна. (73)

152. Способность — активная сила, возможность — пассивная. (73)

153. Человек должен учиться улучшаться посредством обучения и наблюдений. (73)

154. Абсолютная устойчивость и абсолютная завершённость будут являться параличом любого исследования и, в конце концов, самым худшим бедствием для Человека, поскольку он в своём настоящем состоянии будет являться обладателем конечной, окончательной умозрительной истины, которую напрасно будет считать пределом своего счастья. (73)

155. Для любой способности есть место и возможность для проявления в настоящем или грядущем будущем. (73)

156. Силой молитвы сердце становится более крепким, чтобы противостоять печали, а ум — более спокойным пред сомнениями. (73)

157. Притворные удовольствия служат только тому, чтобы быстрее истощить жизнь. (74)

158. Наука сегодняшнего дня есть невежество завтрашнего! Каждый год какая-нибудь смелая догадка зажигает свет над истиной, которую всего только год назад учёные не видели, словно кроты. (75)

159. Я подобен ребёнку, что собирает голыши и раковины на песке, в то время как могучий океан Истины простирается передо мной непознанным! (75)

160. Можно освободиться от бесконечных болезней ума и тела, и даже, вероятно, от дряхлой старости, если знать достаточно о вызывающих их причинах и лекарствах, припасённых самой Природой. (75)

161. Ваше пребывание на земле ненадёжно: вы можете прожить ещё много лет, но в то же время можете быть призваны на небеса завтра же. Самый лучший способ принять ненадёжность со спокойствием как ваш единственный шанс на долголетие — так привести в порядок свои земные дела и так дисциплинировать свои человеческие переживания, чтобы всегда быть готовым покинуть этот мир без предупреждения. (75)

162. Лекарства могут облегчить страдания, но не могут излечить саму болезнь. (75)

163. Всякий раз, когда мы встречаемся с вещами, стоящими выше нашего понимания, и заходим в тупик, мы восстаём против Возможного, как против ощущений тех людей, кто не испытал то же, что и мы. (77)

164. Земля — часть того же мироздания, что и небо! (78)

165. Смертный человек должен пройти через испытания в мире смертных. (78)

166. Обычно даже те, кто страшился смерти, в большинстве своём смиренно покоряются её приходу, когда смерть становится видимой, выходит из теней, в которых её очертание только угадывалось, но не было заметно. (79)

167. Призвание врача заключается лишь в том, чтобы сохранить плоть от разложения. (79)

168. Будь готов к любому исходу. К мудрости через радость или к мудрости через горе. Жестокость невозможна для мудрости. Человек или человеческий закон могут быть мудры только в милосердии. Но то, что является милосердием для миллионов, может казаться жестокостью для кого-то. Но то, что для кого-то представляется жестокостью в тяжелейший момент жизни, может являться милосердием, если пронзать взглядом вечность. (79)

169. Только там, где химия земли или человека создаёт золото, может быть обнаружено вещество, из которого можно выделить необходимую пищу для жизни. (79)

170. Наука ничего не принимает на веру. Она знает только три состояния Ума — Отрицание, Убеждение и тот широкий интервал между первым и вторым, который не есть вера, но и не есть отрицание. (81)

171. Случайность, пустяковая, непредвиденная, может разрушить большие надежды в самый момент их осуществления. (82)

172. И у земли, и у неба есть свои воины. (86)

173. Мысли в человеческом мозгу — как морские волны, насакивающие друг на друга и выбрасывающие после бури с глубины на поверхность обломки корабля. (89)

174. Тайна тайн так ясна на рассвете человеческой жизни и на её закате, но затемнена собравшимися вокруг тучами в её полдень. (89)

175. Инстинкт ведёт душу от видимого к невидимому, от временного к вечному, от потока, бегущего стремительно по направлению в Океану Смерти, — к источнику самого этого потока, к тому, что стоит несравненно выше Океана. (89)

176. Познать самого себя! Это и есть основа мудрости. (89)

177. Смертный не умирает навсегда. (89)

178. Всё, чего может достигнуть Человек с течением времени, человеческий рассудок может объяснить. Но чудеса Бога? Они относятся к Беспредельности, к Бессмертному! И когда твой дух освободится от плоти и соединится с вечностью, эти чудеса будут происходить снова и снова. (89)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бульвер-Литтон Э. Призрак: Роман/ Пер. с англ.; Приложение Г. Пархоменко. — М.: А/О Издательство «Радуга», 1994. — 432 с.
2. Вашингтон П. Бабуин мадам Блаватской.
3. Мен де Биран: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
4. Кондиллак: <http://antikprints.ru/GR/author.php?id=189>
5. М. Монтень. Опыты: В 3 кн. Кн. 1-я и 2-я. — СПб: Кристалл, Респекс, 1998. — 960 с.
6. Советский энциклопедический словарь/ Гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1984.
7. Пюисегюр: <http://vocabulary.ru/dictionary/636/word/%CF%DE%C8%D1%C5%C3%DE%D0>
Ж. Годэн. Новый гипноз: глоссарий, принципы и метод. Введение в эриксоновскую гипнотерапию/Перев. с франц. С. К. Чернетского. — М., 2003.
8. Е. П. Блаватская. Теософский словарь. Изд. 2-е, исправленное. — М.: Издательство «Сфера» Российского Теософского Общества, 1994.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Около 53000 слов. Изд. 4-е, стереотип. М., 1997.
10. Фармакопоя: <http://www.medical-term.cosmonews.ru/abc/f/farmakopea.htm>
11. Булвер-Литтон Э. Последние дни Помпей: Роман / Пер. с англ. В. Хинкиса. Предисл. А. Нейхардта. Стихи в пер. Г. Кружкова — М.: Изд-во Эксмо, 2005.
12. Замаровский Войтех. Боги и герои античных сказаний: Словарь: Пер. с чеш. — М.: Республка, 1994.
13. Веникс: <http://biography.sgu.ru/ShowAuthor.php?var=321>
14. Трофоний: <http://www.slovopedia.com/16/210/1609361.html>
15. Невралгия тройничного нерва. В.А. Карлов, Кафедра нервных болезней, МГМСУ.
16. Биша: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/69609/%D0%91%D0%B8%D1%88%D0%B0>
17. Словарь иностранных слов. — 15-е изд., испр. — М.: Рус. яз., 1988.
18. Брайтон: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%80%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%BE%D0%BD>
19. Лес святого Леонарда: <http://krasividom.ru/267/>
20. Либих: <http://www.c-cafe.ru/days/bio/21/liebig.php>
21. Юм: http://www.ido.rudn.ru/psychology/history_of_psychology/biograf316.html
22. Итон: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/142646>
23. Дюбуа-Реймон: <http://referatzdes.ru/st.shtml?01053309>
24. Дюбуа-Реймон: <http://www.therapia.ru/slovar/228-63.htm>
25. Дюбуа-Реймон: <http://www.100and100.ru/?p=140>
26. Ван Гельмонт: <http://chemistry.narod.ru/persones/Helmont.html>
27. Стюарт: http://mirslovarei.com/content_fil/STJUART-STEWART-DUGALD-19686.html
28. Кир Великий: http://ashavan.narod.ru/zoroastrizm/mary_boyce/m_b_g15_2.htm
29. Катон: http://www.foxdesign.ru/aphorism/author/a_cato_major.html
30. Антиной: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00003/53500.htm>
31. Ямвлих: <http://slovari.yandex.ru/dict/lubker/article/3/lub-8107.htm>
32. Ямвлих: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D1%83%D1%80%D0%B3%D0%B8%D1%8F>
33. Ямвлих: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0>
34. Плотин: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00060/11100.htm>
35. Сведенборг: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%B3>
36. Геомантия: <http://elfheim.narod.ru/geomantia.html>
37. Эркер: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D1%80%D0%BA%D0%B5%D1%80>
38. Розенкрейц: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%86%D0%B5%D1%80%D1%8B>
39. Хамфри Дэви: http://ru.wikipedia.org/wiki/Humphry_Davy
40. Лавуазье:

<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B0%D0%B2%D1%83%D0%B0%D0%B7%D1%8C%D0%B5>

41. Лаплас: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B0%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD>
42. Бэкон:
http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%B8%D1%81_%D0%91%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD
43. Эразм: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z00000005/st005.shtml>
44. **Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида. В 2-х т. Т. I / Пер. с англ. К. Леонова, О. Колесникова. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. — 832 с. — (Библиотека мировой литературы).**
45. Жиль де Рец:
http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%96%D0%B8%D0%BB%D1%8C_%D0%B4%D0%B5_%D0%A0%D1%8D
46. Битти: <http://slovari.yandex.ru/dict/brokminor/article/6/6145.html>
47. Малибран: <http://www.belcanto.ru/malibran.html>
48. Гризи: <http://www.belcanto.ru/grisij.html>
49. Менай: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Менай>
50. Архит: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Архит>
51. Тифон: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Тифон>
52. Райхенбах: <http://www.awesta.sibirjak.ru/page.php?id=70>
53. Райхенбах: <http://doroga-istin.ru/index.php?topic=146.0>
54. Мюллер: <http://www.rustrening.ru/archives/348>
55. Декарт: <http://sukharev.lib.ru/Sakharov/Neurobiology.htm>
56. **Великие мысли великих людей. Антология афоризма: В 3-х томах. Том 1. Древний мир — Сост. А. П. Кондрашов. — М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 1998. — 512 с.**